КУРС ЛЕКЦИЙ

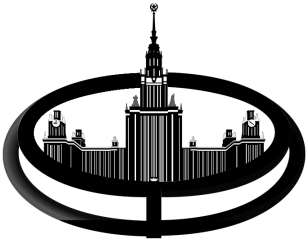
Социально-экономическая история России с древнейших времен до начала XXI в.

Под редакцией
А. Г. Худокормова,
Т. А. Дробышевской

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
Экономический факультет

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI в.

Курс лекций

Под редакцией
А.Г. Худокормова, Т.А. Дробышевской

Москва
2018

УДК 330.3
ББК 63.3(2)
С70

Авторский коллектив:
В.В. Дроздов, Т.А. Дробышевская, В.А. Погребинская, Н.А. Розинская, М.А. Слудковская, А.Г. Худокормов.

С70 **Социально-экономическая история России с древнейших времен до начала XXI в.** : курс лекций / под ред. А.Г. Худокормова, Т.А. Дробышевской. – М. : Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. – 480 с.

ISBN 978-5-906932-03-7

Курс лекций посвящен рассмотрению основных направлений социально-экономического развития России с древнейших времен до начала XXI в. Экономические реформы рассматриваются в контексте вызовов и возможностей, обусловленных структурой населения, социально-экономической ситуацией в стране, международной ситуацией, преемственностью политики государства в различные периоды истории России. Курс лекций соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования последнего поколения.

Рассчитано на бакалавров, магистров, аспирантов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей России.

УДК 330.3
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-906932-03-7

© Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....8

Лекция 1. Социально-экономическое развитие Древнерусского государства *(Н.А. Розинская)*.....9

Ресурсный базис Древней Руси.....9
Становление государственности Киевской Руси.....12
Социально-экономическое устройство государства Киевская Русь.....26
Упадок Киевской Руси.....32
Русь и монголо-татарское иго.....45

Лекция 2. Социально-экономическое развитие Московского княжества — Московского царства (1453–1613 гг.) *(Н.А. Розинская)*.....56

Начало централизации русских земель.....56
Социально-экономическое развитие во второй половине XV — первой половине XVI в.....68
Реформы середины XVI в.....77
Социально-экономический кризис конца XVI — начала XVII в. 86

Лекция 3. Формирование институциональных, экономических и идеологических предпосылок становления Российской империи *(Н.А. Розинская)*.....93

Становление российского общества.....93
Восстановление государства.....95
Боярство.....98
Служилые люди.....99
Посадское население.....102
Крестьяне.....104
Становление империи.....118

Лекция 4. Петровские реформы *(А.Г. Худокормов)*.....128

Лекция 5. Социально-экономическое развитие России в XVIII в. *(М.А. Слудковская)*.....139

Население России.....140

Сословная структура. Господствующий класс 142
Крепостничество 149
Сельское хозяйство 153
Крестьянское ремесло и мануфактурная промышленность 157
Развитие промышленности 159
Развитие торговли 164
Финансы, денежное обращение и кредит 166

Лекция 6. Хозяйственная эволюция России перед отменой крепостного права (1796–1861 гг.) *(В.А. Погребинская)* 170

Территория и население 170
Сословная структура общества. 171
Кризис системы крепостничества.
Прогресс и традиционность в развитии хозяйства 173
Кризис в сельском хозяйстве. Положение крестьянства 177
Развитие промышленности и изменение ее структуры 186
Торговля и первоначальное накопление капитала 193
Развитие транспорта 198
Финансовое положение и реформы Е.Ф. Канкрина 201

Лекция 7. Отмена крепостного права в России. Выкупные операции после 1861 г. *(А.Г. Худокормов)* 205

Особенности и содержание первого этапа крестьянской реформы 205
Уставная грамота и мировые посредники 207
Отрезки 208
Переход крестьян на выкуп 210

Лекция 8. Переход России к «современному типу роста» в конце XIX — начале XX в. *(В.А. Погребинская)* 213

Общая характеристика уровня развития 213
Население 214
Переход к «развитому» или «современному» типу роста 217
Железнодорожное строительство 220
Подъем 1890-х гг. Реформа Витте 225
Условия предвоенного подъема 1909–1913 гг.
Реформа П.А. Столыпина 227
Монополии и попытки антимонопольного и фабричного законодательства 231
Экспорт и импорт капитала 236
Экспорт 236
Импорт 236

Развитие внутреннего рынка ... 238
Внешняя торговля ... 238
Особенности финансовой системы России ... 239

Лекция 9. Экономика России в период Первой мировой войны и революций *(В.А. Погребинская)* ... 242

Политическая подготовка к войне ... 243
Экономическая подготовка к войне ... 244
Экономика России в годы войны ... 245
Промышленность ... 245
Сельское хозяйство ... 246
Финансы ... 247
Организация хозяйства в годы войны ... 248
Причины и последствия Февральской революции. Октябрьская революция ... 251

Лекция 10. Период военного коммунизма *(В.А. Погребинская)* ... 254

Истоки политики военного коммунизма ... 254
Сущность и мероприятия политики военного коммунизма ... 256
Теневая экономика ... 261
Последствия политики военного коммунизма ... 263

Лекция 11. Проблемы, достижения и противоречия нэпа (1921–1928 гг) *(В.А. Погребинская)* ... 268

Начало и сущность нэпа ... 268
Многоукладность хозяйства ... 270
Государственный капитализм ... 273
Этапы эволюции нэпа ... 275
Проблемы, достижения и противоречия нэпа ... 276
Темпы хозяйственного роста и изменения в структуре народного хозяйства ... 279
Начало форсированной индустриализации ... 283
Изменения в социальной структуре населения ... 285
Изменения в структуре управления ... 288
Теневая экономика ... 292

Лекция 12. Первые хозяйственные планы и дискуссии о вариантах индустриализации *(В.А. Погребинская)* ... 297

Лекция 13. Форсированное строительство государственного социализма в период довоенных пятилеток (1928–1941 гг.) *(Т.А. Дробышевская)* ... 312

Трудности с хлебозаготовками ... 312
Выбор модели индустриализации ... 313

Источники индустриализации ... 314
Переход к пятилетнему планированию. Первая пятилетка ... 315
Ведущие стройки первой пятилетки ... 315
Развитие электроэнергетики ... 316
Преобразование сельского хозяйства (коллективизация) ... 317
Коллективизация хозяйства в первой пятилетке ... 320
Управление. Налоговая и кредитная реформы ... 321
Итоги первой пятилетки ... 321
Капитальные вложения, темпы развития промышленности во второй пятилетке ... 322
Успехи тяжелой промышленности ... 322
Легкая и пищевая промышленность ... 323
Промышленность республик во второй пятилетке ... 323
Преодоление отставания транспорта ... 324
Коллективные хозяйства во второй пятилетке ... 325
Изменения в управлении ... 326
Итоги второй пятилетки ... 326
Особенности третьей пятилетки ... 326
Крупнейшие стройки третьей пятилетки ... 327
Научно-технический прогресс, механизация ... 327
Сдвиги в размещении промышленности ... 328
Развитие оборонной промышленности ... 328
Коллективные хозяйства в третьей пятилетке ... 329
Последствия коллективизации ... 330
Изменения в управлении ... 331
Труд и укрепление дисциплины ... 332
Роль ГУЛАГа ... 334
Итоги первых пятилеток ... 335

Лекция 14. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) *(Т.А. Дробышевская)* ... 338

Лекция 15. Восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства СССР (1946–1950) *(В.В. Дроздов)* ... 354

Лекция 16. Социально-экономическое развитие СССР в 1950-е — первой половине 1960-х гг. *(В.В. Дроздов)* ... 369

Общая характеристика периода ... 369
Преобразования, начатые Л.П. Берией ... 370
«Курс Маленкова» ... 371
Политика Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства ... 373
Развитие промышленности ... 380

Финансы и денежное обращение 385
Политика в области труда и заработной платы. Социальная политика 388
Итоги 391

Лекция 17. Советская экономика в 1960 — начале 1980-х гг. *(Т.А. Дробышевская)* 394

Хозяйственная реформа 1965 г. 394
Экономические реформы 1970-х гг. 402
Развитие системы планирования 405
Экономический эксперимент 1984 г. 407
Сельское хозяйство 409

Лекция 18. Экономическое развитие России на этапе перехода **к рыночной экономике (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.)** *(Т.А. Дробышевская)* 414

Перестройка 414
Попытка «шоковой терапии» 421
Реальный сектор экономики 425
Кризис 1998 г. 428
Развитие российской экономики в начале XXI в. 432

Лекция 19. Была ли альтернатива «либерализации» при переходе «от плана к рынку»? (О концепциях и программах рыночной реформы для России на рубеже 1980–1990-х гг.) *(Ю.Я. Ольсевич)* 440

Цели и методы «рыночной» реформы 440
Поэтапная ускоренная либерализация 448
Обоснование «шоковой терапии» экспертами МВФ 455
Организация конкурентных рынков (упущенная возможность бескризисного перехода к рынку) 468
Кому были нужны «великие потрясения»? 475

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию курс лекций является сокращенным и значительно переработанным вариантом трехтомной хрестоматии «Социально-экономическая история России», подготовленной на кафедре Истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова[1]. Главным отличием современного издания является сжатый и во многом облегченный вариант подачи материала. Если хрестоматия, содержащая в себе кроме лекций богатый статистический и справочный материал, а также специальные статьи, посвященные наиболее дискуссионным вопросам экономической истории нашей страны и демонстрирующие широкий спектр мнений, была ориентирована прежде всего на продвинутого читателя, желающего проверить свои гипотезы и углубить свои знания о развитии отечества, то основная задача предлагаемого курса лекций — вовлечение учащихся, студентов и аспирантов в сложный и интересный процесс познания экономической истории России.

Неоднозначность проблем истории экономики является отражением как сложности проблем, ее изучаемых, так и постоянного совершенствования методологических приемов нашей науки. Главный принцип нашей работы мы видим в осмыслении и использовании первоисточников, а также научных разработок отечественных и зарубежных авторов, как тех, что прошли проверку временем, так и тех, что находятся в центре современной научной дискуссии. *В предлагаемых лекциях экономические преобразования рассматриваются в контексте вызовов и возможностей, обусловленных структурой населения, социально-экономической ситуацией в стране, международной ситуацией, преемственностью политики государства в различные периоды истории России.*

В этой связи логическим завершением курса, на наш взгляд, выступает имеющая мемуарный характер лекция человека, принимавшего непосредственное участие в работе над обоснованием и планированием вариантов рыночных преобразований в России на рубеже 1980–1990-х гг. профессора Ю.Я. Ольсевича «Была ли альтернатива «либерализации» при переходе «от плана к рынку»? (О концепциях и программах рыночной реформы для России на рубеже 1980–1990-х гг.). К сожалению, профессор Ю.Я. Ольсевич ушел из жизни в 2016 году, и представленная лекция – дань памяти ученому и учителю.

Авторский коллектив выражает благодарность д.э.н., профессору А.Н. Марковой за огромную роль в написании лекции 13, посвященной форсированному строительству государственного социализма в период довоенных пятилеток.

Авторы выражают благодарность за техническую помощь Л.А. Халыковой и Е.Н. Кувшинниковой

---

[1] Социально-экономическая история России. Т. 1–3 (в 2-х частях). М., 2009–2014 гг.

ЛЕКЦИЯ 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Н.А. Розинская

Древнерусское государство — Киевская Русь — возникает во второй половине IX в. на территориях, принадлежащих на современном этапе таким государствам, как Россия, Украина и Белоруссия. На данных территориях с VI в. формировались отдельные государственные образования в форме княжеств или небольших городов-государств, которые в конце IX столетия объединяются властью единого правителя — великого князя.

Ресурсный базис Древней Руси

Где и когда началась история Руси — России? До сих пор у ученых нет общепринятого ответа на эти вопросы. Согласно наиболее распространенной точке зрения, Русь возникла в IX в. на территории, располагающейся вдоль торгового пути «из варяг в греки». Однако, например, В.О. Ключевский писал, что уже в VII–VIII вв. вдоль Днепра существовали города и отдельные княжества. Д.И. Иловайский и Г.В. Вернадский считали, что Русь появилась в VI–VII вв. в районе Крыма. В качестве первого русского государства они называют Тмутараканский каганат — государственное образование с центром в городе Тмутаракань в Крыму. Существуют и другие концепции. Видимо, при современном уровне знаний ответ на заданные вопросы может быть лишь довольно общим: русская государственность формируется в VII–IX вв. на территории Среднерусской равнины и Приазовья. Большую роль в ее формировании сыграли торговые пути, прежде всего речные.

Можно выделить основные факторы, влияющие на процесс формирования русского государства и русского народа: географический, климатический и геополитический. С географической точки зрения отличительной чертой Руси является однообразие ее ландшафтов. Практически на всем протяжении господствует одна форма — равнина. Это принципиально отличает Восточную Европу от Центральной и Западной, где

горные хребты разделяют пространства и можно наблюдать большое разнообразие форм поверхности. Среднерусская равнина, на которой появляется первое русское государство, тянется с севера на юг от Ледовитого океана до Черного и Каспийского морей и с запада на восток от Карпатских до Уральских гор.

Климатический фактор проявлялся в коротком сельскохозяйственном цикле. Из-за относительно короткого лета земледельцы имели возможность работать не более пяти месяцев в году — с мая по октябрь. Этот период крестьяне вынуждены были работать максимально интенсивно, в то время как остальную часть года они оказывались свободными от сельскохозяйственных работ. Аритмичность работы и невысокая плодородность земли вели к низкой продуктивности сельского хозяйства и в определенной степени формировали образ жизни и характер русского человека.

Важнейшим геополитическим и геоэкономическим фактором периода формирования и развития Древнерусского государства было существование Византийской империи — самого культурно и экономически развитого и, после распада империи Карла Великого, самого политически мощного государства того времени. Для Руси Византия была торговым партнером, культурным, а позднее и религиозным ориентиром.

Вторым по важности геополитическим фактором было соседство с кочевниками, совершавшими разорительные набеги. Русь неизменно оказывалась на пути азиатских орд, мигрировавших на запад по просторам евразийской Великой Степи. В первые века н.э. через земли будущего Древнерусского государства прошли гунны и авары, в начальный период существования Киевской Руси ей приходилось бороться с **хазарами**, затем с печенегами, половцами и, наконец, монголами. Если в Западной Европе «фактор кочевников» потерял свою значимость после 1000 г. (когда кочевники-венгры перешли к оседлости и приняли христианство, а также в основном прекратились набеги морских кочевников — викингов), для Древней Руси он сохранялся на протяжении всей ее истории.

Третьим фактором было взаимодействие населения Древней Руси со скандинавами (норманнами). Это взаимодействие сыграло выдающуюся роль в развитии экономики и особенно торговли (само слово «торговля» родственно шведскому «торг» — «площадь»), а также в формировании государственности на Руси.

Наконец, четвертым геополитическим фактором был своеобразный политический вакуум, существовавший к северо-востоку от очага формирования Древнерусского государства — Киевской Руси. Лежавшие там земли были населены угро-финскими племенами, находившимися на более низкой, чем славяне и норманны, стадии развития и не имевшими своей государственности. Они не могли эффективно противостоять славяно-норманнской экспансии на их земли, ставшей одной из центральных моментов истории как Киевской Руси, так и последующего

периода. Практически с самого начала русской истории путь на северо-восток был открыт.

Как уже отмечалось, Киевская Русь была расположена в нескольких природно-климатических зонах. В лесной области поселения были относительно большими: 10–20 дворов. Такую общину называли «миром» или «вервью». Расселение большими общинами было связано с тем, что в лесной зоне применялось подсечно-огневое земледелие, которое требовало совместного труда большого количества людей. Подсечно-огневое земледелие предполагало расчистку значительных пространств девственного леса (нужно было рубить деревья, перетаскивать их на край поля, выкорчевывать пни, затем выжигать оставшийся подлесок). Этот тяжелый труд приносил относительно богатый урожай — сам-10 — сам-30[1], так как зола является хорошим удобрением почвы. Однако столь высокий урожай можно было собрать только два или три раза, так как земля истощалась и соответственно через два-три года приходилось расчищать новое поле.

В связи с ростом населения и относительным уменьшением свободных земель, а также с совершенствованием культуры земледелия происходит переход от подсечно-огневого земледелия к пашенному, для которого не требуются совместные усилия всей общины. Община стала распадаться на отдельные семьи, ведущие самостоятельное хозяйство. Распад большой общины был также связан с расширением торговли и увеличением социально-экономической дифференциации общинников. Некоторые наиболее удачливые на полученные от торговли доходы покупали холопов (рабов), нанимали работников и могли стать вотчинниками, некоторые втягивались в торговые операции и переселялись в города (см. ниже). Наименее удачливые — разорялись, превращались в наемных работников или должников, зависимых крестьян, холопов.

В лесостепной и степной зонах, где преобладал чернозем и обработка земли не требовала коллективных усилий, больших общин не было изначально. Славяне расселялись небольшими группами по один-три двора вдоль рек. Многие из них основную часть своих доходов получали от торговли и промыслов.

К сожалению, мы не располагаем статистической информацией относительно численности населения Древнерусского государства. Только с помощью археологических данных (захоронения, найденные остатки кожаной обуви, оружия) и косвенных показателей можно попытаться приблизительно оценить количество населения того периода. В «Истории Европы» население Руси к моменту ее завоевания монголами оценивается в 6 млн[2]. Г.В. Вернадский, используя данные о населении

---

[1] *Шапиро А.Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977. С. 13–14.

[2] История Европы. Т.2. М., 1992. С. 37.

стран Европы и Востока, а также данные о населении России в более поздние периоды, приходит к выводу, что в XII в. население Киевской Руси можно оценить в 9–10 млн человек. Кроме того, он показывает, что доля городского населения была не меньше 13% (больше миллиона человек), «...что значительно выше аналогичной доли в московский период и соответствует ситуации в конце девятнадцатого века»[1]. На основе археологических данных можно делать выводы о количестве сельских поселений в разных районах. Так, в Смоленской области в XII в. насчитывалось до 89 сельских поселений, в Московской земле — до 129, в долине Оки — до 83[2]. Городов на Руси в начале XI в. насчитывалось 20–25, к середине XII в. — около 70, в XIII в. — около 300. Причем росло не только количество городов, но и их размеры. Киев был одним из самых больших городов в средневековой Европе. Раскопки позволяют оценить изменение занимаемой городами площади: территория, занимаемая городом Смоленском, выросла с 10 до 100 га, Черниговом — с 55 до 160 га, Киевом — с 80 до 300 га[3]. Известно скандинавское название Руси — Гардарика, или страна городов.

Что касается сырьевой базы, то на территории Киевской Руси «...находились обширные районы, богатые залегающими близко к поверхности месторождениями железной руды, преимущественно в болотах и по берегам озер... При археологических раскопках славянских поселений, датируемых даже ранним киевским периодом, были обнаружены доказательства добычи и выплавки железа»[4]. Но главными природными богатствами Древнерусского государства были леса, полные диких пчел и пушного зверя, а также реки и озера, дававшие рыбу. Одновременное наличие значительных залежей железных (болотных) руд и лесов способствовало развитию металлургии, так как для выплавки железа необходимо было большое количество топлива. Благодаря этому Русь не испытывала дефицита сырья для изготовления оружия и доспехов. Новгородские кольчуги очень ценились в Скандинавских странах.

Становление государственности Киевской Руси

Излагая процесс зарождения государства Киевская Русь, мы будем следовать логике В.О. Ключевского, который предлагает следующую схему: поселения (городища) — города — городовые области — объединение областей в государство[5].

---

[1] *Вернадский В.Г.* Киевская Русь. Тверь, М., 2000. С.116.

[2] Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 101–102.

[3] Там же. С. 60.

[4] *Вернадский В.Г.* Указ. соч. С. 114.

[5] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т.1. М., 1987. С. 128–161.

Практически повсеместно в Приднепровье археологи находят следы языческих поселений, которые были рассеяны друг от друга на расстоянии 4–8 км. Такие поселения окапывались земляным кольцеобразным валом с частоколом, служившим для защиты жителей от врагов и особенно для защиты скота от диких зверей. Эти поселения создавали расселяющиеся в VII в. вдоль Днепра и его притоков (по западной половине русской равнины) славяне. Переселение славян шло, судя по всему, через Карпаты из бассейна Дуная, откуда их вытесняли германские племена. По Днепру с незапамятных времен шло оживленное торговое движение — этот торговый путь упоминает Геродот, древние греки получали по Днепру янтарь с берегов Балтийского моря.

Таким образом, поселившись на берегах Днепра и его притоков, славяне оказались в самом центре водного пути, который был одним из важнейших торговых путей Европы в тот период. В VIII–XI вв. в качестве основных центров притяжения можно назвать Византию с центром в Константинополе и Арабский халифат с центром в Багдаде. Кроме того, существовали такие культурные и торговые центры, как Хорезм и Бухара. В Западной Европе этот период называется темными веками: натуральное хозяйство, города еще только начинали зарождаться, римские — восстанавливаться после упадка 5–8 веков, Римская культура была разрушена, средневековая еще только начинала формироваться. Роль лидера в развитии науки и техники принадлежала Халифату, где в этот период в области науки возрождались традиции эллинизма. Ведущие ученые и врачи того времени говорили и писали на арабском языке. Русь, имевшая тесные отношения с Византией и, естественно, находившаяся под ее влиянием, также через каспийскую торговлю имела контакты и с Халифатом.

В результате включения переселяющихся с Дуная славян в достаточно интенсивную и прибыльную торговлю по Днепру в VIII в. возникают древнейшие города на Руси. В летописях мы не находим указаний на время возникновения таких городов, как Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк. В IX в., т.е. в период, с которого летопись начинает свой рассказ о Руси, большинство этих городов, вероятно, были уже значительными поселениями, участвующими в международной торговле. Как говорит Бертинская летопись, послы от народа Руси уже в 839 г. приходили в столицу Византии Константинополь (известный в русских летописях как Царьград) для установления или восстановления дружбы, т.е. для заключения договора[1].

В.О. Ключевский так описывает механизм становления городов. С развитием торговли некоторые из поселений (городищ) становились сборными торговыми пунктами, местами обмена, куда звероловы и бор-

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т.1. М., 1987. С. 157.

тники сходились для торговли, для *гостьбы,* как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название *погостов.* Среди этих мелких сельских рынков появлялись более крупные, возникавшие на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города по греко-варяжскому торговому пути. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов[1].

Уже в VIII в. на Руси появляются города, экономическим фундаментом которых является торговля. Однако торговля может успешно развиваться, только если есть хотя бы минимальные гарантии безопасности: купец должен быть уверен или хотя бы иметь надежду, что деньги и товары, которыми он располагает, у него не отберут. Следовательно, нужна военная сила, которая бы охраняла и защищала собственность торговцев. С одной стороны, это приводит к тому, что купцы становятся воинами или, наоборот, воины становились купцами (они торговали добычей). С другой, города превращаются в укрепленные пункты, для охраны которых приглашают наемные войска.

Укрепленные города, имеющие вооруженное население и отряд военных профессионалов, постепенно начинают использовать свою силу не только для своей защиты и охраны торговли, но и для экспансии. Города довольно быстро подчиняют себе сельское население близлежащих территорий. Стоит отметить, что, во-первых, это было уже не только экономическое (сбор дани), но и политическое подчинение (судебная и административная власть), и, во-вторых, началось это политическое объединение еще до описываемого в летописи призыва норманнов. Подчинение, как и в других регионах Европы, происходило двумя путями: добровольное — в обмен на защиту или же с использованием военной силы. В любом случае результатом этого процесса было появление на Руси к середине IX в. городовых областей, где центром был укрепленный город, управляющий окружающими его территориями. Области назывались по имени городов — Новгородская, Черниговская, Смоленская, Ростовская и др.

Несмотря на существование экономических и политических центров у славян, начало становления древнерусской государственности принято относить ко второй половине IX в., когда в 862 г., в соответствии с летописью, в Новгород призываются варяги.

---

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т.1. М., 1987. С. 141. Обратим внимание, что слово «промышленный» является здесь производным от слова «промысел», а не от современного слова «промышленность».

С самого начала IX в. как в Западной, так и в Восточной Европе начинаются набеги морских кочевников — скандинавов. В разных регионах Европы их называли по-разному — даны, викинги, норманны, варяги. Скандинавские набеги приводили в ужас всю Европу. На Руси варягов было особенно много, так как сюда они приходили не столько грабить, сколько торговать. Если сравнивать с Западом, то варяги являлись к нам с иными целями: «там дан — пират, береговой разбойник; у нас варяг — преимущественно вооруженный купец, идущий на Русь, чтобы пробраться далее в богатую Византию, там с выгодой послужить императору, поторговать, а иногда и пограбить богатого грека, если представится к тому случай... Эти варяги-скандинавы и вошли в состав военно-промышленного класса, который стал складываться в IX в. по большим торговым городам Руси под влиянием внешних опасностей... Осаживаясь в больших торговых городах Руси, варяги встречали здесь класс населения, социально им родственный и нуждавшийся в них, класс вооруженных купцов, и входили в его состав, вступая в торговое товарищество с туземцами или нанимаясь за хороший корм оберегать русские торговые пути и торговых людей, т. е. конвоировать русские торговые караваны»[1].

Итак, в соответствии с летописью в 862 г. Новгород призывает варяжского князя Рюрика с двумя братьями. Возможно, это было сделано с целью защиты Новгорода от врагов. Но впоследствии варяги, используя военную силу, трансформировали свою роль из защитников во властителей, обложив народ данью и присвоив себе функции не только внешнеполитические, но также внутриполитические и судебные. Некоторые историки, например Д.И. Иловайский, считают Рюрика и его братьев мифологическими героями, так как о нем практически нет сведений, и, кроме того, у многих народов можно найти аналогичную легенду о призвании трех братьев, с которого ведет свое начало государство.

В отличие от Рюрика норманн Олег (882–912) общепризнанно считается реальной личностью. В 882 г. он захватывает Киев, убив своих соплеменников, правящих в Киеве до него, Аскольда и Дира. Но захват Киева не был самоцелью для Олега и его дружины. Киев для них должен был служить базой, позволяющей контролировать весь торговый путь и дальше двигаться на юг, к Черному и Азовскому морям. Однако для столь масштабной задачи у Олега изначально было недостаточно ресурсов. Данные цели можно было достигнуть, только объединив под своей властью основную часть восточнославянских племен. Стоит отметить, что те племена, которые жили в непосредственной близости от торговых путей и, следовательно, нуждались в защите, покорялись Олегу добровольно. А чем дальше жили племена от торговых путей и соответственно

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 147–148.

меньше участвовали или совсем не участвовали в торговле, тем больше требовалось усилий для их подчинения.

К 907 г., ко времени первого похода Олега на Константинополь, им уже были покорены либо добровольно признали его власть поляне, древляне, северяне, радимичи, уличи, тиверцы и другие племена. Были разбиты мадьяры, которым пришлось уйти с юга Руси. Таким образом, к началу X в. в Европе появилось мощное славяно-варяжское государство — Великое княжество Киевское, известное как Киевская Русь.

Киев становится главным городом государства. Это было связано с тем, что именно Киев был сборным пунктом русской торговли; к нему стягивались торговые лодки отовсюду, с Волхова, Западной Двины, Верхнего Днепра и его притоков. Географическое положение Киева было таково, что он имел возможность заблокировать проход торговых судов вниз по Днепру и тем самым подорвать их торговлю. Он был главной факторией русской внешней торговли. Кроме того, Киев служил главным оборонительным форпостом страны против степных кочевников.

Итак, «государство становится возможно, когда среди населения, разбитого на бессвязные части с разобщенными или даже враждебными стремлениями, является либо вооруженная сила, способная принудительно сплотить эти бессвязные части, либо общий интерес, достаточно сильный, чтобы добровольно подчинить себе эти разобщенные или враждебные стремления. В образовании Русского государства принимали участие оба указанных фактора, общий интерес и вооруженная сила. Общий интерес состоял в том, что все торговые города Руси с появлением наводнивших степь печенегов почувствовали потребность в вооруженной силе, способной оградить пределы страны и ее степные торговые дороги от внешних нападений... Этой силой был варяжский князь со своей дружиной. Став носителем и охранителем общего интереса, подчинившего ему торговые города страны, этот князь с дружиной из вооруженной силы превращается в *политическую власть*. Но, пользуясь новыми средствами, которые доставляла ему эта власть, князь начал насильственно подчинять себе и другие племена, не разделявшие этого общего интереса, слабо участвовавшие в торговых оборотах страны. Завоеванием этих племен, удаленных от центральной речной дороги, завершено было политическое объединение восточных славян. Так, в образовании Русского государства участвовали и общий интерес, и вооруженная завоевательная сила, потому что общий интерес соединился с завоевательной силой: нужды и опасности русской торговли вызвали к действию на ее защиту вооруженную дружину с князем во главе, а эта дружина, опираясь на одни племена, завоевала другие»[1].

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 160.

Таким образом, можно назвать два главных фактора, способствовавших становлению русского государства: 1) экономический — наличие общеевропейского торгового пути и соответственно хозяйственные интересы, связанные с этой торговлей; 2) политический — необходимость защиты от степных кочевников.

Обосновавшись в Киеве, обложив данью население и собрав многочисленную дружину, Олег, затем Игорь (912–945), потом Святослав (964–972) идут в походы на Византию. Основные задачи этих походов были экономические: открытие и удержание рынков Константинополя для русской торговли и военная добыча. Результатами договоров 907 и 911 гг., заключенных Олегом, 945 г., заключенного Игорем, и 971 г., заключенного Святославом, были закрепленные в договорах правила, регулирующие ежегодные торговые отношения Руси с Византией, а также правила, регулирующие частные отношения русских купцов, находящихся в Константинополе, с греками. Наиболее важными статьями можно назвать следующие: разрешение на беспошлинную торговлю, отмена берегового права (древний обычай, по которому потерпевшее кораблекрушение судно и его груз становились добычей жителей прибрежного района), получение русскими купцами «корма» во время пребывания в Константинополе и на дорогу перед отъездом. Русские купцы привозили в Константинополь мед, воск, меха и рабов, меняя это на шелковые ткани, золото, вина, овощи, фрукты.

Главными торговцами были князь и его дружинники, бояре (бояре — богатые дружинники-землевладельцы). К торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простых купцов, чтобы под прикрытием княжеского конвоя дойти до Константинополя. Рабы (челядь) особенно ценились на рынках Востока и Византии. Купцы в Булгаре и Итиле платили за рабынь серебряной монетой (дирхемами). Если в Киеве рабыня стоила 100 дирхемов, то в Багдаде «красивая белая рабыня, совершенно ничему не обученная, стоила 15 000 дирхемов»[1]. В Константинополе за рабов платили шелковыми тканями (паволоками), по две паволоки за раба (челядина), в переводе на арабские деньги 320–1600 дирхемов, рабыни стоили в четыре раза дороже[2]. В VIII–X вв. ежегодно в арабские страны и в Византию продавались тысячи рабов.

Одним из важнейших признаков государственности являются прямые налоги. Прямое налогообложение было известно на Руси уже в IX в. Взимание налогов регулировалось нормами обычного права и установлениями по воле князей. В вопросах обложения подданных первые русские князья вели себя больше как завоеватели: их интересовало не столько

[1] Истахри. Цит. по: *Мец А.* Мусульманский ренессанс. М., 1965. С. 60–61.

[2] *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 145.

укрепление хозяйственной базы налогоплательщиков, сколько получение временной выгоды — собственного кормления и возмещения расходов на содержание дружины. Налогообложение подвластных территорий в этот период осуществлялось в форме дани и (или) полюдья. Многие историографы отождествляют эти понятия, определяя полюдье как способ сбора дани, состоявший в круговом объезде князем и его дружиной подвластных земель. Сторонники такого подхода ссылаются на сообщение Византийского императора Константина VII Багрянородного (908–959) о том, что ежегодно в ноябре киевский князь с дружиной отправляется в полюдье — объезд по славянским землям, — и, кормясь там в течение целой зимы, в апреле возвращается обратно с данью. При этом исследователи отмечают, что истоки полюдья, очевидно, восходят к набегам с целью взимания добычи, поскольку в IX в. полюдье носило еще стихийный характер, мало отличный порой от таких набегов, элементы которых сохранились и в полюдье середины X в. Подобный вывод перекликается также с предположениями о наличии в полюдье своеобразного разделения труда, когда термином «люди» обозначались плательщики дани, а термином «русь» — те, кто дань собирал. Как свидетельствуют зарубежные исторические источники, русы не занимались производительным трудом, а добывали все необходимое, совершая рейды в землю славян. По мнению отечественных ученых, вполне резонно усмотреть за этими рейдами полюдье, которое было не столько сосуществованием разных народов (русов и славян), сколько выступало симбиозом двух социальных групп, по аналогии с разделением труда между воинами и производителями у древних индоарийских и иранских народов.

Согласно иной точке зрения, дань и полюдье представляли собой две различные формы получения средств к существованию княжеской дружины. Приверженцы такой аргументации полагают, что свободные общинники («люди») данью не облагались, — на них возлагались кормления, виры, продажи и полюдье. Дань же собиралась с несвободных лиц, в частности со смердов, не принадлежащих к «главенствующей общности» и близких по своему социальному положению к рабству. При этом в качестве самой древней отмечается религиозно-коммуникативная функция полюдья. Сходная роль этого института наблюдается у многих других народов, древние вожди или цари которых, наделенные жреческими функциями, значительную часть года проводили в своеобразной кочевке по территории своего царства, посещая подвластные общины. Рядом исследований показано, что объезд территорий вождем, сравнимый с древнерусским полюдьем, существовал практически во всех европейских странах раннего Средневековья, так же как и за пределами Европы. Обращая внимание на то, что объезд вождем своих владений соответствовал пути движения Солнца на небосклоне и был связан с календарем, историки предполагают, что сходный характер имели полюдья

племенных князей и до утверждения власти Киева. Проводя аналогию с наблюдениями зарубежных ученых, согласно которым частью объезда территории правителем было оказание ему гостеприимства местными жителями в форме угощений (пиров) и предназначенных ему даров и ответных подарков, некоторые отечественные исследователи считают, что все полученное князем во время полюдья рассматривалось в качестве даров богу Солнца в обмен на его благодеяние, и лишь позднее эти дары стали прототипом первоначальных налоговых сборов. Приверженцы изложенной позиции отмечают, что древнерусское полюдье находилось не в статике, а в динамике, изменяясь на протяжении веков своего существования. Возникнув с появлением постоянной должности князя в эпоху подъема родоплеменного строя, первоначально полюдье выполняло преимущественно религиозную функцию, обусловленную сакральной ролью вождя в восточнославянском обществе. Со временем в институте полюдья появились и крепли экономические, социальные и политические функции: постепенно оно приобрело значение специальной платы князю за труд по управлению обществом, обеспечению внутреннего и внешнего мира, трансформировавшись на рубеже XI–XII вв. в некое подобие налога.

Несмотря на наличие разных подходов к определению сущности полюдья, большинство представителей многочисленных точек зрения сходятся во мнении о том, что институт полюдья можно рассматривать в качестве первого шага по присвоению князьями верховной власти на землю. Именно в виде права сбора полюдья начали передавать князья за службу феодалам-дружинникам некоторые земли с ростом частного землевладения.

По вопросу о регионе распространения древнерусского полюдья в научной литературе также нет единого мнения. Ряд историко-географических исследований показывает, что полюдье охватывало территории племенных союзов древлян, дреговичей, кривичей и северян, с которых местные князья собирали дань для Киева. Согласно иной версии, данниками киевских дружинных отрядов, платившими полюдье в первой половине X в., были словене новгородские, радимичи, уличи и тиверцы. Более широкое определение относит полюдье киевских князей середины X в. к кругу земель по обоим берегам Днепра от Киева до Смоленска.

При получении дани и полюдья, равно как и при их распределении, князь оставался первым среди равных. Считается, что до тех пор, пока взимание поборов происходило под угрозой применения силы, князь не мог выступать их полноправным обладателем — он лишь делил полученную во время общего похода совместную собственность между совладельцами. Основную часть дани-полюдья составляли денежные средства (бель или щеляги — серебряные монеты либо слитки серебра — гривны), а также меха пушных зверей (черные куны, веверицы — белки). Фик-

сированного размера платежей и периодичности их взимания вплоть до середины X в. не существовало.

Отсутствие упорядоченности в вопросах налогообложения привело к сопротивлению племенных союзов против произвола в собирании податей. За попытку вторичного сбора полюдья в 945 г. восставшие древляне убили великого князя киевского Игоря. Его жена, великая княгиня Ольга, ставшая правительницей Киевской Руси (945–969), вынуждена была установить точный размер взимаемого полюдья («уроки», или «оброки»), периодичность его сбора («уставы») и места, куда следовало полюдье привозить («погосты»). Подвластные Киеву земли разделялись на административные единицы с приставленным к каждой из них княжеским наместником («тиуном»). Определялись также и принципы распределения полученных от налогообложения доходов: около 1/3 собранных на погостах средств направлялось на княжеские нужды и содержание двора, а остальные 2/3 — на государственные потребности. Так была осуществлена первая в русской истории финансово-административная реформа: на смену полюдью пришла система погостов. Однако трансформация эта произошла не единовременно. Гибель князя Игоря принято считать летописным ориентиром начала изменения древнего полюдья, показавшим, что прежняя форма княжеского управления становится архаичной. Сам же процесс перехода от полюдья к погостам длился около века правления в Киеве трех-четырех поколений наследников Ольги и Игоря. На протяжении этого переходного периода институт погостов функционировал в виде дополнительной системы пунктов сбора платежей как вне, так и внутри зоны полюдья.

Археологические материалы X в. свидетельствуют, что к великокняжеским погостам вне зоны полюдья можно отнести памятники, отмеченные дружинными кладбищами на Ярославщине (Тимерево и др.) и Владимирщине (Владимирские курганы), расцвет материальной культуры которых приходится как раз на середину — вторую половину X в. Одновременные дружинные некрополи и поселения известны и в зоне полюдья: Гнездово и аналогичные гнездовским курганы в Новоселках и близ Торопца на Смоленщине, Шестовицы и Седнев на Черниговщине. Связующая эти памятники материальная культура (наборы оружия и украшений) и обряд (трупосожжения с богатым инвентарем и жертвами под высокими курганами, камерные гробницы) характерны и для киевского некрополя, и, следовательно, для дружинной верхушки Киевской Руси в целом. Наряду с погостами на облагаемых территориях продолжали действовать и кратковременные станы — становища. Присутствие великокняжеских дружин на погостах и становищах в X в. постепенно закрепляло зону полюдья за великим князем. Поэтому уже при великом князе киевском Владимире (980–1015), сыновья которого правили в Новгороде, Полоцке, Турове, Ростове, Муроме, Древлянской земле,

Владимире Волынском, необходимость в объездах, исходящих из Киева, с целью взимания полюдья, отпала, полностью сменившись институтом постоянных погостов для сбора уроков.

С развитием производительных сил и производственных отношений, с расширением границ и функций государства усложнялись и формы налогов. Если на первоначальном этапе образования Киевской Руси все функции государства сводились к обороне границ и их расширению, а его потребности ограничивались расходами по содержанию княжеского двора и дружины, то позднее возникла необходимость в общественных постройках (города, укрепления, церкви, дороги и т.п.), содержании аппарата управления, поддержании внутреннего порядка, финансировании посольств и т.д. Соответственно более разветвленной стала и налоговая система. В XI в. при княжеском дворе появляется ряд должностей, связанных со сбором налогов: данщики, мытники, вирники, пятенщики. Прямые налоги в Киевской Руси этого периода собирались в нескольких формах: дань, оброк, подать, урок, дары, поклоны, кормы, поборы. Подать служила собирательным термином, равнозначным налогу и объединяющим и дань, и оброк, и урок. Однако если дань устанавливалась произвольно и собиралась любыми ценностями, в том числе и людьми, то оброки взимались с определенного предмета, а уроки определялись по размеру и по времени поступления. Объектом обложения выступал дом, или дым, т.е. само хозяйство, размер которого и его экономические возможности первоначально не учитывались. Более высокой ступенью обложения стало затем обложение по числу членов хозяйства. Признание земли в качестве объекта налогообложения совпало с моментом распада Древнерусского государства на отдельные княжества.

В XII в. Киев перестал быть столицей единого государства, которое распалось на 12 самостоятельных княжеств. В налоговой политике этого периода какое-либо единообразие отсутствовало: окладные единицы, равно как и размеры и виды податей удельных княжеств, различались. Однако в большинстве княжеств в качестве основы прямого обложения выступала соха. Особенностью этой сугубо русской окладной единицы является уравнительный принцип. Соха включала в себя земельный участок определенного размера с учетом качества земли, к которому приписывалось тяглое население. Хозяйство, включенное в соху, несло коллективную ответственность за полноту и своевременность уплаты подати. Внутри сохи действовал раскладочный принцип. Все налоговые платежи крестьян носили натуральный характер.

Помимо прямого существовало в этот период и косвенное налогообложение. К X в. относятся первые упоминания о существовании косвенного обложения на Руси. В договоре Киевской Руси с Византией 907 г., заключенном князем Олегом, содержатся сведения о мыте — одной из древнейших пошлин за провоз товаров, пользование местом, отве-

денным для торга, и за соблюдение порядка во время торговли[1]. По мнению многих ученых, указанный договор лишь зафиксировал и объединил нормы, уже встречавшиеся в прежних документах, регулирующих взаимоотношения государств в области торговли и таможенных обрядностей (пошлин), а мыт на Руси был известен задолго до подписания договора. Согласно данному подходу, сбор мыта является древним обычаем, заимствованным восточными славянами еще в V–VI вв. в процессе торговых контактов с Северным Причерноморьем, поддерживавшим отношения с Римом и Грецией, где к этому времени действовала достаточно подробная регламентация пошлинных сборов[2]. Законодательное закрепление древнерусских правил косвенного обложения впервые было реализовано в нормах свода «Русской Правды» — памятника права XI–XII вв. В частности, согласно статье 35 данного документа, устанавливалось взимание платы за продажу и присутствие мытника (сборщика пошлин) при торговой сделке. Присутствие мытника требовалось и для подтверждения под присягой факта покупки вещи на торгу в случае судебного разбирательства о продаже украденного товара (ст. 32 Пространной Правды)[3].

Свое дальнейшее развитие система взимания первых косвенных налогов в форме пошлин получила в удельный период российской государственности (XII–XV вв.). С распадом Киевской Руси и образованием ряда самостоятельных экономических центров появились новые пошлинные платежи, усилились их разветвление и дифференциация. Всего собиралось около 40 разновидностей пошлин, которые принято условно подразделять на две основные целевые группы — проезжие и торговые (за подготовительные действия и за право купли-продажи)[4]. К категории проезжих пошлин относились: мыто сухое и мыто водяное (с единицы транспортного средства, на котором перевозился товар, реже — с цены товара); посаженное (разновидность мыта, сумма которого определялась размером в саженях груженого средства транспортировки товара); подужное (с количества телег в купеческом обозе); полозовое (с количества саней в обозе); побережное (с судна, причалившего к берегу, — деньгами или товарами, находившимися на судне, в зависимости от количества судов и их размеров); головщина (с каждого человека на возу, ладье или ином транспортном средстве); костки (с лиц, сопровождавших товар);

---

[1] Памятники русского права. Т. 1. М., 1953. С. 65.

[2] См., напр.: *Кисловский Ю.Г.* История таможенного дела и таможенной политики России / Под общ. ред. А.Е. Жерихова. М., 2004; *Лодыженский К.* Таможенные учреждения // Энциклопедия. Ф. Брокгауз и И. Ефрон. Т. 64. СПб., 1901; *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850; *Шумаков С.* Древнерусские косвенные налоги // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества при Московском университете. Т. 7. М., 1897.

[3] Правда русская / Под ред. Б.Д. Грекова. Т. II. М., 1947. С. 378, 385.

[4] См., напр.: *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. Т. 6. М., 1987–1990. С. 166.

задние калачи (разновидность головщины, взимавшаяся при возвращении купца со своими людьми после распродажи товара); мостовщина и перевоз (с проезда (прохода) по мосту или при перевозе с одного берега реки на другой людей, товаров, скота); проезжее (за пользование устроенными дорогами); явка (с представления должностному лицу товаров при их провозе на место торга). Группа торговых пошлин, взимавшихся за подготовительные действия, включала: амбарное (с найма амбара); гостиное (с остановки в гостином дворе сверх платы за помещение); полавочное (с найма лавок для торговли); свальное, подъемная и рукознобная (с погрузочных работ при взвешивании товаров); померное (с измерения сыпучих товаров бочками или их долями); весовое, весчее (со взвешивания товаров на торговых весах откупщика); контарное (с массы товара, 1 контар равен 2,5 пуда); припуск (с наведения весов в равновесие при взвешивании товаров). Торговыми пошлинами за право купли-продажи охватывались: явка (с представления должностному лицу товаров при их продаже); замыт (с цены товара); осьмничее, или осьмичее, восмничее, восменичее (со стоимости (1/8) товара, подлежавшего измерению); гостиное (с оценки привозных товаров, помещаемых в гостином дворе, по их цене или количеству); порядное (с продажи и покупки некоторых товаров — меди, икры, рыбы, соли, — по цене или мере товара); искунное (с продажи товаров); пятно (с клеймения — наложения должностным лицом пятна на лошадь при ее купле-продаже или обмене); узольцовое, или узловое, поузольщина (при обвязке товара с приложением таможенных печатей или при наложении таможенных знаков); головщина (при продаже людей в рабство); весчее (с продажи весчих товаров); померное (с продажи известной меры пшеницы, ржи, овса, солода, ячменя, конопли, гречи, гороха и других измеряемых товаров)[1]. Развитие российской финансовой и налоговой системы было приостановлено в XIII в. нашествием Золотой Орды.

Помимо налоговой реформы Ольга вошла в историю как первая русская княгиня, принявшая христианство. Принятие христианства в тот период означало вступление в «семью цивилизованных народов», поскольку языческие страны рассматривались как варварские. Ольга крестилась сама и хотела, чтобы вся Русь приняла христианство. Но в реализации этого намерения она встретила два препятствия. Одно в лице своего сына Святослава (964–972), который отказывался креститься, объясняя это нежеланием креститься большей части своей дружины. Вторым препятствием было нежелание византийского императора организовывать русскую церковь как автокефальную (автономную). Когда какой-либо

[1] *Аграшенков А.В.*, *Блинов Н.М.*, *Бобков В.Б.*, *Мячин А.Н.*, *Шамахов В.А.*, *Шумилов М.М.* Таможенное дело в России X — начало XX вв. (Исторический очерк. Документы. Материалы). СПб., 1995. С. 7–8.

«народ подвергался обращению, византийский император настаивал на признании новообращенными не только власти константинопольского патриарха как главы их Церкви, но также и властных полномочий императора как их политического сюзерена»[1]. Это, естественно, было неприемлемо для Руси. И Ольга обратилась к императору Священной Римской империи Оттону I с просьбой прислать епископа и священников для организации Церкви на Руси. Но Оттон прислал епископа с ограниченными полномочиями для организации такой епархии, которая в результате оказалась бы под полным контролем германского духовенства. Результатом этого было временное торжество язычества в Киеве.

Следующая попытка христианизации Руси была предпринята внуком Ольги князем Владимиром (980–1015). После восьмилетней борьбы за Киев Владимир становится великим князем. Видимо, из-за того, что поверженный им противник (его брат) был близок к христианству, Владимир начинает свое княжение с усиления язычества. Однако в международном контексте язычество уже было анахронизмом. Русь окружали страны, исповедовавшие монотеистические религии. Хазары были обращены в иудаизм около 865 г., волжские булгары приняли ислам в 922 г., многие балтийские племена были обращены в христианство между 942 и 968 гг., в 960 г. был крещен польский князь Мешко, в 974 г. — датский король, в 995 г. — король Норвегии, в 985 г. — герцог Геза Венгерский[2]. Кроме того, на Руси к тому периоду уже было много христиан, в том числе и в княжеских дружинах. В тот момент, когда Владимир встречался с представителями разных религий и размышлял о том, какая из них больше подходит для Руси, византийскому императору Василию понадобилась военная помощь против внутренних противников. В обмен за военную помощь Василий пообещал Владимиру руку своей сестры принцессы Анны. Результатом ряда политических событий было крещение Владимира в 988 г. и возвращение Владимира в Киев в 990 г. с Анной, священниками, мощами святых, священными сосудами и иконами. С этого момента начинается христианизация русского народа и организация русской Церкви.

На Руси начинают строить церкви, заниматься благотворительностью. Язычник Владимир, до этого запятнавший себя братоубийством, сильно изменился. Для укрепления новой веры Владимир приступил к просвещению народа. С этой целью он начинает создавать школы, приказывает в Киеве и в других городах набирать детей из лучших семей и посылать их в школы для «книжного учения». «Таким образом на Руси, в каких-нибудь лет двадцать, возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того

[1] *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 49.

[2] Там же. С. 70.

состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государственные и гражданские»[1].

Владимир был продолжателем политики своей мудрой бабки княгини Ольги не только в религиозном вопросе, но также в становлении государственных институтов. Ольга закладывает основы налоговой системы, Владимир начинает чеканить первые русские монеты.

До Владимира Древняя Русь не имела национальных денежных знаков. Торговые операции осуществлялись с помощью иностранных монет, попавших на Русь в процессе торговли из самых разных стран. Это были и византийские милиариссии, и западноевропейские денарии, и драхмы, но более всего были распространены арабские дирхемы. Параллельно с иностранными монетами в качестве денег использовались меха на севере и скот на юге. Постепенно на Руси складывается местная денежная система, основанная на мехах. Куны, резаны, ногаты — изначально это были различные виды мехов (к сожалению, нигде в источниках мы не находим указания на то, какие именно это были меха). Наиболее распространенными были куны (видимо, шкуры куницы); постепенно слово «куны» стало обозначать деньги вообще, в частности серебряные деньги (само слово «деньги» пришло из татарского языка намного позже). Основной денежной единицей становится гривна кун. Гривна означает то же самое, что и фунт — вес, гиря. Русский фунт немного отличался по весу от немецкого и от английского и равнялся 409,51 г. Таким образом, гривна кун означала фунт (или 409,51 г) серебряных денег. Она представляла собой слиток серебра различной формы, чаще продолговатой, который весил 409,51 г. Гривна кун приравнивалась к 20 ногатам, или 25 кунам (в языке сохранялось и старое значение слова «куна» — шкурка куницы), или 50 резанам. Наименьшей единицей являлась векша или белка. В Смоленске одна ногата равнялась 24 векшам. При этом устанавливались рыночные соотношения между дирхемами и частями, на которые они делились (дирхемы разрезались на части), и мехами. Например, определенное количество частей дирхема, за которое можно было купить резану или ногату, стали называть соответственно резана или ногата.

При Владимире начали чеканить собственные золотые монеты — златники — весом примерно 4,3 г и серебряные монеты — сребряники — весом около 3 г. Сребряник по стоимости примерно равнялся дирхему. На монетах был изображен портрет князя с крестом в руке и надпись: «К. Владимир на столе своем, а се его сребро». Чеканка монет продолжалась при последующих князьях до Владимира Мономаха (1113–1125).

---

[1] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн.1. М., 1995. С. 11.

При преемнике Владимира князе Святополке Окаянном (1015–1019) чеканились только сребреники. Первые древнерусские монеты представляли собой своеобразное смешение восточных и западных элементов. Масса сребреников была заимствована на Востоке и соответствовала массе дирхема, куне в системе гривны кун. Оформление монетного поля пришло из Византии. Однако резчики не механически копировали византийские монеты. Рисунок и надписи на древнерусских монетах имели свои особенности, изображению князя придавались черты портретного сходства, использовалась кириллица. Стоит отметить, что русские монеты не вытеснили существовавшие до них средства обращения: иностранные монеты, слитки серебра и кунная система продолжали существовать вплоть до XIV в., правда, в несколько измененном виде.

Подводя итог правления Владимира, можно отметить его принципиально важное отличие от предыдущих князей: он был не столько предводителем дружины, сколько правителем государства.

Конец жизни Владимира был омрачен ссорой с одним из его сыновей — Ярославом (1019–1054), который при жизни Владимира был наместником в Новгороде. Ярослав, возможно, под влиянием варягов (его женой была Ингигерда — дочь шведского короля Олава Скетконунга) решил проводить независимую от Киева политику и отказался отсылать положенные 2/3 от собранной в Новгороде дани (3000 гривен) в Киев. Владимир начал собираться в поход против сына, но во время сборов заболел и умер.

Социально-экономическое устройство государства Киевская Русь

После смерти Владимира между его сыновьями началась борьба за Киевский стол. В результате борьбы в 1019 г. власть на Руси была поделена между Ярославом и одним из его братьев — Мстиславом. Граница между владениями братьев проходила по руслу Днепра. Хотя Киев достался Ярославу, он предпочел жить в Новгороде, в то время как Мстислав перенес свою столицу из Тмутаракани в Чернигов. Именно эти два города на некоторое время становятся политическими и экономическими центрами. Новгород по-прежнему контролировал северную часть торгового пути из Балтийского моря на юг, но из Чернигова товары теперь отправлялись не к Киеву и вниз по Днепру, а по степным рекам и волокам в Азовский регион и — через Крым — в Константинополь, а также в Туркестан и Закавказье. Возможно, это было связано с тем, что низовья Днепра в это время контролировали печенеги. А может быть, это была сознательная политика Мстислава, опиравшегося на Тмутаракань: для него интересы тмутараканских купцов могли быть гораздо важнее интересов купцов киевских. Г.В. Вернадский считает, что «правление Мстислава — это в определенном смысле попытка заменить господство

на Руси Киева господством Тмутаракани и возродить древнерусский каганат докиевских времен»[1].

Мстислав умер в 1036 г., не оставив наследников. Ярослав остается единственным властителем практически всей Руси, кроме полоцких земель. Он переезжает в Киев, который вновь становится центром Руси. Печенеги, которые сильно осложняли торговлю с Константинополем по Днепру, были окончательно разбиты в 1037 г., и с тех пор их набеги больше уже не повторялись. В честь победы над печенегами в Киеве по византийскому образцу была построена церковь Св. Софии, которая до сих пор служит образцом зодчества того периода.

После разгрома печенегов водный торговый путь вновь был свободен. Несмотря на периодические кризисы в отношениях с Византией, торговля процветала, что способствовало увеличению богатства Киевской Руси, дальнейшему развитию товарно-денежных отношений и усложнению социально-экономической структуры общества.

Это нашло отражение в первом законодательном акте Древнерусского государства — в Русской Правде. Считается, что начало этому документу положил Ярослав Мудрый в 1036 г. До нас данный документ дошел уже в редакции конца XIII в. Историки считают, что первые семнадцать статей принадлежат времени Ярослава, а остальные дописывались его сыновьями и внуками.

Русская Правда дает представление о сословной и экономической дифференциации общества в Киевской Руси. Сословное деление происходило в зависимости от отношения данного лица к князю: те, кто лично служил князю и входил в его дружину, назывались княжьи мужи. Эти служилые люди составляли высшее привилегированное сословие, с помощью которого князья правили и обороняли свои владения от врагов. Человек, убивший княжьего мужа, должен был заплатить двойной штраф (двойную виру). Остальное свободное неслужилое население — люди или простые люди — делились на два сословия: горожане, которые платили налоги с промыслов или торговли, и жители сельскохозяйственных областей — смерды, которые платили дань. За смерть людина взималась вира. Несвободное население составляли холопы. Холопы не являлись сословием: холопы не платили князю подати, за смерть чужого холопа не взималась вира, а нужно было его хозяину возместить убытки. Убийство своего холопа вообще не наказывалось. Таким образом, юридически положение холопа приближалось к рабству.

Кроме сословного деления в Русской Правде можно увидеть экономическую дифференциацию общества. В высшем сословии служилых людей происходило разделение на крупных, средних и мелких землевладельцев. Крупные землевладельцы стали называться боярами. Неслужилое сосло-

[1] *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 87.

вие тоже начинает делиться на различные социальные группы. Самую большую группу составляли смерды — свободные люди, жившие на княжеской (государственной) земле. Они имели свой дом и обрабатывали землю своими орудиями труда.

Другую группу составляли сельские рабочие. Это могли быть младшие сыновья смерда, которым не хватило места в отцовском хозяйстве, смерды, разорившиеся в результате пожара, неурожая и т.д. Они селились на землях крупных земельных собственников, получали ссуду от хозяина в виде семян, орудий труда, скота. Эти люди называются в Русской Правде наймитами или ролейными закупами. Здесь стоит отметить, что если в высшем сословии мы наблюдаем только экономические различия: больше или меньше богатства, земли, то в среде простых людей экономическое неравенство становится основой юридического неравенства: обедневший смерд, который вынужден взять ссуду у землевладельца и затем работать на его земле и отрабатывать ссуду, превращается из свободного в зависимого. Зависимость состоит в том, что крестьянин не может уйти от хозяина, не отдав ему долг, а накопить и отдать долг было достаточно сложно. Кроме того, зависимость выражается в том, что: 1) хозяин пользовался правом телесно наказывать своего закупа; 2) на суде закуп мог быть свидетелем только в незначительных тяжбах и только в случае нужды, когда не было свидетелей из свободных лиц; 3) закуп сам не отвечал за некоторые преступления, например за кражу: за него платил пеню хозяин, который за это превращал его в полного своего холопа[1]. Но если закупу удавалось выплатить долг, он мог без всяких препятствий уйти от хозяина и снова становился свободным[2].

Стоит отметить, что в Киевской Руси сословия еще не были четко сформированы, существовало очень много промежуточных групп, существовало много возможностей для перехода из одного сословия в другое, причем как вниз, так и вверх.

Как было показано, в основном экономическое расслоение в обществе происходило на основе землевладения, что предполагало наличие частной собственности на землю. Но каким образом могла появиться частная собственность на землю на безбрежных российских просторах в ситуации отсутствия дефицита земли? Достаточно убедительное объяснение этого парадокса дает В.О. Ключевский: «Экономическое благосостояние Киевской Руси XI и XII вв. держалось на рабовладении. К половине XII в. рабовладение достигло там громадных размеров. Уже в X–XI вв. челядь составляла главную статью русского вывоза на черноморские и волжско-каспийские рынки... Рабовладение было одним

---

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 251.

[2] Подробнее о социальных группах Киевской Руси см.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953.

из главнейших предметов, на который обращено внимание древнейшего русского законодательства, сколько можно судить о том по Русской Правде: статьи о рабовладении составляют один из самых крупных и обработанных отделов в ее составе. Рабовладение было, по-видимому, и первоначальным юридическим и экономическим источником русского землевладения. До конца X в. господствующий класс русского общества остается городским по месту и характеру жизни. Управление и торговля давали ему столько житейских выгод, что он еще не думал о землевладении. Но, прочно усевшись в большом днепровском городе, он обратил внимание и на этот экономический источник. Военные походы скопляли в его руках множество челяди. Наполнив ими свои городские подворья, он сбывал излишек за море: с X в. челядь, как мы знаем, наряду с мехами была главной статьей русского вывоза. Теперь люди из высшего общества стали сажать челядь на землю, применять рабовладение к землевладению. Признаки частной земельной собственности на Руси появляются не раньше XI в. В XII столетии мы встречаем несколько указаний на частных земельных собственников. Такими собственниками являются: 1) князья и члены их семейств; 2) княжие мужи; 3) церковные учреждения, монастыри и епископские кафедры. Но во всех известиях о частном землевладении XII в. земельная собственность является с одним отличительным признаком: она населялась и эксплуатировалась рабами; это — «села с челядью». Челядь составляла, повидимому, необходимую хозяйственную принадлежность частного землевладения, светского и церковного, крупного и мелкого. Отсюда можно заключить, что самая идея о праве собственности на землю, о возможности владеть землей, как всякою другой вещью, вытекла из рабовладения, была развитием мысли о праве собственности на холопа. Это земля *моя,* потому что *мои* люди, ее обрабатывающие — таков был, кажется, диалектический процесс, с которым сложилась у нас юридическая идея о праве земельной собственности... Так возникла древнерусская *боярская вотчина:* привилегированный купец-огнищанин и витязь-княж муж X в. превратился в *боярина*, как называется на языке Русской Правды привилегированный землевладелец. Вследствие того, что в XI и XII вв. раба стали сажать на землю, он поднялся в цене. Мы знаем, что до смерти Ярослава закон дозволял убить чужого раба за удар, нанесенный им свободному человеку. Дети Ярослава запретили это»[1].

Таким образом, не земля, а труд являлся на Руси и дальше в России главным дефицитным ресурсом. Это явление имело важные экономические последствия. Что касается института холопства (рабства), то, несмотря на негативное отношение церкви к обращению христиан в рабство, этот институт просуществовал до времен Петра I.

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 221

С вопросом о сословном строении общества тесно связан вопрос об организации власти. По мнению Г.В. Вернадского, правление в Киевской Руси представляло собой смешение трех форм: монархии, которую представлял князь; аристократического правления, которое было представлено дружиной или позднее боярской думой; и демократии, представленной народным собранием — вече[1].

Князь не был только той силой, которая завоевала и обложила народ данью. Кроме того, князь обеспечивал выполнение важных общественно полезных функций: оборона, суд, охрана порядка и собственности. Стоит отметить, что власть князя была сильно ограничена двумя институтами. Прежде всего институтом, ограничивающим власть князя, была его дружина. Ко временам Ярослава Мудрого дружинники были уже не просто вооруженными хорошо обученными всадниками; многие из них уже стали крупными землевладельцами, обладающими достаточными материальными средствами для содержания собственных отрядов, которыми они пополняли войско князя во время военных действий. Иными словами, они представляли серьезную военную и материальную силу. Здесь важно отметить, что дружинники владели землями как частной собственностью[2]. Земли, которыми владели дружинники, оставались в их собственности, даже если дружинник переставал служить или переходил на службу к другому князю. Что касается пополнения дружины, то в основном она пополнялась детьми бояр и других дружинников, но нередки были случаи, когда дружинниками становились дети крестьян, торговцев, ремесленников. Если они были достаточно отважны, умели хорошо обращаться с оружием, то путь наверх был открыт.

Кроме дружины институтом, ограничивающим власть князя, было вече. Вече было всеобщим учреждением в Древнерусском государстве, как в городах, так и в сельской местности. Правда, степень влиятельности народного собрания в разных городах была разная. Вступление на престол киевского князя должно было подтверждаться публичным одобрением как со стороны знати, так и городского населения. Вече проявляло себя тогда, когда князь начинал сильно притеснять народ или приводил страну к бедственному положению своей внешней или внутренней политикой. Например, когда в 1068 г. стало ясно, что Изяслав не в состоянии организовать оборону Киева от половцев, киевляне собрали вече и решили прогнать Изяслава, а своим князем выбрали Всеслава Полоцкого.

---

[1] *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 195.

[2] Собственность называется частной собственностью, если выполняется три условия: владение, распоряжение, использование. Ей противопоставляется условная собственность, когда собственник остается таковым только при выполнении определенных условий, например служба князю.

Таким образом, власть князя в Киевской Руси принципиально отличается от той власти, которая будет несколькими веками позже у московских князей.

Время правления Ярослава считается расцветом Древнерусского государства: увеличивалось количество городов, росло их богатство, строились храмы, в Софийском храме была собрана огромная библиотека, Киев становится важным образовательным центром.

В период правления Ярослава появляются монастыри. Возможно, они появились сразу с принятием христианства, но в источниках мы находим упоминания о монастырях только со времени Ярослава. Идея монастырской жизни и монашеский дух к нам пришли из Византии вместе с крещением. В Византии в тот период существовало представление, что человек может угодить Богу, прежде всего страданиями, умерщвлением плоти, отказом от всех земных благ. «Образцом богоугодного человека сделался отшельник, отрешившийся от всякой связи с людьми; в пример высокой христианской добродетели ставили затворников, добровольно сидевших в тесной келье, пещере, на столбе, в дупле и т.п., питавшихся самою скудною, грубою пищею, налагавших на себя обет молчания, истязавших тело тяжелыми железными веригами и предававших его всем неудобствам неопрятности»[1]. Такой образ мысли и такой образ жизни становятся идеалом для всех, кто хочет спастись (в христианском смысле), кто хочет жить богоугодной жизнью. Естественно, это вело к восхвалению бедности и порицанию богатства, к стремлению сократить свои потребности. Гораздо важнее было молиться и совершать церковные обряды, чем работать, особенно работать для улучшения своего земного благосостояния. Естественно, распространение такого рода мировоззрения не могло не сказаться в дальнейшем на экономическом развитии.

После смерти Ярослава Русь была поделена в соответствии с княжеским завещанием между его сыновьями. Это положило начало формированию удельного порядка. Здесь можно провести определенную аналогию с распадом империи Карла Великого на Западе, после смерти которого в начале IX в. единое государство быстро распалось.

Некоторое время (1054–1093) Русью правили три старших сына Ярослава, периодически отражая претензии своих родственников на власть и земли. В 1093 г., когда умер Всеволод (1078–1093) — последний из «триумвирата», вновь разгорелась жестокая борьба за то, кто где должен княжить. К власти пришел Святополк II (1093–1113).

Правление Святополка было тяжелым периодом в истории Киевской Руси. На место разгромленных Ярославом печенегов приходят половцы. Они захватывают южную часть торговых путей, и торговля с Византией и Востоком начинает приходить в упадок. Постоянные набеги новых соседей разоряют жителей Киева. Кроме того, Святополк пытался уста-

[1] *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 23.

новить монополию на соль, что вело к ее сильному подорожанию. В этих условиях многие киевляне вынуждены были обращаться к ростовщикам и крупным землевладельцам за ссудой. Но не все были в состоянии вернуть долг и, следовательно, превращались в зависимых или холопов. Смерть Святополка стала поводом для начала народного возмущения. Были разграблены дома богатых бояр и евреев, являвшихся финансовыми советниками Святополка. В качестве нового правителя был приглашен (с нарушениями сложившихся традиций) Владимир Мономах.

Первым действием Владимира было проведение реформы. Он издает «Указ о резах», где запрещалось злоупотребление краткосрочными ссудами, уменьшался процент по долгосрочным кредитам, ограничивалась власть хозяина над должниками и запрещалось обращать их в рабство. Данный нормативный акт, включенный в Пространную редакцию Русской Правды, разрешал взимание не более 100% сверх суммы долга, а при получении 150% кредитор терял право на деньги, данные взаймы. Кроме того, законодателем устанавливалась процентная ставка по долгосрочным займам, которая не могла превышать 20% годовых. Одновременно за невыплату долга предусматривалась возможность привлечения должника к уголовной ответственности.

Правление Владимира Мономаха и затем его двух сыновей Мстислава (1125–1132) и Ярополка II (1132–1139) было последним периодом, когда Русь управлялась одним правителем. В 1139 г. после смерти Ярополка II вновь разгорается борьба за великое княжение. На этот раз борьба заканчивается тем, что Киев перестает быть сначала политическим, затем экономическим и духовным центром Руси. Русь перестает быть Киевской. В 1169 г. внук Мономаха Андрей Боголюбский разгромил и разграбил Киев, взяв огромное количество пленных. Он добился великого княжения, но отказался оставаться в Киеве и сделал своей столицей не так давно основанный им город Владимир. С этого момента начинается следующий период в истории России — удельный период — 1169–1453 гг.

Упадок Киевской Руси

С конца XI в. в Киевской Руси происходят важные социально-экономические изменения: уменьшается значение торгового пути «из варяг в греки»; бояре и дружинники начинают больше внимания уделять сельскому хозяйству, так как основным источником их доходов становится землевладение; количество князей увеличивается, а их уделы уменьшаются; население начинает мигрировать из Приднепровья на запад и северо-восток, где в то время было еще много незанятых земель. Все эти процессы привели к тому, что к середине XII в. социально-экономическое и политическое устройство Руси сильно изменилось: Киев потерял

свое прежнее значение, удельный вес торговли в народном хозяйстве сильно сократился, и на Руси появилось три относительно самостоятельных политических центра — Русь Западная, Русь Северо-Восточная и Новгородская земля.

Главной причиной дробления Руси на части было то, что исчезали факторы, способствовавшие в IX в. ее объединению. Во-первых, сильно снизилась транзитная роль Руси в связи с изменениями в мировых торговых потоках. В XI–XIII вв. в Западной Европе происходят так называемые «коммунальные революции»: города освобождаются от своих сеньоров. Одним из последствий этого явления было то, что купечество этих городов начинает более активно участвовать в мировой торговле. На севере Европы торговлю начинают контролировать немецкие города, объединенные в Ганзейский союз. Во Франции бурно развиваются Шампанские ярмарки. На юге за контроль над Средиземным морем конкурируют итальянские города. Венеция пытается подчинить себе торговлю с Византией (после венецианско-византийского договора 1082 г. основная доля морской торговли стран Запада с Византией перешла к Венеции), Генуя, со своей стороны, стремится перевести торговые потоки из устья Днепра в устье Дуная, из Корсуни (на территории современного Севастополя) в Танаис (близ Ростова-на-Дону). Византия — главный торговый партнер Киевской Руси — подвергается нападениям турок-сельджуков, что способствует ослаблению экономической роли Византии. Все эти процессы уменьшали значение торгового пути «из варяг в греки» и вели к его упадку. А в начале XIII в., когда крестоносцы захватили Константинополь и образовали Латинскую империю (1204–1261), торговля Руси с Византией совсем прекратилась. Что касается торговли с Востоком, то она практически прекращается с потерей Киевом Тмутаракани в конце XI в. С другой стороны, растет торговля региональная. Новгород и Смоленск включаются в ганзейскую торговлю. Галич по сухопутным путям торгует с Богемией (Чехия). Рязань и Суздаль ведут торговлю с Востоком, используя волжских булгар и половцев в качестве посредников. Таким образом, торговля в этот период скорее разъединяла, чем объединяла русские земли.

Во-вторых, в тот период отсутствовал серьезный внешний враг, для противостояния которому необходимо объединяться. Хазары, претендовавшие на дань со славянских племен, были разбиты Святославом. Печенеги, сильно затруднявшие торговлю по днепровскому пути в период его расцвета, были разбиты Ярославом в 1036 г. В середине XI в. в степях появляются половцы, которые господствуют там до нашествия татаро-монголов. Но половцы не претендуют на подчинение и сбор дани с русского населения, они не претендуют на завоевание Руси. Целью их набегов была добыча (люди для продажи в рабство, скот, украшения и т.д.), а не политическое господство. Набеги половцы совершали в основном на граничащие со степью приднепровские районы, и соот-

ветственно князья отдаленных от степи княжеств не были сильно заинтересованы в борьбе с половцами. При этом постоянные набеги, во время которых половцы разоряли хозяйства, жгли, убивали, уводили людей в рабство, истощали силы приднепровских областей. И это заставляло людей покидать эти земли.

Миграцию населения можно выделить как третью причину раздробленности. Крестьяне, ремесленники, торговцы начинают искать более спокойные места и перемещаются из основных политических и экономических центров Киевской Руси — Киева, Переяславля, Чернигова либо на запад, либо на северо-восток. Если до XII в. население в этих краях удерживалось мощными экономическими интересами — прибылью от участия в торговле по Днепру, то начиная с XII в. доходы от торговли сильно падают. Следовательно, для приднепровского населения исчезла та главная причина, которая привела его сюда и удерживала несколько веков. Результатами перемещения населения были, с одной стороны, рост на западе Галицко-Волынского княжества, а на северо-востоке Владимиро-Суздальского и, с другой стороны, ослабление Киева как политического и экономического центра.

Четвертой причиной раздробленности можно назвать экономическое и политическое усиление элиты, прежде всего боярства. Одна из важнейших тенденций XII в. — изменение источника доходов служилых людей (дружинников, бояр, детей боярских). В IX–XI вв. их основными источниками доходов были жалованье князя, добыча от военных походов и прибыль от торговли, если они в ней участвовали самостоятельно. В XII–XIII вв., как уже говорилось, падает значение торговли и, кроме того, из-за разрастания княжеского рода «быстро изменялись княжеские состояния, и, за немногими исключениями, изменялись к худшему: одни удельные хозяйства едва заводились, другие уже разрушались, и ни одно не стояло на прочном основании; никакой источник княжеского дохода не казался надежным. Эта изменчивость общественных положений заставляла служилых людей искать обеспечения в экономическом источнике, который был надежнее других, в землевладении: оно, по крайней мере, ставило положение боярина в меньшую зависимость от хозяйственных случайностей и капризов князя...»[1]. Расширение боярского землевладения способствовало тому, что, с одной стороны, у бояр было все меньше желания перемещаться со своим князем в другие уделы, а с другой стороны, приобретая независимый от князей источник доходов, бояре старались увеличить и свою политическую значимость, по крайней мере, уменьшить зависимость от великого князя.

Еще одной не менее важной причиной раздробленности можно назвать проблему, связанную с реализацией лествичного принципа (оче-

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 363.

редного порядка) передачи княжеской власти. Лествичный принцип достаточно четко начинает проявляться после смерти Ярослава Мудрого. В своем завещании он сажает своих сыновей по городам в соответствии с принципом — чем старше сын, тем значительнее и богаче город ему достается. Из завещания видно, что Ярослав не предполагает, что сыновья пожизненно будут править в данных им городам, напротив, предполагается, что после смерти старшего сына, который княжил в главном городе, киевский стол займет следующий по старшинству сын, что приведет к перемещению всех князей из младших (менее значительных и менее доходных) в старшие (более значительные и более доходные) города. Таким образом, получалось, что, во-первых, в русском государстве правил не один монарх, а весь княжеский род поочередно, и, во-вторых, что князья в определенных княжествах являлись временными правителями, правящими здесь до смерти очередного великого князя, которая вела к перемещениям князей.

На начальном этапе эта система имела скорее положительные следствия: во-первых, «благодаря передвижению князей из волости в волость все части земли невольно и незаметно для себя и князей смыкались в одну цепь, отдельные звенья которой были тесно связаны друг с другом... Области эти поневоле вовлекались в общую сутолоку жизни, какую производили князья»[1]. Во-вторых, вместе с князьями с места на место переезжали и их дружины и бояре. Это вело к тому, что бояре определенного князя, которые занимали правительственные должности, не оставаясь долгое время на одном месте, не могли приобретать серьезного политического значения в данной местности и тем более не могли превращать занимаемые ими должности в наследственные, как это было, например, в Польше и в Западной Европе. И, в-третьих, по мере увеличения количества князей младшим давали все более и более отдаленные и на тот момент мало обжитые области. Князья, получив удел, перевозили туда свою дружину, слуг, строили дома, церкви. И, как правило, пытались воспроизвести свой идеал, к которому стремился каждый русский князь, — стольный град Киев. «Перелетные птицы Русской земли, князья со своими дружинами, всюду разносили семена культуры, какая росла и расцветала в средоточии земли, в Киеве»[2].

Важнейшей особенностью порядка, установившегося вследствие лествичного принципа наследования власти в X–XI вв., было то, что князья и народ рассматривали русскую землю как владение («отчину и дедину») всего княжеского рода. Это означало, что князья были вправе претендовать на дань, ссудные пошлины, торговые пошлины, однако

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 204.

[2] Там же. С. 207.

они не могли распоряжаться землей на частном праве[1]: не могли продавать землю, закладывать, отдавать в приданое, завещать и т.д. «Слово вотчина знакомо было и князьям юго-западной Руси прежнего времени и на их языке имело различные значения... При всех этих значениях в понятие отчины не входило одного признака — личного и наследственного непрерывного владения по завещанию»[2].

Однако с увеличением количества князей возникало все больше и больше трудностей в реализации лествичного принципа. Если в семьях рождалось много сыновей, то могло случиться так, что внуки князя, рожденные от старших сыновей, оказывались старше младших сыновей князя, т.е. племянники оказывались старше дядей. Или случалось, что отец какого-нибудь младшего князя умер раньше, чем его дед, и тогда князь выпадал из очереди. Такого князя называли изгоем, и он оставался княжить в каком-нибудь далеком, малодоходном уделе, далее передавая удел по наследству своим сыновьям, т.е. удел также выпадал из цепи перераспределений. Иногда появлялся князь сильный, властолюбивый, харизматичный, который не желал ждать своей очереди и шел добывать стол с оружием в руках. Все это вело к постоянным усобицам и войнам между князьями.

Постоянные перемещения князей, междоусобные войны, связанные с этими перемещениями, способствовали тому, что князья все меньше влияния оказывали непосредственно на управление и дела в самих городах, что вело к усилению местных институтов власти, представители которых постоянно жили в данном регионе, хорошо знали проблемы данной земли и пользовались уважением местных жителей. В одних регионах наиболее влиятельным институтом власти становится вече, в других власть сосредоточивается в руках местных бояр (крупных землевладельцев). Достаточно часто присутствовали обе силы, и каждая по-своему воздействовала на ход дел в волости, городе, княжестве, ослабляя власть княжескую.

Следствием ослабления княжеской власти было появление в XI–XII вв. такого нового явления, как «ряды» (договоры) князей с городами. Из летописи мы знаем, что такие договоры существовали и в южной, и в западной Руси, но особенное значение они приобрели в Новгороде. Князь нужен был городам в качестве руководителя военной силы (по образцу итальянских кондотьеров — предводителей вооруженных отрядов, нанимаемых средневековыми итальянскими городами), но при этом города боялись слишком большого усиления власти князя. Для того чтобы предотвратить чрезмерное усиление власти князя, с ним заклю-

---

[1] Собственность называется частной, если выполняются три условия: возможность пользоваться, возможность владеть и возможность распоряжаться.

[2] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 339.

чался договор, где регулировалось количество дани, которую имел право собирать князь, размеры ссудных и торговых пошлин, правила покупки князем и его дружинниками земли, правила назначения на основные руководящие должности в городе и смещения с них и т.д. Случалось, что, если князь нарушал условия договора, его могли прогнать и пригласить на княжение другого князя.

Все вышеперечисленные причины и особенно постоянные междоусобные войны, которые больше всего ослабляли князей, приводят князей к мысли о необходимости договориться о правилах владения Русью, о распределении русской земли между княжескими родами. По предложению Владимира Мономаха и его сына Мстислава князья в 1097 г. собрались в Любече с целью распределить земли и прекратить войны. О том, что решили князья на съезде, можно прочесть в главной русской летописи — «Повести временных лет»: «Зачем мы губим Русскую землю, постоянно враждуя друг с другом? ... Станем с этих пор жить сообща, и охранять русскую землю, и каждый пусть управляет своей отчиной...» Решение этого и последующих съездов князей, а также демографические и социально-экономические процессы, описанные выше, способствовали формированию нового порядка в наследовании волостей — удельного, который будет господствующим в XII–XIV вв. и повлияет на дальнейшие события в России.

Так как обычно социально-экономические процессы сильно растянуты во времени, трудно сказать, когда именно киевский период сменяется удельным. И если в качестве наиболее показательного фактора мы выделим роль Киева, то можно найти условную дату смены одного периода другим. Прежде всего стоит вспомнить, что с начала XII в. в южной Руси (Киев, Чернигов, Переяславль) наблюдается экономический и политический упадок. Падают доходы от торговли, уходит население, оставшихся регулярно разоряют половцы. Киев перестает быть местом политического, экономического и культурного притяжения. Главным следствием этого было то, что со смертью второго сына Владимира Мономаха Ярополка в 1139 г. окончательно рухнуло единство Киевской Руси. К этому моменту род Рюрика сильно разросся, и в нем выделилось несколько ветвей, каждая из которых претендовала на великое княжение, что долгое время совпадало с княжением в Киеве. Однако ни одна из княжеских ветвей не обладала достаточным количеством ресурсов для объединения и контроля над всеми князьями и всей русской земли. Несколько десятилетий идет жестокая и кровавая борьба за Киев, княжение в котором дает титул великого князя. И в 1169 г. Киевским князем становится Андрей Боголюбский (1169–1174), сын Юрия Долгорукого и внук Владимира Мономаха. Андрей, захватив Киев, становится самым могущественным князем Руси. И здесь происходит знаменательное событие: впервые князь, получивший киевское княжение, отказывает-

ся жить в Киеве. Андрей, став великим князем, уезжает в Суздальское княжество, откуда он был родом и где правил его отец до того, как стал Великим князем (1155–1157). Это событие наглядно продемонстрировало то, что Киев окончательно потерял свое прежнее значение. Таким образом, 1169 г. можно условно назвать годом, когда закончилась Русь Киевская и началась Русь удельная.

Становление удельного порядка означало: во-первых, князья постепенно перестают перемещаться по порядку из волости в волость, они живут и умирают в своих городах; во-вторых, княжество (удел) передается по наследству сыновьям, что было невозможно в Киевской Руси, если это не соответствовало очереди старшинства; в-третьих, княжество делится на более мелкие княжества (уделы), которые при передаче по наследству следующему поколению делятся на еще более мелкие уделы; в-четвертых, территории, на которые распадались княжества, становились независимыми друг от друга и считались личной и наследственной собственностью владельца, т.е. князья продолжали править населением как государи (собирать подати, судить, наказывать и т.д.), но землей они теперь владели на праве частной собственности.

В результате действия удельной системы Русь дробится на все более и более мелкие части, которые все меньше зависели от Киева и друг от друга и все больше замыкались в своих собственных интересах. По мере ослабления связей между различными частями социально-экономические и политические институты отдельных княжеств все сильнее отличались друг от друга. И к концу XII в. на Руси намечаются три возможных пути дальнейшего развития: демократическая форма правления на основе развитых рыночных отношений, характерная для севера и северо-запада Руси; олигархическая форма правления, опирающаяся на крупную частную земельную собственность, характерная для западной и юго-западной Руси, и монархия, основанная на государственной собственности на землю, складывающаяся на северо-востоке Руси.

Регионом, где сформировалась демократическая форма правления, была Новгородская земля, политическим, экономическим и религиозным центром которой был Новгород. Новгород расширялся на запад, север и восток, практически не встречая сопротивления. В результате в XII в. Новгородская земля включала города, построенные новгородцами в оборонительных и торговых целях (эти населенные пункты назывались пригородами — Псков, Вятка, Руса, Ладога, Торжок, Великие Луки, Ржев, Вологда, Порхов и др.). В нее также входили огромные пространства, занятые лесами, где проживали местные племена (карелы, чудь и др.) — Двинская земля, Карельская земля, район озера Селигер, Печорская земля, Пермская земля, Югра, острова на Белом море и т.д. Социально-экономическое устройство пригородов во многом копировало устройство Новгорода, т.е. они имели вече, выбирали посадников

и т.д. Пригороды должны были подчиняться решениям, принятым новгородским вече, платить дань Новгороду и собирать ополчение, если Новгород принимал решение воевать. Стоит отметить, что жители пригородов считались гражданами Новгорода и, следовательно, имели право принимать участие в обсуждении и голосовании на вече. Некоторые из пригородов, такие как Псков и Вятка, достигнув определенного уровня развития и почувствовав свою силу, отделились от Новгорода, стали самостоятельными городами-государствами и, более того, создавали свои собственные пригороды. Принадлежность же земель Новгороду заключалась в том, что новгородцы собирали дань с местного населения и не позволяли никому из чужих заниматься промыслами на территории, которую они считали своей.

В IX и X вв. в Новгороде, как и в других городах Руси, было три центра власти — князь, дружина и вече. Однако после событий начала XI в., когда новгородцы помогли Ярославу Мудрому занять Киевский стол и в награду за это получили грамоту Ярослава, власть горожан начала усиливаться. В соответствии с этой грамотой Новгород с его землями получал автономию, освобождался от дани великому киевскому князю, получал право самоуправления и право собственного суда. Стоит отметить, что если бы не было объективных условий, способствовавших усилению вече и развитию демократических институтов, таких как обсуждение на народном собрании наиболее важных вопросов (в том числе избрание князя), выборность исполнительной власти (посадника и тысяцкого), заключение договора с верховной властью (князем) и т.д., то вряд ли грамота имела бы такое значение. В качестве таких объективных причин можно выделить географическое и климатическое положение Новгорода.

Благодаря своему положению, во-первых, Новгородская земля не стала объектом перекрестных споров князей, так как находилась достаточно далеко от центра Руси, не была проходной территорией, как многие другие, и, кроме того, новгородские земли были мало пригодны для земледелия. И, во-вторых, благодаря близости Балтийского моря и множества рек с самого начала Новгород являлся торговым городом. Тот факт, что земли были неплодородные, также способствовал развитию рыночных отношений: землевладельцы не могли замкнуться в своем имении, так как земля не давала достаточного для жизни количества зерна и, следовательно, землевладельцы вынуждены были активно участвовать в рыночных отношениях. Развитие торговли способствовало росту благосостояния граждан города: богатые горожане имели возможность вооружать себя и ополчение своих пригородов в случае необходимости отстаивать свои вольности, кроме того, рыночные отношения способствовали более демократическим гражданским институтам. Например, в Новгороде и его пригородах была высокая вертикальная мобильность (богатый купец мог разориться и перейти в разряд «черных» людей, мелкий ремесленник мог

разбогатеть, купить землю и стать боярином). Это способствовало тому, что в новгородских землях не было четко выраженных сословий. Различия между социальными группами были прежде всего имущественные, т.е. основывались на величине богатства. Даже духовенство не было закрытым сословием: любой новгородец мог претендовать на получение духовного звания, и, наоборот, если духовное лицо возвращалось к мирской жизни, его за это не наказывали. Земля среди граждан города свободно покупалась и продавалась. Любой гражданин Новгорода мог стать землевладельцем. Основой правовой и судебной системы была защита прав собственности. В Новгородской республике отсутствовали телесные наказания, смертная казнь применялась только в исключительных случаях: предательство и измена Великому Новгороду.

В XII в., когда княжеская власть на Руси ослабевает и во многих городах усиливается вече, в Новгороде это проявляется особенно сильно: новгородцы осознают, что князь им не особенно нужен. Однако их попытки еще больше расширить свои вольности наталкиваются на экономические проблемы. Из-за низкого плодородия своих земель Новгород всегда зависел от внешних поставок зерна. В период Киевской Руси зерно привозилось с юга, но с упадком киевской и черниговской земель и развитием северо-восточной Руси основным поставщиком Новгорода становится Владимиро-Суздальское княжество. Эта зависимость заставляла новгородцев искать компромиссы с владимиро-суздальскими князьями, иначе князья просто перекрывали поставки зерна в Новгород, что вело к убыткам новгородских купцов, а главное — к сильному подорожанию хлеба. Таким образом, Новгороду не удается избавиться от князей. Но новгородцы оставляют за собой право выгонять неугодных им князей и призывать других, при этом права князя сильно ограничены. С князем заключался договор, где были прописаны его права и обязанности. «В древние времена виды общественной деятельности не были строго разграничены и разделены; князь, будучи предводителем ополчения и защитником земли извне, был вместе и правителем, т.е. защитником ее изнутри... И там, и здесь он, как лицо третье, не принадлежащее к земству, но призванное им, не мог действовать самобытно без воли и участия веча... Ему предоставлялся суд, но вместе с посадником... Оттого половина вир и судных пошлин, взыскиваемых с стороны, шла князю... Вся волость считалась «достоянием святой Софии», т.е. Великого Новгорода. Князь не мог приобретать в Новгородской земле имений ни покупкой, ни приобретением в дар; не мог брать закладников, следовательно, совершать сделок; это правило распространялось и на его родню, и на его дружинников. Ему дозволялось торговать в Новгороде, но не иначе, как через посредство природных новгородцев... Без участия посадников, избираемых вечем, князь не имел права назначать правителей в краю, подчиненном Великому Новгороду; отдавать в кормленье

принадлежащую Новгороду землю... Князь даже не жил в Новгороде, но на Городище; там с ним пребывала его дружина...»[1]

Несмотря на столь значительные ограничения, князьям было очень выгодно контролировать Новгород. Можно назвать следующие источники, из которых получали доходы князья: специальный налог в пользу князя, который собирался не регулярно, а при посещении князем Новгорода; судные пошлины; доходы с некоторых земель, четко зафиксированных в договоре; торговые пошлины; право охоты, рыбной ловли в оговоренных в договоре местах и в оговоренное время; право медоварения. Учитывая то, что в XII–XIV вв. Новгородская земля была намного богаче других русских земель, князья, контролирующие Новгород, получали в свое распоряжение значительные финансовые средства. Кстати, доходы князей в Новгороде контролировались новгородскими чиновниками.

Главными источниками богатства Новгорода были транзитная торговля и торговля результатами лесных промыслов, добытых в новгородских землях. В транзитной торговле Новгород участвовал с незапамятных времен. Прежде всего как посредник между Скандинавскими странами, прибалтийскими городами и Византией, так как являлся одним из важнейших перевалочных пунктов на пути из «варяг в греки». Однако к XII в. роль транзитной торговли сильно уменьшается и на первое место выходит торговля лесными промыслами со Скандинавией, Восточной Европой и Русью. Прежде всего это были меха и шкуры — товар, который составлял главное богатство Новгорода. Кроме мехов новгородцы торговали китовым и моржовым салом, которое получали с севера, дегтем, поташом, серебром, которое получали из Перми и Югры, кожей, льном, коноплей, воском. Единственный товар, подвергшийся обработке, который вывозился из Руси, были выделанные кожи — юфть. С Запада привозили: сукна, вина и пиво, изделия из металла (иголки), железо, свинец, шелк, пергамент, стекло, копченое мясо, сушеную рыбу.

В XII в. центром торговли в Балтийском регионе был город Висби на острове Готланд. В Новгороде был готский двор, через который велась торговля новгородских купцов с готскими. В течение XII в. торговля на Балтике постепенно переходит от Готланда в руки купцов северо-немецких городов, которые объединяются в Ганзейский союз с центром в Любеке. Сложившиеся за века традиции еще долго способствовали тому, что Новгород рассматривал Готланд как главного партнера. Любеку в этой ситуации приходилось делать серьезные уступки торговым партнерам, что было очень выгодно для новгородских купцов. Однако по мере вытеснения готских купцов немецкими (к XIV в. готский двор находился в подчинении у немецкого) условия торговли с городами Ганзы для новгородцев ухудшались.

[1] *Костомаров Н.И.* Русская республика. М., 2008. С. 109.

Имея достаточно слабые позиции в торговле с иностранцами, новгородцы компенсировали это в торговле с русскими землями, где вся торговля была под их контролем. На русском рынке новгородцы продавали купленные у немцев товары. Основным товаром, который закупали новгородцы, был хлеб. В IX–XII вв. хлеб закупали на юге, а затем в Суздальско-Волынском княжестве. Кроме того, стоит отметить, что новгородцы также вели активную торговлю с Востоком (хивинскими и персидскими купцами).

В юго-западной части Руси формировались иные политические и экономические институты. Во времена единой Киевской Руси Волынь и Галич с их городками были небольшими окраинными княжествами, которые доставались младшим князьям. Но с конца XI в. эти земли активно заселяются переселенцами из граничащих со степью княжеств. Плодородные земли этого региона способствовали росту богатства крупных землевладельцев — бояр. Бояре имели достаточно средств для финансирования собственных дружин, достаточно сильных для противостояния князю в случае каких-либо разногласий. Кроме того, усилению власти бояр способствовали территориальная близость Галицко-Волынского княжества с Польшей и Венгрией, тесные отношения князей этого княжества со своими западными соседями. Польские князья (особенно князья Мазовии — области вокруг Варшавы) и венгерские короли, несмотря на то что они католики, оказываются ближе и понятнее западнорусским князьям, чем русские православные князья северо-восточной Руси. Естественно, при таких условиях влияние социально-экономических институтов Венгрии и особенно Польши оказывается значительным. В Польше существовали так называемые рыцарские права (jus militer), которые освобождали вельмож от власти королевских должностных лиц, закрепляли земельные владения в частную собственность и устанавливали юридическую власть землевладельца в своих угодьях. Под влиянием такого рода институтов в юго-западной части Руси формировалась олигархическая форма правления, основанная на крупной частной земельной собственности.

Северо-восточная Русь представляет третий вариант развития. Активное заселение этих территорий начинается тогда же, когда и Галицко-Волынского княжества: переселенцы уходят из южных приграничных, наиболее опасных районов, причем большая их часть идет на северо-восток. Это связано с возросшей ролью Волги как торгового пути: из-за крестовых походов товары из Персии, Индии, Китая в Европу стараются возить по Волге, а не через Сирию по Средиземному морю.

Большую роль в заселении края играли суздальские и владимирские князья. Они строили города, крепости, церкви. Города заселяли людьми, привлекали переселенцев льготами и ссудами. «Колонизация ставила князей Верхнего Поволжья в иные отношения к своим кня-

жествам, каких не существовало в старой Киевской Руси. Там первые князья, явившись в русскую землю, вошли в готовый уже общественный строй, до них сложившийся. Правя русской землей, они защищали ее от внешних врагов, поддерживали в ней общественный порядок, доделывали его, устанавливая по нуждам времени подробности этого порядка, но они не могли сказать, что они положили самые основания этого порядка, не могли назвать себя творцами общества, которым они правили. Старое киевское общество было старше своих князей. Совсем иной взгляд на себя, иное отношение к управляемому обществу усвоили под влиянием колонизации князья Верхневолжской Руси. Здесь, особенно за Волгой, садясь на удел, первый князь его обыкновенно находил в своем владении не готовое общество, которым предстояло ему править, а пустыню, которая только что начинала заселяться, в которой все надо было завести и устроить, чтобы создать в нем общество. Край оживал на глазах своего князя: глухие дебри расчищались, пришлые люди селились на «новях», заводили новые поселки и промыслы, новые доходы приливали в княжескую казну. Всем этим руководил князь, все это он считал делом рук своих, своим личным созданием. Так колонизация воспитывала в целом ряде княжеских поколений одну и ту же мысль, один взгляд на свое отношение к уделу, на свое правительственное в нем значение. Юрий Долгорукий начал строить Суздальскую землю; сын его Андрей Боголюбский продолжал работу отца; недаром он хвалился, что населил Суздальскую землю городами и большими селами, сделал ее многолюдной. Припоминая работу отца и свои собственные усилия, князь Андрей по праву мог сказать: «Ведь это мы с отцом сработали Суздальскую Русь, устроили в ней общество»... Мысль: это мое, потому что мной заведено, мною приобретено, — вот тот политический взгляд, каким колонизация приучала смотреть на свое княжество первых князей Верхневолжской Руси»[1]. Такого рода представления князей создавали основу для их претензий на неограниченную власть политическую, т.е. власть, не ограниченную боярами или вечем, и экономическую, т.е. право распоряжаться основным ресурсом — землей (жаловать и конфисковывать) по своему усмотрению. Стоит отметить, что пока это были только претензии: князь, который впервые проведет конфискации, будет Иван III. В описываемый же период князь, пытавшийся править самодержавно, Андрей Боголюбский, был убит людьми из своего окружения.

Земли князя в этот период можно разделить на три группы. Во-первых, земли дворцовые, доходы с которых шли на содержание князя, его семьи и двора. На этих землях работали княжеские холопы (страдники), посаженные на землю, или же земли отдавались в обработку свободным крестьянам с обязательством поставлять ко двору князя огово-

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 279

ренное количество урожая. Во-вторых, так называемые черные земли, которые сдавались князем в аренду крестьянам, крестьянским общинам или людям из других социальных групп. Арендная плата, платившаяся за пользование этими землями, называлась оброк, поэтому эти земли стали называться оброчными. В-третьих, земли, принадлежавшие частным собственникам: боярские земли, церковные земли. Именно эти земли станут предметом жестокого спора между государством и элитой. С одной стороны, князь считался верховным собственником этих земель, но его права в этот период сильно ограничивались правом частной собственности, подтвержденным традицией нескольких веков. Это противоречие получило кровавую развязку в XVI в.

Таким образом, можно сказать, что в северо-восточной Руси начинает формироваться третий вариант развития: создаются предпосылки для становления монархии, основанной на преобладании государственной земельной собственности.

Несмотря на серьезные различия, существовавшие в этих трех регионах России, социально-экономическое устройство общества оставалось во многом одинаковым, так как базовые социально-экономические институты были получены в наследство от Киевской Руси. Характерной чертой социального порядка Руси было отсутствие сословий, т.е. замкнутых групп общества, с достаточно четко установленными либо законом, либо обычаем правами и обязанностями, что было характерно для средневекового Запада. На Руси социальные группы различались по роду деятельности и по размерам своего движимого (товары, капитал) или недвижимого имущества (земля). Однако жестких границ между социальными группами (кастовых, как в Индии, или сословных, как в Западной Европе) не было: крестьянин мог стать дружинником, дружинник купцом, купец холопом и т.д.

Несмотря на относительно высокую для традиционного общества вертикальную мобильность, на Руси XI–XV вв. можно выделить две основные социальные группы. Первая — служилые люди: бояре, дружинники, слуги вольные. Служилые люди могли сильно различаться по имущественному положению, по своему положению в обществе, но всех их объединяло то, что все они состояли на службе у князя по договору с ним. Служилые люди могли получить от князя землю, и эта земля становилась их собственностью. Они заселяли эту землю на самых разных условиях: либо сажали своих холопов, либо давали в аренду крестьянам за оброк (если у крестьянина был свой инвентарь и возможность поставить дом). Если у крестьянина не было денег на инвентарь и обзаведение хозяйством, то ему землевладелец давал ссуду и тогда крестьянин должен был платить оброк и выплачивать или отрабатывать ссуду и проценты по ней. Служилые люди «... признавали власть его <князя> над собой, пока ему служили; но каждый из них мог покинуть князя и перейти на службу к другому. Это

не считалось изменой князю. Уделы не были замкнутыми политическими мирами. Покинув князя, вольные слуги его сохраняли даже свои права на земли, приобретенные ими в покинутом княжестве»[1].

Вторая группа — черные люди. Это городские и сельские жители, которые признавали власть князя, платили налоги, подчинялись его юрисдикции. Но в любой момент они могли уйти от одного князя к другому без всякого для себя ущерба, если условия в другом уделе им казались лучше. Так как земли было относительно много по сравнению с населением, то крестьянам не было необходимости покупать землю. Князья и частные землевладельцы конкурировали за рабочие руки и старались предоставить наиболее выгодные условия для желающих обрабатывать землю.

Сложно сказать, как развивались бы отношения между различными частями страны, какой из этих трех вариантов мог бы оказаться преобладающим в русской земле, но вмешалась внешняя сила, которая сильно скорректировала дальнейшую эволюцию России.

Русь и монголо-татарское иго

В 1206 г. в далекой Монголии происходит событие, изменившее дальнейший ход истории многих стран. На курултае (собрании родовых вождей) один из родовых вождей — Темучин был провозглашен императором Земли, и был назван новым именем Чингисхан.

На Руси начало XIII в. характеризуется относительной стабильностью. Половцы, разбитые в 1203 г. Романом Галицким, хотя и продолжают периодические набеги, но их позиция становится менее враждебной: большинство половецких ханов склоняются к переговорам и стремятся принять участие в посреднической торговле между русскими и Востоком. Свою роль сыграла и распространившаяся практика династических браков русских князей со знатными половчанками. Владимиро-суздальский князь Всеволод III Большое Гнездо (брат Андрея Боголюбского), будучи после смерти Романа Галицкого наиболее могущественным князем Руси, на некоторое время прекращает междоусобные войны.

В Западной Европе в это время жили крестовыми походами в Палестину против неверных (мусульман) и в Константинополь против раскольников (православных), что привело к созданию Латинской империи на территории Византии. Два лидера западно-христианского мира — римский папа и император Священной Римской империи — боролись за единоличную гегемонию. Франция вела борьбу с правившей в Англии династией Плантагенетов, в ходе которой погиб один из самых известных королей Англии Ричард Львиное Сердце. Испания в основном оставалась под властью арабов. На севере Европы окончательно сложились христи-

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 286

анские королевства Швеция, Норвегия и Дания, больше не пугавшие ближние и дальние земли нашествиями викингов.

Ни в Европе, ни в России даже не подозревали о существовании Монголии и, естественно, ничего не знали о только что появившейся монгольской империи.

Новая империя начала очень быстро расширяться. Основными причинами военных успехов армии Чингисхана историки называют, во-первых, монгольский лук «саадак», стрелы которого пробивали любые доспехи на расстоянии 300 шагов[1], и, во-вторых, способ организации войск: «Монгольская армия XIII в. ... являлась, вне сомнения, наилучшей военной организацией мира в этот период. В основном она состояла из кавалерии, сопровождаемой инженерными войсками... монголы использовали тяжелую кавалерию в дополнение к легкой»[2]. К началу 1220-х гг. были завоеваны огромные территории: подчинены многие монгольские и тюркские племена, завоеваны северный Китай, Персия, шло подчинение Хорезма. Во время кампании против шаха Хорезма армия Чингисхана достигла Азербайджана, и было принято решение двум армиям пройти на север через Кавказ и провести разведку «западных стран». Одним из событий этого рейда было жестокое поражение объединенных русско-половецких войск на реке Калка в 1223 г. Это была первая встреча русских с монголо-татарами.

В 1225 г. после успешных походов Чингисхан вернулся в Монголию, и там в 1226 г. умер. На курултае 1229 г. великим ханом был избран сын Чингисхана Угэдэй, который продолжил расширение империи. И в 1235 г. на совете курултая было принято решение направить две армии на покорение Кореи и Южного Китая, одну на покорение Ирака, Сирии, Кавказа и сельджукского султаната и одну армию — на покорение Европы.

Западной армией командовал внук Чингисхана — Бату (по-русски Батый). За пять лет с осени 1236 по декабрь 1241 г. монголы прошли, разоряя все на своем пути, Волжскую Булгарию, Русь, Польшу, Чехию, Моравию, Венгрию, Хорватию и подошли к Вене. Но 11 декабря 1241 г. умер великий хан Угэдэй. И Батый, возможно, потому, что борьба за власть в Монголии была намного важнее завоевания Западной Европы, или потому, что армия ослабла и устала в столь продолжительном походе, решил повернуть обратно. Однако он не вернулся в Каракорум — столицу монгольской империи, куда направились другие царевичи для избрания великого хана. Батый остановился у Волги и создал на территории южной Руси и половецких степей кипчакское ханство, которое будут называть Золотой Ордой, со столицей в городе Сарай.

---

[1] *Маркевич В.Е.* Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 22.

[2] *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь, М., 2004. С.116

В это время западные страны не только не были в состоянии объединиться против врага, более того, они решили воспользоваться ситуацией и попытаться, пока на них не напали монголы, расширить свои территории за счет разграбленных монголами регионов.

Еще в конце XII — начале XIII в. в восточно-прибалтийском регионе появляются сначала немецкие купцы, торгующие с Новгородом и Псковом, затем католические миссионеры, обращающие в христианство языческие племена литовцев, латышей и др., а затем немецкие рыцари-крестоносцы, отвоевывающие пространство для своих купцов и своей веры. В 1186 г. не очень дальновидный полоцкий князь разрешил немецкому епископу построить церковь, а затем и крепость на территории своего княжества. К 1202 г. уже основана Рига и возникает орден меченосцев (впоследствии — Ливонский орден), целью которого было обращать в католицизм не только язычников, но и православных. В 1229 г. один из польских князей призывает из Палестины рыцарей Тевтонского ордена для защиты от самого воинственного литовского племени — пруссов. Рыцари были очень воинственны и хорошо организованны. Они составили четкий план завоевания территории, где в соответствии со стратегическими соображениями были перечислены районы, подлежащие завоеванию. «Каждый год предполагалось захватывать небольшой район Пруссии. После его оккупации крестоносцами местное население должно было либо уничтожаться, либо выселяться, должны были строиться замки и церкви и селиться немецкие колонисты»[1].

Итак, в 1240 г., в то время когда монголы разоряли южную Русь, немецкие рыцари овладели Псковом, а шведы напали на Новгород. Шведы, достаточно быстро разбитые на Неве князем Александром Ярославичем, в том же году ушли обратно. Немцы, обосновавшись в Пскове, в течение двух лет грабили новгородские земли, убивали русских купцов, шедших с товарами. Но в 1242 г. они потерпели сокрушительное поражение в битве, известной как Ледовое побоище, от войск Александра Невского. Эти две битвы имели огромное значение для России, так как остановили продвижение немцев на восток.

После поражения немцев на Чудском озере папы римские перестали возбуждать рыцарей на крестовые походы против русских, а решили избрать другой путь, пытаясь подчинить Русь католической церкви, они стали активно использовать дипломатию. Осознавая, что русским нужна помощь для освобождения от монголо-татар, папа Иннокентий IV присылает целый ряд посольств и булл к русским князьям: он предлагает помощь Запада в обмен на принятие католицизма.

Александр Невский, который только что бился с представителями Запада за русскую землю, полагал, что условия, при которых может прийти помощь от папы, будут еще жестче, чем условия монгольского

[1] *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь, М., 2000. С. 257.

господства: и те и другие хотят подчинения, но от монголов можно откупаться данью, Запад же претендует на вмешательство во внутреннюю жизнь. Кроме того, после разграбления Константинополя в 1204 г. и завоевания Византии крестоносцами трудно было воспринимать Запад как союзника. И Александр Ярославович делает важнейший политический выбор: он отвергает предложение папы, едет в 1247 г. на поклон к хану и получает от него ярлык на Великое княжение.

В это же время князь юго-западной Руси Даниил Галицкий, который «был после Мономаха самый блестящий представитель рыцарственного поколения южнорусских князей, со всеми их доблестями и недостатками»[1], попытался действовать иным образом. Он пытается организовать сопротивление монголо-татарам и обращается к императору Священной Римской империи и папе за помощью. После долгих переговоров Даниил соглашается отдать себя под покровительство римского папы, но обещанной помощи он так и не получает. И в 1250 г. он, так же как и Александр Невский, вынужден ехать в Орду и признать свое подчинение хану. В 1255 г. надежда на освобождение от татар ненадолго возвращается. Папский легат по поручению Иннокентия IV коронует Даниила Галицкого. (Это первый и единственный король в русской истории.) Даниил в союзе с литовским князем Миндовгом пытается отвоевать у татар некоторые города бывшего Киевского княжества, но монголо-татары высылают против Даниила карательные войска, а помощь с Запада так и не приходит. Становится понятно, что Русь завоевана надолго.

Один за другим князья побывали в ставке Батыя и признали господство хана. Те из них, кто отказывался выполнять монгольские обряды, как, например, Михаил Черниговский, были казнены. Для утверждения на великое княжение согласия хана Золотой Орды было недостаточно, необходимо было ехать в Каракорум к великому хану. Русские князья теперь правят по воле хана и от его имени. Подчинение русских князей было первой задачей хана, далее необходимо было организовать управление покоренной территорией и сбор дани с населения.

В момент появления монгольской империи монголы не имели письменности (Чингисхан умер неграмотным). Но ко времени завоевания Руси монгольская империя с помощью китайских и мусульманских советников смогла сформировать эффективные военную, административную и финансовую системы. В административной и финансовой сферах монголы во многом опирались на опыт китайской империи, особенно использовались китайские административные и финансовые институты для управления на завоеванных территориях. Наиболее известными советниками Чингисхана были Елюй Чуцай и Махмуд Яловач[2]. «Необходимо подчеркнуть, что это была совершенная и уникальная по тем

---

[1] *Иловайский Д. И.* Становление Руси. М., 2005. С. 735.

[2] *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь, М., 2004. С. 67.

временам государственная система — продукт двухтысячелетнего развития китайской цивилизации. Нигде в мире в те времена не было столь четкой бюрократической организации, организации, способной производить переписи и кадастры и собирать налоги в соответствии с доходами плательщика. Европа в этом отношении не могла сравниться со странами Востока — хорошо известно, что первый кадастр во Франции провел император Наполеон, а до этого налоги собирались «абы как», «навскидку».[1] Таким образом, на Руси появляются элементы китайской и персидской административных систем.

Региональные различия, существовавших на Руси еще до монголо-татарского нашествия, после завоевания проявились в различных формах управления монголами этими частями, что еще больше углубило различия между ними. В южной Руси было установлено прямое управление ханами Золотой Орды, т.е. в данном регионе теперь не было русских князей. В 1245 г. там была проведена перепись населения для того, чтобы установить количество налогоплательщиков и их платежеспособность, а также возможное число рекрутов для монгольской армии. Перепись являлась частью социально-экономической системы, сформировавшейся в монгольской империи по образцу системы, существовавшей в Китае, под руководством китайских советников Чингисхана и его сына Угэдэя. Для организации сбора налогов и реализации рекрутской повинности население было поделено на десятки (общины), сотни (несколько общин) и орды. Члены этих административных единиц сами избирали старших над ними и ответственных перед монгольскими чиновниками: десятских, сотских и ватаманов (предводитель в переводе с персидского).

В Галицко-Волынской Руси перепись была проведена в 1260 г. Население в юго-западной и западной Руси было организовано так же, как и в южной, но ответственным за сбор налогов перед монголами был князь. Монгольская система управления просуществовала в этих регионах до середины XIV в. В 1349 г. Галич был отвоеван у монголо-татар поляками и соответственно перешел под власть польского короля. А к 1363 г. большинство западнорусских земель признали господство литовского князя и перестали платить дань монголам. Таким образом, эта часть Руси освободилась от монгольского ига примерно на 100 лет раньше остальной, попав при этом под католическое влияние. Из документов послемонгольского периода известно, что члены общин были прикреплены к своим общинам и могли уйти только если они находили себе замену. Однако трудно сказать, установилось ли это прикрепление при монголах или уже при польском или литовском господстве.

Новгородская земля, включая Псков и Вятку, не была захвачена монголами во время похода Батыя в 1237–1240-х гг. Но в 1258 г. хан

[1] *Нефедов С.А.* А было ли иго? // Урал индустриальный: сб. Екатеринбург, 2001. С. 24–33.

прислал в Новгород чиновников для проведения переписи. Новгородцы первоначально пытались сопротивляться, впоследствии, осознав грозящую опасность, разрешили «численникам» провести перепись. Однако новгородцам удалось добиться того, что монгольские чиновники не остались в городе, и налоги для хана новгородцы собирали сами. Монголо-татарское иго в Новгородской земле выражалось в выплате дани и принятии того князя, который получал ярлык на Великое княжение от хана. Учитывая, что договоры Новгорода с князем сильно ограничивали власть последнего и соответственно власть хана, а дань была переложена на смердов, которые не имели гражданских прав, и жителей пригородов, новгородцы не считали себя зависимыми от Орды.

В северо-восточной Руси, Рязани и Смоленске перепись населения проходила дважды — в 1257–1258 и в 1274–1275 гг. (Приказ о проведении второй переписи во всей Монгольской империи пришел от великого хана Хубилая, так как ему нужны были дополнительные войска для войн в Южном Китае и Индокитае.) Данные второй переписи оставались базой для налогообложения населения до середины XV в. «Численники» поделили население на десятки, сотни, тысячи и тьмы (десятки тысяч). Князья этих земель остались у власти, однако их полномочия долгое время были сильно ограничены. Хан мог в любое время отнять ярлык на княжение и передать другому князю. В городах присутствовали сборщики налогов и ханские чиновники с отрядами, которые следили за степенью лояльности хану.

Первоначально сбор налогов был отдан на откуп мусульманским (в основном хорезмским) купцам. «Способ сбора дани был очень отяготителен. В случае недоимок откупщики насчитывали большие проценты, а при совершенной невозможности платить брали людей в неволю. Кроме того, они раздражали народ неуважением к христианской вере»[1]. Недовольство откупщиками привело в 1262 г. к ряду крупных восстаний в Суздале, Владимире, Ростове, Ярославле и других городах, в ходе которых были перебиты многие откупщики. Первоначальной реакцией хана Берке, который тогда правил в Золотой Орде, было наказать мятежников. Но Александр Невский, который был великим князем, успел приехать в Орду и уговорить хана не посылать карательные отряды. Более того, в результате дипломатической деятельности Александра Невского хан изменил систему сбора дани. С 1260-х гг. откупщики больше не посылались на Русь, и с этого времени до начала XIV в. налоги собирали монгольские чиновники — баскаки. В первой трети XIV в. в русских городах происходит ряд восстаний против баскаков. После жестокого подавления восстаний баскаки из Руси отзываются и сбор «выхода» переходит в руки русских князей. На Руси появляются четыре великих

[1] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995. С. 137.

князя — Московский, Тверской, Рязанский и Суздальский, которые получают право самостоятельно собирать налоги и привозить их хану. В конце XIV в. московскому великому князю удается замкнуть на себя все финансовые отношения с Ордой: в 1383 г. Тохтамыш передает сбор дани в руки московского князя в надежде на помощь Москвы против Тимура. Это способствовало значительному увеличению финансовых ресурсов великих князей и усиливало их власть.

Помимо налоговой системы в этот период формируется система таможенных обрядностей: мыт и тамга. Мыт зародился в древности как единая торговая и проезжая пошлина. Тамга была принесена на Русь монголо-татарами (тамга в переводе с тюркского означает знак собственности, клеймо или печать) и стала торговой пошлиной. Проезжие пошлины взимались на мытах за право проезда с товаром, торговые взимались за право торговли товарами, т.е. за право купли и продажи. Мыт же взимался с количества возов или лодок независимо от ценности товара. Мыта было два: мыт сухой с возов и мыт водяной с лодок. Разновидностями мыта были головщина и костка, т.е. сбор с лиц, везущих товар. При возвращении купца кое-где взималась разновидность головщины — задние калачи. Если воз измерялся сажнями, то собиралось посаженное. При попытке купца объехать таможню и уклониться от уплаты пошлины с него взимался двойной штраф с воза — промыт, а с купца — дополнительный штраф — замыт. Мостовщики и перевоз — это сбор за право провоза товара через мосты и по перевозам. Мыт просуществовал до середины XVIII в. Тамга остается до настоящего времени, видоизменилось только ее содержание. Постепенно тамга стала одной из наиболее доходных пошлин, взимаемых со стоимости товара. Ее название перешло на все сборы, получившие наименование таможенных, и на место их сбора — таможню.

Северо-восточная Русь рассматривалась как часть Золотой Орды, которая, в свою очередь, была частью великой Монгольской империи: хан Золотой Орды подчинялся Великому хану. Однако в 1360 г. Южный Китай восстал против великого хана и в 1368 г. монгольская династия Юань была свергнута, что означало конец великой Монгольской империи. Она распадается на отдельные части, называемые обычно ордами.

Примерно в это же время начинается затяжной кризис в Золотой Орде. Русские воспользовались ситуацией и выступили против монголо-татарских войск. Результатом были две крупные победы — в 1378 г. на реке Воже и Куликовская битва 1380 г. Несмотря на то что не удалось окончательно избавиться от ига (пришедший в Орде к власти Тохтамыш оказался сильным правителем и вновь подчинил Русь), эти победы имели огромное морально-психологическое значение.

После Куликовской битвы Золотая Орда просуществовала еще 100 с небольшим лет. Но уже в 90-х гг. XIV в. в ней вновь наступает полоса кризисов. Наиболее сильным ударом для Орды было нашествие Тиму-

ра (Тамерлана) — предводителя одной из орд, появившейся после распада великой Монгольской империи. Разрушение крупнейших городов Золотой Орды не только подорвало торговлю, но и привело к падению ремесла в этих городах. Кроме того, Тимур попытался лишить возможности восстановить торговые и финансовые потоки Золотой Орды и стимулировал изменение торговых маршрутов китайской и индийской торговли с Западом из северных районов Каспия и Черного моря в Персию и Сирию. Только на окраинах Золотой Орды — на Средней Волге и в Крыму — остались не разрушенные Тимуром города.

Все это сильно ослабило Орду и стало причиной ее распада: в 20-х гг. XV в. появляется Сибирское ханство; в 1445 г. выделилось Казанское ханство; в 1449 г. — Крымское ханство. Остатки Золотой Орды, расположенной вокруг Сарая, еще некоторое время претендовали на верховенство в русской политике и на получение дани с Руси, но в 1480 г. после стояния на реке Угре русское государство окончательно освободилось от зависимости. Правда, стоит отметить, что крымскому хану Россия посылала «поминки» до азовских походов Петра I.

Оценки последствий монголо-татарского ига для нашей страны в последнее время носят дискуссионный характер в российской историографии. Ряд историков считает, что из-за почти 250-летнего ига Россия отстала от Запада и свернула с европейского пути, который был характерен для Киевской Руси, став подобной восточным деспотиям. Другие считают, что благодаря монголо-татарам Россия, используя опыт передовых в то время Китая и Персии (административный аппарат, армия и т.д.), создала мощное государство, смогла защитить свое существование, значительно расширить свою территорию и стать империей. Третьи утверждают, что влияние монголо-татарского ига на Русь было минимально.

Не углубляясь в дискуссию, можно выделить следующие последствия татаро-монгольского ига. Прежде всего это катастрофические разрушения, которым подверглась Русь во время набегов монголо-татар. Особенно стоит отметить погром 1238–1240 гг., набег 1252 г., набеги 1281 и 1293 гг., связанные с борьбой Андрея Городецкого и Дмитрия Переяславского за великое княжение, карательный поход на Тверь 1327 г., сожжение Москвы 1382 г., нашествие Едигея в 1408 г.

Наибольший ущерб был нанесен городам и городской экономике. Основные экономические, политические и культурные центры — наиболее древние города Киевской Руси — были разрушены до основания. Было уничтожено почти 3/4 крепостей, волостных центров. Произошло массовое уничтожение людей, огромное количество было продано в рабство и уведено в Орду: население Руси уменьшилось на 10%. На юге обезлюдели огромные территории — Киевская, Черниговская и Переяславская земли. Чувство страха и унижения сопровождало русского человека на протяжении долгого времени.

Еще более драматичным было то, что система, введенная монголами, не позволяла городам восстановиться. До монголо-татарского нашествия жители городов Киевской Руси, так же как и жители городов Западной Европы, были привилегированной социальной группой: они не платили дань и имели право участвовать в политической жизни через участие в вече. Привлекательность статуса горожанина способствовала притоку населения в города, увеличению емкости рынка, развитию ремесла, торговли, строительства, образования. Завоевав Русь, монголо-татары обложили податью все население, в том числе и городское, ввели практику увода квалифицированных мастеров и ремесленников в Орду, что привело к исчезновению многих ремесел (производство эмали, скани, глазированной полихромной керамики, стеклянных и бронзовых бус, техники чернения, резьбы по камню). Страх быть уведенным в Орду являлся антистимулом для передачи опыта и мастерства детям, мало было желающих осваивать ремесла и повышать квалификацию. Помимо дани на население была возложена воинская повинность. Все это ведет к тому, что народ перестает стремиться в города и, наоборот, из городов уходит подальше в глубь лесов. Отток населения из городов ведет к их упадку, что сокращает строительство и приводит к регрессу всех ремесел, связанных со строительством. Только в середине XIV в., когда власть монголов ослабла, начинается возрождение городов и ремесел. Однако стоит отметить крайне важный факт: то небольшое количество ремесленников, которое оставалось на Руси, как правило, жили в княжеских владениях и работали на князя. И когда начинается возрождение и рост ремесла, ремесленники продолжают работать не на рынок, а на князя.

Сельское хозяйство пострадало меньше, чем городская экономика, хотя в некоторых регионах из-за снижения плотности населения происходит возврат от трехпольной системы к подсечно-огневой. В целом можно говорить об устойчивом росте сельского хозяйства в Восточной Руси в монгольский период. Главной причиной этого роста была миграция населения в районы Москвы и Твери как наиболее безопасные и соответственно увеличение запашки. Увеличению запашки так же способствовало распространение в этот период железных топоров, пил и других плотницких инструментов, что облегчало борьбу с лесом.

Торговля в первый период монгольского правления, так же как и ремесло, приходит в упадок (исключая Псков и Новгород, не захваченные монголами). Прежде всего из-за разорений, кроме того, из-за монополии мусульманских купцов центральноазиатского происхождения. И только в XIV в. русские купцы (в основном из Твери и Москвы) включаются в торговлю с Востоком. К концу XIV в. они уже контролируют судоходство на Волге, торгуют с городами в Азовском регионе (особенно с городом Сурож) и Крыму. Через Новгород и Псков растет торговля с Западом, например, из Твери в Богемию экспортировались замки. Однако объемы торговли в этот период намного меньше, чем во времена Киевской Руси.

Таким образом, главным последствием монгольского ига можно назвать структурные изменения в экономике. Во-первых, рост удельного веса сельского хозяйства. Во-вторых, не только относительное, но и абсолютное сокращение городов, ремесла и торговли. В-третьих, изменение структуры собственно городской экономики. В домонгольский период экономика базировалась на развитых товарно-денежных отношениях, в монгольский период города превращаются в сельские поселения: горожане заводят большие сады и огороды, разводят домашнюю птицу и мелкий скот. Увеличивается значение крупных земельных поместий. Возрождающиеся ремесла опираются не на массовый потребительский спрос, т.е. рыночные отношения, а на заказы князя и его бояр-вотчинников, т.е. потребности формирующегося государства.

Значительным изменениям в монгольский период подверглась сфера политического и административного управления. В области внутренней политики наблюдается резкое сокращение свобод всех слоев населения. В домонгольской Руси существовало три центра власти: вече, дружина, князь. С завоеванием Руси монголами вече теряет свою силу, так как мнение народа больше никого не интересует: у хана достаточно войск, чтобы покарать непокорных, более того, князья также могут использовать татарские войска в своем противостоянии с народом. (Вече остается в городах, не захваченных монголами: в Новгороде, Пскове и Вятке.) Дружинные отношения приходят в упадок. Значительная часть дружинников погибла во время противостояния с монголо-татарами, и так же как в случае с вече, князь при разногласиях с дружиной и боярами теперь может прибегнуть к такому убедительному аргументу, как хан и его войско. Таким образом, постепенно исчезают местные институты, ограничивающие княжескую власть; единственным и главным ее ограничителем является воля хана. Первые сто лет ига эти ограничения очень сильны. Роль князей, в том числе и великого князя, сводится к хозяйственному управлению своим уделом.

В области административного управления монголы, как уже говорилось, вводят на Руси систему по китайскому образцу. Ее признаки — перепись и прямое обложение налогами всего населения, введение круговой поруки для облегчения сбора налогов, введение воинской повинности, выстраивание ямской (дорожной) службы для повышения эффективности управления, устройство почтовой системы. Все эти меры создавали институциональную основу и инфраструктуру для управления отдаленными друг от друга и слабо связанными экономически территориями, которыми воспользовались московские князья, как только начала ослабевать монгольская власть.

Еще одним очень важным последствием монголо-татарского ига был рост монастырей и рост их богатства. Монголы уважительно относились к различным религиям. Монастырям ханы выдавали тарханные (охранные) грамоты, освобождавшие их от налогов. Это способствовало притоку

населения на монастырские земли и росту богатства монастырей. В XIV в. было основано более 200 монастырей — больше, чем за всю предыдущую историю. Монастыри становятся центрами сохранения идей о единстве русской земли, поддержания духовных традиций Древней Руси, центрами письменности, образования и искусства. Православная религия стала идеологической основой для последующего объединения Руси.

Таким образом, изменения, связанные с монголо-татарским игом, способствовали созданию централизованного государства с неограниченной верховной властью, способной управлять огромной территорией, состоящей из различных — в этническом, религиозном, экономическом и социальном отношении — регионов.

Вопросы для обсуждения

- Какую роль сыграли варяги в становлении Русского государства?
- Каково влияние степных кочевников на Русь?
- Была ли частная собственность в Киевской Руси?
- Можно ли провести аналогию между городами Киевской Руси и Древней Греции, Киевской Руси и средневековой Европы?
- На какие доходы жил киевлянин или черниговец в X в.?
- Почему Русь приняла христианство по византийскому образцу?
- Почему распалась Киевская Русь?
- Каково отношение князей к земле в киевский и в удельный периоды?
- Почему русское общество было подвижным и на что это повлияло?
- Был ли у Руси в XIII в. выбор между Западом и Востоком?
- Почему северо-восточная Русь оказалась сильнее других земель?
- Как повлияло монголо-татарское иго на эволюцию русского государства и общества?

Литература

1. *Вернадский В.Г.* Киевская Русь. Тверь, М., 2000.
2. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953.
3. *Иловайский Д.И.* Становление Руси. М., 2005.
4. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988.
5. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн.1. М., 1995.
6. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
7. *Нефедов С.А.* А было ли иго? // Урал индустриальный: сб. Екатеринбург, 2001.
8. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850.
9. Правда русская / Под ред. Б.Д. Грекова. Т. II. М., 1947.
10. *Розинская Н.А.* Социально-экономическая история России, т.1, М., 2009.
11. *Шапиро А.Л.* Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977.

ЛЕКЦИЯ 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА — МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА (1453–1613 гг.)

Н.А. Розинская

Начало централизации русских земель

По мере того как слабела Орда на Руси формировались силы, готовые ее заменить. Идея объединения русских земель продолжала жить, несмотря на усобицы и татаро-монгольское иго. Реализоваться эта идея могла только с появлением сильного центра притяжения среди русских земель. В начале XIV в. на эту роль могли претендовать княжества, отвечающие определенным критериям: удаленность от опасных окраин, наличие удобных торговых путей, наличие пригодной для возделывания земли и авторитетных князей. Этим критериям отвечали Ростов, Переяславль, Москва и Тверь.

Москва и Тверь появляются в XII в.: Тверь входит в Переяславское княжество, а Москва — в состав великого княжества Владимирского. В первой половине XIII в. они выделяются в самостоятельные княжества. Конкурируя за людей (трудовые ресурсы) и стараясь привлечь на свою территорию крестьян, ремесленников, купцов, служилых людей, оба княжества проводят политику «тишины»: стараются обеспечить безопасность в княжестве, не обременяют население налогами и обеспечивают справедливый суд. Нормальные отношения с ордынскими ханами и отсутствие династических распрей способствовали проведению этой политики. Результатом политики «тишины» был быстрый рост этих княжеств.

Политическим центром в этот период было Ростовское княжество. Ростовские князья долгое время имели тесные связи с ханом, получали от него ярлык на великое княжение и контролировали другие княжества. Однако после того, как младший сын Александра Невского Даниил Александрович Московский (князь Московский, 1276–1303) захватил Коломну, нанеся поражение рязанскому князю и войскам монгольского баскака, вставшего на сторону рязанского князя, и затем захватил Мо-

жайск, стало понятно, в том числе и ордынским ханам, что центр силы переместился из восточной Руси (Ростов, Владимир, Суздаль) в центральную Русь (Переяславль, Тверь, Москва).

Как раз в это время умирает бездетным переяславский князь. И между Тверью и Москвой разгорается борьба за княжество Переяславское. Спор был разрешен ордынским ханом Тохтой, который в своей политике на Руси решил опираться на более сильные центральные княжества: он передал великое княжение от ростовского князя тверскому, а московскому оставил Переяславль. Таким образом, на Руси осталось два главных соперника, претендующих на то, чтобы стать центром объединения Руси: Тверь и Москва. Соперничество проявлялось прежде всего в борьбе за великое Владимирское княжение, ярлык на которое получали в Орде.

Первоначально удача сопутствовала тверским князьям, но в 1325 г. в Москве князем становится внук Александра Невского Иван Данилович (Иван I Калита) (1325–1340). Ему удалось расположить к себе хана Узбека (правителя Золотой Орды с 1313 до 1341 г.), которому он всячески пытался угодить. И когда в Твери вспыхнуло восстание против ханского баскака Чолхана, хан передал ярлык на великое княжение от тверского князя московскому — Ивану Даниловичу. Именно при этом князе Москва становится главным центром притяжения.

Можно выделить ряд факторов, сыгравших важную роль в становлении Москвы как центра Руси. Во-первых, выгодное географическое положение: Москва контролировала внутренний путь, связывающий верхнюю Волгу и верховье Оки. Через Москву по рекам проходили дороги и с севера на юг (из Ростова в Киев), и с запада на восток. Положение Москвы было выгодным и с торговой точки зрения, и с точки зрения военно-стратегической.

Во-вторых, политика, направленная на благоустройство земли, гражданский мир и безопасность, которую продолжил проводить Иван Калита, что привлекало переселенцев из других княжеств. Очень важной была приостановка татарских набегов на длительный период: за это время выросло несколько поколений, у представителей которых уже не было «безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином: они и вышли на Куликово поле»[1] 8 сентября 1380 г.

Стабильности способствовал сложившийся в Москве порядок передачи власти по нисходящей от отца к сыну без споров и усобиц, при котором все больше усиливался старший князь по отношению к своим родственникам — младшим удельным князьям.

В-третьих, получив великое княжение, Иван Калита способствовал переходу к нему на службу бояр и служилых людей из других княжеств, что укрепляло военную мощь Москвы и ослабляло другие княжества,

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 2. С. 20.

прежде всего Суздаль, Тверь и Рязань, которые не были подчинены великому князю, а находились в прямой зависимости от хана и были потенциальными конкурентами Москвы.

В-четвертых, получив право сбора «выхода» для хана, московский князь значительно укрепил финансовое положение княжества и получил возможность покупать земли и другие уделы, увеличивая свое княжество.

В-пятых, в 1353 г. сын Ивана Калиты Иван II получил от хана вместе с ярлыком на великое княжение и право судебной власти над всеми князьями северной Руси.

И в-шестых, митрополит переносит свою резиденцию из Владимира в Москву, что еще сильнее возвышает Москву над другими княжествами.

И последний, но не менее важный фактор — это поддержка Новгорода в противостоянии с Тверью. Тверь, имея общую границу с Новгородом, представлялась последнему гораздо опаснее Москвы. Поэтому Новгород щедро финансировал Москву, что также способствовало росту богатства московских князей.

Таким образом, Москва становится финансовым, военным и религиозным центром северо-восточной Руси.

Однако до окончательной победы было еще далеко. Во второй половине XIV в. серьезным соперником Москвы по собиранию русских земель становится Литва. Это государство появилось в процессе борьбы литовских племен с немецкими рыцарями (Тевтонским и Ливонским орденом) и к середине XIV в. окрепло настолько, что в 1361 г. литовский великий князь Ольгерд занял Киев, разбил монгольский отряд и занял Подолье. Образовалось Литовско-Русское государство от Прибалтики до Черного моря. Стоит отметить, что во вновь появившемся государстве основную массу населения в тот период составляли русские православные, основным языком общения был русский. У литовцев до XIV в. не существовало письменности, поэтому все законы и судопроизводство велось на русском языке. На этом основании Великое княжество Литовское рассматривало себя как одного из наследников Киевской Руси. Литва начинает активную борьбу с Москвой за русские земли, Вильно претендует на то, чтобы стать центром для объединения русских земель и его главным соперником является Москва.

Обострение отношений началось в 1363 г., и в 1367 г. московский князь Дмитрий (будущий Донской) меняет деревянные укрепления Кремля на каменные. А уже в 1368 г. Ольгерд, опираясь на поддержку Твери, попытался взять Москву. Взять Кремль штурмом ему не удалось, но войска Ольгерда разграбили и разорили многие земли Московского княжества. Это было первое нашествие на Москву с 1293 г. Вторую попытку взять Москву Ольгерд совершил в 1370 г., но тоже безуспешно.

В 1380 г., когда Мамай выступил против Руси, с ним в союзе был преемник Ольгерда литовский князь Ягайло. Правда, его войска не успели вовремя подойти и оказать помощь Мамаю.

Период правления Дмитрия Донского был знаменателен не только победой на Куликовом поле, но и важными денежными преобразованиями, подтверждающими права Москвы на роль финансового центра Руси. В 1385 г. после перерыва в несколько столетий на Руси вновь начинают чеканить русскую монету. В Москве стали выпускать два вида монет: серебряные, которые получили название «деньга», и медные — «пуло» (впоследствии «полушки»). Название «куны» постепенно выходит из употребления.

Возвращаясь к вопросу соперничества Литвы и Москвы, можно сказать, что наиболее близко к реализации идеи объединения русских земель под своей властью Литва была при князе Витовте (1392–1430). В 1395 г. Витовт захватил Смоленск, в 1396 г. ряд городов на Оке, но в этот раз его наступление было остановлено татаро-монголами. В 1399 г. он потерпел серьезное поражение на реке Ворскле, и это не позволило ему овладеть Москвой.

В 1425 г. в Москве умирает великий князь Василий Дмитриевич. Наследником остается десятилетний сын князя. А так как женой московского великого князя была дочь Витовта Софья Витовна, то Витовт становится опекуном наследника московского престола, и уже в этом качестве пытается реализовать свою идею — объединения русских земель под своей властью: он заключает союзный договор с Тверью, подчиняет себе рязанского князя. Однако в 1430 г. Витовт умирает, не оставив наследников. «И с его смертью рушилась мощь Великого княжества Литовского»[1]. Литва попадает под влияние Польши, элита переходит из православия в католичество и ополячивается.

Москва остается единственным центром, и после последней междоусобной войны 1433–1453 гг. между молодым князем и его дядей московская династия утверждается на главном княжеском престоле в Москве.

Становление основ российского централизованного государства

Наиболее значимую роль в объединении русских земель и в становлении российской государственности сыграл великий князь владимирский и московский Иван III (1462–1505). Когда в 1462 г. Иван III стал Великим князем, Великое княжество Московское на западе граничило с Великим княжеством Литовским, которое в это время владело всей западной и юго-западной Русью (Смоленск, Полоцк, Чернигов, Киев и др.). На юге Москва граничила с Великим княжеством Рязанским. Рязань была самым южным русским регионом, который с юга граничил с крымскими татарами, а с юго-востока — с Золотой Ордой. На востоке

[1] *Вернадский Г.В.* Начертания. С. 136.

Московское княжество граничило с Казанским ханством, на северо-востоке — с Вяткой, на севере — с Новгородом. На северо-западе между Московским княжеством и Новгородом находилось Великое княжество Тверское. Кроме того, на севере Московского княжества находилось два анклава, окруженные со всех сторон землями Москвы, — княжество Ростовское и княжество Ярославское. Таким образом, на Руси в результате объединительной деятельности московских князей к 1462 г. осталось три великих княжества (Московское, Тверское, Рязанское), два княжества, не имевших статуса великих (Ярославское и Ростовское) и три города-государства (Новгород, Псков, Вятка), тогда как в XIII в. княжеств было более пятидесяти. Для сравнения можно сказать, что в Италии в это время было около полутора десятка государств (герцогств, королевств, городов-государств), а в Германии в середине XVII в. было около 300 княжеств.

В историографии наиболее распространенная точка зрения связывает начало объединения Руси с Иваном Калитой (1325 (московский), 1328 (великий) — 1340). Однако от Ивана Калиты до Василия II Темного (1425 (московский), 1432 (великий) — 1462) включительно князья, затрачивая много сил и средств на приобретение земель и расширение своего княжества, перед смертью вновь делили свои владения между сыновьями, создавая тем самым риск новых усобиц и ставя под угрозу дело всей своей жизни. В.И. Сергеевич оценивает деятельность Калиты следующим образом: «Калита есть основатель противогосударственного порядка, а не могущества и славы Москвы. Единое Московское государство образовалось наперекор видам Калиты. Преемникам его надо было начинать работу сызнова и в духе совершенно противоположном тому, в каком действовал он... Он любил свою жену и детей и думал не о величии Московского государства, а о безбедном устройстве этих дорогих его сердцу людей»[1]. Несмотря на такое противоречивое поведение князей (желание расширить свою власть, с одной стороны, и следование традициям удельного времени или своим отцовским чувствам, которые вели к разделу княжества и его главного города Москвы между сыновьями, — с другой), процесс объединения все-таки шел. Это было связано с тем, что кроме князей существовали еще три силы, которые были заинтересованы в объединении русских земель вокруг Москвы. Это были московская элита (князья и бояре, служившие московскому князю), духовенство и народ.

Учитывая, что с 1228 по 1462 г. (за 234 года) в северо-восточной Руси произошло 90 внутренних усобиц и 160 внешних войн[2], купцам, ремесленникам, крестьянам хотелось, наконец, покоя и стабильности. А это могла обеспечить только сильная власть.

---

[1] *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 1. М., 2006. С. 49.

[2] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 2. С. 45.

Московские бояре и князья, перешедшие на службу к московскому князю, тоже были заинтересованы в усилении Москвы. Во-первых, потому, что возвышение князя возвышало их и увеличивало доходы тех, кто ему служил, и, во-вторых, боярство поддерживало своего князя, понимая, что если придет другой князь, то он приведет с собой своих бояр, оттеснив прежних от власти.

Что касается духовенства, то многие митрополиты начиная с Петра (1308–1326) в той или иной степени поддерживали Москву. Особенно стоит отметить Алексея (1353–1378), который в период малолетства князя Дмитрия (будущего Донского) (1359 (московский), 1362 (великий) — 1389) практически возглавил московское правительство и успешно отстаивал интересы Москвы. При этом интересы церкви далеко не всегда совпадали с интересами князей, так как для церкви важнейшей задачей было сохранение независимости от светской власти. Более того, церковь конкурировала со светской властью за влияние на население страны. Однако в тот период перед митрополитами стояла задача не допустить раздела русской митрополии. Дело в том, что литовские князья, под властью которых находилась западная и южная Русь, просили Константинопольского патриарха прислать им своего митрополита и отделить их от московской митрополии. Возможно, надежда на то, что сильная и влиятельная Москва сможет предотвратить раздел митрополии, была одной из причин поддержки митрополитами московских князей. После падения Византии в 1453 г. Московская митрополия становится автокефальной (самостоятельной), что сильно увеличивает зависимость митрополита от великого князя и, естественно, сужает возможности для проведения собственной, независимой от князя политики.

Таким образом, процесс централизации государства до Ивана III развивался благодаря не только деятельности князей, но во многом благодаря активной поддержке этого процесса основными слоями населения.

Иван III с самого начала начинает сознательно проводить политику направленную не просто на увеличение своих владений, а на создание русского централизованного государства. В 1463 г. он присоединяет к Москве Ярославское княжество. В 1471 г. начинает процесс присоединения Великого Новгорода.

В 1472 г. Иван III венчается с Зоей (Софьей) Палеолог — племянницей последнего византийского императора, погибшего при защите Константинополя от турок. Этот брак дал возможность наследникам Ивана III говорить не только о духовной преемственности у Византии, но и генеалогической преемственности от византийских императоров.

В 1474 г. Иван III приобрел последние уделы Ростовского княжества. С 1476 г. он совершенно прекращает платить дань в Золотую Орду. В 1478 г. Иван III окончательно покоряет Новгород.

Присоединение Новгорода к Московскому княжеству было одной из важнейших побед Ивана III. Новгородская земля по своим размерам значительно превышала Московское княжество даже после его последних приобретений, и имела выходы к Балтийскому и Белому морям. Население Новгорода и Москвы было в тот период примерно одинаковым по численности — таким образом, присоединив Новгород, Иван III удвоил численность подданных. Кроме того, Новгород являлся богатейшим торговым центром. При этом с точки зрения военной силы Москва (как показала Шелонская битва 1471 г.) значительно превосходила Новгород. Можно выделить ряд причин, объясняющих относительно легкую победу великого князя над новгородцами.

Прежде всего стоит отметить продолжающуюся несколько веков связь Новгорода с северо-восточной Русью, в основе которой лежали экономические причины. Так как население Новгорода не могло прокормиться со своих земель из-за их низкого плодородия и частых неурожаев, оно нуждалось в привозном хлебе, который проще и дешевле было получать из северо-восточной Руси. Кроме того, через княжества северо-восточной Руси проходил торговый путь на Восток, а сами эти княжества являлись главным рынком сбыта продукции новгородских купцов.

Второй важнейшей причиной покорения Новгорода можно назвать социальные противоречия в нем. Развитие товарно-денежных отношений в новгородском обществе вело к сильной имущественной дифференциации, что порождало социальные конфликты, и в кризисной ситуации социальная рознь оказалась сильнее патриотических чувств. Новгородцы из бедных слоев населения, увидев в московском князе реальную силу, потянулись к нему с жалобами на новгородских бояр. Тем самым они нарушили один из важнейших принципов, на котором основывалась новгородская независимость: принцип неподсудности новгородца на чужой земле, согласно которому свободный новгородец мог быть судим только своим судом. Иван III, который, по сути дела, спровоцировал эту ситуацию, поспешил ею воспользоваться. Проводя суд над боярами и наказывая их, он, с одной стороны, привлекал на свою сторону простой народ, а с другой — разрушал освященные вековой традицией фундаментальные принципы новгородской вольности.

Третьей причиной падения Новгородской республики была ее военная слабость. На протяжении веков новгородцы в противостоянии с одними князьями использовали других князей, и в ситуации, когда остался один князь, они оказались перед ним беззащитными. Единственная сила, к которой могли обратиться новгородцы, был литовский князь. Однако литовский князь был католиком, поэтому многие новгородцы были против обращения к нему за помощью. Несмотря на то что литовская партия победила и новгородцы послали за помощью в Литву, Новгород так и не дождался войск князя литовского и вынужден был подчинить-

ся Москве. 5 марта 1478 г. великий князь возвратился с победой в Москву. «За ним, как трофей победителя, везли вечевой колокол — символ древней общественной жизни удельно-вечевого порядка, пораженного торжествовавшим единодержавием»[1].

В целом ряде стран Европы в XV в., особенно в его второй половине, шли аналогичные процессы подчинения отдельных городов и земель власти единого государя. Людовик XI — «французский аналог» Ивана III — в это время завершил объединение страны, подчинив своей власти всех крупных феодалов и одержав победу над главным соперником — герцогом Бургундии Карлом Смелым. В Англии завершилась война Алой и Белой розы и был окончательно покорен Уэльс. В Испании после брака короля Арагона Фердинанда и королевы Кастилии Изабеллы возникло единое государство, в 1492 г. завоевавшее Гранаду и, таким образом, изгнавшее с Пиренейского полуострова мавров. Даже в Италии, где не возникло единого государства, в этот период городские республики (Флоренция, Сиена, Генуя и другие, за исключением Венеции) одна за другой подчинились власти более крупных территориальных образований. В России в конечном итоге власти единого государя подчинились все три существовавшие республики — Новгород (1478), Вятка (1489) и уже при сыне Ивана III — Псков (1510).

Экономическую причину этого процесса можно увидеть в постепенной концентрации земельной собственности в руках государей, претендующих на роль национальных лидеров. Концентрация земельной собственности давала им ресурсы, необходимые для создания огромных по меркам Средневековья армий, которым не могли противиться сравнительно немногочисленные городские ополчения и наемные отряды. Но главное, что эти ресурсы позволяли вооружать армии огнестрельным оружием. Распространение артиллерии (пушек) в XV в. можно назвать фундаментальной технологической основой создания национальных государств в Европе, в том числе и в России. Для армий, вооруженных новым оружием — пушками, каменные стены городов больше не являлись непреодолимым препятствием. Из числа независимых по состоянию на начало XV в. европейских городов-республик к середине XVI в. независимость сохранила только Венеция, обладавшая в период до Великих географических открытий монополией на европейскую торговлю с Востоком и сумевшая благодаря этому накопить огромные богатства, позволявшие финансировать внушительную армию и особенно флот.

Еще одной задачей, связанной с формированием государства, стоявшей перед Иваном III, было устранение претензий ордынских ханов на дань и уничтожение их права вмешиваться в дела Московского княжества. По мере своего усиления великий князь проводил все более

[1] *Костомаров Н.И.* Русская республика. М., 2008. С. 163.

независимую политику. Было понятно, что рано или поздно предстоит решающая битва. Хан Ахмат еще в 1470–1971 гг. заключил союз с Литвой против Москвы и выжидал подходящего времени. В 1479 г. в Новгороде был раскрыт заговор в пользу Казимира. Тогда же Иван III узнает о мятеже своих двух братьев, не получивших доли в новгородских землях. В январе 1480 г. ливонские рыцари нападают на Псков. Тогда хан Ахмат решает, что пришло время действовать, и летом 1480 г. он двинул свои войска на Москву. Он надеялся, что князь не соберет войско из-за ссоры со своими братьями, и, кроме того, хан надеялся на помощь Литвы. Однако Иван III сумел договориться с удельными князьями, и ему удалось собрать большое войско. Литва же была нейтрализована с помощью крымского хана, что говорит о незаурядных дипломатических способностях московского правительства того времени. Московские полки заняли позицию на реке Угре. Хан постоял некоторое время на другом берегу и, так и не рискнув вступить в бой, увел свои войска в Орду, тем самым признав свое поражение. Это означало окончательное падение ига.

После свержения ига Иван III продолжил политику объединения русских земель: в 1485 г. была покорена Тверь, а в 1489 г. — Вятка. Юридически самостоятельными, хотя и зависимыми от Москвы, оставались только Псков и Рязанское княжество.

По мере того как Московское княжество превращалось из вотчины московского князя в общерусское государство, изменялось и его геополитическое положение. Московский князь теперь становился главой обширного суверенного государства. Россия становится фактором европейской политики: Священная Римская империя, папа римский и Венеция начинают ее рассматривать как возможного союзника против Османской империи. Покоренные и зависимые от турок православные земли (Молдавия, Сербия, территории бывшей Византии) связывают с ней свои надежды на освобождение. Ее внешнеполитическими партнерами становятся такие страны, как Швеция, Польша, Турция, Дания, Венгрия, Венеция, Германия. При этом некоторые из этих стран проводили экспансионистскую политику, потенциально угрожавшую России. Швеция претендовала на прибалтийские земли, Турция, которая в то время была сильнейшей державой Европы и Ближнего Востока, сделала своим вассалом крымского хана и претендовала на сюзеренитет над Казанью и Астраханью, польско-литовский король рассматривал Смоленскую землю как свою вотчину. Кроме того, освобождение от ордынского ига не означало спокойствия на восточных, юго-восточных и южных границах. Таким образом, перед вновь образовавшимся государством встают новые внешнеполитические задачи, которые требуют создания армии, которая могла бы противостоять не только войскам других удельных князей или городским ополчениям городов-республик, но и армиям соседних национальных государств.

В XIV–XV вв. в мирное время войско князя состояло из конных отрядов его «двора» (отсюда впоследствии появится название — дворяне). В случае войны князь мог провести всеобщую мобилизацию. Это право он унаследовал от периода монголо-татарского ига. Однако успех мобилизации во многом зависел от желания удельных князей и бояр участвовать в походе. Это было связано с тем, что войско кроме княжеского двора — дворянского ополчения состояло из отдельных отрядов, которые приводили удельные князья и бояре и которые они же и возглавляли. Начиная с периода правления Василия II, в княжеских войсках появляются отряды татарских царевичей, которым за службу князь давал города в кормление. Эти отряды отличались очень высокой боеспособностью. Помимо конных существовали и пешие войска, которые составлялись из горожан (купцов, ремесленников и др.) и казаков (первое упоминание о казаках находим в 1444 г.)[1]. Стоит отметить, что все воины, если они были свободными людьми, вооружались за свой счет, а холопов вооружали их хозяева.

Главным недостатком такой армии была ее плохая управляемость. Кроме того, данная система формирования войска создавала ситуацию, в которой князь сильно зависел от удельных князей и бояр (например, поссорившись со своими братьями, князь рисковал остаться в решающий момент без значительной части своего войска), тогда как удельные князья и бояре, имевшие огромные земельные владения, формально от князя вообще не зависели. Князю была необходима армия, в основном состоящая из отрядов дворян (мелких землевладельцев), находившихся под его непосредственным управлением. Но для создания армии такого типа требовались ресурсы: либо финансы для выплаты жалованья, либо земля, с которой дворяне могли кормиться. Первый вариант был недоступен московскому князю, так как предполагал резкое повышение налогов, что в ситуации относительной неразвитости товарно-денежных отношений и административной системы было невозможно. Следовательно, оставался второй вариант, для которого был необходим обширный земельный фонд.

В этот период земля в Московском княжестве распределялась следующим образом: примерно треть земель принадлежала боярам и удельным князьям, треть — монастырям и треть составляла государственный фонд, которым мог распоряжаться великий князь. Покушение на боярское землевладение было при Иване III просто немыслимо: кроме бояр, не существовало никакого другого слоя, на который великий князь мог бы опереться в управлении государством и в борьбе со своими врагами. Вопрос секуляризации церковных земель активно обсуждался в этот период. Внутри духовенства существовало направление, отрицающее право

[1] *Вернадский Г.В.* Россия в Средние века. Тверь, М., 2001. С. 123.

на владение землей для церквей и монастырей, получившее после Собора 1503 г. название «нестяжатели». Несмотря на поддержку отдельных представителей этого направления, Иван III не решился идти против основной массы духовенства, и вопрос о конфискации церковных земель был отложен. Раздача государственных земель тоже не могла решить проблемы, так как это уменьшило бы поступление доходов в казну. Таким образом, для раздачи земель дворянам для обеспечения им возможности служить могли использоваться только недавно завоеванные земли, где конфискация как боярских, так и церковных земель была оправдана борьбой с крамолой. Так, в Новгородской земле к 1500 г. было конфисковано около 1 000 000 десятин пахотной земли — около 80% всех новгородских земель[1]. С этих земель было выведено около 9000 бояр и купцов. Новгородские земли раздавались в основном мелким землевладельцам и бывшим слугам опальных бояр на условии несения военной службы. Выведенным со своих земель новгородцам давались небольшие поместья в Московском княжестве — так же с обязанностью нести службу с этих земель. Стоит подчеркнуть, что ни московские, ни новгородские переселенцы не имели права собственности на полученные земли. «Историческое значение этого массового переселения для русской политической и общественной истории поистине огромно, поскольку в его процессе сложился новый тип условного землевладения — особый род военного ленного владения, известный как поместье»[2].

Стоит отметить, что система условного землевладения, сложившаяся в России, не была уникальным явлением. Аналогичный институт существовал во Франкском королевстве в VIII в., в Византии, в Турции. Система условного землевладения как экономическая основа армии появлялась там, где, во-первых, были слабо развиты товарно-денежные отношения и существовало ограниченное число видов экономической деятельности и, следовательно, не было возможности финансировать армию за счет косвенных налогов и налогов на торгово-ремесленные города (как, например, в Европе в XV–XVII вв.). И, во-вторых, не было развитой административной системы с выстроенными в иерархию чиновниками, которые проводили бы переписи и эффективно собирали налоги. В этом случае финансирование армии возможно из доходов от прямых налогов с сельского населения. В Россию идея о создании условной системы землевладения пришла предположительно из Турции, так как именно эта страна в XV в. имела наиболее боеспособную армию и, следовательно, могла быть примером для подражания[3]. Поместное землевладение было

---

[1] *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004. С. 226.

[2] *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 126.

[3] *Нефедов С.А.* Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11.

известно на Руси с XIV в.: отдельные примеры условного землевладения встречаются уже в грамотах Ивана Калиты. Однако в XIV в. земли в условное владение давались не воинам за военную службу, а дворовым людям за службу князю во дворце.

Объединение земель вокруг Москвы вело к появлению новых задач не только во внешней политике, но и во внутренней. Важнейшей задачей в этой области было создание системы управления государством. Во второй половине XV в. Боярская дума приобретает относительно постоянный состав и превращается в высший орган государства. Появляются такие общегосударственные учреждения, как казна и дворец. Казна служила для хранения денег, сокровищ, важных документов. Казначей отвечал за финансы и был хранителем государственной печати. Дворец — орган, который отвечал за управление княжескими владениями и ведал снабжением княжеской семьи. Другие органы центрального управления находились в стадии формирования: существовали дьяки «в приказе», которые получали отдельные поручения от князя. Эти поручения могли быть из самых разных областей. Но постепенно дьяки начинают «специализироваться» в определенной сфере или на решении проблем определенной территории, что в XVI в. приведет к появлению отраслевых и территориальных органов государственного управления.

Важнейшим этапом в централизации русских земель была денежная реформа Ивана III. После того как в 1385 г. Дмитрий Донской первый возобновил на Руси после трехсотлетнего перерыва чеканку монеты, это нововведение получило распространение во многих городах и княжествах удельной Руси. К середине XV в. своя монета чеканилась в 24 городах, включая Псков и Новгород. Серебряные монеты, выпускаемые разными князьями, имея одинаковое название, имели разный вид и, главное, вес. Многие князья сознательно обесценивали монету, уменьшая ее вес для увеличения своего дохода путем увеличения количества выпускаемых монет из прежнего количества серебра.

Утвердившись на московском престоле как государь всей Руси, Иван III установил монополию на чеканку монет, запретив «деньги делать по уделам». Вводится единая монета для всего государства, на которой чеканятся слова «Осподарь всея Руси». Только Новгороду разрешалось по-прежнему чеканить свою монету. Новгородская система была введена в состав московской денежной системы путем приравнивания новгородской деньги к двум московским. Процесс производства монет отдавался на откуп частным мастерам, которые работали под жестким государственным контролем. Руководство эмиссией денег было поручено сыну великого князя — князю Василию.

Еще в 30-е гг. XV в. постепенно начинается новый период в русском денежном обращении, знаменовавший оформление общерусской денежной системы Русского централизованного государства. Вслед за Москвой

начали чеканить монету и другие князья. В середине XV в. открылось более двадцати центров чеканки. Русское денежное дело XIV–XV вв. имело существенные татаро-монгольские заимствования: монеты чеканились из серебра; чекан наносился не на кружки, а на кусочки расплющенной проволоки; название монет — деньга — происходило из тюркского языка; многие княжества на монетах помещали подражание золотоордынским надписям. В то же время национальный, русский элемент был заметно выражен. На монетах помещались имя князя на русском языке и изображение в виде пешего или конного воина — элемент, невозможный в золотоордынской нумизматике. Весовая система русских монет XIV–XV вв. была ориентирована на рубль, возникший в Новгороде в XIII в. Поскольку каждое княжество имело свою систему изображений на монетах и свою весовую норму, счетные рубли оказались различными для Москвы и Новгорода, Твери и Пскова, Рязани и Нижнего Новгорода. Областные счетные рубли постепенно поглощались наиболее политически и экономически сильными центрами чеканки по мере образования централизованного государства. К концу XV в. две оставшиеся областные системы — новгородская и московская — слились в единую систему, в которой рубль состоял из 216 новгородок или 200 московок.

Одной из первых попыток интегрировать различные по своим традициям отдельные земли в единое государство был Судебник 1497 г. Он не получил большого распространения в русских землях, но положил начало созданию единого правового и судебного пространства. Судебник состоял из 68 статей, большая часть которых касалась процессуальных вопросов судопроизводства и размеров пошлин за судебные услуги.

Таким образом, во время правления Ивана III для московских князей исчезла угроза потери великого княжения: уже не было сомнений в том, что Русью правит московский князь, что прекратило междоусобные войны. Россия стала независимым государством. Произошло становление института государственной власти, были созданы предпосылки для создания централизованной административной системы управления страной, унифицирована и централизована денежная система, положено начало созданию боеспособной армии.

Социально-экономическое развитие во второй половине XV — первой половине XVI в.

Первая половина XV в., на которую пришлось правление Василия I и Василия II, было тяжелым временем для Руси: татарские набеги, междоусобные войны, эпидемии, неурожаи, голод. Все это вело к уменьшению и так немногочисленного населения страны. К середине XV в. население Руси составляло примерно 5–6 млн человек. Если сравнивать с периодом Киевской Руси, то население сократилось в 1,5 раза. Население Речи

Посполитой в конце XV в. (Польско-Литовское государство) было почти в 5 раз больше, чем население Руси, во Франции уже в XIV в. было 20 млн человек. Одним из важнейших последствий сокращения населения был рост свободных пашенных земель.

С приходом к власти Ивана III начинается период, длившийся почти 100 лет, который многие историки считают лучшим временем для российского крестьянства. В основе относительного крестьянского благоденствия лежали обилие пашенных земель, низкие налоги и наличие гражданских свобод.

Деревня в этот период состояла из одного–четырех дворов. Выросшие сыновья, желающие отделиться от семьи, уходили на свободные земли, с помощью отца и братьев ставили дом и заводили собственное хозяйство. Границы земельных участков определялись формулой: «куда топор и соха ходили». Это означало, что крестьянин обрабатывал столько земли, сколько мог или хотел. В случае возникновения земельных споров доказательством права на землю была давность владения и обработки данного участка земли.

Крестьянская семья, как правило, состояла из семи-восьми человек с двумя взрослыми мужчинами. Такая семья имела участок в 15 десятин земли (1 выть) и две-три лошади. «При урожайности ржи сам-3,3 и овса сам-3,1 выть давала 200–210 пудов хлеба; при дворе в 8 человек получалось около 26 пудов на человека. Считается, что душевой минимум потребления зерна в пищу составляет примерно 15 пудов, если зерно расходуется также на корм скоту, то потребление увеличивается до 18 пудов (но в те времена крестьяне не испытывали недостатка в пастбищах и в сене)»[1]. Помимо доходов от зернового хозяйства крестьяне имели доход от разведения скота и от лесных промыслов. Таким образом, уровень душевого потребления крестьян в этот период был достаточно высоким.

Уровень налогообложения различался по регионам, а также зависел от того, кому принадлежала земля (княжеская земля, боярская или монастырская). На северо-западе, где плотность населения была больше, налоги были выше. При движении на юго-восток плотность населения уменьшалась, и серьезное воздействие начинал оказывать фактор конкуренции землевладельцев за рабочие руки. Бояре и монастыри переманивали крестьян с государственных земель и друг у друга. Крестьян старались привлечь различными льготами.

С прекращением выплат дани Золотой Орде после стояния на Угре в 1480 г. начинается формирование налоговой системы Московского централизованного государства. Основу российского налогового обло-

[1] *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. (URL: http//hist1.narod.ru/Science/Russia/Mono/Oglav.htm)

жения в этот период составляют прямые налоги, тогда как для западноевропейских стран данного времени характерно преимущество косвенных налогов[1]. При Иване III Васильевиче (1462–1505) устанавливается ряд новых налогов, в том числе и прямой налог с черносошных крестьян и посадских людей. Всеобщей становится посошная система, возникшая еще в период удельной раздробленности, а окладной единицей — соха.

С 1490 по 1505 г. проводится посошная опись с составлением писцовых книг, в которых были учтены как земельные угодья, так и само население. Все плательщики прямых налогов, занесенные в податные книги, назывались тяглыми людьми. В случае купли или получения в дар числившихся по податным книгам черных земель, к категории тяглых относились также монастыри и церкви. Постепенно система посошного обложения распространилась не только на крестьян, но и на посадских людей. К нетяглому населению, обладавшему налоговым иммунитетом, относились духовенство, служилые люди всех чинов, купцы. На основе писцовых книг государство определяло общую подлежащую сбору сумму налога (оклад), которая распределялась по уездам, волостям и деревням исходя из субъективных оценок и опыта прошлых лет. Определение величины налога на каждый двор производилось по раскладочному принципу с учетом имущественного положения отдельных лиц.

С началом формирования налоговой системы Московского централизованного государства в XVI–XVIII вв. происходит определенное упорядочение косвенного обложения. Активно развиваются процессы унификации налоговых норм и выделения самостоятельных видов косвенных налогов — внешних (таможенных пошлин) и внутренних (откупа и фискальные регалии).

Одной из наиболее доходных пошлин становится тамга, а ее название постепенно переходит на все сходные платежи, получившие наименование таможенных, и на место их сбора — таможню: таможенные пошлины становятся отдельной категорией косвенных налогов. Так, уже в конце XV в., 21 мая 1497 г., издается Белозерская таможенная грамота, направленная на урегулирование соответствующих отношений, в том числе и налогового характера[2].

От государства землевладельцы обычно получали пустоши, и главной их задачей было заселение этих земель. Так как государство тоже было заинтересовано в освоении пустующих земель, оно выдавало землевладельцам на эти земли жалованные грамоты, даровавшие различные привилегии. Чаще всего привилегии состояли в освобождении населения от уплаты налогов (дани), пошлин (тамга, восминичее), от повинностей

---

[1] *Пушкарева В.М.* История финансовой мысли и политики налогов. М., 2001. С. 197.

[2] Белозерская таможенная грамота от 21 мая 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 191.

(ям, подвода). Срок освобождения от податей мог быть три года, пять, десять и даже 20 лет. Кроме того, суд передавался от княжеских наместников местным властям или совместному суду княжеских людей и местных дворян, что означало освобождение от поборов и кормов в пользу наместника[1]. Таким образом, крестьяне, жившие на боярских и монастырских землях, несли повинности только в пользу своих землевладельцев. В среднем эти повинности составляли 10–17% дохода крестьянина.

Крестьяне, жившие на государственных землях, платили налоги, основным из которых была дань, в размере 2,5–3,0% от своего дохода, кроме того, они должны были отрабатывать повинности: работы на княжьих землях, ямская гоньба (содержание сменных лошадей и мест отдыха ямщиков), работы на строительстве укреплений («городовое дело»), выставление воинов с определенного количества людей, кормы наместникам, княжьим людям (псарям, ездокам, ловчим), ратным людям и др.[2] Все эти повинности трудно подсчитать в деньгах или зерне, но, видимо, в целом, несмотря на небольшой размер дани, повинности на государственных землях были выше, чем на боярских или монастырских, иначе сложно было бы объяснить добровольный переход крестьян с государственных на вотчинные земли.

Все крестьяне независимо от того, на чьей земле они жили, если они были свободными людьми (не холопы, не закладники, не кабальные люди), имели полный набор гражданских прав: имели право приобретать и владеть собственностью; вступать в сделки; вступать в брак по своему усмотрению или усмотрению родителей; обращаться в суд, где могли быть свидетелями, истцами, ответчиками, судными мужами; имели право менять место жительства. Право перехода было регламентировано в Судебнике 1497 г., статьей 57 «О христианском отказе», где устанавливались время — неделя до и неделя после 26 ноября (дата, к которой заканчивались полевые работы), и условия перехода — необходимость уплаты «пожилого». «Пожилое» было платой за пользование крестьянином домом, построенным землевладельцем, во время проживания на земле последнего. Отношения между крестьянами и земледельцами регулировались договорами — «порядными грамотами», где прописывались право перехода, а также повинности, которые крестьянин должен был нести в пользу землевладельца. Эти повинности определялись в зависимости от условий, на которых крестьянин арендовал землю: брал ли он ссуду, селился ли в доме, построенном землевладельцем, или строил сам, брал ли он в аренду инвентарь, лошадь и т.д. За нарушение договора каждая из сторон имела право подать в суд. Только в 60-х гг. XVI в. помещики

---

[1] *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004. С. 80.

[2] *Нефедов С.А.* Указ. соч.; *Кулишер И.М.* Указ. соч. С. 82.

получают право произвольно повышать оброки: крестьянам предписывается давать все, «чем их помещик изоброчит».

Названные три фактора — обилие свободной земли, низкие налоги и наличие гражданских свобод — способствовали быстрому росту в сельскохозяйственном секторе экономики. Данный период можно назвать временем «великих расчисток», так как, во-первых, энергично осваивались старые заброшенные земли и, во-вторых, в оборот включалось большое количество новых земель, отвоеванных у леса. Относительно быстрыми темпами росло население — к середине XVI в., по различным оценкам, оно достигло 9–12 млн человек.

Городское население составляло примерно 4–5% всего населения страны, причем посадское население, т.е. ремесленники и торговцы — всего немногим более 2%[1], в то время как городское население Киевской Руси составляло около 13%. Кроме того, города, по сравнению с Древней Русью, стали менее населенными: за исключением Москвы и Новгорода, где население превышало 100 тыс. человек, в остальных городах Московии проживало по 7–8, максимум 10 тыс. человек.

Но главное отличие городов Московского княжества и городов Киевской Руси связано с постепенным изменением их функции. Если в древности города возникали стихийно в наиболее удобно расположенных с точки зрения торговли местах и являлись прежде всего, торгово-ремесленными центрами, то в XV–XVI вв. города постепенно трансформируются в военно-административные центры. Это означает, что их экономика и устройство ориентировались, прежде всего на нужды государства. За первую половину XVI в. количество городов увеличилось с 96 до 160[2]. Основная часть вновь появившихся городов — это военные укрепленные пункты вдоль границ и вдоль засечных черт, которые создаются для защиты от внешних врагов. Соответственно меняется и состав городского населения. В Пскове, Новгороде и других северных городах, а также в некоторых центральных (Вологда, Ярославль, Нижний Новгород) основную массу населения составляют торговцы и ремесленники. В городах центрального и западного регионов в этот период активно шел процесс вытеснения посадского населения служилыми и частновладельческими людьми. На юге и юго-востоке города изначально строились как крепости, поэтому в них с самого начала преобладало ратное население.

Вытеснение посадских людей служилыми было во многом связано с тем, что служилые люди были освобождены от государственных повинностей и при этом могли заниматься ремеслом или торговать. Например, в Переяславле-Рязанском из 377 владельцев торговых помещений всего 65 лавок принадлежало посадским людям, тогда как 181 помещение —

---

[1] *Кулишер И.М.* Указ. соч. С. 332.

[2] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 104.

служилым людям (пушкарям, стрельцам, казенным кузнецам)[1]. Для того чтобы не платить подати, многие посадские люди записывались в служилые и таким образом совмещали службу и прежнее занятие ремеслом или торговлей. Государству это было выгодно, так как увеличивало количество ратных людей. В результате в Москве, например, служилые люди — стрельцы составляли четверть населения. Очевидно, что выдержать конкуренцию с ними неслужилым (следовательно, тяглым) купцам и ремесленникам было очень сложно. Их положение еще больше осложнялось конкуренцией со стороны быстро распространяющихся боярских и княжеских слобод, которые также были освобождены от тягла.

В целом такая ситуация тормозила развитие ремесла: горожане в отличие от городов Западной Европы не были привилегированным сословием, так как, с одной стороны, они должны были тянуть тягло, как и сельские жители, а с другой у них не было монопольного права на торговлю и ремесло в городе. Следовательно, у сельского населения, при приблизительно одинаковом уровне жизни, не было особых причин стремиться в город, особенно если учесть, что крестьяне имели полное право торговать в городах, не платя за это подати, так как они платили подати с земли. В отличие от Запада воздух города не делал человека свободным: бежавшие в русские города холопы, кабальные должники, закладники по действовавшему законодательству должны были быть выданы своим хозяевам.

Важнейшей отличительной чертой этого периода было появление дворянства. В удельный период при дворе князя было два типа слуг. Во-первых, слуги вольные, которые составляли дружину князя. Слуги вольные служили князю по договору, где прописывались условия службы и право перехода к другому князю. Если во время службы слуга получал земли от князя, то эти земли становились его собственностью, и в случае перехода на службу к другому князю он не терял своих владений. Во-вторых, у князя были слуги дворные, которые занимались хозяйственными вопросами во владениях князя (ключники, приказчики, конюхи, садовники, различные ремесленники и др.). Этими слугами могли быть как свободные люди, так и княжеские холопы. И те и другие вместо денежного жалованья часто получали от князя земли, с которых могли кормиться. Но они должны были вернуть эти земли в случае ухода с княжеской службы.

С середины XV в. в процессе объединения русских земель происходят важные изменения «в строе служилого класса. Во-первых, служба вольных слуг, оставаясь военной, перестает быть вольной, становится обязательной: они лишаются права покидать службу великому князю московскому и переезжать в уделы, а тем паче за русскую границу». Во-вторых, «слугам военным, переставшим быть вольными, московский государь за их службу дает земли на особенном праве, отличном от вотчин-

[1] *Кулишер И.М.* Указ. соч. С. 335.

ного... владение ими отличалось уже условным характером... Наконец, в-третьих, дворцовая служба, в удельные века столь резко отделявшаяся от вольной, военной, с половины XV в. стала смешиваться с последней, соединяться со службой ратной. Слуги дворные, как и бывшие слуги вольные, одинаково стали зваться служилыми людьми московского государя и ходить в походы наравне с ними. Тем и другим слугам правительство раздавало казенные земли в пользование совершенно на том же праве, на каком получали их слуги дворные XIV в.»[1].

Эта система начинает развиваться с присоединения Новгорода и массовых конфискаций новгородских земель. Затем в 1510 г. сыном Ивана III Василием III был присоединен Псков, где, следуя примеру отца, Василий проводит конфискации и выселения местных землевладельцев, раздавая эти земли на поместном праве служилым людям. Таким же образом используются земли пока еще немногочисленных опальных бояр. Значительное расширение эта система получает после взятия Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г., когда государственный земельный фонд пополнился плодородными и слабо заселенными землями Поволжья. Стоит обратить внимание на то, что с середины XV в. по середину XVI в. территория России увеличилась в шесть раз[2].

Таким образом, в результате произошедших перемен землевладение получило характер поместного. Важнейшим следствием этого было появление правила, в соответствии с которым только тот, кто служил, мог владеть землей, и если кто-то владел землей, он обязан был служить. Сложившаяся ситуация принципиально отличалась от порядка землевладения в Киевской Руси и в удельный период, когда землей на праве частной собственности имел право владеть любой свободный человек. Теперь землей мог владеть только тот, кто был способен нести военную службу либо сам, либо через своих слуг. Поэтому закон начинает ограничивать право распоряжения землей, чтобы предотвратить ее переход к тем, кто не способен служить. Это было началом процесса исчезновения частной собственности на землю в России. Землевладение становится привилегией служилых людей.

Несмотря на появление и быстрый рост нового сословия — дворянства, боярство продолжало оставаться у власти и расширять свои владения. Активный рост боярства — крупных землевладельцев, владеющих землей на праве частной собственности, наблюдается в XIV–XV вв. Это было связано, во-первых, с тем, что с упадком торговли и уменьшением роли денег князья не имели возможности платить служилым людям жалованье деньгами, вследствие чего основной формой жалованья становится земля. Во-вторых, в отсутствие единой центральной власти

---

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1988. Т. 2. С. 206–207.

[2] *Скрынников Р.Г.* Василий III. Иван Грозный. М., 2008. С. 9.

князья конкурировали за служилых людей и для привлечения их к себе на службу раздавали земли в вотчины. В-третьих, в процессе объединения земель вокруг Москвы и расширения государства князьям требовались чиновники и судьи, которые были бы проводниками княжеской политики в регионах. Но у князей первоначально не было средств для направления собственных чиновников на места, поэтому именно бояре использовались в качестве представителей княжеской власти для решения административных и судебных вопросов на местах. Находясь на должности наместника, волостеля, кормленщика, бояре имели достаточно высокие доходы. Они покупали земли и старались укрепиться в «своем» регионе не только экономически, но и политически.

На боярских землях работали в основном несвободные или полусвободные работники. Наиболее многочисленную группу составляли холопы. Основным источником холопства по-прежнему остается плен: на войну московиты ходили каждый год, как на сельскохозяйственные работы. Кроме того, существовало долговое рабство, обращение в холопы за преступления и холопство добровольное. Относительно последнего В.И. Сергеевич писал следующее: «Древнему времени была чужда всякая забота об ограждении свободного состояния человека. Всякий свободный мог невозбранно распоряжаться своей личностью и, если находил это для себя выгодным, мог продать себя в рабство»[1]. Вторую группу работников составляли различного рода полузависимые — должники: взявшие в долг разорившиеся крестьяне или ремесленники, взявшие ссуду на обзаведение хозяйства, взявшие в аренду хозяйский инвентарь и (или) лошадь и др. Третью группу составляли свободные крестьяне, привлеченные на частновладельческие земли различными льготами.

Московское боярство формировалось из самых разнородных элементов. Высшую ступень занимали родственники князя, затем шли бывшие удельные князья, потом бояре, служившие московским князьям с древних времен, затем бояре удельных князей. В Москву приезжали служить выходцы из Литвы и Польши и в особенно большом количестве — татарские царевичи. Если посмотреть с этнической точки зрения на состав боярства, то увидим следующую картину: «...229 русских аристократических фамилий были «западноевропейского» (включая немецкое) происхождения; 223 — польского и литовского; 156 — «татарского» и другого восточного... 168 семей принадлежали роду Рюрика; 42 были неуточненного «русского» происхождения и 97 фамилий — неопределенного»[2].

В период правления Ивана III складывается система служебных отношений, которая выстраивала всю эту разнородную массу бояр в опре-

---

[1] *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 1. Территория и население. М., 2006. С. 111.

[2] *Вернадский Г.В.* История России. Монголы и Русь. С. 378.

деленную иерархическую пирамиду, — система местничества. Местничеством назывался институт, который официально регулировал процесс распределения служебных мест между боярами при назначении их на военную, административную и придворную службу. В соответствии с этой системой при назначении на службу учитывались: происхождение (знатность рода), служебное положение предков человека по отношению к другим родам, а также прецеденты его собственной служебной карьеры. «Был выработан особый способ определять отечество с математической точностью... Правила этого вычисления — целая система, которую можно назвать местнической арифметикой»[1].

Система местничества имела ряд серьезных недостатков, которые особенно проявились с середины XVI в. Во-первых, местничество сильно осложняло назначения на должности, особенно во время военных кампаний: очень сложно было подобрать лиц, соответствующих должностям таким образом, чтобы при этом не нарушить их соотношение между собой и соотношение между их родами, т.е. соотнести генеалогические и разрядные отношения. Практически ни одна полковая роспись не обходилась без местнических конфликтов.

Во-вторых, местничество искажало всю систему ценностей служилых людей. Они не думали о карьере, не было никакой заинтересованности в качественном исполнении своей службы: князь Одоевский готов был занять какую угодно должность, лишь бы Бутурлин был на должности ниже его. И понижение в должности не рассматривалось как нечто обидное и унизительное, если при этом опускалась вся пирамида.

В-третьих, институт местничества препятствовал выдвижению способных и талантливых людей, никому невозможно было выскочить из своей социальной ячейки.

И еще стоит обратить внимание на тот факт, что местничество сильно ограничивало власть государя, который не мог по своему усмотрению назначить на должности, если это не соответствовало сложившейся иерархии. Местнические книги давали ему очень узкий набор лиц для каждой должности и, кроме того, задавали порядок субординации между этими лицами: если отец князя Волконского подчинялся отцу боярина Головина, то для боярина Головина было бесчестьем («отечеству поруха») подчиняться князю Волконскому. И если вдруг их назначали в таком порядке, боярин Головин бил челом государю и просил «дать ему оборонь», снять позор с его рода. Для боярина лучше было быть битым, чем понизиться в местническом счете. Государь мог наложить опалу и убрать с должности боярина, но он должен был его заменить боярином не менее родовитым. Таким образом, государь, который мог сделать своего слугу богатым, но не мог сделать родовитым (только с помощью браков

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 137.

со своими родственниками), имел крайне мало возможностей влиять на состав правительства.

Проанализировав институт местничества, Ключевский делает очень интересный вывод: «Таким образом, местничество имело оборонительный характер. Им служилая знать защищалась как от произвола сверху, со стороны государя, так и от случайностей и происков снизу, со стороны отдельных честолюбивых лиц, стремившихся подняться выше своего отечества — наследственного положения. Вот почему бояре так дорожили местничеством: за места, говорили они в XVII в., наши отцы помирали»[1].

Реформы середины XVI в.

В 1533 г. умер Василий III, сын Ивана III, оставив в качестве наследника трехлетнего сына Ивана. Правление оказывается в руках второй жены Василия III, матери Ивана — Елены Глинской. После ее смерти в 1538 г. в правительстве России поочередно сменяют друг друга боярские партии Шуйских и Бельских. В январе 1547 г. 16-летний Иван был коронован и стал первым русским царем. До этого титулом «царь» на Руси называли византийских императоров и ордынских ханов. Крушение Византийской империи в 1453 г. и распад Золотой Орды поставили Россию в ситуацию отсутствия какой-либо высшей власти над ее собственным государем. Как только эта мысль овладела элитой, великий князь был коронован царским титулом.

Сразу же после коронации царь объявляет о походе на Казань, но война 1547 г. оканчивается поражением русских войск. Поражение в войне, как это часто бывало в истории, продемонстрировало правительству необходимость проведения реформ. Необходимость реформ была вызвана как внутренними обстоятельствами, так и внешними.

К середине XVI в. Москва закончила объединение русских земель, не завоеванных соседними государствами. Земли были объединены, но они не были интегрированы — ни с центром, ни друг с другом. В большинстве регионов население продолжало жить своей обособленной жизнью по законам и обычаям удельных веков. Кроме того, невозможно было управлять образовавшимся государством при помощи институтов, формировавшихся в удельный период.

Что касается внешних причин, то стоит отметить, что в XVI в. в Европе и в России получают быстрое распространение уже достаточно усовершенствованные ружья. Первые ружья появляются в конце XIV в. Русские узнают об этом оружии во время войны с булгарами в 1376 г. Взяв город Булгар, русские изучили образцы захваченной артиллерии и, видимо, начали их производить: во время набега Тохтамыша на Москву

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С.145.

московский гарнизон был вооружен пушками западного образца и ручными ружьями «тюфяками». В начале XV в. (в Твери в 1408 г., в Москве в 1451 г.) появляются пищали — новый тип легких пушек. В 1475 г. в Москву приезжает Аристотель Фиораванти, который способствует созданию в Москве Пушечного двора. К середине XV в. в Европе появляется первая регулярная армия, вооруженная огнестрельным оружием, — это турецкая армия, которая взяла Константинополь в 1453 г., и затем в течение 20 лет завоевывает Сербию, Грецию, Албанию, Боснию, Молдавию и уже в начале XVI в. — Малую Азию, Сирию, Египет. В Европе первые ружья были очень тяжелые и производились в небольших количествах. В 1420 г. чехи в гуситских войнах используют ручное ружье, которое можно было назвать предшественником мушкета. В самом конце XV в. испанцы перенимают у турецких янычар аркебузы и создают армию, которая считалась самой мощной в XVI в. Таким образом, к середине XVI в. создание регулярной армии, вооруженной огнестрельным оружием, становится важнейшим условием выживания государства. Для России вопрос создания боеспособной армии стоял особенно остро. На западе и на юге Россия граничила с государствами бывшей Золотой Орды — Казанским и Крымским ханствами. Не проходило года, чтобы татары не совершали набеги на русские земли. Ущерб, наносившийся России, был поистине огромен. Во время рейдов казанцы или крымцы грабили и сжигали огромное количество имений и деревень, людей толпами уводили в рабство. В 1551 г. в Казани было около 100 тыс. пленных русских[1]. Работорговля была важным источником доходов крымских, казанских и астраханских мурз: русских пленников охотно покупали на восточных невольничьих рынках. На Западе Россия граничила с Ливонией и Польско-Литовским государством. Обе страны, наблюдая рост и расширение Московии, всячески старались этому противодействовать: одной из важнейших задач для них по отношению к Москве было не допустить проникновение технических специалистов и нового оружия с Запада в Россию. Только благодаря англичанам, «открывшим» Московию в 1553 г., «блокада» была прорвана. Наиболее опасным, угрожающим самому существованию России, были попытки Польско-Литовского государства и Казанского ханства договориться о совместных военных действиях против Московии. Успешная реализация этого плана могла бы привести к разделу России между этими двумя государствами. Реформы, которые проводило правительство Ивана IV, были направлены на решение именно этих жизненно важных для государства проблем.

В 1549 г. Иван Грозный принимает решение о созыве Земского собора, где публично объявляет о необходимости перемен. Идея созыва представителей различных сословий, видимо, связана с тем, что царь, по-

[1] *Вернадский Г.В.* Московское царство. М., Тверь, 2001. С. 52.

нимая, что задуманные преобразования противоречат интересам элиты, для реализации своих планов искал возможные точки опоры в обществе. В первом Земском соборе участвовали представители боярства, духовенства и служилых московских людей. Купцам, горожанам, служилым людям других земель предлагалось свои предложения подавать в форме челобитных. Среди этих челобитных были знаменитые петиции небогатого дворянина Ивана Семеновича Пересветова.

Иван Пересветов выступал за создание постоянной, хорошо оплачиваемой дворянской армии, где назначения и повышения в звании происходили бы в соответствии со способностями, а не с родовитостью. Он предлагал освободить «похолопленных» воинов, так как только вольная служба делает войско боеспособным. Он выступал за активное участие дворян в местном управлении и судопроизводстве. В качестве образца он рассматривал военное устройство Османской империи (Турции). Мы не знаем, каким было мнение Ивана Грозного относительно предложений Пересветова, однако стоит отметить, что имевшие место реформы во многом копировали турецкий опыт. Возможно, это было связано с тем, что Турция была в тот период мощнейшей державой Европы.

Одним из важнейших результатов первого Земского собора было принятие решения о создании нового судебника. Судебник 1550 г. помимо вопросов, связанных с судопроизводством и уголовным правом, регулировал вопросы законодательства, гражданского права и административного управления.

В Судебнике устанавливался порядок принятия новых законов в государстве: дьяки должны были доложить дело царю, царь принимал решение, а затем этот закон утверждался на заседании Боярской думы. Авторы Судебника пытались положить конец взяточничеству и произволу: устанавливалось наказание для уличенных во взяточничестве чиновников. В области административного управления Судебник 1550 г., как и Судебник 1497 г., предусматривал обязательное участие выборных земских властей в наместническом суде. Статью 26, которой предписывались штрафы за ущерб, нанесенный достоинству людей среднего и низшего классов населения, можно рассматривать как попытку обеспечить права всех социальных групп, особенно защитить дворян и горожан от притеснений аристократии. Одной из причин появления этих норм было московское восстание 1547 г. Так же как Судебник 1497 г., Судебник 1550 г. устанавливает ограничения на источники холопства и расширяет случаи выхода из состояния холопства. Холопство было институтом, не отвечающим интересам государства: человек, перешедший в холопство, оказывался потерянным для государства, так как переставал платить подати.

Как уже было сказано, важнейшей задачей для правительства Ивана Грозного было создание боеспособной армии. Так как местнические споры были одной из главных причин неудачи первой кампании про-

тив Казани, реформы начинаются с ограничения системы местничества в армии. По закону 1550 г. «царь мог назначать в товарищи к главнокомандующему, непременно самому «породистому» из бояр, менее знатного, но зато более храброго и опытного воеводу. Местничать с ним воспрещалось»[1].

Осенью 1550 г. было принято решение для усиления московского дворянства поселить вокруг Москвы тысячу лучших детей боярских (младших детей в боярских семьях, не имевших собственности или имевших ее недостаточно для службы) из различных земель. Чем ближе жили дворяне к Москве, тем легче было их, во-первых, мобилизовать в случае опасности и, во-вторых, приобщать к управлению страной. Кроме того, для усиления армии на основе созданных Василием III «пищальных» полков был создан стрелецкий корпус, вооруженный огнестрельным оружием.

С сентября 1550 г. по август 1551 г. проводились работы по составлению нового земельного кадастра, на основании которого была проведена налоговая реформа. В качестве единицы налогообложения была введена «большая соха», размер которой зависел от типа обрабатываемых земель: для боярских и дворянских земель соха составляла 2400 четвертей (1200 десятин) для трех полей; для церковных и монастырских земель — 1800 четвертей (900 десятин); для черносошных (государственных) крестьян — 1500 четвертей (750 десятин). Для земель худшего качества нормы были другими. Стоит обратить внимание, что чем меньше размер сохи, тем выше был налог, который надо было уплатить[2]. Во второй половине XVI в. в ходе мероприятий по совершенствованию посошного обложения размеры сохи как единой окладной единицы были увеличены и нормативно закреплены. Если применявшаяся ранее новгородская соха включала в себя три обжи (обжа обозначала количество пашни, которое «человек с лошадью вспашет в рабочий день», т.е. около пяти десятин)[3], то новая большая (московская) соха составляла: для посадов, дворцовых, поместных, вотчинных и ряда монастырских земель — 800 четвертей доброй земли, либо 1000 четвертей средней, либо 1200 четвертей худой земли; для церквей и монастырей — соответственно 600, 700 и 800 четвертей; для дворцовых и черных земель, обрабатываемых крестьянами, — 500, 600 и 700 четвертей[4]. Помимо размеров и качества земли посошное обложение также принимало во внимание количество проживающих на этой земле людей. Однако объективных критериев качества земель или имущественного состояния податных категорий населения не существовало. Данные исследований показывают, что соха была величиной условной

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 202.

[2] *Вернадский Г.В.* Московское царство. М., Тверь, 2001. С. 51.

[3] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 2003.

[4] *Греков Б.Д.* Что такое обжа? М., 1926. С. 1017.

и субъективной, причем характер условностей также различался в разное время и в разных местностях, а посошное обложение черных и дворцовых земель отличалось от обложения посадов, поместных и вотчинных земель[1]. Указанные особенности посошной системы приводили к значительной неравномерности в обложении отдельных хозяйств.

Развитие прямого окладного обложения по «сошному письму» привело к превращению сохи в окладную единицу и для целого ряда других прямых налогов: полоняничных денег (взимаемых как чрезвычайный налог при возникновении необходимости выкупа пленных); ямской повинности (исполнение которой в натуре могло быть заменено денежным эквивалентом); поворотной подати (чрезвычайного налога для содержания армии в военное время); подати на городовое и засечное дело; пищальных денег. Все они взимались также на основе сошного письма, но с использованием более мелкой окладной единицы — выти или обжи[2].

Военная кампания 1551 г., которая тоже была неудачной, выявила главную проблему русской армии — материальную необеспеченность конного дворянского ополчения. Возможными решениями данной проблемы в тот период в России было наделение дворян землей и увеличение доходов государства для выплат жалованья служилым людям, казакам, отрядам татарских царевичей. На собравшемся в 1551 г. для решения церковных дел Стоглавом соборе царь поднимает вопросы, связанные с обеспечением землей служилых людей. «Царь указал на необходимость передачи по крайней мере некоторых церковных и монастырских земель в пользование дворянства (в качестве поместий за военную службу) и горожан (в качестве усадеб в городах)»[3]. Но так же как и при деде Ивана Грозного Иване III, церковь твердо противостояла попыткам секуляризации монастырских земель. Однако церковные иерархи все-таки оказались вынуждены согласиться на некоторые меры, сдерживающие дальнейшее расширение церковных и монастырских владений. Церковь была лишена налоговых привилегий (были отменены тарханные грамоты) и, следовательно, монастыри должны были платить налоги с земли, которой они владели. Монастырям запрещалось покупать, получать в дар или наследство земли без специального разрешения царя, что ограничивало дальнейшее увеличение их земельных владений. Для облегчения положения посадского населения монастырям было запрещено основывать в городах новые слободы, конкурировавшие с тяглыми горожанами.

---

[1] *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1. М., 1915. С. 153, 192.

[2] Налоги и налогообложение / Под ред. М. Романовского, О. Врублевской. СПб., 2003. С. 69.

[3] *Вернадский Г.В.* Указ. соч. С. 47.

В начале октября 1552 г. после месячной осады Казань пала. Последующие четыре года царские войска приводили в покорность периодически восставшие народы Поволжья и боролись с «казанскими возмущениями». В 1556 г. была присоединена Астрахань. Покорение Казани и Астрахани имело огромное не только политическое, но и социально-экономическое значение. Во-первых, русский царь в качестве подданных получает большое количество нерусских народов: татар, башкир, чувашей, мордву, ногайцев, черемисов (марийцев) и др. Во-вторых, овладение Волгой на всем ее протяжении сильно облегчило торговлю с восточными странами. И, главное, российское государство получило огромный земельный фонд, который можно было использовать для раздачи служилым людям в поместья. Уже в 1557 г. начинается наделение русских дворян и детей боярских землями, принадлежавшими казанскому хану и его мурзам.

Приобретение огромного земельного фонда и готовящаяся раздача его служилым людям ускорили уже назревшую необходимость установления определенных норм землевладения и норм новых раздач земли в соответствии со службой. По указу 1556 г. каждый землевладелец (и владелец вотчины, и владелец поместья) с каждых 150 десятин хорошей земли должен был выставлять одного полностью экипированного всадника с запасным конем в случае дальних походов. Предполагалось переписать поместья и провести смотр служилых людей для приведения в соответствие размеров владений с выполняемой военной службой. Излишки должны были изыматься и передаваться тем, кто испытывал недостаток.

Юридическое оформление поместной системы и ее расширение привели к появлению во второй половине XVI в. законов, стесняющих переходы крестьян. Это было связано с тем, что завоевание Казани и Астрахани открыло обширные пространства невозделанных черноземных земель. Эти земли государство начинает раздавать в поместья, и помещики всеми правдами и неправдами стараются привлечь крестьян для возделывания этих земель. Это приводит к обострению дефицита рабочих рук в центральных районах. Землевладельцы начинают активно переманивать и свозить крестьян как с владельческих, так и с государственных земель, лишая государство налогоплательщиков. Причем преимущества здесь имели крупные землевладельцы, которые при этом становились еще состоятельнее. Мелкие и средние землевладельцы, лишаясь крестьян, разорялись и зачастую превращались в холопов. Данная ситуация сильно противоречила интересам государства, так как именно мелкие и средние землевладельцы составляли основу войска. Против этих невыгодных для государства последствий свободного крестьянского выхода и издавались законы о сыске беглых, о заповедных годах и др. Здесь стоит отметить, что ограничения на выход распространялись только на «старых тягле-

цов», т.е. тех, кто живет на данном месте давно и является хозяином дома, записан в писцовой книге как ответственный домовладелец. Все остальные: сыновья, братья, племянники, захребетники, подсоседники и др. категории населения продолжали пользоваться правом свободного перехода и соответственно — их разрешалось перевозить на свои пустоши.

Ограничению крестьянского перехода способствовало не только государство, которое пыталось прикрепить крестьян к земле. Гораздо более значительную роль в появлении крепостного права сыграла экономическая зависимость крестьянина от землевладельца, которая прикрепляла крестьянина уже не к земле, а к определенному лицу. Землевладельцы щедро раздавали прибывающим на их земли крестьянам ссуды и подмоги, тем самым формируя долговую зависимость крестьян и усложняя их переход к другому землевладельцу, который мог теперь переманить крестьян только после уплаты крестьянских долгов. «Итак, крестьянское право выхода к концу XVI в. замирало само собой, без всякой законодательной его отмены. Им продолжали пользоваться лишь немногие крестьяне, поселение которых не соединялось ни с какими затратами для землевладельца и которым потому легко было рассчитаться с ним, заплатив только пожилое. Для остальных крестьян вольный переход выродился в три формы: побег, своз и сдачу — заместительство уходившего другим жильцом... И побеги, и свозы, не улучшая положения крестьян, сопровождались важными неудобствами для государства и государственного хозяйства...»[1] При этом, несмотря на существовавшие в тот период ограничения на право крестьянского выхода, нельзя говорить о существовании крепостного права. Крестьяне оставались юридически свободными людьми со всеми гражданскими правами. Их отношения с землевладельцем по-прежнему регулировались порядными записями, где крестьянин обязывался в случае ухода заплатить пожилое за пользование двором, вернуть ссуду, вознаградить землевладельца за льготу, которой пользовался. Право перехода в этих договорах предполагалось само собой разумеющимся.

В процессе проводимых в середине XVI в. государством реформ формировалась система органов управления страной. Вновь созданная система состояла из центральных отраслевых приказов: Казны, Большого прихода, Посольского, Разрядного, Поместного, Разбойного, Конюшенного, Ямского; приказов, управляющих определенной территорией: Тверского, Рязанского, Дмитровского, Угличского, Казанского; мелких ведомств: Земского двора (полицейское управление столицы), московского тиунства и т.д.[2] Деятельность приказов контролировала Боярская дума, периодически посылая туда окольничих и бояр.

---

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 2. С. 301–302.

[2] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 235.

Следующим шагом после реформы центрального управления была реформа управления в регионах. Реформаторы исходили из того, что армия будет сильной, если удастся объединить дворянство и сделать его опорой власти царя как в центре, так и в провинции. Поэтому принимались меры по укреплению положения провинциального дворянства. В 1555 г. указом царя и с одобрения Боярской думы была отменена система кормлений. Вместо нее водились два института: институт губы, которому переходили полицейские и судебные функции кормленщика и земство, функциями которого были поддержание порядка на данной территории, сбор налогов, освоение незаселенных земель, разбор гражданских дел. Губой назывался определенный район, на который распространялась юрисдикция губного правления. Правление губы возглавлялось губным старостой, который выбирался местным дворянством. Остальные члены правления избирались горожанами и крестьянами района. Земские институты — земское правление, староста, «лучшие люди», земский дьяк выбирались народом в соответствии с земской грамотой, которая даровалась отдельно каждому региону (земле). В северных провинциях, где не было дворянства, институт губы не вводился, а судебные и полицейские функции должно было исполнять земство.

Одной из реформ, способствовавших укреплению государства, была денежная реформа. Еще в период правления матери Ивана Грозного Елены Глинской была введена десятичная счетно-денежная система. В ее основу был положен серебряный рубль, который был эквивалентен 68 г серебра. 1 рубль = 2 полтины = 4 полуполтины = 10 гривен = 100 копеек = 200 денег = 400 полушек; алтын = 3 копейки. Такие денежные знаки, как рубль, полтина, полуполтина, гривенка, алтын, не чеканились, они использовались только как счетные единицы[1]. Иван Грозный оставил этот денежный счет, но упразднил откупную систему организации выпуска монет и учредил государевы монетные дворы.

Кроме того, во второй половине XVI в. в ходе налоговых реформ тамгу начинают отличать от внутренних пошлин и записывать в отдельные таможенные книги, требование о ведении которых впервые было отражено в Новгородской таможенной грамоте от 17 марта 1571 г.[2] Принципы обложения тамгой были дифференцированы: с целого ряда товаров эта пошлина взималась не с цены, а с количества; с цены весчих товаров тамга взималась в большем размере; иногда ставка сбора зависела от вида и типа транспортного средства, доставившего товар[3]. Размер тамги ко-

---

[1] Денежные реформы в России. Вып. 1 / под ред. Ф.М. Волкова, С.С. Ильина, М., 1999. С. 13.

[2] Новгородская таможенная грамота от 17 марта 1571 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 282.

[3] См., напр.: Герберштейн З. Записки о Московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 84.

лебался от 1/4 до 7% с цены продажи и обычно составлял 3/4 — 2% или 1,5–4 деньги с рубля (деньга в то время равнялась 1/2 копейки). Местные жители либо совсем не платили тамги, либо платили ее при продаже привезенного товара или с увоза купленного на местном рынке в меньшем размере (в 2 раза и более), чем иногородние: если с приезжих торговцев, как правило, взимали по 4 деньги с рубля, то с местных — 1–2 деньги[1]. Например, по Белозерской таможенной грамоте с местных горожан взималась таможенная пошлина 0,5%; с жителей области, к которой относилась грамота, — столько же; с приезжих торговцев из других областей — 6% от стоимости товара[2]. Новгородской таможенной грамотой с местных горожан предусматривалась пошлина 0,75%, с жителей новгородских пригородов — 2%, с торговцев из других областей — 4%, с иноземцев — 7% от стоимости товара[3]. Кроме того, в XVI в. для иностранцев была учреждена «особая большая тамга». В разряд таможенных пошлин помимо тамги входили такие сборы, как пятно, мыт, замыт, полозовое, головщина, явка, весчее, гостиное, амбарное. При их взимании также проводилось различие между местными жителями, иногородними и иностранцами: для двух последних категорий устанавливалось большее количество платежей с более высокими размерами. Так, согласно Новгородской таможенной грамоте, головщина (поголовный сбор) взималась в размере полуденьги новгородской — с новгородца, одной деньги — с иногороднего и двух денег — с иноземца, а явочной пошлине подлежали обычно только иногородние и иноземцы, но не местные жители, и величина ее определялась расстоянием между постоянным местожительством торговца и местом уплаты[4].

Еще одним важным источником доходов казны были питейные сборы. С XVI в. питейные сборы начинают взиматься в специализированных заведениях по казенной или откупной продаже спиртных напитков — кружечных дворах, корчмах, кабаках. При Иоанне Грозном в Москве все корчмы были казенными, а питейными сборами ведали «недельщики» и «десятники», о добросовестности которых окрестными жителями согласно Судебнику 1550 г. давались поручные записи. В других городах корчмы раздавались боярам для кормления. Во второй половине XVI в. корчмы сменились кабаками, а «недельщики» и «десятники» — «верны-

---

[1] *Аграшенков А.В., Блинов Н.М., Бобков В.Б., Мячин А.Н., Шамахов В.А., Шумилов М.М.* Таможенное дело в России X — начало XX вв. (Исторический очерк. Документы. Материалы). СПб., 1995. С. 9.

[2] Белозерская таможенная грамота от 21 мая 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 191.

[3] Новгородская таможенная грамота от 17 марта 1571 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 282.

[4] Там же.

ми целовальниками». Вид и порядок взимания сбора за право торговли спиртными напитками зависели от действовавшей формы регулирования оборота алкогольной продукции — казенной (винной) монополии и (или) откупной системы. В первом случае вино продавали «верные целовальники», передававшие питейный доход казне в виде «верного сбора». Во втором случае ежегодную фиксированную сумму питейного сбора в казну вносили откупщики. Существовало и домашнее приготовление алкогольных напитков, однако крестьянам винокурение запрещалось. Частные лица и монастыри в их владениях платили за право выделки вина и прочих питей для личных нужд особую пошлину — явку.

В 1553 г. царь приказал начать книгопечатное дело. В Кремле была основана небольшая типография, в которой работал знаменитый в будущем печатник Иван Федоров.

В результате проведенных социально-экономических реформ Россия серьезно продвинулась на пути государственного строительства. Были созданы органы центрального и местного управления, реформированы налоговая и денежная системы, появляется единое правовое и судебное пространство. Важнейшим достижением было создание армии, обеспечившей преобладание на восточном и южном направлении и борьбу почти на равных на западе. Кроме того, было положено начало формированию нового правящего сословия — дворянства и найдены ресурсы его материального обеспечения.

Социально-экономический кризис конца XVI — начала XVII в.

Несмотря на то что реформы середины XVI в. имели огромное значение для формирования государства, они заложили ряд противоречий, которые в конечном итоге привели к социально-экономическому и политическому кризису. Во-первых, противоречие между государем и аристократией, которое привело к созданию опричнины. Во-вторых, противоречие между значительным увеличением количества служилых людей, которые увеличивались не только естественным путем, но и верстались в большом количестве из других сословий, и существующими материальными ресурсами государства, которое вместе с последствиями опричнины стало одной из главных причин социально-экономического кризиса конца XVI в.

Что касается первого противоречия, то его суть была очень хорошо отражена Ключевским: к середине XVI в. «титулованное боярство заняло все высшие должности в московском управлении, командовало московскими полками, правило областями Московского государства. Руководя всем в объединенной Северной Руси, потомки бывших великих и удельных князей и в Москве продолжали смотреть на себя как на таких же хозяев Русской земли, какими были их владетельные предки; только

предки, рассеянные по уделам, правили Русской землей по частям и поодиночке, а потомки, собравшись в Москве, стали править всей землей и все вместе. Среди титулованного боярства XVI в. утверждается взгляд на свое правительственное значение не как на пожалование московского государя, а как на свое наследственное право, доставшееся им от предков независимо от этого государя, установившееся само собою, ходом событий»[1]. Естественно, такая точка зрения не могла разделяться монархом, претендующим на власть самодержавную. Таким образом, главное противоречие состояло в понимании текущей ситуации: царь считал, что главная обязанность бояр служить ему, они со своей стороны полагали, что собрались в Москве для коллективного управления и владения Русской землей и их княжеское происхождение дает им на это право. В наиболее явном виде это противоречие проявилось во время реформ.

Первоначально перед Иваном Грозным стояла задача укрепления государства для противостояния внешним врагам, а также создания механизмов управления быстро расширяющегося государства. Однако в процессе реформ Грозный столкнулся с тем, что его мнение далеко не всегда разделяется его советниками и Боярской думой и, более того, у него нет никаких механизмов отстаивать свои предложения, если большинство бояр оказываются против. Судя по письмам Грозного, именно эта ситуация приводила его в ярость. Усугубляло ситуацию то, что в государствах, являвшихся, судя по всему, примером для Грозного — в Турции и Персии, власть монарха была неограниченной. Кроме того, иосифлянами была предложена теория самодержавия, основывающаяся на божественном происхождении власти.

Среди спорных вопросов можно выделить три, носивших фундаментальный характер. Во-первых, вопрос собственности на землю. «Споры в думе носили принципиальный характер: будут ли бояре наряду с казной и впредь участвовать в дележе земельных богатств на завоеванных территориях в соответствии с традицией или они будут лишены такого права»[2]. Другой стороной этого же вопроса были попытки государства ограничить уже существующие боярские землевладения и по возможности перераспределить их в пользу дворянства.

Во-вторых, вопрос о наследнике престола. «И здесь с обеих сторон сказались преломленные ходом дел привычки удельного времени. Тогда боярин выбирал себе князя, переезжая от одного княжеского двора к другому. Теперь, когда уехать из Москвы стало некуда или неудобно, бояре хотели выбирать между наследниками престола, когда представлялся случай. Свое притязание они могли оправдывать отсутствием закона о престолонаследии... Стороннее вмешательство в эту личную волю государя

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 2. С. 134–135.

[2] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 486.

трогало его больнее, чем мог трогать какой-либо общий вопрос о государственном порядке. Отсюда обоюдное недоверие и раздражение»[1]. Бояре ставили в пример западных соседей: Литву, Польшу, Швецию, а царь — восточных: Турцию, Персию.

В-третьих, проблемой, создающей ситуацию постоянного напряжения, была система местничества. Институт местничества противоречил интересам царя, так как ограничивал его власть в принципе и, в частности, не позволял назначать преданных и зависимых людей на высшие государственные посты. Местнические порядки совершенно закрывали путь дворянам во власть.

Царь не мог или не хотел бороться с системой, так как не знал, чем ее заменить, поэтому он борется с отдельными ее представителями. Начинаются казни; казни усугубляют недовольство, что увеличивает страхи царя; он, будучи человеком психически неустойчивым, начинает видеть измену везде и соответственно усиливает казни. Получается замкнутый круг.

Таким образом, именно это первое противоречие — противоречие между центральной властью и аристократией — привело к опричнине. Царь утратил поддержку сословия, представители которого занимали все руководящие посты в государстве, и, не имея возможности заменить их всех одновременно и даже постепенно, создал альтернативное правительство, альтернативные войска, альтернативный аппарат управления (опричные приказы) из преданных ему людей разных сословий, при этом стараясь сохранить свою верховную власть над всем государством.

Для материального обеспечения созданных опричных институтов царь выделяет лучшие, наиболее доходные земли, доходы от которых идут на содержание опричнины. Государство оказывается разделенным на земщину и опричнину. Землевладельцы, владеющие землями в районах, выделенных в опричнину, должны были покидать свои имения и переселяться на новые земли, а их владения отдавались опричникам. Опричники, не будучи уверены в длительности данной политики, старались выжать максимальный доход из крестьян. Крестьяне разорялись или уходили, земли забрасывались, а опричнику выделялся новый надел. Годы опричнины (1564–1572) нанесли огромный экономический ущерб большинству районов России.

Начало противостояния Грозного и бояр можно отнести к событиям 1553 г., когда часть бояр отказались присягать малолетнему царевичу Дмитрию. Смерть любимой жены Анастасии, бегство Курбского, неудачи в Ливонской войне — все эти события были скорее поводами для расправ и казней, чем их реальными причинами. Реальными причинами были желание установить самодержавную власть и борьба за землю.

---

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 2. С. 160–161.

Условная собственность везде имела тенденцию становиться частной. Во всех странах, где вводился институт условной земельной собственности, со временем, по мере исчезновения внешних угроз и(или) развития рыночных отношений, условное землевладение превращалось в частное. В России в XVI в. тоже начинает проявляться тенденция к превращению земельной собственности, выданной на поместном праве, в частную. Но в России в этот период не только не исчезает внешняя угроза, но еще больше усиливается. А рыночные отношения по-прежнему остаются крайне слабо развитыми. В этих условиях государственная собственность оказывается связывающей, цементирующей силой для государства, регионы которого не были связаны экономически.

Второе противоречие, вызванное реформами, как уже говорилось, было связано с резким ростом служилого сословия, который был необходим для управления недавно родившимся государством, для интеграции вошедших в него частей, для отстаивания независимости этого государства, сохранения его территории и обеспечения безопасности его населения. Процесс становления российского государства происходил в течение жизни двух-трех поколений с 1470-х гг. до середины XVI в. Население в целом за этот период выросло примерно в 1,5–2 раза, а служилый класс увеличился в 3–4 раза[1]. Непропорциональное увеличение элиты было связано с тем, что служилый класс верстался из всех сословий (в том числе и из холопов), тем самым уменьшая долю крестьян и посадских людей. Учитывая тот факт, что технологии оставались примерно на том же уровне и соответственно производительность труда за этот период практически не возросла, для материального обеспечения увеличившейся элиты необходимо было увеличивать налоги. Налоги к концу 1560-х гг. по сравнению с 1550-ми выросли в 2 раза. Если после налоговой реформы уровень налогообложения составлял примерно 9% дохода крестьянина, то к концу 1560-х гг. — уже около 18%, что вело, с одной стороны, к увеличению интенсивности труда, а с другой, к падению жизненного уровня крестьян, к уменьшению их запасов, к частым разорениям[2].

Уменьшение запасов и разорение крестьян привели к тому, что неурожай 1568 г. привел к страшному голоду и мору. В 1570 г. пришла эпидемия чумы. Одной из причин масштабности эпидемии было хроническое недоедание населения в предшествующие годы и соответственно падение иммунитета. В 1571 г. крымский хан, воспользовавшись тяжелым положением России, дошел до Москвы, сжег ее и разорил огромные территории к югу от столицы. Все эти события, которые можно охаракте-

[1] *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 12 (URL: http://hist1.narod.ru/Science/Russia/Mono/G123.htm)

[2] *Нефедов С.А.* Указ. соч. С. 1.

ризовать как социально-экономическую катастрофу, вместе с опричным разорением и опричным террором привели к сокращению населения более чем на 30%[1]. Это еще больше усугубило проблему содержания правящего и служилого класса. Государство и землевладельцы вынуждены были уменьшить налоговую нагрузку на непривилегированные сословия, что означает разорение многих дворян, забрасывание земель, сокращение доходов в казну. Все это ведет к ослаблению государства и армии. Можно сказать, что в конце XVI в. Российское государство надорвалось от предпринятых им внутри- и внешнеполитических усилий.

В 1582 г. полным поражением заканчивается почти 25-летняя Ливонская война. Россия отдает все свои завоевания в Ливонии и Полоцк. В 1583 г. было заключено невыгодное перемирие со Швецией: у России были отобраны все выходы к Балтийскому морю, кроме устья Невы.

В 1584 г. Иван Грозный умирает. Итоги его царствования трудно охарактеризовать однозначно. С одной стороны, созданы государственные институты, которые позволили России состояться как государству и превратиться в одно из крупнейших государств в мире, а с другой — страна понесла огромные, подчас ничем не оправданные человеческие жертвы.

Непосредственными жертвами террора Ивана Грозного, не считая погибших в войнах, от голода и чумы, было около 3–4 тыс. человек[2]. Однако стоит отметить, что не только в России, но и на Западе в процессе становления европейских государств у власти оказывались тираны: Педро Жестокий в Испании, Людовик XI во Франции, Генрих VIII (имевший шесть жен, причем некоторые из них закончили жизнь на плахе) в Англии, шведский король Эрик XIV (современник и союзник Грозного). Можно вспомнить и французскую Варфоломеевскую ночь, когда по приказу короля было уничтожено около 100 тыс. человек.

Вероятно, если бы на русском престоле оказался менее жестокий и психически более уравновешенный человек, то не погибло бы такое количество людей. Но это не значит, что удалось бы вообще избежать социально-экономического кризиса. Так как причинами последнего в конечном итоге являлся резкий рост неработающего (служилого) сословия и соответственно сильно возросшая за относительно короткий временной период налоговая нагрузка на крестьян — основных производителей, которым приходилось создавать ресурсы для поддержания вновь созданных государственных институтов.

Таким образом, к концу правления Ивана Грозного сложилась крайне напряженная социальная обстановка. Из-за налогов, войн, опричнины резко падает жизненный уровень практически всех слоев населения. Крестьяне, дворяне, посадские люди массами начинают перемещаться на юг, туда, где

---

[1] *Нефедов С.А.* Указ. соч. С. 3.

[2] *Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 487.

более плодородные земли, где легче уклоняться от налогов и от службы. Колонизация юга началась практически сразу после завоевания Казани и Астрахани, но наиболее интенсивно в этом направлении люди стали переселяться после 1584 г., когда закончились восстания поволжских народов.

В XV–XVI вв. на южных рубежах России и Польши появляется новое сословие — казаки. Это были выходцы из разных сословий и разных национальностей, которые селились вдоль северной границы степи, занимались рыболовством, промыслами, земледелием, нередко грабежом. В отличие от крестьян, искавших на юге более плодородные земли, казаки были вооружены, организованы в ватаги и были готовы воевать. Среди казаков было немало дворян. В писцовых книгах часто встречаются записи о каком-нибудь сыне боярском: «Сбрел в степь, сшел в казаки»[1]. Воевать они готовы были и с татарами, и с Москвой, и с Польшей — главное, чтобы была добыча. Как польское, так и московское правительство старалось использовать казаков для охраны своих границ.

После смерти не имевшего наследников сына Ивана Грозного Федора Ивановича (1584–1598) царем становится Борис Годунов (1598–1605). Он пытается вывести страну из состояния депрессии, в которой она находилась после социально-экономического кризиса. Но фундаментальная проблема содержания служилого класса оставалась нерешенной и порождала острые конфликты между землевладельцами в целом и крестьянами, между крупными землевладельцами и средними или мелкими, между крупными землевладельцами и государством, между государством и тяглыми сословиями.

Особенно все эти противоречия обострились в 1601–1603 гг., когда в России случился страшный голод. От голода и разорений крестьяне, холопы, мелкие дворяне в огромном количестве устремились на юг. Для правительства все они были беглецами, подлежали наказанию и возврату на свои места. Правительство Годунова пыталось приостановить этот процесс различными способами: с одной стороны, контролировались цены на хлеб, в Москве голодным раздавали из государственных и монастырских запасов зерно, а с другой, издавались указы, прикрепляющие крестьян к земле, а посадских к городам, что еще больше усиливало озлобление народа против правительства. Все это в конечном итоге привело к иностранной интервенции и гражданской войне.

Вопросы для обсуждения

- Почему становление русского централизованного государства происходит в конце XV в.?
- Почему в России слабо развивались города и ремесла?

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 3. С. 99.

- Как менялся жизненный уровень населения на протяжении XV–XVI вв.?
- Кто несет ответственность за политику террора в правление Ивана Грозного?
- Что было причиной гражданской войны начала XVII в.?

Литература

1. *Вернадский Г.В.* Россия в Средние века. Тверь, М., 2001.
2. Герберштейн З. Записки о Московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
3. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 2. М., 1988.
4. *Костомаров Н.И.* Русская республика. М., 2008.
5. *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.
6. *Нефедов С.А.* Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11.
7. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. АСТ, Астрель; М., 2006
8. *Пушкарева В.М.* История финансовой мысли и политики налогов. М., 2001.
9. *Розинская Н.А.* Социально-экономическая история России, т.1, М., 2009, лекция 3.
10. *Скрынников Р.Г.* Василий III. Иван Грозный. М., 2008.
11. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

ЛЕКЦИЯ 3

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Н.А. Розинская

Становление российского общества

В 1604 г. в пределы Московского царства вторглась четырехтысячная армия Лжедмитрия I, состоявшая в основном из казаков, жителей современной Украины и поляков. К этой армии примкнуло скопившееся на юге беглое население. После объявления о смерти Бориса Годунова на сторону Лжедмитрия I переходят многие дворяне, и летом 1605 г. практически без боя Лжедмитрий I вступил в Москву. Правил он меньше года, так как его пренебрежение православием и русскими традициями вызвало сомнение в том, что он настоящий царевич Дмитрий. В результате восстания Лжедмитрий I был убит, и началась гражданская война. Появился новый самозваный претендент на трон — Лжедмитрий II, а затем и другие самозванцы.

Произошел фактический распад центральной власти: сменивший Лжедмитрия царь Василий Шуйский вскоре утратил всякую популярность, был сведен с престола и насильно пострижен в монахи. Страна оказалась наводнена вооруженными бандами, связанными с тем или иным самозванцем. Острейшим был моральный кризис: практически все известные политики того времени (бояре, военачальники, высшие церковные иерархи) оказались скомпрометированы сотрудничеством с самозванцами либо интервентами.

Смутой решили воспользоваться соседние Польша и Швеция; ряд территорий запада и северо-запада страны были захвачены.

В этот момент, когда государственные структуры России практически полностью были разрушены, в нашей стране родилось российское гражданское общество. Российское, так как в 1612 г. была осознана ценность России для ее жителей, именно тогда ставших россиянами, а не

только москвичами, нижегородцами и казанцами. Гражданское, так как задача спасения страны решалась ее людьми (ставшими гражданами) без государства, в ситуации, когда государственные институты были почти полностью разрушены. Национальная элита того времени (верхи боярства и служилого сословия) за предшествовавшие несколько лет оказалась поголовно скомпрометированной: кто признанием очевидного самозванца («ведомого вора») Лжедмитрия II, кто коллаборационизмом, кто очевидной неспособностью руководить страной в критический момент. По словам Н. Костомарова, тогда «в Московском государстве уже никто никому не верил, и редкий по совести мог сам за себя поручиться»[1]. Каждый был сам за себя; наверняка тогдашние люди, как и наши современники, страшно боялись, что их «кинут», тем более что тогда ценой ошибки — если тебя действительно «кинут» — часто была жизнь. Из-за неспособности представителей различных социальных и политических сил договориться, довериться друг другу, подчинить свои интересы общим распалось первое ополчение, лидер которого дворянин Прокопий Ляпунов был убит казаками. Но в какой-то момент риск, что твое доверие обманут, показался нашим предкам менее страшным, чем риск потерять свою страну, свою веру, свою идентичность. Незнакомые люди поверили друг другу и встали плечом к плечу. Возникло второе ополчение. Люди преодолели взаимное недоверие, объединились и спасли страну.

Смута была гражданской войной, внутренней болезнью, от которой российское общество сумело вылечиться. Поляки и шведы лишь воспользовались ситуацией, которую жители страны сами допустили в своей стране. Так что победа в 1612 г. — в первую очередь победа наших предков над собой, над собственным эгоизмом, над недоверием друг другу. Тогда впервые в российской истории возникло широкое движение за спасение страны, не руководимое государством. По призыву патриарха Гермогена жители разных городов начали стихийно связываться между собой, собирая материальные средства и людей для ополчения. Именно в этот период, когда народ проявил готовность без государственного принуждения жертвовать имуществом и жизнью во имя сохранения страны, произошло окончательное превращение конгломерата земель и городов в единое целое — Россию. С самого момента своего рождения страна была многонациональной: верность России проявили активно участвовавшие в ополчении татары и другие народы Поволжья, всего лишь за 50 лет до Смуты вошедшие в ее состав. Перед лицом внешнего врага произошло примирение враждующих партий, укрощение личных амбиций их руководителей. Моральный кризис был преодолен. Не с первой попытки, но все же смогли объединиться представители сословий

[1] *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: ООО «Фирма СТД», 2008. С. 401.

с противоречивыми интересами; возникшее в результате такого объединения всесословное ополчение сумело разгромить и польские войска, и основные силы самозванцев и обеспечить условия для восстановления государства. Символом такого восстановления стал Земский собор 1613 г., избравший на престол Михаила Романова.

В литературе существует точка зрения, что в определенной степени гражданская война конца XVI в. была связана с выбором социально-экономической модели дальнейшего развития[1]. Конкурировали три принципиально различные институциональные системы: аристократическая демократия польского образца, система казацкого самоуправления и монархическая система, опирающаяся на служилое дворянство. Первая модель могла бы победить, если бы полякам удалось посадить своего претендента на русский престол. Это могло бы способствовать распространению польской системы прав собственности на землю, где преобладала частная собственность, что усилило бы аристократию и ослабило бы центральную власть вплоть до конституционных ограничений. У казаков тоже в определенный момент был шанс посадить своего «казацкого царя». Это могло бы привести к разделению страны на так называемые «приставства» и к системе коллективного кормления с этих территорий верхушки казачества, что скорее всего повергло бы страну в еще больший хаос. Победила именно московская модель, базовой характеристикой которой была усиливающаяся центральная власть за счет практически всех социальных групп государства.

Смута — проверка государства кризисом. Далеко не все государства пережили эпоху появления огнестрельного оружия и формирования централизованных государств. Многие из них либо вошли в состав полиэтнических империй (Молдавия, Венгрия, Сербия, Болгария, Чехия), либо были поглощены государством с родственным народом, но более успешным лидером (Бургундия, Наварра, Литва, Шотландия), либо на столетия превратились в арену борьбы иностранных держав (Италия, Польша, Ливония).

Успешное преодоление Смуты доказало, что Российское государство состоялось, что оно способно выдерживать серьезные кризисы и отвечать на вызовы.

Восстановление государства

21 февраля 1613 г. в Москве Земским собором был избран царем шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов. Москва, а затем и вся Россия присягнули на верность новому царю. Установившееся в связи с этим между сословиями согласие имело огромное значение для вос-

[1] *Нуреев Р. М.*, *Латов Ю. В.* Экономическая история России. М.: Кнорус, 2016. С. 61–67.

становления Российского государства, но не означало окончания всех бед. Состояние России в этот момент было поистине катастрофическим. На русский престол претендовали польский король Сигизмунд III, его сын Владислав, шведский король Густав II Адольф, Марина Мнишек со своим малолетним сыном, а также различные самозванцы. Польские войска, поддерживающие претензии Сигизмунда III на русскую корону, заняли западные и юго-западные города России, включая Смоленск, Дорогобуж, Путивль, Чернигов, и готовились идти на Москву. Шведы оккупировали северо-западную часть России и заняли Новгород. Марина Мнишек и поддерживающий ее атаман Заруцкий с казацкими войсками захватили Астрахань и оттуда планировали военные действия для захвата престола. Рязань, Кашира и Тула вынуждены были отбиваться от постоянных набегов крымских татар и ногайцев, пользующихся тем, что наши южные границы оказались практически распахнуты. В Казани, ставшей вторым по значению городом после захвата иностранными войсками Новгорода и Смоленска, поднимался мятеж. Во внутренних районах государства бродили шайки донских и запорожских казаков, польские и татарские военные отряды, которые грабили и разоряли то, что уцелело во время Смуты.

Для борьбы с иноземными врагами и для наведения порядка внутри страны новому правительству нужны были материальные ресурсы, прежде всего для выплаты ратным людям, которые в этот период настолько обнищали, что либо грабили, либо умирали с голоду. Казна была пуста, казенное движимое имущество было либо распродано, либо заложено, либо просто разграблено. Поступление прямых налогов практически прекратилось еще во времена Смуты, а для восстановления налоговых поступлений необходимо было, во-первых, провести перепись населения (большинство старых окладных книг сгорело в московских пожарах) и, во-вторых, восстановить разрушенное войной хозяйство. В этих условиях Земский собор, который в период 1613–1622 гг. действовал на постоянной основе, принял решение о сборе «пятой деньги», означавшей 20%-ный налог на годовой доход, совмещенный с 20%-ным налогом на движимое имущество. «Пятая деньга» собиралась с торговых людей и государственных крестьян либо в виде налога, либо в форме займа, иногда в качестве зачета будущих платежей, иногда как зачет старых недоимок. Вплоть до 1619 г. «пятую деньгу» собирали ежегодно. С монастырей брали «запросные деньги» в форме займов. Важным источником доходов в этот период становятся займы у купцов Строгановых и поступления пушнины из Сибири. Собранные таким образом деньги позволили справиться с внутренними врагами и завершить военные действия на относительно приемлемых для России условиях.

В 1614–1615 гг., воспользовавшись ухудшением в отношениях между Турцией и Польшей, России удалось заключить мирные договоры с Турцией и ее вассалом крымским ханом и тем самым временно прекратить набеги крымских татар на южные города России. В 1616 г. Большие ногаи (основная ветвь ногайцев) присягнули Москве и тоже прекратили свои набеги.

Шведы после неудачи попыток взять Тихвин и Псков и все больше втягиваясь в назревающий в Европе конфликт (приближалась Тридцатилетняя война 1618–1648 гг.), согласились подписать Столбовский мир 1617 г., по которому они оставляли за собой Ингрию и Карелию, т.е. полностью отрезали Россию от Балтики, но возвращали Новгородскую землю и отказывались от любых претензий на русский престол.

Польша, все больше сближаясь с Габсбургами, тоже готовилась к участию в грядущей европейской войне, и ей тоже нужен был мир на восточных границах. Однако желание Сигизмунда III подчинить Россию оказалось сильнее. Лишь после неудачного штурма Москвы в 1618 г. было заключено Деулинское перемирие на 14,5 года. Условия этого перемирия были очень тяжелыми для России. Польше отходили многие города, в том числе Смоленск, важнейший город на западной границе, при этом Владислав не отказывался от своих претензий на русский престол и отказывался признавать царский титул Михаила. Важным пунктом договора был размен пленных: среди пленных у поляков оставался отец царя Михаила — митрополит Филарет. В результате перемирия Россия получила передышку, но было понятно, что новая война с Польшей скорее всего неизбежна.

Разрешив проблемы внешние, правительству предстояла не менее сложная задача по налаживанию внутренней жизни. В 1619 г. из плена вернулся отец царя митрополит Филарет, который в том же году был избран патриархом и фактически стал соправителем своего сына, получив тот же титул, что и царь — великий государь. Отец и сын правили, опираясь на Земские соборы. Поддержка всей земли во многом способствовала процессу восстановления страны. Правительству было понятно, что одной из первых мер, которые необходимо реализовать, было проведение переписи имущества и составление кадастра для более реалистичного налогообложения — без этого налоговые требования государства оставались всего лишь требованиями. Но составление нового кадастра в тех условиях оказалось очень сложным процессом, который растянулся на несколько лет.

Смута не только привела к катастрофическому разорению страны, запустению земель, обнищанию народа. Одним из важнейших последствий Смутного времени было изменение традиций и обычаев, сложившихся в отношениях людей и сословий. Пытаясь разрешить вставшие перед ним проблемы, правительство Михаила Федоровича начинает восста-

навливать социальную структуру общества. Это восстановление, однако, не могло не учитывать последствий Смуты, требований (отражавшихся в многочисленных челобитных) разных слоев населения и острых текущих финансовых проблем правительства. В результате «возврат к старине» на деле обернулся трансформацией всего общества. «Эту социальную перестройку оно производило двумя приемами: наследственным прикреплением людей к состояниям, в которых заставал их крепивший их закон, и лишением свободных лиц права отказываться от личной свободы. Таким образом, общественный состав упрощался. Служба и тягло превращались в неподвижные повинности по рождению. Эти замкнутые и обязанные классы впервые в истории нашего общественного строения получили характер сословий»[1].

Боярство

Со времен Ивана Калиты в Московском княжестве, а затем царстве боярство (крупные землевладельцы) было правящим классом. Бояре занимали важнейшие посты в государстве, связанные с управлением и военной службой. Их право претендовать на эти позиции и не допускать к ним представителей «худых» родов подкреплялось традицией и системой местничества. Начало разрушению этого класса было положено еще Иваном Грозным. Но с особой интенсивностью этот процесс пошел в период Смуты, когда новые правители старались создать вокруг себя окружение из им обязанных и, следовательно, верных им людей. Кроме того, выбор государя в 1613 г. не из самого знатного рода также способствовал определенной ротации элиты. «Вокруг царей новой династии не видно целого ряда старых знатных фамилий, которые прежде постоянно держались наверху... новые лица, свободные от правительственных преданий, и стали носителями и проводниками новых политических понятий, которые в Смуту проникли в московские умы... Итак, государи прежней династии правили с помощью цельного правительственного класса; государи XVII в. начали править с помощью отдельных лиц, случайно выплывавших наверх»[2].

После смерти патриарха Филарета в 1633 г. боярская аристократия временно укрепляет свою власть. Но в 1645 г. царем становится шестнадцатилетний сын Михаила — Алексей. Молодой царь приближает к престолу своего воспитателя Бориса Ивановича Морозова, которому доверяет управление страной и соответственно формирование правительства. Морозов отстраняет от должностей представителей знатных родов и назначает тех, кому он доверял, по большей части людей «ху-

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 3. М., 1988. С. 148.

[2] Там же. С. 67–68.

дородных». Среди этих людей были даже представители купечества — братья Чистые. Одним из важнейших последствий ротации элиты и появления в правительственном классе большого количества неродовитых людей было расстройство местничества. «Местничество выстраивало боярскую знать в замкнутую цепь лиц и фамилий, которая в местнических спорах развертывалась в сложную сеть должностных и генеалогических отношений... Смута произвела большую переборку служилых фамилий, подняла одни, понизила другие. Служебный чин сам по себе мало значил в местничестве, не давал родовитости; но родовитого человека обыкновенно возводили в высокий чин, служивший показателем его родовитости... Малые люди, дослужившиеся в Смуту до больших чинов, пытались превратить признак родовитости в ее источник и стали усвоять мысль, что государь, жалуя худородному большой чин, вместе с тем дает ему и знатность. Эта мысль, отрицавшая самое основание местничества, принадлежала к новым политическим понятиям, возникшим в Смуту, и была тогда отчетливо выражена одним захудалым служакой, сказавшим в споре о местах своему родовитому сопернику: велик и мал живет государевым жалованьем. Эта же мысль повела к отмене местничества в 1682 г., потом легла в основу петровской Табели о рангах 1722 г. и всего более содействовала поглощению старой боярской аристократии чиновной дворянской бюрократией»[1].

Служилые люди

Разорение и упадок сельского хозяйства в Смутное время больнее всего ударили по поместным владениям. Особенно тяжело было провинциальному дворянству. Способность к военной службе дворян, т.е. возможность купить лошадь, экипировку, оружие и возможность прокормить себя во время военных кампаний, зависела от доходности имения. Доходность имения, в свою очередь, зависела от количества и состоятельности крестьян, работавших на этих землях. В годы Смуты многие крестьяне разорялись, уходили в казаки, многие переходили на более безопасные земли, кого-то переманивали крупные землевладельцы налоговыми льготами и защитой. Это вело к упадку и разорению многих поместий. Дворяне таких разорившихся поместий бросали их и либо уходили в казаки, либо продавались в кабальные холопы к боярам, либо шли в монастыри. Так как поместные дворяне составляли основную военную силу государства, то данная ситуация была реальной для него угрозой потери боеспособности. Правительству приходилось увеличивать разорившимся служилым людям жалованье, а для выплаты жалованья нужно было повышать налоги, но это сделать было крайне сложно в разоренной

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 68–70.

стране. В ответ на увеличение налогов крестьяне сокращали запашку или уходили на земли бояр или монастырей, которые имели жалованные грамоты, освобождающие от налогов, посадские люди бросали промыслы или закладывались за богатых и, превращаясь в холопов, уходили от необходимости платить налоги. Возможность уклоняться от службы или от тягла была связана с существовавшей в тот период в Московском государстве структурой общества.

Еще со времен Древней Руси существовали такие социальные группы, как бояре (крупные землевладельцы, владеющие землей на вотчинном праве), духовенство, посадские люди, крестьяне и холопы. В конце XV–XVI вв. появляются две новые социальные группы: дворяне (мелкие и средние землевладельцы, владеющие землей на поместном праве) и казаки (вольные люди, живущие на юго-западной, южной, юго-восточной границах России). И к началу XVII в. сложилась следующая социальная структура: служилые люди — бояре и дворяне, тяглые люди — посадские и сельские, духовенство, холопы и казаки. Последние три группы не платили регулярные налоги. Но далеко не все население укладывалось в эти группы. Так как переход из одного состояния в другое не ограничивался законом, существовало очень много промежуточных групп. «Так, между служилыми людьми и холопством кружился слой мелкопоместных или беспоместных детей боярских, которые то отбывали ратную службу со своих или отцовых поместий, то поступали холопами во дворы к боярам и другим служилым людям высших чинов, образуя особый слой боярских служилых людей. Между служилым классом и посадским населением стояли служилые люди «меньших чинов», служившие не по отечеству, наследственно, а по прибору, по казенному найму; это были казенные кузнецы и плотники, пушкари, состоявшие при крепостях и крепостной артиллерии; они примыкали к служилому классу, неся военно-ремесленную службу, но близко стояли и к посадскому населению, из которого обыкновенно набирались, и занимались городскими промыслами, не неся посадского тягла. Около привилегированных землевладельцев, светских и духовных, ютились, выходя также из посадов, закладчики... Наконец, между холопами и свободными классами бродил многочисленный смешанно составленный слой вольных, или гулящих, людей: в него входили и затяглые родственники тяглых домохозяев, неотделенные сыновья, братья и племянники, и захребетники, также не имевшие своего хозяйства, работавшие при чужом, и дети духовенства, не пристроившиеся к приходам, и дети боярские, замотавшиеся и бросившие службу, но ни к кому не поступившие во двор, и крестьяне, покинувшие пашню и не избравшие определенного рода жизни, и холопы, вышедшие на волю и еще не давшие на себя новой крепости. Все такие люди, живя в селе, не имели земельного надела и не несли поземель-

ного тягла, а обитая в городе, промышляли, но не отбывали городских повинностей»[1].

Сложность социальной структуры была еще больше усугублена Смутным временем. Хаос и беззаконие Смутного времени вели к тому, что социальные отношения еще больше запутывались. Каждый старался использовать ситуацию либо для увеличения богатства, либо для продвижения к власти, либо для уклонения от службы или налогов. Это вело к тому, что во время Смуты резко пополнились ряды вольных людей, закладников, боярских холопов, в том числе и за счет дворян. Масштаб этого явления в первой половине XVII в. принял угрожающие для существования государства размеры. «Это грозило постепенным оскудением ратных сил и иссякновением самых источников государственного дохода: пользуясь правом отказа от личной свободы и от соединенных с ней государственных повинностей, оба эти состояния (холопство и закладничество) грозили стать социальными убежищами для служилых и тяглых людей, не хотевших ни служить, ни тянуть тягла»[2].

Таким образом, правительству для получения необходимых ресурсов и для поддержания армии необходимо было решить две задачи. Во-первых, прекратить переход из служилого и тяглого сословий в другие состояния и, во-вторых, тех, кто находился в промежуточных состояниях, заставить либо служить, либо тянуть тягло.

Проблема перехода служилых людей в холопы возникла уже в XVI в. Еще Иван Грозный пытался бороться с уклонением дворян от службы. В Судебнике 1550 г. для дворян вводится ограничение на переход в холопство: разрешается принимать в холопы только вышедших в отставку и запрещается принимать тех, кто служит или только собирается. Однако бедность и тяжесть службы приводили к регулярным нарушениям закона, и особенно этот процесс усилился в Смуту. Поэтому в 1642 г. правительство издает указ, запрещающий принимать в холопы дворян, а уже существующих дворян-холопов требует забрать у бояр и перевести в службу. Но после этого указа, не решающего главную проблему дворян — обеспечение поместий рабочей силой, служилые люди усилили свои жалобы. Основными их требованиями были: облегчение службы, создание выборных судов и установление бессрочного сыска беглых крестьян. В основном эти требования были удовлетворены после городских восстаний 1648 г. и зафиксированы в Соборном уложении 1649 г. Военная служба для дворян становится наследственной сословной повинностью. Но за это дворяне получают сословное право владеть землей и прикрепленными к ней крестьянами. «Личное землевладение, вотчинное и поместное, стало теперь сословной привилегией служилого класса,

---

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 147–148.

[2] Там же. С. 148.

как ратная служба осталась его специальной сословной повинностью: тем и другим служилые чины объединялись в одно сословие и обособлялись от других классов»[1].

Посадское население

Посадское население к XVII в. имело следующую структуру. Самым верхним привилегированным слоем была корпорация гостей. Ее численность колебалась от 13 до 54 человек в течение XVII в. Предположительно данная корпорация появляется при Иване Грозном, когда царь дает группе наиболее состоятельных купцов жалованную грамоту, освобождающую от многих повинностей. В дальнейшем пополнение этой группы было связано не только с материальным благосостоянием купца, сколько с его службой государю. Именно представители корпорации гостей выполняли наиболее важные функции финансовых и торговых агентов, необходимые для функционирования государства. Гости вели торговлю государственными монопольными товарами, чеканили монету, брали на откуп винные предприятия, собирали налоги, руководили поставками хлеба, оценивали доставленную из Сибири пушнину, управляли казенными предприятиями: мельницами, банями, изготовлением мыла, кваса, смолы и т.д.

Следующий социальный уровень в посадском населении составляли «гостиная сотня» и «суконная сотня», также являвшиеся привилегированными корпорациями, освобожденными от тягла. Члены первой были более состоятельными, чем второй, но и те и другие должны были нести государеву службу. Чаще всего они являлись помощниками гостей, но могли выполнять и самостоятельные поручения правительства. Количество членов гостиной сотни колебалось примерно от 100 до 400, примерно столько же было членов суконной сотни. Государство пользовалось услугами купцов, так как именно они имели определенные финансово-торговые знания и опыт и, кроме того, купцы имели имущество, чтобы нести имущественную ответственность: если деятельность купца на службе государства оказывалась убыточной, он должен был возместить эти убытки из своего имущества.

Следующий уровень составляли собственно посадские люди, обязанные платить налоги со своего имущества. Посадское тяглое население было организовано в слободы, в рамках которых происходило распределение налогового бремени в соответствии с принципом круговой поруки. Поэтому, если из посадской общины выбывали ее члены, то их налоги перекладывались на оставшихся. В мирные, спокойные времена эта система работала относительно успешно. Однако после Смуты все

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 149.

противоречия, заложенные в данной системе, обострились до предела. Во-первых, сильно упал общий уровень благосостояния, так как многие во время войны потеряли свое имущество, были ограблены или разорились. Во-вторых, посадское население сильно уменьшилось количественно. В-третьих, государство, пытаясь собрать деньги на окончание войн и на восстановление государственных институтов, основную налоговую нагрузку возложило на посадское население, так как с сельского в тот момент невозможно было что-то получить. Кроме того, правительство, нуждавшееся в «гостях» и купцах в качестве своих сотрудников, пополняло эти купеческие корпорации из тяглого посадского населения. Это вело к тому, что слободы лишались наиболее обеспеченных своих членов. Из-за тяжести налогов наиболее слабые вынуждены были продавать свои дворы и лавки и выходить из посада. Покупали дворы чаще всего люди из привилегированных корпораций, беломестцы, жившие в белых (т.е. свободных от тягла) слободах. Вышедшие из посада переходили либо в холопы, либо в закладчики. Закладничество в первой половине XVII в. становится еще одной серьезной проблемой для посадских людей. Сильные люди (освобожденные от налогов) — бояре, монастыри, епископы — принимали за себя в закладчики посадских людей массами и селили на посаде целыми слободами. Получалось, что черные посадские люди должны были за перешедших в закладчики платить налоги, а те, кто стал закладчиком, не только не платили налоги, но и, продолжая свою деятельность, составляли конкуренцию оставшимся в тягле людям. «Это был новый вид закладничества, притом незаконный. Личный заклад в собственном, простейшем виде был заем под работу с обязательством заработать его службой во дворе или на земле заимодавца. Теперь тяглые посадские закладывались без займа или с фиктивным займом обыкновенно за привилегированных землевладельцев, светских и духовных, и не отбывали им дворовой службы, а селились на их льготных (белых) землях дворами и целыми слободами и присвояли себе их поземельные льготы, самовольно избывая посадского тягла и занимаясь «всякими промыслами и торгами большими»[1]. Кроме закладчиков конкуренцию посадским людям составляли и представители других сословий, занимающихся ремеслом и торговлей. Это были и служилые люди, промышляющие ремеслом, но не платящие подати; священники, дьяки, крестьяне.

Все вышеперечисленные факторы вели к усилению социальной напряженности в городах. Уже с 20-х гг. XVII в. пошли к царю челобитные с просьбами оградить посадское население от произвола «гостей», беломестцев, запретить выход из посада, ограничить закладничество, возвратить старых тяглецов на места, жаловались на засилье иностранных торговцев и т.д. Правительство лишь частично удовлетворяло эти чело-

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 151.

битные, и обстановка в городах накалялась. В 1632 г., в связи с началом Смоленской войны и для выплаты жалованья сформированным в 1630 г. полкам «иноземного строя», правительство вновь увеличило налоги. Это еще сильнее обострило ситуацию в городах. И когда в 1647 г. вышел указ о пополнении гостиной сотни из городских черных слобод, реакция городов, куда дошел этот приказ, была резко отрицательной. Кроме того, в Москве в 1648 г. разразился соляной бунт. Все это привело к массовым городским бунтам 1648 г. К восставшему посадскому населению присоединились дворяне, которые тоже сталкивались с тем, что бояре, епископы, монастыри и другие крупные землевладельцы переманивали у них крестьян. Восставшие требовали созыва Земского собора, «управы на сильных людей», «суда праведного».

Городские бунты были подавлены, но правительство удовлетворило основные требования посадского населения, которые и были закреплены в Уложении 1649 г. «Отдельные меры, тогда принятые, сведены в главе XIX Уложения о посадских людях. Все слободы частных владельцев, поселенные на посадской земле, купленной или захваченной, отбирались на государя и приписывались в тягло к посадам безвозмездно. Заемные и ссудные записи, данные на себя закладчиками приемщикам, объявлены недействительными. Закладничество впредь запрещалось под угрозой тяжкой кары, а посадские прикреплялись к своему тяглу и к посадам с такой строгостью, что указ грозил смертной казнью за переход из посада в посад, даже за женитьбу вне посада. Так посадское тягло с торгов и промыслов стало сословной повинностью посадского населения, а право городского торга и промысла — его сословной привилегией. Крестьяне при этом могли продавать в городе «всякие товары» на гостином дворе только прямо с возов, не держа лавок в торговых рядах»[1]. Таким образом, посадское население оказалось наследственно прикреплено к своему месту жительства, к своей общине и к своему роду деятельности. И за обязанность платить налоги от торговли и промыслов получило сословное право заниматься торговлей и ремеслом.

Крестьяне

К началу XVII в. в России существовали крестьяне казенные, дворцовые и владельческие. Казенные и дворцовые крестьяне к этому времени уже были прикреплены к земле или к сельским обществам. Это было связано с действием принципа круговой поруки при уплате налогов: если крестьянин покидал общину, то его налоги должны были выплачивать те, кто остался. Следовательно, не только государство, но и сами крестьяне оказывались заинтересованными в прикреплении к земле и к общине.

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 152.

Положение владельческих крестьян регулировалось статьями Судебников о крестьянском выходе и договором между крестьянином и землевладельцем. В условиях российского многоземелья крестьянский труд был наиболее дефицитным ресурсом. В борьбе за этот ресурс столкнулись интересы государства, элиты (крупных землевладельцев) и служилого класса (средних и мелких землевладельцев).

Нарушителями формировавшегося баланса в данной области стали крупные землевладельцы (бояре, монастыри, епископы). Потеряв во время Смуты рабочие руки, они старались восполнить потери за счет средних и мелких землевладельцев. Они выпрашивали льготы у государства и «обеляли» таким образом свою землю. Затем, используя налоговые льготы, они переманивали крестьян с других земель. Если крестьянин не мог уйти от старого землевладельца из-за ссуды, они выплачивали за него долги и переводили на свои земли, часто против воли прежнего землевладельца. Таким образом, крупные землевладельцы были категорически против отмены права выхода крестьян. Кроме того, они были заинтересованы в сохранении права крестьянина продавать себя в холопство.

Действия крупных землевладельцев вели к тому, что обедневшие во время Смуты служилые люди разорялись окончательно. Они не имели возможности давать ссуды, переманивать налоговыми льготами и возможности свозить силой. Поэтому они просили государство прикрепить крестьян к земле и запретить их выход.

Государство было заинтересовано в поддержании боевой годности служилых людей и в увеличении тяглового населения. Поэтому оно пыталось препятствовать свозу крестьян богатыми и пыталось бороться с превращением крестьян в холопов. Но до Уложения 1649 г. эти меры ни к чему не приводили.

Помимо борьбы за крестьянские руки в аграрном секторе наблюдалась еще одна важная тенденция. Еще с середины XVI в. в связи с ростом налогов стало увеличиваться количество крестьян, нуждавшихся в ссуде для обзаведения и для ведения своего хозяйства. Взяв ссуду, крестьянин помимо выплаты оброка за пользование землей должен был, во-первых, отрабатывать проценты по ссуде и, во-вторых, практически лишал себя права выхода, так как и крестьянину, и помещику было понятно, что отдать весь долг крестьянин вряд ли сможет. Поменять землевладельца в этой ситуации можно было, если новый заплатит долг. А уйти было возможно, только найдя на свое место замену. После Смуты количество крестьян, нуждавшихся в ссуде, сильно возросло. Таким образом, право выхода в начале XVII в. самими крестьянами практически не использовалось. Оно превратилось в право перевода: гораздо чаще к нему прибегали крупные землевладельцы для перевода крестьян на свои земли.

Параллельно шел процесс приближения статуса холопов к статусу крестьян. Уменьшение количества рабочих земледельческих рук после Смуты заставило землевладельцев своих дворовых холопов сажать на землю. Холопам давали надел, ссуду, помогали построить дом и обзавестись хозяйством. При этом с холопом заключали договор, который, подобно крестьянскому, назывался ссудной записью.

«Хронологическое совпадение крестьянской крепости с посадкой холопов «во крестьяне» в третьем десятилетии XVII в. не было случайностью: то и другое имело тесную связь с большим тогдашним переломом в государственном и землевладельческом хозяйстве. Смута сдвинула с насиженных мест массы старожилого тяглого люда, городского и сельского, и расстроила старые земские миры, которые круговою порукой обеспечивали казне податную исправность своих членов»[1].

Для того чтобы разрешить весь этот клубок противоречий, государство проводит переписи населения и пытается вернуть тех, кто ушел со своих земель. Беглецами, подлежащими возврату, на тот момент считались ушедшие крестьяне, не выплатившие пожилое (плату за пользование домом и (или) инвентарем) и не вернувшие ссуду в полном объеме, если они ее брали.

Общая перепись 1627 г. способствовала тому, что постепенно менялась суть договора крестьянина с помещиком: из договора об условиях пользования землей отношения превращались в предоставление права помещику пользоваться крестьянским трудом. Все вышеперечисленные тенденции и борьба интересов привели к тому, что в Уложении 1649 г. был отменен крестьянский выход, крестьяне оказывались прикрепленными к месту и роду деятельности, и данное прикрепление распространялось не только на них самих, но и на все их потомство.

Таким образом, было установлено крепостное право. Уложение 1649 г. «узаконило возвращать беглых крестьян по писцовым книгам 1620-х гг. и по переписным 1646–1647 гг. «без урочных лет» (бессрочно). Отмена исковой давности, во-первых, клала на крестьянство еще одну общую черту с холопством, иски о котором не подлежали давности. И во-вторых, отменяя исковую давность, указ при этом крепил не отдельные лица, а целые дворы, сложные семейные составы; писцовая приписка к состоянию по месту жительства, захватывавшая крестьян домохозяев с их неотделенными нисходящими и боковыми, вместе с тем укрепляла их и за владельцем, получавшим теперь право искать их в случае побега бессрочно, как холопов, и личную крестьянскую крепость превращала в потомственную. Стоит отметить, что такое расширение крестьянской крепости было только закреплением давно сложившегося фактического положения...»[2].

---

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 162.

[2] Там же. С. 167.

Для того чтобы понять, что принципиально изменилось в жизни крестьян после принятия Уложения 1649 г., необходимо выявить характерные черты, в которых крепостное право проявлялось.

Во-первых, потомственность прикрепления. До Уложения крестьянину, как правило, наследовал старший сын, остальные могли перейти на другие земли, заняться ремеслом или торговлей или любой другой деятельностью. Теперь же и дети, и внуки, и все последующие потомки должны были оставаться в крестьянах за своим землевладельцем.

Во-вторых, отсутствие законов, регламентирующих права землевладельца на труд его крепостного крестьянина. Два фактора сдерживали произвол помещика: страх перед бунтом и необходимость поддерживать определенный уровень благосостояния крестьян, при котором они могли бы выполнять все возложенные на них помещиком и государством повинности.

В-третьих, отсутствие у крепостного крестьянина гражданских прав: свободы вступать в брак без чьего-либо разрешения, иметь собственность и передавать ее по наследству, вступать в сделки, иметь свободу передвижения, иметь судебную защиту. При этом напрямую из Уложения следовало только ограничение свободы передвижения и право помещика судить своих крестьян по вопросам, не касающимся тяжких преступлений. Все остальные ограничения возникли из практики и окончательно оформились уже в XVIII в.

Что касается имущества, то из порядных записей можно увидеть, что оно переходило по наследству к потомкам крестьянина, но всегда с согласия землевладельца. Это объясняется тем, что в законах ничего не говорилось о том, кому принадлежит крестьянское имущество. Из практики вытекало, что имущество создается крестьянским трудом, но при помощи ссуды землевладельца. И поэтому укрепилась идея, что крестьянин имуществом владеет, а землевладелец распоряжается.

Право землевладельцев судить своих крестьян во всех делах, кроме душегубства (убийства), разбоя и татьбы (воровства) с поличным, во многих землях шло еще из удельных веков. Уже в XVI в. некоторые землевладельцы начинают платить подати за своих крестьян, а в XVII в. этот обычай распространяется на всех землевладельцев. Начиная с переписи 1620-х гг. к судебной функции помещика была присоединена функция полицейского надзора за крестьянами. Таким образом, государство, закрепив крестьян за помещиками, получило бесплатных судей, полицейских, налоговых инспекторов и администраторов. Тем самым был найден баланс интересов государства, крупных и мелких землевладельцев. «Законодательное признание податной ответственности землевладельцев за своих крестьян было завершительным делом в юридической постройке крепостной неволи крестьян. На этой норме помирились интересы казны и землевладельцев, существенно расходившиеся. Частное землевладение

стало рассеянной по всему государству полицейско-финансовой агентурой государственного казначейства, из его соперника превратилось в его сотрудника. Примирение могло состояться только в ущерб интересам крестьянства. В той первой формации крестьянской крепости, какую закрепило Уложение 1649 г., она еще не сравнялась с холопьей, по нормам которой строилась. Закон и практика проводили еще хотя и бледные черты, их разделявшие: 1) крепостной крестьянин оставался казенным тяглецом, сохраняя некоторый облик гражданской личности; 2) как такового, владелец обязан был обзавести его земельным наделом и земледельческим инвентарем; 3) он не мог быть обезземелен взятием во двор, а поместный и отпуском на волю (однако уже указ 1675 г. разрешает продажу крестьян без земли); 4) его имущества, хотя и находившиеся только в его подневольном обладании, не могли быть у него отняты «насильством»... 5) он мог жаловаться на господские поборы »через силу и грабежом» и по суду возвратить себе насильственный перебор»[1].

Недостаточно четко разработанные законы способствовали тому, что впоследствии исчезли и эти отличия, и крепостные крестьяне практически превратились в рабов.

После принятия Уложения бунты продолжались еще два года. Но постепенно были найдены компромиссные решения, и волнения улеглись. Те служилые и посадские люди и крестьяне, которые были не готовы мириться с закрепощением, бежали на юг и в Сибирь. Почему же всеобщее закрепощение не вызвало серьезного общественного протеста? Можно выделить ряд причин. Во-первых, одним из важнейших последствий Смуты была путаница в отношениях собственности на землю. В годы Смутного времени права собственности оказались ничем и никем не защищены: ни традицией, ни законом. Собственность теряли и получали по случаю. Каждый новый государь раздавал пожалования своим приближенным, главари вооруженных отрядов захватывали земли силой, через некоторое время приходили другие государи или другие вооруженные отряды, и земельные владения меняли своих собственников, некоторые по несколько раз. Эта ситуация способствовала формированию представлений о легкости нарушений прав собственности и усиливало мнение, что в основе легитимности владения лежит не закон, не традиция, а прежде всего воля государя. Это ведет к тому, что к XVII в. исчезает представление о земельной собственности как о частной собственности: если еще в XVI в., несмотря на опалы и конфискации, бояре рассматривали свои вотчины как имущество, которым они могут владеть, распоряжаться и пользоваться, то уже в начале XVII в. владение собственностью увязывается с волей государя.

---

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 175.

Во-вторых, стоит отметить, что на крепостное состояние смотрели так же, как и на поместные земли, т.е. как на временное учреждение. Считалось, что поместные земли принадлежат государству, так же как и крестьяне, работающие на этой земле. И это государственное достояние (земли и крестьяне) лишь на время уступлено частным лицам за их службу.

В-третьих, для человека, живущего в средневековом традиционном обществе и особенно пережившего ужасы Смутного времени, главной ценностью является стабильность. Соборное уложение 1649 г. преследовало именно цель поддержания стабильности. И, возможно, именно поэтому общество в большинстве своем восприняло положения Уложения скорее как благо, чем как попытку ограничить свободу, которая не очень сильно тогда ценилась.

Крепостное право являлось характерным институтом для традиционного общества. В той или иной форме оно существовало практически во всех странах. В Дании, например, крепостное право появляется в XV в., и к XVI в. крестьяне уже практически были обращены в рабов. Они были лишены гражданских прав, подлежали суду землевладельца, их можно было продавать без земли и т.д. Не менее жесткое крепостное право в XVI в. устанавливается в Венгрии, Польше, Молдавии, Валахии, чуть позже в Пруссии[1]. В России крепостное право было введено на 150–200 лет позже, чем в этих странах, и соответственно отменено на 50–100 лет позже. Чаще всего крепостное право прекращало свое существование тогда, когда начинали активно развиваться города и рыночные отношения. Стоит отметить, что рабство в Северной Америке формируется в то же самое время, когда формировалось крепостное право в России, в течение XVII в. Даты отмены рабства в США и крепостного права в России тоже почти совпадают (60-е гг. XIX в.).

Помимо упорядочивания социальной структуры общества, в первой половине XVII в. наблюдается такое важное для истории России явление, как усиление колонизации. Русские люди, сдвинутые волной Смутного времени с насиженных мест, активно устремились на восток и на юг. Стоит отметить, что в это же самое время Западная Европа не менее активно двигалась на запад — через океан.

Еще в XVI в. русскими была завоевана Казань и затем Башкирия (в 1586 г. была возведена крепость Уфа). К 1605 г. Россией был установлен твердый контроль над Западной Сибирью, столицей которой являлась крепость Тобольск. Крупным центром торговли пушниной становится город Мангазея. С 1606 г. начинается противостояние с сыновьями свергнутого после завоевания Сибирского ханства хана Кучума и калмыцкими племенами, которых сыновья Кучума привлекли на свою сторону.

[1] История крестьянства в Европе. М., 1986.

Но наличие у русских огнестрельного оружия, помощь сибирских татар и торговые интересы калмыков, торговавших лошадьми и скотом, способствовали тому, что постепенно калмыцкие племена признают себя вассалами русского царя. Важнейшими причинами продвижения русских в Сибирь было стремление уйти от тягла и обогатиться за счет добычи мехов (пушнины). В поисках новых охотничьих угодий и новых земель казаки и ватаги промышленных людей двигались все дальше и дальше. За ними шли представители царской администрации с отрядами царских войск. Соединение государственных усилий и частного предпринимательства являлось характерным способом русской экспансии в Сибири. В 1619 г. был основан Енисейск. «К 1631 г. одна казацкая ватага дошла до озера Байкал, а две других — до реки Лены. В 1632 г. основали город Якутск. В 1636 г. группа казаков, отплыв из устья реки Оленек, вышла в Северный Ледовитый океан и прошла на восток вдоль побережья. По стопам этой и других экспедиций казак Семен Дежнев проплыл вокруг северо-восточной оконечности Азии...(1648–1649 гг.)... В 1640-х и 1650-х гг. были исследованы земли вокруг озера Байкал. В 1652 г. основан Иркутск. На востоке Поярков спустился по низовьям реки Амур и из его устья проплыл на север вдоль побережья Охотского моря (1644–1645 гг.). В 1649–1650 гг. Ерофей Хабаров открыл русским путь на средний Амур... Таким образом, к середине семнадцатого века русские установили свой контроль над всей Сибирью, кроме полуострова Камчатка, который аннексировали в конце столетия (1697–1698 гг.)»[1].

Основным доходом от вновь присоединенных территорий в тот период был ясак (налог, собираемый с местного населения в основном пушниной), который на протяжении всего XVII в. являлся одним из важнейших источников пополнения бюджета страны. Помимо пушнины Сибирь оказалась богата полезными ископаемыми. Уже в 1618 г. при постройке города Кузнецка были найдены залежи железной руды, в 1628 г. железную руду нашли в Верхотурье, где начинается производство оружия, сельскохозяйственных и горнодобывающих орудий. В южной Сибири начинают выращивать хлеб.

Колонизация юга в тот период во многом была связана с укреплением южных границ страны. Чтобы противостоять регулярным набегам крымских татар и ногайцев и иметь возможность осваивать плодородные земли юга, правительство Михаила Федоровича приняло решение о строительстве «Белгородской черты». «Белгородская черта» строилась двенадцать лет: с 1635 по 1646 г. Она состояла из 23 городов-крепостей, нескольких десятков острогов и пяти огромных земляных валов по 25–30 км каждый. Общая протяженность засечной черты составляла 800 км. Так как эти земли были практически не заселены, то правительство

[1] *Вернадский Г.В.* Московское царство. Ч. 1. Тверь, М., 2001. С. 273–274.

проводит политику, поощряющую переселение посадских людей и крестьян на южные рубежи. Для предотвращения появления крепостного права в этом районе в 1637 г. издается указ, запрещающий московским людям приобретать в районе черты и южнее земельные угодья. Крестьян, пришедших на эти земли, освобождали от налогов и записывали в драгунские полки для того, чтобы иметь возможность мобилизовать их во время войны.

Рост и усложнение государственной системы вели к росту бюджетных расходов, что требовало очередных реформ финансовой системы. О финансовом положении в XVI–XVII вв. можно судить по окладным и сметным росписям отдельных городов, которые присылались в центр. (До нас дошли только росписи после Смутного времени, но так как в них можно наблюдать установившийся порядок, то можно говорить, что они существовали и раньше.) В центральных приказах составлялись окладные книги, где числился «оклад» каждого города и действительное поступление. Эти книги представляли собой скорее механический свод, чем систематическую переработку присланных воеводами ведомостей.

Земский собор 1619 г.: собирая землю после разорения, правительство решило собрать по всем городам сведения о доходах и расходах. Собранные данные не являлись бюджетом, так как это не была сводная ведомость.

Это период формирования системы доходов (налоги, сборы, доходы от государственного имущества) и расходов (двор, армия и флот, правоохранительная деятельность, государственное управление), связанных с государственным управлением. К этому времени относится начало составления государственных смет в целях упорядочивания финансового хозяйства страны. На данном этапе своего развития бюджетное дело характеризовалось раздробленностью, обусловленной особенностями приказного строя управления. То есть при приказном строе финансовое управление и отчетность сводились к тому, что в каждом приказе велась отчетность приписанных к нему источников дохода и самих поступавших доходов и производимых расходов. Происходило прикрепление отдельных видов расходов к определенным, специально создаваемым для этого видам доходов. Иногда нехватка денег в одних приказах пополнялась за счет ресурсов других, но это не означало, что царь или Дума регулярно рассматривают финансовую отчетность приказов.

Таким образом, к концу XVII в. финансовое управление вышло уже из стадии домашнего хозяйства главы государства, и сложилась система, которую и у нас, и на Западе называли «специализация государственных доходов». На данном уровне развития единственно возможным способом сбалансировать расходы и доходы было прикрепление их друг к другу. Но по мере усложнения государства, расширения его функций, увеличения расходов, усложнениям финансовой системы равновесие все более

нарушается. С одной стороны, появляются чисто финансовые (налоговые) ведомства, где концентрируются доходы, а с другой — развиваются ведомства, сосредоточивающие в себе расходы. Это вело к тому, что расходы начинают покрываться не из одного источника, а нескольких, а доходы от одного источника идут на разные нужды и в разные ведомства. В этой ситуации возникает необходимость сводной общей ведомости, чтобы понять, где именно можно взять излишки.

Первым общегосударственным российским бюджетом принято считать роспись доходов и расходов на 1680–1681 гг., которая по доходам и расходам составляла 1220,4 тыс. руб. Мы не знаем ни цели, с какой была составлена эта ведомость, ни учреждения, которое это сделало (было ли оно временным или постоянным). Это типичный пример госбюджета периода становления данного института — роспись доходов и расходов Московской Руси в 1680 г., при царе Федоре Алексеевиче, брате Петра I. Сумма доходов составляла 1,5 млн руб., где самая крупная часть (49%) приходилась на косвенные доходы (главным образом таможенные и кабацкие сборы), прямые налоги давали 44% (наибольшей статьей являлись чрезвычайные налоги — 16%). Около половины расходной части бюджета занимали военные нужды (более 46%). Расходы на содержание двора составляли 15% бюджета, на средства сообщения — 5%.

На этот же период приходится утверждение номинализма как государственной теории денег, согласно которой на первый план выдвигались задачи фиска и поисков источников внутренних займов. Так возникла программа денежной реформы 1654–1663 гг. Осуществление этой программы предполагало введение в России, в отличие от биметаллической денежной системы Западной Европы, так называемой системы двойного денежного стандарта, или двухуровневой денежной системы. Первый уровень — это дешевые медные деньги, которым правительство пыталось придать принудительный курс серебряных денег, были предназначены для внутреннего обращения. Второй уровень — это обращение полноценных серебряных денег для внешнеторговых расчетов. Однако рынок показал непродуманность такой политики: сразу же появился огромный ценовой разрыв, начала набирать темпы инфляция. Попытка заменить медью серебро, которое использовалось для чеканки копеек, и введение монет с принудительным курсом, выпуск которых в очень больших количествах осуществляли пять денежных дворов, привели к переизбытку медной монеты в денежном обращении. Дешевизна и доступность меди способствовали началу массовой чеканки фальшивых монет. Медные копейки, как подлинные, так и фальшивые, наводнившие денежное обращение, привели к обесцениванию монет, росту цен, голоду и полному расстройству денежного обращения. В июне 1663 г. в Москве вспыхнул Медный бунт — городское восстание, направленное против чеканки медных копеек. Через некоторое время чеканку медных копеек прекратили,

и денежная реформа 1654–1663 гг бесславно закончилась. Перед русской денежной системой были поставлены задачи, для выполнения которых потребовались коренные преобразования в денежной политике.

Во второй половине XVII в. происходит переход от валового писцового описания к подворному обложению в виде так называемой дворовой, или живущей четверти. Живущая четверть, пришедшая на смену сохе для упрощения расчетов при определении размеров поземельного обложения, как новая условная окладная единица представляла собой определенное количество дворов крестьян, приходящихся на четверть пашни (8 крестьянских и 4 бобыльских двора на 1/2 десятины светских земель и 6 крестьянских и 3 бобыльских двора на 2/3 десятины церковных земель)[1]. По мнению ряда исследователей, со второй половины XVI в. и в начале XVII в. можно наблюдать постепенное отмирание сошного письма в смысле частоты употребления сошного счета в больших сохах: четь заменяет соху, а потому легко может и вытеснить ее, так как счет по четям гораздо проще и легче, соха чрезвычайно громоздкая единица обложения и практически мало удобная[2]. Учитывая изложенное, сторонники данного подхода определяют живущую четверть как отказ от поземельного принципа обложения[3]. При этом приверженцы указанной точки зрения отмечают, что механизм живущей четверти был наиболее адекватен условиям того исторического момента, так как обладал способностью автоматического приспособления к состоятельности податных групп: малосильные селения пользовались значительной льготой (до 20%), в возмещение которой на прожиточные группы накладывалось более тяжелое бремя (до 8,5%)[4]. Однако большинство ученых полагают, что в основе сошного письма как податной системы лежал поземельный принцип обложения, поскольку в условиях слабого развития производственных сил и отсутствия развитого сектора промышленности в аграрной стране земля являлась единственным критерием платежеспособности податного населения в общегосударственном масштабе[5]. Именно поэтому объектом прямых налогов и выступали наделенные крестьянам земли[6].

---

[1] *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 243.

[2] *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. 3. СПб., 1911. С. 336.

[3] См., напр.: *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1. М., 1915; *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. 3. СПб., 1911. С. 336.

[4] *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912. С. 181.

[5] *Белов В.А.* Налоговое право: Курс лекций. М., 2002. С. 67.

[6] *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. СПб., 1881. С. 83.

Неудобства исчисления и громоздкость посошной системы привели к ее замене подворным обложением. После переписи населения 1676–1678 гг. и составления переписных книг, начиная с 1679 г. главным видом прямого налогообложения стала подворная подать, окладной единицей которой считался двор — крестьянское или посадское хозяйство. Контингент налогоплательщиков был увеличен за счет включения новых категорий населения, ранее не плативших налоги. Наиболее высокие ставки налогов со двора платили посадские люди и черносошные крестьяне, значительно более низкие — частновладельческие крестьяне, так как правительство учитывало их платежи своим владельцам. Общую сумму налогов по подворному обложению определяло правительство, а крестьянская община и посад имели право раскладки налогов между дворами — членами общины исходя из их состоятельности.

В связи с изменением системы обложения многие налоги и сборы были отменены или объединены. Прямыми налогами общегосударственного значения продолжали оставаться стрелецкий, ямской и полоняничный сборы (последние два были слиты в один и взимались в размере 10 коп. со двора церковных крестьян и 5 коп. — с дворцовых и помещичьих). Появился и новый вид прямых чрезвычайных налогов — запросные деньги и процентные. В различные годы запросные деньги платились крестьянами по разным ставкам — от 25 коп. до 1 руб. со двора, а процентные торговыми и посадскими людьми — также в неодинаковых размерах (пятая, десятая и двадцатая деньга). От чрезвычайных налогов освобождались дворяне и духовенство.

В целом во второй половине XVII в. прямые налоги перестали быть главной статьей государственных доходов: первое место в бюджете заняли налоги косвенные. В 1680 г. на долю косвенных налогов приходилось 56% всех денежных доходов государства, а на долю прямых обыкновенных — 24,6%[1].

Одним из наиболее распространенных косвенных налогов был питейный налог. Начало XVII в. ознаменовалось учреждением в 1619 г. одного из важнейших финансовых приказов того времени — Новой четверти (чети), ведавшей сбором питейных доходов — «кабацких денег» — на всей европейской части страны, а позднее (с 1665 г.) — и с южных городов, находившихся в ведении Разрядного приказа. В 1680 г. Новая четверть была присоединена к Приказу Большого дворца. В отличие от других приказов Новая четверть не выдавала жалованья служилым людям. Управляли Новой четью, как правило, бояре или окольничие и дьяки. В XVII в., когда по стране насчитывалось около тысячи кабаков, окончательно сформировался институт сборщиков питейных доходов — выборных «кабацких голов» и их помощников — «целовальников». Голова ведал питейным делом в назначенном ему округе, иногда — в целом уезде, за исключени-

[1] Налоги и налогообложение / Под ред. М. Романовского, О. Врублевской. СПб., 2003. С. 76.

ем кабаков, отданных на откуп. Обязанность голов состояла в заготовке припасов для выделки вина, в сборе денег за проданное, в сборе «явки», в производстве «выемки» корчемных питей и в ведении отчетности. Сбор и хранение кабацких сумм производились по особому распорядку. Вырученные деньги целовальники обязаны были складывать в ящики, запечатанные кабацким головой. Он периодически вынимал собранные деньги и в присутствии всех целовальников записывал суммы в особую книгу. Деньги отсылались в приказ через наместника и волостеля. Служба голов и целовальников, длившаяся обычно год, являлась государственной повинностью и поэтому была безвозмездной. На время исполнения своих обязанностей им строго воспрещалось производить какие-либо собственные коммерческие операции. Отчитывались они за свою деятельность перед наместниками областей и центральными приказами: Московским, Новой чети (четверть) и Большого дворца. Любой расход кабацких сумм производился только с разрешения воевод и по царским грамотам. Устанавливались также нормы взимания питейных доходов, согласно которым сбор за каждый последующий год должен был превышать предыдущий. В этих целях головам и целовальникам вменялось в обязанность действовать при сборе «кабацких денег» не только строго, но и осторожно, дабы не потерять потенциальных потребителей алкогольной продукции. Недобор питейных доходов взимался с голов и целовальников, а в случае их несостоятельности — с их избирателей. За сбор с прибылью головы поощрялись благодарностью или материальным вознаграждением.

Все более значительную роль для казны играли также таможенные пошлины. В 1653 г. был издан Торговый устав, который носил протекционистский характер: для русских купцов, вывозивших товары за границу, внешняя таможенная пошлина определялась в размере от 8 до 10 денег с рубля, или от 4 до 5% со стоимости товара, а для иностранцев помимо этого устанавливалась дополнительная таможенная пошлина в 12 денег с каждого рубля ввозимых и вывозимых товаров, и проездная пошлина в 4 деньги с рубля, что в сумме составляло 12–13% со стоимости товара[1]. С принятием данного правового акта многочисленные торговые сборы были унифицированы в единой рублевой таможенной пошлине. В 1667 г. Новоторговый устав, представлявший собой первый российский таможенный тариф, определил таможенные пошлины в 8–10 денег с рубля для русских и 12 для иностранцев, которые при проезде в глубь страны также дополнительно платили еще по гривне с рубля, или 10% с цены товара[2]. Получив в Торговом уставе 1653 г. и Новоторговом уставе 1667 г. свое законодательное закрепление в качестве самостоятельного вида кос-

[1] Торговый устав 1653 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. М., 1986.

[2] Новоторговый устав 1667 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. М., 1986.

венных налогов, таможенные пошлины начиная со второй половины XVII в. регламентировались отдельными нормативными актами.

В середине XVII в., в период царствования Алексея Михайловича (1645–1676), с завершением становления новых институтов Московского царства, получила дальнейшее развитие законодательная база, была подготовлена, а затем проведена таможенная реформа.

Предшественником таможенной реформы явилось положение главы IX Соборного уложения 1649 г., а в ней 20 статей о мытах, перевозах и мостах. Указанные положения сыграли важную роль в централизации таможенного законодательства и таможенного дела и положили начало его правовому обоснованию. В статьях впервые изложены права и обязанности таможенников (мытчиков, перевозчиков и мостовщиков) по осуществлению контроля за перевозом товаров, грузов и перемещением людей, а также нормы соблюдения правил, установленных указанным документом.

К началу XVII в. относится появление в России контрабанды. Англия была наделена в тот период многочисленными льготами, но после того как ее представителей изобличили в контрабанде — «в торге подкрадными... товарами», в 1649 г. иностранцам в льготах отказали. Однако контрабанда в XVI–XVII вв. в России носила эпизодический характер, поэтому не было нужды охранять границу от проникновения контрабандистов и соответственно правоохранительная функция таможенной политики того периода была еще минимальной. Непосредственным началом реформ в российской таможенной системе стали такие документы, как Торговый устав (1653 г.), Уставная таможенная грамота (1654 г.) и Новоторговый устав (1667 г.). Торговым уставом 1653 г. вместо многочисленных и разнообразных таможенных сборов была введена единая «рублевая пошлина». Отменялись некоторые проезжие пошлины. Уставной грамотой 1654 г., составленной на основе торгового устава, запрещалось взимание проезжих пошлин во владениях светских и духовных землевладельцев. Поворотным моментом в истории таможенного дела явился Новоторговый устав 1667 г., в который вошли статьи относительно видов и размеров как внешних, так и внутренних таможенных сборов, устройства таможен, таможенных формальностей и др. Акт 1667 г. придал определенную стройность прежней системе таможенных сборов. С его принятием завершилось разграничение внешних и внутренних пошлин: внешние таможенные пошлины оказались разделены на ввозные и отпускные, внутренние — на «рублевую» (она же доезжая и торговая), перекупную и сборы частноправового характера. Неудивительно, что еще в дореволюционной литературе Новоторговый устав получил оценку первого таможенного тарифа или первого таможенного устава России. «Рублевой пошлине» подлежали товары, которые, во-первых, предназначались для продажи и, во-вторых, привозились в город или селение, где существовала таможня. При этом русские товары облагались пошлиной

только один раз: когда их впервые являли на таможне. В этом случае таможней выдавалась «выпись» (своего рода ярлык), которая гарантировала свободное и беспошлинное перемещение товаров по всей территории России. По общему правилу рублевая пошлина взималась с продавца в момент совершения сделки купли-продажи (по 10 денег с рубля или 5% с продажной цены товара). Внешние пошлины (отпускные и привозные) взимались в следующем размере: товары «весчие» (продаваемые на вес) оплачивались 4%-ной пошлиной, прочие — 5%-ной. В интересах русских торговцев-оптовиков, а также с целью противодействия «обидной торговле подкрадными товарами» (т.е. контрабандой) в Новоторговом уставе были детально зафиксированы положения относительно торговли иностранцев в России. В частности, для них были открыты только пограничные города, под угрозой конфискации товаров запрещалась розничная торговля и обмен друг с другом в обход таможни. Во внутренних же городах иностранцам разрешалось торговать лишь при наличии особых государевых грамот, выдававшихся в ограниченном количестве.

Таким образом, к середине XVII в. было преодолено «великое московское разорение». Крестьяне возвращались на пашни, которая после Смуты в некоторых регионах сократилась в 4–5 раз, а в некоторых в 10 и более раз, дворяне восстанавливали свои имения и налаживали хозяйство. В соответствии с переписью 1646 г. количество населения можно оценить в 4,5–5,0 млн человек. Это было уже больше, чем в 1590-х гг. (3,5–4,0 млн), но еще меньше, чем в 1550-х гг., когда количество населения по разным оценкам было примерно 9–12 млн человек. Попытки оценить уровень жизни крестьян середины XVII в. дают следующие результаты: «...средняя урожайность ржи во второй половине XVII в. была сам-3,3, а овса сам-3,1, таким образом, чистый сбор с десятины составлял 21 пуд ржи или 25 пудов овса, учитывая, что раз в три года десятина оставалась под паром, получим, что средняя продуктивность десятины составляла 15,3 пуда хлеба в год... крестьянин мог пахать 1,6–1,8 десятины на душу, поэтому чистый сбор на душу мог составить 24,5–27,5 пудов... После вычета 3,5–4,5 пуда оброка и налога у крестьянина, использующего свои возможности, оставалось на потребление 20–24 пуда. Считается, что минимальная норма потребления — это примерно 15 пудов, в случае нехватки сенокосов требуется еще примерно 3 пуда на корм скоту и норма повышается до 18 пудов... Однако в те времена сенокосов хватало, и можно считать, что в среднем крестьянском хозяйстве мог существовать ежегодный излишек хлеба 5–9 пудов на душу... Таким образом, имеются основания полагать, что крестьяне XVII в. жили довольно зажиточно. Это подтверждается имеющимися статистическими сведениями по отдельным районам»[1].

[1] *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 11 (URL: http://hist1.narod.ru/Science/Russia/Mono/G131.htm)

Относительно низкие налоги (0,5 пуда хлеба в середине XVII в. и 0,7 пуда в конце XVII в., в то время как во времена Ивана Грозного налоги находились на уровне 4 пудов хлеба), обилие свободных земель, политика государства, стимулирующая процесс колонизации, принятие Уложения, которое стабилизировало социальную структуру, упорядочивало систему поместных владений, уменьшало миграцию крестьян, сокращало количество перешедших в холопы, делало земельные права служилых людей более устойчивыми, ограничивало рост монастырских земельных владений, стабилизировало доходы в бюджет — все эти факторы способствовали росту сельского хозяйства и увеличению населения. Таким образом, были созданы условия для дальнейшего роста — материальная база (освоение Сибири и плодородных земель юга) и институциональная основа (Соборное уложение 1649 г.), соответствующая географическим, климатическим, демографическим и технологическим условиям России рассматриваемого периода.

Становление империи

XVII в. был веком всемирного «отборочного турнира»: шел активный процесс образования империй, составивших «высшую лигу» мировой политики на последующие два столетия. Франция, опираясь на ресурсы централизованного государства, формирование которого завершилось в «эпоху мушкетеров» (при Людовике XIII и Ришелье), смогла после благоприятного исхода Тридцатилетней войны обеспечить себе преобладание на западе Европы. В Англии шел болезненный процесс модернизации социальной и политической структуры, готовивший почву для экономического рывка. Попытку прорваться в круг мировых держав, опираясь на мощную армию, сделала в XVII в. Швеция. Османская империя, пытаясь сохранить свои ведущие позиции, достигнутые в XV–XVII вв., предприняла последний «штурм Европы»: османская армия завоевала Венгрию и осаждала Вену. Элементом «отборочного турнира» можно считать начатое Голландией, Англией и Францией активное строительство заморских колониальных империй. С другой стороны, государства, которые не смогли перестроить свою институциональную систему и воспользоваться новыми технологиями в области вооружения, оказывались объектом экспансии более сильных соседей, попадали в зависимость от них либо даже исчезали с карты мира, став частью созданных другими империй. В XVII в. на обочину мировой политики были оттеснены Дания, Португалия, Испания, начался долгосрочный период упадка Турции и Польши, объектами постепенно усиливавшейся колониальной экспансии стали Индия и Китай.

Россия попала в «сильную подгруппу» европейского «отборочного турнира»: соседями нашей страны были наиболее сильные в военном отношении державы XVII в. — Швеция и Турция, а также сохранявшая су-

щественную экономическую и демографическую мощь Польша. Россия, создавшая с принятием Соборного уложения 1649 г. институциональную основу, а с завоеванием Сибири — материальную базу для создания империи, смогла принять вызов времени. Основная борьба за создание империи развернулась на территории Украины и Белоруссии; основным фактическим соперником за обладание этими территориями была Польша, потенциальными соперниками — Швеция и Турция.

С середины XIV в., после разгрома в 1362 г. Ольгердом татаро-монгольских войск, юго-западные и южные княжества Руси входили частично в Литовское княжество, частично в Польское королевство. По мере поглощения Польшей литовского государства эти земли обособлялись от других земель Речи Посполитой, так как преимущественно были заселены русскими людьми, говорившими на южнорусском диалекте. Эти земли постепенно получают общее название Украины (окраинных земель). Особым социальным слоем Украины были днепровские казаки. Основными источниками доходов днепровских казаков были промыслы, военная добыча и грабеж. Польское государство достаточно быстро оценило возможности казаков как пограничной службы и боевых формирований на случай войн. Польское правительство стало записывать казаков в реестры, и реестровым казакам выплачивалось жалованье. Но получалось так, что во время войн Польше требовалось большее количество военных, чем было зарегистрировано в реестре, и казацкое войско пополнялось за счет запорожских казаков и крестьян. Однако по окончании войны выяснялось, что правительство не в состоянии всех воевавших занести в реестр и выплачивать им жалованье, следовательно, большей части приходилось возвращаться в Сечь или на земли своих панов. Это, естественно, вызывало недовольство. Учитывая тот факт, что казаки в большинстве были русскими и православными, к социальным конфликтам добавлялись еще национальный и религиозный. Все это вело к усилению напряженности и к периодическим восстаниям.

Очередной этап борьбы казаков с польским правительством за свои права в 1648 г. возглавил умный, энергичный и харизматичный лидер Богдан Хмельницкий. К выступлениям казаков присоединились крестьяне и горожане, мечтавшие освободиться от польских панов, которые исповедовали католицизм и относились к православным как к людям низшего сорта. На первом этапе войны всеобщность восстания обеспечила победы Хмельницкого. Можно сказать, что в этой войне рождалась украинская нация, осознавая себя как нечто единое в противостоянии с поляками. Используя противоречия в отношениях Турции и Польши, Хмельницкий договорился о помощи крымского хана — турецкого вассала. Но крымские татары оказались ненадежными союзниками и несколько раз предавали Хмельницкого. Казаки начали терпеть поражения. Тогда Хмельницкий обратился за помощью к России, так как понял, что ему не удастся создать независимое государство. Но для России это озна-

чало войну с Польшей, поэтому царь медлил и колебался. Но и на Украине не все хотели переходить в подданство к русскому царю: казацкая элита (старшины) предпочитали польского короля, так как их прельщали шляхетские вольности. Поэтому только в 1653 г., получив поддержку созванного по этому вопросу Земского собора, царь объявил о готовности принять в свое подданство Украину. В 1654 г. в Переяславле собралась Рада, принявшая решение о воссоединении Украины с Россией. Война с Польшей за Украину длилась до 1667 г. По Андрусовскому перемирию Украина была поделена: Левобережная Украина и Киев переходили к России, а Правобережная кроме Киева оставалась у Польши. Но волнения на Украине продолжались. Еще в 1666 году г. Правобережной Украины Дорошенко решил воспользоваться помощью крымских татар для создания отдельного от Польши и России государства и принял подданство турецкого султана. С одной стороны, это ускорило подписание Андрусовского перемирия, а с другой, привело к тому, что в 1672 г. в польско-украинские дела вмешалась Турция, что привело к разделу Правобережной Украины между Польшей и Турцией.

Присоединение Украины имело для России огромное значение, но создавало и ряд проблем. Одной из них был вопрос унификации религиозной обрядности. Неправильно было бы говорить, что присоединение Украины было причиной церковной реформы, скорее это был повод, которым воспользовался патриарх Никон для решения давно уже назревшей проблемы. Политическая раздробленность периода удельных веков способствовала тому, что в различных землях Руси развитие религиозной мысли и обрядов шло своим собственным путем. Книги, по которым совершались обряды и в которых излагались теологические основы православия, приходилось переписывать (так как в те времена еще не было широко распространено книгопечатание). Во время переписывания допускались ошибки, причем в разных регионах разные, что со временем еще больше усугубляло церковные различия в разных землях. Поэтому с самого начала процесса централизации государства встал вопрос и о единстве идеологии, а для этого необходима унификация как основных положений православия, так и обрядности. В начале XVI в. для этой цели из Афонского монастыря был приглашен ученый монах Максим Грек. Он начал работу по исправлению книг, но для одного человека это была непосильная задача. Вновь эта проблема встает на повестке дня при Иване Грозном. На Стоглавом соборе в 1551 г. московским митрополитом Макарием, который до этого был митрополитом в Новгороде и крестился тремя перстами (как и в Пскове, и в Киеве), был поставлен вопрос о троеперстном крестном знамении. Тогда на Стоглавом соборе верх одержали сторонники старины, запретившие троеперстное знамение. При этом собор принял решение о переписке священных книг. Однако из-за дальнейших политических событий переписка книг приостановилась.

Проблема тем не менее не исчезла, и во время правления Алексея Михайловича вопрос об унификации обрядности и в связи с этим о переписке книг зазвучал с еще большей силой. В 1652 г. патриархом становится новгородский митрополит Никон, сумевший к этому времени расположить к себе царя и стать его «собиным» (особенным) другом. Этот властный и упрямый человек имел устойчивую систему политических взглядов, два положения которой имели серьезные последствия в истории России. Во-первых, Никон идею «симфонии» церкви и государства (гармоничное сосуществование церкви и государства и невмешательство в дела друг друга) видел по-своему. Он считал должность патриарха священной и предполагал, что царь, бояре и народ должны к нему относиться как к своему духовному отцу. И на этом основании он позволял себе вмешиваться в светские дела, что не могло не привести рано или поздно к конфликту с боярами и царем.

Во-вторых, в какой-то момент идея о том, что Россия является хранительницей православия, показалась ему очень узкой. Никон становится одержим идеей создания единой православной церкви с духовным и политическим центром в Москве, и себя соответственно он видел лидером православия. Эта идея оказалась созвучна мыслям царя, которому доносили жалобы православных народов, находящихся под турецким владычеством, что рождало идеи об объединении православных народов Восточной Европы и Балкан под покровительством Москвы. Эти идеи культивировали греки и представители других восточных православных церквей, зачастившие в это время в Москву (в основном за финансовой поддержкой). Но для реализации этой идеи необходимо было унифицировать книги и обряды уже не только на территории России, но и с этими странами. Прежде всего с Киевом, так как борьба за Украину (где крестились тремя перстами) уже шла полным ходом.

Строго говоря, в древневосточной церкви в разных уставах установлены разные правила, как надо креститься — двумя или тремя перстами. Поэтому крестились и двумя, и тремя, и даже одним перстом (например, во времена константинопольского патриарха Иоанна Златоуста в конце IV в.). С XI в. в Византии крестились двумя перстами, после XII в., после принятия Иерусалимского устава — тремя; правильным считались оба варианта (в католицизме крестное знамение осуществляется всей рукой).

Церковный Собор 1654 г. (после присоединения Украины к России) оказался переломным моментом в русской православной жизни — он одобрил внесение изменений в старые книги и реформировал богослужение. Теперь следовало креститься тремя перстами, повторять возглас «Аллилуйя» три раза, служить литургию на пяти просфорах, писать имя Иисус, а не Исус и т.д. Константинопольский патриарх и другие восточные православные патриархи (Иерусалимский, Александрийский, Антиохийский) благословили начинания Никона.

Несмотря на то что Никон с лета 1658 г. перестал исполнять обязанности патриарха (окончательно был лишен патриаршества в 1666 г.), собор 1666–1667 гг. завершил торжество никонианской реформы. Царь и бояре были против Никона и его идеи возвышения церковной власти над светской, но полностью поддерживали идею реформы церкви, так как она отвечала их интересам. Собор отменил решения Стоглавого собора 1551 г. и положил начало русскому расколу. Отныне все несогласные с введением новых деталей исполнения обрядов подлежали отлучению от церкви. Преданные анафеме ревнители старого московского благочестия получили название раскольников, или староверов, и начали подвергаться жестоким репрессиям со стороны властей. Но, с другой стороны, унификация церкви по единым образцам способствовала созданию идеологической основы будущей империи.

Встает вопрос: почему народ, так относительно спокойно отреагировавший на прикрепления себя к роду деятельности и месту проживания, вдруг настолько бурно отреагировал на реформу церкви? Можно выделить несколько причин, объясняющих этот феномен. Фундаментальной причиной является восприятие религии основной массой народа не столько как учения Христа, сколько как следования определенным обрядам, которые выработали церковные иерархи. Не многие понимали смысл Троицы и других догматов христианства. Особенно это усилилось после Флорентийской унии 1439 г., когда греки скомпрометировали себя соглашениями с католиками, и после падения Константинополя в 1553 г., которое рассматривали как наказание за Флорентийскую унию и соответственно за отступление от православия. Это формировало мнение Москвы о собственной чистоте православия. Москва стала рассматривать себя как единственную хранительницу истинного православия, что способствовало еще большему консерватизму и народа, и священнослужителей, которые любое изменение в обрядах готовы были рассматривать как покушение на истинность веры. Смута, воспринимаемая как наказание за грехи, усилила религиозность общества, что для основной массы населения выражалось в ужесточении в следовании обрядности.

Кроме того, нежелание народа принять реформу церкви связано с тем, как она проводилась. Никон действовал излишне быстро, властно, насильственно насаждая новшества, не утруждая себя и других высокопоставленных священников объяснением целей реформ. Старорусские обряды предавались осмеянию. Книги, по которым жили отцы и деды и которые считались священными, теперь оказались проклятыми. Сознание русского человека не было готово к подобным переменам.

И, в-третьих, изменение обрядов понималось как проявление западного («латинского») влияния на Россию, которое основная масса народа воспринимала как покушение на свою духовную чистоту.

Прежде чем говорить о начале западного влияния в России, сначала необходимо точнее определить само понятие влияния. Уже «в XV–

XVI вв. Россия была знакома с Западной Европой, вела с ней различные дела, дипломатические и торговые, заимствовала плоды ее просвещения, призывала ее художников, мастеров, врачей, военных людей. Но это было общение, а не влияние. Влияние наступает, когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у нее учиться, нравственно ей подчиняться, заимствуя у нее не одни только житейские удобства, но и самые основы житейского порядка, взгляды, понятия, обычаи, общественные отношения. Такие признаки появляются у нас в отношении к Западной Европе только с XVII в.»[1].

Начинается западное влияние именно в XVII в., так как именно в этот период меняется наше отношение к Западной Европе. Так же как и в России, в Западной Европе в XVI–XVII вв. формируются крупные централизованные государства. Однако благодаря географическим открытиям, революции цен, накопленным в Средневековье знаниям и навыкам в финансовой и военной областях, накопленному капиталу, а также благодаря началу внедрения технических изобретений на Западе начинает развиваться промышленность, появляются торговые флоты, большие, хорошо вооруженные армии. И многие представители российской элиты в XVII в. приходят к пониманию того, что Россия отстает от Запада. Это понимание и, следовательно, западное влияние развивались постепенно.

Уже с конца XVI в. Россия начинает использовать иностранных наемников и закупать оружие за границей. Иностранные наемные отряды использовались и правительством Михаила Федоровича. Позднее становится ясно, что намного выгоднее будет научить собственных служилых людей боевому строю западного образца, чем нанимать иноземцев. И, готовясь к Смоленской войне 1632–1634 гг., правительство Михаила Федоровича нанимает иностранных офицеров и отдает им на обучение своих служилых людей. Так как в это время шла Тридцатилетняя война и Европа была переполнена наемниками, желающих служить Москве было достаточно много. Та же самая логика экономии казенных доходов привела к мысли не закупать оружие, а производить его самим. Для этого стали приглашать мастеров оружейного и пушечного дела, каменщиков, литейщиков, рудознатцев, мастеров часового дела и др.

«Усиленный спрос привлек в Москву множество иноземных техников, офицеров и солдат, врачей, мастеров, купцов, заводчиков... Еще в XVI в. при Грозном из западноевропейских пришельцев образовалась под Москвой по реке Яузе Немецкая слобода. Бури Смутного времени разметали это иноземное гнездо. С воцарения Михаила, когда усилился прилив иноземцев в столицу, они селились где попало, покупая дворы у туземцев, заводили пивные, построили кирки внутри города. Тесное

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 241.

соприкосновение пришельцев с туземцами, соблазны и столкновения, отсюда возникавшие, жалобы московского духовенства на соседство кирок с русскими церквами смущали московские власти, и при царе Михаиле был издан указ, воспрещавший немцам покупать дворы у москвичей и строить кирки внутри Москвы... В 1652 г. все немцы, рассеянные по Москве, выселены были из столицы за Покровку на реку Яузу и там на месте бывших некогда немецких дворов отведены были им участки по чину и званию каждого. Так возникла новая Немецкая, или Иноземная, слобода, скоро разросшаяся в значительный и благоустроенный городок с прямыми широкими улицами и переулками, с красивыми деревянными домиками... В слободе уже в первые годы ее существования было до тысячи человек... Это был уголок Западной Европы, приютившийся на восточной окраине Москвы... Это немецкое поселение и стало проводником западноевропейской культуры в таких сферах московской жизни, где она еще не требовалась насущными материальными нуждами государства. Мастера, капиталисты и офицеры, которых правительство выписывало для внешней обороны и для внутренних хозяйственных надобностей, вместе со своей военной и промышленной техникой приносили в Москву и западноевропейский комфорт, житейские удобства и увеселения, и любопытно следить за московскими верхами, как они падко бросаются на иноземную роскошь, на привозные приманки, ломая свои старые предубеждения, вкусы и привычки»[1].

Так как в XVII в. Россия все больше втягивалась в европейские отношения, то мощным проводником западного влияния становятся дипломаты. Все это способствует тому, что некоторые бояре и богатые купцы начинают в некоторых аспектах подражать западному образу жизни: строят каменные палаты, украшают интерьеры по европейским образцам, приобретают иностранные предметы домашнего обихода, начинают читать западные книги. Все больше возникает потребность в книгах и знаниях, приходит понимание необходимости школьного образования. Появляются первые попытки организовать учебные заведения.

Регулярные войны, которые вела Россия, требовали развития добывающей и обрабатывающей промышленности. Существующая со времен Киевской Руси металлургическая отрасль основывалась на добыче железа из болотных руд. К XVII в. существовали металлургические центры в Серпуховском, Каширском, Тульском уездах, в Устюжине, Тихвине, Онежском регионе. В таких регионах, как Тула, Тихвин, Устюг Великий, в металлургическом деле наблюдается тенденция к укрупнению производства. Но продукция всех этих предприятий не удовлетворяла нужд армии. Приходилось импортировать как готовое оружие, так и железо для его изготовления.

---

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 253–254.

В этих условиях правительство охотно согласилось на предложение жившего в Москве датского купца Андрея Денисовича Виниуса построить чугунолитейный и оружейный заводы в районе Тулы, где были обнаружены богатые залежи железной руды. Так появились знаменитые тульские оружейные заводы, которые позже были взяты в казну. Для обеспечения этих заводов рабочей силой к ним приписали Соломенскую волость дворцовых крестьян, что привело к появлению заводских крестьян. В 1640-х гг. гамбургский купец Марселис построил железоделательные заводы по рекам Ваге, Костроме, Шексне и др. По примеру иностранцев заводы стали заводить русские бояре (И.Д. Милославский, Б.И. Морозов в Оболенском, Звенигородском, Нижегородском уездах), использовавшие труд крепостных, а также купцы и разбогатевшие мастера (Н. Демидов). В Москве при Михаиле Федоровиче на реке Неглинной был поставлен завод, на котором иноземные мастера отливали большое количество пушек и колоколов. Именно здесь русские довольно хорошо научились литейному делу.

Помимо металлургии крупное ремесло было представлено кожевенными мастерскими. Центрами кожевенной промышленности были Ярославль, где работало большое число ремесленных мастерских по выделке кожаных изделий, Вологда, где делали дубленые кожи, Казань, Калуга, Нижний Новгород.

В целом уровень развития ремесел был низким. Наиболее крупные мануфактуры принадлежали либо казне (Монетный двор, Пушечный двор, швейные и текстильные мануфактуры), либо иностранцам (металлургические заводы, стекольный завод Е. Койета). Торговля, как и ремесло, в XVII в. была развита слабо. Это было связано с институциональной системой городов, которая сложилась после монголо-татарского нашествия. Отсутствие у городов налоговых, судебных, административных привилегий, регулярный и часто насильственный своз лучших мастеров в политический центр (при монголах в Каракарум или Сарай, в Московском царстве в Москву), желание правительства наиболее доходные товары поставить под свой контроль, а также постепенная трансформация городов из торгово-ремесленных центров в военно-административные было причиной крайне медленного развития ремесла и торговли. Частная оптовая торговля до 1649 г. была полностью в руках иностранцев. Торговый флот отсутствовал. Основной торговый порт Архангельск, на долю которого приходилось s торгового оборота страны, был сильно удален от основных регионов страны. Внутренняя оптовая торговля в основном велась не в городах, а на ярмарках.

В историографии существует точка зрения, согласно которой к концу XVII в. в России складывается всероссийский национальный рынок. Это связывается с тем, что появляются центры торговли основными рыночными товарами. Торговля хлебом ведется на севере — в Вологде, Вятке, Великом Устюге, Кунгуре; в центре — в Нижнем Новгороде,

на Макарьевской ярмарке; на юге — в Орле, Воронеже, Острогожске, Ельце, Белгороде. Торговля солью ведется в Вологде, Соликамске, торговля пушниной — на Свенской ярмарке, Ирбитской ярмарке в Соли Вычегодской, Архангельске, льном и пенькой — в Новгороде, Пскове, Тихвине, Смоленске. Астрахань была центром торговли с восточными странами. Москва, Казань, Нижний Новгород были торговыми центрами для большинства товаров и имели связи практически со всеми областями страны. Что касается внешнеторговых операций, то здесь попрежнему экспортировали сырье и полуфабрикаты (кожи, зерно, сало, поташ, пеньку, меха, мясо, икру, полотно, щетину, смолу, деготь, воск, рогожи и др.) и ввозили готовые изделия (сукна, металлы, порох, оружие, жемчуг, драгоценные камни, пряности, благовония, вина, фрукты, краски, химические товары (купорос, квасцы, нашатырь, мышьяк и др.), шелковые и хлопчатобумажные ткани, писчую бумагу, кружева и т.д.).

Стоит отметить, что в середине XVII в. правительство начинает осознавать, что увеличение поступлений в бюджет тесно связано с общим состоянием хозяйства, особенно с развитием торговли. Через западных дельцов в Россию доходят идеи меркантилизма, основной мыслью которого является прямая связь между развитием торговли и богатством государства. Попытки правительства поспособствовать национальной торговле проявились в запрете на торговлю английским купцам внутри страны в 1649 г., принятии Торгового устава в 1653 г., упрощающего сбор таможенных пошлин и имеющего покровительственный тариф. И главное, в 1667 г. был принят Новоторговый устав, который имел протекционистский характер и защищал интересы русского торгово-промышленного сословия. Одним из главных разработчиков Новоторгового устава был Ордин-Нащокин.

Размышляя о путях развития национальной торговли, правительство приходит к пониманию необходимости русского торгового флота. «В 1669 г. на Оке построили для Каспийского моря корабль Орел, вызвав для того корабельных мастеров из Голландии. Но этот первенец русского флота, как известно, в 1670 г. был сожжен Разиным. В Московском государстве были гавани на Белом море у Архангельска, на Мурмане в устье Колы, но слишком удаленные от Москвы и от западноевропейских рынков; от Балтийского моря мы были отрезаны шведами. В Москве возникает своеобразная мысль взять напрокат для будущего московского флота чужие гавани. В 1662 г. московский посол проездом в Англию много говорил с курляндским канцлером, нельзя ли как-нибудь завести московские корабли в курляндских гаванях. Курляндский канцлер ответил, что великому государю пристойнее заводить корабли у своего города Архангельска»[1]. Таким образом, вопрос о флоте был отложен до приобретения выхода к морю.

[1] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 251.

Подводя итог, можно сказать, что к концу XVII в. произошло грандиозное расширение территории российского государства за счет присоединения новых земель. Частью России в XVII в. стали Сибирь, Приуралье, Левобережная Украина. Вся территория России была разделена на 250 уездов. Уезды состояли из волостей, а волости — из станов. Центром административной единицы стана было село. Население России в XVII в. насчитывало порядка 10,5 млн человек. По численности населения Россия в XVII в. заняла 4-е место в Европе, а по занимаемой площади Российское государство стало самым крупным. И главное, конец XVII в. ознаменовался появлением деятелей, которые, осознавая необходимость реформ, готовили почву для нового лидера, который сможет реализовать задачи, поставленные перед Россией XVII в.

Вопросы для обсуждения

- Почему и как удалось преодолеть социально-политический кризис?
- Как Смута отразилась на отдельных социальных группах?
- В чем заключалось введение крепостного права?
- Каковы основные причины и последствия раскола?
- Что тормозило развитие ремесла и торговли?

Литература

1. *Белов В.А.* Налоговое право: Курс лекций. М., 2002.
2. *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. СПб., 1881.
3. *Коломиец А.Г.* Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. М., 2001.
4. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
5. *Мигулин П.П.* Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613–1912). М., 2012.
6. Налоги и налогообложение / Под ред. М. Романовского, О. Врублевской. СПб., 2003.
7. Новоторговый устав 1667 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. М., 1986.
8. *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Экономическая история России. М.: Кнорус, 2016.
9. *Преображенский А. А., Перхавко В. Б.* Купечество на Руси 9–17вв. Екатеринбург, 1997.
10. *Розинская Н.А.* Социально-экономическая история России, т.1, М., 2009, лекция 4.
11. Торговый устав 1653 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. М., 1986.

ЛЕКЦИЯ 4

ПЕТРОВСКИЕ РЕФОРМЫ

А.Г. Худокормов

Заблуждением, весьма распространенным в нашем обществе, является мнение, согласно которому реформы, чтобы быть успешными, должны обязательно проводиться ускоренным темпом, и только реформа, проводимая быстро, обречена в нашей стране на успех.

Не будем обсуждать теоретическое основание данного тезиса и возможные контраргументы; обратимся к историческим фактам.

По общему заключению ученых, реформы эпохи Петра относятся к наиболее результативным в отечественной истории. С.М. Соловьев полагает, что Петровские реформы сыграли в нашей стране столь же глубокую преобразовательную роль, как и преобразование эпохи Возрождения в Западной Европе. Между тем по характеру протекания реформы Петра никак не назовешь скоротечными: сам реформатор окончательно утвердился на троне в 1696 г. (В 1682–1689 гг. он царствовал лишь формально — при регентстве Софьи, а в последующие семь лет — совместно с братом Иваном). Первые нововведения его начались сразу же после возвращения «Великого посольства» (1697–1698) из-за границы. Последние крупные реформы: окончательное оформление подушной подати (вместо подворной), принятие первого торгового тарифа — были осуществлены царем в 1724 г., т.е. в последний год жизни (Петр умер 28 января 1725 г.).

Эпохальная реформа, а лучше сказать — система реформ, отделяющая одну эпоху от другой, тем и отличается от революции, что проводится в течение относительно долгого периода времени. Это подтверждается и историей реформ середины XIX в.: отмена крепостного права начала готовиться с 1856 г.; манифестом 19 февраля 1861 г. крепостная зависимость крестьян была упразднена, последняя же значительная реформа данного периода (военная) относится к 1874 г. Общая продолжительность реформаторского периода и здесь является весьма значительной: чуть менее 20 лет (для Петровских реформ — более 25 лет).

Возвращаясь к эпохе Петра, отметим многозначительную динамику нововведений: по подсчетам В.О. Ключевского, основанным на анализе Полного собрания законов Российской империи — с 1700 по 1709 г., число их дошло до 1238 и почти столько же напечатано их за одно пятилетие 1720–1725 гг. Следовательно, заключает В.О. Ключевский, на всем протяжении царствования Петра реформаторское «законодательство шло все более усиленным шагом»[1].

Реформы эпохи Петра характеризуются не только убыстряющимся темпом; по самому своему содержанию они становятся все более глубокими. В самом деле, начало реформ касалось вещей часто сугубо поверхностных и формальных; к ним как нельзя лучше подходит поговорка «много шума из ничего».

Вот как описывает начало реформаторской деятельности Петра В.О. Ключевский: «В 1698 г., воротившись в Москву из-за границы..., он (т.е. Петр. — **А.Х.**) тотчас же принялся стричь бороды и резать длинные полы однорядок и ферезей у своих приближенных, ввел парики. Трудно вообразить, какой законодательный и полицейский шум и гам поднялся из-за этой перелицовки и перекостюмировки русских людей на иноземный фасон. Духовенство и крестьян не трогали: они сохранили сословную привилегию оставаться православными и старомодными. Другим классам в январе 1700 г. возвещен с барабанным боем на площадях и улицах указ к масленице, не позже, надеть платье — кафтаны венгерские. В 1701 г. новый указ: «мужчинам надеть верхнее платье саксонское и французское, а исподнее, камзолы, штаны, также сапоги, башмаки и шапки — немецкие, женщинам шапки, кунтуши, юбки и башмаки тоже немецкие». И далее: «У городских ворот расставлены присяжные наблюдатели бород и костюмов, которые штрафовали носителей бород и нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли. Дворян, являвшихся на государев смотр с невыбритой бородой и усами, нещадно били батогами. Раскольникам-бородачам предписан особый костюм... Купцам за торг русским платьем — кнут, конфискация и каторга»[2].

Из существенных мероприятий начального периода реформ обращает внимание лишь введение с 1 января 1700 г. нового летоисчисления. Остальное же — шумно, но пустовато.

Со временем поле преобразований становится все более широким. Видный датский исследователь Ханс Баггер в весьма содержательном сочинении «Реформы Петра Великого» (1979) выделяет, в частности, в преобразовательной деятельности царя четыре основных направления: реформы государственного аппарата (административная и военная); эко-

---

[1] *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958. С. 61–62.

[2] Там же. С. 218.

номические и социальные реформы; реформа церкви и преобразования в культурной жизни и, наконец, мероприятия, нацеленные на возвышение международного положения России.

С 1705 г. в стране была введена рекрутская повинность; с целью модернизации власти на местах в 1708 г. Россия была разделена на восемь губерний; в 1711 г. вместо Боярской думы был учрежден Сенат; в 1714 г. был издан «Указ о единонаследии», уравнявший дворянское поместье с боярской вотчиной.

И все же основная доля серьезных нововведений падает на последнее десятилетие правления Петра: в военной области это введение основных военных регламентов — Устава Воинского (1716 г.) и Устава Морского (1720 г.) (переиздавались множество раз вплоть до 1814 и 1853 гг. соответственно, рекрутская же система Петра просуществовала до 1874 г.); в сфере административной — учреждение в 1718–1721 гг. системы коллегий (вместо громоздкой системы приказов), провинциальная реформа 1719 г., реформа магистратов (1720–1721 гг.), провозглашение (в 1721 г.) Петра императором, завершившее формирование централизованного абсолютистского государства. В социально-экономической сфере отметим: проведение переписи мужского населения и введение подушной подати (1718–1724 гг.); указ 1721 г., разрешавший как дворянам, так и купцам покупать крепостных крестьян к заводам; публикация унифицированной Табели о рангах (1722 г.) и введение первого тарифа (1724 г.), поощрявшего вызов отечественных и затруднявшего ввоз иностранных товаров. Церковная реформа — замена патриархального церковного управления коллегиальным (1718 г.) и учреждение в 1721 г. Синода (первоначально — Духовной коллегии), а также учреждение в 1724 г. (по некоторым источникам в 1725 г.) Академии наук венчают реформы первой четверти XVIII в. в сфере идеологии и культуры.

Самого беглого перечисления достаточно, для того чтобы сделать вывод: реформаторская деятельность Петра условно подразделяется на три этапа: а) начальный, когда реформы носили спорадический, бессистемный характер (1698–1702 гг.); б) срединный — условно от основания Петербурга до введения Указа о единонаследии (1703–1714 гг.), когда реформы начинают захватывать все более широкую сферу, но еще не подчиняясь единому общему замыслу; в) завершающий этап наиболее зрелых реформ, когда былая бессистемность уходит в прошлое, на место импровизации встает некое подобие планомерности.

Начавшись с отдельных, не соединенных между собой мероприятий, без предварительного расчета, а вернее с расчетом на русское «авось», Петровские реформы со временем становятся все более придуманными и систематичными. При этом, как отмечает Х. Баггер, обычно 1715 г. (у некоторых историков 1716 и 1717 гг.) выделяется как поворотный

пункт, начиная с которого законодательную деятельность Петра в полной мере отличает систематическое рациональное планирование[1].

Многие специалисты пишут в этой связи, что главным стимулом реформаторской деятельности Петра была война, т.е. стремление повысить эффективность военных действий. Наиболее определенно высказывается в этом духе В.О. Ключевский. Но даже те исследователи, что стремятся занять более нюансированную позицию, признают: именно ход действий имел определяющее влияние на характер процесса преобразований; реформы приобретали все более отчетливые черты планомерности и последовательности в зависимости от неуклонно возрастающего перевеса над Швецией в Северной войне. Таким образом, для многих влиятельных исследователей (как отечественных, так и зарубежных) характерно стремление провести границу между первыми, «лихорадочными» фазами реформ, когда они имели в основе своей непродуманные и временные решения, и последним десятилетием жизни Петра, когда правительство располагало достаточным количеством времени для обдумывания и принятия более твердых и перспективных решений, — к этому периоду и относятся самые существенные и долговечные из преобразований[2].

Последнее, завершающее десятилетие в жизни царя-преобразователя характерно еще и в плане нарастания степени оригинальности и самобытности реформаторского процесса. На ранних этапах преобразования Петра носили характер механического копирования, подражания порядкам передовых стран. Особенно ясно это сказывается на первоначальных нововведениях в одежде, введении париков, курении табака и т.д. Объясняя эту тягу к подражательству, С.М. Соловьев писал, что оно в известной степени свойственно всем народам, находящимся на стадии перехода: народы Западной Европы эпохи Возрождения тоже ведь подражали древним грекам и римлянам («они пошли в науку к древним и не избежали при этом увлечения, подражания до рабства, заучивались чужому до самозабвения»), однако западноевропейцы «имели дело с законченной умственной деятельностью народов уже мертвых; учение, школа, следовательно, должна была сама собой рано или поздно кончиться, содержание ее исчерпывалось для ученика и более не подбавлялось, следовательно, ученик, получивший от школы побуждение и средства к умственному развитию, мог легко приступить к самостоятельной деятельности, пойти дальше учителей»[3].

У русского народа этих выгод не было, он учился у наставников живых и дееспособных, согласно С.М. Соловьеву, «ему не давалось передыш-

---

[1] См.: *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. М., 1985. С. 54.

[2] Там же. С. 33.

[3] *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 80–81.

ки, досуга передумать обо всем том, что он должен был заимствовать»[1]. В эпоху Петра от постоянного присутствия перед глазами россиян живых, интенсивно развивающихся народов с ними проистекала «та же самая выгода, какая проистекала для отдельного молодого человека, когда его слишком долго оставляют под надзором и руководством наставника: молодой человек привыкает ходить на помочах в ущерб самостоятельности быстроте своего развития»[2].

Элементы подражательности сохраняются на всем протяжении Петровских реформ: зарубежный, особенно шведский, опыт использовался, в частности, при образовании коллегии; армейский и морской уставы Петра, безусловно, имели иностранные прототипы (шведский историк Э. Аннерс дерзнул даже употребить в этом смысле слово «обезьянничанье»)[3]. При этом заимствования были далеко не всегда оправданными. В 1722 г., например, был издан указ о создании в русских городах ремесленных цехов: цеховая система, изжившая себя на Западе, была механически перенесена в Россию. Свойственная средневековому цеху замкнутость и регламентация препятствовали развитию мелкотоварного производства.

И все же чем дальше развивались реформы, тем больше приспосабливались они к специфике России. На это указывают многие отечественные историки; отвергая тезис о постоянном некритическом копировании зарубежных образцов, они указывают, в частности, что в ходе административной реформы имели место целенаправленный отбор и творческая переработка. Так, Берг-коллегия была создана с учетом особых условий России, Мануфактур-коллегия имела вполне оригинальный регламент, система российских коллегий в целом была устроена более рационально, чем шведская. Точно так же при разработке Устава воинского и Устава морского наряду с зарубежными образцами использовался практический опыт Северной войны, некоторые национальные традиции[4].

Особенно ярко тенденция к оригинальной интерпретации и использованию зарубежных прототипов сказалась в экономической политике Петра. Историки и экономисты до сих пор спорят, была ли эта политика меркантилистской. Введение первого торгового тарифа (1724 г.) было, безусловно, меркантилистским мероприятием и, конечно же, опиралось на зарубежные образцы. Но в целом Петр в противоположность западноевропейским лидерам считал промышленность подчиненной интересам внешней торговли, придавал ей самостоятельное значение. Как и меркантилисты, русский царь стремился добиться положительного сальдо внешнеторгового баланса, он не уделял значительного внимания роли

---

[1] *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 80–81.

[2] Там же.

[3] См.: *Баггер Х.* Указ. соч. С. 69.

[4] См.: Там же. С. 53, 69–71.

драгоценных металлов, денежного оборота, зато глубоко интересовался проблемами сельского хозяйства, внутренней торговли. Промышленность и торговля, по оценке В.О. Ключевского, стояли для Петра на втором месте после армии, причем главными для него были проблемы внутреннего, а не внешнеэкономического развития.

Следовательно, развитие реформаторской деятельности проявлялось также в переходе от механического воспроизведения и компиляции к творческой переработке зарубежного опыта. Более того, уровень самостоятельности в подходе к зарубежным образцам способен, видимо, служить довольно четким критерием степени зрелости проводимых реформ.

Поздний этап реформаторской деятельности Петра позволяет подметить и такую традицию российских реформ, как ориентация на общероссийские интересы (соборность). На первых этапах, когда тяготы войны заслоняли от реформаторов конечные цели, осознание конечной цели было весьма затруднено. Петр вернулся из-за границы со смутным желанием перемен, переустройства российской жизни на лучший, европейский лад. «Он просто делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображениями и отдаленными планами, и все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой... Даже из первой заграничной поездки он вез в Москву не преобразовательные планы, а культурные впечатления с мечтой все виденное за границей завести у себя дома...»[1].

Но позже, когда реформы стали не просто средством успешного ведения войны, а чем-то более глубоким, самоценным, и сам Петр, и его приближенные все чаще оценивали их как изменения «ради общего блага», результат стремления «служить всем». Сам преобразователь нередко понимал свою роль как роль высшего должностного лица на службе у Отечества; словно чиновник, пишет он о своей победе над шведами при Добром: «Я как почал служить, такого огня и порядочного действия наших солдат не слыхал и не видал»[2]. Сами выражения «государственный интерес», «добро общее», «польза всенародная», по свидетельству О.В. Ключевского, «едва ли не впервые являются в нашем законодательстве при Петре»[3].

Конечно, душой реформ была не народность, т.е. не нечто такое, что идет непосредственно на пользу трудящимся слоям общества. Более того, поскольку реформа поворачивалась к народу своими наиболее тяжелыми сторонами (ростом поборов, военными тяготами, принудительным трудом, разрушением привычного уклада жизни), она вызывала и глухое недовольство, и сплошь и рядом — прямые бунты и восстания. Мы го-

[1] *Ключевский В.О.* Указ соч. Ч. 4. С. 206–207.

[2] Там же. С. 210–211.

[3] Там же.

ворим поэтому лишь о такой традиции российских реформ, как соборность, т.е. субъективная и объективная устремленность к общему благу, к модернизаторским преобразованиям общества как единого целого.

Не случайно, видимо, проводившаяся на протяжении длительного времени дискуссия между историками-марксистами на тему «Интересы какого класса отразили реформы Петра» так и не привела к однозначным выводам. Согласно концепции М.Н. Покровского, власть в обществе в Петровскую эпоху перешла к капиталистическому купечеству (эта точка зрения доминировала до 1934 г.). Некоторые последующие исследователи связывали понятие господствующего класса в первую очередь с помещичьим дворянством. Наиболее нюансированные оценки советских историков (И.А. Федосова, С.М. Троицкого, Б.И. Сыромятина) ставили акцент на высокой степени самостоятельности петровского самодержавия по отношению к обществу, причем сама эта самостоятельность объяснялась приблизительным равновесием соперничавших социальных сил[1].

Последнее мнение представляется наиболее точным: модернизаторские реформы Петра в конечном счете принесли пользу обществу, хотя и не всем его слоям в равной степени. Вместе с тем самостоятельность петровской администрации по отношению к населению позволяет оценить не только социальное содержание нововведений, но и сам механизм их реализации. Ключом к пониманию этого вопроса выступает формула просвещенного абсолютизма. В этой формуле равно важны обе части: да, абсолютизм, но просвещенный; да, просвещенный, но абсолютизм. Сам Петр осознавал себя не только бережливым хозяином, вникавшим во всякую хозяйственную мелочь, не только чиновником на службе у государства, но и строгим учителем, управляющимся со своими подданными как с детьми: «без понуждения от учителя сами за азбуку не сядут и сперва досадуют, а как выучатся, благодарят». Идиллическая картинка учителя и учеников сплошь и рядом уточнялась весьма суровыми пунктами тогдашних указов: угрозы конфискации, жестокого государева гнева, разорения, даже смертной казни являлись, по словам В.О. Ключевского, обычными украшениями законодательства Петра. «Не все ль неволею сделано, — восклицает царь в 1723 г., оценивая свою реформаторскую деятельность, — а уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел»[2].

Современный историк Н.Я. Эйдельман указывает, что в России, особенно с XV–XVI вв., большая доля перемен как реформаторского, так и обратного характера идет сверху, от государства. Первопричина иного, «неевропейского» пути — слабость городов, третьего сословия (т.е. того,

---

[1] См. подробнее: *Баггер Х.* Указ. соч. С. 96, 102.

[2] Цит. по: *Ключевский В.О.* Указ. соч. Ч. 4. С. 110.

что сам Эйдельман называет факторами обратной связи — через рынок, политическую самостоятельность буржуа, ограничивающую всевластие центра). «Роль народа огромна, как везде, но в российской истории она проявляется иначе, чем в странах развитой товарности и буржуазной демократии: огромная энергия, но самостоятельности, инициативы куда меньше, чем исполнения воли верхов»[1]. Это тоже весьма глубокая традиция российского реформаторства. Эпохальные реформы всегда принимали у нас форму «революций сверху», проводились во многом независимым от общества государством, со значительной опорой на массовое насилие, внеэкономическое принуждение. Н.Я. Эйдельман приводит в этой связи описание царя-реформатора из раннего рассказа Алексея Толстого «День Петра» (1918): «...народ, хорошо помнивший в Москве его глаза, говорил, что Петр — антихрист, не человек... Случилось не то, чего хотел гордый Петр; Россия не вошла, нарядная и сильная, на пир великих держав. А подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде — рабою»[2].

Но и образ царя-антихриста, жестокого мучителя тоже недостаточен. Петр — это человек, который не только сам участвует в казнях политических противников, не только пьянствует и бесчинствует, но и сам плотничает, строит корабли. Петр еще и царь-работник. В нем воплотились черты будущего российского промышленника, у которого солома застряла в бороде, который сам недавно был в работниках и поэтому не прочь время от времени снова впрячься в лямку. Народностью это назвать трудно: слишком много народу полегло в войне, от непосильных поборов, при возведении новой столицы. Но некий коллективизм, своеобразная артельность (т.е. парадоксальная сближенность инициатора реформ с народом) здесь, несомненно, имеются. В петровских реформах есть место и некоему подобию социального патернализма. Обосновывая важнейший законодательный акт социальной политики — Закон о единонаследии (1714), царь-реформатор и его окружение указывали, что единонаследник нераздельного имения не будет разорять «бедных подданных», своих крестьян, новыми тяготами, как это делают разделившиеся братья, чтобы жить по-отцовски, но будет льготить крестьян, облегчая им исправный платеж податей[3]. Современные историки указывают, правда, что подобная забота о крестьянах отнюдь не бескорыстна: царь желал иметь исправных плательщиков податей и в этом смысле нуждался в ограничении помещичьего произвола.

Последним вопросом, который здесь нужно обсудить, является вопрос об итогах и цене Петровских реформ. Итоги общеизвестны: при

---

[1] *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.

[2] Там же. С. 56.

[3] Там же. С. 70.

Петре за 20–30 лет промышленность выросла в несколько раз, а вскоре после того Россия вышла на первое место в мире по металлу; были созданы крупнейшая в Европе регулярная армия, артиллерия, флот; пробито «окно в Европу», завязаны разнообразные дипломатические и торговые связи (Россия стала крупной европейской державой). Кроме того, были приглашены сотни специалистов, построена новая столица, прорыты каналы, основаны школы, Академия наук, газета, новый календарь. Сверх того еще много новшеств: иная структура государства, иной быт «верхних слоев», иной внешний вид, иной язык...

Конечно, как отмечал Н.Я. Эйдельман, строй тот же, политическая система та же, но перемены неслыханные, революционные: нигде в мире за столь короткий срок подобного не бывало[1].

Какой же ценой было достигнуто все это? Еще дореволюционной наукой, благодаря прежде всего усилиям П.Н. Милюкова, установлено, что за реализацию реформ заплачено разорением страны. Исследуя петровские переписки и ревизии, П.Н. Милюков пришел к выводу, что податное население к 1710 г. уменьшилось примерно на 20%; если учесть перемещение лиц, плативших подать, в другие категории населения (например, в армию), тогда убыль составит 14,6% (т.е. одну седьмую). Ряд современных исследователей исходят из того, что эти данные не вполне надежны: огромное количество людей пряталось от переписчиков, через несколько лет после смерти Петра очередная сводка определила, что 74,2% убывающих приходилось на долю умерших, 20,1% — на беглых, 5,5% — на рекрутов.

Как бы то ни было, но тяготы населения были огромны. Новейшие исследования В. Анисимова (о податной реформе петровского времени) показали, что с 1680 по 1724 г. прямые и косвенные налоги возросли в 5,5 раза. Если разделить их между всеми плательщиками и учесть падения курса рубля, получится, что в конце царствования Петра крестьяне и посадские платили в казну в среднем втрое больше, чем в начале.

Положительная сторона реформ практически никак не коснулась крестьян, живших по деревням и составлявших основное население страны. Аграрный сектор вообще затрагивался реформами Петра в минимальной степени. Поэтому большинство подданных относилось к реформам либо равнодушно, либо выражало глухой, а зачастую открытый протест (восстания в Астрахани 1705–1706 гг., волнения в Башкирии 1705–1711 гг., крестьянское восстание под руководством Кондратия Булавина 1707–1708 гг.). Непосредственно реформы двигались вперед по инициативе царя и его ближайших сподвижников, т.е. возникшего в петровское время чрезвычайно тонкого слоя просвещенной бюрократии.

---

[1] *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 71.

Равнодушие (в лучшем случае) подавляющей части населения делало результаты реформ весьма непрочными. Механизма закрепления нововведений попросту не существовало. Отсюда то поразительное сочетание «европейских» и «азиатских» законов после Петра, которое приводит в своих трудах Н.Я. Эйдельман:

— 1725 г. — основание Академии наук;
— 1731 г. — запрещение крестьянам брать откупа и подряды;
— 1736 г. — «вечное закрепощение» рабочих, мастеровых на мануфактурах;
— 1754 г. — отмена смертной казни;
— 1755 г. — основание Московского университета;
— 1757 г. — основание Академии художеств;
— 1760 г. — право помещиков ссылать крестьян в Сибирь;
— 1765 г. — учреждение Вольного экономического общества и право помещика отправлять крепостных на каторжные работы;
— 1767 г. — запрещение крестьянам жаловаться на помещиков;
— 1774 г. — основание Высшего горного училища в Петербурге;
— 1783 г. — крепостное право на Украине и создание Российской академии[1].

К 1800 г. русская промышленность, главным образом трудом крепостных, произвела больше всех в мире чугуна. Россия держала первые места по металлу, вооружению, военной технике, не уступала по многим показателям даже Англии, где уже второй век развивался капитализм. «Можно сказать, — пишет по этому поводу Н.Я. Эйдельман, — что петербургская империя была гениально подгоняемой телегой, которая, повинуясь петровскому кнуту, сумела на какое-то время обойти медленно разогревающийся, еще несовершенный западный «паровичок»; позже усилиями Уатта, Стефенсона, Фультона он разведет пары...»[2].

Итак, Петровские реформы были весьма успешной, хотя незавершенной «революцией сверху». На первом этапе они характеризовались ярко выраженной подражательностью, бессистемностью, бесплановостью, подчинялись интересам минуты, подгонялись вперед в основном потребностями войны. Лучшие, наиболее сильные стороны Петровских реформ стали проявляться лишь после перелома 1715–1717 гг., когда явно обозначился военный перевес России над Швецией и у реформаторов появились возможности тщательно обдумывать свои планы. К этим лучшим сторонам относится осознанная ориентация реформ на общее благо, коллективизм (соборность), социальный патернализм. Характерно, что на последнем этапе наихудшие приемы в проведении новшеств стали постепенно ослабевать: механическое подражание иностранным

[1] *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 70.

[2] Там же. С. 71.

образцам эволюционировало в сторону самостоятельного переосмысления и творческого применения чужого опыта, безалаберность и расчеты на «авось» сменились в ряде случаев заранее обдуманной системностью и т.д.

Генеральная слабость реформ Петра заключалась в том, что они проводились силами верхов при равнодушии или прямом сопротивлении народа. За модернизацию страны пришлось заплатить очень высокую цену (убылью седьмой части всего населения, тройным увеличением налогового гнета). Наконец, эпоха Петра не выработала механизма поддержки и саморазвития реформ. Импульс к прогрессу, который был дан России в начале XVIII в., к началу следующего столетия оказался исчерпанным.

Вопросы для обсуждения

- В чем видел Петр I цель своих преобразований, по вашему мнению?
- Перечислите ключевые преобразования Петра I.
- Оцените социальную цену реформ.
- Как бы вы оценили эффективность петровских преобразований?

Литература

1. *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. М., 1985.
2. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. IV. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958.
3. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999.
4. *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983.
5. *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.

ЛЕКЦИЯ 5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В XVIII в.

М.А. Слудковская

Во второй половине и особенно в последней четверти XVII в. российская экономика значительно продвинулась вперед. Существенно возросла и количественно и качественно промышленность. Рост общественного разделения труда, сказался на развитии городов (к концу XVII в. в России было около 300 городов). Заметными темпами формировался национальный рынок. Этому способствовало, в том числе, издание в 1667 г. меркантилистского Новоторгового устава.

Бурными темпами шло развитие товарного обращения и денежного хозяйства российского государства. Помещики, все более нуждаясь в деньгах, усиливали эксплуатацию и барщинных, и оброчных крестьян, в крестьянской среде возникает расслоение (появляются крестьяне-торговцы, практикуется отход в города). Феодалы и сами стали ориентироваться на производство продукции для рынка, все чаще не брезговали торговать хлебом. Даже некоторые бояре проявляли предпринимательскую жилку, становясь владельцами различных промышленных производств, например металлургических заводов (как родовитые Б.Н. Морозов и И.Д. Милославский).

На этом фоне происходит ужесточение власти феодалов. Крепостное право приобретает общегосударственный характер.

Необходимо вспомнить и о процессе консолидации дворянства и боярства в единый класс-сословие.

Однако практически все названные мероприятия не получили завершения в XVII столетии.

Сохранявшаяся отсталость России от западноевропейских стран в экономическом, военном, культурном отношении особенно ярко проявилась в войнах с Речью Посполитой, Швецией, Крымским ханством.

Вполне отчетливо стала проявляться тенденция перехода от сословно представительной монархии к абсолютизму. Но процесс складывания абсолютистского чиновничье-бюрократического аппарата был еще в на-

чальной стадии. И армия, хотя и подверглась некоторой реорганизации, оставалась полурегулярной.

Раскол в церкви в царствование Алексея Михайловича, именующегося отныне самодержцем, привел к снижению ее авторитета в обществе. В последней четверти XVII столетия развиваются светские культура и просвещение.

Все чаще происходившие из-за ужесточения крепостного гнета народные выступления подталкивали господствующий класс к решению задачи укрепления центральной власти.

Этому способствовало и усиление противоречий между боярской знатью и дворянством, все больше претендовавшим на первые роли в социальной структуре Московского государства.

Увеличивалась и промышленно-торговая прослойка (предтеча буржуазии), которая надеялась, что верховная власть устранит средневековые преграды в развитии рыночных отношений и защитит ее интересы от наступления как класса феодалов, так и низших слоев населения.

Таковы предпосылки социально-экономического развития Российского государства в первой четверти XVIII в., когда попытки преобразований были продолжены и в значительной степени расширены реформами Петра I.

XVIII столетие в России — это эпоха кардинальных перемен, когда средневековая Московия в результате реформ превратилась в крупнейшую европейскую державу — Российскую империю. Качественные сдвиги в ее экономике, политическом строе, структуре исполнительной и законодательной власти, функционировании судебных органов, организации армии, сословной иерархии общества позволили ей встать в один ряд с передовыми странами и самым значительным образом отразились в культуре страны, в народном быту.

Население России

В XVIII столетии значительно изменились территория и население России, хотя в количественном отношении размеры страны выросли не так существенно, как в XVII в., когда в ее составе появились огромные малонаселенные (а некоторые и незаселенные) районы Сибири и Дальнего Востока.

В конце XVII в. северо-западной границей было восточное побережье Ладожского озера (шведы владели берегом Финского залива). Смоленская, Черниговская земли, Левобережная Украина наконец-то были возвращены российскому государству, но исконные русские города Псков, Смоленск, Чернигов, Киев фактически являлись пограничными городами.

К концу следующего, XVIII в. граница значительно отодвинулась и проходила уже по Финскому и Рижскому заливам, по Балтийскому морю, по рекам Неман, Западный Буг, Днестр.

Благодаря победам русского оружия в войнах со шведами, Польшей и Турцией Россия приобрела густонаселенные, экономически развитые регионы, увеличившие европейскую часть страны: Ингерманландию (Ижорская земля), города Копорье, Ямбург, Ивангород и Орешек (Шлиссельбург) и будущий Санкт-Петербург; Эстляндию, Лифляндию, Курляндию, Литву, Белоруссию, Украину; частично территории Грузии и Казахстана.

Кроме того, Россия получила плодородные земли на юге до побережья Черного и Азовского морей, от реки Днестр до реки Кубань, принадлежавшие ранее крымскому хану.

Такие территориальные перемены несли колоссальные изменения в составе населения.

1. Его состав стал еще более многонациональным. В предыдущие два века в Россию вошли народы Поволжья (чуваши, татары, мордва, марийцы), Приуралья (удмурты, башкиры, коми), Сибири (якуты, буряты, малые народы Севера), а также Прикаспия (калмыки и кабардинцы), которые по уровню развития существенно отставали от великорусского народа (это в основном были кочевники-скотоводы, охотники-промысловики). А большинство народов, ставших подданными российской короны в XVIII столетии, находились примерно на том же социально-экономическом и культурно-бытовом уровне, что и русские.

2. Как показала проведенная в 1719 г. первая ревизия податного населения (учитывалась только мужская часть), произошел скачок в его численности. Если принять женское население равным мужскому и добавить неподатное (дворяне, духовенство, чиновники не несли государственного тягла), то общая численность в то время была приблизительно 15,6 млн человек[1]. В 1762 г. по третьей ревизии в России проживало 23,2 млн человек. А во время пятой ревизии (1795 г.) в стране насчитывалось 37,2 млн человек. То есть население Российской империи выросло почти в 2,5 раза.

Это увеличение произошло как в результате естественного прироста, так и за счет присоединения новых территорий.

3. Произошли изменения и в расселении людей.

В начале века почти треть населения всей страны (4,7 млн) жила в центральных губерниях (Московская, Владимирская, Калужская, Ярославская, Костромская, Нижегородская), но именно здесь наибольшее развитие получил процесс ужесточения крепостничества, что вело к миграции крестьянского населения на окраины, где было больше свободы. В итоге к концу XVIII в. удельный вес населения Центра упал до 16%. Зато почти вдвое возросло население Черноземья (Воронежская, Туль-

[1] История Европы. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII века). М.: Наука, 1994. С. 272.

ская, Рязанская, Орловская, Курская и Тамбовская губернии), практически сравнявшись с центральным регионом. В этих районах на одну квадратную версту приходилось 23–26 человек, а в Среднем Поволжье и Приуралье — только 4–5 человек[1].

Вместе с тем необходимо помнить, что подавляющее большинство людей жили в деревне. В конце XVIII в. (по пятой ревизии 1796 г.) горожане составляли чуть более 3,5%. По данным первой ревизии 1719 г. сельское население представляло 97,7%, в 1796 г. — 96,4% и даже в самом конце XIX в. — 87,4% (первая перепись 1897 г.)[2].

Сословная структура. Господствующий класс

На протяжении всего XVIII столетия ускоренными темпами шел начавшийся в XVII в. процесс консолидации главной опоры абсолютной монархии — феодального класса.

В 1714 г. издан **указ о единонаследии**, согласно которому поместья, являвшиеся пожизненным владением дворян, обязанных за это нести государственную службу, превращались в вотчины, т.е. становились наследственной собственностью. Тем самым дворяне и бояре практически уравнивались в правах. Правда, сначала поместье нельзя было дробить, оно должно было наследоваться только одним из сыновей, остальные дети получали наследство деньгами и прочим движимым имуществом (это ограничение наследственных прав было отменено в 1730 г.) и несли службу в регулярных частях армии и флота или в государственных органах власти и управления, и эта государева служба была пожизненной. В эпоху Петра I дворянин мог оказаться рядовым солдатом, матросом, корабельным плотником на голландской верфи, членом тяжелой экспедиции в Среднюю Азию или Сибирь.

Существенным событием стало издание в 1722 г. **Табели о рангах»,** которая на первое место ставила не происхождение, а личные способности чиновников и служилых людей.

Тем не менее большинство высших государственных чинов (от генерал-майора до фельдмаршала в армии, от действительного статского советника до действительного тайного советника в гражданской службе) занимали представители знати — княжеских, боярских, стародворянских фамилий.

Благодаря Табели о рангах доходы дворян повысились, так как кроме ренты со своих крестьян они получали жалованье (на него шла часть ренты, взимавшейся с государственных крестьян).

---

[1] Там же. С. 273.

[2] См.: *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 267.

При Анне Иоанновне (1730–1740) положение дворян было облегчено. В 1731 г. закон о единонаследии был отменен, так как он вызывал серьезное недовольство из-за запрета дробления имений.

В начале 1730-х гг. для детей дворян были созданы кадетские шляхетские корпуса (Сухопутный, Морской, Артиллерийский, Пажеский), откуда дворянские дети выходили уже офицерами.

Кроме того, стало возможным с рождения приписывать дворянских сыновей к гвардейскому полку. Срок службы шел сразу, будущие военные обучались дома, а после специального экзамена прибывали в часть уже с офицерским званием.

С 1736 г. стал ограничиваться срок службы дворян. По сравнению с прежней пожизненной, 25-летняя давала перспективу двадцатилетним дворянским отпрыскам вернуться к свободной жизни в достаточно бодром состоянии. При этом один из сыновей вообще мог оставаться с отцом, чтобы помогать вести хозяйство.

Вошедшая на престол Елизавета Петровна (1741–1761) продолжила тем не менее социальную политику прежнего царствования. Привилегии дворянства расширялись вместе с ограничениями прав крестьян. Помещики теперь могли сами осуществлять сбор со своих крестьян подушной подати. Разрешив помещикам продавать крестьян, правительство узаконило, по сути, их розничную продажу. В 1760 г. был издан указ, дававший дворянам право без вмешательства центральных и местных органов власти, без суда ссылать крестьян «за предерзостные поступки» в Сибирь, на каторгу. При этом такие крестьяне засчитывались помещику за рекрутов.

Самым важным из принятых за 6 месяцев царствования Петра III указов стал «**Манифест о вольности дворянства**» от 18 февраля 1762 г., освобождавший дворян от обязательной военной или государственной службы. Таким образом, из служилого сословия эпохи Петра I дворянство превратилось в привилегированный класс.

Политика просвещенного абсолютизма Екатерины II окончательно упрочила позиции дворянского сословия.

Серия указов установила чрезвычайно льготные условия производства дворян в офицеры, были существенно увеличены выделяемые казной средства на содержание дворянских учебных заведений. Кроме того, еще больше расширились права помещиков по отношению к личности и имуществу крестьян, которые не могли без разрешения своего господина осуществлять какие-либо финансовые операции.

Помещики не только распоряжались землей, личностью, имуществом крепостных, но и выполняли полицейские функции в отношении крестьян.

Манифест 1765 г. о **Генеральном межевании** юридически закрепил за дворянами все земли, захваченные ими у различных категорий кре-

стьян, и еще больше расширял их землевладение, разрешив продажу пустошей и земель по 5 копеек за десятину. В результате дворянству было «примежевано» почти 50 млн десятин государственной земли.

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева (1773–1775) явилась причиной целого ряда реформ, имевших целью централизацию органов управления и законодательное закрепление прав всех сословий.

7 ноября 1775 г. было принято «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», которое обеспечило господство дворян во всех судах, органах исполнительной власти губерний, уездов, городов.

«Жалованная грамота дворянству»[1], изданная в честь дня рождения Екатерины II 21 апреля 1785 г., законодательно оформила все права и привилегии дворянского сословия, полученные им к тому времени:

- право собственности на крестьян и землю, в том числе леса, водоемы, недра, земли;
- свобода от подушной подати и других налогов, обязательной службы, телесных наказаний;
- право быть лишенным дворянского звания только по суду «равных»;
- право заводить мануфактуры и торговать производимыми в их вотчинах продуктами;
- создание сословно-дворянских собраний в уездах и губерниях, избиравших должностных лиц местного управления и суда.

«Жалованная грамота» включала в состав российского дворянства польскую шляхту, украинских и белорусских помещиков, казацкую верхушку (старшину) Дона, прибалтийских баронов.

В 1797 г. действие «Жалованной грамоты дворянству» было несколько ограничено Павлом I, запретившим дворянские собрания в губерниях и ужесточившим порядок дворянской службы. Тем не менее сложившаяся система льгот, обеспечивающая дворянским отпрыскам быстрое получение офицерского чина на военной и гражданской службе, не была существенным образом изменена.

Необходимо помнить, что в дворянской среде значительную долю занимала группа тех, кто получил это звание именно путем выслуги и не имел (или имел в мизерном количестве) крестьян и земли.

Таким образом, можно говорить об окончательном оформлении в Российской империи господствующего класса — дворянского сословия, получившего наименование «благородное».

К концу XVIII столетия дворяне составляли около 1% населения страны. В их руках были сосредоточены ключевые посты в аппарате власти,

[1] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2400/

в суде, в управлении, в армии, во флоте и т.п. Существенно увеличилось дворянское землевладение. С царствования Павла I начались широкие раздачи государственных и дворцовых крестьян, незаселенных земель, включая пахотные, луга, леса. Миллионы десятин земли, примыкающих к Санкт-Петербургу, земли Тавриды, присоединенные к России в 1783 г., обрели хозяев.

Другим привилегированным сословием оставалось духовенство, хотя его права в XVIII в. были ограничены.

Петр I запретил избирать преемника умершего в 1700 г. патриарха Адриана, и управлять церковью стал местоблюститель патриаршего престола.

В 1721 г. патриаршество было совсем ликвидировано и заменено «Святейшим правительствующим Синодом» (подчинявшаяся Сенату и контролируемая назначавшимся императором обер-прокурором Духовная коллегия). Таким образом, церковь лишалась самостоятельной политической роли и становилась частью чиновничье-бюрократического аппарата государства. Одновременно с этим был усилен контроль за доходами церкви. Подати с монастырских крестьян регулярно изымались на содержание армии, строительство флота и другие государственные мероприятия.

В 1722 г. были утверждены штаты церковнослужителей: один священник на 150 дворов. Те, кто остался вне штата, платили подушную подать, а старообрядцы облагались двойной податью.

Екатерина II покончила с экономической самостоятельностью церкви, проведя в феврале 1764 г. секуляризацию церковного землевладения в пользу государства. Эта идея принадлежит ее супругу Петру III, который хотел уравнять все религии, заставить церковнослужителей носить светскую одежду, остановил преследование старообрядцев. За свое короткое царствование он это сделать не успел. Принцип веротерпимости был введен Екатериной II в 1773 г.

Для управления старообрядческими общинами был создан специальный орган — коллегия экономии (поэтому бывшие монастырские крестьяне стали называться экономическими).

В процессе секуляризации церковных имуществ духовенство потеряло более миллиона душ крестьян, многие монастыри прекратили свое существование, а в оставшихся установлены строгие штаты различных категорий монахов. Это в несколько раз уменьшило численность черного духовенства. Поскольку духовенство было освобождено от рекрутской повинности, телесных наказаний и главное подушной подати, государство, заинтересованное в затруднении доступа податного населения в это сословие, провело серию мероприятий, усиливших его замкнутость. Даже дети духовенства могли быть из него исключены, если не получали соответствующего образования.

Итак, секуляризация стала окончательным оформлением монополии дворян на владение крестьян и землей, укрепила экономическую базу монархии, превратила духовенство в своеобразных чиновников. Подтверждением последнего явился указ Павла I о регламенте награждения духовной верхушки орденами за усердную службу. Церковь окончательно была подчинена государству.

В сословной структуре XVIII столетия можно выделить и полупривилегированные группы, составлявшие около 2,5% населения.

К концу XVIII в. довольно значительным по численности (около 2% населения) являлось военно-служилое сословие, в которое входили донские, уральские (бывшие яицкие), терские, сибирские казаки (запорожское, украинское, хоперское, волжское казачество было ликвидировано после крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева (1773–1775), часть калмыков, часть башкир. Закрепленные за ними земли, леса, луга и водоемы существенно превышали по размерам земли крестьян этих же районов. Данное сословие освобождалось от подушной подати и рекрутской повинности, но обязано было нести военную службу на особых условиях. Верхушка же сословия — казачья старшина — по правам приближалась к дворянам. Это резко отличало казачество от крестьянства, и оно стало использоваться для подавления крестьянских бунтов. Категория «солдатские дети» выделилась, так как рекруты, сданные в армию и во флот, и их дети не платили подати, она была основой формирования унтер-офицерского состава армии.

XVIII в. был временем укрепления в правовом отношении городского населения и особенно купечества.

В 1699 г. посадское население городов стало подчиняться не воеводам, а выборным бурмистерским палатам (переименованным позднее в ратуши). В 1721 г. ратуши в крупных городах стали называться магистратами и был создан Главный магистрат[1]. В их ведении были судебные функции в отношении посадского населения, сбор налогов, городское благоустройство.

Городские жители, составлявшие в первой четверти XVIII в. 3% населения российского государства, делились на две категории.

«Регулярные» граждане владели собственностью, пользовались правом выбора в городские учреждения и, в свою очередь, делились на два разряда-гильдии: к первой относились купцы и промышленники, ко второй — мелкое купечество и ремесленники.

«Нерегулярные» — наемные работники и горожане, выполняющие всякого рода черную работу. Эти сословные группы уничижительно назывались «подлыми».

---

[1] После смерти Петра I ликвидирован, а Елизаветой Петровной восстановлен.

«Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской империи», изданная одновременно с «Жалованной грамотой дворянству» 21 апреля 1785 г., утвердила следующую городскую сословную структуру.

Население городов делилось на шесть категорий.

В первую входили горожане дворянского происхождения и духовенство.

Второй разряд включал купечество, которое подразделялось на три гильдии. «Жалованная грамота» подтвердила указ 1775 г., освободив гильдейское купечество от уплаты подушной подати, и указ 1776 г. об отмене для него рекрутской повинности, заменив ее денежной платой. Кроме того, купцы I и II гильдии освобождались от телесных наказаний.

Купцы получили право на осуществление оптовой и розничной торговли, на заведение торговых судов, фабрик и заводов.

Полупривилегированная категория гильдейского купечества была весьма немногочисленна и составляла 0,5% всего населения.

К третьему городскому разряду относились цеховые ремесленники. Составной частью «Жалованной грамоты» стало изданное в том же 1785 г. «Ремесленное положение», определившее, что пять и более ремесленников той или иной специальности составляли цех, избиравший себе старшину. Таким образом, законодательно закреплялась средневековая цеховая организация ремесленников, что тормозило развитие мануфактурного капитализма.

Четвертый разряд составляли иностранные граждане, постоянно жившие в данном российском городе.

Пятая категория — именитые горожане[1], куда входили представители свободных профессий, немногочисленные лица с высшим образованием недворянского происхождения, а до 1807 г. и верхушка купечества.

К шестому разряду была отнесена большая часть городского населения (мещане, бывшие посадские люди, живущие наемной работой, различными промыслами, мелкие торговцы и домовладельцы, ремесленники, не объединенные в цехи). Они платили подушную подать и могли подвергаться телесному наказанию (до 1863 г.).

Органы городского самоуправления подчинялись и контролировались назначаемыми верховной властью городничими, обычно из дворян и отставных офицеров, управой благочиния, полицеймейстером.

Этим объясняется слабость нарождавшейся российской буржуазии, которая в отличие от западноевропейской еще не вышла из рамок средневекового третьего сословия.

Свыше 90% населения составляли крестьяне, которые делились на несколько категорий по форме и степени крепостной зависимости.

---

[1] В 1832 г. эта категория была упразднена с введением звания почетных граждан.

Еще в XVII в. посошное обложение было заменено подворным, когда правительство определяло сумму прямого налога, а городские и сельские общины распределяли ее на каждый двор. К последней четверти XVII в. податное население научилось экономить: одним двором по нескольку семей жили и крестьяне и посадские люди. В результате во время переписи 1710 г. выяснилось что с 1678 г. число дворов сократилось на 20%.

Петр I, преследуя фискальные цели (пополнение государственной казны), издал в 1718 г. указ Сенату о проведении ревизии всего податного населения мужского пола, независимо от работоспособности и возраста: «не обходя от старого до самого последнего младенца».

В течение нескольких лет (1718–1724) были составлены «ревизские сказки» — именные списки, куда вошли все те, кто обязан был платить ежегодный денежный налог — подушную подать. Ее размер устанавливался делением суммы, необходимой для содержания армии, на число налогоплательщиков. В 1724 г. подушная подать составляла 74 копейки, с 1725 г. для крестьян она была понижена до 70 копеек, податное городское население оплачивало 80 копеек (кроме того, так как помещичьи крестьяне еще платили оброк или несли барщину, государственные крестьяне и городское население для уравнения с ними были обложены дополнительным сбором в пользу государства в размере 40 копеек с каждой ревизской души).

Некоторые категории платили повышенную подать. Так, до 1782 г. раскольники (старообрядцы) платили в двойном размере: половина шла в доход государства, а другая поступала Русской православной церкви. В старообрядческих общинах даже женщины должны были платить половину подушного оклада.

В 1740–1750-х гг. 70-копеечный оклад неоднократно снижался на несколько копеек (от 3 до 17 копеек). Но это не значит, что в этот период людям становилось легче жить. Увеличивались различные косвенные налоги. С начала 1760-х гг. правительство, поняв, что косвенное налогообложение усилить уже невозможно, снова повысило подушную подать. К 1798 г. она составляла 1 рубль 26 копеек для помещичьих крестьян, 4 рубля 26 копеек для государственных крестьян и 2 рубля для мещан (включая оброчный сбор).

Сумма взимавшихся с населения податей удвоилась. Податью были обложены и ранее не платившие холопы, и все «вольные гулящие люди», однодворцы[1], нерусские народы Поволжья и Приуралья. Кроме того, в случае смерти записанного до следующей ревизии за него продолжала платить семья или община, в которую он входил («мертвые души»). Ре-

[1] Однодворцы — в Российской империи категория государственных крестьян, в основном бывшие служилые люди «по прибору».

зультатом первой ревизии явилось оформление определенных разрядов крестьян.

Более половины населения Российской империи составляла категория помещичьих (частновладельческих) крестьян.

Их положение было наиболее тяжелым. И они сами, их семьи, их имущество находились в фактически неограниченной власти и собственности помещиков, права которых на протяжении XVIII в. все расширялись.

Крепостничество

В 1724 г. был принят указ, запрещавший крестьянам уходить от помещиков на заработки без их письменного разрешения. С 1731 г. помещики обязаны были сами представлять ревизские сказки и собирать подушную подать, что еще больше увеличило их власть над крепостными. Помещики (или их приказчики) стали за своих крестьян приносить присягу на верность императору, устанавливать наказание за побег.

В царствование Елизаветы Петровны крестьянам запретили вести без разрешения помещиков какие-либо денежные операции. Согласно Указу 1763 г., крестьяне сами оплачивали расходы на подавление их выступлений. Указ Екатерины II от 1765 г. предоставлял помещикам право ссылки крестьян на любой срок без суда и следствия с зачетом их за рекрутов.

В августе 1767 г. еще до пугачевского бунта (!!!) Екатерина Вторая издала самый крепостнический указ за всю историю. Любая, даже самая справедливая, жалоба императрице на помещика согласно указу считалась государственным преступлением. Крестьяне, подавшие ее, подвергались наказанию кнутом и ссылке на каторгу.

Таким образом, в канун Великой французской революции с ее лозунгом «Свобода, равенство, братство» в Российской империи помещик-дворянин превратился в ничем не ограниченного полновластного господина, а крестьянин — в его бесправного раба. Крепостных могли продавать в розницу, разлучая с семьей, сдавать в рекруты, проигрывать в карты, переводить в дворню, безвинно наказывать, ссылать на поселение и на каторгу. Помещик устанавливал размеры барщины и оброка, мог забрать имущество крестьянина, вмешиваться в его семейные отношения, воспользоваться «правом первой ночи» и т.д.

Рост крепостничества проявлялся не только в углублении эксплуатации крестьян, но и в его расширении на новые, ранее свободные территории. После крестьянской войны 1773–1775 гг., ликвидации Запорожской Сечи крепостное право распространялось и на Левобережную Украину (Указ 1783 г.) и на Новороссию, Дон, Екатеринославскую, Таврическую, Кавказскую губернии (указ Павла I 1796 г.).

На протяжении XVIII в. абсолютное число крепостных крестьян сильно увеличилось благодаря пожалованиям государственных крестьян и зе-

мель помещикам: за 35 лет царствования Екатерины II таких крестьян было «пожаловано», то есть превращено в крепостных, 800 тыс. душ, а за четыре года царствования Павла — 600 тыс. душ.

Центром крепостничества являлись старые области Московского государства и ближайшие к ним губернии и, кроме того, польский запад, где крепостное право было широко распространено еще до присоединения этих губерний. На окраинах как южных, так и северных, и в Сибири процент крепостного населения, был значительно меньше, местами ничтожен.

Усиление крепостного гнета в XVIII в. выражалось в первую очередь в резком возрастании размеров феодальной ренты.

У помещичьих крестьян в различных районах страны форма ренты была неодинаковой.

В нечерноземных районах в условиях малоплодородных почв широкое распространение получили крестьянские промыслы и ремесла и отход крестьян на заработки в города и на мануфактуры[1]. Помещики, переведя своих крестьян на **денежный оброк**, постепенно увеличивали размеры ренты за счет неземледельческих доходов. Если в начале XVIII в. оброк составлял 1–2 руб. с души, то в конце столетия уже 5–6 руб. в год.

Необходимо отметить, что оброчные крестьяне наряду с денежной рентой были обязаны платить натуральную, т.е. поставлять помещику (в большинстве случаев в город, где он жил) хлеб, мясо, птицу, ягоды, грибы, холст, дрова, сено для лошадей и т.д. Кроме того, они должны были выполнять ряд работ в его усадьбе.

В районах, охватывающих в основном черноземную часть Российской империи, в XVIII в. господствовала отработочная рента. К 1790-м гг. 3/4 проживавших в этом регионе крестьян состояли на барщине, которая была от трех до пяти, а иногда и шесть дней в неделю.

Почему же в XVIII столетии произошел возврат помещиков черноземной зоны к барщине? Он был вызван их пониманием, что максимально повысить свой доход можно путем продажи сельскохозяйственной продукции собственного хозяйства.

Все вышеизложенное объясняется тем, что в ходе Петровских реформ образ жизни господствующего класса кардинально изменился и не мог обеспечиваться только тем, что производилось непосредственно в вотчине. Дворянскому сословию требовались деньги. Помещики Нечерноземья получали их в форме денежного оброка, а Черноземной зоны — за счет продажи результатов барщинного труда крестьян. Следствием этих процессов явилось укрепление связи сельского хозяйства с рынком, однако в разных регионах эта связь устанавливалась различным способом.

---

[1] Разумеется, требовалось разрешение помещика на отход, и определялся срок отхода.

В Нечерноземной зоне именно крестьянское хозяйство вовлекалось в товарно-денежные отношения, что вызывало заинтересованность части оброчных крестьян в расширении аграрного производства, в повышении производительности труда и таким образом поддерживало натуральный характер самого крестьянского хозяйства.

Для второй зоны, напротив, характерно создание предпосылок проникновения капиталистических отношений в вотчину, поскольку связи с рынком были у помещичьего хозяйства, тогда как возможности крестьян заниматься не земледельческими промыслами, ремеслом и торговлей были сведены до минимума. Хозяйство крестьянина, находящегося на барщине, в наибольшей степени сохраняло средневековый натуральный характер.

Таким образом, именно барщинное хозяйство в большей степени способствовало распространению наиболее одиозных проявлений крестьянского права.

Помещики, включившись в товарные отношения для увеличения производства хлеба на продажу, стали резко сокращать крестьянские наделы, освобождая место для барской запашки. С 1780-х гг. часть крестьян вообще потеряла наделы и была переведена на месячину. То есть крестьяне ежемесячно получали определенное количество продовольствия и одежды (весьма скудное) и почти все дни обрабатывали барскую землю, приближаясь по своему статусу к патриархальным холопам.

В России XVIII в. были и районы, существенно отличавшиеся от Нечерноземной и Черноземной зон. Огромные территории Северного Причерноморья, Крыма, Ставрополя стали базой для создания помещичьих латифундий. Но помещичьих крепостных здесь было совсем мало, около 3% в конце века. Помещики использовали труд беглых крестьян из старых российских губерний, на условиях найма.

В достаточно сложном сословном составе крестьянского населения XVIII в. выделялись и другие группы крестьянства.

Государственные крестьяне составляли большинство населения в областях, где по тем или иным причинам помещичье землевладение не стало преобладающим (Север, Приуралье, Урал, Сибирь, Северный Кавказ, Южная Украина, национальные районы Поволжья). Они пользовались землей на основе общинного землевладения, считались принадлежавшими государству, управлялись местной администрацией. Вместе с 70 копейками подушной подати они платили дополнительный 40-копеечный налог, приравнивавшийся к барщине или оброку.

Резкое увеличение государственных повинностей, стоимость которых порой значительно превышала размер подушной подати, произошло в первой четверти XVIII в. Крестьяне перевозили фураж, продовольствие, оружие, боеприпасы для армии и флота; строительные материалы, в первую очередь для новой столицы.

На них лежали работы, связанные со строительством Санкт-Петербурга, портов, каналов, металлургических заводов, верфей. В большинстве случаев оплата этих работ была чисто поминальной, а зачастую вообще не производилась.

На протяжении всего века государственные крестьяне несли следующие обязательные повинности: дорожную — по строительству и содержанию дорог и мостов; ямскую — по переправке почты, казенных грузов и должностных лиц; постоялую — по обеспечению расквартирования войск.

Испытывая в полной мере феодальный гнет (их могли насильственно переселять, приписывать к заводам, дарить, превращая в крепостных), в правовом отношении государственные крестьяне отличались от помещичьих: никто не вмешивался в их семейные отношения, они были лично свободными, не подвергались постоянным истязаниям, могли заниматься промыслами, ремеслами, торговлей, идти внаем на купеческие мануфактуры, их не могли закладывать и продавать.

Состав государственных крестьян был неоднороден.

Разряд «однодворцев» включал всех потомков «детей боярских», «служилых людей по прибору» и т.п. Они сначала не несли рекрутскую повинность, так как им вменялась обязанность формировать так называемые ландмилицкие полки, которые несли службу на укрепленных линиях, в том числе украинской. В последней четверти XVIII в. ландмилиция была упразднена и однодворцы стали поставлять рекрутов.

Территориально большинство однодворцев проживало в южных черноземных губерниях: Орловской, Курской, Белгородской, Тамбовской, Воронежской.

Большую долю государственных крестьян составляли черносошные крестьяне[1] Поморья, Поволжья, Сибири.

Нерусские народности Юга, Поволжья, Урала, Сибири, плативше ясак — натуральный налог (в основном лихами), представляли категорию ясачных людей. Еще одной многочисленной группой в составе государственных стали экономические крестьяне, более миллиона душ бывших монастырских и церковных крестьян, секуляризованных в 1764 г. государством, для управления которыми был создан специальный орган — Коллегия экономики (отсюда и название). Справедливо заметить, что положение данной категории значительно улучшилось: крестьяне получили в пользование принадлежавшую ранее монастырям землю, на которой несли на них барщину.

Кроме крепостных и государственных существовали и более мелкие категории крестьян.

---

[1] В русском государстве XIV–XVII вв. лично свободные крестьяне, владевшие общинными землями и несшие государственные феодальные повинности. В XVIII в. стали государственными крестьянами.

Так, царская семья владела дворцовыми крестьянами, которые платили оброк или несли барщину на дворцовых землях. С 1797 г. по указу Павла I их стали называть удельными.

В 1721 г. Петр I издал указ разрешить мануфактуристам и заводчикам недворянского происхождения (главным образом купцам) покупать крестьян, которые получили название посессионных. Во второй половине XVIII в. в эту категорию вошли и «вечноотданные к заводам» — работавшие на частных предприятиях крестьяне по указу Анны Иоанновны в 1736 г. о прикреплении мастеровых закреплялись навечно, т.е. могли быть преданы только вместе с заводом.

Таким образом, на протяжении XVIII столетия произошло четкое разграничение общества Российской империи на верхушку привилегированного и уже консолидированного в единый класс дворянства и огромную массу податного неполноправного населения.

Сельское хозяйство

Сельское хозяйство Российской империи сохраняло экстенсивный характер прежних веков. Производство росло главным образом за счет освоения новых земель на юге страны, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Урале, в Сибири. Наиболее существенно возросла распашка земельных площадей в южных областях Черноземного центра (в последней четверти XVIII в. — на 60–100%)[1], в Слободской и Южной Украине. Черноземная зона производила основную массу товарного хлеба, превратившись в настоящую житницу государства российского.

До XVIII в. казакам войска Донского было запрещено заниматься земледелием, они получали лишь «хлебное жалованье». Теперь этот район стал хлебопроизводящим, а земледелие — основным занятием населения.

Сибирь также стала обеспечивать себя собственным зерном. Если в начале столетия пашня в этом районе занимала чуть больше 100 тыс. десятин, то к концу века только в Западной Сибири — 800 тыс. десятин[2].

Шло продвижение хлебопашества и на Север. Новые земли осваивались и в старых районах, в Северо-Западном и Центральном в 1780–1790-х гг. рост посевных площадей составил 30–40%. К концу правления Екатерины II в 1796 г. общая площадь пашни в европейской части Российской империи была более 71,5 млн га[3].

Колонизация российских окраин в XVIII в. привела к радикальным изменениям в экономической жизни народов Поволжья, Приуралья, Сибири. Мордва, чуваши, марийцы занялись хлебопашеством. Баш-

[1] История Европы. Т. 4. М., 1994. С. 273

[2] Там же.

[3] Там же.

киры, буряты, коми-пермяки все больше стали переходить к оседлости и земледелию.

В России XVIII в. господствовала трехпольная система земледелия. В лесных (часть Белоруссии, Приуралье) и северных районах использовалась подсечная система, в южных — перелог. Вместе с тем все чаще стали применяться агротехнические методы усовершенствования системы земледелия.

В Черноземной зоне — в Воронежской, Харьковской и других губерниях — производилась двойная вспашка перед посевом, а в северных районах — тройная.

Широкое распространение в XVIII в. получило использование удобрений — главным образом навоза, а также золы (в лесных местностях), торфа, ила.

В некоторых крупных помещичьих хозяйствах предпринимались попытки новых систем севооборота, например многополье с травосеянием и возделыванием не только зерновых, но и огородных бахчевых культур.

Почти не изменился набор орудий сельскохозяйственного труда. Главенствующими оставались соха, серп, борона. Но постепенно идет их усовершенствование и, кроме того, вводятся новые сельскохозяйственные инструменты. Наряду с наиболее производительной сохой с отвалом стали применять плуг (прежде всего на Черноземье). Так, в Харьковской губернии крестьяне впрягали в большие плуги по 4–10 волов[1].

В Центрально-Промышленном районе и на Севере широкое распространение получила соха-косуля[2]. Появились бороны с железными зубьями, серпы заменялись косами-литовками.

Состав возделываемых культур и их размещение в XVIII в. также претерпели значительные изменения.

Как и в прежние века, главными злаками для продовольствия и фуража являлись рожь, ячмень и овес. Причем урожайность их не была высокой: нечерноземной полосе — сам-2/сам-3, в черноземной — сам-5/сам-6[3]. Во второй половине века все большее распространение получали более ценные пшеница, гречиха, просо.

Развитие промышленности, внешней торговли, ведение войн вызвали рост производства зерна и увеличение посевных площадей технических культур для поставок сырья на мануфактуры, для крестьянских ремесел, для экспорта.

---

[1] История Европы. Т. 4. М., 1994. С. 274.

[2] Соха-косуля — соха, отваливающая пласт почвы в сторону под определенным углом.

[3] История Европы. С. 274.

Создание военного и торгового флота, требования внешней торговли увеличили спрос на льняное полотно, парусину, канаты, и в связи с этим резко возросли посевы льна и конопли. Льноводство было особенно распространено в Прибалтике, в Северо-Западном районе, в Псковской, Новгородской, Тверской, Костромской, Вологодской губерниях.

Центрами товарного производства конопли являлись Калужская, Смоленская, Орловская и Могилевская губернии.

В Центральном районе, в Прибалтике товарный характер приобретали садоводство и огородничество.

XVIII в. принес новые культуры в севооборот.

Соборное уложение 1649 г. рассматривало табакокурение как уголовное преступление, и посевы этого растения были запрещены. Нововведения Петра I, новый образ жизни им насаждаемый способствовали быстрому распространению курения: ввозились из-за границы дорогие сорта табака, а на Украине и на Дону выращивали махорочные сорта.

Событием для будущих веков стало появление на русских полях картофеля. Сначала это были лишь немногочисленные грядки в усадьбах самых передовых дворян. В конце века картофель прочно вошел в севооборот только у прибалтийских крестьян.

В это же время на Украине стали сеять подсолнечник.

Второй после земледелия основной отраслью сельскохозяйственного производства было животноводство. Выделяются регионы, где оно занимало главенствующее место. Вообще обеспеченность крестьян домашним скотом существенно отличалась в разных губерниях в зависимости от климата, социальных условий.

В XVIII столетии стали разводиться наиболее продуктивные породы скота. Так, Архангельская губерния, где еще в прошлом веке была выведена холмогорская порода коров, и Вологодская губерния стали лидерами мясомолочного производства.

В Воронежской, Тамбовской и других центрально-черноземных губерниях появляются конезаводы, дававшие лошадей для русской кавалерии. Кроме того, некоторые помещики разводили дорогих породистых лошадей. Так, граф Алексей Григорьевич Орлов, брат фаворита Екатерины II Григория Орлова и один из главных участников дворцового переворота 1762 г., генерал-аншеф, выигравший Чесменскую битву (1770 г.), выйдя в 1775 г. в отставку, основал Хреновский конный завод в Бобровском уезде Воронежской губернии, где была выведена известная во всем мире порода — орловский рысак.

Новым направлением товарного животноводства в XVIII в. стало тонкорунное овцеводство. Овец-мериносов разводили главным образом в степных районах с большими пастбищами — в степных губерниях.

Необходимо отметить, что характерной чертой сельского хозяйства XVIII столетия стала специализация регионов по производству той или иной продукции. Например, центрами товарного хлебопроизводства стали,

как уже было сказано, центрально-черноземные губернии, Среднее Поволжье, Приуралье. Северо-запад был лидером в производстве технических культур. В степных регионах главный упор делался на животноводство[1].

Особой статьей явилась торговля мясом, спрос на которое неуклонно увеличивался, так как расширялись города, строились предприятия, рос военный и торговый флот. В целом в аграрных отраслях Российской империи все больше расширялись товарно-денежные отношения. Одним из ярких факторов этого процесса стало превращение в товар земельных угодий. Как уже было отмечено, в XVIII в. произошло значительное увеличение дворянского землевладения. Вместе с тем начинает развиваться и купеческая, и даже крестьянская земельная собственность.

Так, в северных районах, где было очень мало помещиков, городские жители, и, прежде всего купцы, скупали землю у черносошных крестьян. В других районах практиковалась покупка земли и крестьян на подставных лиц, имевших на это право. Истинными покупателями являлись купцы и даже разбогатевшие крестьяне. Последние приобретали земли как у своих, так и посторонних помещиков.

Складывание купеческой и крестьянской земельной собственности свидетельствовало, несомненно, об усложнении характера феодального землевладения, о серьезном расслоении крестьянства.

К концу XVIII в. процесс разрушения натурального хозяйства российской деревни стал особенно заметным. Движущей силой проникновения товарно-денежных отношений в сельское хозяйство стало помещичье предпринимательство.

В первую очередь оно затронуло переработку сельскохозяйственной продукции и сырья. Многие феодальные вотчины специализировались на производстве полотна, сукна, стекла, пеньки.

Но безусловным лидером являлось винокурение. Миллионы ведер спиртных напитков выставлялись на продажу с заводов, принадлежавших самым знатным фамилиям. Правительство Елизаветы Петровны в 1754 г. запретило купечеству заниматься винокурением. А в 1765 г. Екатерина II издала устав о винокурении, закрепивший дворянскую монополию на производство вина и возможность на месте перерабатывать хлеб в водку и сдавать ее в государственные кабаки. Эта деятельность была чрезвычайно доходной.

Перерабатывающее сельскохозяйственное производство в течение века все более расширялось, и владельцы начали использовать не только собственные ресурсы. Сырье закупалось на рынке, в том числе и у крестьян. К своей крепостной рабочей силе помещики добавляли вольнонаемных работников. Причем наемным был чаще всего не свободный человек, а прикрепленный к земле крестьянин, выплачивающий феодальную ренту государству или помещику.

---

[1] Более подробно этот вопрос освещен, в частности, в: История Европы. Т. 4. С. 275.

Таким образом, самые передовые помещичьи имения приобретали буржуазные черты. Медленно, но к концу века доля вотчин, куда проникли ростки капитализма, все больше увеличивалась.

Крестьянское хозяйство было более косным и патриархальным, но и оно все больше вовлекалось в новые экономические отношения.

Важнейшим стимулом этому служило значительное распространение денежной формы ренты и государственных налогов, прежде всего подушной подати. Для денежных выплат крестьяне все активнее выходили на рынок, продавая излишки, а иногда и не только, сельскохозяйственной продукции. В некоторых губерниях доля крестьян в продаже хлеба составляла более 90%. Они же являлись главными поставщиками конопли и льна, продуктов огородничества, садоводства, пчеловодства.

Крестьянское ремесло и мануфактурная промышленность

В Нечерноземной зоне выделялись местности, где население занималось в основном неземледельческими промыслами.

Металлообработка прославила на всю страну село Павлово в Нижегородской губернии, в котором (и примыкавших к нему деревнях) находилось четыре завода, где выплавляли сталь, более 320 слесарных мастерских, выпускавших кожи, кожницы, дверные и амбарные замки и даже ружья.

Кожевенное производство было развито в Тверской губернии в селе Кимры, ставшее одним из центров обувной промышленности.

В деревнях Костромской губернии некоторые крестьяне превратились в золотых дел мастеров. Они занимались золочением, серебрением, чеканкой, получая заказы со всей империи. Село Красное и сегодня известно своими мастерами, продолжающими традиции давних времен.

В лесных губерниях крестьяне занимались промыслами, связанными с деревообработкой: делали колеса, сани, дуги, коромысла, решета, плели лапти, рогожи.

Самым популярным промыслом являлось ткачество. Полотно производили в Вологодской и Архангельской губерниях, в Среднем Поволжье (Нижегородская, Казанская губернии), во многих деревнях Московской губернии.

Крестьяне удовлетворяли государственные нужды, в частности производя для армии грубое (солдатское) сукно. Крепостные кустари обслуживали и потребности высших слоев населения. Так, в селах Московского уезда во второй половине XVIII в. было несколько сотен станков для тканья шелковых материй, лент, платков.

Общероссийское значение имела продукция крестьян села Иваново Владимирской губернии.

Необходимо отметить, что продукцию сельских промыслов на рынках, ярмарках и в торговых рядах крупных городов продавали по боль-

шей части тоже крестьяне. Некоторые из них торговали не только собственными товарами, но и выступали в роли скупщиков, перепродавая по более высоким ценам в других регионах результаты труда менее предприимчивых односельчан. На простые земледельческие занятия у таких деревенских купцов уже не было ни времени, ни желания.

Итак, в XVIII в. наблюдалось все большее укрепление связей крестьянского хозяйства с рынком, что способствовало повышению производительности труда и расширению сельскохозяйственного производства у крестьян, вовлеченных в товарно-денежные отношения. Тем самым подрывался натуральный характер крестьянского хозяйства, и очень медленно, но начала готовиться почва для создания предпосылок генезиса капитализма в аграрных отраслях.

Чуть заметный в XVIII в. начавшийся процесс капитализации крестьянских хозяйств в следующем столетии стал более видимым.

Ярким проявлением нового уклада стала имущественная дифференциация российского крестьянства.

С одной стороны, в деревнях и селах формируется зажиточная верхушка, занимающаяся торговлей, товарным хозяйством (земледельческим или промысловым), владеющая подрядами, движимым и недвижимым имуществом (например, мельницами).

На противоположном полюсе были обедневшие крестьяне, значительная часть которых нанималась к богатым соседям на различные работы, чаще всего связанные с обработкой земли, чем уже не хотели или не успевали заниматься богатеи. Наем был двух типов: временный, сезонный и постоянный. В течение XVIII столетия растет число дворов с постоянным наймом, увеличивается количество наемных работников, сезонный наем становится регулярным.

Большинство бедняков стремились найти работу в своей местности, но уже во второй трети XVIII в. существенно вырос отход крестьян на заработки «на сторону» — в крупные города.

Таким образом, в Российской империи начинает складываться рынок наемного труда, но его отличительной особенностью являлось то, что свою рабочую силу продавал не свободный человек, а крепостной, который выплачивал феодальную ренту помещику или государству.

Крепостные отношения в сельском хозяйстве были еще весьма прочными, не давая простора капиталистическому укладу.

Одной из существенных причин послужил экстенсивный путь развития сельского хозяйства России. Включение в состав империи новых территорий позволило ослабить остроту социальных противоречий в центральных районах. Переход населения в осваиваемые регионы, а также рост городов замедлили процесс разложения как феодальных, так и натурально-хозяйственных отношений, а также образования безземельного крестьянства.

В результате формирование сельской буржуазии и сельского пролетариата шло чрезвычайно медленно, и еще на протяжении многих десятилетий они не могли стать силой, способной противостоять феодальному производству. Однако в недрах феодального производства шли процессы, способствующие формированию капиталистического уклада.

Ремесленное производство постепенно перерастало в мануфактурное. Так, в Иванове уже в первой половине XVIII в. начала формироваться верхушка зажиточных крестьян.

Из этих богатых крестьян, скопивших к середине столетия уже довольно крупные капиталы, выделяются так называемые *«капиталистые» крестьяне*.

Вкладывая нажитые на торговле капиталы в промышленное производство, они основывали в своих селах мануфактуры.

Так, руководствуясь указом 1723 г., позволявшим устраивать новые и передавать казенные фабрики «партикулярным лицам» — частным компаниям или отдельным предпринимателям — причем необязательно дворянского сословия, Мануфактур-коллегия дала в 1742 г. разрешение на открытие предприятия получил крепостной княгини Черкасовой Григорий Бутримов, житель села Иванова. Когда в 1740 г. появился запрет крестьянам заниматься торговлей и промышленностью, первая ивановская полотняная мануфактура была закрыта. Но вскоре она возобновила свою работу, будучи юридически оформленной уже на княгиню. Примеру Г. Бутримова последовали и другие сельские богачи (Иван Грачев, Иван Гандурин, Иван Ямановский, Иван Гаремин).

Эти предприниматели использовали наемный труд своих односельчан, крестьян, пришедших по паспорту из других уездов, даже беспаспортные. Кроме того, некоторые из них скупали на имя своего барина, как было сказано выше, деревни с землей и крестьянами. Таким образом, получалось, что владельцы подобных предприятий, считаясь, как и все их имущество, собственностью помещика, сами имели крепостных, но уже абсолютно бесправных.

«Капиталистые крестьяне» облагались огромными оброками, а выкуп за вольную составлял тысячи рублей, что в те времена было гигантской суммой. Многие ставшими свободными «фабриканты» не смогли выбраться из финансовой ямы после уплаты выкупа и разорились или значительно сократили объем производства.

Развитие промышленности

Если к концу петровского царствования существовало менее 200 мануфактур, то в 1767 г. их насчитывалось 663, а в 1799 г. — около 1200. Следовательно, с петровских времен количество предприятий мануфактурного типа увеличилось в 6 раз, а за последние 30 лет XVIII в. удвоилось. Важным показателем является увеличение числа рабочих, особенно наемных. В 1760-х гг. состав наемных рабочих определялся

в 100 тыс., а в конце столетия — в 220 тыс. Но кроме них использовалось много покупных и приписных крестьян, хотя они работали и не круглый год. Особенно далеко продвинулась черная металлургия, основы которой были заложены при Петре I. Если в 1720 г. число действующих домен не превышало 20, то в 1740 г. их было уже 35, а в 1760 г. — 62, в 1780 г. — 93, а в 1800 г. — 111. Выплавка чугуна за эти годы увеличилась с 10 тыс. т (610 тыс. пудов) до 162 427 т (9908 тыс. пудов). С 1740 г. русская металлургия по объему продукции превосходила английскую. Даже в 1800 г. выплавка чугуна в Англии не превышала 156 тыс. т. Основной базой русской металлургии был Урал, дававший до 2/3 всей выплавки черных металлов и больше 90% меди (в 1760-х гг.). Развитие подмосковной металлургии лимитировалось недостатком топлива. Быстро развивалась и текстильная промышленность. В конце 1760-х гг. в ведении Мануфактур-коллегии находилось 73 суконные мануфактуры, 85 полотняных, 60 шелковых, 6 позументных, 7 хлопчатобумажных (всего 231). Все большее значение стала приобретать новая отрасль текстильного производства — хлопчатобумажная, возникшая в середине XVIII в.

Общий объем продукции мануфактурной промышленности был значительным. В 1761 г. стоимость лишь текстильной продукции указанных мануфактур оценивалась в 2774,3 тыс. руб., а стоимость продукции металлургической и металлообрабатывающей промышленности такого же типа — в 2875,9 тыс. руб. Правда, сукно часто оказывалось недоброкачественным. Зато парусина, полотно, железо выдерживали технические требования эпохи. Русские домны превосходили по объему западноевропейские. В России появилось много изобретений, некоторые из них имели огромное значение. Значительно раньше Д. Уатта русский механик-самоучка И.И. Ползунов создал еще в начале 60-х гг. XVIII в. паровую машину.

Наибольших результатов достигли в промышленности, прежде всего в металлургии.

В промышленном масштабе черная металлургия начала развиваться в России **с** 30-х гг. XVII в., когда появляются первые металлургические заводы. К концу века действовали более 20 железоделательных заводов под Москвой, Тулой, Липецком (снабжали металлом строительство флота в Воронеже), Вологдой, в Олонецком крае (центром потребления в начале XVIII в. стал Санкт-Петербург). Тем не менее металла в стране не хватало.

Петр I понимал, что для создания мощной армии и флота необходимо развивать отечественную промышленность. Практически половина новых предприятий, появившихся в конце XVII — начале XVIII в., предназначалась для военных целей.

11 сентября 1698 г. царь-реформатор издал указ о строительстве заводов на Урале. Заводы, мастерские и кузни, располагавшиеся в старых российских городах, не справлялись с возросшими государственными заказами. Главным средоточием горнодобывающей и обрабатывающей промышленности стал Уральский металлургический район. Кроме того, металл Центрального региона включал большое количество вредных примесей и поэтому не мог использоваться для литья пушек и ковки ружей. Уральские руды были очень высокого качества, и российское железо могло выдерживать конкуренцию на Западе.

Большинство заводов размещалось на восточном склоне уральского хребта и по берегам рек Камы, Чусовой, Сылвы, Исети, Тагила, где были найдены богатые залежи железных и медных руд. Дремучие леса обеспечивали плавку металла древесным углем, множество рек позволяло строить заводские плотины в нужном месте.

В 1700–1701 гг. пущены Каменский (на реке Каменке) и Невьянский (на реке Нейве)[1] металлургические заводы (о заводе в Невьянске в указе Берг-коллегии сказано: «Таких заводов не токмо в Швеции, но и во всей Европе не обретается»), в 1703–1704 гг. построили казенные Алапаевский и Уктусский заводы.

Руководством горными делами и содействием строительству заводов занималась Берг-коллегия. В указе о ней говорилось: «Соизволяется всем и каждому дается воля какого бы чина и достоинства не был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и камения, к чему каждой толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобное иждивение востребует»[2].

Огромную роль в развитии региона сыграло назначение главным начальником казенных горных заводов Василия Никитича Татищева (1686–1750). При нем и его преемнике Георге Вильгельме де Геннине (1676–1750) было построено несколько крупнейших казенных заводов, позднее ставших основой больших городов и поселков.

За первую половину XVIII в. (до 1750 г.) на Урале пущено 71 предприятие черной (33 завода) и цветной (38 заводов) металлургии, из них 27 заводов казенных и 44 частных[3]. За год работы первых заводов было произведено около 300 пушек, вдвое больше, чем Петр оставил под Нарвой (в 1702 г. только на Каменском заводе были отлиты 182 пушки.).

---

[1] 4 марта 1702 г. передан Никите Демидову.

[2] Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М., 1999.

[3] *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. М., 1962.

С 1702 г. в России прекращается импорт оружия. Пушки и ядра к ним, ружья и штыки, сабли и другое холодное оружие, корабельные якоря отливались из уральского железа. Русская армия получила отличное по качеству и, что немаловажно, гораздо более дешевое вооружение. Металлом стали обеспечены все отрасли хозяйства страны. К середине столетия Российская империя стала крупнейшим в мире производителем чугуна — около 2 млн пудов в 1750 г. (из них 1 млн 424 тыс.[1] — уральские), что в 1,5 раза больше, чем его выплавляла самая передовая в то время страна — Англия (а в начале XVIII в. все российские заводы давали лишь 150 тыс. пудов; в 1725 г. — 800 тыс. пудов). Русские домны превосходили по объему западноевропейские. В российской промышленности постоянно появлялись новые изобретения, некоторые из них имели огромное значение. Так, русский механик-самоучка Иван Иванович Ползунов (1728–1766) за 21 год до шотландского инженера Джеймса Уатта (1736–1819) в 1763 г. на Колывано-Воскресенском медеплавильном заводе впервые выдвинул идею об использовании силы пара в качестве двигателя и построил «огнедействующую машину» (правда, за неделю до пуска умер), действие которой за очень короткий период окупило все затраты[2]. В XVIII в. уральский чугун удовлетворял не только потребности России, но и в огромных количествах вывозился за границу. С 1722 г. железо стало одним из важнейших товаров русского экспорта. В 1751 г. он составил 685 тыс. пудов[3].

Медеплавильные заводы также наращивали обороты. Их продукция требовалась для судостроения, чеканки монет. Производство меди, 90% которого находилось на Урале, в 1701 г. составило около 2 тыс. пудов, в 1721 г. — около 69 тыс. пудов, а в 1750 г. — почти 370 тыс. пудов.

Центром производства серебра и свинца были Алтай и Забайкалье (знаменитый Нерчинский (первоначально — Аргунский) сереброплавильный завод).

В царствование Елизаветы Петровны промышленным предпринимательством стало заниматься и дворянство, в первую очередь представители его аристократической верхушки. В конце 1750-х гг. императрица провела приватизацию казенных заводов, пожаловав многие из них придворным сановникам: канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову (1714–1767) — Пыскорский, Мотовилихинский, Висимский и Егошихинский медеплавильные заводы; его брату сенатору Роману Илларионовичу Воронцову (1717–1783) — Верх-Исетский чугуноплавильный; камергеру Ивану Григорьевичу Чернышеву (1726–1797) —

---

[1] История Урала. Т. I / Под ред. И.С. Капцуговича. Пермь, 1976.

[2] Без создателя ее неправильно эксплуатировали, не стали чинить, хотя поломка была несложной, и впоследствии разобрали.

[3] История Урала. Т. I / Под ред. И.С. Капцуговича. Пермь, 1976. С. 86

Юговские красномедные; графу Петру Ивановичу Шувалову (1710–1762) — Гороблагодатские заводы.

При преемниках Петра I некоторые его реформы были остановлены, другие повернуты вспять, это вызвало замедление промышленного и культурного развития России. Но в целом о прекращении преобразований никто из правителей не думал, промышленность, торговля не перестали развиваться, пусть и не так интенсивно. Страна все так же нуждалась в людях, способных проводить эту политику.

При Анне Иоанновне горнодобывающая промышленность и металлургия оставались приоритетными, так как приносили колоссальную выгоду. Кроме того, главной задачей внешней политики стало стремление продемонстрировать, что Россия — великая держава и после Петра. Слабые правители тем не менее осознавали, что для достижения этой цели необходимо в том числе осваивать огромную территорию страны. В 1730-х гг. продолжали организовываться геологические экспедиции для поиска новых месторождений полезных ископаемых. Однако остро встал вопрос нехватки специалистов горного дела. Иностранцы, которых десятками «выписывали» в Российскую империю, предпочитали оставаться в ее центральной части, не желая ехать в далекую Сибирь. Наконец-то было решено готовить свои кадры и у русских людей расширились возможности для образования. Императрица подписала указ об обучении за границей лучших студентов Петербургского университета при Академии наук, в число которых попал и М.В. Ломоносов[1].

Успехи черной и цветной металлургии дали мощный толчок к прогрессу и в других отраслях промышленности.

Оружейная промышленность, центрами которой стали Тула, Петербург, Карелия и специализировавшийся на производстве артиллерийских орудий Урал, обеспечивала все возраставшие потребности созданных регулярных армии и флота.

Столь же интенсивно шло развитие кораблестроения. Оно было ориентировано главным образом на формирование военно-морского флота, а также на строительство каботажных и промысловых судов. Флотилии торговых кораблей пополнялись медленнее. На Воронежской, Казанской, Олонецкой (на р. Свирь) верфях трудились десятки тысяч человек, самой

[1] Направление образования Ломоносова в Германии — «горная наука»: поиск и развитие рудников, металлургия, основанная на законах химии и физики. В ряду многочисленных заслуг ученого немаловажное место занимает то, что он является одним из создателей российской научной геологии. Вернувшись из Германии в 1742 г., М.В. Ломоносов публикует руководство по горному делу «Первые основания металлургии или рудных дел», обобщившее существовавшие в то время знания о разведке и добыче руд, о металлах и их выплавке. В переиздании 1763 г. были включены два «прибавления»: «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном» и «О слоях земных». Собственные идеи русского гения легли в основу его труда «Слово о рождении металлов от трясения земли» (1757).

крупной была Адмиралтейская верфь Петербурга (около 10 тыс. рабочих). В 1706 г. в устье Северной Двины была построена верфь, где оснащали и вооружали крупные корабли. Здесь делали и металлические и деревянные части кораблей, шили паруса, изготовляли и смолили канаты. Как уже отмечалось, недалеко от Архангельской верфи, в деревне Мишанинской, близ села Холмогоры, и родился Михаил Васильевич Ломоносов в 1711 г.

Развивалась также легкая промышленность, важнейшими центрами которой стали города Нечерноземной зоны, в первую очередь Петербург и Москва, являвшиеся средоточием множества высококвалифицированных мастеров и ремесленников. В ее составе мануфактуры создавались в шести основных отраслях: текстильной, кожевенной, стекольной, фарфорофаянсовой, бумажной и галантерейной.

Особенно быстрыми темпами росла **текстильная** промышленность. Она также была связана с военными заказами: армия и флот нуждались в сукне для шинелей и мундиров, а для кораблей необходима была парусина. В конце 1760-х гг. в ведении Мануфактур-коллегии находились 73 суконные мануфактуры (самые крупные были построены в районе Воронежа, Казани, Путивля), 85 полотняных (главные — в Ярославле, Калуге, Владимире, Костроме, Твери), 60 шелковых, 6 позументных, 7 хлопчатобумажных (всего 231). Все большее значение стала приобретать новая отрасль текстильного производства — хлопчатобумажная, возникшая в середине XVIII в. Ее основными центрами были территория Владимирской губернии, Арзамас, а также Москва и ближние к ней города Коломна, Богородск.

Кожевенная промышленность имела своим центром Поволжье, главным образом Казань. Главным потребителем ее продукции была армия: требовалось все больше лосин и обуви. Государство давало большие заказы, в результате чего возникали довольно крупные мануфактуры. Так, на заводе по выделке кожи для гвардейских лосин под Москвой было занято в 1726 г. 50–60 рабочих[1].

К 1725 г. в империи насчитывалось восемь предприятий, производивших стеклянные изделия, в 1762 г. их было 58, а в конце века — уже 131.

Развитие торговли

Характерной чертой экономической истории России XVIII в. в послепетровский период было дальнейшее развитие торговли. Всероссийский рынок все больше расширялся, охватывая все новые и новые районы. Циркуляция товаров и между старыми торговыми центрами становилась все более интенсивной. Материальные предпосылки для расширения торговли создавались развитием производительных сил, которое выразилось в расширении пло-

[1] *Сметанин С.И.* История предпринимательства в России: курс лекций. М.: Палеотип; Логос, 2002.

щади посевов сельскохозяйственных культур, увеличении поголовья скота, росте производства технических культур, умножении мануфактур.

Прогрессировало географическое разделение труда, и с середины XVIII в. обособление черноземной полосы от нечерноземной стало вполне отчетливым. В губерниях черноземной полосы возникали крупные излишки хлеба, в котором нуждалось Подмосковье. Вместе с тем он был нужен Верхнему Поволжью (губернии Костромская, Ярославская, Тверская) и особенно Петербургу. Зато южные и юго-восточные районы нуждались в промышленных изделиях подмосковных губерний и Петербурга. Товарообмен между черноземной и нечерноземной полосами приобрел решающее значение для внутренней торговли России уже в XVIII в. Большие гурты скота гнались с Украины на Север. Льноводческие губернии Северо-Запада играли в товарообороте важную роль, поставляя ценное сырье для разных видов промышленности (включая мануфактурное, ремесленное и «домашнее производство»). Урал был поставщиком меди и особенно железа, которое расходилось по всей России. В лесных губерниях нечерноземной полосы заготовлялось много леса, дров, смолы, поташа, канифоли, которые находили широкий сбыт. Из Сибири, как и раньше, поступало много пушнины.

Несмотря на сооружение Петербурга и его стремительный рост, основным центром торговли оставалась древняя Москва. Со всех сторон тянулись к ней обозы с разнообразными товарами. Но особенно важное значение имели речные пути по Волге, Каме, Оке, Клязьме, Москве-реке. Волга с ее притоками имела решающее значение для внутреннего товарооборота, а с ними Москва была связана «водными коммуникациями». Поэтому она все-таки была экономической столицей огромной империи. Блистательный Петербург оставался в стороне от жизненных центров российской коммерции.

Общий товарооборот внутренней торговли России все больше увеличивался. Накануне отмены внутренних таможенных пошлин (1753 г.) сбор их давал ежегодно в среднем 0,9 млн руб. Объем внутреннего товарооборота достигал приблизительно 18 млн руб. Если учесть реальную стоимость тогдашнего рубля, то придется признать, что масштабы того оборота были весьма значительными.

Особенно большой размах к концу XVIII в. получила хлебная торговля. Излишки хлеба в Центрально-Черноземном районе даже в годы среднего урожая достигали 10 млн четвертей[1]. Крупные партии зерна отправлялись из Моршанска. Важное значение для хлебной торговли имели волжские города (Казань, Чебоксары, Углич, Кострома, Ярославль, Тверь), на Оке — Муром. Волоколамск и Гжатск пропускали много хлеба на север, к Петербургу. В 1793 г. в Северную столицу было

[1] Четверть — русская мера сыпучих тел равная 209, 91 л, и жидкостей, равная четверти ведра, или 3,08 л.

доставлено 1,1 млн четвертей хлеба. За 1797 г. сбор зерна на территории Воронежской губернии определялся в 3 млн четвертей, причем 1/3 его вывозилась за пределы губернии. Стремительное развитие хлебной торговли стимулировалось и повышением цен, которое началось еще с конца 1750-х гг. и потом продолжалось целые десятилетия. За 40 лет хлеб вздорожал приблизительно в 5 раз.

Весьма интенсивно росла и внешняя торговля России. Торговый баланс был активным и давал все более значительное сальдо. В 1754–1758 гг. вывоз превышал ввоз лишь на 7,3 млн руб. (среднее за пятилетие), а в 1794–1798 гг. — уже на 90,8 млн. Тем самым обеспечивался приток в Россию валютного металла. Меркантилизм был характерен для России на протяжении почти всего XVIII в.

В структуре вывоза в XVIII в. произошли важные изменения, благоприятные для России и отражавшие ее экономические успехи. Увеличился удельный вес промышленных товаров. Так, в 1793–1795 гг. было экспортировано железа на 5 млн руб., холста и парусины — на 4,3 млн, юфти — на 2,8 млн, некоторое количество полотна, канатов, поташа. Стал вывозиться хлеб. Правда, на первом месте оказывался экспорт льна, пеньки, пакли (13, 7 млн руб.). По-прежнему важное значение сохраняли лесоматериалы, льняное семя, щетина, меха. В экспорте преобладали сельскохозяйственные продукты, но роль промышленных товаров несколько увеличилась. Зато импорт носил потребительский характер и обслуживал преимущественно дворянский спрос. Среди товаров, импортированных в 1793–1795 гг., преобладали сахар (на 5,6 млн руб.), сукно (на 3,9 млн руб.), хлопчатобумажные (на 2,6 млн руб.) и шелковые ткани, вина, фрукты, однако много ввозилось в конце XVIII в. инструментов, хлопка, красок, москательных товаров.

Финансы, денежное обращение и кредит

Финансовая система русского абсолютизма, сложившаяся при Петре I, оставалась в основном неизменной и после него. На долгое время подушная подать стала основой имперских финансов. В 1796 г. эта подать дала 33,7% государственных доходов. Выколачивалась она самым нещадным образом.

Второй опорой царского бюджета были винные откупа. На долю «питейных доходов» в 1796 г. приходилось 28,6% всех поступлений. К этому нужно добавить еще соляной сбор (7,1%), таможенный (8,7%). В целом удельный вес косвенных налогов оказывается весьма большим (44,4%). Но устои бюджета покоились на подушной подати и питейных сборах. Структура государственных расходов была очень характерной для абсолютизма. Так, в 1796 г. на организацию народного образования тратилось только 1,7% бюджетных ресурсов, между тем как на армию и флот — 35,5%, чиновничество и государственное хозяйство — 46,3%.

Главной задачей финансовой политики русского абсолютизма и после Петра I было умножение государственных доходов. Так называемый казенный интерес выдвигался на первый план. Уже при Петре I усиленно чеканили медную монету для пополнения казны. Но преемники пошли много дальше его. В 1758 г. создание Медного банка для депозитно-вексельных операций сопровождалось уменьшением номинальной стоимости медной монеты до одной пятой. Затем последовал выпуск ассигнаций (бумажных денег) на основе манифеста 29 декабря 1769 г. Первоначально они обеспечивались вкладами медной монеты и разменивались на нее. Однако в 1786 г. размен был отменен, депозитное обеспечение отпало, и оба банка оказались слиты в один — Ассигнационный. Масштабы эмиссии стремительно увеличивались. Сначала разрешено было выпустить ассигнаций лишь на 1 млн руб., но в 1774 г. — на 20 млн, в 1779 г. — на 40 млн руб. Позднее в 1796 г., оказалось выпущена 157 млн руб., а в 1800 г. — на 212,7 млн руб. Фактически правительство вступило на путь инфляции. В 1796 г. за 1 рубль ассигнациями можно было получить лишь 70 коп. серебром, в 1800 г. — только 65. Обесценение ассигнаций означало дезорганизацию денежного обращения.

Уже выпуск ассигнаций фактически был скрытой формой внутреннего займа. Но извлеченных доходов оказывалось недостаточно, и екатерининские финансисты обращались к внешним займам. В 1769 г. был получен в Амстердаме первый заем такого рода (в сумме 7,5 млн гульденов). Затем последовал заем в Генуе (1 млн пиастров) и многие другие займы (особенно в 1780-х гг.). Аппетит приходил вместе с едой. В 1796 г. внешние долги достигли уже суммы в 62 млн гульденов (41,4 млн руб. ассигнациями).

Широко распространенным является мнение, будто в России XVIII в. не было капиталистического кредита. Но оно ошибочно. На самом деле коммерческий или вексельный кредит был обычным явлением. Кроме того, в 1754 г. правительством был создан Купеческий банк (в Петербурге), который выдавал подтоварные ссуды. Правда, выданные банком ссуды застряли у первых клиентов, и в 1782 г. он был закрыт.

Абсолютизм поощрял кредитование дворянства. Созданный в 1754 г. Дворянский банк развивал активную деятельность. За последующие 13 лет он выдал дворянам в качестве ссуд 3 692 953 руб. В 1781 г. вклады в этом банке достигли 4,5 млн руб. Ссуды выдавались под залог имений (в размере 10–12 руб. на «крепостную душу»). Для дворянства были созданы Ссудные и Сохранные кассы (1772 г.), приказы общественного призрения (1775 г.). В 1786 г. последовало учреждение Государственного заемного банка (вместо земельных банков 1754 г.).

Таким образом, в XVIII в. медленно неравномерно и болезненно складываются институты рыночного капиталистического уклада хозяйства. Но становление нового уклада тогда не исключало феодальных отношений. Феодальный строй был доминирующим, главным. А остальные

уклады (мелкотоварный, частнохозяйственный, смешанный посессионный) приспосабливались к нему.

Реформы первой четверти XVIII столетия изменили вектор развития нашего государства. Доказательством этому служит то, что Петровские реформы не были мероприятиями, произошедшими по воле монарха и закончившимися в 1725 г. с его смертью. Можно сказать, что они стали отправной точкой изменений, длившихся два века и создавших России непререкаемый авторитет великой державы, интересы которой необходимо уважать.

Тем не менее при всей несомненной прогрессивности эти государственные мероприятия не пользовались поддержкой подавляющей массы населения. Конечно, страдали прежде всего низшие слои, но и привилегированные классы мечтали о возврате к прошлому, испытывая мощное давление верховной власти, заставлявшей всех служить общей пользе, учиться, чтобы занять государственную должность (представители древних боярских фамилий воспринимали это как оскорбление, считая, что они по происхождению должны управлять). К сожалению, после смерти Петра наступила эпоха «дворянской монархии» — начиная с Анны Иоанновны проводятся своего рода антиреформы, все больше освобождающие дворянство от обязанностей (по сути, перечеркивая все усилия великого преобразователя)[1] и, напротив, закрепощающие «неблагородные» социальные группы, особенно крестьянство. Таким образом, складывались глубинные предпосылки того мощнейшего социального взрыва, который произошел в 1917 г. и имел последствия для всего мира. История не любит сослагательного наклонения, но если бы осуществилась идея царя-реформатора сделать дворянство сословием, в обязательном порядке служащим на благо Отечеству, наша страна давно стала бы обществом с равными правами лично свободных граждан.

В результате преобразований XVIII в. Россия коренным образом изменила свой политический статус, стала одним из мировых экономических лидеров (в частности, в металлургической, горнодобывающей отраслях промышленности). Чрезвычайно расширились торговля и предпринимательство, бурно росла промышленность, но в основе их лежал не вольнонаемный труд: хозяева предприятий предпочитали скупать крепостных целыми деревнями (или просить у царя государственных крестьян), чем искать свободную рабочую силу.

То есть параллельно с развитием производительных сил чрезвычайно усилился крепостной строй (в то время как в Европе крепостничество было практически во всех странах отменено) и укрепилось самодержавие. И в этом совершенно отличный от западноевропейских стран путь развития России.

---

[1] Отмена в 1730 г. Указа о единонаследии, Указа о вольности дворянства (1762), Жалованная грамота дворянству (1785).

Итак, XVIII столетие — один из самых важных периодов в отечественной истории. Россия XVIII в. с точки зрения развитых западных стран — отсталая экономически, слабая политически, малокультурная страна на задворках Европы. Через 100 лет мировые лидеры Великобритания[1] и Франция не принимают политических решений без оглядки на могучую Российскую империю, обладающую мощной армией и флотом, который обеспечивает собственная промышленность; в экономическом плане они признают ее конкурентом, а ее культурные достижения поражают и даже вызывают зависть (особенно архитектура и строительство прекрасных дворцов и целого огромного города — Санкт-Петербурга).

Этот несомненный прогресс страны был оценен современниками — главные его деятели — и император Петр I, и императрица Екатерина II — стали называться великими. Символично, что в следующий раз в истории России этот эпитет будет дан реформам — Великим реформам XIX в.

Вопросы для обсуждения

- Обозначьте основные тенденции социально-экономического развития Российской империи в XVIII в.
- Оцените результаты развития экономики Российской империи в XVIII в.
- Какие факторы, с вашей точки зрения, оказывали стимулирующее, а какие тормозящее воздействие на развитие страны?
- Кого из правителей России XVIII в. вы назвали бы наиболее значимым для судьбы страны? Обоснуйте свой ответ.

Литература

1. *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов России второй половины XVII — первой половины XVIII в. — М.: Наука, 1979.
2. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 1785 г., апреля 21 // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. — Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987.
3. История Урала. Т. I / Под ред. И.С. Капцуговича. Пермь, 1976.
4. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001.
5. *Ключевский В.О.* Сочинения Т.Я. IV. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1958.
6. *Лунден И.Л.* Имперский фактор в экономическом развитии России XVIII в. // Вестник Института экономики РАН. 2008. № 2
7. *Мадариага И.* Екатерина Великая и ее эпоха. М., 2002.
8. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России (XVIII — начало XX века). М., 2012.
9. *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. М., 1962.
10. *Сметанин С.И.* История предпринимательства в России: курс лекций. М.: Палеотип; Логос, 2002.

[1] Название с 1707 г.

ЛЕКЦИЯ 6

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ ПЕРЕД ОТМЕНОЙ КРЕПОСТНОГО ПРАВА (1796–1861 гг.)

В.А. Погребинская

Развитие России в первой половине XIX в. противоречиво сочетало черты традиционности и прогресса. Потребности России как великой державы, ее геополитическое положение в мире приходили во все большее противоречие с крепостнической системой организации хозяйства. Эта система не позволяла эффективно использовать потенциальные возможности России, определяемые ее населением и природными ресурсами.

Территория и население

В XIX в. экономические ресурсы России росли в основном за счет увеличения территории и населения. К середине XIX в. территория России достигла 18 млн км^2, а население составило 74 млн человек. Нарастание территории и населения проходило на протяжении всей первой половины XIX в. В результате договора с Персией в 1804–1805 гг. была присоединена территория Азербайджана. В 1809 г. в результате войны со Швецией в состав Российской империи была включена Финляндия. В 1810 г. была присоединена Абхазия. В 1812 г. было включено Царство Польское. По итогам войны с Турцией также в 1812 г. была присоединена Бессарабия, в 1791–1828 гг. в состав России вошли Кабарда, Дагестан, Карачай. В 1828 г. к России были присоединены значительные части Армении (Эриванское и Нахичеванское ханства), а в 1829 г. — Ахалцых и Ахалкалаки, в 1858 г. — Чечня, в 1862–1863 гг. — Черкесия (Адыгей). В первой половине XIX в. был присоединен Казахстан, в 1853 г. — Сахалин, а в 1860 г. по договору с Китаем к России отошел Приамурский край, тогда же был основан Владивосток. Расширялась деятельность Российско-американской компании на Аляске, в это время создавались русские поселения в Калифорнии. Присоединенные территории способствовали

значительному увеличению производства: пшеницы, кукурузы, шерсти, табака, вина.

Численность населения Российской империи на протяжении всего XIX в. систематически росла как за счет естественного прироста, так и за счет вновь присоединенных территорий. Последний процесс значительно обогнал первый. Как следует из табл. 6.1, численность населения России с 1796 по 1858 г. возросла более чем в 2 раза. При этом опережающим темпом росла численность населения на присоединенных за данный период территориях. На этих территориях она увеличилась в 4,3 раза. Возросла доля городского населения с 3,6% в 1796 г. до 5,7% в 1858 г. Преобладали малые города. Их доля в численности городского населения составляла около 85%. Крупнейшими городами были Санкт-Петербург (335,6 тыс. человек в 1811 г.) и Москва (270 тыс. человек в 1811 г.). Численность населения Москвы и Санкт-Петербурга в течение XIX в. систематически росла. Но доля крупных городов в общей численности населения городов оставалась незначительной — около 2%.

Таблица 6.1

Динамика населения России в XIX в.

Год	Все население, в млн человек			В том числе		Крепостные	
	на основной территории	на присоединенной территории	всего	городское в млн человек	в % ко всему населению	в млн человек	в % ко всему населению
1796	29,0	7,0	36,0	1,3	3,6	20,0	55,5
1815	30,5	14,5	45,0	1,7	3,8	20,8	46,2
1851	39,0	29,0	68,0	3,4	5,0	21,7	31,9
1858	44,0	30,0	74,0	4,2	5,7	22,7	30,7

Источник: *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М.: Госполитиздат, 1952. С. 403, 481.

Сословная структура общества

В первой половине XIX в. наблюдаются прогрессивные изменения и в структуре населения: доля крепостных в общей численности населения снижается с 55,5% в 1796 г. до 30,7% в 1858 г. Незначительно меняется и классовая структура. Наряду со старыми классами — феодалов и крестьян робко зарождаются новые классы — буржуазия и пролетариат. Но в целом устройство общества в первой половине XIX в. остается сословным и продолжает традиции екатерининской эпохи. Права и обязанности каждого сословия строго регламентированы и передаются по наследству. Отсутствует социальная мобильность в обществе. Сословная структура представлена привилегированными и непривилегированными сослови-

ями. К привилегированным относятся дворянство — 1% населения и духовенство — 1% населения, к непривилегированным — крестьяне — 87, 4% населения; городские обыватели — 4,6%; казаки — 6%. Наибольшую роль в управлении государством играли **дворяне**, что обеспечивалось их абсолютным преобладанием во владении собственностью на землю. Накануне отмены крепостного права дворянам принадлежало 79,8% всей личной частной собственности на землю в Европейской России, что составляло 73,1 млн десятин, или около 80 млн га в современном измерении. Дворянам принадлежало монопольное право на владение крепостными крестьянами. Они занимали командные должности в государственном аппарате, обладали сословным самоуправлением, освобождались от налогов, рекрутской повинности и телесных наказаний. Другое привилегированное сословие — **духовенство**. Духовенство также обладало правами: владения землей и крепостными; сословным самоуправлением; освобождалось от налогов, рекрутской повинности и телесных наказаний. Наиболее многочисленным было **крестьянское сословие**, не обладавшее привилегиями, но кормившее и защищавшее Россию. Именно крестьяне составляли основу вооруженных сил. Они платили основную массу подушной подати, налогов и сборов, за счет которых содержались армия и флот, строились, новые города, осваивались новые земли. Крестьяне подразделялись на *помещичьих* (владельческих), *государственных посессионных и удельных, принадлежащих царской фамилии*. В 1859 г. общая численность помещичьих (владельческих) крестьян мужского и женского пола составляла около 23 млн человек, государственных — свыше 9,3, удельных — 838 тыс. человек. Крестьяне как собственность дворян обязаны были нести повинности: барщину, оброк и др. Как подданные государства, они несли рекрутскую повинность, платили налоги. Крестьяне обладали правами общинного владения землей и общинного самоуправления. Наряду с общинным владением землей особенностью России подворное землевладение. В этом случае земля принадлежала отдельным домохозяевам, членам общины, и переходила от них по наследству от отца к сыну, не подвергаясь переделам. Кроме крестьян к непривилегированному сословию относились **городские обыватели**. Они делились на шесть групп: почетные граждане, купцы, цеховые, мещане, мелкие собственники и работавшие по найму. Почетные граждане пользовались рядом привилегий, они освобождались от личных повинностей и от телесных наказаний. Купечество делилось на две гильдии: первая — оптовые торговцы; вторая — розничные торговцы. Группу цеховых составляли ремесленники, приписанные к цехам: мастера и подмастерья. Городское население было представлено мещанами, работавшими в основном по найму на фабриках и заводах. Городские обыватели обладали правом заниматься городскими промыслами и мелкой торговлей. У них присутствовало сословное самоуправление. К обязанностям этих обывателей относились рекрутская повинность и уплата налогов.

Казачество как сословие утвердилось ко второй половине XIX в. в связи с созданием девяти казачьих войск: Донского, Черноморского (позднее преобразованное в Кубанское), Терского, Астраханского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Забайкальского и Амурского. В 1837 г. все казаки получали наделы по 30 десятин земли. В 1848 г. земли казачьего дворянства были объявлены потомственной собственностью. Обязанности казачества носили в основном полицейский характер: поимка беглых, конвой казенных транспортов, изымание недоимок; наблюдение за порядком благочинием на ярмарках. Но были и хозяйственные обязанности: развозка, хранение и продажа продовольствия, сбор податей, разные поручения при казенных заготовках. Одной из особенностей социальной структуры населения становится появление к середине XIX в. **интеллигенции** (сам термин был введен писателем П.Д. Боборыкиным в 60-е гг. XIX в.).

Кризис системы крепостничества. Прогресс и традиционность в развитии хозяйства

Кризис системы крепостничества стал ощущаться в России с начала XIX в. Войны 1807–1812 гг., и в особенности война России с Францией, сыграли определяющую роль в ускорении этого процесса. Людские потери, в основном за счет крестьянского населения — основного кормильца России, составили 200 тыс. человек[1]. Континентальная блокада (была введена в 1806 г.) привела к значительному уменьшению экспорта сельскохозяйственной продукции и разорению помещичьего хозяйства. Пострадали также отрасли, работающие на импортном сырье. Восстановление помещичьего хозяйства после войны осуществлялось за счет увеличения барщины и усиления помещичьего гнета на крестьян. Ухудшилось финансовое положение России из-за недоступности займов в Голландии по причине континентальной блокады. Военные расходы привели к финансовому дефициту. С целью пополнения казны были повышены торговые и таможенные сборы, подушная подать, цена на соль. Значительно сократилось промышленное казенное строительство и прекращена выдача кредита для частных предпринимателей. Расшатывало финансовое положение России и хождение фальшивых денег, выпущенных французами.

С другой стороны, результаты войн начала XIX в. привели, как уже указывалось, к увеличению территории и населения Российской империи, создавая условия **экстенсивного пути развития**, т.е. **количественного расширения факторов производства**. Эти войны заканчивались победами. Цена этих побед была велика. По нашим подсчетам, только

[1] История народного хозяйства. Словарь-справочник / под ред. А.Н. Марковой. М.: Экономика, 1992. С. 79.

в 1796–1861 гг. около 25 лет ушло на войны и военные экспедиции. Таким образом, создание дополнительных условий для экстенсивного расширения, использования природных ресурсов и роста национального продукта покупалось «ценой» затрат общественного времени, сопоставимых с «ценой» производства всей продукции данного периода. Возможности экстенсивного развития способствовали оттягиванию решения проблемы крепостничества как тормоза развития системы хозяйства. Но если войны начала века неоднозначно повлияли на кризис крепостнической системы, расшатывая ее и создавая условия для ее существования, то Крымская война (1853–1856) показала полную непригодность феодальной системы России в решении государственных проблем. Отмена крепостного права стала неизбежной. Таким образом, войны играли роль как ускорителя, так и тормоза в разрешении кризиса феодальной системы. Но суть кризиса крепостничества глубже. Она формировалась столкновением объективных потребностей развития хозяйства с устоявшимися традициями управления страной. Сложившиеся институты оказывались способными тормозить новые явления, приспосабливать их к своим интересам. Складывался симбиоз новых явлений и старых форм управления, тормозивших развитие России. А новые явления в хозяйственной жизни России набирали силу в первой половине XIX в.

В этот период ускорился **процесс первоначального накопления капитала**, завершившийся после отмены крепостного права. Наиболее значительными источниками первоначального накопления капитала становятся: накопление феодальной ренты у крупных землевладельцев, накопление денег у купцов от казенных подрядов, средства от винных откупов, доходы от торговли, протекционистская политика, неэквивалентные отношения. Первоначальное накопление капитала использовалось для **промышленного переворота**, суть которого заключалась в переходе от мануфактуры к фабрике, от ручного труда к механизированному, обеспечивающему непрерывность процесса производства, превращение его в воспроизводство.

В отечественной научной литературе существуют различные мнения о времени начала и завершения промышленного переворота. С.Г. Струмилин считал, что промышленный переворот в России завершился еще до отмены крепостного права. П.Г. Рындзюнский предполагал, что переворот происходил в 60–90-е гг. XIX в. Большинство историков относит его начало к 30–40-м гг. XIX в., а завершение — к 80-м гг. XIX в. Критерием начала переворота выдвигается использование парового двигателя.

Переход к процессу промышленного воспроизводства обусловлен как техническими усовершенствованиями, так и социальными сдвигами в обществе. Технические усовершенствования внедрялись медленно из-за отсутствия стимулов. Увеличения производства дешевле было добиться ростом количества труда, чем его производительности. Однако

этот принцип действовал не абсолютно. Геополитическое положение России предопределяло поддержание «**догоняющей модели развития**». Техническое отставание России от передовых стран Европы в первой половине XIX в. нарастало. Поражение в Крымской войне (1853–1856) показало угрожающие масштабы подобного отставания. Завершение промышленного переворота в Великобритании и его развитие во Франции привели к коренному техническому перевооружению их армий в середине XIX в. В 1840–1850-х гг. в европейских армиях активно шел процесс замены устаревших гладкоствольных ружей на новые нарезные: к началу Крымской войны доля нарезных ружей в стрелковом вооружении русской армии не превышала 4–5%, во французской же нарезные ружья составляли около трети стрелкового оружия, а в английской — более половины.

Поражение в Крымской войне стало толчком к коренной перестройке, суть которой заключалась во взаимосвязанных действиях по преодолению технологической и социальной отсталости России. Однако использование подобного толчка было бы невозможно без предварительной подготовки в период, предшествующий отмене крепостного права в России. В технической области данная подготовка выразилась в том, что внедрение техники осуществлялось за счет импорта машин, ценностный объем которого возрос в 80 тыс. руб. в год в начале XIX в. до 8 млн руб. в год к середине века. К 1860-м гг. фабричное производство охватило 56,8% продукции всей обрабатывающей промышленности. Интенсивно развивалась новая отрасль — машиностроение. В сельском хозяйстве в предреформенный период стали использовать паровые двигатели, вводить новые системы полеводства, расширять посевы технических культур. Но прогресс агротехники был незначителен и в основном касался ограниченного круга хозяйств помещиков-энтузиастов. Основной тормоз технического прогресса коренился в отсутствии его стимулов в России. Формирование новых классов — буржуазии и пролетариата, которые на Западе стимулировали прогресс, в России обладало рядом особенностей. Они заключались в следующем. К началу XIX в. около 60% русских наемных рабочих были крепостными, ушедшими в города на заработки денежного оброка помещику (вотчинные работные люди). Предприниматель должен был устанавливать такой уровень зарплаты, который обеспечивал не только восстановление рабочей силы, но и выплаты денежного оброка помещику. Поэтому росли издержки производства для предпринимателя. Предпринимательство на основе крепостного труда было невыгодно. Основным предпринимателем в России в дореформенное время было государство, а основным источником промышленного труда — посессионные крестьяне, т.е. крепостные крестьяне, закрепленные за посессионными мануфактурами. Посессионные крестьяне не могли продаваться отдельно от предприятия.

К середине XIX в. труд посессионных крестьян становится все более невыгодным. Развиваются другие категории тружеников. Среди них наиболее значительная категория — крестьяне-отходники. В первой половине XIX в. рабочий был по существу крестьянином-отходником, сохраняя прочную связь с деревней. Помещик имел право отозвать его в любое время. В сезон сельскохозяйственных работ большинство таких рабочих возвращались в деревню. Начинался отток рабочей силы, что способствовало нестабильности промышленного производства и низкой производительности труда.

Развитие вольнонаемного труда осуществлялось вопреки крепостному праву. Наемные рабочие формировались из работных людей, входивших в сословие городских обывателей, ремесленников, бежавших в город крестьян. Численность наемных рабочих возросла с 55 тыс. в 1770 г. до 565 тыс. человек в 1860-х гг.[1] Преобладание вольнонаемного труда и работа на импортном сырье стали фактором завершения промышленного переворота в хлопчатобумажной промышленности уже к 50-м гг. XIX в. Развитие вольнонаемного труда вопреки крепостному праву предопределило необходимость фабричного закона, регулирующего отношения вольнонаемного рабочего с предпринимателем. Такой закон появился в 1835 г. Данный закон регулировал отношения найма. Рабочий не имел права требовать повышения заработной платы и уходить с предприятия до окончания срока контракта. Предприниматель мог уволить рабочего в случае невыполнения им обязанностей или «дурного поведения» и объявить об увольнении за две недели. Правила соблюдения порядка на фабриках должны были быть **письменно** оформлены и вывешиваться на стене объявлений для всеобщего обозрения. (Не будем забывать, что в это время большинство рабочих были безграмотны.)

К прогрессивным явлениям первой половины XIX в. относится и преимущественный рост купеческих мануфактур, где преобладал вольнонаемный труд. В то же время сокращается число казенных (государственных) и вотчинных (помещичьих) мануфактур в силу низкой производительности крепостного труда, преобладающего в них. Если в 1799 г. вотчинные работные люди составляли 58%, то в 1860 г. 18% от всех занятых в промышленности. Купеческие мануфактуры, в которых преобладал вольнонаемный труд, становятся основой капиталистического уклада в российской промышленности.

Формирование русской буржуазии также обладало значительной спецификой. На Западе буржуазия выросла из третьего сословия, представленного в основном свободными горожанами, которые шаг за шагом отстаивали свои права, превращаясь в независимую от государства по-

[1] История народного хозяйства. Словарь-справочник / Под ред. А.Н. Марковой. С. 82.

литическую силу. В России с XVII в. буржуазия формировалась при прямом участии и поддержке государства. С первой половины XIX в. ряды буржуазии пополнялись за счет купцов и **«капиталистых» крестьян**. Доля крестьян среди промышленников в этот период возрастала. Значительная часть крупных предпринимателей России выросла из крепостных или государственных крестьян (Морозовы, Путиловы, Рябушинские). Миллионные состояния были не редкостью среди «капиталистых» крестьян. Но, несмотря на богатство, они оставались крепостными. Многие помещики предпочитали даже миллионному выкупу ежегодный многотысячный оброк. Зависимость от помещика затрудняла предпринимательскую деятельность. Тесная связь с дворянством отстраняла новых предпринимателей от самостоятельной политики.

И все же вопреки крепостной системе в России шли прогрессивные процессы формирования капиталистического уклада. **Кризис системы крепостничества выражался именно в несоответствии потребностей развития и сложившейся системы организации труда.** Наглядно он проявился в развитии важнейших отраслей хозяйства России.

Кризис в сельском хозяйстве. Положение крестьянства

В конце XVIII — начале XIX в. сельское хозяйство оставалось основной отраслью экономики, в которой было сосредоточено около 90% населения. В первой половине XIX в. развитие сельского хозяйства осуществлялось в основном экстенсивно — за счет расширения распашки новых земель и барщинных работ крестьян. Но экстенсивный фактор полностью не обеспечивал требуемого роста производства сельскохозяйственной продукции. Так, сбор хлебов в период 1800–1860 гг. возрос в 1,4 раза, а население — более чем в 2 раза[1]. Производительность труда в сельском хозяйстве не повышалась из-за отсутствия стимулов крепостного труда. Экономисты первой половины XIX в., современники кризиса крепостного хозяйства, сравнивая результаты труда крестьянина на его участке земли и помещичьей земле, приходили к выводу, что труд крестьянина на себя давал вдвое больший результат, чем труд на помещика[2].

Между тем шел естественный процесс втягивания сельского хозяйства в товарно-денежные отношения. Это определялось: ростом городского населения, потребностями промышленности и армии, а также задачами внешней торговли. Доходы от экспорта хлеба обеспечивали возможности импорта машин. Внутренняя торговля определялась растущей спе-

[1] Рассчитано по: *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX–XX веках. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 19.

[2] См.: Труды вольного экономического общества. Т. LXVI, 1814. С. 150. Цит. по: *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 21.

циализацией районов и ограниченными возможностями натурального хозяйства в условиях нарастания городского населения и непродовольственных потребностей самих дворян. Численность горожан возросла в первой половине XIX в. в 3,2 раза, а численность крепостных крестьян, кормивших Россию, — только в 1,1 раза. В этих условиях помещики, заинтересованные в росте сельскохозяйственной продукции и ее продаже по растущим ценам прибегают к значительному увеличению эксплуатации крестьян за счет барщинных работ. Удельный вес **барщины** среди помещичьих крестьян к середине XIX в. составлял в целом по России около 72%, значительно отличаясь по районам (от 99% в Новороссии до 13% в Астраханской губернии[1]. Суть **барщинной системы** заключалась в том, что вся вотчинная земля разделялась на барскую и крестьянскую, которая отдавалась в надел крестьянам. Обрабатывая ее своим инвентарем, крестьяне получали средства к существованию, необходимый продукт. Прибавочный продукт состоял в обработке ими тем же инвентарем помещичьей земли, продукт труда шел в пользу помещика. Условиями существования барщинной системы были натуральное хозяйство; наделение крестьянина средствами производства; личная зависимость крестьянина от помещика, т.е крепостное право, обеспечивающее внеэкономическое принуждение к труду. Такая система могла поддерживаться рутинным состоянием техники, нуждой крестьян, их неграмотностью и забитостью. В поместьях Черноземной полосы, где барщина была наиболее выгодной, так как приносила помещику наибольший доход в сравнении с другими видами феодальной ренты — натуральным и денежным оброком, она нарастала в течение всей первой половины XIX в. Помещик отождествлял повышение доходности с ростом производительности труда, что совершенно неверно в масштабах страны. Доходность может расти и при снижающейся производительности труда, за счет роста эксплуатации крестьян. Это и происходило в районах господства барщины. Однако рост доходности при снижении производительности труда имеет границы, определяемые состоянием крестьянского хозяйства, его возможностью накормить семью и не умереть с голода. Неурожайные годы, нарастание оброка, сочетающегося с барщиной, вели к разорению крестьянства, отходничеству и соответственно сокращению резервов рабочей силы.

Уменьшение крестьянских наделов за счет барской запашки стало основным фактором снижения производительности труда помещичьих крестьян. Если в конце XVIII в. крестьянские земли составляли две трети, а помещичьи только треть обрабатываемых земель, то в середине XIX в. соотношение стало противоположным.

Расширение барской запашки требовало новых резервов рабочей силы. Поэтому помещики вынуждены были принимать меры для точ-

[1] *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 10.

ного учета наличия рабочей силы в их имениях и регламентации труда крепостных. В частности, вводятся правила, согласно которым крестьянин, достигший 18 лет, немедленно вербуется на барщину, девушки же направляются на барщинные работы с 16 лет. Кроме того, к барщине привлекались и подростки. От барщинных работ не освобождались даже старики и старухи, уже отбывшие срок полной барщины: они переводились на легкие работы. Заинтересованный в расширении воспроизводства рабочей силы, помещик принимал меры для увеличения у себя в имении количества полных тягл (тягло-рабочая единица в составе одного мужчины и одной женщины). С этой целью он стремился как можно раньше переженить своих крепостных; в некоторых имениях периодически выявлялось наличие юношей и девушек известного возраста, и их по наряду господской конторы отправляли в церковь для венчания.

Барщинные работы выполнялись не только на помещичьем поле, но и на господском дворе, а также за его пределами. Крестьяне, в частности, должны были, периодически сменяя друг друга (или, как тогда говорилось, «брат на брата»), работать на вотчинных мануфактурах, например в сукновальных, на сахарных заводах. Наряду с этим в состав барщины входили всякого рода строительные работы, подводная повинность (использование крестьянского труда и крестьянских подвод и лошадей для перевозки продукции помещичьего хозяйства к местам ее потребления или продажи) и т.д. Подводная повинность зимой отнимала у крестьян до 30% всего их рабочего времени. По мере роста товарного производства в помещичьих хозяйствах тяжесть подводной повинности усиливалась.

Барщинные повинности выходили за рамки трех дней и часто крепостным приходилось работать на господском поле целую неделю. Оброки, как и в XVIII в., продолжали стремительно расти. По данным известного историка-экономиста Ф.Я. Полянского, в деревне Черкасове Зубцовского уезда Тверской губернии, за 1801–1823 гг. они увеличились в 3 раза (с 25 до 75 руб. со двора). В 60–70-х гг. XVIII в. крестьяне сельской вотчины Орловых (на территории Самарской Луки) платили оброк по 3 руб. с ревизской души, а перед реформой 1861 г. для Самарской губернии обычным был оброк в 27 руб. 56 коп. Если в семье имелись две ревизские души, то он достигал 55 руб. 12 коп. Правда, происходило обесценение ассигнаций и, следовательно, оброчных платежей. Только в период 1797–1811 гг. курс ассигнаций понизился почти в 3,5 раза. Но все-таки оброки росли еще быстрее, и есть основания утверждать, что их реальная тяжесть за первую половину XIX в. увеличилась в 2–3 раза.

Рост оброка в России был связан с тем, что помещики меняли его размер по своему усмотрению, а не придерживались первоначально назначенной суммы. Поэтому рост цен не повлиял на снижение тяжести оброка, как это было во Франции. Революция цен во Франции привела к разорению

феодалов именно в силу того, что оброк по установленной цене, в условиях их роста, приводил к снижению его реальной тяжести для крестьян.

Следует также отметить и другие изменения в формах и методах эксплуатации крепостного крестьянства. Все больше увеличивалось число дворовых, которые использовались не только для расширения потребления дворян. Дворовые часто работали на огородах, ходили за скотом, занимались ремеслом, перевозили грузы. Перед реформой 1861 г. на положении дворовых оказалось 24% крепостных крестьян Воронежской губернии. С конца XVIII в. и весь период до 1861 г. все большее распространение получала «месячина», при которой крестьяне фактически переводились на положение дворовых, однако использовались круглый год на полевых работах. **Месячина** означала ежемесячную выдачу продовольствия крестьянину, у которого отнимался надел. Такой крестьянин не вел своего хозяйства, а работал только на земле помещика. Обреченность на нищету, фактически рабское существование сводили на нет стимулы производительности труда. Особенно прочно эта система укоренялась в барщинных районах Черноземной полосы. В Тамбовской губернии перед реформой 1861 г. встречались имения, где все крепостные были переведены на месячину. В это время удельный вес дворовых и месячников достигал в Воронежской губернии 62,8%, в Рязанской — 50,8 и в Орловской — 50%.

Кризис крепостного хозяйства сказывался в низкой урожайности и ее фактической стабильности на протяжении многих десятилетий. В 50 губерниях Европейской России средний урожай в 1801–1810 гг. был сам-3,5, а в 1851–1860 гг. — сам-3,6 (сам — соотношение между урожаем и посаженным зерном). Главной причиной было крепостничество, которое отбивало охоту к труду на господском поле и ослабляло крестьянское хозяйство. Неурожаи были обычным явлением, и в отдельных губерниях они наблюдались в 1802, 1805, 1807, 1808, 1811, 1812, 1813, 1820, 1821, 1822, 1823, 1824, 1827, 1833–1846, 1848–1852, 1854 гг. Иногда недород оказывался повсеместным явлением, как это было в 1843–1844 гг. В неурожайные годы нарастал процесс разорения крестьян и обеднения помещиков. Неравномерность этого процесса по России способствовала **социальному расслоению** деревни. Незначительная часть деревенской верхушки — **«капиталистые» крестьяне** — выделялась из общей массы крестьян. Они становились ростовщиками, скупщиками товара, торговцами и предпринимателями. При незначительной численности этой деревенской верхушки ее экономическая роль в деревне нарастала. Экономически «капиталистый» крестьянин был иногда сильнее помещика, которому принадлежал по закону крепостного права. Основой обогащения деревенской верхушки была торгово-ростовщическая деятельность, осуществляемая за счет эксплуатации среднего и беднейшего крестьянства. Деревенская верхушка, как правило, занимала командные посты как в управлении общины, так в управлении вотчиной, что позволяло ей (в качестве старост, приказчи-

ков) использовать и средства внеэкономического принуждения для своего обогащения. Крепостные «капиталистые» крестьяне-предприниматели иногда сами владели крепостными крестьянами, покупая их на имя своих помещиков. Например, фабриканты села Иванова Грачевы, крепостные графов Шереметевых, имели свыше 400 крепостных крестьян и использовали их труд на своих фабриках. Эти новые, по сути капиталистические, явления в крепостной деревне были соединены с феодальными чертами внеэкономического принуждения. Они носили характер «зачаточного, средневекового», «деревенского капитализма» (В.И. Ленин).

Оброчная система, которую помещики использовали для повышения доходности своих имений, особенно в денежной форме, также могла быть фактором развития товарно-денежных отношений и дифференциации крестьянства. **Суть оброчной системы заключается в том, что она создает у крестьянина возможность роста продукта, который остается у него после уплаты оброка.** Тем самым создаются стимулы роста производительности труда и основа дифференциации крестьян, выделения среди них зажиточных. Эта система была распространена в основном в Нечерноземном районе, где развивалась промышленность. Способствуя развитию товарно-денежных отношений, оброчная система в России первой половины XIX в. обладала рядом ограничений. Они заключались в том, что помещики могли менять размер оброка, опираясь на бесправие крестьян, создавая тем самым ситуацию неуверенности среди крестьян в росте прибавочного продукта. Кроме того, чтобы заработать деньги для уплаты оброка, крестьянин должен был наняться на работу, оплата которой была невыгодна предпринимателю, так как должна была включать кроме необходимого продукта и оброк для помещика. Соответственно найти работу, обеспечивающую оплату оброка, было трудно. Оставалась торговая и связанная с ней торгово-ростовщическая деятельность. К осуществлению подобной деятельности были готовы далеко не все крестьяне России.

В конце XVIII — начале XIX в. крепостничество начинает все больше осознаваться обществом и царским правительством как тормоз развития. Первой попыткой ограничения крепостного права становится **манифест о трехдневной барщине**, включающий запрет использования труда крестьян в воскресные и праздничные дни, подписанный Павлом I 5 апреля 1797 г. Его реализация не привела к серьезным изменениям крепостнических отношений в России. Фактически трехдневная норма барщины в царствование Павла I была введена только в тех районах, где ранее она была фактически двухдневной. После гибели Павла I в течение всей первой половины XIX в. закон фактически не действовал. Попытки реанимации этого закона, предпринимаемые в этот период влиятельными общественными деятелями, были безуспешны. Вопрос об усилении контроля над исполнением манифеста о трехдневной барщине так и не был решен, хотя в 1853 г. он был законодательно подтвержден. Отсутствие «обратной связи» между крепост-

ным крестьянством и государственными властями привело к бесполезности крестьянских жалоб на неисполнение манифеста. Крестьяне начали действовать радикальными методами — отказывались выполнять барщинные работы, устраивая вооруженные мятежи. С 1826 по 1861 г. таких мятежей было более тысячи[1]. Ключевые идеи манифеста были реализованы лишь в Дунайских княжествах, Царстве Польском и Правобережной Украине, что составляло 10% помещичьих имений страны.

Первой попыткой ограничения крепостного права при Александре I становится **«Именной указ»** (1801), в соответствии с которым разрешалась покупка незаселенных участков земли. Приобретать землю могли купцы, мещане и государственные крестьяне. Не могли приобретать землю крепостные. Этим указом была запрещена продажа крепостных без земли. Антикрепостническая сущность указа заключалась в том, что официально признавалась возможность нарушения дворянской монополии на землю. После этого указа в степных районах возникли хозяйства помещиков, купцов, колонистов, применявших наемный труд.

Следующий прогрессивный указ **«О свободных хлебопашцах»** (1803) предоставлял крестьянам возможность свободного выхода из крепостной зависимости. Помещикам предлагалось освобождать крестьян обязательно с землей, но надел крестьянин должен был выкупать. Помещику предоставлялась свобода в определении размера выкупа. Крестьяне получили право освобождаться целыми деревнями. Для этого необходимо было заключить специальное соглашение. Но этот указ не нашел широкого применения. За 1803–1825 гг. по нему получили свободу 47,2 тыс. душ мужского пола, что составило менее 0,5% общего числа крепостных. Выкуп достигал 396 руб. ассигнациями. Такая сумма была запредельной для большинства. В 1804 г. был издан указ об ограничении наказаний крестьян помещиками.

Значительным прогрессивным шагом первой четверти XIX в. стала **отмена крепостного права** на Прибалтийских территориях Российской империи: в Эстляндии в 1816 г., в Курляндии и Лифляндии в 1819 г.[2]

---

[1] *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX–XX веках. С. 25

[2] Курляндия, Лифляндия и Эстляндия — это современная Прибалтика.

Лифляндия — немецкое название Ливонии, земли ливов. Ливы — один из коренных и ныне малочисленных народов современной Латвии и южной части Эстонии. Лифляндия располагалась на территории между Рижским заливом и Чудским озером. Столица — Рига. Сегодня это территория Латвии и частично Эстонии.

Курляндия — земля куршей, историческая область западной части Латвии (Курземе). На этой территории испокон веков проживали курши, ливы и земгалы. Территориально Курляндия располагалась от границ Лифляндии до границ современной Литвы. Столица — город Елгава (Митава).

Эстляндия — земля эстов, коренного населения северной части современной Эстонии. Столица — Таллин (Ревель).

До революции в Российской империи были Лифляндская, Курляндская и Эстляндская губернии.

Наиболее эффективный результат на основной территории России приобрела **реформа государственных крестьян, проведенная под руководством П.Д. Киселева в 1837–1841 гг.** По закону государственные крестьяне считались людьми свободными. Свод законов императора Николая I именует их «свободным сельским сословием». Но свободными государственные крестьяне назывались лишь в противоположность несвободным помещичьим крестьянам, а на деле считались такими же крепостными государства, какими помещичьи крестьяне являлись по отношению к своим господам. В XVIII в. именно государственные крестьяне составляли тот фонд, из которого происходили пожалования душами и деревнями тем, кто заслужил милость монархов. В 1801 г. при Александре I пожалования имений прекратились, но они как полная собственность казны по желанию государя перевозились в военные поселения (при Александре I) или в удельные (при Николае I). Государственные (*казенные*) крестьяне жили на государственных землях и платили подати в казну. По данным 1-й ревизии (1719), их насчитывалось в Европейской России и Сибири 1,049 млн душ мужского пола (т.е. 19% всего земледельческого населения страны), по 10-й ревизии (1858) — 9,345 млн (45,2% земледельческого населения). Положение государственных крестьян отличалось от владельческих. Они рассматривались как лица, обладающие юридическими правами. Государственные крестьяне могли выступать в суде, заключать сделки, вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики и заводы. Земля, на которой работали такие крестьяне, считалась государственным владением, но за крестьянами признавалось право пользования. С 1801 г. государственные крестьяне могли покупать и владеть на правах частной собственности «ненаселенными» землями (без крепостных крестьян).

Основная масса государственных крестьян вносила в казну денежный оброк, хотя в некоторых районах применялась и барщина. В 1-й половине XIX в. оброк колебался от 7 руб. 50 коп. до 10 руб. с души в год. По мере увеличения повинностей удельных и помещичьих крестьян денежная рента государственных крестьян становилась относительно меньше, чем повинности других категорий крестьян, хотя абсолютно росла. Государственные крестьяне были также обязаны вносить деньги на земские нужды; они платили подушную подать и отбывали натуральные повинности (дорожную, подводную, постойную и др.). За исправное несение повинностей государственные крестьяне отвечали круговой порукой. Потребность в реформе государственных крестьян была связана с тем, что процесс дифференциации в среде государственных крестьян, в силу их большей возможности включаться в товарно-денежные отношения, нарастал. Это приводило к обогащению незначительной части государственных крестьян при нарастающей доле бедняков. Государственные крестьяне активно включались в различные бунты. («Холер-

ные» — 1830–1831 гг., «Картофельный» — 1834 г.). Кроме того, пожалуй, основной причиной было то, что потребность в реформировании в целом крепостнической системы нарастала. Основным препятствием для нее было положение дворян как господствующего класса, существующего за счет дарового труда крестьян. Боязнь правительства нарушить привилегированное положение дворян привела к выбору для реформирования крестьян, принадлежащих государству.

Для осуществления реформы государственных крестьян в 1837–1838 гг. было создано **министерство государственных имуществ**, руководителем которого был назначен граф П.Д. Киселев. Суть реформы Киселева сводилась к установлению попечительства над государственными крестьянами. Были расширены крестьянские наделы, разрешалась аренда ими государственных земель, организован сельский кредит, облегчены условия переселения в восточные губернии. В арендных имениях отменялась барщина, и крестьяне переводились на денежный оброк. У зажиточных крестьян стало больше возможностей для покупки земли и коммерческой деятельности, у бедных — для ухода из деревни и работы по найму. Согласно земельному кадастру (1855) оброчная подать с души перекладывалась на землю с учетом ее доходности. В 1858 г. государственные крестьяне имели на правах собственности уже более 1 млн десятин земли. Таким образом, реформа способствовала капиталистическому развитию деревни. Была изменена система управления крестьянами: вводились специальные губернские казенные палаты, которым подчинялись округа, состоявшие из нескольких уездов. Казенные палаты вводили в действие новую систему налоговых сборов для учета доходности крестьянского хозяйства. Они же пытались внедрить волостное и сельское самоуправление, специальный суд для решения относительно незначительных нарушений в поведении крестьян. Осуществление этих мероприятий продолжилось в результате реформ 60–70-х гг. XIX в.

Пытаясь улучшить быт государственных крестьян, во многих сельских округах правительство открывало больницы и школы. Для борьбы с малоземельем была предпринята попытка переселенческой политики. Крестьянским общинам, переезжающим в другие районы страны, давалось небольшое денежное возмещение. Но этим почти никто не воспользовался из-за нежелания уезжать в незнакомые места. Для повышения доходов с имеющейся земли членов сельской общины государственные чиновники учили передовым способам земледелия, к которым крестьяне относились с недоверием. Административные меры применялись и для широкого внедрения картофеля для борьбы с голодом. В частности, у крестьян изымали земли, заставляя сажать на них картофель. При этом урожай конфисковывали и перераспределяли по своему усмотрению по районам чиновники. Земли под картофелем получили название общественной запашки. Крестьянская община поняла это как введение

государственной барщины. В ответ по государственным деревням прокатилась волна бунтов.

К реформе Киселева с большим недоверием относились прежде всего помещики. Они опасались, что улучшение положения государственных крестьян приведет к желанию перехода их крепостных в разряд государственных. Возмущали их и дальнейшие планы, высказываемые Киселевым по личному освобождению крестьян от крепостной зависимости и наделению их земельными участками. Неприятие вызывало и предложение точного определения размеров оброка и барщины. Реформа государственной деревни Киселевым признавалась большей частью помещиков вредной.

Оценивая реформу Киселева, следует признать ее наиболее значительной попыткой решить крестьянский вопрос в первой половине XIX в., а также подготовкой почвы для последующей отмены крепостного права.

Существовали и другие попытки. Указ 2 (14) апреля 1842 г. разрешал крепостным крестьянам переходить в разряд обязанных. Обязанные крестьяне — это бывшие крепостные, перешедшие на договорные отношения с помещиками. Указ стал результатом работы секретного комитета, учрежденного 10 ноября 1839 г. для определения условий освобождения крестьян независимо от указа о вольных хлебопашцах. По соглашению помещиков с крестьянами, утверждавшемуся правительством, крестьяне приобретали личную свободу. За помещиками сохранялось право вотчинной полиции. Земля оставалась в собственности помещика, предоставлявшего крестьянам надел за «соразмерный» оброк или барщину. Ограничения власти помещиков не предусматривалось. Заключение подобных договоров не было обязательным для помещиков. Указ 1842 г. существенного значения не имел: из 10 млн крепостных до 1855 г. в обязанные крестьяне было переведено 24 708 душ мужского пола.

Проведенная в 1844–1848 гг. **инвентарная реформа была направлена на** выяснение границ, состава и состояния помещичьих имений в девяти западных губерниях, в соответствии с которыми устанавливались размеры наделов и повинностей крестьян. Таким образом, царское правительство пыталось ослабить обезземеливание крестьян и помешать влиянию польских помещиков, притеснявших православных крестьян.

В 20–30-е гг. XIX в. проводилось реформирование быта и удельных крестьян, принадлежавших царской фамилии. Эти крестьяне заменили категорию дворцовых крестьян, согласно указу Павла I от 1797 г. В начале 50-х гг. XIX в. они составляли 6,5% всего крестьянского населения — 838 тыс. человек. Удельные крестьяне платили государственную подушную подать и подушной оброк в удельную казну (в пользу царской семьи). В 30-е гг. XIX в. подушной оброк был заменен поземельным обложением. В 20–30-е XIX в. в удельной деревне проводились реформы, призванные повысить производительность труда крестьян. С этой целью

были введены общественная запашка для формирования общественных запасов в случае неурожаев и хлебные магазины. Создавались образцовые усадьбы, сельские банки. Вводилось медицинское и ветеринарное обслуживание, появлялись аптеки, страхование жилых и хозяйственных построек. Специальные удельные конторы занимались распространением улучшенных семян и пород скота, орудий труда. Удельные крестьяне широко включались в торговлю и развитие промыслов. Отмена крепостного права среди удельных крестьян прошла в два этапа. В 1858 г. они были уравнены в правах с государственными крестьянами. Указом от 20 июня 1858 г. был отменен ряд ограничений для удельных крестьян: ограничения права приобретения земель, права пользования лесами, права отчуждения купленных ими земель. По этому указу было разрешено удельным крестьянам лично ходатайствовать в судебных и правительственных местах; заключать договоры и совершать духовные завещания, переходить в другие сословия. Следующий этап отразился в «Положении 26 июня 1863 г.», по которому в течение последующих двух лет составлялись уставные грамоты и определялись выкупные платежи. Окончательное размежевание удельных и крестьянских земель было закончено только в 1904 г.

Таким образом, все сколько-нибудь удачные попытки решения аграрного вопроса касались не владельческих (помещичьих) крестьян, которых было большинство (около 70%), а государственных и удельных. Но и эти попытки приводили к сопротивлению большинства дворянства, которое имело возможность существовать за счет доходов от дарового труда даже в условиях его падающей производительности. Однако не только идеи гуманизма, но и понимание ограничений в росте доходности в условиях падающей производительности, а также разорение помещиков, не умеющих включиться в естественный ход развития товарно-денежных отношений, вели к тому, что из среды дворянства формировались его лучшие представители, отстаивающие идею отмены крепостного права. Эти люди видели не только современные им трудности отмены крепостного права, но и отдаленные прогрессивные последствия для будущего России.

Развитие промышленности и изменение ее структуры

К середине XIX в. в развитии промышленности происходят значительные перемены. Рост числа промышленных предприятий от 2 тыс. в 1799 г. до 150 тыс. к 1860 г. осуществляется за счет преимущественного роста купеческих мануфактур, где преобладал вольнонаемный труд. В то же время сокращается число казенных и вотчинных (помещичьих) мануфактур в силу низкой производительности крепостного труда, преобладающего в них. Если в 1799 г. вотчинные работные люди составляли 58%,

то в 1860 г. — лишь 18% от всех занятых в промышленности. Купеческие мануфактуры, в которых преобладал вольнонаемный труд, становятся основой капиталистического уклада в российской промышленности.

Как уже указывалось, с 1830-х гг., позднее, чем в Западной Европе, в России начинается промышленный переворот: в мануфактурах ручной труд постепенно заменяется машинным (паровой двигатель, ткацкий станок и др.), складывается фабричное производство. Этот процесс успешно развивается на купеческих предприятиях легкой промышленности (хлопчатобумажной, текстильной, пищевой, бумагоделательной). В них преобладают новые формы организации и управления промышленности, за счет которых эти предприятия становятся рентабельными в сравнении с крепостнической мануфактурой. В то же время казенные металлургические заводы Урала вступают в полосу застоя. В связи с этим в 1840 г. был издан указ Николая I, предусматривавший даже постепенную ликвидацию казенных мануфактур, основанных на подневольном труде приписанных к ним крепостных. Однако данный указ не привел к быстрому изменению ситуации.

В первой половине XIX в. в России начинают формироваться отрасли машиностроительной и химической промышленности. Но в целом в организации производства преобладает мелкотоварная кустарная промышленность, которая сосредоточена в деревне. Прогрессивные сдвиги в организации труда осуществляются неравномерно. На основе применения вольнонаемного труда и концентрации производства развиваются новые промышленные районы — Центральный (Московский), Северо-Западный (Петербургско-Прибалтийский) и Южный (Харьковский). В то же время стремительно падает значение Урала как района с преобладанием крепостного труда в промышленности.

В то же время происходят и значительные сдвиги в структуре промышленного производства. Преимущественным темпом развивается **хлопчатобумажная промышленность**, раньше других вступившая на путь промышленного переворота и работавшая на привозном сырье. Крупные бумаго-прядильные фабрики возникли в Иванове, Вознесенске, Москве, Петербурге, на базе купеческой мануфактуры. Рост производства продукции за период 1800–1860 гг. составил в хлопчатобумажной промышленности 40 раз, численность занятых возросла в 17 раз, число предприятий — в 5 раз. Еще до падения крепостного права отрасль развивалась только за счет вольнонаемного труда. Промышленный переворот в хлопчатобумажной промышленности завершился в начале в хлопкопрядении (50-е гг. XIX в.), затем хлопкоткацком производстве (60–70-е гг. XIX в.). Заработная плата в хлопчатобумажной промышленности в начале XIX в. была выше, чем в других отраслях, но на протяжении первой половины XIX в. систематически снижалась. Причинами этого стали поток вольнонаемного труда в эту отрасль, потеря монопольного положения крупных фабрик

и снижение их прибылей. Разница между заработной платой в хлопчатобумажной и других отраслях промышленности стала сглаживаться. По данным, приведенным М.И. Туган-Барановским в книге «Русская фабрика в прошлом и настоящем», заработная плата ткача на Ивановской фабрике снизилась с 6 руб. в месяц в 1810 г. до 3,00–3,50 руб. в 1860 г. при росте цены на пуд ржаной муки с 0,14–0,19 руб. до 0,60–0,65 руб., т.е. реальная заработная плата снизилась более чем в 6 раз.

Из отраслей легкой промышленности следующая за хлопчатобумажной по темпам роста была **шерстяная промышленность**. Факторы ее роста были несколько иные, чем в хлопчатобумажной промышленности. По своему характеру эта отрасль была «помещичьей», она размещалась в основном в поместьях провинциальных губерний. В 10–20-е гг. XIX в. шерстяная промышленность в основном работала на казенные потребности, полностью их удовлетворяя. В 20–30-х гг. XIX в. начинается постепенное переключение на рыночный сбыт, в связи с чем меняется ассортимент производства тканей, нарастает производство **камвольных тканей**. Производством данных тканей на сбыт занимались в основном купцы. Фабрики по производству пряжи возникают в 60-е гг. XIX в. До этого она изготавливается в основном на купеческой мануфактуре. Вначале своего существования шерстяная промышленность работала в основном на крепостном труде, в 1804 г. наемные рабочие составляли лишь 10% занятых в шерстяной промышленности. Но уже к середине XIX в. вольнонаемный труд составлял в шерстяной промышленности около 60%. Рост отрасли промышленности в период 1800–1860 гг. характеризуется нарастанием: числа занятых в 4 раза, количества заведений в 4,9 раза, производства тканей в 12 раз.

К наиболее бурно развивающимся отраслям пищевой промышленности в первой половине XIX в. относится **сахарная**. В 1802 г. был основан первый свеклосахарный завод. До этого времени работали рафинадные заводы (первый основан в 1720 г.), которые перерабатывали импортный гавайский песок в рафинад. Ограничение импорта ввиду континентальной блокады способствовало переходу на отечественное сырье — сахарную свеклу. Это привело к перемещению сахарной промышленности на Украину, где эта культура произрастала. Увеличение площадей под посадку сахарной свеклы предопределяло и увеличение объемов труда. На Украине возможности вольнонаемного труда были ограничены, поэтому развитие сахарной промышленности опиралось на рост крепостного труда. В этом проявилась особенность сахарной промышленности. Если в 1812 г. крепостные составляли 6,5% занятых в сахарной промышленности, то к середине XIX в. — свыше 60%. В этой отрасли крепостной труд не стал препятствием технического прогресса, так как выгоды от его реализации были значительно выше экстенсивного расширения объемов труда, который в конкретных условиях Украины

был ограничен. (Возможности расширения крепостного труда к середине XIX в. были исчерпаны, а для вольнонаемного не было условий.) Осуществляется переход на «паровые заводы», т.е. заводы, где применялся гидравлический паровой пресс и закрытые аппараты, вместо выварки сахара на прямом огне. К 1860 г. «паровые» заводы вырабатывали 85% продукции. Нарастающее производство сахара позволило значительно уменьшить его импорт. Развитию сахарной промышленности способствовали высокие пошлины на ввозной сахар. К середине XIX в. в сахарную промышленность начинают вкладывать капиталы крупные помещики юго-запада России (граф Бобринский, Потоцкий), а также первые украинские буржуа (Яхненко, Симиренко). Именно они сумели добиться монопольного положения на внутреннем рынке и учредили первый в России привилегированный сословно-монополистический орган — «комитет сахарозавозчиков» (1834).

Таким образом, высокие темпы роста в отраслях легкой и пищевой промышленности достигались в первой половине XIX в. за счет как вольнонаемного, так и крепостного труда. На Украине, где рост производства сахара осуществлялся за счет увеличения крепостного труда, потребность в его отмене вызывала особое сопротивление фабрикантов.

Что касается отраслей тяжелой промышленности, то темпы их развития были ниже, чем легкой и пищевой, но во много раз отставали от темпов роста аналогичных отраслей в Великобритании, которая в XIX в. становится передовой промышленной державой. Среди отраслей тяжелой промышленности наибольшие трудности переживала **черная металлургия**.

Если в самом начале XIX в. Россия занимала 1-е место в мире по производству черных металлов, то к середине столетия оказалась отодвинутой на 8-е место. Хотя производство черных металлов в первой половине XIX в. в России продолжало расти: в 1800–1810 гг. среднегодовое производство чугуна составляло свыше 7,8 млн пудов, железа — около 5,5 млн пудов, в 1831–1840 гг. соответственно свыше 9,4 млн и 5,8 млн, в 1858–1860 гг. свыше 14,8 млн и около 10 млн), в Англии — основном конкуренте России — оно росло значительно быстрее. Так, с начала XIX в. до 1861 г. производство чугуна в России удвоилось, а в Великобритании за этот же период оно увеличилось в 24 раза. Хотя в первой половине XIX в. и вводились технические усовершенствования в черной металлургии (введение горячего дутья в доменном процессе; переход от кричного способа получения железа к пудлингованию — впервые в 1836 г.; первые опыты плавки на коксе; введение прокатных станов вместо отковки молотами; введение плющальных и разрезных машин), но в целом отрасль оставалась технически отсталой. Главный центр черной металлургии России — Урал вступает с начала XIX в. в полосу застоя. Если в XVIII в. крепостной труд стал основой процветания Урала, то к началу XIX в. он стал основным тормозом развития. При этом на долю

Урала приходилось 4/5 от общероссийского выпуска металла. Причины отставания Урала коренились в отсутствии стимулов совершенствования производства. Как в XIX в., так и в первой половине XIX в. уральские заводы оставались оснащенными техникой мануфактурного типа, держались на использовании крепостного труда, были организованы, подобно помещичьим хозяйствам, по вотчинному принципу. Этот принцип стал основой так называемой **горноокружной системы** организации промышленности Урала. Суть этой системы в том, что она игнорирует принцип разделения труда. Напротив, каждый округ является многоотраслевым, самодостаточным, практически натуральным хозяйством. Рабочие заводов при этой системе сохраняли прочную связь с крестьянским бытом, имея собственный дом, огород, хозяйство. Сам «завод» совмещал как тип поселения одновременно черты города и деревни. Этим уральский промышленный регион отличался от Великобритании, других европейских стран и даже центральных промышленных областей России, где в первой половине XIX в. стали использовать наемный, а не крепостной труд. Попытки правительства смягчить влияние принудительного труда на его результаты не дало ожидаемых результатов. Так, в 1807 г. был ликвидирован институт **приписных** крестьян (в начале XIX в. на Урале было 85,8 тыс. мастеровых и 252 тыс. приписных крестьян). Из их числа выделены так называемые непременные работники (для постоянного выполнения заводских работ) — по 58 человек от 1 тыс. приписных для частных заводов и в необходимом числе для казенных заводов (всего 18 тыс. человек), остальные приписные освобождены от повинности по обслуживанию заводов. Но постоянная нехватка рабочей силы заставляла правительственные органы вводить порядки еще более жесткие, чем крепостные. Так, в 1826 г. учреждена должность главного начальника горных заводов Уральского хребта, который не подчинялся военным и гражданским губернаторам. В 1834 г. горное ведомство получило права военной организации. В казенных горнозаводских округах заводские люди были приравнены к солдатам, подчинялись военной дисциплине, подлежали военному суду. Эта законодательная регламентация распространялась и на посессионные округа, а хозяевам владельческих предприятий рекомендовалось устанавливать у себя порядки, близкие к казенным. Горный устав 1857 г. подтвердил нераздельность заводов и горнозаводского землевладения, недробимость горнозаводских округов при передаче их по наследству или в случае продажи. Техническое отставание черной металлургии Урала на фоне стремительного развития Великобритании привело к неконкурентоспособности этой отрасли на мировом рынке. Цены на металл были значительно выше английских. В связи с этим падал экспорт металла. Если в начале 1800-х гг. экспорт российского металла составлял 1/3 выпускаемой продукции, в середине 1830-х гг. — 1/5, то в конце 1850-х гг. — лишь 7%. Невозможность потре-

бить на внутрироссийском рынке весь выплавленный в России черный металл из-за неразвитости машиностроения становится антистимулом роста производства и его технического совершенствования. В этом же направлении действовал фактор обилия незаселенной земли, эксплуатация которой была значительно выгодней, чем промышленное предпринимательство. С 1801 г. государственные крестьяне получили право покупки таких земель (без крепостных), которое они использовали как удачную альтернативу устройства на уральские заводы в качестве вольнонаемных рабочих с мизерной платой. **Цветная металлургия** первой половины XIX в. была представлена заводами Урала и Сибири. Единственной отраслью, в которой преобладал вольнонаемный труд, была добыча золота. Добыча золота производилась из россыпных месторождений. С 1802 по 1813 г. было добыто 2,8 т золота, с 1821 по 1830 г. — 33,7 т. В 1830 г. Россия вышла на первое место в мире по добыче золота и продержалась на нем до 1860 г. Что касается добычи меди, платины и других цветных металлов, то по статистике, приводимой крупнейшим специалистом по экономической истории П.И. Лященко, она была незначительной.

Машиностроение в предреформенный период переживало стадию вызревания предпосылок. В 1850 г., спустя полстолетия после основания первого частного машиностроительного завода Берда, в России действовало только 26 частных механических заводов с 1475 рабочими и годовым производством в 424 тыс. руб. В то же время импорт машин превышал размер их внутреннего производства более чем в 3 раза, исчисляясь в 1846–1850 гг. в среднем в 1,7 млн руб. и в 1851–1855 гг.— в 2,1 млн руб. в год. Ведущей отраслью машиностроения в России, получившей наиболее заметное развитие, было в тот период производство паровых машин. Однако большая часть применявшихся на русских фабриках паровых машин все же импортировалась из-за границы. В производстве машин для текстильной промышленности велика была роль Александровской мануфактуры в Петербурге, способствовавшей внедрению механического прядения хлопка в России и созданию русского текстильного машиностроения. В дореформенной России начали производиться также сельскохозяйственные орудия. Так, в 1802 г. Вильсон устроил в Москве мастерскую для производства молотильных машин, но фактически это предприятие окрепло только к концу 1850-х гг. Строго говоря, зачинателем русского сельскохозяйственного машиностроения следовало бы считать помещика Медынского уезда Г. Махова, который в 1809 г. организовал производство молотилок. Но предприятие Махова не получило развития. Одним из первых заводов сельскохозяйственного машиностроения в России стал завод братьев Бутеноп, основанный в Москве в 1831 г. Этот завод производил молотилки, веялки, соломорезки, маслобойки, а также пожарные машины. В дореформенное время возник еще ряд предприятий сельскохозяйственного машиностроения. К 1862 г. их насчитывалось около 60.

Показательно возникновение таких заводов главным образом на основе казенных предприятий, вызванных к жизни требованиями армии и флота. Характерно также постепенное развертывание первоначально небольших мастерских в крупные заводы. В качестве специфической черты дореформенного машиностроения необходимо отметить и резко выраженную неравномерность его географического размещения. Эта неравномерность, как известно, была унаследована и позднейшим периодом капиталистического машиностроения России.

При отмеченном выше уровне машиностроения Россию застигла Крымская война (1853–1856). Эта война показала всему миру глубину отсталости России того времени. Англия, Франция, Сардинское королевство, воевавшие вместе с Турцией против николаевской России, имели развитую промышленность, обладали мощным для того времени вооружением и паровым флотом, который мог без перебоев снабжать их экспедиционную армию. Россия же имела очень слабо развитую промышленность, располагала только парусным флотом и весьма примитивным внутренним транспортом. Судовых паровых машин даже в русском военном флоте было очень мало; к началу войны в нем было всего 446 военных судов разного наименования; из них паровых только 65 (причем $^2/_3$ последних были построены в Англии). Россия почти не имела железных дорог и должна была снабжать свою армию сухопутным путем на волах при удаленности фронта на 1000–1500 верст от баз снабжения.

Уже во время этой войны правительство пыталось хоть отчасти наверстать упущенное в развитии техники. Начали спешно строить паровые машины для военного флота даже и в таких мастерских, которые до того времени занимались только изготовлением металлических зонтиков для подъездов, чугунных крестов и решеток для могил. В мастерских, где до того времени занимались только высечкой на камне надгробных памятников, начали делать паровые котлы для машин высокого давления. Такое строительство, которое велось без надлежащей подготовки на базе неприспособленных для этого дела заводов и мастерских, конечно, не могло дать существенных результатов.

Тем не менее русские заводы за 14 месяцев построили для флота 103 паровые машины мощностью 15 тыс. л. с., в том числе 75 машин от 80 до 100 л. с., 6 машин мощностью 120 л. с. и 14 — в 250 л. с. Кроме того, на тех же заводах по прежним заказам строились шесть корабельных машин в 450, 500 и 700 л. с. и две фрегатные машины мощностью в 360 л. с.

Эти усилия, конечно, не могли решить судьбу войны, но они показали, что русское машиностроение уже появилось. Об этом свидетельствовал начавшийся рост применения машин, а также их производства.

Развитие машиностроения, как и в целом промышленности России, тормозилось ограничением рынка свободного труда и капитала, как следствия крепостничества. В то же время в рассматриваемый период

нарастает доля вольнонаемных рабочих. Источником их формирования стали неимущие горожане, государственные крестьяне и крепостные, уходившие на заработки с разрешения своих господ. К 1860 г. 4/5 рабочих составляли вольнонаемные. Наибольшая часть вольнонаемных рабочих в общей численности занятых в отрасли наблюдалась в хлопчатобумажной промышленности, наименьшая — в черной металлургии Урала. Крепостническая система ограничивала также возможности накопления капитала, связанные с применением вольнонаемного труда и его большей, по сравнению с крепостным трудом производительностью. В этих условиях нарастает значение государства как основного предпринимателя и инициатора развития капиталистического уклада. Хотя существуют и иные, частные источники накопления капитала и развития капиталистического уклада, но они в основном связаны с государством.

Торговля и первоначальное накопление капитала

В рассматриваемый период, как и в XVIII в., торговля остается главной отраслью формирования крупных капиталов. Динамика торговли в первой половине XIX в. определялась как естественным ходом разделения труда и специализацией районов, так и внешнеэкономическими условиями и политикой государства. Губернии с неплодородной почвой — северные и центральные — специализировались на промышленности и нуждались в завозе зерна и скота, которыми обладали черноземные районы. Товаризация помещичьего хозяйства вела к расширению использования рынка для реализации продукции и покупки несельскохозяйственной продукции и предметов роскоши. В течение всей первой половины XIX в. оборот внутренней торговли нарастал. Для 20-х гг. XIX в. статистик Арсеньев исчислял внутренний товарооборот в 900 млн руб., а для 1831 г. Зябловский повышал эту цифру до 1378 млн руб. В условиях столь интенсивного развития торговли в нее втягивалось как крестьянское, так и помещичье хозяйства. Сами помещики начинали отправлять на рынок продукцию оброчного происхождения и часть урожая своих имений. Наблюдалось расширение господской **запашки для рыночной реализации зерна**.

Широкий размах получило винокурение. В 1859 г. число заводов достигло 4624, а их продукция — 60 млн ведер (сорокаградусной водки). По сравнению с 1825 г. выкурено было в 5 раз больше. Винокурение оставалось дворянской монополией. В южных и юго-западных губерниях увеличивались посевы свеклы, переработка которой давала помещикам товарную продукцию. Выработка сахара достигла 1,2 млн пудов. Обычно и эти заводы принадлежали дворянам. В помещичьих имениях расширялось овцеводство. В 1837–1850 гг. число тонкорунных овец увеличилось с 3 до 8 млн голов. Начался массовый экспорт шерсти за границу.

В середине XIX в. он исчислялся в 700 тыс. пудов, хотя в 1800–1814 гг. не превышал 20 тыс. пудов. Правда, овцеводство развивалось и в крестьянском хозяйстве. Лен оставался в основном крестьянской культурой. Однако помещики присваивали его в виде оброка и затем использовали как сырье на своих мануфактурах или сбывали на рынок. Обычный лен даже попадал за границу. Если в 1821–1825 гг. экспорт льна из России равнялся 1,7 млн пудов, то 1856–1860 гг. — 4 млн пудов.

Развитие торговли оказало сильное влияние на феодальное поместье. Однако его экономическая природа оставалась прежней. Дворяне торговали оброчным хлебом, льном или продукцией барщинного труда.

Огромный размах получила ярмарочная торговля. К 1850 г. в России насчитывалось около 4300 ярмарок, на которые доставлялось товаров на 234 млн руб. и сбывалось на 138 млн руб. Наибольшее значение имела Макарьевская ярмарка, перенесенная с 1817 г. в Нижний Новгород. Сбыт товаров на ней в 1824 г. не превышал 40,5 млн руб., а в 1838 г. достиг уже 129,2 млн. Доминирующее значение по-прежнему принадлежало хлебной торговле. Нижегородская ярмарка в 20-х гг. XIX в. по своим оборотам являлась одной из первых в мире. В Нижний Новгород приезжали купцы из многих стран Востока и Запада, за что эту ярмарку называли «меновым двором» Европы с Азией. В то же время Нижегородская ярмарка была и всероссийским торжищем, где встречались купцы со всех концов России, Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа. Купцы из Европы продавали на ярмарке: сукна, бумажные и шелковые ткани, льняные и пеньковые изделия, краски, москательные товары, кофе, красное и сандаловое дерево, разные напитки, кораллы, часы, серебряные и галантерейные изделия, косметические товары, стальные изделия, различные инструменты, модные уборы. Покупали же они здесь хлеб, сельскохозяйственное и техническое сырье — лен, пенька, конопля, кожи, щетина. Нижегородская ярмарка в первой половине XIX в. являлась основным поставщиком сельскохозяйственного сырья для западноевропейских и отечественных текстильных фабрик. На втором месте после Нижегородской ярмарки была Ирбитская ярмарка в Пермской губернии, учрежденная в 1643 г. Здесь происходили крупные торговые сделки с иностранными купцами. Особый характер приобрела киевская контрактовая ярмарка, возникшая в начале XIX в. На ней раньше, чем на других крупных ярмарках, стали заключаться сделки (контракты) на оптовую куплю и продажу сахара, хлеба, металлов, угля. Тогда зародилось специальное ярмарочное законодательство, создавались ярмарочные комитеты для руководства торговлей на крупных ярмарках. В течение первой половины XIX в. статус общероссийской ярмарки менялся. Торговля сельскохозяйственными товарами уступала место сбыту промышленных изделий. Ярмарка приобрела характер общероссийского торгового центра, на который съезжались купцы для заключения выгодных сделок. Поставка товаров происходила

непосредственно к заказчику после заключения контракта. Современник Нижегородской ярмарки и известный экономист XIX в. В.П. Безобразов характеризует торги как биржу, на которую съезжались торговцы без всякого товара, лишь для расчетов. К середине XIX в. общероссийская ярмарочная торговля превратилась в способ поиска деловых партнеров и заключения выгодных сделок. Развивалась оптовая торговля.

В 1800–1861 гг. произошли значительные изменения и во **внешней торговле**. В этот период импорт рос быстрее экспорта. Если в 1801–1805 гг. экспорт равнялся 75,1 млн руб. (среднегодовая цифра за пятилетие), то в 1856–1860 гг. — 225,5 млн. Среднегодовой импорт за это время увеличился с 52,7 млн до 205,8 млн руб. Таким образом, экспорт увеличился в 3 раза, а импорт — почти в 4 раза. При этом торговый баланс, как и в XVIII в., оставался, за исключением 1820–1821 гг., активным. Золото и серебро устремлялись в Россию. Но дворяне тратили деньги за границей. Поэтому перед реформой 1861 г. через европейскую границу вывозилось больше благородных металлов, чем ввозилось. Это ухудшало платежный баланс страны.

В структуре экспорта происходили важные изменения. **Вывоз хлеба быстро увеличивался**. За первое пятилетие XIX в. (1801–1805) среднегодовой вывоз хлеба (включая пшеницу, рожь, ячмень, овес) не превышал 19,8 млн пудов, а в 1856–1860 гг. он равнялся 69,2 млн пудов. Объем его вырос почти в 3,5 раза. Удельный вес хлеба в экспорте повысился с 20,2 до 35,1%, между тем как доля пеньки упала с 17,5 до 4,9%, сала — с 14,7 до 9,2%, льняных и пеньковых изделий — с 5,8 до 0,8%, металлов (кроме благородных) — с 5,5 до 1,5%. Правда, увеличилось значение вывоза ситца как готового продукта промышленности. Но все же роль промышленного экспорта в первой половине XIX в. по сравнению с XVIII в. уменьшилась. В этом сильно сказывалось отставание промышленности крепостной России. Преобладал вывоз сельскохозяйственных продуктов. Зато в импорте произошли такие сдвиги, которые отражали успехи русской промышленности. Доля сахара и тканей сильно уменьшилась. То же самое нужно сказать относительно хлопчатобумажной пряжи. Зато сильно увеличился импорт хлопка-сырца, который оказался на первом месте. На втором месте стояли красители, далее — машины и аппараты, а после них — вино, сахар, чай и т.д. **Импортные товары приобрели большое значение для промышленности.** На развитие внешней торговли значительное влияние оказали многочисленные войны начала XIX в. По условиям Тильзитского мира (1807) Россия присоединилась к континентальной блокаде, которая просуществовала до 1810 г., когда было принято «Положение о внешней торговле», разрешающее ввоз английских товаров на нейтральных судах. По этому положению импорт многих товаров запрещался, в частности предметов роскоши, поступавших из Франции, что обострило отношения с ней России. В 1816 г. был введен новый тариф, в котором было

уменьшено число товаров, запрещенных ввозить в Россию. В 1819 г. вводится общий тариф для России и Польши, разрешавший импортировать почти все ранее запрещенные товары и снизивший таможенные пошлины. Этот либеральный тариф способствовал росту импорта товаров (в 1820 г. было ввезено товаров на 245 млн руб. вместо 177 млн в предыдущем году. Результатом этой политики стал пассивный торговый баланс России в 1820–1821 гг.). Этот тариф неблагоприятно отразился на развитии промышленности России. Очень скоро обнаружилось, что иностранные правительства не выполняют решения Венского конгресса о введении системы свободной торговли, которая могла бы благоприятствовать российскому экспорту. Во Франции был введен резко запретительный тариф, установлена подвижная шкала для хлебных пошлин, невыгодная для России. Пруссия повысила пошлины на ввозимое из России сырье. Данные обстоятельства ухудшили финансовое положение России, и в 1822 г. вводится строго запретительный тариф, по которому был прекращен ввоз в Россию свыше 3 тыс. товаров, производимых в России. Протекционистская политика сохранялась до 50-х гг. XIX в., хотя ее направления подвергались изменениям в направлении частичной отмены запретительных статей, но повышения пошлин импортируемых товаров для роста таможенных доходов. Тариф 1857 г. носил уже явно фритредерский характер. Министр финансов того времени Н.Х. Бунге характеризовал его как «светлое экономическое явление»[1]. Этот тариф был воспринят как «светлое явление» той частью промышленников, которая выигрывала от снижения пошлин на привозное сырье, и отрицательно — другой частью, которая теряла конкурентоспособность в результате этого тарифа[2]. В целом же, оценивая характер экономической политики России первой половины XIX в., следует отметить ее протекционистский характер, хотя мера протекционизма менялась.

Внутренняя и внешняя торговля были в России рассматриваемого периода определяющим фактором первоначального накопления капитала. Купеческая прибыль была очень высокой, особенно в результате территориальных различий и сезонных колебаний цен. В предреформенные годы четверть пшеницы в срединной полосе Украины стоила 3 руб., а в Херсонской губернии сбывалась за 8–10 руб. В 1837–1840 гг. средняя цена на ржаную муку равнялась на пристанях Симбирска лишь 9 руб. 65 коп. (за четверть), а Казани — 10 руб. 44 коп., Рыбинска —11 руб., Петербурга — 18 руб. В первой половине XIX в. еще большее развитие получило ростовщичество. Путешествуя в 1830–1840-х гг. по Владимирской губернии, тверской помещик Д. Шелехов обнаружил на базаре

[1] *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 150.

[2] Подробнее о снижении ставок согласно Тарифу 1857 г. см.: *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 107.

в Гороховце своего рода «туземную биржу», где братья Большаковы (крестьяне села Мстеры Вязниковского уезда) раздавали крупные ссуды торговым и «промысловым людям», причем «по совести», без особого оформления. Иногда за один базар они получали, таким образом, до 30 тыс. руб. Занимаясь разменом денег, эти ростовщики использовали разницу в курсе ассигнаций и серебра. Скупщики скота в южных губерниях весной раздавали ссуды крестьянам, а осенью забирали по дешевке волов.

К 50-м гг. XIX в. экономические связи между районами благодаря развитию транспорта качественно меняют внутреннюю торговлю. Купеческая прибыль начинает падать. Неэквивалентно высокие прибыли, обусловленные разностью цен в разных районах из-за слабых торговых связей, теряют почву. Рост торговых связей уменьшает разницу цен. Другой фактор снижения прибыли купечества — успешная конкуренция крестьянской торговли. Имущественное расслоение деревни приводит к развитию слоя торгующих крестьян. Появление конкуренции приводит к ситуации, когда продавать товары по произвольно высоким ценам становится невозможно. В этих условиях для увеличения прибыли необходимо включаться в производство. И к концу первой половины XIX в. набирает силу процесс перелива купеческих капиталов в промышленность. К моменту отмены крепостного права около 90% купцов 1-й гильдии владели промышленными предприятиями. Первоначальное накопление капитала подходит к концу. Для возрастания объемов капитала необходимо их включение в процесс воспроизводства, которое обеспечивается промышленностью.

Важным источником первоначального накопления капитала весь период первой половины XIX в. были казенные поставки и винные откупа. Они оказывались «золотым дном» для купечества. Откупщики даже кредитовались за счет казны. На закупку вина им выдавалось 35 млн руб. ежегодно. В 1857–1858 гг. сбыт его достигал 180–200 млн руб., а чистая прибыль откупщиков, по официальным сведениям, составляла 22 млн руб. Фактически она была значительно больше. Накануне отмены этой системы в России в 1863 г. насчитывалось 216 откупщиков. Велико было и значение винных откупов для государственных финансов. Доход с винной торговли к 60-м гг. XIX в. составлял до 46% всех поступлений в государственную казну, опережая начиная с 1840-х гг. поступления от прямых налогов — подушной подати и оброка с государственных крестьян. Для сравнения отметим, что в Англии, к примеру, он не превышал 24% всех государственных доходов, во Франции — 9%, в Пруссии — 6%. За 140 лет существования винного откупа в России «питейный» доход казны увеличился, по некоторым оценкам, в 335 раз.

Определенную роль в формировании крупных капиталов играла восточная торговля, которая носила **колониальный характер и давала**

крупную прибыль. В 1809 г. **правительство выпустило первый внутренний заем**, крупные суммы оно задолжало Заемному банку. Выплата процентов приводила к обогащению многих купцов, а не только дворян. За 1838–1858 гг. объявленные капиталы купцов увеличились на 58,3% (со 100 млн руб. до 158,3 млн). В начале 1850-х гг. в одной лишь внутренней торговле имелись «несметные капиталы», достигавшие приблизительно 250 млн руб. серебром. Для 1856 г. купеческие капиталы исчислялись в 500 млн руб. Продолжалось формирование крестьянской буржуазии, особенно в казенных деревнях. Вместе с тем и среди крепостных появлялись «капиталистые» крестьяне. Перед реформой 1861 г. в семи вотчинах Шереметевых имелось 486 крестьян с торговыми оборотами от 1 тыс. до 10 тыс. руб. и 62 крестьянина с оборотами свыше 10 тыс. руб. Разбогатевшие крестьяне за крупные суммы денег выкупались на волю. Так, в 1825–1833 гг. из 32 ивановских мануфактуристов 15 выкупились на волю.

Таким образом, роль государства в первоначальном накоплении капитала кроме прямого инвестирования производства была в рассматриваемый период значительна — казенные поставки и винные откупа, стимулирование восточной торговли, внутренний заем, поддержка казенной деревни.

Развитие транспорта

В первой половине XIX в. основными видами транспорта в России оставались, как и в XVIII в., водный и гужевой. Для транспортировки товаров еще в XVIII в. была построена Вышневолоцкая система каналов, связавшая с Петербургом реки Волжского бассейна. Главной водной транспортной артерией России была по-прежнему Волга. В начале рассматриваемого периода были построены новые каналы, которые связали наиболее крупные реки России. Так, в 1803–1805 гг. были построены каналы между Камой и Северной Двиной, Днепром и Вислой, Западной Двиной и Неманом. В 1808–1811 гг. строятся Мариинская и Тихвинская системы, соединившие Верхнюю Волгу с Балтийским морем. Но пропускная способность этих каналов не соответствовала транспортным потребностям России. Во втором десятилетии XIX в. на водном транспорте основным усовершенствованием становятся пароходы, первый из них появился на Неве в 1815 г. Уже через два года пароходы стали ходить по Каме и Волге. Ко времени отмены крепостного права в России на внутренних водных путях России насчитывалось уже 339 пароходов. Морские пароходы стали использоваться как транспортное средство в 30-х гг. XIX в. Регулярные торговые рейсы между Петербургом и гаванями Балтийского моря начались в 1840-е гг. В основном морские суда принадлежали иностранным предпринимателям.

Условия судоходства значительно отличались по районам России. На юге и в центре страны реки полноводны, глубоки и неторопливы. На севере реки мелкие, узкие и порожистые. Это предопределяло использование разных типов судов. Местом перегрузки стал город Рыбинск. Пристани между Рыбинском и Петербургом назывались верхними, другие пристани, отдаленные от столицы, — низовыми. Грузы, отправлявшиеся от верхних пристаней, достигали Петербурга в одно судоходство. Грузы из низовых пристаней зимовали в пути и доставлялись в Петербург только на следующий год. Такая скорость передвижения приводила к значительному увеличению первоначальной стоимости товаров. По рекам в столицу шли: хлеб, лес, пенька из центральных губерний; железо с Урала. В обратном направлении из Петербурга отправлялись изделия отечественной и зарубежной промышленности. Основные грузовые потоки шли по рекам в летнее время года. Основными тружениками водного транспорта были **вольнонаемные** бурлаки, численность которых вместе с портовыми грузчиками в 1850-х гг. достигала 500 000 человек. В 1810 г. было создано специальное управление водным транспортом.

Гужевой транспорт, так же как и водный, относится к наиболее древним видам транспорта. **Гужевой транспорт** появился вместе с изобретением и употреблением в хозяйстве колеса. Напомним, что это такой вид дорожного (безрельсового) транспорта, как грузового, так и пассажирского, в котором транспортные средства (повозки) приводятся в движение животными. Гужевой транспорт в России связан с развитием дорог. В первой половине XIX в. большинство дорог было непригодно для езды в непогоду, поэтому зимой использовался санный путь. Существовали проселочные дороги, т.е. пригодные для движения колесного транспорта, но не имеющие твердого дорожного покрытия, а потому временами непроезжие. Были и грунтовые дороги, устроенные из естественного грунта и грунта, укрепленного добавками других материалов. Они также в зимнее время становились непригодными. Строительство шоссейных дорог (т.е. дорог с искусственным покрытием, чаще всего — твердым, с обязательным устройством на основе дорожного полотна поверх грунтового основания, и с канавами для стока воды по обочинам) началось в России только в 1817 г. В первой половине XIX в. были построены шоссейные дороги, соединившие Петербург с Москвой и Варшавой, Москву с Варшавой, Ярославлем и Нижним Новгородом. Однако их протяженность была ничтожна мала в масштабах России и не соответствовала экономическим и военно-стратегическим задачам страны. Гужевой транспорт действовал в основном зимой, когда устанавливался санный путь. В летнее время использовался водный транспорт. Несистематичность связей между районами, зависимость транспорта от климата препятствовали развитию товарно-денежных отношений. Назрела потребность в коренной перестройке транспорта России, строительстве железных дорог. Бурное

развитие железнодорожного строительства началось в России во второй половине XIX в., но уже в первой половине века были заложены основы для революции в области транспорта.

Первым опытом в железнодорожном строительстве было сооружение еще в конце XVIII в. конной железной дороги на Александровском заводе в Петрозаводске. В 1835 г. на Урале инженеры Черепановы построили заводскую железную дорогу в 3,5 версты, по которой двигался паровоз их собственной конструкции. В 1837 г. было завершено строительство Царскосельской железной дороги между Петербургом и Павловском (27 верст). Эта дорога вначале использовалась как увеселительный аттракцион для столичной публики. На паровозе, привезенном из Англии, даже был установлен органчик, игравший различные мелодии. Но очень скоро этой дорогой заинтересовались деловые люди. Известны случаи, когда кроме пассажиров на паровозе перевозились лошади, овцы, свиньи, дрова. Выяснилось, что паровозы могут ездить и при 18 градусах мороза, и в бурю, и в дождь, и в метель. До этого существовало представление, что в России железные дороги смогут действовать только летом: зимой рельсы утонут в снегу.

Удавшийся эксперимент послужил толчком к быстрому движению в неизведанном направлении. В 1839–1848 гг. строится Варшавско-Венская железная дорога, связавшая Россию с Западной Европой.

Штабу горных инженеров было дано задание Николаем I обобщить первый опыт железнодорожного строительства за рубежом. Группа специалистов была направлена в заграничную командировку, чтобы на месте ознакомиться с работой недавно принятых в эксплуатацию первых железных дорог в Англии, Бельгии, Франции и Германии. Итоги поездки вышли за рамки рутинной информационной записки. Штаб горных инженеров изложил царю свои соображения о целесообразности постройки железной дороги между Петербургом и Москвой. В начале 1842 г. был создан специальный правительственный орган «для устройства» такой магистрали. Строительство за счет казны началось в следующем году. В 1843–1851 гг. строилась железная дорога между Петербургом и Москвой, первая железная дорога хозяйственного значения (с 1855 г. — Николаевская железная дорога протяженностью 644 км). 1 ноября 1851 г. поезд, состоящий из паровоза, двух мягких, трех жестких и одного багажного вагонов, впервые отправился из Санкт-Петербурга в Москву.

В 1851–1862 гг. была построена дорога между Петербургом и Варшавой (1280 км). Ее особенностью были железные мосты в отличие от деревянных на трассе Петербург — Москва. Мост через реку Луга стал первым в России металлическим железнодорожным мостом.

Всего перед отменой крепостного права в России было построено 1004 км железных дорог. Для сравнения отметим, что в Великобритании

железные дороги протянулись на 10 000 км, в Германии — свыше чем на 6000 км.

Существенное военное значение имел факт установления в начале 50-х гг. XIX в. стандарта на ширину рельсового пути более широкой, чем принятый на западе: 1524 против 1435 мм. Это было сделано для того, чтобы «неприятель не въехал в Россию на паровозе» (слова Николая I)[1]. Так, например, по этой причине в дни решающей битвы за Москву в ноябре 1941 г. суточный подвоз для войск группы «Центр» составлял 23 эшелона вместо требуемых 70. В 1851 г. по приказу Николая I технический персонал, обслуживающий железнодорожные пути, был поделен на роты, и с 6 августа появились железнодорожные войска. Согласно указу императора было сформировано 14 отдельных военно-рабочих, две кондукторские и одна «телеграфическая» роты общей численностью 4340 человек, что и положило начало формирования первых военно-железнодорожных подразделений. Им было предписано поддержание в исправном состоянии железнодорожного пути, обеспечение бесперебойной работы станций охраны мостов и железнодорожных переездов.

Крымская война затормозила, но не остановила набиравший силу процесс развития транспорта. Сооружение магистралей осуществлялось целенаправленно, по определенному стратегическому плану. Железнодорожное строительство финансировалось в первой половине XIX в. государством. Работники этой отрасли хозяйства, как и в целом транспорта, были вольнонаемными. Поэтому именно здесь стал складываться государственно-капиталистический уклад экономики России.

Финансовое положение и реформы Е.Ф. Канкрина

Финансовое положение России в первой трети XIX в. отражало последствия войны с Наполеоном. Обесценение бумажного рубля с 1812 по 1839 г. оценивалось четырехкратным размером. Необходимость денежной реформы становилась все очевидней. Начало подготовки к денежной реформе относится к 1823 г., когда на пост министра финансов вступил Егор Францевич Канкрин (1774–1845), правилом которого было: «Не ломать, а постепенно улучшать». Проведенная им в 1823 г. гильдейская реформа была направлена на ограничение монополизации торговли купцами первой гильдии и расширяла права городского среднего купечества. Купцам предоставлялось право заграничной торговли, которой они до этого занимались подпольно. Легализация уже сложившейся практики требовала перехода в более высокую гильдию и уплату

[1] Эта особенность железных дорог России сыграла чрезвычайно важную роль во время Второй мировой войны на Восточном фронте, когда вермахт постоянно испытывал недостаток локомотивов для широкой колеи.

в бюджет налога. Расширение возможностей иностранной торговли было рассчитано на подстегивание внутренней торговли и ее состязательности с зарубежными торговцами. Реформа разрешала и мелкую торговлю. Для торгующих крестьян выдавались свидетельства 5-х и 6-х разрядов, с условием оплаты пошлины.

Достоинством гильдейской реформы было расширение возможностей легальной торговли; недостатком — отсутствие системы прогрессивного подоходного налога.

Денежная реформа Канкрина зрела в различных проектах. Их авторами были такие значительные личности, как адмиралы Н.С. Мордвинов и А.С. Грейг, известный реформатор М.М. Сперанский и, наконец, сам Канкрин. Преимуществом проекта Канкрина, схожего с проектом Сперанского, было то, что он предлагал провести ее без внешнего займа. Необходимость проведения реформы была связана с обесценением бумажных денег. Как известно, первоначальный выпуск бумажных денег в XVIII в. был хорошо встречен населением, так как означал замену тяжелых металлических денег, неудобных в обращении. Но количество бумажных денег стремительно возрастало уже при Екатерине II, которая использовала эмиссию ассигнаций для финансирования войны с Турцией. В период Отечественной войны 1812 г. эмиссия бумажных денег (ассигнаций) увеличилась почти в 4 раза. Первые подготовительные мероприятия к денежной реформе начались в 1831 г.: было ускорено накопление запасов серебра; улучшена отчетность по расходованию средств; введен режим экономии расходов. Эти меры привели к бездефицитному бюджету и позволили стабилизировать курс рубля. Благоприятная ситуация складывалась и во внешней политике. В 30–40-е гг. XIX в. Россия не участвовала в больших войнах, что позволило сократить военные расходы почти в 2 раза по сравнению с 1815 г.[1] В этом же году (1831) были выпущены билеты государственного казначейства. Их суть в том, что они являлись обязательствами, выдаваемыми правительством вместо наличных денег, с определенным сроком платежа и с установленными процентами. Казначейские билеты представляли собой разновидность кредитных билетов, которые выступали как вспомогательные средства в монетном обращении. В 1831 г. было выпущено 30 млн руб. казначейских билетов сроком на четыре года, в 1834 г. — еще 40 млн руб. сроком на шесть лет, в 1839 и в 1840 гг. — сроком на шесть и восемь лет. Таким образом, срок погашения растягивался, а выгода государства состояла в том, что проценты на казначейские билеты обычно оставались невостребованными, в то же время привлекались средства населения. В 1939 г. была учреждена депозитная касса, выпускающая депозитные билеты, обеспеченные серебром рубль за рубль. Непосредственно денежная ре-

[1] *Шефов Н.А.* Тысячелетие русской истории. М.: Вече, 2000. С. 292.

форма началась манифестом от 1 июля 1939 г. В нем серебряный рубль был объявлен главной законной монетной единицей, а ассигнационный рубль — второстепенным знаком. Отношение ассигнационного рубля к серебряному составило 3,5:1, т.е. в основу денежного обращения был положен серебряный рубль, равный 3 руб. 50 коп. ассигнациями. Выбор серебра в качестве монетной единицы был, очевидно, связан с историческими традициями России, где исстари в обращении находилось серебро. Заслугой Канкрина в проведении денежной реформы была ее последовательность. В начале 1840 г. при коммерческом банке была открыта депозитная касса для приема от населения золота и серебра в обмен на депозитные билеты 3-, 5-, 10-, 25-, 50- и 100-рублевой ценности. Депозитные билеты немедленно по предъявлении менялись в соотношении 1 депозитный рубль — 1 серебряный рубль. Следующий шаг реформы — выпуск 1 июня 1841 г. 50-рублевых кредитных билетов на сумму 30 млн руб. Официально их обмен на серебряные рубли обеспечивался всем достоянием государства, но реально для размена кредитных билетов был создан фонд, равный 1/6 части количества выпущенных билетов в серебряном исчислении. Завершающий шаг реформы — выпуск государственных кредитных билетов по Манифесту от 1 июня 1843 г., который окончательно объединил бумажно-денежные знаки с государственными билетами, получившими повсеместное хождение наравне с серебряными монетами по курсу 1:1 и обеспеченными всем достоянием государства. В течение всего 1843 г. процесс изъятия ассигнаций из обращения и их обмен на кредитные билеты шел успешно. Введение кредитных денег, имеющих хождение наравне с серебром, значительно укрепило денежную систему страны. Законный обмен кредитных билетов на металл привел к усиленному обмену золота на кредитные билеты. Канкрин добился бездефицитного бюджета, чему способствовало наряду с поступлением золота и серебра от населения введение нового тарифа, отменяющего запрет ввоза целого ряда товаров, но с высокими пошлинами. Таможенная система была укреплена новыми кадрами и дополнительным государственным контролем. Реформы Канкрина безусловно способствовали укреплению финансового положения России, которое в 40-е гг. XIX в. было достаточно благополучным. Ситуация изменилась в связи с Крымской войной (1853–1856).

Таким образом, оценивая в целом основные особенности рассматриваемого периода в сравнении как с предшествующим периодом, так и со странами, которые она «догоняла», следует отметить следующее:

1) Россия, как страна более молодая и значительно большая, чем «старушка Европа», переживала период острой неравномерности развития как по районам, так и сферам хозяйства. Это создавало картину контрастности развития;

2) значительные потенциальные возможности, связанные с разнообразием территории и многонациональностью населения, а значит, и разнообразием культур, влияли на сочетание традиционности и прогресса в развитии;

3) традиционность, формируемая преобладанием сельского населения, создавала почву для сохранения всего лучшего, что накопилось в истории России, но одновременно препятствовала развитию новых форм. Отсутствие аграрного переворота, с одной стороны, уберегло Россию того периода от революций, происходивших на Западе, а с другой стороны, тормозило промышленный переворот;

4) именно противоречие между потенциальными возможностями быстрого экономического роста России и традиционным укладом, поддерживаемым крепостничеством с одной стороны, и культурными, хозяйственными и военно- стратегическими потребностями**,** с другой стороны, было сутью кризиса феодально-крепостнической системы первой половины XIX в.;

5) в то же время в этот период были накоплены предпосылки для буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в., которые стали основой стремительного роста России в конце XIX — начале XX в.

Вопросы для обсуждения

- Перечислите основные проблемы аграрного сектора экономики в рассматриваемый период.
- Каковы основные достижения российской промышленности в первой половине XIX в.?
- Как вы понимаете, что позволяет говорить о наличии потенциальных возможностей быстрого экономического роста в стране?
- В чем проявился кризис феодально-крепостнической системы первой половины XIX в.?

Литература

1. *Ковалевский М.М.* Экономический строй России. СПб., 1900
2. Культура России IX–XX вв., М.: Простор, 1996.
3. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Госполитиздат, 1952.
4. *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М.: Наука, 1975.
5. *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX — XX веках. Государственное издательство политической литературы, 1950.
6. *Миронов Б.П.* Внутренний рынок России второй половины XVIII-первой половины XIX века. Л., 1981 г.
7. *Фортунатов В.В.* Отечественная история СПб 2011

ЛЕКЦИЯ 7

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ. ВЫКУПНЫЕ ОПЕРАЦИИ ПОСЛЕ 1861 г.

А.Г. Худокормов

19 февраля 1861 г., ровно день в день через пять лет после восшествия на трон, император Александр II подписал «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Этот документ выводил из крепостного состояния примерно 2/5 населения Российской империи. В первое же после указанной даты воскресенье царский манифест об отмене крепостного права был зачитан в церквах народу.

Конкретно Положение 1861 г. содержало следующие пункты: крепостные крестьяне объявлялись лично свободными без всякого выкупа; они получали от помещика усадьбу и надел, за что временно продолжали нести прежние повинности, т.е. становились временно обязанными; затем крестьяне обязаны были выкупить, а помещик — продать им усадьбу, используя для этого казенную ссуду; по завершении выкупа прекращалось состояние крестьян как временно обязанных, они переходили в положение свободных собственников; все отношения между помещиками и крестьянами опосредовались общиной, именно община коллективно оплачивала выкупную ссуду, выданную правительством выйдя из крепостной зависимости, крестьяне должны были остаться общинниками, они получали известное самоуправление и сообща несли повинности перед государством[1].

Особенности и содержание первого этапа крестьянской реформы

Крестьянская реформа в России продолжалась несколько лет и даже десятилетий, ее история включала ряд этапов.

На первом этапе, начавшемся сразу после обнародования манифеста 19 февраля 1861 г., крестьяне получали личную свободу. Теперь они могли вступать в брак по собственному усмотрению, не спрашивая со-

---

[1] См.: Социально-экономическая история России: учеб. пособие / под ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 135.

изволения барина. Им разрешалось заключать самостоятельные сделки, заниматься независимой от помещика торгово-промышленной деятельностью (на свой страх и риск и за собственный счет), дозволялось даже переходить в другие сословия.

С первого же дня реформы крестьяне получили освобождение от работ, связанных с заготовкой «столовых запасов» помещику (сбор грибов, ягод, приготовление разнообразных варений, солений, напитков и многое другое, производившееся ранее бесплатно). Эта перемена существенно облегчила существование бывших крепостных-женщин[1].

Согласно Положению от 19 февраля 1861 г. крестьяне освобождались с землей. Но земля и под крестьянской усадьбой, и надельная полевая была еще собственностью помещика. Крестьяне должны были ее выкупить, причем по закону выкуп осуществлялся в обязательном порядке: в течение девяти лет, вплоть до 1870 г.; отказаться от земли бывший крепостной не мог. В свою очередь, и помещик не мог отказать крестьянину в выкупе.

Выкуп, таким образом, стал обязательным. Уже на первых порах была определена его норма. Величина выкупа подчинялась правилу капитализированного оброка: за выкупленную землю крестьянин должен был заплатить сумму, которая при ее помещении в банк давала бы собственнику земли доход, равный прежнему годовому оброчному платежу.

Ставка банковского процента равнялась тогда 6% годовых, и если крестьянин раньше приносил помещику, скажем, 15 руб. в год, значит, выкупная сумма за землю должна была составить $15 \times 100 / 6 = 250$ руб.

Все это означало, что в основу выкупа закладывалась не рыночная цена земли, а феодальная рента.

Это была явная уступка правительства помещикам. Но, с другой стороны, помещики теперь не могли произвольно увеличивать барщину и оброк. Эти повинности, которые крестьяне продолжали отбывать за пользование невыкупленной барской землей, объявлялись постоянными, неизменными. В условиях частых колебаний цен на продукты аграрного сектора, в том числе в сторону понижения, это должно было побудить помещиков легче соглашаться на выкуп, ослабляло их сопротивление выкупной сделке[2].

К выкупу объективно были направлены интересы значительного числа бывших крепостных. Ведь, как уже говорилось, до завершения выкупной сделки они считались «временно обязанными крестьянами», т.е. продолжали работать барщину и платить оброки.

---

[1] См.: Социально-экономическая история России: учеб. пособие / под ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 137.

[2] Цит. по: Там же. С. 135–136.

Известный специалист по истории либеральных реформ середины XIX в. Л.Г. Захарова по этому поводу пишет: «В условиях отмены крепостного права, меняющейся рыночной конъюнктуры на землю и хлеб, при острой нужде помещиков в деньгах для переустройства своих заложенных и перезаложенных имений вечность пользования наделом (крестьянина. — **А.Х.**) и неизменность повинности за него должны были вынудить помещика к выкупу... Для крестьян также не оставалось свободы выбора. Боясь, что тяжесть экономических условий пользования и приобретения земли в собственность приведет к значительному обезземеливанию крестьянства, законодатели прибегли к такой искусственной мере, как запрет отказа от земли. Этой же цели во многом служило сохранение общины, затруднительность (хотя и не запрет) выхода из нее».

Итак, выкуп крестьянами земли у помещиков превратился в центральный элемент внутреннего механизма реформы, он стал «единственной развязкой туго затянутого государством узла»[1].

Тем не менее законодатели не без оснований полагали, что выкупную сделку нельзя начинать сразу. Их необходимо подготовить — в течение двух первых лет после объявления реформы.

Уставная грамота и мировые посредники

Через два года после 19 февраля 1861 г. крестьянам разрешалось начать выкупную сделку. Процесс выкупа предварялся составлением уставной грамоты — специального документа, по сути, контракта между помещиком и крестьянином. Пока условия выкупа не были установлены окончательно, уставная грамота фиксировала масштабы повинностей крестьянина за временное пользование помещичьей землей. Впоследствии в ней указывались размеры выкупа за усадьбу и надел, расположение выкупаемого надела и общая сумма выкупа.

Первоначально правительство планировало поручить контроль за подготовкой уставных грамот на поместное дворянство, представленное в губернских комитетах. Но поскольку в этих организациях за редкими исключениями доминировали ярые крепостники, решено было создать временный, но принципиально важный институт мировых посредников.

Сами мировые посредники назначались Сенатом по представлению губернских властей из числа местных, либерально настроенных дворян. Их главной функцией был контроль за составлением уставных грамот, помощь в примирении интересов помещиков и крестьян и в до-

[1] См.: Социально-экономическая история России: учеб. пособие / под ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 135.

стижении ими договорных компромиссов. Наряду с разбирательством споров мужиков и бар мировой посредник осуществлял по отношению к крестьянам судебно-административную власть. Мировые посредники регулировали формирование органов крестьянского самоуправления, обладали правом утверждения сельских старост, волостных старшин, могли отменить решения крестьянского схода. Они были правомочны в случае необходимости назначать для крестьян штрафы и даже телесные наказания (20 плетей). Вместе с тем мировые посредники рассматривали не только жалобы помещиков на крестьян, но в случае надобности действовали в обратном направлении, разбирая крестьянские обиды на барина.

Решающая миссия мирового посредника состояла, как уже говорили, в проверке, утверждении и вводе в действие уставных грамот начиная с 1861 г. Более того, именно мировые посредники получили право нотариально заверять соглашения помещиков с временно обязанными крестьянами.

Мировые посредники «первого призыва» были выдвинуты на эту должность на три года — с 1859 по 1861 г. Всего в начале 1860-х гг. в России действовали около 1700 мировых посредников. Потом должность мировых посредников стала несменяемой вплоть до упразднения в 1874 г. Правительство со временем сочло существование данного института излишним. И действительно, среди мировых посредников, особенно в первое трехлетие, казалось немало деятелей передовых взглядов. В составе мировых посредников побывали бывшие декабристы А.В. Розен и Г.С. Батеньков, петрашевцы Н.С. Кашнин и Н.А. Спешнев, видные либеральные деятели К.Д. Кавелин и братья Самарины и, наконец, выдающиеся деятели науки и искусства — писатель Л.Н. Толстой, врач Н.И. Пирогов, биолог К.И. Тимирязев, физиолог И.М. Сеченов.

Отрезки

Введение института мировых посредников, под чьим прямым влиянием составлялись уставные грамоты, было в целом победой либерального крыла правительства. Но в правящих кругах сильные позиции занимали также консервативные и реакционные круги, желавшие повернуть реформу так, чтобы она в максимальной степени отвечала помещичьим интересам.

Прямым следствием влияния этих кругов стало введение так называемых отрезков, т.е. участков земли, которые были отрезаны от дореформенных крестьянских наделов в пользу земель помещика.

Феномен отрезков был введен в законодательство 1861 г. под предлогом учета местных природных и экономических особенностей. Ев-

ропейская территория Российской империи делилась на три экономические зоны (полосы) — нечерноземную, черноземную и степную. Внутри полос могло выделяться еще несколько «местностей». Для каждой территориально-экономической единицы устанавливались нормы крестьянских наделов, причем для нечерноземных и черноземных регионов — две «высшие» и «низшая», а в степной полосе — одна («указная»). Низшая норма была в среднем втрое меньше высшей. По различным губерниям высшие крестьянские наделы составляли от трех до семи десятин земли на душу мужского пола, низшие и того меньше — от одной десятины до двух. Согласно законодательству, если надел превышал высшую или указную норму, помещик мог отразить излишек в свою пользу, если надел был меньше низшей нормы, должна была последовать прирезка помещичьей земли в пользу надельной крестьянской. Забегая вперед, скажем, что в ходе реализации реформы отрезки стали правилом, прирезка — редким исключением. В итоге крестьяне потеряли примерно 20% дореформенного надельного фонда, причем в нечерноземной полосе отрезки составили в среднем 10%, а в черноземной, где земля особенно ценна, — до 40% (в среднем 26%).

Уступкой помещикам была законодательная норма, согласно которой после реформы помещик должен был сохранить за собой не менее 1/3 земли всего поместья. Если его доля оказывалась меньше, допускались отрезки даже при наличии у крестьян низшей надельной нормы.

Еще одной, и существенной, уступкой помещикам стало законодательство о так называемых дарственных, или четвертных наделах. С согласия крестьян помещик мог передать им в собственность $^1/_4$ часть их дореформенных наделов, причем бесплатно, а остальное забрать себе. Это была явная экономическая ловушка. Вести собственное хозяйство на столь мизерном наделе было невозможно, и вскоре села так называемых дарственников окончательно обнищали.

Чтобы не возвращаться более к данному вопросу, скажем, что отрезки нужны были помещикам не только как средство сохранить огромную земельную собственность. При создавшемся малоземелье крестьяне вынуждены были брать помещичью собственность в аренду и расплачиваться своим трудом. В пореформенный период отрезки закономерным образом породили так называемые отработки. При отработках помещик не является буржуазным предпринимателем: он не авансирует капитал, а пользуется на кабальных условиях крестьянским трудом, инвентарем, рабочим скотом. Крестьянин же не обладает стимулами свободного наемного работника, трудится неохотно, через силу. Заложенные в законодательство 1861 г. феодальные пережитки породили в будущем пониженную эффективность аграрного сектора.

Переход крестьян на выкуп

По прошествии двух лет после 19 февраля 1861 г. отдельные крестьяне и помещики составили уставные грамоты и даже нотариальные ревизии их у мировых посредников. Более того, многие из них договорились о размерах будущих крестьянских наделов, включая вопрос об отрезках. Казалось, можно было начинать выкупную сделку. Но вот беда, по существовавшему законодательству выкупная сумма за усадьбу и полевую землю более чем в 16 раз превышала стоимость годового крестьянского оброка[1].

Таких денег у крестьян, за редкими исключениями, просто не было. Правительство, понимая это, предложило выход: чтобы начать выкупную сделку, крестьяне должны внести только 20% выкупной суммы; остальное вносит за крестьян государство. Долг крестьян помещику заменяется их долгом государству. Крестьяне должны погасить его в течение 49 лет, но при условии, что сумма долга ежегодно будет возрастать на все те же шесть рыночных процентов.

А что же помещики? В принципе они должны были получить от государства эквивалент 80% выкупной суммы. Но к началу 1860-х гг. помещики были у государства, что называется, «в долгу как в шелку». К 1 января 1859 г. 47 тыс. дворянских имений находилось в закладе, а при них числилось более 7 млн ревизских душ, т.е. 2/3 всего крепостного крестьянства[2]. На момент начала реформы в 1861 г. дворянский долг казне составил около 120 млн руб.[3]

Согласно проведенным исследованиям, помещики в итоге получили менее 2/3 первоначальных выкупных платежей, остальное государство, не спрашивая их соизволения, направило на погашение дворянской задолженности казенным кредитным организациям[4].

Зато казенный интерес был соблюден если не полностью, то в значительной его части. В 1883 г. государство перевело на выкуп всех оставшихся к тому времени временно обязанных крестьян (около 15%). Остальные крестьяне к указанному моменту уже вступили в выкупную сделку. В 1907 г. под влиянием драматических событий первой русской революции выкупные платежи были отменены — всего за пять-шесть

---

[1] Это следует из законодательного правила, по которому выкупная сумма определялась капитализацией оброка из 6% годовых (см. п. 1).

[2] См.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 175.

[3] См.: Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / под ред. Л.Г. Захаровой и др. М., 1992. С. 116.

[4] См.: Там же.

лет до истечения 49-летнего выкупного срока. В специальной литературе и в Интернете имеются конкретные данные, согласно которым в итоге выкупных операций в 1883–1906 гг. крестьянство уплатило 1540 млн руб. (по другим данным, свыше 1,6 млрд руб.), что в 1,5 раза превысило первоначально установленную сумму[1]. При этом помещики получили менее 600 млн руб. (586), 116 млн руб. государство удержало с них за долги. Остальное набежало и в крестьянский долг в виде процентов, которые крестьяне вносили в казну. Получается, что из всех выкупных сумм на долю помещиков пришлось менее 38%, остальное было присвоено государственным аппаратом.

Таким образом, выкупная операция в целом оказалась грандиозным маневром, задуманным и реализованным правительством в свою пользу: ежегодный выкупной платеж в пользу государства (6% от казенной ссуды) покрывал и процент погашения, и возмещение административных расходов, рост с затраченного капитала.

Как утверждал американский исследователь С. Хан, «царское правительство не потратило ни копейки на проведение великой реформы по превращению более 20 млн бывших крепостных крестьян в собственников... Более того, правительство получило больше того, что требовалось для покрытия процентов и основного капитала»[2].

В научной литературе справедливо указывается, что сам курс на сохранение общины (вплоть до 1906–1910 гг.), которая явно стесняла крестьянскую предприимчивость, также диктовался в первую очередь интересами казны: с помощью общинной круговой поруки было легче взыскивать недоимки и держать крестьян в узде патриархальных обычаев[3].

В целом, как подчеркивается российскими авторами, «путь реформы 1861 г. был тяжел и мучителен для крестьян, поскольку в их интересах было получение земли и воли без всякого выкупа. Этот путь был неоптимальным и для помещиков, которые хотели либо освободить крестьян без земли, либо получить выкуп сполна: и за землю, и за личность крепостного. Но реализованный на практике компромиссный, медленный, требовавший наименьших усилий со стороны администрации путь был наилучшим с точки зрения самодержавия, поскольку полностью сохранял политическую власть монарха и его аппарата»[4].

---

[1] См.: История экономики: учебник / под общ ред. проф. О.Д. Кузнецовой и И.Н. Шапкина. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 251.

[2] Цит. по: Социально-экономическая история России... С. 139.

[3] См.: Там же. С. 118–119.

[4] Социально-экономическая история России: учеб. пособие / под ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 139.

Вопросы для обсуждения

- Чем была обусловлена необходимость проведения аграрной реформы?
- На каких условиях происходило освобождение крестьян от крепостного права и наделение их землей?
- В чем плюсы и минусы реформы с точки зрения различных сторон (крестьяне, помещики, государство)?
- Каковы результаты реформы?

Литература

1. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.
2. *Ковнир В.Н.* История экономики России. М., 2011.
3. *Маркова А.Н.* и др. Экономическая история России. М., 2009.
4. *Погребинская В.А.* Социально-экономическая модернизация России и мира в период Второй промышленной революции (последняя треть XIX — начало XX в.). М. Инфра М, 2012/
5. *Сахаров А.Н.* и др. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
6. *Христофоров А.И.* Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.) М., 2011.

ЛЕКЦИЯ 8

ПЕРЕХОД РОССИИ К «СОВРЕМЕННОМУ ТИПУ РОСТА» В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В.А. Погребинская

Общая характеристика уровня развития

На рубеже XIX–XX вв. Россия представляла собой одну из великих держав мира. В основе этого статуса лежали величина ее территории, численность населения, добыча нефти, добыча золота, высокие валовые экономические показатели. По объему промышленного производства Россия занимала пятое место в мире и четвертое в Европе после США, Германии, Великобритании, Франции.

К началу XX в. территория Российской империи составляла 22 млн км^2, а население 132,9 млн человек, или 4,31% населения мира. По темпам роста населения, Россия в период 1860–1910 гг. превышала все европейские страны. Бóльшие по сравнению с западными странами потенциальные возможности в сфере численности населения могли реализоваться в развитии производства при соответствующих условиях, одно из которых представлено демографической структурой населения. В начале XX в. на 100 человек в трудоспособном возрасте (15–60 лет) приходилось в России 83 человека в нетрудоспособном возрасте (0–15 лет и свыше 60 лет). Такая демографическая ситуация была значительно менее благоприятна для экономического роста, чем в других странах Европы. (Для сравнения отметим, что на 100 человек в трудоспособном возрасте приходилось: в Германии и Австро-Венгрии — 73, в США — 69, во Франции — 62 человека).

К началу XX в. из 132,9 млн российского населения — 97 млн были крестьянами (73%), 14 млн — промышленными рабочими (10,5%), 1,85 млн — дворянами (1,5%).

В конце XIX — начале XX в. идет процесс становления капиталистической структуры общества; бурно растет численность населения в городах.

Население

Рост населения в городах России отражал процесс развития промышленных центров. Особенностью данного процесса в России была его крайняя неравномерность по отдельным губерниям, обусловленная неравномерностью развития капитализма.

Наименьший прирост городского населения Европейской России за период 1863–1897 гг. наблюдался в губерниях Крайнего Севера (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии), где он составил 30,6% и был меньше прироста сельского населения (32,0%). Наибольший прирост городского населения был в Прибалтийских губерниях. Он составил 192,6%, тогда как сельского — 10,6%. Далее за Прибалтийскими губерниями шли столичные губернии (Санкт-Петербург и Москва), где прирост городского населения за период 1863–1897 гг. составил 141,5%, а сельского — 18,2%; Новороссийские, Нижневолжские и Восточные губернии, где данные показатели составили соответственно 132,7 и 87,2%[1]. Коэффициент неравномерности, отражающий соотношение между наибольшим и наименьшим приростом городского населения по губерниям Европейской России, составил в период 1863–1897 гг. 6,3.

В следующий период, 1897–1914 гг., неравномерность уменьшается, хотя и остается значительной. Наибольший прирост городского населения наблюдается в столичных губерниях (65,5%), наименьший в западных (37,3%); коэффициент неравномерности — 1,8.

Несмотря на значительный рост городского населения к 1914 г. Россия оставалась страной аграрной: численность городского населения составила 23 577,2 человека: из них в 50 губерниях европейской части проживало 18 596,8 тыс. человек, или 78,9%, на Кавказе — 1878,0 человек, или ~ 8%, в Сибири — 1193,6 человека, или 5,1% и в Средней Азии — 1608,8 человека, или 6,8%. Доля городского населения России во всем населении составляла в 1914 г. 15,3%[2]. Для сравнения отметим, что уже к началу века в Англии доля городского населения поднялась до 78%, во Франции и США — до 40%, в Германии — до 54,3%[3].

Наибольшая доля городского населения в России (1914) наблюдалась в Петербургской губернии — 73,9%, наименьшая в Вятской — 3,4%[4].

К наиболее крупным по числу жителей городам (1914) относились: Петербург (2118,5 тыс. человек), Москва (1762,7 тыс.), Рига (558,0 тыс.),

---

[1] *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913). : Статист. очерки / ред. С.Г. Струмилин. Москва .: Госстатиздат, 1956 С. 88–91.

[2] Там же.

[3] Историческая энциклопедия. Т. 2. С. 273.

[4] *Рашин А.Г.* Указ. соч. С. 110.

Киев (520,5 тыс.), Одесса (499,6 тыс.), Тифлис (307,3 тыс.), Ташкент (271,9 тыс. человек).

Число жителей Петербурга возросло за период с 1864 по 1917 г. в 4,3 раза, а Москвы за период с 1871 по 1917 г. — в 3,1 раза. Доля Москвы и Петербурга в общей численности населения Европейской России к 1914 г. достигла 20,9%. Особенностью Москвы был преобладающий удельный вес механического прироста населения, т.е. иммиграции, в общем приросте. Так, в 1871–1881 гг. доля иммиграции в Москве в общем приросте составляла 86,2%; в 1907–1911 гг. — 75,2%.

Население России, относящееся к капиталистическим классам, составляло по самым щедрым расчетам более трети (37,4%) населения России. К ним относились: буржуазия города и деревни — 1,5%, с известной условностью зажиточные мелкие хозяева — 18,4%, пролетарии — 17,5%. Необходимо учесть также, что промышленный пролетариат составлял лишь 4% населения, или 5 млн человек. Из них 3 млн, или 60%, были рабочими в первом поколении. Принято считать, что интеллигентами становятся в третьем поколении. Но данное правило не в меньшей степени относится и к другим социальным слоям и классам общества.

Определяющий класс капиталистического общества — буржуазия — формировался в России из разбогатевших крестьян, купцов и дворян. К концу XIX в. численность буржуазии составляла 1,5 млн человек (1,2% населения). Особенностью российской буржуазии было расхождение между экономической значимостью и политической беспомощностью. Последнее было связано с тем, что постоянная поддержка государства лишала буржуазию прогрессивности, делало ее косной и преданной самодержавию.

Теряло свою былую власть и дворянство. Уже к середине XIX в. 60% дворян не имели крестьян и свыше 40% сами занимались хлебопашеством. Житейским идеалом дворян была праздность[1]. Политическая власть все более переходила к бюрократии (вместе с войском составлявшую 1,7% населения), а идеологическая — к интеллигенции (вместе с духовенством — 1,3% населения).

Данные Всероссийской переписи населения 1897 г. содержат сведения об участии интеллигенции в общественно-культурной жизни в конце XIX в. Из 126 млн населения России педагогическим трудом занимались свыше 170 тыс. человек, библиотечным делом — 1 тыс., книжной торговлей — более 5 тыс. человек. В России было около 18 тыс. художников и артистов, 3 тыс. ученых и литераторов. Лиц духовного звания насчитывалось более 250 тыс. человек.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что классы капиталистического общества России находились на стадии

[1] История государства и права. М., 1996. С. 217.

формирования. Этот период чреват обилием представителей маргинальных слоев, суть которых заключается в том, что они стояли ниже всех классов. Разорившийся помещик далеко не всегда превращается в интеллигента или буржуа; крестьянин должен пройти долгую выучку, чтобы стать рабочим. Характерные черты переходных слоев — неустойчивость доходов и настроения, легковерие, желание подчиниться твердой руке, неумение управлять собственным поведением. Все эти черты замечательно описаны в русской литературе XIX в. Вот что пишет по поводу русской буржуазии М.Е. Салтыков-Щедрин, с легкой руки которого в общественную литературу вошло понятие «чумазый» как псевдоним буржуа. «Русский чумазый перенял от своего западного собрата его алчность и жалкую страсть к внешним отличиям, но не усвоил себе ни его подготовки, ни его трудолюбия»[1].

Изменилась ли буржуазия в начале XX в.? По мнению крупного специалиста в данной области П.И. Лященко к 1900–1910 гг. среди буржуазии созревает верхний слой, представленный уже буржуазией в четвертом поколении. Среди них европейски образованные меценаты: Морозовы, Крестовниковы, Рябушинские, но провинциальная масса буржуазии все еще состоит из «чумазых» Колупаевых и Разуваевых.

Сравнение социальной структуры 1897 и 1913 гг. свидетельствует о том, что процесс становления классов капиталистического общества значительно развился в период предвоенного подъема 1909–1914 гг. К сожалению, статистические данные позволяют отследить подобный процесс лишь для крупных городов, а не всего населения России в целом. С поправкой на то, что в крупных городах он шел значительно быстрее (Москва, Петербург, Одесса, Баку), чем в целом по России, можно считать его все же отражением общих процессов.

Именно направленность процессов способствовала формированию мнения в научной литературе о значительном развитии капиталистических отношений в России. Но если оценивать их абсолютный уровень, то необходимо отметить, что социальная структура России (в частности, доля сельского населения, удельный вес городов, удельный вес буржуазии) к началу XX в. соответствовала самым начальным этапам промышленного переворота в такой передовой для своего времени страны, как Англия.

Национальный состав. Исключительно разнообразным был национальный состав граждан Российской империи. По переписи 1897 г. в Европейской России 50,7% составляли великороссы, 17,3% — малороссы, 5,9% — белорусы, 6,6% — финны, 6,3% — поляки, 3,9% — литовцы, 3,4% — евреи, 1,9% — татары, 1,5% — башкиры, 1,3% — немцы, 1,2% — молдаване, 0,4% — шведы, 0,2% — киргизы, 0,1% — калмыки, 0,06% — греки, 0,06% — болгары, 0,05% — армяне, 0,04% — цыгане, прочие 0,49%.

[1] Цит. по: *Аникин А.В.* Путь исканий. М.: Изд. полит. литературы, 1990. С. 345.

По вероисповеданию, подавляющую часть в Европейской России составляли православные — 83,4%, католики — 4,4%, протестанты — 3,6%, приверженцы иудаизма — 3,0%, ислама — 3,6%, идолопоклонники — 0,4%, раскольники — 1,5%[1].

Специалисты по истории религии считают православную церковь особым типом религиозной организации. Как она влияла на развитие капиталистических отношений? Ученые-религиоведы России считают, что на протяжении тысячелетий шла ассимиляция церкви авторитарным российским государством. Это привело к воспроизводству особого типа религиозной организации, способной адаптироваться к любым разновидностям отечественной политической системы. Данное свойство объясняется не только естественной потребностью в самосохранении. Другая причина заключается в том, что на долю русской церкви выпала миссия утверждать себя в среде, сохранившей вполне развитые дохристианские языческие традиции. Существование языческой культуры, полной мифологизма, продолжалось и после принятия христианства. Живучести языческой культуры способствовали относительная стабильность общинно-патриархальных отношений и обусловленные ими быт, нравы и психология русского народа.

Если западные страны пережили церковную реформацию, способствующую принятию ценностей буржуазного мира, то русская церковь осталась «традиционной». Религиозному сознанию народных масс новые капиталистические установки были достаточно чужды. Значительные сдвиги, произошедшие в начале XX в. (до Первой мировой войны) в образовании широких масс населения, не могли так быстро изменить психологию.

Социально-психологические черты российского общества формировались во взаимосвязи с экономическим развитием.

Переход к «развитому» или «современному» типу роста

Статус великой державы сочетался для России с «запоздалым» экономическим развитием. Россия позже других стран начала переход от традиционных структур к рыночным. По мнению таких значительных русских историков, как В.О. Ключевский (1841–1911) и С.М. Соловьев (1820–1879), Россия к концу XIX — началу XX в. представляла собой страну «запоздалого» развития. По сравнению с западными странами — пионерами капиталистического развития Россия относилась к странам «второго эшелона».

---

[1] Рассчитано по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 54. С. 86; Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. «История». М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 27.

Международное положение России, культурное и экономическое общение с другими странами толкает Россию на форсированное развитие капиталистических отношений. Подобное развитие вторгается в эволюционное, плавное развитие традиционных секторов экономики, развивающихся по законам инерционности. В связи с сочетанием форсированности и инерционности возникает ряд особенностей, которые проявляются в иной, чем на Западе, последовательности и продолжительности экономических процессов. Если на Западе монополистической конкуренции предшествует длительный период совершенной конкуренции, то в России он был крайне краток и неявно выражен.

Если на Западе индустриализация проходила вначале в отраслях легкой, а затем уже тяжелой промышленности, то в России период преимущественного развития легкой промышленности был кратким. Форсированное развитие начиналось с тяжелой промышленности.

В банковской сфере развития начинается также с крупных банков.

Сочетание «форсированных» новейших форм с традиционными секторами и институтами предопределило особую роль государства как организатора экономической жизни. В силу особенностей российского государства и правовых отношений, в том числе хозяйственных, государство выступало в основном в роли крупного частного собственника, а не в роли защитника общественных интересов. Слабая роль «защитника» в лице государства была одной из причин крайней болезненности развития капиталистических отношений в России.

Важнейшей чертой экономики периода завершения промышленного переворота и начала Второй промышленной революции стал переход к «развитому» (понятие С. Кузнеца) экономическому росту. Период «развитого» экономического роста длится около 20 лет и отличается от других периодов самым высоким темпом роста совокупного продукта[1]. Согласно новейшим исследованиям темпы роста совокупного продукта в России в период 1885–1913 гг. были выше, чем в других индустриальных странах. Только США, Канада, Австралия и Швеция по темпам экономического роста не отставали от России или превосходили ее. Что же касается таких стран «поздней индустриализации», как Япония и Италия, то Россия в этот период превосходила их. И Россия, и Япония приступили к «развитому» или «современному» экономическому росту со сравнительно высокой долей сельскохозяйственного производства и низкой долей промышленности. В отличие от других стран, вступающих в стадию «современного роста» при аналогичных условиях, в России увеличение доли промышленного производства и соответственно уменьшение доли сельскохозяйственного производства проходило медленнее. Так, соотношение между промышленностью и сельским хозяйством в валовой

[1] Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2001. С. 19.

продукции составляло в 1900 г. 31:69, а к 1913 — 32:68, т.е. изменилось незначительно.

Но несмотря на растущий динамизм народного дохода, среднегодовой темп которого составлял для 1864–1894 гг. 2%, для 1900–1913 гг. — 2,6% и прогрессивные изменения в его структуре, уровень народного дохода, на душу населения в сравнении с развитыми странами оставался низким: он был в 1,6 раза ниже, чем в мире в целом, в 4,6 раза ниже, чем в развитых капиталистических странах, в 6,6 раза ниже, чем в США, в 4,4 раза ниже, чем в Западной Европе, в 4,9 раза ниже, чем во Франции и Германии, Великобритании, и в 2 раза ниже, чем в Японии[1]. Значительное отставание России по показателю народного дохода на душу населения от других стран среди прочих факторов определяется более быстрыми, чем в этих странах, темпами роста населения и крайне неустойчивым ростом народного дохода. Если в период 1860–1910 гг. прирост населения только европейской части России составил 90,8%, то Европы без России — 44,3%, в том числе Англии (включая Уэльс, Шотландию и Ирландию) — 54,8, Германии — 72,2, Франции — 10,6%[2]. Неустойчивость роста народного дохода характеризуется следующими данными. Из 60 лет (1857–1917), по которым есть статистические данные, 20 лет были годами резкого снижения народного дохода (от 15 до 25%), еще 10 лет — снижения народного дохода (до 15%) и только половина (30 лет) была периодом его роста[3].

Неустойчивость роста народного дохода определялась влиянием неурожайных лет, войн, эпидемий, уносивших производителей народного дохода, а также структурой рабочей силы.

В период, последовавший после промышленного переворота и начавшейся Второй промышленной революции в России, происходили прогрессивные сдвиги в национальном доходе, который динамично развивался.

Учитывая, что Россия в исследуемый период оставалась аграрной страной, для выяснения потенций ее роста важен динамизм сельскохозяйственного производства. По имеющимся данным о структуре народного дохода в период 1864–1894 гг. среднегодовой темп сельскохозяйственной продукции был в 1,4 раза ниже, чем промышленной, а в период 1900–1913 гг. — в 1,2 раза. В целом же, по расчетам английского экономиста и статистика М. Мелхолла, рост народного дохода России в период 1864–1894 гг. составил 177,7%[4] (среднегодовой прирост 1,95%),

---

[1] *Бор М.З.* История мировой экономики. М.: Дело и сервис, 1998. С. 248.

[2] *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М.: Гос. стат. издат., 1956. С. 48.

[3] *Миронов Б.Н.* Экономический рост и образование в России // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 124–125.

[4] *Вайнштейн Альб.* Народный доход России и СССР. М.: Наука, 1969. С. 7, 46, 52–54, 70.

при этом рост чистой продукции сельского хозяйства — 163% (среднегодовой прирост 1,65%), добывающей промышленности — 180% (среднегодовой прирост 2,0%), обрабатывающей промышленности — 215% (среднегодовой прирост 2,6%), торговли — 183,9% (среднегодовой прирост 2,05%), транспорта — 186,2% (среднегодовой прирост 2,1%). Дифференциация в темпах роста различных отраслей привела к изменениям в структуре народного дохода в период 1864–1894 гг. в сторону роста отраслей обрабатывающей промышленности с 15,6 до 18,9%, торговли — с 10 до 10,2%, транспорта — с 10,3 до 10,7%, доля же сельского хозяйства упала с 35 до 32,3%. Опережающий рост промышленности в сравнении с сельским хозяйством, торговлей и транспортом был, с одной стороны, выражением прогрессивной тенденции, а с другой стороны, в результате подобного опережения стали складываться диспропорции между развитием промышленности (и всей экономики в целом) и торговлей, а также транспортом[1].

Железнодорожное строительство

Роль ускорителя экономического роста в конце XIX — начале XX в. сыграло широко развернувшееся железнодорожное строительство.

Оно находилось в тесной связи с ускоренным ростом русской промышленности и торговли. С другой стороны, железнодорожное строительство способствовало развитию многих отраслей тяжелой промышленности и придавало подъему производства длительный характер.

Только за семь лет (с 1895 по 1902 г.) было создано около 130 железных дорог и их различных ответвлений. В их число вошли такие магистрали, как Москва — Казань, Курск — Киев, Тамбов — Саратов, Киев — Ковель и много других. В течение этого времени была построена Сибирская железная дорога, связавшая Европейскую Россию с Тихим океаном. Всего за 10 лет было проведено свыше 21 тыс. верст новых путей. Среди них было 12 тыс. верст казенных и 9 тыс. частных железных дорог. Общая протяженность железнодорожной сети достигла 50 тыс. км.

Решающую роль во всем казенном строительстве 1890-х гг. играла Сибирская магистраль. Эта дорога, общее протяжение которой составило свыше 6500 верст, строилась в течение всего десятилетия. Интересна история ее создания. Первые проекты Сибирской железнодорожной магистрали относились еще к дореформенному периоду. В начале 1870-х гг. Александром II была создана специальная комиссия для определения направления дороги. Однако в течение 1870–1880-х гг. правительство занималось лишь проектными изысканиями. Приступить практически к столь крупному строительству не решались ни само правительство,

[1] *Вайнштейн Альб.* Народный доход России и СССР. М.: Наука, 1969. С. 7, 46, 52–54, 70.

ни частные капиталистические компании. Только в 1891 г. было принято решение построить Сибирскую магистраль. Для руководства этим делом был организован специальный комитет во главе с Николаем II, который играл в основном декоративную роль. Фактическим руководителем строительства Сибирской дороги был министр финансов С.Ю. Витте, считавший, что это мероприятие, с одной стороны, укрепит военно-стратегические позиции России на Дальнем Востоке, а с другой — будет способствовать общему развитию капиталистического хозяйства страны. Несмотря на то что строительство Сибирской дороги началось одновременно с двух концов — с востока и запада, оно длилось почти десять лет и казна затратила на него вместо первоначально намеченных 350 млн руб, около 600 млн руб.

Указанная сумма была израсходована до конца XIX в. Если же к ней добавить капиталовложения последующих лет, а также средства, затраченные на постройку Китайско-Восточной железной дороги, то общая стоимость строительства Сибирского пути составит не менее миллиарда рублей.

Основные линии Сибирской железной дороги были построены подрядным способом. Эксплуатируя строительных рабочих, набиравшихся главным образом из среды обнищавшего крестьянства, раздувая строительные сметы, допуская перерасходы и растраты, подрядчики при прямой поддержке чиновников министерств финансов и путей сообщения наживали огромные капиталы. Большая часть заседаний комитета по строительству Сибирской железной дороги была посвящена пересмотру и увеличению первоначальных строительных смет отдельных участков. Об огромных перерасходах и хищениях на этом строительстве пишет в своих воспоминаниях управляющий делами Сибирского комитета А.Н. Куломзин. Так, он сообщает, что уже на заседании Комитета 10 декабря 1897 г. выяснилось, что стоимость строительства основных участков дороги превышена против утвержденных смет на 24%.

Сибирская дорога, несмотря на огромные средства, затраченные на нее, оказалась наименее технически оборудованной из всех железнодорожных магистралей России. Она была построена из плохих, быстро изнашивавшихся материалов. Общая протяженность мостов на этой дороге составляла около 45 верст. Из них металлических было только 10 верст, а деревянных — 35.

Царские чиновники, непосредственно руководившие строительством Сибирского пути, вынуждены были признать, что дорога оказалась исключительно дорогой и вместе с тем плохой. Так, А.Н. Куломзин, руководитель канцелярии Кабинета министров, в своих воспоминаниях отмечает: «Когда может явиться необходимость спешно перебросить на Дальний Восток сколько-нибудь значительное число войск, то на-

ступит полное разочарование и дорога окажется игрушечной»[1]. Максимальная скорость движения, которую можно было развить на Сибирской дороге, равнялась 25 верстам в час. По некоторым подсчетам, чтобы увеличить эту скорость, необходимо было дополнительно затратить около 50 млн руб. на замену деревянных мостов металлическими и упрочение верхнего строения пути.

Начиная с 1880-х гг. правительство стало на путь выкупа частных железных дорог. За десятилетие были выкуплены Ряжско-Моршанская, Харьково-Николаевская, Балтийская, Тамбово-Саратовская, Уральская и ряд других магистралей общим протяжением свыше 10 тыс. верст. Операция выкупа частных дорог была тем более возможной и легко осуществимой, что весь облигационный капитал (и небольшая часть акционерного) находился в руках казны. Дело свелось к выкупу акций владельцев этих линий. Железнодорожные магнаты использовали переход ряда частных дорог к правительству как средство для нового ограбления казны. Правительство вынуждено было прежде всего аннулировать долги выкупленных дорог по своей гарантии. Большинство этих линий было убыточным и ежегодно получало приплату от казны. Общая задолженность частных обществ по правительственной гарантии к началу 1880-х гг. достигла колоссальной цифры в 1100 млн руб.

Эти в значительной степени безнадежные долги тяжелым грузом висели на государственном бюджете. В докладе Александру III по поводу бюджетной росписи на 1884 г. министр финансов Бунге отмечал, что если бы железнодорожные компании вернули хотя бы 1/10 часть числившихся за ними долгов, то с лихвой была бы покрыта дефицитность государственного бюджета.

Ближайшим финансовым результатом выкупа железнодорожных линий казной была окончательная ликвидация всей их задолженности по правительственным ссудам и гарантиям. Общая сумма убытков казны по аннулированным долгам частных обществ превысила 700 млн руб.

К началу XX в. из общей сети железных дорог в 50 тыс. верст частным обществам принадлежало только 16 тыс. верст. У казны было сосредоточено свыше 2/3 всей железнодорожной сети. Процесс выкупа частных дорог царским правительством продолжался в XX в. и полностью не был завершен.

Поворот от неограниченной поддержки частного строительства к сосредоточению железнодорожного дела у казны помимо причин, указанных выше, объяснялся изменениями, происшедшими в финансово-экономическом положении страны. 80–90-е гг. XIX в. были периодом успешного развития промышленного капитализма в России и некоторого укрепления в связи с этим бюджетного хозяйства. Стремясь подготовить

[1] *Куломзин А. Н.* Пережитое. Воспоминание. М.: РОСПЭН, 2016.

условия для проведения денежной реформы, Министерство финансов стало на путь накопления золотого запаса внутри страны. Наряду с созданием активного торгового баланса правительство добилось улучшения общего платежного баланса России. Активное сальдо платежного баланса за период с 1881 по 1897 г. было равно 273 млн руб. Хотя в течение этого времени царское правительство не могло отказаться от заграничных займов, которые составили за 16 лет свыше миллиарда рублей, общее состояние платежного баланса России все же несколько улучшилось по сравнению с предшествующим двадцатилетием. Это обстоятельство устранило необходимость форсирования выпуска частных облигационных займов железнодорожных компаний за границей для уравновешивания платежного баланса страны.

В течение 1880–1890-х гг. известные изменения произошли и в бюджетном хозяйстве России. Правительству как будто удалось добиться не только ликвидации дефицита, но и создания некоторых бюджетных резервов. Благодаря этому оно могло уже затрачивать некоторую часть средств своего обыкновенного бюджета на строительство железных дорог. Так, с 1893 по 1902 г. на создание железнодорожных линий было затрачено 1700 млн руб. Из этой суммы только около 500 млн руб. было покрыто за счет займов, остальные 1200 млн руб. взяли из средств обыкновенного бюджета и бюджетных остатков.

Несмотря на улучшение платежного баланса и бюджетного хозяйства, правительство все же не могло вовсе отказаться от частного строительства. Облигационные займы акционерных обществ по-прежнему содействовали притоку золота из-за границы и несколько улучшали платежный баланс России. А этот мотив и в новых условиях был настолько важным, что Министерство финансов не могло с ним не считаться. Кроме того, в связи с промышленным подъемом 1890-х гг. процесс накопления капиталов внутри страны шел исключительно быстро, и частные компании имели возможность размещать в России значительную часть своих облигационных займов. По подсчетам П.П. Мигулина, за период с 1893 по 1902 г. частными компаниями было выпущено гарантированных правительством облигационных займов на общую сумму в 870 млн руб. При этом 48% (т.е. около половины всех облигаций) было размещено внутри страны.

Ввиду всех указанных соображений царское правительство и в течение 1890-х гг. не могло отказаться от частного железнодорожного строительства. За десятилетие было выстроено 9 тыс. км частных железных дорог.

Железнодорожная политика царизма, оказывавшая содействие и предпочтение крупным обществам, ускоряла естественный процесс централизации капиталов в руках немногих компаний, содействуя слиянию отдельных обществ под командой наиболее крупных капитали-

стических воротил. Благодаря этому все новое строительство 1890-х гг. оказалось в руках семи укрупненных обществ. Общество Московско-Рязанской дороги, на которое было возложено создание новой магистральной линии до Казани, стало называться обществом Московско-Казанской железной дороги. При этом были соответственно увеличены акционерный и облигационный капиталы компании. Указанное общество было наиболее крупным. В течение 1890-х гг. оно построило около 3 тыс. верст железнодорожных линий. Весьма широкую строительную деятельность развернуло также юго-восточное общество, построившее около 2 тыс. верст.

Установление правительственного контроля за финансовой деятельностью дорог не внесло существенных изменений во взаимоотношения казны с частными обществами. В течение 1880–1890-х гг. сохранилась система гарантированных приплат казны частным обществам. Вместе с тем ежегодно увеличивались расходы государственного бюджета на погашение и выплату процентов по железнодорожным займам. Если в начале десятилетия на эту цель ежегодно расходовалось 55 млн руб., то уже в 1889 г. было затрачено 75 млн, а к началу XX в. — 112 млн руб. Огромная дань иностранным кредиторам, держателям железнодорожных облигаций, наряду с другими расходами по всему государственному долгу России висела тяжелым грузом на русском государственном бюджете.

В течение 1880–1890-х гг. правительство провело и некоторые другие мероприятия, направленные на упорядочение железнодорожного хозяйства. Наиболее важным из них было преобразование тарифного дела, руководство которым с 1884 г. было возложено на Министерство финансов. В разработанном едином сборнике тарифов российских железных дорог был проведен принцип дифференцированной платы за провоз грузов в зависимости от дальности расстояния. Более низкие пудо-верстные ставки, введенные для дальних перевозок, способствовали втягиванию самых отдаленных углов страны в товарно-денежный оборот. Новая система железнодорожных тарифов ликвидировала также то преимущество, которым в ущерб русским торгово-промышленным кругам пользовались иностранные капиталисты при провозе своих товаров с западных границ России в глубь страны.

В целом же история железнодорожного строительства в России представляет ряд характерных черт, актуальных для современного этапа управления. Они заключались в следующем.

1. Смешанная политика инвестирования предполагала активное привлечение частных капиталов, в основном отечественных, при значительных протекционистских мерах.

2. Периоды активного частного строительства (60–70-е гг. XIX в., частично начало XX в.) сменялись периодами преимущественно государственного строительства (80–90-е гг. XIX в., предвоенный подъем

1909–1913 гг.). Но государственный бюджет всегда брал на себя основную долю расходов.

3. Злоупотребления в железнодорожном хозяйстве вызывали в широких слоях населения обобщенное представление о хищнических проявлениях частного капитала, а у определенных кругов общественности — разочарование эпохой либерализма. Последнее было одной из причин контрреформ 80–90-х гг. XIX в.

Подъем 1890-х гг. Реформа Витте

Если подъему экономического развития в 1870-х гг. предшествовали реформы 60–70-х гг. XIX в., то подъему 1890-х гг. предшествовали не реформы, а контрреформы 1880-х гг., которые начались с убийства Александра II. Восшествие на престол императора Александра III ознаменовалось манифестом об укреплении самодержавия. Программа демократических реформ, изложенная графом М.Т. Лорис-Меликовым и поданная Александру II за месяц до гибели императора, резко отрицалась. Вместо нее принимается ряд мер по укреплению самодержавия, утверждается «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», снимаются либеральные министры, на предприятиях вводятся государственные фабричные инспекции, принимается новый университетский устав, ограничивающий автономию высшей школы (1884).

Различные исторические источники (мемуары, пресса, научная литература) свидетельствуют о том, что отход от политики демократических реформ произошел не только под влиянием правительства. К 80-м гг. XIX в. в обществе зреет разочарование в результатах реформ. Либеральные преобразования неизбежно вызывали в России рост радикализма, терроризма, преступности. Они были связаны с нарастанием имущественного неравенства, бедностью, бродяжничеством, финансовыми махинациями. Различные слои населения все больше склонялись к поиску твердой руки. Дворянство, в основном не принявшее реформ; деловые круги, заинтересованные в защите их собственности; простые люди, боявшиеся вспышек терроризма, — все жаждали стабилизации. Вместе с тем к 1880–1890-м гг. в России появился совершенно новый тип человека. Философ В.В. Розанов в записках под названием «Русский Нил» писал об этом человеке так: «Я настаиваю, что человек именно «родился» вновь, а не преобразовался из прежнего, например, из известного человека 40-х годов, тоже идеалиста и гегельянца, любителя муз и прогрессивных реформ. Этому, тогда «вновь» родившемуся человеку не передали ничего ни декабристы, ни даже Герцен: хотя в литературе «этих людей» и трактовались постоянно декабристы и Герцен, даже трактовались с видом подчинения и восторга. Но именно только с видом». Главное

обвинение Розанова этим людям заключается в их лицемерии. Розанов завершает характеристику так: «Вся реальность в одном. Вся идеология в другом. Непреодолимое расхождение. До отвращения, до крови»[1]. Насколько был распространен подобный тип, насколько он определял настроение широких слоев России? Ответ на этот вопрос требует глубокого исследования. Но в связи с интересующей нас темой следует отметить, что влияние подобного типа интеллигента на контрреформы 1880-х гг. выразилось в неравноправном сочетании поиска стабильности с поиском «виновных» в ее нарушении.

В экономической сфере наступает время «малых дел», которые сыграли немалую роль в последовавшем в 1890-е гг. подъеме. В связи с этим следует отметить прежде всего политику министра финансов И.А. Вышнеградского, которая во многом подготовила реформу С.В. Витте. Основная направленность политики Вышнеградского заключалась в таможенной защите российского рынка, сохранении низких налогов на промышленность, стимулировании экспорта, поддержании бездефицитного бюджета, активного накопления золотого запаса.

Политика накопления золотого запаса для осуществления денежной реформы была характерна для всего периода конца 1880-х — конца 1890-х гг. За это время в страну было ввезено золота на сумму 273 млн руб. и заключено новых займов на сумму 1050 млн руб. Программа денежной реформы министров финансов Вышнеградского и Бунге включала и привлечение частных лиц к сделкам с золотом. В 1887 г. комитет финансов вынес специальное решение о стабилизации курса бумажного рубля на существующем уровне. Характер будущей денежной реформы определялся в форме девальвации.

Накопив достаточный запас золота, правительство с начала 1890-х гг. смогло, применяя метод широкой валютной интервенции на русской и иностранной биржах, добиться стабилизации курса рубля на определенном уровне. К моменту начала реформы С.В. Витте курс рубля равнялся приблизительно 66 коп. золота. На этом уровне и была проведена девальвация. В отличие от прежних реформ, Витте изменил золотое содержание рубля, уменьшил масштаб цен, вместо того чтобы провести саму операцию размена по пониженному курсу. Существовавшие до реформы десятирублевые золотые монеты были превращены в пятнадцатирублевые империалы, а пятирублевые — в полуимпериалы или 7 руб. 50 коп. Другими словами, вес чистого золота в одном рубле был понижен на 1/3 (с 26,1 до 17,4 доли чистого золота). Впоследствии в обращение были выпущены десятирублевые и пятирублевые золотые монеты с соответственно пониженным весом. Таким образом, девальвация, проведенная Витте, носила скрытый характер. Золотой рубль был приспособлен

[1] *Розанов В.В.* Русский Нил // Новый мир. 1989. № 7. С. 210.

к курсу бумажного рубля без обычного после девальвации всеобщего роста товарных цен.

Эмиссия новых кредитных билетов была возложена на Государственный банк. Закон 29 августа 1897 г. разрешал Государственному банку выпуск кредитных билетов на сумму 600 млн руб. при золотом покрытии не менее половины суммы. Дополнительная эмиссия сверх 600 млн руб. должна была иметь стопроцентное золотое покрытие. До Русско-японской войны 1904–1905 гг. это правило неуклонно соблюдалось. Денежная реформа Витте укрепила положение России на мировом финансовом рынке, стабилизировала внутренний денежный рынок, что безусловно способствовало экономическому росту. Но достижение этой цели осуществлялось на основе государственного долга, который к 1897 г. составил огромную сумму 6,735 млн руб. Погашение долга требовало развития внутренней экономики за счет индустриализации и подъема сельского хозяйства.

В социально-экономической политике 1880–1890-х гг. важен фабричный закон 1886 г., который вводил определенные нормы в отношениях хозяев с наемным персоналом. Для рабочих вводили расчетные книжки, фабриканты обязывались платить зарплату деньгами, а не продуктами. Выдача зарплаты рабочим должна была производиться не реже одного-двух раз в месяц. Штрафы не должны были превышать одну треть месячной зарплаты. Запрещалось взимать плату с рабочих за врачебную помощь, ограничивалась ночная работа. За выполнением закона на предприятиях следили государственные фабричные инспекторы.

Оценивая влияние реформ 60–70-х гг. и контрреформ 80-х гг. XIX в. на формирование макроэкономической структуры, следует отметить, что в первый период больше развивалась частная инициатива, а во второй — усиливалось влияние государства в структурной политике. В целом в 1870–1890-е гг. предприниматели превращались в значительную экономическую силу. Но, приобретая экономическую силу, они были лишены политической власти. В целях отстаивания своих интересов предприниматели в 1867 г. создают общество для содействия развитию русской промышленности и торговли, а в 1870 г. созывают торгово-промышленный съезд. Но эти организации действовали в условиях отсутствия единого закона развития государства, включающего экономическую сферу. Это отличало Россию от Запада, где действовали уже не один десяток лет Конституции как гарант капиталистического развития.

Условия предвоенного подъема 1909–1913 гг. Реформа П.А. Столыпина

Ситуация в России значительно изменилась в ходе революции 1905 г. Предвоенный подъем 1909–1913 гг. безусловно отражал не только экономическую конъюнктуру, но и новые социально-политические условия.

Манифест 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» предоставлял свободу слова, печати, вероисповедания, собраний, формально избирательного права. Образовывается Совет министров во главе с С.Ю. Витте. 16 ноября 1905 г. опубликовывается манифест об отмене выкупных платежей крестьян за землю по реформе 1861 г.[1] Создается партия крупной буржуазии «Союз 17 октября». В декабре 1905 г. публикуется закон о выборах в Государственную Думу. В компетенцию Думы входило принятие новых законов и бюджета. Избрание членов Думы проводилось губернскими избирательными собраниями, которые состояли из выборщиков. Они, в свою очередь, избирались съездами: земледельцев, городских избирателей, уполномоченных от волостей и казачьих станиц, а также рабочих промышленных предприятий. Выборы не были прямыми и всеобщими: исключались женщины, учащиеся, военнослужащие, кочевые народы. Срок деятельности одного созыва ограничивался пятью годами. В качестве верхней палаты Думы работал Государственный совет. Совет утверждал принятые Думой законы перед их представлением на подпись императору. Верховная власть принадлежала монарху, а законодательные функции осуществлялись им вместе с Думой и Госсоветом. Исполнительную власть представлял назначенный царем Совет Министров во главе с премьер-министром. Премьер-министр предлагал законы, идущие на утверждение в Думу и Госсовет. Во время перерыва работы сессий обеих палат законодательные акты могли проводиться непосредственно императорским указом, минуя Думу с последующим ее одобрением. Обращает на себя внимание тот факт, что в работе Государственной Думы первого созыва и Госсовета принимали участие такие выдающиеся ученые, как М. Ковалевский и В. Вернадский.

Материалы заседаний Госдумы, систематически публикуемые в газете «Реформа» в 1906–1907 гг., свидетельствуют о широком обсуждении аграрного вопроса, которое предшествовало Столыпинской реформе и представляло различные варианты аграрных преобразований. Их разнообразие предопределялось особенностями земельной собственности.

В России была необычная земельная собственность. В противоположность частному землевладению существовали подворное и та полоса, где господствует четвертое землевладение, т.е. нечто среднее между общим и подворным. Здесь отдельным лицам не предоставляется полного простора действий и, наоборот, для членов общины существуют права в полной мере.

Особенности российской земельной собственности были тесно связаны с формами землепользования, которые отличались значительной пестротой.

---

[1] С 1861 по 1905 г. бывшие крепостные заплатили государству за землю 1,6 млрд руб. — в среднем 50 руб. за десятину.

Наибольший удельный вес (38,5% — по 49 губерниям европейской части России) занимали государственные земли, чего не было ни в одной стране Европы. Крестьянские надельные земли составляли одну треть (33,5%) и отличались значительным разнообразием в условиях, формах и правах владения землей. Из надельных земель 85% были общинными и 15% подворными. Кроме того, в частной собственности крестьян находилось около 15% земли. В основном они были представлены мелкими крестьянскими хозяйствами. Крупные хозяйства были исключением. Частная собственность на землю формировалась путем покупки, дарения, наследования. Формы землепользования крестьян включали аренду, пользование, собственность. Крупные хозяйства сохраняли часто феодальные формы, т.е. существовали за счет отработок крестьян. Но были и развивались капиталистические хозяйства с наемным трудом.

Как повлияла реформа Столыпина на многоукладность сельского хозяйства и его динамичность? Задача П.А. Столыпина заключалась в создании вне общины частных крестьянских хозяйств. Вместе с тем Столыпин не выступал за полное устранение общинного землепользования. В речи на заседании Государственной Думы 15 марта 1910 г. Столыпин сказал: «Закон... не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли»[1].

В тех же районах, где предстоял раздел общинных земель, опасность заключалась в дроблении крестьянских хозяйств. Чтобы избежать подобного дробления, Столыпин запретил раздел земельного надела между членами семьи. Собственность или владение переходили к главе семьи. В общинах, где не было передела, земля признавалась перешедшей к наследственному владению с правом личной собственности. Крестьянам выделялись хутора с единым земельным массивом. Расширялось подворное землепользование.

Поддержка государством частного крестьянского хозяйства проявилась в отмене выкупа крестьянами земли у помещиков, установленного реформой 1861 г.; отмене круговой поруки; увеличении и удешевлении кредита Крестьянского банка; бюджетных субсидиях на покрытие льгот по кредитам. За период 1906–1917 гг. подобные субсидии составили 145,5 млрд руб., и крестьяне приобрели 8,5 млн десятин земли за счет кредитов банка. Реформа Столыпина привела к активному функционированию земельного рынка, но была запрещена продажа земли не крестьянам. Столыпин всячески поддерживал крестьянскую кооперацию, особенно кредитную, в основе которой лежала двухэтапная схема. На первом этапе Госбанк предоставлял кредитным кооперативам займы,

[1] Речь Столыпина на заседании Государственной Думы. Цит. по: Вопросы экономики. 1990. № 10. С. 85.

а на втором, после накопления собственного капитала, они действовали самостоятельно. Финансовым центром кредитной кооперации стал Московский Народный банк, централизованно перераспределяющий свободные ресурсы кредита между различными районами. Развитие кредита способствовало распространению потребительских и сбытовых кооперативов. Численность крестьянских кооперативов в период 1890–1917 гг. возросла в 30 раз.

Наряду с кооперативным укладом в результате реформы Столыпина укрепилось трудовое крестьянское хозяйство, но оставалось и помещичье хозяйство, и государственное землевладение, и общинное, и удельное. Иными словами, сельское хозяйство продолжало развиваться по пути многоукладности, что соответствовало идее Столыпина. Что же касается замысла реформатора осереднячить деревню, он не осуществился, так как класс самостоятельных крестьянских собственников был немногочисленным, формировался медленно и болезненно в силу прежде всего неподготовленности большинства крестьян к частному ведению хозяйства.

В оценке данного замысла реформы необходимо учесть и фактор времени. Столыпин рассчитывал на 20 лет мирного развития, реформа же была прервана войной на восьмом году, а лишилась ее организатора на пятом году осуществления. Отрицательную роль в становлении середняцкого хозяйства сыграл и недемократический характер реформы, проведение ее сверху, зачастую насильно. Переселение крестьян в Сибирь и Казахстан для разрешения проблемы малоземелья в Центральной России было организовано без достаточной инициативы снизу. 500 тыс. крестьян из 3,5 млн вернулись в течение 1906–1913 гг. на прежние места[1]. Заряд озлобления нищих людей играл во многих районах определяющую роль в революционных настроениях. В то же время в годы проведения реформы доля России в мировом производстве зерна достигла 25% при доле в населении мира 7,8%[2]. Повысились в 1,5 раза товарность и экспортные способности сельского хозяйства. Большинство районов России были обеспечены хлебом и имели хлебные излишки. Хотя необходимо иметь в виду, что рост товарности стимулировался не только естественным развитием хозяйства, но и усиливающейся потребностью крестьян в деньгах для уплаты кредитов Крестьянскому банку и налогов. Не удалось и создать достаточные резервы для неурожайных лет. В 1911–1912 гг. от голода пострадали около 30 млн крестьян[3].

---

[1] *Гусейнов Р.* История экономики России. Новосибирск, 1998. С. 226.

[2] *Гусейнов Р.* История экономики России. Новосибирск, 1998. С. 227.

[3] История России (1894–1922 гг.). Курс лекций: учебное пособие / О.В. Ефимов; АГПИ им. А.П. Гайдара. Арзамас, АГПИ. С. 4.

Оценивая реформу Столыпина под углом зрения ее влияния на экономическую динамику, следует отметить, что это был редкий в истории России период оживления сельского хозяйства за счет поддержки государством частной инициативы. Но социальная поддержка реформы — и это характерная черта для России — оставалась вне внимания правительства. Реформа Столыпина, как и все предшествующие реформы, была реформой «сверху».

Монополии и попытки антимонопольного и фабричного законодательства

Завершение промышленного переворота в России к 80-м гг. XIX в. привело к новым явлениям в организации экономической жизни страны. Необходимость достаточно крупных капиталов для развития промышленности и недостаточность их в руках отдельных предпринимателей предопределили бурное развитие акционерных обществ в России в период последней трети XIX — начале XX в. В промышленности это были в основном синдикаты, т.е. монополистические объединения, сохраняющие юридическую и, в значительной степени, производственную самостоятельность, но утрачивающие коммерческую самостоятельность. Из организованных в 1881–1899 гг. 1014 акционерных компаний к концу периода осталось 558 компаний, или 55%, а доля сохраненных в них капиталов составила 45,5% по отношению к началу периода. В следующем периоде — 1900–1913 гг. — сохранилось 58,9% акционерных обществ, а доля сохраненных к концу периода капиталов 60%; в предвоенный период (1914–1917) эти показатели составляли соответственно 82,2 и 96,2%. По этим данным можно утверждать нарастание устойчивости акционерных компаний и укрупнение их капиталов. Законодательных норм, регулирующих оформление и деятельность монополистических объединений, в России в тот период не существовало. Но существовали статьи уголовного и гражданского законодательства, предусматривающие наказание участников соглашений монопольного типа. По статьям 913 и 1180 Уложения о наказаниях промышленники и торговцы подвергались наказаниям в виде штрафа и даже ареста за стачки[1], сделки и другие соглашения, направленные на повышение цен на продовольственные и товары первой необходимости. Статья 242 Уголовного уложения 1903 г. предусматривала наказание тюремным заключением торговцев и промышленников, чрезмерно повышавших цены на продовольственные товары или предметы первой необходимости по соглашению с другими промышленниками и торговцами.

По смыслу статей 913 и 1180 Уложения о наказаниях, введенных в законодательство еще в середине XIX в., как и по смыслу статьи 242 Уголовного уложения 1903 г., которая совпадала со старыми нормами,

монополии в России были лишены формального права на существование. Указанные статьи предоставляли правительству возможность применения карательных мер по отношению к объединениям монополистического характера.

Административная и судебная практика 80–90-х гг. XIX в. и даже начала 1900-х гг. в России знала отдельные случаи признания незаконными синдикатских соглашений. В 1880-е гг. по делу о синдикате иголок коммерческий суд вынес определение о «незаконности» синдикатского договора. В 1895 и 1903 гг. на том же основании «незаконности» синдикатских соглашений было отказано в исках киевскому сахарному синдикату и польскому синдикату клеевых фабрик. В 1890-х и начале 1900-х гг. было закрыто несколько обществ, имевших характер синдиката. Так, в 1909 г. петербургским Присутствием об обществах было закрыто общество петербургских кирпичных заводчиков, признанное синдикатом.

Хотя подобные случаи и были, не они характеризуют политику правительственных органов в отношении синдикатов. Как правило, правительство не чинило препятствий возникавшим монополиям. Напротив, многие из монополий оформились и развернули свою деятельность с одобрения и согласия и при прямой поддержке правительства. Об этом ярко свидетельствует история подготовки и оформления многих монополистических объединений. К оформлению в виде акционерных обществ некоторые наиболее крупные монополистические объединения прибегали для того, чтобы избежать неудобств «нелегального» существования, лишавшего их открытости в заключение коммерческих сделок и выступлений в качестве юридического лица при судебных тяжбах. С другой стороны, официальное оформление делало монополии уязвимыми в обвинениях по статьям 913, 1180 и 242 в незаконности объединений. Практика оформления и существования синдикатов в России свидетельствует о том, что самый надежный путь для них заключался в поддержке правительства в виде специальных разрешений. Показательны в этом смысле: сахарный синдикат, синдикат керосинозаводчиков (1892 г.), утвержденный на семилетний срок «под наблюдением и контролем Министерства финансов; синдикаты в металлургическом и транспортном машиностроении. Деятельность синдикатов сопровождалась противостоянием между:

— помещиками и промышленниками;
— монополиями и немонополизированными предприятиями;
— монополиями между собой как внутри отдельных отраслей промышленности, так и между отраслями.

В условиях отсутствия законодательства правительство, как арбитр, в постоянных тяжбах между монополистами либо бездействовало, либо действовало «незаконными» путями.

Средние и мелкие предприниматели были бессильны вести борьбу с монополиями экономическими средствами. Они пытались прибегнуть к посредничеству правительства, надеясь на то, что правительство силой закона станет на защиту их интересов. Однако правительство, оказывавшее монополиям активную поддержку в их отдельных конфликтах с помещичьим классом, связанных в основном с захватом земель, богатых источниками сырья, с еще большей последовательностью проводило политику защиты монополий в тех случаях, когда речь шла о противостоянии мелкой и средней буржуазии.

Жалобы и ходатайства, поступавшие в Министерство торговли и промышленности, игнорировались чиновниками. В деле министерства об учреждении «Продамета» сохранилось одно из писем с жалобами на «противозаконную» деятельность по завышению цен, насильственное устранение конкурентов. На письме одним из чиновников министерства была наложена резолюция: «Товарищу министра доложено. Приказано оставить без последствий»[1].

Таких примеров можно привести множество. Одной из форм поддержки промышленных синдикатов были казенные заказы. Громадные злоупотребления в их распределении вызвали необходимость так называемых сенаторских ревизий. В 1908–1912 гг. были проведены ревизии: военного и морского министерства (сенатор Гарин); общественных и правительственных учреждений в Привислинском крае и Варшавском военном округе (сенатор Нейгарт); Сибирской железной дороги (сенатор Медем). Проверки выявили незаконные связи монополий с государственным аппаратом. Подкуп монополиями чиновников, согласно материалам проверок, был постоянной практикой. Сенатор Нейгарт пришел к выводу, что для получения подряда заказа или поставки синдикаты выделяли специальные суммы для уплаты «вознаграждений» должностным лицам. Сложилась разветвленная система подкупа. Она строилась из выдачи чиновникам, начиная с высших и кончая техническими служащими, определенных сумм, единовременных или регулярных. При заключении договоров чиновники выговаривали для себя определенный процент от сделки, достигающий, по нашим подсчетам, уровня порядка 10%. Многие синдикаты имели в правительственных учреждениях постоянных агентов — высоких «влиятельных лиц», которые продвигали их дела.

Создание Министерства торговли и промышленности (1906) и одновременно Совета съездов представителей промышленности усилило представительство промышленников в государственном аппарате, но не

[1] *Шполянский Д.И.* Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века (к вопросу о соотношении монополии и конкуренции). — М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 49.

привело в выработке «законных правил» взаимодействия государства и монополий. В этих условиях особую роль играли отдельные личности, налаживающие подобное взаимодействие. Среди них выделяется Н.С. Авдаков, состоящий в одно и то же время председателем правления десятка акционерных обществ в угольно-металлургической, судостроительной и золотопромышленности. Одновременно Авдаков возглавил общеимперский Совет съездов, был членом совета при Министерстве промышленности и торговли. Материалы российской прессы 1906–1914 гг. свидетельствуют о том, что деятельность крупных промышленников осуществлялась в борьбе с земскими организациями и помещиками. Именно запрос в Думе, организованный земцами-октябристами и вызвавший перепалку между помещиками и крупнокапиталистической прессой, стал толчком к принятию правительством решения в январе 1909 г. о составлении «правил о предпринимательских организациях». Было создано специальное совещание под руководством товарища министра торговли и промышленности Миллера, которое разрабатывало меры для борьбы с синдикатами на основе тех сведений, которые давали сами синдикаты через разосланные опросные листы. В результате было предложено при выдаче казенных заказов оказывать предпочтение предприятиям, не состоящим в соглашениях, и передавать заказы за границу с предварительного на каждый раз согласия Министерства торговли и промышленности. Практическое применение этого решения при распределении в 1909 г. заказов в распределении поставок для казенных железных дорог вылилось в предоставлении 52% поставок фирмам «Продугля» и 48% внесиндикатским предприятиям.

Капиталистический уклад в хозяйстве России знал разные формы монополий, но особенно распространена была форма синдиката.

Особенно интенсивно монополии начали расти в начале XX в. В 1902 г. возникло монополистическое объединение «Продамет» (для продажи изделий русских металлургических заводов), в 1904 г. — «Продвагон» и «Продуголь», в 1907 г. — синдикат «Съезд фабрикантов сельскохозяйственных машин и орудий — Треугольник», синдикаты «Медь», «Продарут», в 1908 г. — синдикат лодзинских хлопчатобумажных фабрикантов, в 1909 г. — синдикат морских транспортных обществ «Рожет», синдикат «Платина».

По подсчетам «Вольного экономического общества», к 1909 г. в России насчитывалось 140 монополистических объединений в 45 отраслях промышленности. Для управления хозяйством в этот период создаются специальные организации промышленной буржуазии: «Совет съездов горнопромышленников Юга России», «Совет съездов русских фабрикантов земледельческих машин и орудий», «Совет съездов бакинских нефтепромышленников». Рост монополизации производства вызывал недовольство широких общественных кругов. «Синдикатами полна наша

действительность, от них стонет казна и обыватель...» — писал журнал «Финансовое обозрение» в 1913 г. Хотя в России существовало законодательство, направленное против синдикатов и других типов монополий, оно удачно обходилось буржуазией, использующей форму акционерных обществ.

Особенностью монополистического капитализма в России было его переплетение с феодальными укладами жизни в России. В этих условиях особую роль играло государство, сращиваясь с монополиями и проводя политику государственного (казенного) капитализма. Подобная политика опиралась на огромный по масштабам государственный сектор и поддержку военно-промышленного комплекса. Тенденции государственно-монополистического капитализма усилились в годы Первой мировой войны. Но государство оказалось бессильным коренным образом разрешить социально-экономические проблемы, что стало основной причиной Октябрьской революции.

Попытки разрешения социальных проблем политическими методами оказались недостаточными для снятия конфликтов между рабочими и предпринимателями. В социально-экономической политике 1880–1890-х гг. значим фабричный закон 1886 г., который вводил определенные нормы в отношениях хозяев с наемным персоналом. Для рабочих вводили расчетные книжки, фабриканты обязывались платить зарплату деньгами, а не продуктами. Выдача зарплаты рабочим должна была производиться не реже одного-двух раз в месяц. Штрафы не должны были превышать одну треть месячной зарплаты. Запрещалось взимать плату с рабочих за врачебную помощь, ограничивалась ночная работа. За выполнением закона на предприятиях следили государственные фабричные инспекторы.

Для формирования фабричного закона 1886 г. много сделал профессор МГУ И.И. Янжул, назначенный «московским инспектором над занятиями малолетних рабочих». Развитие фабричного законодательства Янжул видел в:

1) свободном создании рабочими их союзов для защиты интересов и для улучшения их экономических условий труда и вообще быта;

2) свободном разрешении рабочим стачек или забастовок, кроме тех случаев, где этому противоречат иные более важные государственные или экономические интересы;

3) передаче фабричных вопросов в ведение Министерства внутренних дел из Министерства финансов.

Необходимость такого организационного изменения Янжул усматривал в том, что заведование фабрично-рабочим вопросом Министерством финансов противоречит существу дела и равносильно сидению между двумя стульями, так как министр финансов должен заботиться о возможном удовлетворении интересов фабрично-промышленных классов

предпринимателей и в то же время о наилучшем устройстве и удовлетворении интересов представителей труда, что, к сожалению, часто, хотя и не всегда, совершенно несовместимо и противоречит одно другому. Единственным выходом может в данном случае служить разделение ведомств, и если министр финансов заботится наряду с фискальными интересами о наилучшем удовлетворении выгод торгово-промышленных предпринимателей, то такая же забота о другой стороне, гораздо более многолюдной, о рабочих, должна быть перенесена и возложена на единственное ведомство, которому доверены создание и наблюдение порядка и благополучие целого народа — Министерство внутренних дел.

В конце XIX — начале XX в. предложения Янжула не были реализованы.

Экспорт и импорт капитала

Экспорт

В отличие от стран развитого капитализма, экспорт капитала в России был незначителен. Если в странах развитого капитализма в период перехода к монополистической стадии возник «избыток» капитала, то Россия ощущала на этой стадии его острый недостаток. Поэтому Россия ввозила капитал. В экспорте России и на монополистической стадии товары преобладали над капиталами. Экспорт капитала осуществлялся в основном в восточные страны в форме займов и в производительной форме. Российские капиталы в Китае и Маньчжурии составляли около 750 млн руб. Вложение в строительство Китайско-Восточной железной дороги составили около 500–600 млн руб. Россия экспортировала капитал и в другие страны: Персию, Афганистан, Монголию, Турцию и Балканские страны.

Россия вкладывала капиталы в Персии в железнодорожное строительство, строительство шоссейных дорог, телеграфных линий, строительство портов на Каспийском море. К 1914 г. задолженность Персии России превышала 100 млн руб.; Монголии — несколько десятков миллионов; Турции — 103,7 млн; Болгарии — 40,9 млн; Греции — 7,3 млн руб. Кроме этих долгов России на 1 января 1914 г. за границей находилось российское золото на сумму более 165 млн руб. Небольшие суммы капитала экспортировались и в Балканские страны. Но в целом экспорт капитала не играл в России той роли, которая была ему свойственна в развитых странах капитализма.

Импорт

Промышленный подъем 1890-х гг. усилил прилив иностранного капитала в Россию. Это обусловливалось рядом причин: значительным размахом железнодорожного строительства, высокими таможенными

пошлинами на импортируемые товары, более высокой нормой прибыли, чем в развитых странах.

По размеру импортируемого в Россию капитала на первом месте была Франция, на втором — Англия, на третьем — Германия и далее шли Бельгия и США. Франция вкладывала капитал в отрасли тяжелой промышленности и в кредитную систему: Германия — в предприятия электропромышленности, химической промышленности, акционерные банки; Англия — в легкую промышленность, в цветную металлургию и машиностроение; Бельгия — в предприятия горной промышленности, коммунальные, машиностроительные, химические; США — в машиностроительные заводы и торговые предприятия.

Вложения этих стран в акционерные общества России было представлено следующей структурой (табл. 8.1).

Таблица 8.1

Участие иностранного капитала в капитале акционерных обществ Российской империи по отраслям (1916 г.)

Отрасли	Весь капитал акционерный и облигационный, млн руб.	В том числе иностранный	В %
Горное дело	917,8	834,3	91
Обработка металла	937,8	392,7	42
Текстильная промышленность	685,4	192,5	28
Химическая	166,9	83,6	50
Обработка дерева	68,8	25,7	37

Источник: *Лященко П.И.* История народного хозяйства. М., 1948. С. 378.

По национальной принадлежности капиталы распределялись следующим образом: французские — 32,6%, английские — 22,6, германские — 19,7, бельгийские — 14,3, американские — 5,2, голландские — 1,6, швецарские — 1,5, шведские — 1,1, датские — 0,7, австрийские — 0,4, итальянские, норвежские — 0,1%.

Иностранный капитал привлекался в России не только в производительной, но и ссудной форме. Главным кредитором России была Франция. Перед Первой мировой войной российский долг Франции равнялся 3 млрд руб.; Голландии — 450 млн руб.; Англии — 250 млн руб. Сумма государственного долга России равнялась приблизительно 4 млрд руб. К ней следует добавить обязательства по гарантированным железнодорожным займам в сумме 1200 млн руб.; задолженность городов по займам, выпущенным в России, но реализованным за границей — в сумме 400 млн руб., закладные листы Дворянского и Крестьянского банков в руках иностранцев — в сумме 200 млн руб. К началу Первой мировой

войны, по подсчетам Н. Любимова, вложения иностранного капитала в акционерные и единоличные предприятия России составляли около 1,75 млрд руб. Таким образом, вся сумма иностранного капитала в России к 1914 г. составляла порядка 8 млрд руб. По заявлению Временного правительства с начала Первой мировой войны до марта 1917 г. были заключены соглашения об иностранных займах на сумму 6,6 млрд руб. Таковы количественные оценки иностранного капитала России. Что касается качественных оценок, то при всем их разнообразии и продолжающихся исследованиях можно, очевидно, сделать вывод, что собственные потенции капиталистического развития России были определяющими в конце XIX — начале XX в. Иностранный капитал в очень большой мере способствовал их использованию через обучение капиталистическим методам хозяйства.

Развитие внутреннего рынка

К концу XIX — началу XX в. произошли значительные изменения в развитии внутреннего рынка России. Основными факторами подобных изменений были: значительный рост общественного разделения труда и товарного хозяйства; рост товарного обращения; увеличение потребности внутреннего рынка в средствах производства для капиталистической промышленности и в предметах потребления для развивающихся городов. Главным потребителем продукции основных отраслей тяжелой промышленности стало железнодорожное строительство. Оно в рассматриваемый период играло основную роль в развитии внутреннего рынка и как потребитель, и как связывающее звено региональных рынков.

Рост суммы внутренних торговых оборотов характеризуется следующими данными: 1873 г. — 2400 млн руб., 1890 г. — 7755 млн, 1898 г. — 9903 млн руб. Важной качественной характеристикой торговой прибыли становится то, что она все в меньшей степени основывается на оборотах сельскохозяйственной продукции, и во все большей степени на оборотах банковского и промышленного капитала. Иными словами, накопление, полученное в торговле, все в большей степени концентрируется в банках в форме оборотного промышленного капитала.

Внешняя торговля

Структура внешней торговли России в конце XIX — начале XX в. отражала неразвитость промышленной структуры России. В импорте преобладали машины и оборудование, в экспорте — сельскохозяйственные продукты. В начале XX в. стоимость зерновых товаров составляла больше половины стоимости всего экспорта. Кроме зерновых товаров Россия вывозила лес, яйца, масло, лен, кожи, пушнину. Из промышленных

товаров Россия экспортировала: хлопчатобумажные ткани, металлы, сахар, шерсть, нефтепродукты, марганцевую руду, металлические изделия, стекло.

В импорте товаров доминировали промышленные изделия и некоторые виды сырья.

На первом месте в импорте стояли машины и аппараты, затем шли: шерсть, хлопок, металлы (черные и цветные), каменный уголь, чай, химические товары, шелк-сырец, пряжа. Потребность в импорте машин и оборудования, химических изделий и продуктов и цветной металлургии систематически нарастала до Первой мировой войны, а остальных товаров снижалась. Отдельные товары были предметом как экспорта, так и импорта. К ним относятся шерсть, хлопчатобумажные изделия, металлы.

На первом месте по объему российского экспорта и импорта стояла Германия (23,5% экспорта и 35,4% импорта). Германия вывозила из России: хлеб, лес, яйца, лен, кожевенное сырье, нефть, марганцевую руду, пушнину, а ввозила в основном машины.

На втором месте по торговым связям с Россией стояла Англия. Она экспортировала из России: лес, хлеб, яйца, нефтепродукты, марганцевую руду, кожевенное сырье, а импортировала каменный уголь, машины, каучук, хлопок, шерсть и пряжу.

На третьем месте находилась Голландия, вывозившая хлеб, лес, руду и ввозившая какао, кофе, каучук. Далее шли Франция, Австрия, Персия.

Если в западные страны Россия экспортировала в основном сырье, то в восточные страны — промышленные товары. Так, Россия вывозила в Китай хлопчатобумажные изделия, сахар, металл, стекло, спички, а ввозила в основном чай. Персии Россия продавала сахар, керосин, железо, стеклянные изделия, хлопчатобумажные ткани, а покупала у нее хлопок, фрукты, рис, икру.

Такая же направленность внешнеторговых связей была у России и с Афганистаном.

Развитию торговых связей с Китаем в большой мере способствовали Сибирская магистраль и Восточно-Китайская железная дорога.

Особенности финансовой системы России

Для понимания пути капиталистического развития России в конце XIX — начале XX в. важно знать, как формировалась ее финансовая система.

Исчерпывающую характеристику типа финансовой системы России дал И.Ф. Гиндин в работе «О вариациях и национальных разновидностях финансового капитала», где он выделяет два типа финансово-капиталистического сращивания. При первом господствуют банковские интересы, при втором — промышленные. Типичная форма первого типа — сра-

щивание банка с группой предприятий из различных отраслей, часто отвечающих принципам производственного комбинирования, потому что сращивание идет по линии банковских интересов. Технико-экономическое разнообразие производства и соответственно потребности инвестирования во многом определяли вертикальный характер первого типа сращивания. Типичная форма второго типа — капиталистический концерн, включающий в свой состав как подчиненную часть один или несколько банков. Здесь явно преобладают промышленные интересы. Второй тип был характерен для Англии и США. Первый кроме России был характерен для Германии и Австро-Венгрии. Наиболее значительная гегемония банковских интересов наблюдалась в России и Австрии, где развитие капитализма отставало от Германии. В Германии после Первой мировой войны, особенно в 1920-е гг., в результате развития горизонтальных связей сращивание промышленного и банковского капитала эволюционировало в сторону второго типа. В России же технико-экономическая разнородность стала одним из факторов развития первого типа. Подобный тип сращивания, основываясь на технико-экономических диспропорциях, со временем становится их генератором, причины и следствия меняются местами. Банки, сращиваясь с государственной властью, экономическая сила которой связана с управлением разнородными по степени включенности в рыночные отношения частями экономики, действуют в сторону генерирования диспропорций. Последнее связано с тем, что прибыли банков тем выше, чем значительней экономические диспропорции. Особенность России заключается в том, что развитие монополий изначально как государственных монополий началось в условиях макроэкономических диспропорций, устранение которых с помощью совершенной конкуренции было невозможно в силу отсутствия последней как стадии развития капитализма.

В последней трети XIX в. формировалась внутренняя потребность хозяйства России в изменении социально-экономической структуры. Она выражалась в том, что естественное развитие разделения труда, товарности, распространение капиталистического уклада прокладывали дорогу зачастую во враждебной среде. Подобная среда была связана с глубокими традициями России прежде всего в сфере собственности.

Значительный удельный вес государственной собственности и феномен «власть — собственность» породили такую характерную черту экономических изменений, как проведение их «сверху».

Проведенные в 1860–1870-е гг. реформы и последовавшая за ними контрреформа представляли взаимосвязанные события. Реформы «сверху» могли быть продолжены только поддержкой «снизу». Она оказалась недостаточной в силу ряда причин. Одна из наименее исследованных среди них — наличие в России двух культур — народной и элитарной. Их взаимодействие через систему образования и воспитания

только начиналось в период реформ. Требовалось значительное время для формирования единой культуры и единых целей.

Естественная потребность изменений в хозяйственной и социальной структурах предопределила политику инвестирования. Хотя она в целом опиралась на сочетание частного и государственного инвестирования, можно утверждать, что существовали периоды преимущественно государственного инвестирования и преимущественно частного. При всех недостатках государственное инвестирование создало основы частного, а частное питало государственное.

Модель «догоняющего развития» в конце XIX — начале XX в. повлияла на формирование макроэкономической структуры России. Оно начиналось с «верхних этажей» (железнодорожное строительство) при недостаточном развитии базовых отраслей.

Вопросы для обсуждения

- Оцените состояние аграрного сектора экономики Российской империи на рубеже XIX–XX вв.
- Какие факторы стимулировали, а какие ограничивали темпы развития промышленности в стране?
- Как вы понимаете, что такое «современный экономический рост»?
- В чем проявился переход к современному типу роста в Российской империи?
- Как вы понимаете, в чем состояли противоречия развития Российской империи на рубеже XIX–XX вв.?

Литература

1. *Верт Н.* История Советского государства. 1900—1991. — М.: ИНФРА-М, 1998.
2. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.
3. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
4. *Гловели Г.Д.* Экономическая история. Т. 2. М., 2017.
5. Кембриджская история Европы нового и новейшего времени. Т.1–2. М., 2012–2013.
6. *Ленин В.И.* — Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., Т. 27. — М., 1969.
7. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012.
8. *Погребинская В.А.* Социально-экономическая модернизация России и мира в период Второй промышленной революции (последняя треть XIX — начало XX в.). М.: ИНФРА-М, 2012
9. *Погребинский А.П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. (XIX — XX вв.). Волгоград, 2000 г.

ЛЕКЦИЯ 9

ЭКОНОМИКА РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИЙ

В.А. Погребинская

Поводом для начала Первой мировой войны послужило убийство в боснийском городе Сараево 15 (28) июня 1914 г. наследника престола Австро-Венгрии эрцгерцога Франца-Фердинанда, который возглавлял круги двуединой монархии, стремящиеся к поглощению Сербии. Причины войны коренились в глубоких противоречиях мировых держав, вступивших в монополистическую стадию развития. На рубеже XIX–XX вв. в результате неравномерности развития ведущих капиталистических стран изменилась расстановка сил на мировой арене. Отставшие ранее США и Германия вышли в этот период на первое и второе места, оттеснив Англию и Францию. Это стало причиной соперничества между наиболее крупными капиталистическими державами. В этом соперничестве определяющую роль играло господство на мировом рынке в связи с обладанием колониями. К началу XX в. раздел мира был в основном завершен, началась борьба за его передел. Колониями владели в основном Англия и Франция. У Германии, США и Японии колоний было мало. Особо активную роль за мировое господство и передел колоний играла Германия, которая сталкивалась с Англией и Францией. Источником противоречий между Германией и Россией стали противоположные торговые интересы и борьба за влияние в Турции. Строительство Багдадской железной дороги германскими фирмами противоречило интересам России в этом регионе. Противоречия между Россией и Австро-Венгрией развивались преимущественно из-за господства на Балканах и особенно усилились после аннексии в 1908 г. Боснии и Герцеговины. Клубок противоречий между мировыми державами неизбежно вел к войне. Как писал американский президент Томас Вудро Вильсон, «все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их поиски тщетны, причину эту они не найдут. Война началась не по какой-то одной причине, война началась по всем причинам сразу».

Политическая подготовка к войне

Первой мировой войне предшествовали политические события, приведшие к образованию двух противостоящих блоков государств: Тройственного союза в 1882 г. и Антанты в 1904–1907 гг. Тройственный союз представлял собой военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившийся в 1879–1882 гг. Главным организатором Тройственного союза являлась Германия, заключившая в 1879 г. военный союз с Австро-Венгрией. После этого, в 1882 г., к ним присоединилась Италия. Было создано ядро агрессивной военной группировки в Европе, направленной против России и Франции. 20 мая 1882 г. Германия, Австро-Венгрия и Италия подписали секретный договор о Тройственном союзе. Они взяли обязательства (сроком на пять лет) не принимать участия ни в каких союзах или соглашениях, направленных против одной из этих стран, консультироваться по вопросам политического и экономического характера и оказывать взаимную поддержку. Германия и Австро-Венгрия обязались оказать Италии помощь в случае, если она «без прямого вызова с ее стороны подверглась бы нападению Франции». Италия должна была сделать то же самое в случае неспровоцированного нападения Франции на Германию. Австро-Венгрии отводилась роль резерва на случай вступления в войну России. Стороны обязались в случае общего участия в войне не заключать сепаратного мира и держать договор о Тройственном союзе в тайне.

Договор возобновлялся в 1887 и 1891 гг. (при этом вносились дополнения и уточнения) и автоматически продлевался в 1902 и 1912 гг. Реакцией на создание Тройственного союза стало образование Антанты— военно-политического блока России, Англии и Франции, оформившегося в основном в 1904–1907 гг. и завершившего размежевание великих держав накануне Первой мировой войны. Термин возник в 1904 г. первоначально для обозначения англо-французского союза. Вначале употреблялось выражение l'Entente cordiale («сердечное согласие») в память кратковременного англо-французского союза в 1840-х гг., носившего то же название. Противостояние Антанты и Тройственного союза привело к Первой мировой войне, где противниками Антанты и ее союзников был Блок центральных держав, в котором Германия играла ведущую роль. Блок центральных держав стал преемником Тройственного союза, но отличался от него составом входивших стран. В начале Первой мировой войны Италия объявила о своем нейтралитете, что было неожиданно для Германии и серьезно нарушило ее планы. В 1915 г. Италия вышла из Тройственного союза и вступила в войну на стороне его противников. Османская империя и Болгария присоединились к Германии и Австро-Венгрии уже в ходе войны. Османская империя вступила в войну в октябре 1914 г., Болгария — в октябре 1915 г.

Экономическая подготовка к войне

Планы империалистических держав разрешить назревшие противоречия военными методами предопределили усиленное финансирование армии и флота. За период 1908–1913 гг. расходы в этой сфере возросли: в Англии в 1,3 раза, в России в 1,5 раза, во Франции в 1,4 раза, в Германии в 1,6 раза, в Австро-Венгрии в 1,7 раза, в Италии 1,9 раза, в США в 1,1 раза, в Японии в 1,4 раза. С 80-х гг. XIX в. до начала Первой мировой войны численность армий Англии, Франции и Германии выросла почти вдвое. Численность армии в России за этот период также возросла вдвое и составила 1385 тыс. человек. Наращивание военного потенциала для стран Антанты в разной степени влияло на положение народов этих стран, в зависимости от исходного экономического уровня. Наиболее тяжелым оно стало для России как страны, отстающей от Англии и Франции по многим экономическим показателям развития (табл. 9.1).

Таблица. 9.1

Важнейшие экономические показатели основных европейских государств в 1913 г.

Государства с колониями	Национальный доход, в млрд долл.	Валовая продукция промышленности, млрд долл.	Добыча угля, млн т	Добыча нефти, млн т	Добыча железной руды, млн т	Выплавка чугуна, в млн т	Выплавка стали, в млн т	Обеспеченность продовольствием за счет внутренних ресурсов, в %
Англия	10,9	9,0	344,1	1,1	18,2	10,9	7,7	Около 50
Франция	7,3	6,0	41,0	–	23,5	4,9	4,3	Около 80
Россия	7,5	4,0	29,1	9,2	9,2	3,7	3,9	Свыше 100
Всего Антанта	25,7	19.0	414,2	10,3	50,9	19,5	15,9	
Германия	10,5	10.0	277,0	0,1	28,6	15,4	17,1	Около 80
Австро-Венгрия	4,5	2,5	54,0	1,1	5,1	1,9	2,6	Около 90
Всего центральные державы	15,0	12,5	331,0	1,2	33,7	17,3	19,7	

Источник: Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 971.

В ходе войны нарастали преимущества Англии, так как она получила наибольшую помощь от США. В целом в странах Антанты работали 34 государственных военных завода, в Германии — 16. Военные заказы выполняли также частные заводы, например: в России — Путиловский, в Англии — Уитуорт и Виккерс, во Франции — Шнейдер — Крезо, в Германии — Крупп, в Австро-Венгрии — Шкода.

Экономика России в годы войны

Промышленность

Выпуск промышленной продукции России начал сокращаться уже с первых месяцев войны. Факторами падения производства стали: призыв рабочих в армию, закрытие иностранных предприятий, особенно немецких, перебои на транспорте, расстройство внешнеэкономических связей. В дальнейшем начали действовать как новые факторы падения производства, так и факторы его роста. К первым относится прежде всего потеря к осени 1915 г. большей части территории Варшавского района, в котором насчитывалось 4,2 тыс. предприятий и производилось 20% продукции. Что касается факторов роста промышленного производства, то они действовали в отраслях военного производства и осуществлялись в основном за счет государственных (казенных) заказов. По данным статистических отчетов за период 1913–1918 гг., в 1914–1915 гг. инвестиции в промышленность сократились, а в 1916 г. начался их значительный рост в основном в горную промышленность и выплавку металлов[1]. Изменилась структура инвестиций: преобладали отечественные инвестиции, иностранные почти отсутствовали. Военные действия стимулировали развитие отраслей ВПК за счет отраслей, работающих на потребление населения. Особенно пострадали мелкие предприятия пищевой промышленности. В целом производство промышленной продукции возрастало до 1917 г. за счет продукции для нужд войны. Так, в 1914 г. промышленная продукция составила по отношению к 1913 г. 101,2%, в 1915 г. — 113,7, в 1916 г. — 121,5, в 1917 г. резко упала до 77,3% от 1913 г.[2] Дифференциация роста промышленной продукции по отраслям выражалась в стремительном росте металлообрабатывающей промышленности (1916 г. по отношению к 1913 г. — 300%), производства химической промышленности (150% за тот же период), производства вооружения. Так, производство винтовок возросло в 1916 г. по сравнению с 1914 г. на 1100%, но этот рост не смог удовлетворить армию и был не сбалансирован с производством патронов — рост на 250%. Русская артиллерия остро нуждалась в снарядах, а пехота в ружьях (табл. 9.2).

[1] Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. М., 1926. С. 35.

[2] История СССР. Т. 6. М.: Наука, 1968. С. 563.

Таблица 9.2

Выпуск снарядов, тыс. шт.

Дата	Потребность (снарядов в день)	План	Реальное количество выпускаемых снарядов
18 декабря 1914 г.	4	20	13
15 февраля 1915 г.	45	20	15
15 апреля 1915 г.	45	27	16
15 мая 1915 г.	45	20	19
19 июля 1915 г.	45	40	24
30 августа 1915 г.	45	42	35

Как видно из табл. 9.2, рост снарядов был недостаточным для нужд армии. Этот вывод относится и ко всем средствам вооружения. Финансирование ВПК осуществлялось за счет гражданских отраслей, что вызвало резкое сокращение их продукции и привело к товарному голоду. Уже в 1915 г. по сравнению с 1913 г. выпуск предметов первой необходимости сократился на 11,2%.

Сельское хозяйство

В годы войны выпуск продукции сельского хозяйства падал в силу недостатка рабочих рук и разрыва связей с мировым рынком. Призывы в армии оголили деревню. Прекращение экспорта хлеба, льна, конопли и масла тяжело сказывалось на доходных статьях бюджета России, а прекращение импорта сельскохозяйственных машин при резком сокращении мужского труда и замене его женским способствовало падению производительности труда. За 1914–1916 гг. посевы продовольственных культур сократились на 11,9%, кормовых — на 10,4%. За два года войны было собрано 13,5 млрд пудов продовольственного и кормового зерна. Из этого количества правительство закупило хлеба около 1,4 млрд пудов, т.е. примерно 10% валового сбора и около 50% количества товарного зерна. В 1916 г. по сравнению с 1915 г. сбор хлеба был на 15–20% ниже[1]. Но, по мнению большинства компетентных экспертов, в их числе находился и Н.Д. Кондратьев[2], хлеба, несмотря на падение производства, было достаточно для обеспечения армии и населения. Причины его дефицита заключались в неспособности организовать его транспортировку и спекулятивных настроениях частных предпринимателей. Основные вла-

[1] История СССР. Т. 6. С. 585.

[2] См.: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование в годы войны и революции. М., 1989.

дельцы хлеба: кулаки, помещики, торговцы, мукомолы, банки, скупившие хлеб — придерживали хлеб в надежде на рост цен и наживу на нем. Основная проблема продовольственного кризиса заключалась в плохой организации правительственных закупок. В этих условиях правительство пошло на установление разверстки на хлеб по твердым ценам, введя ее в 31 губернии в количестве 771,1 млн пудов. Фактическое поступление хлеба должно было начаться с января 1917 г., к февралю 1917 г. поступило менее 10% от предполагаемого объема. Неудача продразверстки определялась прежде всего нежеланием крестьянства продавать хлеб по твердым ценам, а покупать необходимые товары по спекулятивным ценам. Сельские волости отказывались принимать разверстку. Опыт неудачной продовольственной разверстки, проведенной царским правительством[1], был учтен большевиками, но не в смысле выгодных для крестьянства цен, а в смысле ужесточения мер изъятия продовольствия.

Еще большие трудности возникли с поставками сахара и мяса. Производство сахара сократилось на треть из-за сокращения посевов и их гибели. Ввиду острой нехватки сахара в 70 губерниях были введены твердые цены и карточки на сахар. Что касается мяса, то его острая нехватка в армии и тылу была связана с тем, что 6 млн голов скота было потеряно в связи с захватом противником Польши. Основной фонд скота европейской части России сократился на 5–7 млн голов. Однако на окраинах России находились избытки скота, но проблема их доставки стала неразрешимой из-за транспортного кризиса. В этих условиях правительство монополизировало снабжение армии и городов мясом, но обеспечить его не смогло также в силу кризиса на транспорте. Что касается частного рынка, то поставки мяса сократились в Петербурге в 4 раза в 1916 г. по сравнению с 1915 г. Назревал голод из-за нехватки основных продовольственных продуктов.

На грани голода оказалась армия. За период с декабря 1917 г. по январь 1917 г. поступления хлеба на фронт колебалось от 50 до 33% от плановых норм. Продовольственный кризис в Петрограде и Москве для большинства населения приобретал характер хлебного голода. Все это вызывало массовое недовольство войной и правительством.

Финансы

На нужды обороны ежегодно расходовалась 1/3 народного дохода, который накануне войны составлял 16,4 млрд руб. Источником финансирования войны стали косвенные налоги на насущные потребности населения, прямые налоги, внутренние и внешние займы, выпуск бумажных денег. На 1 марта 1917 г. сумма бумажных денег в обращении составила 9950 млн руб. при золотом обеспечении 1476 млн руб. Огром-

[1] См. об этом подробнее следующую лекцию о военном коммунизме.

ный выпуск необеспеченных бумажных денег привел к их обесценению и инфляции, значительно большей, чем в других воюющих странах. Если во Франции количество бумажных денег увеличилось на 100%, в Германии — на 200%, то в России — в 6 раз. Выгода царского правительства от выпуска бумажных денег, по подсчетам Министерства финансов, составила в переводе на золото 5365,9 млн руб.[1] Другим источником финансирования войны стали внутренние и внешние займы. Было выпущено с начала войны до Февральской революции шесть внутренних займов на сумму 8 млрд руб., из них 500 млн ушло на выплату процентов, а оставшиеся 7,5 млрд руб. царское правительство получило на нужды войны. Однако внутренние займы не пользовались популярностью среди населения. Внешние займы составляли к началу Февральской революции 6,3 млрд руб. Из них — 4,5 млрд руб. предоставила Англия, 1,25 млрд — Франция, 250 млн — США,154,5 млн — Япония, 121 млн — Италия. Эти займы шли в основном на оплату заграничных заказов на предметы вооружения и уплату процентов по старым государственным долгам, а также на поддержание падающего курса рубля и расчеты по обязательствам промышленных предприятий и банков. Внешние займы предоставлялись России на тяжелых условиях. Россия платила по ним огромные проценты, подчинялась контролю английского и французского правительств над военными заказами. Финансирование войны стало для России новым этапом зависимости от стран Антанты.

Для финансирования войны использовался и такой источник, как увеличение налогов. Были повышены ставки всех прямых и косвенных налогов, пошлин, введены новые налоги. Этот источник дал к 1916 г. 500 млн руб., а в 1916 г. — 725 млн руб. Дополнительные налоги отражались прежде всего на доходах трудящихся. Введенный в 1915 г. подоходный налог не распространялся на доходы царя и царского дома. В течение двух с половиной лет войны не взимался налог на военные прибыли и только в 1917 г. он был запланирован всего на 55 млн руб. В целом же, в проекте бюджета на 1917 г. налоги составляли 53% в сравнении с 35% в 1913 г. Нацеленность финансовой системы на ведение войны была тесно связана и с изменениями в организации хозяйства в целом.

Организация хозяйства в годы войны

В годы Первой мировой войны сложились новые формы организации хозяйства, которые в целом можно охарактеризовать как государственно-монополистический капитализм. Для государственно-монополистического капитализма характерно переплетение частных и государственных монополий, достигших высокой степени концентра-

[1] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 5, д. 331, лл. 78–83. Цит. по: История СССР. Т. 6. С. 565.

ции и централизации капитала. На данной стадии капитализма происходит сращивание монополий с государством, соединение их в единый механизм. Особенность России заключалась в том, что государство на всех стадиях развития капитализма было определяющей силой его развития. Отсутствие четко выраженной стадии свободной конкуренции привело к тому, что монополистические тенденции в России развивались быстрее, чем в других развитых странах. Это было реакцией на слабое развитие частнокапиталистических тенденций, а не на высокую степень развития капитализма, как в ведущих странах Европы и США. В годы войны сращивание монополий и государства проявилось в деятельности организаций, которые должны были осуществлять военно-экономическое руководство страной. 15 февраля 1915 г. по инициативе Ставки Верховного главнокомандующего была создана особая распорядительная комиссия по артиллерийской части, которую возглавил великий князь Сергей Михайлович. Комиссия обращала внимание в основном на распределение снарядов и винтовок, а не производство вооружения в целом. Без расширения заводов решить задачу было просто невозможно. Острая нехватка снарядов в русской армии становилась трагичной для хода войны. В этих условиях председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, которого поддержали крупнейшие представители банков и промышленности, обратился в Ставку с предложением о создании Особого совещания по усилению снабжения действующей армии основными видами довольствия. Предложение было принято и в дальнейшем было организовано четыре Особых совещания: по обороне, топливу, продовольствию и перевозкам с соответствующими министрами во главе. Особые совещания получили широкие полномочия. Особенно это относится к Особому совещанию по обороне. Оно осуществляло надзор за деятельностью промышленности, способствовало образованию новых заводов, распределяло военные заказы, обладало местным аппаратом (заводские совещания). Особому совещанию по обороне подчинялись русские правительственные комитеты в Лондоне и США, через которые оформлялись заграничные военные заказы. Военный министр становился промышленным и финансовым диктатором. В его руках сосредоточивались неограниченные средства, и прежде всего военный фонд, за счет которого осуществлялось финансирование всех внутренних заказов. Все заграничные займы также поступали в распоряжение военного министра. Представители буржуазии получили право, высоко ими оцененное, быть членами Особых совещаний. Создание системы Особых совещаний усилило проникновение буржуазии в государственный аппарат и способствовало формированию военного государственно-монополистического капитализма. Этот процесс ускорился в связи с созданием органов по непосредственному регулированию отдельных отраслей промышленности. В июле 1915 г. при Министерстве торговли

и промышленности был создан Комитет для снабжения сырьем хлопчатобумажных фабрик, а затем Комитеты по делам суконной, льняной и джутовой промышленности. В своей деятельности они опирались на собственность текстильных фабрикантов. В январе 1916 г. был создан Комитет по делам металлургической промышленности, подчиненный Особому совещанию по обороне. Комитет не смог справиться с распределением металлов и фактически объединил деятельность всех синдикатов металлургической промышленности «Продамета», «Кровли», а также общество «Медь». В реальности именно монополии использовали в своей деятельности комитет, а не наоборот, как предполагалось вначале.

В годы Первой мировой войны ускорился процесс монополизации хозяйства. Усилился процесс комбинирования производства, в той или иной степени захватив все отрасли промышленности. Особенно ярко процесс комбинирования производства проявился в металлообрабатывающей и металлургической промышленности. Основной предпосылкой интенсификации этого процесса был значительный рост металлообрабатывающей промышленности в годы войны (в период 1914–1916 гг. продукция возросла более чем в 4 раза) при остром дефиците металла и роста цен на него. Для преодоления данной ситуации металлообрабатывающие предприятия стремились к объединению с металлургическими, а металлурги создавали собственные угольные шахты и железорудные рудники. Необходимым условием таких объединений стал рост могущества банков. Если до Первой мировой войны металлургические общества юга России были связаны в основном с иностранным капиталом через Русско-Азиатский и Международный коммерческий банк, то в ходе войны отечественный капитал через покупку акций становится основным инвестором металлургического производства и объединяет его с машиностроительной промышленностью, где и до войны отечественный капитал этих банков играл определяющую роль. В период войны возникают и крепнут монополистические объединения высшего типа, тресты и концерны, к которым можно отнести концерн братьев Рябушинских и Стахеева — Батолина. Что касается объединений синдикатского типа, особенно характерных для России, то в ходе войны они все больше сращиваются с государством, работая по заказам правительства. Такая система неизбежно вызывала потребность в программах развития, примером которой является программа строительства 37 военных заводов, разработанная под руководством начальника Главного артиллерийского управления генерала А.А. Маниковского. Хотя эта программа не была выполнена, в целом можно утверждать, что в годы войны сложились основные направления государственно-монополистического капитализма, которые были использованы большевиками в огосударствлении хозяйственной жизни после Октябрьской революции.

Причины и последствия Февральской революции. Октябрьская революция

Буржуазная революция 1905–1907 гг. не разрешила глубинных противоречий социально-экономического развития России, созревающих веками, хотя наметила путь их решения. В результате этой революции Россия вступила на путь превращения в конституционную монархию, были начаты аграрные преобразования (реформа Столыпина), возникли институты управления промышленностью. Но эти процессы были прерваны Первой мировой войной, в ходе которой обострились нерешенные проблемы: в аграрной сфере, в сфере национальных отношений, и возникли новые проблемы. Царское правительство проявило неспособность решения сложных проблем. В 1915–1917 гг. народы России несли бремя жесточайших кризисов: топливного, железнодорожного транспорта, металлургии и, наконец, продовольственного кризиса. В результате продовольственного и транспортного кризисов, а также падения производства гражданских отраслей потребление населения систематически снижалось (табл. 9.3).

Таблица 9.3

Сокращение народного потребления по сравнению с довоенным уровнем

Год	Сокращение народного потребления от довоенного уровня
1914	На 25%
1915	На 43%
1916	На 52%

К 1917 г. народное потребление уменьшилось наполовину в сравнении с довоенным уровнем. Продовольственный голод в дни Февральской революции был явлением не только петербургской жизни, но и жизни всей страны. Неудачи на фронте и голод в тылу, накопление социально-экономических противоречий по всем направлениям жизни населения накаляли обстановку в стране. Солдаты и народ в целом не понимали, во имя чего они приносят огромные жертвы. Наряду с этим шло прогрессирующее разложение правительственного лагеря и нарастание буржуазной оппозиции.

Победа Февральской революции[1] привела к двоевластию в России. Власть буржуазии опиралась на видных капиталистов, буржуазную интеллигенцию, членов земских управ на местах, буржуазные партии. Власть Советов рабочих и солдатских депутатов опиралась на широкие слои рабочих, солдат, крестьянскую бедноту, партии большевиков в со-

[1] См. подробно о ходе революции: История СССР. Т. 6. С. 655–696.

юзе с меньшевиками и эсеров. Образованное Временное правительство стремилось использовать революцию для доведения до победного конца войны. Такой же позиции придерживались эсеры и меньшевики. Однако в решении военных проблем Временное правительство было непоследовательно и противоречиво. Вынужденное поддержать инициативу большевиков о подчинении армии Советам рабочих и солдатских депутатов, которые уравнивали в гражданских правах офицеров и солдат (приказ № 1), а также уничтожали возможность командования армией прежним генералитетом, оно не смогло воспрепятствовать дезорганизации армии. Справиться с подобной дезорганизацией Временному правительству не удалось. Нерешенной оставалась и проблема голода. В этой ситуации 25 марта 1917 г. была введена хлебная монополия. Весной и летом 1917 г. были установлены твердые цены на уголь, нефть, кожу, шерсть, соль, яйца, масло, махорку. Повсеместно вводилась карточная система. Логическим продолжением этих мер стали инфляция и замена торговли натуральным товарообменом.

Временное правительство систематически усиливало регулирование рынка: создавались особые совещания, комитеты по топливу, продовольствию, перевозкам, экономический совет, главный экономический комитет. Были введены чрезвычайные меры: сформирована «Хлебармия снабжения», в которую входили армейские вооруженные отряды и городское население, направлявшееся на уборку урожая. Есть материалы, позволяющие утверждать, что готовились решения о введении всеобщей трудовой повинности.

Осуществление подобной политики требовало «жесткой руки», опирающейся на армию. У Временного правительства такой опоры не было. Невозможность решить проблемы мира и хлеба, поражения на фронте, хаос в управлении страной привели к свержению Временного правительства и Октябрьской революции.

Глубинная причина Октябрьской революции была та же, что и Февральской: противоречие между быстро развивающимися формами государственно-монополистического регулирования и незрелостью их социально-экономической базы. Конкретные условия развития этого противоречия заключались в том, что Первая мировая война значительно усугубила проблемы довоенного развития: аграрные, национальные, управленческие. Среди причин поражения Временного правительства следует выделить прежде всего военные неудачи на фронтах и неспособность российской буржуазии к управлению страной. Буржуазные партии только начинали складываться в России. У них отсутствовала единая программа социально-экономического развития России, которая была бы понятна народу и принята им. Партия большевиков предлагала программу, которая отвечала чаяниям большинства населения. Пер-

вые декреты о власти, мире и земле отражали интересы большинства. Неудачи Временного правительства создали благоприятную почву для веры населения в «другое» правительство, во многом противоположное предшествующему.

Вопросы для обсуждения

Каковы причины Первой мировой войны?

- Охарактеризуйте политическую и экономическую подготовку России, ее союзников и противников к войне.
- Что представлял собой военно-промышленный комплекс России в годы войны?
- Каково было состояние сельского хозяйства России в годы войны?
- Опишите финансы России в годы войны.
- Раскройте продовольственный и транспортный кризисы в период 1915–1917 гг.
- Каковы новые формы организации хозяйства в годы войны?
- Назовите причины Февральской революции.
- Охарактеризуйте кризис власти и причины Октябрьской революции.

Литература

1. *Верт Н.* История Советского государства. 1900—1991. — М.: ИНФРА-М, 1998.
2. История СССР. Т. 6 М. Наука 1968.
3. *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов, и его регулирование в годы войны и революции. М.: 1989.
4. Первая мировая война: влияние на экономику России и мира / под редакцией А.Г. Худокормова и В.П. Погребинской. М.: Теис, 2016.
5. Фабрично — заводская промышленность в период 1913—1918 гг. М.,1926.

ЛЕКЦИЯ 10

ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

В.А. Погребинская

Истоки политики военного коммунизма

Истоки политики военного коммунизма относятся к Первой мировой войне, когда Временное правительство предприняло попытку мобилизации экономики для нужд войны. Основной проблемой государственного регулирования в этот период становится проблема снабжения населения потребляющих районов продовольствием, а армии — вооружением и продовольствием. Разрешить эту проблему путем закупок по рыночным ценам в условиях сокращения запасов, резкого уменьшения числа производителей сельскохозяйственной продукции, нерегулярной работы транспорта, инфляции становилось невозможно. Поэтому уже с середины 1915 г. вводится так называемое губернаторское регулирование рынка, которое означало:

- запрещение вывоза хлеба из производящих губерний;
- запрещение вывоза скота из скотоводческих губерний;
- запрещение вывоза льна и овса из губерний, их производящих;
- покупку этих товаров государством по «нормальным» ценам;
- появление местных «такс» на предметы первой необходимости, которые превратились в общероссийские твердые цены;
- введение в некоторых городах карточек на муку и крупу (с начала 1916 г.);
- введение принудительной хлебной разверстки (с января 1917 г.), планы которой были выполнены лишь на треть.

Термин «военный коммунизм» был также предложен в годы Первой мировой войны. Известный ученый и большевик А.А. Богданов в 1916 г. в книге «Вопросы социализма» писал о том, что в годы войны внутренняя жизнь любой страны подчинена особой логике развития: большая часть трудоспособного населения уходит из сферы производства, ничего не производя и только потребляя. Возникает так называемый «потребительский коммунизм». Значительная часть национального бюджета при этом расходуется на военные нужды. Это неизбежно требует ограничения

в сфере потребления и контроля государства за распределением. Война также приводит к свертыванию демократических институтов в стране, поэтому можно сказать, что военный коммунизм обусловлен потребностями военного времени.

Хронологически осуществление политики «военного коммунизма» большевиками приходится на период Гражданской войны, однако отдельные элементы политики стали возникать еще в конце 1917 — начале 1918 г. Начиная с этого времени и до введения новой экономической политики в 1921 г. решением X съезда партии большевики последовательно проводили политику военного коммунизма.

До настоящего времени не утихают споры о том, в какой мере данная политика была требованием военного времени, а в какой — идеологией большевиков. Для ответа на этот вопрос остановимся подробнее на данной идеологии. Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс детально не прорабатывали черты коммунистической формации. Они считали, что в ней не будет частной собственности и товарно-денежных отношений, которые заменит уравнительный принцип распределения. При этом у Маркса речь шла об индустриально развитых странах и о мировой социалистической революции как событии одновременном для всех государств. В.И. Ленин выдвинул идею о возможности победы революции в отдельно взятой стране. Не признавая незрелость объективных предпосылок социалистической революции в России, значительная часть большевиков после Октябрьской революции требовала немедленного осуществления социалистических преобразований во всех сферах жизни общества. Возникает новое течение «левых коммунистов», ярким представителем которого был Н.И. Бухарин. Его сторонники настаивали на отказе от компромиссов с мировой и российской буржуазией, экспроприации частной собственности, свертывании товарно-денежных отношений, отмене денег. Они считали возможным введение принципов уравнительного распределения немедленно. Позиция В.И. Ленина менялась в зависимости от конкретной ситуации. До лета 1918 г. он критиковал взгляды левых коммунистов. В работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин настаивал на необходимости приостановки «красногвардейской атаки на капитал», организации учета и контроля на уже национализированных предприятиях, укреплении трудовой дисциплины, широком использовании принципа материальной заинтересованности, использовании буржуазных специалистов, допущении на определенных условиях иностранных концессий. В то же время он отстаивал идею прямого продуктообмена между городом и деревней через всеобщее кооперирование сельского населения, что сближало его позицию с позицией «левых коммунистов». Ситуация на фронтах Гражданской войны летом 1918 г., стихийное развитие революционного процесса в деревне и начало массовой интервенции склонили чашу весов в сторону чрезвычайных

мер. Однако вначале «военный коммунизм» рассматривался большевиками не только как политика, направленная на выживание советской власти в условиях гражданской войны, но и как начало строительства социализма. Большевики исходили из того, что всякая революция есть насилие, а значит, необходимо революционное принуждение. Развитие событий показало ограниченность возможностей «железной руки» рамками чрезвычайных условий войны.

Сущность и мероприятия политики военного коммунизма

Сущность и формы проведения политики военного коммунизма свидетельствуют о том, что в основном данная политика была следствием конкретной социально-экономической ситуации, требовавшей максимальной мобилизации сил. Основой военного коммунизма были чрезвычайные меры в снабжении городов и армии продовольствием, свертывание товарно-денежных отношений, национализация всей промышленности, включая мелкую, продразверстка, снабжение населения продовольственными и промышленными товарами по карточкам, всеобщая трудовая повинность и максимальная централизация управления народным хозяйством и страной в целом. Принцип продразверстки заключался в обязательной сдаче производителями государству установленной («разверстанной») нормы продуктов по установленным государством ценам.

Первые мероприятия военного коммунизма начинаются с национализации промышленности, банков и транспорта. «Красногвардейская атака на капитал», начавшаяся после декрета ВЦИК о введении рабочего контроля (14 ноября 1917 г.), весной 1918 г. временно приостанавливается. Однако уже в июне 1918 г. темпы ее начинают нарастать и в государственную собственность переходят все крупные и средние предприятия. В ноябре 1920 г. проходит конфискация мелких предприятий.

Истоки национализации также связаны с периодом Первой мировой войны и Февральской революции. Уже в июне-июле 1917 г. из России началось «бегство капитала». Первыми бежали иностранные предприниматели, потерявшие в России дешевую рабочую силу: после Февральской революции установление явочным порядком 8-часового рабочего дня, борьба за повышение заработной платы, узаконенные стачки лишили предпринимателей их сверхприбылей[1]. Постоянно нестабильная обстановка побуждала к бегству и многих отечественных промышленников. Мысли о национализации ряда предприятий систематически посещали министра торговли и промышленности А.И. Коновалова еще раньше, в мае, и по другим причинам: постоянные конфликты про-

[1] *Чернов В.* Великая русская революция. М., 2007.

мышленников с рабочими, вызывавшие забастовки, с одной стороны, и локауты — с другой, дезорганизовали и без того подорванную войной экономику[1].

С теми же проблемами столкнулись и большевики после Октябрьского переворота. Первые декреты Советской власти никакой передачи «фабрик рабочим» не предполагали, о чем красноречиво свидетельствует и утвержденное ВЦИК и СНК 14 (27) ноября 1917 г. Положение о рабочем контроле, которое специально оговаривало права предпринимателей[2]. Однако и перед новой властью встали вопросы: что делать с брошенными предприятиями и как предотвратить локауты и прочие формы саботажа?

Начавшаяся как управление бесхозными предприятиями, национализация в дальнейшем превратилась в меру по борьбе с контрреволюцией. Позже, на XI съезде РКП (б), Л.Д. Троцкий вспоминал[3]:

«...В Петрограде, а потом и в Москве, куда хлынула эта волна национализации, к нам являлись делегации с уральских заводов. У меня щемило сердце: «Что мы сделаем? Взять-то мы возьмем, а что мы сделаем?» Но из бесед с этими делегациями выяснилось, что меры военные абсолютно необходимы. Ведь директор фабрики со всем своим аппаратом, связями, конторой и перепиской — это же настоящая ячейка на том или другом уральском, или питерском, или московском заводе, ячейка той самой контрреволюции, ячейка хозяйственная, прочная, солидная, которая с оружием в руках ведет против нас борьбу. Стало быть, эта мера была политически необходимой мерой самосохранения. Перейти к более правильному учету того, что мы можем организовать, начать борьбу хозяйственную мы могли лишь после того, как обеспечили себе не абсолютную, но хотя бы относительную возможность этой хозяйственной работы. С точки зрения отвлеченно-хозяйственной можно сказать, что та наша политика была ошибочна. Но если поставить ее в мировой обстановке и в обстановке нашего положения, то она была с точки зрения политической и военной в широком смысле слова абсолютно необходимой».

Волна национализации промышленности в соответствии с промышленной переписью на 31 августа 1918 г. охватила 3 тыс. крупных фабрик и заводов. Национализация частных железных дорог (30% общей длины железных дорог) проводилась путем конфискации их имущества, стоимость которого в сумме с облигационными железнодорожными займами составила, по расчетам С.Г. Струмилина, 2,5 млрд руб.

---

[1] *Чернов В.* Великая русская революция. С. 203–207.

[2] Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле. http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-15-pologenie-rabochiy-kontrol-1917.shtml

[3] Одиннадцатый съезд РКП (б). М., 1961. С. 129.

В результате национализации банков, промышленности и всех видов транспорта изменилась структура государственного бюджета. В доходах значительно возросла доля государственных предприятий с 43,2% в 1917 г. до 64,9% в 1918 г. Снизилась доля всех видов налогов. В расходах значительно возрос вес затрат на хозяйственные ведомства и учреждения (с 15,9% в 1917 г. до 46,0% в 1918 г.).

В целом же задача резкого увеличения роли бюджета в динамике продукции не только не была решена, но, напротив, эта роль значительно снизилась. Если объем валовой продукции цензовой промышленности в 1920 г. составил в золотом исчислении 13,1% от уровня 1913 г., то расходы государственного бюджета — 4,4%, а доходы — 0,5% соответственно. Эта ситуация отражала движение материальных ценностей предприятий без участия денег. Натурализация отношений государственного хозяйства в 1917–1921 гг. привела к резкому снижению роли денег и финансов.

Определяющей чертой военного коммунизма стала жесткая административная централизация управления хозяйством. Вначале была предпринята попытка построить систему управления на принципах коллегиальности и самоуправления. Но в условиях подавляющей неграмотности населения становится очевидной несостоятельность этих принципов. Фабзавкомам (первым органам социалистического управления) не хватало компетентности и опыта для управления. Руководители партии большевиков поняли, что они преувеличивали степень революционной сознательности масс, которые пока не готовы к управлению. Выбирается политика усиления государственного управления хозяйственной жизнью. 2 декабря 1917 г. создается Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Первым председателем ВСНХ стал Н. Осинский (В.А. Оболенский). В задачи ВСНХ входили:

— национализация крупной промышленности;
— управление транспортом, финансами, налаживание товарообмена;
— создание местных (губернские, уездные) совнархозов, подчиненных ВСНХ.

К лету 1920 г. было создано почти 50 главков, осуществлявших управление крупными национализированными предприятиями: Главметалл, Главтекстиль, Главсахар, Главторф, Главкрахмал, Главрыба, Центрохладобойня и т.п. Каждый главк представлял собой государственную монополию в соответствующей отрасли производства. Совет народных комиссаров, а затем Совет обороны определяли главные направления работы ВСНХ, ее главков и центров.

Одним из последствий жесткой централизации становится нарастание бюрократизма. Его причины заключались в низком культурном уровне большинства населения. От прежнего госаппарата было унаследовано худшее. Многие чиновники дореволюционного периода получили места в советском госаппарате, так как без них невозможно было обой-

тись. Ленин считал, что справиться с бюрократизмом можно лишь тогда, когда все население («каждая кухарка») будет участвовать в управлении государством. Утопичность ленинской идеи стала очевидной достаточно быстро. Но и в дальнейшем часто под демократизацией управления понимали формальную принадлежность управленцев к рабочему классу.

На государственное управление определяющее влияние оказала Гражданская война. Концентрация сил, необходимая для военных побед, требовала жесткой централизации власти. Поэтому партия большевиков основную ставку сделала не на самоуправление масс, а на государственный и партийный аппарат. Этот аппарат был способен силой реализовать политику, необходимую для победы над врагами революции. Постепенно исполнительные органы (аппарат) полностью подчинили органы представительные (Советы).

Причиной бюрократизации и разбухания советского государственного аппарата стала также тотальная национализация промышленности. Государство, став собственником основных средств производства, было вынуждено обеспечивать управление сотнями фабрик и заводов. Для этого создавались огромные управленческие структуры, занимавшиеся хозяйственной и распределительной деятельностью в центре и на местах, при усилении роли центральных органов. Управление строилось по вертикали, «сверху — вниз», на принципах жесткой директивности, что резко ограничило инициативу на местах.

Система жесткой централизации управления предопределила приказной стиль руководства. Основной чертой политики военного коммунизма стала система чрезвычайных органов, в задачи которой входило подчинение всей экономики нуждам фронта. Совет обороны назначал своих комиссаров, обладающих чрезвычайными полномочиями. Чрезвычайным уполномоченным Совета обороны по снабжению Красной армии (Чусоснабарм) был назначен А.И. Рыков, который наделялся правами использования чрезвычайных мер, смещения и ареста должностных лиц, реорганизации учреждений, изъятия и реквизиции товаров со складов и у населения под предлогом «военной спешности». В управление Чусоснабарма были переданы все заводы, работавшие на оборону. Для руководства ими был образован Промвоенсовет, постановления которого стали обязательными для всех предприятий. Система чрезвычайных органов, проводившая политику чрезвычайных мер, экономически опиралась на свертывание товарно-денежных отношений. Это проявлялось прежде всего во введении неэквивалентного натурального обмена между городом и деревней. В условиях галопирующей инфляции крестьяне не хотели отдавать хлеб за обесцененные деньги. К концу зимы 1918 г. потребляющие районы страны получили лишь 12,3% запланированного количества хлеба. Норма хлеба по карточкам в промышленных центрах сократилась до 50–100 г в день. Условия Брестского мира привели к потере Росси-

ей богатых хлебом районов. Это усугубило продовольственный кризис. Надвигался голод.

В этих условиях большевики пошли на восстановление государственной хлебной монополии. В мае 1918 г. ВЦИК принял декреты «О предоставлении Народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» и «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов». Наркомпроду были предоставлены чрезвычайные полномочия, в стране установилась продовольственная диктатура: вводилась монополия на торговлю хлебом и твердые цены. Декрет о хлебной монополии (13 мая 1918 г.) фактически запрещал торговлю. Для изъятия продовольствия у крестьянства были образованы продовольственные отряды. Продотряды действовали по принципу, сформулированному наркомом продовольствия Цурупой: «Если нельзя взять хлеб у деревенской буржуазии обычными средствами, то надо взять его силой». В помощь продовольственным отрядам на основании декретов ЦК от 11 июня 1918 г. формируются комитеты бедноты (комбеды). Однако ни продовольственная диктатура, ни комбеды не смогли решить продовольственную проблему. Попытки запрещения рыночных отношений города и деревни и насильственные изъятия хлеба у крестьян привели лишь к широкой нелегальной торговле хлебом по высоким ценам. Наибольшую роль играла спекуляция продуктами питания, в основном хлебом, получившая название «мешочничество». Это явление получило распространение еще при Временном правительстве, когда были введены хлебная монополия и запрет на торговлю хлебом (март 1917 г.). В период политики военного коммунизма огосударствление хлебного рынка было продолжено, что привело к такому разрастанию мешочничества, что фактически в руки советских органов попадало лишь менее трети собранного хлеба[1]. Неэффективность проводимой политики в условиях Гражданской войны интерпретировалась, как результат несознательности части крестьянства в условиях классовой борьбы. В действительности один и тот же крестьянин под дулом пистолета сдавал часть хлеба государству, а другую — припрятанную — продавал с выгодой приезжающим из города спекулянтам-мешочникам. По мнению выдающегося российского экономиста Н.Д. Кондратьева, именно мешочник спасал город от голода в период революции и Гражданской войны[2].

Мешочничество, начавшись как деятельность одиночек, в дальнейшем создало свою инфраструктуру: стабильный полулегальный рынок

---

[1] *Вайсберг Р.* Деньги и цены. М.: Изд-во Госплана СССР, 1925. С. 126.

[2] *Кондратьев Н.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 487.

(например, московская Сухаревка), подпольные биржи, системы нелегального кредитования. Сверхприбыльность мешочничества вовлекала в свою орбиту все другие разновидности теневой экономики. Городские рабочие, чтобы заработать на покупку хлеба у мешочников, стали в рабочее время делать зажигалки для теневого обмена. Помимо зажигалок рабочие торговали на теневом рынке продукцией своих заводов. Фантастические размеры приобрели мелкие хищения. Советские экономисты оценивали долю нелегального рынка в товарообороте военного коммунизма величиной около 50%[1].

Теневая экономика

Зародившись в сельском хозяйстве и торговле, теневая экономика быстро начала охватывать и промышленность. Тотальный дефицит привел к тому, что даже государственные предприятия были вынуждены покупать сырье, материалы и мелкое оборудование на теневом рынке, так как официальных поставок не хватало. Интересно отметить, что в России периода военного коммунизма отсутствовала криминальная теневая экономика: торговля оружием, наркобизнес, рэкет. Основная причина заключается в том, что наркотики и оружие были широко распространены, совсем не дефицитны, и торговля ими не приносила особой прибыли. Что касается рэкета, то российский уголовный мир того времени не был достаточно организован, в силу чего он не мог монополизировать торговлю хлебом, подобно тому, как американская «Коза Ностра» монополизировала торговлю алкоголем. Российский мешочник занял то место, которое в США 20-х гг. XX в. занимал гангстер, но мешочниками в России были отнюдь не профессиональные преступники, а обычные люди, которых голод толкал на теневую деятельность. Именно в силу этого рынок России того периода был «серо-черным». (Серый по субъектам — обычные люди, не преступники; черный по объекту, так как хлеб — запрещенный товар.)

Теневая экономика в любые исторические периоды выступает как антипод официальной системы, но ее особенностью в период военного коммунизма была взаимосвязь с военно-политической оппозицией легальной власти. Такой оппозицией стала анархистская «Махновия» на юге Украины. Анархистский вариант самоуправляющейся экономики обеспечивал свободу рук владельцам запасов хлеба. Махно обращался к рабочим Екатеринославской губернии — основной базе махновского движения — с призывом налаживать с крестьянами прямой, натуральный продуктообмен, минуя государственные структуры. Таким образом,

[1] *Кабанов В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: Наука, 1988. С. 304.

в России периода военного коммунизма сложилось три варианта хозяйственного регулирования: командный (большевики), формально-рыночный («белые»), неформально-рыночный («зеленые», Махно).

Острое недовольство крестьян действиями продотрядов, которые изымали хлеб у крестьян прямыми насильственными методами, предопределило необходимость новых мер. 11 января 1919 г. для упорядочения обмена между городом и деревней декретом ВЦИК была введена продразверстка. Ее суть заключалась в изъятии у крестьян излишков, которые вначале определялись как то, что произведено сверх потребностей крестьянской семьи. Потребности ограничивались установленной нормой. Но вскоре излишки стали определяться потребностями государства и армии. Государство заранее объявляло свои потребности в хлебе в конкретных цифрах, а затем их делили по губерниям, уездам и волостям. «Разверстка, данная на волость, уже является сама по себе определением излишков» — так было написано в инструкциях, спускаемых на места сверху в 1920 г. Изначальная заданность поставок вносила определенность, что было легче, чем откровенно неограниченное изъятие хлеба продотрядами. Однако и продразверстка встречала резкое недовольство крестьян.

Свертывание товарно-денежных отношений вело к запрещению (т.е. официальному запрещению де-юре) в большинстве губерний России оптовой и частной торговли. Распалась единая денежная система. За 1919 г. курс рубля упал в 3136 раз. В этих условиях большевики вынуждены были перейти от денежной к натуральной заработной плате. За натурализацией зарплаты последовала отмена платы за городской и железнодорожный транспорт, за топливо, фураж, продовольствие, предметы широкого потребления, медицинские услуги, жилье и т.д. (декабрь 1920 г.). Таким образом, вводится уравнительный принцип распределения. С июня 1918 г. вводится карточная система. Снабжение осуществляется по четырем категориям. По первой категории снабжались рабочие оборонных предприятий и рабочие-транспортники, занятые тяжелым физическим трудом. По второй категории — остальные рабочие, служащие, домашняя прислуга, фельдшера, учителя, кустари, парикмахеры, извозчики, портные и инвалиды. По третьей категории снабжались директора, управляющие и инженеры промышленных предприятий, большая часть интеллигенции и служители культа, а по четвертой — лица, пользующиеся наемным трудом и живущие с доходов на капитал, а также лавочники и торговцы вразнос. Беременные и кормящие женщины относились к первой категории. Дети до трех лет дополнительно получали молочную карточку, а до 12 лет — продукты по второй категории. В 1918 г. в Петрограде месячный паек по первой категории составлял 25 фунтов хлеба (1 фунт = 409 г), 0,5 ф. сахара, 0,5 ф. соли, 4 ф. мяса или рыбы, 0,5 ф. растительного масла, 0,25 ф. суррогатов кофе. Нормы по четвертой категории были почти по всем продуктам в 3 раза меньше, чем по первой. Но и эти продукты выдавались нерегулярно. В Москве

в 1919 г. рабочий по карточкам получал паек калорийностью 336 ккал., тогда как суточная физиологическая норма составляла 3600 ккал. Рабочие губернских городов получали питание ниже физиологического минимума (весной 1919 г. — 52%, в июле — 67, в декабре — 27%).

Последствия политики военного коммунизма

Голод и полное отсутствие материальных стимулов привели к резкому снижению производительности труда. Выработка на одного рабочего в 1920 г. составляла менее одной трети довоенного уровня. Исчезало само желание трудиться. На многих предприятиях прогулы составили до 50% рабочих дней. Для укрепления дисциплины предпринимались административные меры. Отсутствие экономических стимулов, голодная жизнь рабочих, а также катастрофическая нехватка рабочих рук и всеобщая уравниловка вызвали необходимость принудительного труда. В основном не оправдались и надежды на классовую сознательность пролетариата. Методом политики военного коммунизма становится милитаризация труда. В 1918 г. она охватила рабочих и служащих оборонных отраслей промышленности, к концу 1919 г. на военное положение были переведены все отрасли промышленности и железнодорожный транспорт. 14 ноября 1919 г. СНК принял «Положение о рабочих дисциплинарных товарищеских судах». «Положение» предусматривало такие наказания, как отправка злостных нарушителей дисциплины на тяжелые общественные работы, а в случае «упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине» подвергать «как не трудовой элемент увольнению с предприятий с передачей в концентрационный лагерь».

С милитаризацией труда было связано и введение всеобщей трудовой повинности для лиц с 16 до 50 лет. 15 января 1920 г. СНК издал постановление о первой революционной армии труда, чем узаконил использование армейских подразделений на хозяйственных работах. 20 января 1920 г. СНК принял постановление о порядке проведения трудовой повинности, согласно которому население независимо от постоянной работы привлекалось к выполнению трудовой повинности (топливной и дорожной). Широко практиковалось проведение трудовых мобилизаций. Вводились трудовые книжки. Для контроля над исполнением всеобщей трудовой повинности был создан специальный комитет (им руководил Ф.Э. Дзержинский). Лица, уклонявшиеся от общественно полезных работ, строго наказывались и лишались продовольственных карточек.

Аграрная политика большевиков периода военного коммунизма отличалась крайней противоречивостью. После принятия ВЦИК Постановления от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» была развернута кампания создания коммун и артелей. В ряде районов власти принимали

постановления об обязательном переходе весной 1919 г. к коллективной обработке земли. Однако вскоре стало ясно, что на социалистические эксперименты крестьянство не пойдет. Попытки навязать коллективные формы хозяйства могли окончательно оттолкнуть крестьян от Советской власти. Поэтому на VIII съезде РКП (б) в марте 1919 г. делегаты провозгласили союз государства с середняком. Противоречивость аграрной политики большевиков проявилась и в отношении к кооперации. Декрет совнаркома от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах» ставил кооперацию в положение придатка государственной власти. Все потребительские общества на местах принудительно сливались в кооперативы — «потребительские коммуны», которые объединялись в губернские союзы, а они, в свою очередь, в Центросоюз. Государство возложило на потребительские коммуны распределение продовольствия и предметов потребления в стране. Кооперация как самостоятельная организация населения перестала существовать. Название «потребительские коммуны» вызывало неприязнь у крестьян, поскольку отождествлялось у них с тотальным обобществлением собственности, в том числе личной.

Проведение мер по милитаризации экономики было нераздельно связано с политической диктатурой большевиков. Хотя в деятельности Советов после временного запрещения принимали участие представители других социалистических партий, все же большевики составляли большинство во всех правительственных учреждениях, на съездах Советов, в исполнительных органах. Активно шел процесс сращивания партийных и государственных органов. Губернские и уездные партийные комитеты определяли состав исполкомов и издавали за них распоряжения. Под влиянием Гражданской войны в стране складывалась военно-приказная диктатура. Она повлекла за собой сосредоточение управления не в выборных органах, а в исполнительных учреждениях, усиление единоначалия, формирование чиновничьей иерархии с огромным числом служащих, удаление народа от власти.

Главным методом установления политической диктатуры в период военного коммунизма становится революционный террор. Формально большевики провозгласили политику террора в сентябре 1918 г., после убийства М.С. Урицкого и покушения на В.И. Ленина. Но фактически к практике террора они прибегали уже с конца 1917 г. Вначале преследованиям подвергались представители оппозиционных партий, а затем «всякие тунеядцы, паразиты, бывшие буржуи, дворяне, священники, провокаторы, саботажники» и прочие «чуждые элементы». Декрет от 6 июля 1918 г. (мятеж левых эсеров) восстановил смертную казнь. Массовый характер казни приобрели с сентября 1918 г. 3 сентября в Петрограде было расстреляно 500 заложников и «подозрительных лиц». В сентябре 1918 г. местные ЧК получили от Дзержинского распоряжение, в котором говорилось, что в обысках, арестах и казнях они совершенно независимы,

но после их проведения чекисты должны отчитаться перед Совнаркомом. За одиночные казни не надо было отчитываться. Осенью 1918 г. карательные меры чрезвычайных органов почти вышли из-под контроля. Это заставило VI съезд Советов ограничить террор рамками «революционной законности». Говоря о красном терроре, следует помнить, что на территориях, занятых белыми, творилось не меньше злодеяний. В составе белых армий существовали особые карательные отряды, разведывательные и контрразведывательные подразделения. Они прибегали к массовому и индивидуальному террору против населения, выискивая коммунистов и представителей Советов, участвуя в сжигании и казнях целых деревень. В условиях упадка морали террор быстро набирал обороты. По вине той и другой сторон гибли десятки тысяч неповинных людей.

Распространенной формой революционного террора становятся концентрационные лагеря. Функционировали два вида лагерей: одни были в ведении ГПУ при НКВД РСФСР (1922–1923) для лиц, осужденных революционным трибуналом, другие — в ведении ВЧК для «потенциальных» классовых врагов, арестованных в административном порядке. По официальным данным, в 1922 г. в лагерях НКВД находились 51 тыс. человек, а в лагерях ВЧК — 25 тыс.

Трагические последствия военного коммунизма невозможно отделить от последствий Гражданской войны. Самыми невосполнимыми стали потери населения, которые составили около 13 млн человек. Если осенью 1917 г. население России составило 147 644,3 тыс., то на начало 1922 г. — 134 903,1 тыс. человек (по сопоставимой территории), что в 6 раз превышало потери в годы Первой мировой войны[1].

Народное хозяйство было парализовано кризисом. Разваливалась тяжелая промышленность. В 1919 г. все домны страны погасли. Советская Россия не производила металла, а жила запасами, унаследованными от дореволюционного периода. В начале 1920 г. удалось запустить 15 доменных печей, и они давали около 3% металла, выплавлявшегося в царской России накануне Первой мировой войны. Катастрофа в металлургии сказалась на металлообрабатывающем производстве: сотни предприятий закрывались. Советская Россия, отрезанная от шахт Донбасса и бакинской нефти, испытывала жесточайший топливный голод. Основным видом топлива стали дрова и торф. В 1919 г. из-за отсутствия хлопка почти полностью встала текстильная отрасль. Она давала всего 4,7% продукции довоенного времени. Льняная промышленность давала только 29% от довоенного уровня. К 1920 г. состояние промышленности еще больше ухудшилось и стало катастрофическим (табл. 10.1). Промышленности и транспорту не хватало не только сырья и топлива, но и рабо-

[1] *Поляков Ю.А.* Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы) // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 123.

чих рук. К концу Гражданской войны в промышленности было занято менее 50% численности пролетариата в 1913 г. Кардинально изменился состав рабочего класса. Его костяк составляли теперь не кадровые рабочие, а выходцы из непролетарских слоев городского населения, а также мобилизованные из деревень крестьяне.

К 1918 г. валовой сбор главных зерновых культур снизился по сравнению со средним довоенным уровнем примерно на 500 млн пудов, т.е. на 13%; в 1920 г. он упал по сравнению с 1918 г. на 1200 млн пудов, т.е. на 36,4%, а в 1921 г. — еще на 400 млн пудов.

В 1920 г. голод и эпидемии охватили территории губерний центрального промышленного района. В 1921–1922 гг. под угрозой вымирания оказалось 45 млн человек из поволжских и украинских губерний.

Развал промышленности и голод вынудил почти 1 млн рабочих уйти в деревню. Крестьяне голодных губерний тоже оставляли свои дома и уходили в поисках продовольствия и куска хлеба. В 1921–1922 гг. официально насчитывалось около 1,5 млн беженцев.

Таблица 10.1

Состояние советской промышленности в 1920 г.

Показатели	1913 г.	1920 г.	В % к 1913 г.
Добыча угля (тыс. пудов)	1 738 409	406 499	27
Добыча нефти (тыс. пудов)	564 300	233 900	42,7
Добыча руд (тыс. пудов)	638 400	10 400	1,7
Добыча соли (тыс. пудов)	121 822	37 256	30
Выплавка чугуна (тыс. пудов)	257 400	6330	2,4
Производство паровозов (шт.)	609	90	14,8
Производство вагонов (шт.)	20 492	854	4,2
Производство плугов (шт.)	667 000	88 838	13,3
Производство бумажной пряжи (тыс. пудов)	16 000	825	5,1
Производство шерстяной пряжи (тыс. пудов)	2400	560	27,5
Производство сахара (тыс. пудов)	82 806	5542	6,7
Производство растительных масел (тыс. пудов)	29 470	966	3

Но политика военного коммунизма, неизбежная в годы войны, не могла привести к социализму. К концу войны стала очевидной опасность форсирования социально-экономических преобразований и эскалации насилия. Сама жизнь заставила большевиков пересмотреть основы военного коммунизма. Летом 1921 г. в России начался тотальный голод,

обусловленный как засухой 1920–1921 гг., так и методами ведения сельского хозяйства. В стране проходят антибольшевистские выступления, популярными становятся лозунги: «За советы без коммунистов», «Долой диктатуру пролетариата». Продолжать далее политику военного коммунизма стало опасно для самой власти большевиков. На X съезде партии военно-коммунистические методы хозяйствования, базировавшиеся на принуждении, были объявлены отжившими, провозглашались методы новой экономической политики (НЭП).

Вопросы для обсуждения

- Каковы истоки военного коммунизма и происхождение термина «военный коммунизм»?
- Охарактеризуйте сущность и методы проведения военного коммунизма.
- Что представляет собой теневая экономика периода военного коммунизма?
- Каковы причины бюрократизации хозяйства?
- Каковы последствия политики военного коммунизма?

Литература

1. Рынок и реформы в России / под ред А.Г. Худокормова. М., 1995.
2. *Чернов В.М.* Великая русская революция. М., 2007.
3. *Кабанов В.* Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: Наука, 1988.
4. *Поляков Ю.А.* Воздействие государства на демографические процессы в СССР (1920–1930-е годы) // Вопросы истории. 1995. № 3.
5. *Соколов А.К.* Лекции по советской истории 1917–1940 гг. М.: Мосгорархив, 1995.

ЛЕКЦИЯ 11

ПРОБЛЕМЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ НЭПА (1921–1928 гг)

В.А. Погребинская

Начало и сущность нэпа

Политика военного коммунизма, во многом вынужденная в годы Гражданской войны, привела к результатам, несовместимым с дальнейшим мирным развитием России. Продразверстка нарушила союз рабочего класса с крестьянством; закрытие заводов и безработица привели к деклассированию рабочего класса; практическая ликвидация товарно-денежных отношений способствовала потере стимулов к труду. Необходима была новая экономическая политика (нэп), направленная на восстановление хозяйства и создание основ строительства социалистического общества. В начале 1920 г. Л.Б. Троцкий, один из авторов политики военного коммунизма, предложил мероприятия по его сворачиванию. Мероприятия эти сводились к следующим двум путям: в богатых земледельческих районах (Украина, Дон, Сибирь) заменить разверстку процентным натуральным налогом и снабжать крестьян промтоварами в соответствии со сданным количеством зерна; в разоренных центральных губерниях дополнить разверстку принудительными мерами по запашке земли и развить тенденцию на коллективизацию сельского хозяйства. Таким образом, предложения Троцкого усиливали методы принуждения в разоренных районах. Против Троцкого на Политбюро тогда выступил Ленин.

В феврале 1921 г. Ленин выдвинул проект, заключавший следующие предложения для рассмотрения на Политбюро:

— удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки хлебным налогом;
— уменьшить размеры этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой;
— одобрить принцип соответствия размера налога со старательностью земледельца;

— расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте при условии быстрого и полного внесения налога.

На X съезде партии (15 марта 1921 г.) Ленин выступил с докладом на эту тему, а 20 марта был принят декрет о переходе от продразверстки к продналогу. Размеры продналога исчислялись из площади посева и зависели от плодородия почвы. В среднем продналог оказался на 30–50% ниже размеров продразверстки. Вначале налог устанавливался в натуральном виде и составлял 5% от всего урожая. Вводилось 13 налогов. Впоследствии они были заменены единым сельхозналогом. Облагались и животноводческие хозяйства. С 1924 г. продналог стал взиматься в денежном выражении.

Продналог, объявляемый заранее, позволил крестьянам планировать свое хозяйство и распоряжаться излишками продуктов. Для реализации сельскохозяйственных продуктов необходимо было восстановить товарно-денежные отношения и рынок. Это и стало основной чертой, обусловившей все остальные установления первого периода нэпа. Так, 28 марта 1921 г. СНК принял декрет «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку». Крестьянскому населению разрешалась свободная торговля хлебными и хлебофуражными продуктами, картофелем и сеном[1]. 24 мая 1921 г. принимается декрет СНК «Об обмене»[2], в котором разрешается частная торговля не только всеми сельскохозяйственными продуктами, но и предметами кустарной и мелкой промышленности. Переход к рынку предопределил необходимость упорядочения денежного обращения. 16 июня выходит декрет СНК «О денежных знаках»[3]. Выпускались в обращение новые денежные знаки образца в 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 руб. под названием «Расчетные знаки Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Денежные знаки старых образцов сохраняли платежеспособную силу и имели хождение наравне с вновь выпускаемыми расчетными знаками. Для выпуска новых денег и упорядочения денежного обращения в конце 1921 г. был образован Государственный банк. В 1922–1924 гг. была осуществлена денежная реформа, в основе которой лежала идея об одновременном функционировании двух «параллельных» денежных единиц: совзнаков и новых червонцев. В течение 15 месяцев Госбанк выкупил у населения все совзнаки (один вновь выпущенный червонец обменивался на 60 тыс. совзнаков) и они прекратили хождение. Взамен были пущены в обращение золотые червонцы. Параллельно выпускались бумажные деньги достоинством в 1,

[1] Экономическая жизнь СССР. М., 1961. С. 76.

[2] Там же. С. 79.

[3] Там же.

3, 5 рублей, которые обеспечивались золотым запасом, а также разменная монета из серебра и меди. К 1924 г. реформа была закончена. Рубль как денежная единица укрепился не только внутри страны, но и на мировом рынке: на мировых валютных биржах червонец ценился выше фунта стерлингов и равнялся 5 долларам 14,5 цента. Налаживание денежного обращения способствовало переходу от административных методов управления к хозяйственным, начиная с организации труда. В 1921 г. были отменены всеобщая трудовая повинность и карточная система, восстановлен принцип платности услуг транспорта, почты, телеграфа, жилищно-коммунального хозяйства. Это создало основу в 1922 г. для перехода от уравнительной системы оплаты к сдельной. Этот переход был небезболезненным для рабочего класса. В 1922 г. бастовали почти 200 тыс. рабочих. Недовольство рабочих вызывало и усиление безработицы. В 1924 г. безработными оказались около 1 млн человек. Борьба с безработицей определялась темпами восстановления и развития промышленности. Для этого необходимы были средства, которых не было у государства. В связи с этим было решено провести частичную денационализацию для восстановления частного сектора с целью привлечения частного капитала к восстановлению и реконструкции хозяйства. 17 мая 1921 г. был издан декрет о частичной денационализации мелкой промышленности. В частные руки передавались небольшие, полуразрушенные предприятия легкой промышленности, на восстановление которых требовались большие затраты. 7 июля был принят декрет о создании частных предприятий с числом работающих не более 20 человек. С появлением прав частной собственности в экономике была восстановлена многоукладность.

Многоукладность хозяйства

Осознание многоукладности экономики как проблемы управления возникло сразу же после прихода к власти большевиков. В мае 1918 г. В.И. Ленин в работе «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности» отмечает такие общественные уклады, как:

1) патриархальный (натуральное, крестьянское хозяйство);
2) мелкое товарное производство (сюда относятся большинство крестьян, из тех, кто продает хлеб);
3) частнохозяйственный капитализм;
4) государственный капитализм;
5) социализм[1].

По более поздним статистическим оценкам, в начале 1920-х гг. доля перечисленных укладов валовой продукции народного хозяйства состав-

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296.

ляла соответственно: 0,6; 51; 8,9; 1 и 38,5%[1]. Доля частнохозяйственного сектора возросла к 1926 г. до 26% валовой продукции народного хозяйства, производимой на 325 частных предприятиях. Возрождение частной собственности привело к появлению в советском обществе нэпманов — владельцев небольших предприятий, торговых заведений, мастерских, кафе, ресторанов. В сельской местности частный сектор был представлен кулацким хозяйством. С начала лета 1921 г. было разрешено брать землю в аренду и использовать наемный труд в деревне, но не более 5 человек. К 1927 г. доля кулацких хозяйств в общей численности крестьянских дворов составляла 3,5%.

Переход к нэпу предполагал как возрождение товарно-денежных отношений на основе мелкотоварного и частнокапиталистического хозяйства, так и взаимодействие госсектора с рынком для изменения традиций неэффективности казенного хозяйства. В этих целях государственная собственность на основные средства производства отделялась от их хозяйственного использования для обособления национализированных предприятий от аппарата управления. Основной формой национализированных предприятий становились тресты. Декрет о трестах 1923 г. трактовал их как самостоятельных товаропроизводителей. В нем говорилось, что государство не несет ответственности за деятельность трестов, которые хозяйствуют в соответствии с рыночными условиями и на основе коммерческого расчета. Крупнейшими трестами стали: Донуголь, Химуголь, Югосталь, Государственный трест машиностроительных заводов (ГОМЗА), Северлес, Сахаротрест. Наряду с коммерческим расчетом использовались и такие формы государственных предприятий, как концессии и смешанные общества, государственные акционерные общества, аренда. Хотя в декрете о трестах декларировалась его хозяйственная независимость от государства, трест становился низшей ступенью государственного аппарата и подчинялся вышестоящим организациям. Обособления от государственного аппарата на практике не произошло, как и превращения в самостоятельных товаропроизводителей. Коммерческий расчет в трестах был ориентирован на сферу обращения и почти не касался производственной деятельности. В 1927 г. новое Положение о трестах не включало ориентацию на прибыль, ее место занял план. По новому положению в деятельность трестов включались обязательные госзаказы, нормирование цен, централизация и строгое регламентирование капитального строительства. Основные фонды трестов изымались из оборота рынка и управлялись ВСНХ и наркоматами.

Наряду с трестами новой формой хозяйствования в промышленности стала аренда. Обычно в аренду сдавались мелкие и средние предпри-

[1] История экономических учений / Под ред. А.Г. Худокормова. Ч. II. М.: Изд-во МГУ, 2002 С. 187.

ятия, которые либо бездействовали, либо были слабо загружены. К началу 1922 г. арендный фонд составлял 7113 предприятий, из них было сдано 54%, в 1923 г. этот процент возрос до 72%[1]. Арендодателями были ВСНХ и его представители на местах. В качестве арендаторов выступали: частные лица (часто бывшие владельцы сдаваемых предприятий), кооперативы, государственные организации и ведомства. На 1 сентября 1922 г. на долю каждой из перечисленных категорий арендаторов приходилось соответственно 50, 36 и 12%. Сдача в аренду осуществлялась либо путем переговоров, либо с помощью конкурса.

Наряду с арендой использовалась и такая форма организации хозяйства, как концессии, в основном для сотрудничества с иностранным капиталом. По сути, концессии были похожи на аренду. Концессия представляла собой договор на сдачу в эксплуатацию иностранным инвесторам предприятий, принадлежащих государству или территорий для разработки природных ресурсов. С помощью концессий предполагалось создать крупные «образцовые предприятия» с технически совершенным производством, конкурентные на мировом рынке. Использование концессий мыслилось в небольшом объеме на долгосрочную, до 50 лет, перспективу. Кроме концессий формировались и смешанные акционерные общества с сочетанием государственной и концессионной собственности. Они действовали в основном во внешней торговле. Но реализация концессионной формы хозяйствования оказалась ограниченной. На 1 ноября 1927 г. поступившие предложения почти в 12 раз превышали заключенные договоры[2]. В конце 1920-х гг. началось свертывание концессий. Свертывание концессий объяснялось как курсом на социалистические преобразования, так и тяжелым финансовым положением, дефицитом иностранных инвестиций, падением мировых цен на экспортную продукцию, зачастую спекулятивным характером деятельности.

В целом в хозяйственной практике все отрасли госпромышленности делились на три группы: с преобладанием рыночных связей, с нерыночным регулированием, с сочетанием товарных отношений и планового регулирования. Нерыночный режим хозяйствования сохранялся в базисных отраслях (электроэнергетической, металлургической, нефтяной, каменноугольной), на железнодорожном транспорте. Эти отрасли, определявшие технологический уровень и жизненно важные для функционирования экономики страны, получили образное название «Командные высоты Советской власти». Государство также сохранило нерыночные механизмы регулирования в военной промышленности.

К середине 1920-х гг. в целом по промышленности отраслей группы «А» в плановое распределение поступило 62% произведенной продук-

[1] Очерки экономических реформ. М.: Наука, 1993. С. 71.

[2] Рассчитано по: Очерки экономических реформ. С. 75.

ции, рыночная реализация охватила 38%. Иная картина была в отраслях группы «Б» — плановое распределение составило 12%, на рынок приходилось 88% продукции[1].

Государственный капитализм

Для концепции В.И. Ленина начала 1920-х гг. характерно рассмотрение государственного капитализма как средства восстановления разрушенного хозяйства. При обосновании необходимости введения нэпа он писал, что для условий разрушенного войной хозяйства страны этот уклад был бы шагом вперед по отношению к таким хозяйственным укладам прежней России, как патриархальное крестьянское хозяйство, мелкое товарное производство и частнохозяйственный капитализм. Какова же роль государственного капитализма в создании социалистического уклада? По мнению Ленина, государственный капитализм периода нэпа — это форма организации хозяйства с использованием буржуазных специалистов для построения крупной промышленности в стране, подобной промышленности передовых капиталистических стран, а также обучения рабочих науке управления предприятиями. «Рабочий класс, научившись тому <...> как наладить крупную, общегосударственную организацию производства, на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда <...> все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено»[2]. Рабочие научатся сначала осуществлять контроль, а затем и управлять самим производством, после чего появится возможность осуществить революционную замену государственно-капиталистических производственных отношений в общественном производстве на социалистические, ибо «... упрочение социализма можно считать обеспеченным лишь тогда, когда пролетарская власть <...> реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства...»[3]. Таким образом, Ленин определял государственный капитализм как условие становления социалистического хозяйственного уклада.

Государственный капитализм рассматривался Лениным в период нэпа так же, как основное средство борьбы с мелкотоварным укладом, который характеризовался им как основа «спекуляции частнохозяйственного капитализма». Против социализма борются именно представители мелкой буржуазии и частнохозяйственного капитализма, одновременно являясь врагами государственного капитализма. Государственный же капитализм, по мнению В.И. Ленина, при изменении классового содержания государства создает всю сумму условий социализма. Характерно, что

---

[1] Очерки экономических реформ. М.: Наука, 1993. С. 69.

[2] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296–299.

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 179.

именно приход к власти и необходимость управления страной привели его к осознанию многоукладности России. Понимание В.И. Лениным мелкотоварного уклада как временного зла и врага государственного капитализма способствовало формированию политики, направленной на стимулирование теневой деятельности в мелком частном предпринимательстве. Пример, приводимый им в рассматриваемой работе, настолько характерен в этом смысле, что мы процитируем его полностью. «Допустим, — пишет В.И. Ленин, — что известное число рабочих дает в несколько дней сумму ценностей, выражаемую цифрою 1000. Допустим далее, что 200 из этой суммы пропадает у нас вследствие мелкой спекуляции, всяческого хищения и мелкособственнического «обхода» советских декретов и советских распорядков. Всякий сознательный рабочий скажет: если бы я мог дать 300 из тысячи, ценою создания большего порядка и организации, я бы охотно отдал триста вместо двухсот, ибо при Советской власти уменьшить потом эту «дань», скажем до ста или до пятидесяти, будет совсем легкой задачей, раз порядок и организация будут налажены, раз мелкособственнический срыв всякой государственной монополии будет окончательно сломлен»[1].

Из этого примера явствует, что В.И. Ленин не рассматривал мелкотоварное производство, производящее в то время 51% совокупного общественного продукта, как производство, нуждающееся в такой же государственно-правовой защите, как крупное капиталистическое.

Эволюция многоукладности в России в дальнейшем во многом определилась тем, что признание необходимости товарно-денежных отношений и допущение рынка не привели к формированию единых «правил игры» для различных секторов экономики. В основе подобного явления лежали особенности экономики России предреволюционного периода. Они заключались в значительной концентрации крупного капитала в руках немногих предприятий, принадлежащих или государству, или узкому кругу специфически русской буржуазии, связанной с государством административно-бюрократическими функциями. Причины этого явления заключались в том, что в условиях социально-экономического разнообразия и незрелости факторов рыночных отношений государство обеспечивало функции внестоимостного обмена между различными секторами экономики. Отсюда в российском монополизме в гораздо большей степени, чем в западном, присутствовали черты административного монополизма.

В основе политики государства по отношению к частному капиталу лежало ленинское положение об одновременном использовании и непримиримой борьбе. Регулирование капитализма включало ограничение темпов и размеров накопления капитала, что толкало на его использование в теневых формах, а также на вывоз за пределы России.

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 298.

«Законы о частном капитале», регулирующие и контролирующие его формы, включали внеэкономические методы. К ним официально относилась деятельность народных судов по отслеживанию деятельности частных торговцев и предпринимателей[1]. Взгляды Ленина на государственный капитализм основывались на том, что государство диктатуры пролетариата может и должно держать капитализм в цивилизованных рамках. Однако практика, как показало исследование Ю. Ларина, основывалась на том, что само государство в экономической сфере вело себя скорее как нецивилизованный частный собственник, а не защитник общественных интересов[2].

В этих условиях грань между двумя важнейшими укладами нэпа — социалистическим и государственно-капиталистическим — была очень тонка. Что касается таких укладов, как частнохозяйственный капитализм и мелкое товарное производство, то их конкуренция с государственным капитализмом могла осуществляться лишь под опекой государства. Для ее осуществления была необходима хозяйственно-правовая база, обеспечивающая сосуществование различных форм хозяйства. Но государство оказалось не в силах обеспечить функционирование смешанной экономики в правовой форме.

Этапы эволюции нэпа

Определение этапов эволюции нэпа долгое время было дискуссионным. В научных спорах по оценке временных рамок нэпа предлагались следующие варианты:

1. 1921–1925 гг. Критерий — завершение в основном восстановления и переход к реконструкции хозяйства. В 1925 г. на 14-м съезде ВКП (б) принимается курс на индустриализацию, требовавший, по мнению представителей этого варианта, иных методов, чем восстановление хозяйства (В. Куйбышев, В. Лежава, Э. Квиринг).
2. 1921–1928 гг. Критерий — принятие первого пятилетнего плана и переход от смешанных форм управления хозяйства к директивному планированию (современный подход — Ю. Голланд).
3. 1921–1936 гг. Критерий — построение в основном социализма в СССР (был зафиксирован в «Кратком курсе ВКП (б)» и одобрен И. Сталиным).
4. Прерывность нэпа: 1921–1928 гг. (нэп); 1932–1940 гг. (неонэп). Критерий — некоторые послабления для частного сектора в период второй пятилетки (Л. Троцкий).

---

[1] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сб. документов 1917–1922 гг. М., 1959. С. 199.

[2] *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. М.—Л., 1927.

Мы придерживаемся второго, современного варианта, но не отрицаем восстановления некоторых элементов нэпа в период второго пятилетнего плана.

Проблемы, достижения и противоречия нэпа

Осуществление нэпа проходило в условиях кризисов:
— финансовый кризис весной 1922 г.;
— кризис сбыта осенью 1923 г.;
— товарный голод 1924 г.;
— рост инфляционных тенденций и товарный голод конца 1925 г.;
— кризис хлебозаготовок 1927–1928 гг.

Финансовый кризис 1922 г. был вызван как отсутствием твердой валюты, так и отказом правительства признать долги Российской империи и ограничить монополию внешней торговли. Это повлияло на возможность привлечения в экономику иностранных инвестиционных ресурсов и способствовало режиму автаркии.

За два года в результате реформы Сокольникова (1922–1924) была создана твердая валюта, что сыграло значительную роль в осуществлении нэпа. Но слабыми местами новой валюты — червонца были незначительная величина золотого запаса (1/7 дореволюционного), нереальный валютный курс и низкий уровень экспорта. Когда в 1925 г. положительное сальдо торгового баланса под влиянием невыполнения завышенных плановых заданий сменилось на отрицательное, это сразу же отразилось на всей денежной системе. Истощение золотого запаса и отсутствие помощи извне привели к тому, что Госбанк СССР уже в начале 1926 г. отказался от обмена советских денег на иностранную валюту.

В 1923 г. разразился так называемый кризис сбыта. Под знаком борьбы с ним прошли весь 1923 и начало 1924 г. Кризис характеризовался расхождением между непомерно высокими ценами на изделия промышленности и низкими ценами на продукты сельского хозяйства («ножницы цен»). Кризис сбыта возник прежде всего на основе несоответствия темпов восстановления крестьянского хозяйства, с одной стороны, и государственной промышленности — с другой. Данное явление было обусловлено тем, что восстановление сельского хозяйства требовало меньших затрат в сравнении с восстановлением промышленности. Поэтому сельское хозяйство раньше, чем промышленность, приблизилось к довоенному уровню. Наряду с этой объективной основой положение усугублялось непрерывным падением стоимости денежных знаков (совзнаков). В 1923 г. действовали две параллельные валюты. Количество твердой валюты (червонцев) было ограничено, что не обеспечивало необходимой стабилизации денежной системы. Частная торговля умело использовала ситуацию, спекулируя на падающей валюте. Неопытная

советская торговля, не умея приспособиться к конъюнктуре рынка, шла путем страховых накидок на цены. Изношенность оборудования и недостаток оборотных средств в промышленности приводили к росту издержек производства, высокой себестоимости продукции и тормозили рост производительности труда. Раствор между концами «ножниц» цен достиг наибольшей величины в октябре 1923 г. Цены на промышленные товары выросли более чем в 3 раза по отношению к сельскохозяйственным. Если на один пуд ржи в 1913 г. крестьянин мог приобрести в среднем более 5 аршин ситца, то в 1923 г. — всего 1,5 аршина[1]. Крестьяне перестали покупать дорогие промышленные товары, несмотря на нужду в них. Товарооборот резко снизился, увеличились запасы нереализованных товаров. В этих условиях было принято решение о вмешательстве государства в ценообразование, стали устанавливаться директивные цены на ряд предметов потребления. Если в среднем за 1923–1924 гг. отпускные цены в промышленности были снижены на 25,3%, то по шерстяной промышленности — на 46,5%, по хлопчатобумажной — на 31,3%[2]. Это решение привело к товарному голоду 1924 г. по многим товарам широкого потребления.

1925 г. был достаточно устойчивым, некоторые явления товарного голода проявились лишь в самом конце года. Устойчивое развитие было связано с мероприятиями по поддержке крестьянского хозяйства, в частности предоставление льготного долгосрочного кредита.

Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. был разрешен другими методами. В 1927 г. стало ясно, что достигнут предел в извлечении финансовых средств чисто экономическими методами. Советское правительство пошло на выпуск принудительного займа. До этого принудительные займы выпускались только в период войны. Кроме принудительного займа прибегли к излишней денежной эмиссии и заниженным ценам на сельхозпродукцию. В начале 1928 г. вводятся чрезвычайные меры в период хлебозаготовок.

Таким образом, в течение 1921–1928 гг. экономическое регулирование было представлено рынком и государством. При этом государственное регулирование только в теории начинало опираться на план. Практически плановые показатели были лишь перспективным ориентиром, фактически роль государственного регулятора выполняли политическая власть и складывающийся бюрократический аппарат. При этом перманентно возникавшие кризисы и их интерпретация бюрократическим и малоопытным аппаратом управления обусловили стремление государства отнять «уступки нэпу».

---

[1] См.: История СССР. Т. 8. М.: Наука, 1967. С. 151.

[2] Там же. С. 152.

Проблемы нэпа заключались не только в чисто экономических трудностях. Восстановление экономики и жизненного уровня населения было неравномерным. Дифференциация доходов, вызванная развитием частного сектора, способствовала существованию разных образов жизни, разных культур, что в условиях низкого уровня массовой культуры вызывало раздражение у бедных слоев населения, на которые опирались большевики.

Выдающиеся достижения экономической науки периода нэпа, вошедшие в мировую историю как золотой век российской экономической мысли, не могли быть до конца практически использованы в силу не только политических установок, но и из-за неграмотности большинства практических работников. Именно они приобретали все больший вес в органах управления в силу своей покорности политическим решениям. Противоречие между величайшими достижениями экономической науки, с одной стороны, и низким образовательным уровнем многих управленцев, а также неграмотностью большинства населения, жаждущего простых решений, с другой стороны, стали, на наш взгляд, одной из проблем нэпа.

Достижения в области образования: начального, профессионального, высшего в период нэпа были лишь началом процесса формирования новой интеллигенции. Как заметил Л. Толстой, начальная образованность способствует «раздуванию» маленького человека, ощущению им своей важности, часто необоснованной, зависти к более образованным людям. На наш взгляд, противоречия между старой и новой интеллигенцией стали значительной проблемой нэпа.

Проблемы нэпа не могут зачеркнуть его безусловных достижений. К ним относится прежде всего восстановление к 1926–1927 гг. народного хозяйства страны и начало перехода на расширенное воспроизводство. К 1927 г. советская промышленность превысила уровень 1913 г. по выработке электроэнергии, добыче нефти, угля, выпуску металлорежущих станков. В период нэпа начали производить отечественные автомобили, тракторы, радиоприемники. В 1922–1928 гг. были построены: Каширская ГРЭС, Шаболовская радиобашня, Московский 2-й часовой завод, Ленинградский завод «Электроаппарат», Ростовский химический завод, Волховская ГЭС, Чернореченский химический завод (Новосибирская область), Мурманский порт (первая очередь), Московский электрозавод им. В.В. Куйбышева, Балашихинский целлюлозно-бумажный комбинат, нефтепровод Грозный — Туапсе (618 км) [1].

---

[1] *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды. М.: Наука, 2006. С. 206.

В период 1921–1928 гг. прирост населения России составил 9,9%. Ожидаемая продолжительность жизни к 1928 г. возросла по сравнению с 1897 г. с 30,5 до 42,9 года у женщин и с 29,4 до 40,9 года у мужчин. Валовой внутренний продукт возрос за период 1921–1928 гг. почти на 50%[1].

Что касается жизненного уровня населения, то в 80-е гг. XX в. появился ряд статей, критикующих официальные данные о его росте в период нэпа и достижении им дореволюционного уровня. По нашему мнению, основанному на изучении статистических источников, безусловен рост жизненного уровня трудящегося населения за период 1922–1928 гг. Что касается сравнений с 1913 г., то здесь, безусловно, есть спорные статистические показатели, связанные прежде всего с тем, что учитывалось среднестатистическое потребление, а в годы нэпа нарастала дифференциация в потреблении. И все же, по нашему мнению, можно утверждать, что период нэпа по многим направлениям улучшил жизнь населения.

Темпы хозяйственного роста и изменения в структуре народного хозяйства

Начиная с 1921 г. развитие промышленности определялось прежде всего восстановлением внутреннего рынка и денежного товарообмена (введение нэпа). Восстановление хлебной торговли увеличило емкость рынка промышленной продукции в несколько раз. Интенсивность процесса восстановления в сельском хозяйстве была в первые годы восстановительного процесса более высокой, чем в промышленности. Рост посевных площадей и валовой продукции сельского хозяйства способствовал росту его товарности и увеличению покупательной способности сельского населения. Так, товарная часть продукции сельского хозяйства возросла в 1923/1924–1925/1926 гг. почти на 60%, а доходы сельского хозяйства за этот же период — в 2,03 раза. Доля доходов сельского населения в народном доходе за исследуемый период повысилась с 28,1 до 40,6%[2]. Значительный рост доходов сельского населения способствовал повышению спроса на промышленные изделия. Кроме фактора спроса на динамику промышленной продукции значительное влияние оказала рационализация использования внутренних ресурсов промышленных предприятий в результате введения хозрасчета. Проведение денежной реформы и укрепление финансов вызвали рост притока средств в промышленные предприятия в основном за счет использования ранее без-

[1] Рассчитано по: Там же. С. 322–323.

[2] Рассчитано по данным Л.Б. Кафенгауза в его работе «Эволюция промышленного производства России». М.: Эпифания, 1994. С. 234.

действующего капитала, из собственных ресурсов и ускорения их оборота. Восстановление кредитной системы способствовало распространению системы банковских краткосрочных кредитов, направляемых в основном на предприятия, работающие для рынка, сосредоточенные в легкой и пищевой промышленности. Государственное бюджетное финансирование было характерно для отраслей тяжелой промышленности и электростроительства. Самыми значительными объектами государственного финансирования были в период восстановления: электростроительство, горная, электротехническая, химическая и лесная отрасли.

Как повлияло преимущественное финансирование отраслей тяжелой промышленности государством на соотношение темпов роста I и II подразделений?

По данным советской статистики, на начальном этапе восстановления хозяйства в 1921–1923 гг. среднегодовой темп роста тяжелой индустрии (48,3%) обгонял среднегодовой темп легкой (30,4%). Это привело к росту доли I подразделения в целом в совокупном общественном продукте с 43,7% в 1921 г. до 48,1% в 1923 г. В последующий период (1924–1926), напротив, преимущественно росла продукция легкой промышленности (среднегодовой темп — 54,9%). Среднегодовой темп тяжелой промышленности составил за этот период 51,6%. Доля тяжелой промышленности в промышленной продукции составила в 1927 г. 47,8% по сравнению с 47% в 1913 г. и 47,1% в 1921 г., т.е. изменилась незначительно (табл. 11.1).

Таблица 11.1

Удельный вес тяжелой и легкой промышленности в общей стоимости промышленной продукции (1) и в численности рабочих (2) (крупная промышленность)

Год	Тяжелая промышленность		Легкая промышленность	
1913	(1) 47,0	(2) 52,6	(1) 53,0	(2) 47,4
1917	53,3	59,3	46,7	40,7
1918	38,5	50,6	61,5	49,4
1919	56,0	59,5	44,0	40,5
1920	57,1	58,1	42,9	41,5
1921/22	47,1	55,1	52,9	44,9
1925/26	40,9	54,0	59,1	46,0
1926/27	47,8	55,8	52,2	44,2

Источник: *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. С. 66, 119, 208, 279.

В целом же за весь восстановительный период темпы роста I и II подразделений были почти равными, в связи с чем структура совокупного общественного продукта не изменилась. Потребности рынка и государственного хозяйства, а также приспособленная к ним система финансирования и кредитования способствовали восстановлению народного хозяйства, которое, однако, не было гладким. Если голод 1921–1922 гг., известный как один из самых опустошительных в истории, был результатом не нэпа, а предшествовавшей ему политики военного коммунизма, то кризис 1923 г. всецело следует отнести к несогласованности действий хозяйственного управления в рамках нэпа, когда многоукладность экономики только начала формировать адекватную ей структуру управления, в идеале рассчитанную на сочетание плана и рынка. Кризис 1923 г. был вызван резким скачком цен на промышленные товары массового спроса по отношению к ценам на сельскохозяйственную продукцию.

«Ножницы цен» означали ограбление крестьянства за счет неэквивалентного обмена. Подобные «ножницы» складывались в результате кредитно-денежной политики государства. В период 1922–1924 гг. в СССР существовало параллельное обращение (до июня 1924 г.) устойчивых банковских билетов и обесценивающихся совзнаков. Расчеты с крестьянами велись в основном обесценивающимися совзнаками, а кредитование промышленности осуществлялось устойчивой валютой. Использование «ножниц цен» в аграрной политике отвечало идее «первоначального социалистического накопления» (Троцкий, Пятаков, Преображенский). Кризис 1923 г. показал пагубность данной политики для экономического развития страны. Разрешение кризиса административными мерами практически означало признание данной ошибочности. Административные меры выразились в форсировании государственных закупок хлеба на экспорт, повышении закупочных цен на сельскохозяйственное сырье и снижении цен на промышленную продукцию. Задача достижения сбалансированности между ростом промышленной и сельскохозяйственной продукции через механизм цен с этого времени стала основной.

Именно такая политика помогла преодолеть хлебозаготовительный кризис 1925–1926 гг., когда были уменьшены вложения в промышленность, снижен темп роста ее продукции. Такие действия привели к тому, что уже в 1926–1927 гг. выросло производство как сельскохозяйственной, так и промышленной продукции. Рос и жизненный уровень населения. Если в 1921 г. национальный доход на душу населения составил 48,5 руб. (в ценах 1913 г.), то в 1928 г. — 100,5 руб. соответственно. Среднегодовой темп роста этого показателя в среднем за период 1922–1928 гг. составил 111,0% (табл. 11.2).

Таблица 11.2

Национальный доход на душу населения в России и СССР в ценах и рублях 1913 г. (1), % роста — падения к предшествующему году (2)

1913	(1) 118,5	(2) 105,0
Средняя 1911–1913	111,9	101,6
1914	106,8	90,1
1915	97,7	91,4
1916	91,0	93,1
1917	82,9	91,1
1918	74,8	90,2
1919	61,4	82,1
1920	50,8	82,7
1921	48,5	95,5
Средняя 1914–1921	76,7	89,5
1922	54,6	112,6
1923	61,8	113,2
1924	68,2	110,3
1925	74,2	108,8
1926	82,5	111,2
1927	90,7	109,0
1928	100,5	110,8
Средняя 1922–1928	76,1	111,0

Источник: Погребинская В.А. Социально-экономические проблемы России второй половины XIX —начала XX в. М.: Проспект, 2016.

Успех в разрешении кризиса 1925–1926 гг. за счет снижения темпа роста промышленной продукции не был учтен в 1928 г. Методы разрешения хлебозаготовительного кризиса 1928 г. были прямо противоположными. Темп роста промышленности не только не был снижен, но и обосновывалась идея его повышения в связи с курсом на форсированную индустриализацию.

Начало форсированной индустриализации

Курс на индустриализацию был взят в 1925 г. В идеологии до этого периода, как известно, господствовал тезис о вызревании мировой революции. В середине 1920-х гг. стало очевидно, что мировая революция «запаздывает» и появилась новая установка. Суть этой установки заключалась в том, что СССР находился в кольце врагов. Ситуация требовала создания современного ВПК, опиравшегося на внутреннюю материально-техническую базу. Основа этой базы — тяжелая промышленность и высокообразованные кадры.

Ускорение данного процесса в условиях сложившейся политической ситуации, а также победы сталинского направления в идеологии к 1928 г. могло опираться в основном на административную монополию как наиболее исторически опробованный мобилизационный механизм формирования источников индустриализации. Мобилизационный механизм по определению включает «чрезвычайные меры». Хлебозаготовительный кризис 1928 г. был разрешен именно на основе таких методов. Изъятие хлебных излишков в деревне было проведено не на основе выгодной для деревни политики цен, а с помощью чрезвычайных мер, которые положили начало коренным изменениям в политическом механизме управления страной, имевшем в дальнейшем разрушительные последствия для экономики страны. Причины этих изменений ни в коей мере нельзя считать до конца исследованными, несмотря на опубликование отдельных материалов, касающихся внутрипартийной борьбы в тот период. Для целей нашей лекции необходимо отметить, что экономические причины (хлебозаготовительный кризис) и политические последствия (внедрение чрезвычайных мер и отказ от ранее принятых постановлений по отношению к деревне) так тесно переплелись в конкретных исторических условиях, что их разделение на причины и следствия выглядит искусственным и формальным приемом. Вот почему так важно остановиться именно на конкретных политических событиях тех лет.

Одним из первых в их ряду стал июльский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП (б), посвященный обоснованию чрезвычайных мер «по изъятию излишков хлеба» в деревне. Обоснование необходимости подобных мер стало сутью речи И.В. Сталина на пленуме, где он впервые заговорил о «дани», о «сверхналоге» на крестьян для нужд индустриализации. Таким образом, отвергнутые им самим совместно с Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым в 1924 г. предложения Е.А. Преображенского о проведении первоначального социалистического накопления за счет деревни теперь были взяты на практическое вооружение. Против такого подхода возражал Н.И. Бухарин, справедливо предлагавший в качестве регулятора роста сельскохозяйственной продукции использовать цены. Именно экономи-

чески неоправданную политику цен он считал главной причиной хлебозаготовительного кризиса 1928 г.[1]

Однако правильные для экономической политики выводы сочетались у Н.И. Бухарина с поддержкой лозунга И.В. Сталина об усилении классовой борьбы[2]. На ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) обоснование этого лозунга, поддерживавшегося И.В. Косиором, Р.И. Эйхе, Ф.И. Голощекиным, Я.Б. Гамарником, превратилось в главную проблему, а контрольные цифры развития на 1928–1929 гг. — в подчиненную. Против лозунга усиления классовой борьбы достаточно определенно высказался только А.И. Рыков. Он же напомнил о необходимости соблюдения рыночного равновесия при планировании темпов роста промышленности[3]. Однако его замечание было отвергнуто В.В. Куйбышевым, который вслед за И.В. Сталиным характеризовал несоответствие между спросом и предложением как стимул роста промышленности и как показатель роста благосостояния народа. В дальнейшем данная установка стала теоретическим обоснованием устойчивой несбалансированности спроса и предложения товаров в экономике социализма.

Несмотря на активизацию сторонников такой установки, в 1929 г. на V съезде Советов был утвержден первый пятилетний план, сбалансированный по всем важнейшим заданиям промышленности и сельского хозяйства. Но уже в ноябре 1929 г. началось полное отступление от принципов первого пятилетнего плана, произошли отказ от нэпа и переход к ускорению темпов роста промышленности любой ценой. Несмотря на то что на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) В.В. Куйбышев говорил о том, что пятилетка «нарушается по всем швам», И.В. Сталин предложил повысить среднегодовой темп прироста промышленности в 1929–1930 гг. до 32%[4]. В таких условиях говорить о сбалансированности роста промышленности и сельского хозяйства уже не приходилось.

Необходимость форсированного роста промышленности обосновывалась И.В. Сталиным и его сторонниками не только тезисом нарастания классовой борьбы внутри страны, но и усилением международной опасности и соответственно необходимостью развития оборонной промышленности. Создание современной оборонной промышленности было действительно необходимо, но, как показали дальнейшие события, «подхлестывание» темпов объяснялось не только международной обстановкой. Прежде всего методы «подхлестывания» темпов в тех условиях отвечали принципам концентрации власти для борьбы

---

[1] *Бухарин Н.И.* Избр. произв. М.: Политиздат, 1988. С. 404.

[2] Там же. С. 418.

[3] Индустриализация СССР: выбор курса. Беседа корреспондента газеты А. Ильина с В.С. Лельчуком // Правда. 1988. 21 окт.

[4] Правда. 1988. 28 окт.

с политическими противниками. Взаимосвязь между политикой темпов и проблемой укрепления власти была предельно ясно раскрыта в письме Ф.Э. Дзержинского В.В. Куйбышеву еще в 1926 г. Он писал: «Если мы не найдем правильной линии в управлении страной и темпа... страна тогда найдет своего диктатора, похоронщика революции, какие бы красные перья ни были на его костюме»[1].

Политика чрезвычайных мер опиралась на низкий культурный уровень широких народных масс, их искреннюю веру в возможность ускоренного решения экономических проблем административными мерами. Отрицательное действие этих мер усугублялось тем, что люди, их осуществляющие, все больше ценились не за профессиональные качества, а за умение одобрять, поддерживать курс вождя. Массовое уничтожение специалистов во всех областях знания и экономики привело к резкому снижению культурного и профессионального уровня руководителей всех уровней.

В этих условиях задача индустриализации интерпретировалась руководителями всех уровней через призму «подхлестывания темпов» роста в основном тяжелой промышленности. В Госплане бытовала поговорка: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие». Проблема сбалансированности темпов роста промышленности с ростом сельского хозяйства и потребления населения перестала учитываться при принятии хозяйственных решений.

Теоретическое рассмотрение иных подходов к развитию экономики России в конце 1920-х — начале 1930-х гг. мы подробно рассмотрим в следующей лекции. Сейчас отметим, что поиск источников индустриализации в период нэпа был связан с изменениями в социальной структуре экономики СССР.

Изменения в социальной структуре населения

Население России после его значительного уменьшения в годы войны и революции начало с 1922 г. расти «компенсационным» темпом. К 1928 г. в СССР проживало 154,3 млн человек в сравнении с 139,3 млн в 1913 г. (в сравнимой территории). При этом сельское население страны возросло с 114,6 млн до 125,3 млн человек, т.е. почти на 11 млн, или на 9,3%, а городское увеличилось на 4,3 млн, или на 1,2%. Страна оставалась аграрной прежде всего по типу воспроизводства населения.

При росте сельского населения на 9,3% в период 1913–1928 гг. посевная площадь увеличилась лишь на 5%, т.е. на душу сельского населения посевная площадь под зерновыми уменьшилась на 9%. Урожайность зерновых возросла незначительно: с 6,7 ц/га в 1909–1913 гг. до 7,6

[1] Правда. 1988. 21 окт.

ц/га в 1922–1928 гг.[1] Производство зерна на душу сельского населения увеличилось лишь с 565,8 кг в 1909–1913 гг. до 570 кг в 1922–1928 гг. Наиболее значительные изменения к концу 1920-х гг. произошли в распределении производственного зерна: увеличилась доля зерна, идущая на прокорм скота, с 26,2% валового сбора в 1925/26 г. до 31,9% в 1927/28 г. Резко снизилась доля товарного зерна. Если производство зерна увеличилось по сравнению с 1913 г. на 24%, то его товарная часть уменьшилась на 30%[2].

Именно это явление стало основной причиной сокращения к 1928 г. по сравнению с предшествующим периодом удельного веса рабочей силы, занятой в промышленности и торговле, и соответственно увеличения удельного веса занятых в сельском хозяйстве. Начался процесс деиндустриализации и натурализации экономики.

Структура занятых в народном хозяйстве отражает типичные для агарных стран черты, связанные с аграрным перенаселением и обилием «лишних ртов».

Перепись населения 1926 г. позволяет выяснить взаимозависимость между имущественным положением крестьян и количеством работников в хозяйстве. Так, доля занятых в хозяйстве в группе бедняков составляет 23,7%, середняков — 17,6%, зажиточных — 15,9%. Один работающий бедняк кормит более четырех человек, середняк — более пяти, зажиточный — более шести. Само наличие малолетних детей в семье бедняков превращалось в фактор дестабилизации хозяйства и влекло за собой усиление социальной напряженности в деревне, явно проявившееся к концу 1920-х гг. Утверждение, распространяемое в печати того времени, о «кулацкой опасности» никак не подтверждалось социальной структурой деревни, где «кулаки» составляли лишь 5,4% сельского населения и 4,5% занятых в сельском хозяйстве. Недовольство сельского населения проводившейся политикой проявлялось прежде всего средними слоями, которым все более чинились препятствия в развитии промыслов, устанавливались дополнительные налоги. Представители средних слоев нередко переводились в разряд «кулаков» и «лишенцев» — людей без политических прав.

Сравнение данных переписи населения 1897 г. с данными переписи 1926 г. свидетельствует о том, что после революции в стране шел процесс «аграризации» структуры населения. Так, если, по данным переписи 1897 г., доля торгово-промышленного населения составляла 17,2% от общей численности населения, то в 1926 г. — 15,1%[3], если

---

[1] *Мошков Ю.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1966. С. 19.

[2] Там же. С. 23.

[3] Рассчитано по: *Рашин А.* Население России за 100 лет. М.: Госстатиздат, 1956. С. 322; *Соколов А.* Лекции по советской истории. М.: Мосгорархив, 1995. С. 154.

пролетарии (вместе с семьями) составляли в 1897 г. 17,5%[1] в населении страны, то в 1926 г. «рабочие» (в разряд которых, кстати, включались с некоторыми оговорками и служащие госаппарата) составляли 10,8% населения[2]. По мнению историка А. Соколова, исследовавшего материалы переписи 1926 г. и сведения комиссии по налогообложению при СНК и СТО в 1927 г., категория «пролетариат» в этих документах требует пристального анализа. Включение в нее служащих государственного аппарата не только увеличивало количество пролетариата, но и искажало его структуру. Дело в том, что старая интеллигенция, вошедшая в госаппарат, все больше испытывала к себе враждебное отношение так называемых выдвиженцев. Большинство из них, хотя и имело «рабочее» прошлое, все более удалялось от нужд рабочего класса, лицемерно бравируя пролетарским происхождением. «Номенклатурным» выдвиженцам удалось в силу их несвязанности с интеллигенцией и ее традициями использовать недовольство простых людей трудностями нэпа для борьбы со «старыми спецами». Не последнюю роль они сыграли и в преувеличении опасностей, связанных с ростом капиталистических элементов в городе, доля которых составляла лишь 1,8% населения и 2,4% занятых в народном хозяйстве. Как показала практика, основная опасность для развития экономики коренилась именно в формировании «нового» бюрократического аппарата, который вобрал в себя худшие традиции прошлого и был скорее их продолжением, чем новизной.

Социальная структура населения СССР, сложившаяся к 1928 г., была одним из факторов принятия решения о форсированной индустриализации. Если преимущественное развитие сельского хозяйства как первоначальная основа индустриализации в одном из ее вариантов предполагала стимулирование крестьянина и его частного производства, то вариант форсированной индустриализации означал преимущественное развитие промышленности и соответственно пролетариата. Государство диктатуры пролетариата политически, во всяком случае в теории, опиралось на пролетариат, численность и значение которого в период нэпа не стало определяющим. СССР оставался страной аграрной. Крестьянство не могло стать политической опорой государства диктатуры пролетариата в понимании правящей партии. Поэтому курс на форсированную индустриализацию логически опирался на необходимость изменения социальной структуры населения в сторону роста и укрепления рабочего класса.

---

[1] Без полупролетариев.

[2] Рассчитано по: *Рашин А.* Население России за 100 лет. М.: Госстатиздат, 1956. С. 322; *Соколов А.* Лекции по советской истории. М.: Мосгорархив, 1995. С. 154.

Изменения в структуре управления

В декабре 1922 г. состоялся I съезд Советов СССР, на котором РСФСР, Белоруссия, Украина, Закавказская Федерация объединялись в Союз Советских Социалистических Республик (СССР). В сентябре 1924 г. в него вошли Хорезмская и Бухарская республики. Таким образом, произошло объединение различных по уровню экономического развития территорий, на которые распространялись правила нэпа. Центральный аппарат управления был представлен Всесоюзным съездом Советов, который провозглашался высшим органом власти. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) стал высшим органом власти в период между съездами. Законодательные и исполнительные функции выполнял Совет Народных Комиссаров (СНК) — правительство СССР. Совет труда и обороны (СТО) был преобразован в экономическое совещание. Совет Народных Комиссаров СССР включал наркоматы: иностранных дел, военных и морских дел, внутренних дел, финансов, труда, юстиции, социального обеспечения, просвещения, по делам национальностей, почт и телеграфов, путей сообщения, земледелия, торговли и промышленности, ВСНХ, продовольствия, здравоохранения, госконтроля.

Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) — высший советский хозяйственный орган обладал статусом наркомата (1917–1932). Учрежден при СНК декретом ВЦИК и СНК от 2 (15) декабря 1917 г. для организации и управления всего народного хозяйства и финансов. В состав ВСНХ входили отраслевые ведомства (Главсахар, Главнефть, Центрочай и т.д.). На местах создавались губернские и уездные совнархозы.

В годы военного коммунизма все промышленное производство и распределение сырья и готовой продукции было сосредоточено в ВСНХ. После образования СССР ВСНХ были присвоены права объединенного наркомата.

В конце 1920 г. была проведена первая реорганизация центральных органов управления промышленностью, что привело к сокращению числа главков и центров ВСНХ с 71 до 16. VIII съезд Советов принял постановление «О местных органах экономического управления», согласно которому главкам и центрам ВСНХ был придан статус органов, руководящих работой губернских совнархозов (ГСНХ) на основе единого народно-хозяйственного плана. Отныне оперативное руководство предприятиями осуществляли совнархозы. Для руководства губсовнархозами и предприятиями, подведомственными ВСНХ в той или иной области, были созданы областные (объединявшие несколько губерний) промбюро.

IV Всероссийский съезд совнархозов в мае 1921 г. разделил все промышленные предприятия на две группы: остающиеся в подчинении ВСНХ и все остальные, управляемые непосредственно губсовнархозами и промбюро. В итоге в непосредственном ведении ВСНХ из 37 тыс.

осталось 4500 наиболее крупных предприятий, а общее число рабочих, занятых в госпромышленности, сократилось с 1400 до 1200 тыс. человек.

К лету 1922 г. остались главные управления по металлической промышленности (Главметалл), по горной (Главгорпром), по угольной (Главуголь), по электротехнической (Главэлектро), по топливной (ГУТ), по военной (Главвоенпром), по делам кустарной, мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром), по государственному строительству (ГУС) и земледельческих хозяйств промышленных предприятий (Главземхоз). Остальными отраслями промышленности руководили секции Центрального промышленного управления ВСНХ.

При переводе во время нэпа госпромышленности на хозрасчет на базе главков появилось несколько всероссийских трестов: например, Резинотрест, Чаеуправление, Сахартрест и др. Для руководства производственной деятельностью трестов в ВСНХ создается центральное управление государственной промышленностью (Цугпром ВСНХ), а в качестве экономического органа регулирования и планирования — Главное экономическое управление (ГЭУ ВСНХ).

С середины 1920-х гг. аппарат ВСНХ СССР взял курс на концентрацию планового управления промышленностью. В связи с этим все большую роль начинал играть Госплан. 21 августа 1923 г. была создана Государственная комиссия СССР по планированию при Совете труда и обороны СССР при Совете Народных Комиссаров СССР (СТО СССР). Изначально Госплан СССР играл консультативную роль, координируя планы союзных республик и вырабатывая общий план. С 1925 г. Госплан СССР начал формировать годовые планы развития народного хозяйства СССР, которые назывались «контрольные цифры». Прообразом его создания явилась ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России), работавшая с 1920 по 1921 г. Мы подробно остановимся на деятельности Госплана и первых планах развития народного хозяйства в следующих лекциях. Сейчас отметим, что Госплан, его первый руководитель Г.М. Кржижановский и выдающиеся сотрудники — ученые-экономисты В.А. Базаров, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, П.С. Осадчий, С.Г. Струмилин сыграли выдающуюся роль в организации планового дела в России.

На протяжении всего периода нэпа проходила борьба между централизацией и децентрализацией управления экономикой. С одной стороны, к 1926 г. повысилась роль главных управлений, особенно в металлургической и текстильной индустрии. Чтобы сконцентрировать все стадии производства в одних руках, в августе 1926 г. Цугпром ВСНХ был ликвидирован и вместо него созданы главки по управлению отраслями промышленности (Главтекстиль, Главлесбум, Главхим, Главсельпром, Главгортоп), а для управления другими отраслями были сформированы комитеты. Летом 1928 г. главки начали дробиться: например, Главметалл

был разделен на главные управления: по черной металлургии, по добыче и обработке цветных металлов, машиностроению и металлообработке. Аналогичные меры намечались в отношении Главхима и лесобумажной промышленности. В декабре этого же года пленум ВСНХ передал оперативное выполнение планов главкам, что окончательно подорвало роль синдикатов в управлении промышленностью. Благодаря усилению отраслевого управления местные совнархозы окончательно утратили свою значимость и были преобразованы в отделы исполкомов. Таким образом, роль административного аппарата управления при нэпе не оставалась неизменной: она падала (1921–1923), росла (1924–1928). К 1928 г. укрепилась тенденция подчинения экономической политики органам политической власти. Этот процесс был сложным в силу как объективных причин, так и политических установок, исходивших из несовместимости социалистических принципов с функционированием частного сектора. Сочетание объективных и субъективных причин привело к формированию в управлении административной монополии. Административная монополия, усиление командных методов ускорили наступление на частный капитал. Сочетание рыночных и плановых рычагов управления уступало место чисто административным методам. В 1927 г. было принято постановление о предприятиях промышленности, где основной целью их деятельности выдвигался спущенный сверху план. Вышестоящий орган определял задания по строительству, назначал цены на продукцию, назначал и увольнял руководителей. Место экономического интереса стала занимать директива.

В этой связи характерно образование Комитета государственных заказов для регулирования снабжения. Теперь средства производства должны были распределяться централизованно. Складывающаяся административная монополия была логическим продолжением сращивания государства и монополии в дореволюционный период. Суть «административной монополии» в отличие от естественной заключается в том, что, возникнув в условиях «догоняющей модели развития» для преодоления структурных диспропорций, она может существовать лишь при наличии подобных диспропорций, которые она в борьбе за свое существование систематически генерирует. Именно в силу этой причины стало невозможным преодоление диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, которое стало определяющим для политики сдерживания доходов, снижения их дифференциации и соответственно формирования массового рынка и роста благосостояния. Для осуществления «официальной» антимонопольной политики в России не было достаточных общественных сил. Однако ход исторических событий через массовый голод, страдания и лишения людей в конце 1920-х — начале 1930-х гг. привел к неизбежному неонэпу, суть которого, по нашему мнению, заключалась в попытке перехода

от чисто административных методов управления к сочетанию их с экономическими методами.

Эта попытка часто рассматривалась в экономической литературе как естественная реакция «ослабления гаек» после допущенных в годы первой пятилетки ошибок. Нам представляется более обоснованным принять для этой политики термин «неонэп», так как в данный период (1932–1940) предпринималась попытка использования экономических методов регулирования как основной идеи нэпа. Термин «неонэп» принадлежит Л. Троцкому, который использовал его для характеристики отказа от социалистических идей в период второй пятилетки. Мы используем данный термин в другом смысле, а именно для подчеркивания попытки применения экономических методов регулирования хозяйства как антипода административных и неизбежности сочетания данных методов.

Специфичность неонэпа заключалась в половинчатости предпринятых мер, их плохой юридической закрепленности с целью бесконечных поправок и возможности резкого поворота. На ноябрьском пленуме ЦК ВКП (б) 1934 г. Сталин обвинил в теории и практике прямого продуктообмена, развивавшегося в годы первой пятилетки и приведшего к голоду, безымянных партработников, среди которых имела место «левацкая болтовня». Отмена карточной системы, введенной в 1928–1929 гг., и унификация цен рассматривались как преддверие использования экономических методов в хозяйстве.

В 1932 г. было принято решение о разрешении колхозам и колхозникам и единоличникам реализовывать излишки своей продукции на колхозном рынке, где цены определялись спросом и предложением. Эта мера создавала некоторые стимулы в результатах собственного труда колхозников. Поощрялись и личные подсобные хозяйства (ЛПХ), а также содержание в них коров, свиней, коз и домашней птицы. В 1930–1940-е гг. ЛПХ становятся основным источником пропитания колхозников. В период второй пятилетки 1932–1937 гг., по данным бюджетов колхозников, потребление основных продуктов питания в среднем на душу сельского населения возросло более чем в 2 раза. (Не будем забывать, что этот рост начинался с отметки, характеризующей голод.) Развитие ЛПХ в 1932–1940 гг. не только способствовало росту потребления колхозников, но и по некоторым видам сельскохозяйственной продукции стало играть значительную роль в ее производстве и товарности. Так, в производстве картофеля доля ЛПХ составляла 65%, овощей — 48, мяса — 72, молока — 73, яиц — 94, шерсти — 49%[1]. В товарной продукции удельный вес ЛПХ составлял к 1940 г. по картофелю 54%, овощам — 18, мясу — 55, молоку — 51, яйцам — 93, шерсти — 26%[2]. Таким образом, можно утверждать,

[1] Народное хозяйство СССР в 1982 г. М., 1983. С. 192.

[2] Там же. С. 198.

что наряду с общественным производством (колхозы и совхозы) ЛПХ представляло собой социально-экономический уклад со своими законами развития, характерными в основном для мелкотоварного хозяйства. Процесс имущественной дифференциации колхозников в зависимости от местоположения колхозов и ЛПХ также свидетельствует о действии законов товарного производства. В период 1932–1940 гг. этот процесс жестко контролировался системой налогов и административных ограничений.

Поощрение ЛПХ, так же как и мелкого кустарного производства, имело границы, которые четко и цинично обозначил Сталин на совещании ЦК ВКП (б) по вопросам коллективизации в июле 1934 г. Эти границы устанавливались таким образом, чтобы крестьяне были вынуждены идти на самые тяжелые и непривлекательные виды работ. Сталин недвусмысленно заявил: «Откуда же вы рабочих получите в городах... если у колхозов дела пойдут лучше. Если колхознику дать достаточную обеспеченность, то он никуда на завод не пойдет, а на поземельные работы их и на аркане не затащишь»[1].

Уступки частному сектору рассматривались как вынужденная мера для обеспечения определенного уровня потребления населения. Они могли смягчить, но не могли решить проблему диспропорциональности между промышленностью и сельским хозяйством и соответственно между потреблением и накоплением.

Экономическая история России показала, что административная монополия, даже при ее опоре на репрессивный аппарат, в условиях мирного развития не может решить проблем стабильного роста благосостояния. Одно из доказательств тому — развитие теневой экономики периода нэпа и неонэпа.

Теневая экономика

Последовавший за периодом военного коммунизма нэп открыл легальные возможности функционирования частного капитала, что привело к сращиванию теневого и легального секторов экономики, а также к развитию различных форм нелегальной деятельности.

К 1921 г., по расчетам Ю. Ларина, нелегальные капиталы составляли 150 млн руб. Всего за два года, к 1923 г., капиталы возросли более чем в 2,3 раза и составили 350 млн руб. Такой рост обеспечивался нелегальной деятельностью. Ее разнообразие было представлено следующими видами: агенты и соучастники частного капитала в госаппарате; лжегосударственная форма деятельности частного капитала; злостная контрагентура; неликвидные фонды; система перекупок; контрабанда;

[1] Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. II. М., 1991. С. 275–276.

государственный денежный кредит; валютные операции; государственные займы; уклонение от налогов; лжекооперативы.

Результаты функционирования частного капитала для динамики хозяйства не оставались неизменными. В период 1921–1923 гг. шло активное накопление капитала нелегальными методами, и значительная его часть утекла за границу. В 1924–1926 гг. начало развиваться инвестирование легкой и пищевой промышленности за счет частного капитала, которое в официальной форме было прервано политикой индустриализации. Обратимся к сравнению периодов 1921–1923 и 1924–1926 гг.

Буржуазия, которая функционировала в период 1921–1923 гг., вступила в него почти с голыми руками. Таково мнение Ю. Ларина, который понимал под «голыми руками» отсутствие капитала в его денежной форме. Между тем формы функционирования капитала, которые описывает этот автор, свидетельствуют о сохранении методов воспроизводства капитала, возникших в последней трети XIX в., когда осуществлялось форсированное развитие государственного капитализма. Ю. Ларин подчеркивал, что успехи нелегальной деятельности буржуазии этого периода в большой мере объяснялись пороками госаппарата. Под данными пороками понимаются бюрократические извращения, «наличие которых дает возможность частному дельцу превращать госорганы в орудие и средства своего обогащения»[1]. С выводом Ю. Ларина можно было бы согласиться, заменив выражение «пороки госаппарата» на основные черты госаппарата.

Исследование нелегальных методов обогащения, приводимых Ю. Лариным, убеждает в справедливости именно такого определения. Действительно, первым и самым простым методом нелегальной деятельности по воспроизводству частного капитала было наличие его соучастников и агентов в государственном аппарате. Из частных предпринимателей, дела которых слушались в суде в 1924–1926 гг., состояло на государственной службе до 1921 г. 90%. По оценкам Ю. Ларина, в составе госаппарата был «не очень широкий, не очень многочисленный, измеряемый всего несколькими десятками тысяч человек круг лиц», которые использовали служебное положение в целях приобретения капитала. Вряд ли можно согласиться с тем, что несколько десятков тысяч человек — незначительная величина в управлении госорганами.

Реформы 1930-х гг. и последовавший за ними неонэп не изменили ситуацию. Исследование экономической практики 1930-х гг. показало, что в тесном союзе с централизованным хозяйством развивались такие скрытые явления, как предпринимательство и «черный рынок». Историк Е.А. Осокина на основе изучения большого массива архивных материалов показала, что в результате репрессивных мер 1928–1932 гг. рынок

[1] *Ларин Ю.* Частный капитал в СССР. Антология экономической классики. М.: Эконов, Ключ, 1993. С. 439.

не исчез, а трансформировался и включился в единую экономическую систему, где «централизованное распределение и рынок сосуществовали в тесном союзе»[1]. Частное предпринимательство часто маскировалось под формы социалистического хозяйства. Происходило сращивание крупных чиновников торговли и госпартаппарата с деятелями «черного рынка». Причинами данных процессов были:

— скудость и избирательность государственного снабжения;
— переплетение иерархии, формируемой централизованным распределением и «черным рынком»;
— коррупция партийного советского руководства;
— ограниченность и непоследовательность реформ 1930-х гг.

Суммируя все вышесказанное, введение нэпа весной 1921 г. было удачным поворотом в политике большевиков. То, что к такому решению их подтолкнула угроза экономического развала с неизбежными социальными потрясениями, не снимает положительной оценки предпринятых действий. Частичное восстановление рыночных отношений и отход от непримиримости к сотрудничеству различных секторов экономики стал основой восстановления хозяйства в 1921–1928 гг.

2. Однако сосуществование различных секторов не было мирным. Это определялось как объективными причинами, так и идеологией правящей партии, а также деятелями, ее возглавлявшими. К объективным причинам относятся прежде всего неизбежность кризисов в функционировании частного хозяйства и стремление государства с ними бороться административными мерами. Особенность административных мер, неизбежных в переходные периоды, в СССР определялась как отсутствием опыта, так и постепенным преобладанием в управлении идеологических установок.

3. Уступки частному сектору рассматривались большевиками как вынужденная мера для восстановления дореволюционного уровня потребления населения. Они могли смягчить, но не могли решить проблему диспропорциональности между промышленностью и сельским хозяйством и соответственно между потреблением и накоплением.

4. Экономическая история России показала, что административная монополия, даже при ее опоре на репрессивный аппарат, в условиях мирного развития не может решить проблем стабильного экономического роста благосостояния. Одно из доказательств тому — развитие теневой экономики периода нэпа и неонэпа.

5. Переход к политике форсированной индустриализации обострил проблему поиска источников экономического роста. Избранный вари-

---

[1] *Осокина Е.А.* Предпринимательство и рынок в повседневной жизни первых пятилеток. На примере рынка потребительских товаров. Социальная история. Ежегодник 1998–1999. М.: РОССПЭН, 2000. С. 340.

ант: выкачивание средств из сельского хозяйства при недостаточном уровне его развития; сокращение фонда потребления для форсированного роста нормы накопления; уничтожение несогласных с курсом партии, было, на наш взгляд, обосновано не столько экономической необходимостью, сколько борьбой за власть в условиях понимания диктатуры пролетариата, как абсолютной власти руководящей партии и ее вождя.

6. Существовали альтернативные варианты индустриализации: Н. Кондратьева, Н. Бухарина, комиссии Н. Ковалевского. Каждый из этих вариантов, особенно их сочетание, мог смягчить последствия индустриализации, но ни один из них не мог их полностью нивелировать.

7. Сравнение реформ периода нэпа и современных реформ, проведенное Ю. Голландом, показало следующее:

— переход к рынку — необходимое, но недостаточное условие повышения эффективности экономики. Необходима продуманная экономическая политика государства, что повышает роль государственного регулирования в переходный период;
— в период нэпа правительство исходило из того, что не имеет права снимать с себя ответственность за развитие экономики. В 1990-е гг. преобладала концепция минимального вмешательства государства в экономику;
— механизм сочетания государственного регулирования и рыночных методов доказал свою эффективность на первом этапе нэпа. Данные идеи были плодотворно использованы Дэн Сяопином в ходе китайских реформ. В настоящее время в России отсутствует подобное сочетание;
— формированию оптимального сочетания государственного регулирования и рыночных методов противостоит как чрезмерное вмешательство государства в рыночные процессы, так и уход государства из сферы ответственности за экономическое развитие России[1].

Вопросы для обсуждения

- Расскажите об образовании Госплана и начальном периоде его деятельности.
- Что вы понимаете под мобилизационным принципом управления хозяйством?
- Какие варианты индустриализации предлагались в ходе дискуссий 20-х гг. XX в.? В чем актуальность темы вариантности индустриализации в настоящее время?
- Какова история составления плана ГОЭЛРО?

[1] *Голланд Ю.* Сравнение реформ периода нэпа и постсоветской России // Вопросы экономики, 2010. № 4. С. 99.

- Какие проблемы обсуждались в комиссиях по составлению генерального плана развития СССР?
- Какие достижения были в области методологии у комиссий по генеральному плану?

Литература

1. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988.
2. *Вайнштейн А.Л.* Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. — М.: Наука, 1972.
3. *Васильев П.* Круглый стол к 80-летию НЭПа и Госплана // Проблемы теории и практики управления. — 2001 г. — № 4.
4. *Верт Н.* История Советского государства. 1900—1991. — М: ИНФРА-М, 1998.
5. *Голланд Ю.М.* Сравнение реформ периода нэпа и постсоветской России. // Вопросы экономики. — № 4. — 2010.
6. *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994.
7. *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1966.
8. Очерки экономических реформ. М., Наука, 1993.
9. *Поцелуев В.А.* История России XX столетия: основные проблемы. М., 1997.
10. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М.: Госстатиздат, 1956.

ЛЕКЦИЯ 12

ПЕРВЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЛАНЫ И ДИСКУССИИ О ВАРИАНТАХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В.А. Погребинская

Актуальность темы вариантности индустриализации и ее реализации через планирование социально-экономического развития связана с тем, что в настоящее время Россия, так же как и в 20-е гг. прошлого века, стоит перед выбором варианта модернизации. Догоняющая модель модернизации, опережающая модель модернизации, модель модернизации, взвешенные последствия для социальной сферы — таковы современные варианты. В принятии решений важен российский опыт для использования всего ценного в нем и неповторения ошибок, тяжело оплаченных обществом. Кроме того, в ходе обсуждения вариантов в 20-е гг. XX в. была разработана уникальная методология, получившая применение и развитие во всем мире и недостаточно использованная в России. Возвращение к данной методологии важно не только в смысле ее практического использования, но и для ответа на вопрос о причинах ее недостаточного использования для целей индустриализации. Последнее чрезвычайно актуально для современного развития как доказательство крайней вредности пренебрежения к выводам отечественной науки, сделанным на основе глубоких и доказательных исследований.

Основные принципы регулирования хозяйственной жизни начали формироваться в России в связи с начальным периодом индустриализации, проходившим в конце XIX — начале XX в., и созданием первых монополистических объединений. План индустриализации, разработанный министром финансов С.Ю. Витте, включал в качестве методологических принципов, получивших развитие в советский период, выделение основного звена развития, обеспечение средств для реализации целей за счет ценовой и налоговой политики, протекционизм, финансовую реформу, подготовку специализированных кадров.

В качестве основного звена после железнодорожного строительства предполагалось в отраслевом разрезе рассматривать электроэнергетику.

В начале XX в. были разработаны важнейшие принципы регулирования электроэнергетической отрасли. В период с 1900 г., когда состоялся I Всероссийский электротехнический съезд, и по 1915 г., когда проходило совещание по подмосковному углю и торфу, были сформулированы и апробированы на практике в рамках строительства и эксплуатации ТЭС «Электропередача» (1914 г., Ногинск) основополагающие направления развития энергетики в России. Они заключались а) в: техническом перевооружении всех отраслей индустрии на базе электроэнергии; б) достижении опережающих темпов развития энергетики по сравнению с темпами роста других отраслей производства; в) строительстве электростанций, которые обеспечили бы энергоснабжение целых районов (ГРЭС); г) использовании на станциях местных топливных ресурсов; д) использовании водных ресурсов путем строительства гидроэлектростанций (ГЭС); е) строительстве высоковольтных линий электропередачи (ЛЭП). Все эти положения стали концептуальным каркасом плана ГОЭЛРО, принятого в декабре 1920 г. (ГОЭЛРО, сокращение от «Государственная комиссия по электрификации России» — орган, созданный 21 февраля 1920 г. для разработки проекта электрификации России).

Первая мировая война (1914–1918) стимулировала потребность в регулировании хозяйства для мобилизации хозяйственных сил в военных целях. Для подобного регулирования были созданы Военно-промышленные комитеты (ВПК) и Особые совещания по обороне, перевозкам, топливу и продовольствию. Централизация заказов военного ведомства в руках ВПК передала им ряд важнейших регулирующих функций: установление цен на промышленные изделия, распределение денежных авансов на заказы. Первоочередное внимание Особых совещаний и их органов на местах сосредоточивалось на снабжении предприятий сырьем и топливом, нормировании ресурсов, установлении строгих правил транспортировки грузов. Такая логика мобилизации сил развивалась и в дальнейшем, уже в мирное время.

Политика военного коммунизма (1918–1920) способствовала развитию мобилизационного принципа ведения хозяйства для нужд армии и проводилась насильственными методами. Переход к нэпу, необходимость восстановления промышленности неизбежно предполагали иные методы управления народного хозяйства, чем в период войны и военного коммунизма. В связи с этим дискуссионными стали такие проблемы, как:

— соотношение плана и рынка;
— источники и темпы индустриализации;
— исходный пункт — составление плана индустриализации.

Рассмотрение этих проблем проходило в условиях беспрецедентного расцвета экономической мысли России и возможности реализации ее достижений на практике. Достаточно вспомнить, что основные открытия

экономической науки XX в. были сделаны именно в России в 20-е гг. этого века. К ним относятся:

— теория длинных волн Н.Д. Кондратьева;
— методология долгосрочного планирования, включающая метод «генетика — телеология» (В.А. Базаров, В.Г. Громан);
— «цепочка Г.М. Кржижановского», заключающаяся в идее взаимодействия генерального плана (10–15 лет), пятилетних планов и годового плана;
— межотраслевой баланс (комиссия П.И. Попова, материалы которой лежат в основе шахматного баланса нобелевского лауреата В.В. Леонтьева);
— первая модель темпов экономического роста (Г.А. Фельдмана).

Причины разработки всех этих уникальных методов заключались как в талантливости ученых-экономистов того времени, так и в острой потребности влиять на хозяйственную практику. Власть большевиков у многих руководителей хозяйства создавала иллюзию неограниченных возможностей подобного влияния, которая подогревалась неграмотностью большинства населения. Задача подлинных ученых заключалась в разработке научных методов управления хозяйства с учетом взаимосвязи между объективными условиями (генетика) и целевыми установками (телеология). Первым генеральным планом стал, как известно, план ГОЭЛРО. Целевая установка плана заключалась «в создании материально-технической базы социализма, выравнивании фронта экономики с достижениями политического уклада»[1]. Проблема обеспечения народнохозяйственных пропорций ставилась и разрешалась исходя из необходимости решительной ломки старой хозяйственной структуры, социалистической реконструкции страны. Реализация плана ГОЭЛРО протекала в условиях деятельности Госплана.

В Положении о Государственной общеплановой комиссии (ГОСПЛАН), утвержденной Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 февраля 1921 г., говорилось: «При Совете труда и обороны создается общеплановая комиссия для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе плана электрификации и для общего наблюдения за осуществлением этого плана».

В начале своей деятельности Госплан СССР занимался изучением положения в экономике и составлением докладов по определенным проблемам, например по восстановлению и развитию угледобывающих регионов. Разработка единого экономического плана страны началась с выпуска ежегодных контрольных цифр, директив на 1925–1926 гг., которыми были определены ориентиры по всем отраслям экономики. В связи с расширением масштабов строительства и перспективой инду-

[1] План электрификации РСФСР. М., 1920. С. 14.

стриализации требовался учет новых пропорций и балансовых связей. Для определения места каждой крупной стройки в экономике страны также необходим был долгосрочный план. Вначале этот план рассматривался не как новая работа, а лишь как уточнение плана ГОЭЛРО, выполнение которого показало его недостаточность и игнорирование развития сельского хозяйства (табл. 12.1). С проектом пересмотра плана ГОЭЛРО выступил на пленарном заседании Президиума Госплана в феврале 1925 г. первый председатель Госплана Г.М. Кржижановский. Вскоре стало ясно, что одного пересмотра плана ГОЭЛРО недостаточно, необходим новый генеральный план, который мог бы стать отправной точкой для составления пятилетних и текущих планов.

Таблица 12.1

План ГОЭЛРО и его выполнение

Показатель	1913	1920	План ГОЭЛРО	Во сколько раз по плану ГОЭЛРО намечалось увеличение по сравнению		Фактическое производство		Год, в котором выполнен план ГОЭЛРО
				с 1913	с 1920	1930	1935	
Валовая продукция крупной промышленности (1913 = 1)	1	0,14	1,8–2	1,8–2	более чем в 13–14	2,5*	5,6*	1929–1930
Мощность районных электростанций, млн кВт	0,2	0,25**	1,75	9,3	6,9	1,4	4,1***	1931
Производство электроэнергии, млрд кВт-ч	2,0	0,5**	8,8	4,3	16,9	8,4	26,3	1931
Нефть, млн т	10,3	3,9	11,8–16,4	1,1–1,6	3,1–4,3	18,5	25,2	1929–1930
Уголь, млн т	29,2	8,7	62,3	2,1	7,1	47,8	109,6	1932
Торф, млн т	1,7	1,4	16,4	9,6	12	8,1	18,5	1934
Железная руда, млн т	9,2	0,16	19,6	2,1	119	10,7	26,8	1934
Чугун, млн т	4,2	0,12	8,2	1,9	71	5,0	12,5	1934
Сталь, млн т	4,3	0,19	6,5	1,5	33,5	5,8	12,6	1933
Бумага, тыс. т	269,2	30,0	688,5	2,6	23	495,3	640,8	1936

* По всей промышленности продукция по сравнению с 1913 г. возросла в 1930 г. в 1,9 раза, в 1935 г. — в 4,1 раза.

**1921 г.

*** Кроме того, на крупных промышленных электростанциях районного значения введено мощностей 0,5 млн кВт.

Источник: Госкомстат СССР.

Г.М. Кржижановский предложил методологию, вошедшую в историю как «цепочка Кржижановского», — долгосрочные планы (10–15 лет), на их основе пятилетние планы, а на основе пятилетних планов — текущие (годовые) планы. Начиная с 1926 г. над составлением Генерального плана развития СССР последовательно работало три комиссии: П.С. Осадчего (1926–1928), Н.А. Ковалевского (1928–1930), Г.И. Ломова (1931–1933). Работа каждой из этих комиссий широко обсуждалась не только в научных кругах. В дискуссиях по основным вопросам вначале принимали участие такие политические деятели, как Н.И. Бухарин, Г.Л. Пятаков, А.И. Рыков, Е.А. Преображенский, Л.Д. Троцкий, В.В. Куйбышев, И.В. Сталин. Начиная с 1927–1928 гг. можно говорить не об участии в обсуждении, а политическом диктате в экономических решениях победившей в партии сталинской группировки — И.В. Сталин, В.В. Куйбышев. Среди крупных ученых установки сталинской группировки поддержал С.Г. Струмилин. Такие выдающиеся ученые, как В.Г. Громан, П.С. Осадчий, Г.А. Фельдман, были осуждены, а Н.Д. Кондратьев и Г.Я. Сокольников (автор денежной реформы периода нэпа) расстреляны. Такое варварское отношение к ученым определялось не только характером Сталина, но и общей низкой культурой политической элиты, владевшей в совершенстве методом внушения страха и боявшихся всего нового. Начиная с 1927–1928 гг. в кадровой политике Госплана происходят кардинальные изменения в сторону замены ученых людьми малограмотными, но преданными партии вопреки любым доводам рассудка. В 1930 г. Г.М. Кржижановского, ученого и талантливого руководителя Госплана, сменяет В.В. Куйбышев, человек далекий от науки и доказательных решений, слепо веривший в курс Сталина. Такие же замены происходят на всех уровнях Госплана. Комиссия Г.И. Ломова уже не могла работать над методологией составления плана индустриализации, ее задача стала узкоотраслевой — план электрификации для второй пятилетки.

Но вернемся к комиссии П.С. Осадчего, в рамках которой впервые были поставлены проблемы темпа индустриализации и соответствующей им методологии планирования.

Комиссией П.С. Осадчего были разработаны «Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической основе на ближайшие 10–15 лет», а на их основе составлялись районные генеральные планы. К 1927 г. были опубликованы следующие генеральные планы: Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первой пятилетки; Генеральный план развития Сибирского края; Анализ производительных сил Украины; Пути развития народного хозяйства Закавказья. Целевой установкой, поставленной в «Общих предпосылках», было удвоение среднего дохода на душу населения СССР. Для реализации этой цели предлагалось «выявление необходимой пропорциональности в темпе развития различных отраслей народного хозяйства, обеспечивающей гармоническое развитие его в на-

правлении достижения намечаемого уровня удовлетворения потребностей районов и всей страны»[1]. В качестве основного метода предлагался отраслевой и территориальный баланс. План понимался как план-прогноз (позиция Н.Д. Кондратьева). Индустриализацию предлагалось начать с легкой промышленности, а потребность в средствах производства удовлетворять за счет импорта сырья и оборудования. В сельском хозяйстве предполагалась опора на частное крестьянское хозяйство. Первоочередное стимулирование развития сельского хозяйства на первом этапе развития (1928–1932) должно было создать основу развития промышленности на следующем этапе. Среднегодовой темп прироста национального дохода, рассчитанный на основе среднемирового темпа стран, уже прошедших к середине 1920-х гг. этап индустриализации, основанный на Второй промышленной революции, должен был составить 6–7% в период 1928–1940 гг.

Основными идеологами комиссии Осадчего были В.А. Громан, В.А. Базаров, Н.П. Огановский, А.Е. Лосицкий. Использовались идеи Н.Д. Кондратьева о плане-прогнозе, составленном на основе изучения «длинных волн» мирового развития. Что касается соотношения плана и рынка в хозяйственном развитии страны, то В.А. Базаров предложил методологию, вошедшую в историю как подход «генетика — телеология». Суть этого подхода в контексте проблемы соотношения плана и рынка заключался в том, что целевые установки плана (телеология), допустимые в области промышленности, опираются на генетические основы развития сельского хозяйства России как отрасли, в которой невозможны директивные задания, но развитие которой определяет и темп развития индустрии. Таким образом, предлагалось отраслевое размежевание плана и рынка. (В дальнейшем В.А. Базаров использовал метод «генетика — телеология» и в другом контексте, а именно, для решения проблемы, с чего начинать составление плана.)

Прогноз пропорций народного хозяйства, т.е. соотношений между промышленностью и сельским хозяйством, накоплением и потреблением, легкой и тяжелой промышленностью, составители генерального плана в комиссии Осадчего строили на основе «динамических коэффициентов». В. Г. Громан предлагал, исходя из довоенного соотношения между сельским хозяйством и промышленностью 68:32, построить динамические коэффициенты взаимосвязи темпов роста различных отраслей для варианта подвижного равновесия и плавного развития в сторону приоритетов промышленности. В.А. Базаров, соратник В. Г. Громана, придерживался концепции обеспечения плавного бесперебойного развития от одного состояния равновесия к другому. Таким образом, «подвижное равновесие» становилось исходным пунктом развития. Сторонники «подвиж-

[1] Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической основе на ближайшие 10–15 лет. М.: Промиздат, 1927–1928. С. 5.

ного равновесия» столкнулись со сторонниками форсированных темпов (С.Г. Струмилин, В.В. Куйбышев, В.И. Межлаук). Противостояние сторон по данной проблеме соответствовало полемике между учеными — сторонниками генетического подхода и учеными — сторонниками телеологического подхода к плану.

Дискуссии по «генетике и телеологии», проходившие в конце 1920-х гг., касались следующих вопросов:

— С чего начинать составление генерального и пятилетнего планов? С постановки целей развития или выявления вектора хозяйственной динамики и только в соответствии с ним формулировать цели?
— Насколько долгосрочный план в сравнении с текущим и среднесрочным (пятилетним) планами расширяет возможности первенства целевых установок по отношению к генетике?
— Возможно ли в соответствии с биологическим понятием «генетика» исходить из того, что сами цели объективно вызревают в ходе эволюции?
— Как определить границы государственного регулирования в структурной политике?
— Каковы объективные границы экономического роста?

К концу 1920-х гг. сформировалось два подхода, которые условно можно назвать генетическим и телеологическим. Представители генетического подхода (В.А. Базаров, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, П.С. Осадчий) исходили из первенства законов эволюции в экономике. Постановка целей вторична по отношению к ним. Законы эволюции исследовались на основании построения длинных статистических рядов основных показателей хозяйственной динамики, национального дохода, основных фондов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Практика перспективного планирования опирается, по В.А. Базарову, на принципы двоякого рода: телеологические или целевые задания и собственно методологические, т.е. научные приемы, при помощи которых обосновываются целевые установки и отыскиваются пути осуществления их с наименьшей затратой времени и сил. Кроме того, в плановой практике часто пользуются «рецептами», содержание которых не входит в целевые задания плана, но логически вытекает из этих последних при определенных объективных предпосылках. Такие «рецепты» Базаров определял как «условные директивы», правильные при определенных предпосылках, и называл их «регулятивными идеями». Регулятивные идеи понимались В.А. Базаровым в том смысле, который придавала этому термину кантианская философия, противопоставляя «регулятивное» «конститутивному».

По И. Канту, предпосылка различения «конститутивного» и «регулятивного» заключается в том, что собственно подлинным может быть нечто обозримое, созерцаемое, охватываемое опытом или отдельных субъектов, или совокупным опытом. Например, существует способность обозревать, обобщать и вследствие этого познавать количественные, каузальные

и другие конкретно наблюдаемые зависимости. Поэтому соответствующие этим зависимостям категории (количество, причина и др.) получают реальное «конститутивное» применение, так как они соразмерны познаваемым явлениям. Напротив, например, мир в целом ввиду его бесконечности и неисчерпаемости не может служить предметом завершенного опыта ни индивидуально, ни исторически. Попытки реально, опытно, «конститутивно» интерпретировать идею мира в целом непродуктивны и ведут к научным фикциям и заблуждениям, неразрешимым противоречиям. Но идея мира в целом и другие «сверхчувственные» понятия играют позитивную роль в познавательном процессе, если они выступают как идеалы, организующие и направляющие силы, «регулятивные» принципы этого процесса, выражающие его устремленность к предельной завершенности, символизируя высшие цели познания[1].

Исходя из данного понимания «регулятивных» принципов, В.А. Базаров предложил рассмотрение телеологии и генетики как не конкурирующих между собой антагонистов, а как диалектически связанных друг с другом моментов единого органического целого. Телеологические установки перспективного планирования без генетического их обоснования пусты, генетические исследования без целевых установок слепы. План народного хозяйства должен быть зрячим и вместе с тем реальным, научно обоснованным. Такой вывод делает В.А. Базаров[2]. Генетическое обоснование перспективного плана, по его мнению, должно начинаться с исследования закономерностей развития сельского хозяйства.

Впервые рассмотрев проблему «генетики и телеологии» для планирования, ученый исходил из того, что сельское хозяйство как наиболее «эволюционная» часть экономики должна быть преимущественно сферой применения генетического подхода. Динамика же промышленности, где государственное регулирование обладает большими, чем в сельском хозяйстве, возможностями, может определяться сочетанием телеологического и генетического подходов. При этом цели развития промышленности должны сверяться с эволюционными возможностями сельского хозяйства. Расширение возможностей долгосрочного плана по сравнению с текущим и среднесрочным планами в постановке целей ограничено эволюционными тенденциями сельского хозяйства. Направление подобных тенденций, в свою очередь, связано и с влиянием динамики и структуры промышленности на сельское хозяйство. По мнению В.Г. Громана — соратника В.А. Базарова, соотношение между сельскохозяйственной и промышленной продукцией, выраженное для 1913 г. пропорцией 68÷32, может изменяться лишь постепенно, иначе велика угроза острой нехватки продуктов питания. В связи с этим для первого этапа генерального плана

---

[1] Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 273–274.

[2] *Базаров В.А.* Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 39.

предлагались преимущественные темпы отраслей группы «Б» в сравнении с группой «А». На следующем этапе возможны равные темпы и лишь на последнем этапе создаются условия для преимущественного роста группы «А». Такая структурная политика опиралась на понимание плана как динамического баланса, которое было предложено В.А. Базаровым и поддержано В. Г. Громаном.

С. Г. Струмилин, наиболее ярый противник генетического подхода, возражал против первенства исследования эволюционных рядов. Он исходил из того, что первоочередность постановки целей позволит исследовать не эволюционные возможности в целом, а лишь те, которые работают на выполнение целей. Это предопределит гораздо бóльшую эффективность исследования для практики планирования. По его мнению, долгосрочный план ценен именно тем, что значительно расширяет возможности целевых установок. Ограничители же подобных установок снимаются за счет значительно бóльшей эффективности социалистического регулирования в сравнении с рынком.

План понимался С. Г. Струмилиным как директива, в основе построения которой лежал метод итераций, т.е. конечная система количественных параметров плана сводилась в согласованные ряды основных показателей методом последовательных вариантных приближений. Особенностью подхода С. Г. Струмилина была уверенность в том, что бóльшая эффективность социалистического регулирования обеспечивается за счет его централизации и большей возможности целевых установок[1].

Против подобного подхода выступил Н. Д. Кондратьев, который исходил из понимания плана как прогноза, в основе которого лежали различные типы предвидения. Рассматривая предвидение событий различного рода: иррегулярных и регулярно повторяющихся, а также социально-экономических тенденций, Н. Д. Кондратьев приходит к выводу о нецелесообразности количественных директив на длительный период. Необходимо сосредоточиться на обосновании вероятных и желательных тенденций развития хозяйства — таково мнение Н. Д. Кондратьева[2]. Именно исследование тенденций социально-экономического развития создает основу для определения объективных границ экономического роста. В связи с определением подобных границ возникает проблема оптимального соотношения потребления и накопления в текущей среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Попытки теоретического разрешения этой проблемы были предложены экономико-математическим направлением в связи с разработкой гене-

---

[1] Выступление С.Г. Струмилина на дискуссии «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». (М.–Л., 1928. С. 29–37).

[2] *Кондратьев Н.Д.* План и предвидение // Проблемы экономической динамики. М., 1989.

рального плана развития на 1928–1940 гг. (комиссия Н.А. Ковалевского). Первая попытка была предпринята В.А. Базаровым. Для моделирования процесса роста в период восстановления хозяйства ученый обратился к химическим и биологическим моделям. Используя формулу Т. Б. Робертсона, выражающую основной закон биологического роста, В.А. Базаров пытался статистически обосновать формулу темпов роста экономики. Общий закон восстановительного процесса графически изображался S-образной кривой, которая отражала связь ускорения экономического роста с обновлением технологии. Спустя несколько десятилетий S-образные логистические кривые стали использоваться как инструмент описания динамики нововведений. Но в 1927 г. В.А. Базарову не удалось до конца статистически доказать свою формулу[1]. Его подход резко критиковался.

Следующая попытка моделирования экономического роста принадлежит Г.А. Фельдману, который разработал свою модель также в связи с генеральным планом на 1928–1940 гг. (Комиссия по составлению генерального плана под руководством Н.А. Ковалевского). Эту модель считают первой в мире моделью экономического роста. Разработка модели опиралась на авторскую методологию и фактические результаты развития СССР в восстановительный период, темпы которого были достаточно высокими (табл. 12.2).

Таблица 12.2

Темпы роста промышленной и сельскохозяйственной продукции в период восстановления народного хозяйства в 1920-е гг. (1913 = 100)

Показатель	1920	1924	1925	1926	1927	1928
Продукция промышленности	22	51	73	98	111	132
Валовая продукция сельского хозяйства	67	90	112	118	121	124

Источник: Госкомстат СССР.

Цель модели Фельдмана заключалась в «определении возможных размеров и темпов потребления народных масс в зависимости от структуры народного хозяйства»[2]. Структура народного хозяйства рассматривалась ученым в разрезе распределения всех капиталов, участвующих в воспроизводстве, на две группы: на капиталы, участвующие в расширении производства, и капиталы, поддерживающие потребление на данном уровне. Вывод, к которому пришел Г.А. Фельдман, заключался в том, что темпы экономического роста зависят не только от наращивания капитала, но и

[1] *Базаров В.А.* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М., 1927.

[2] *Фельдман Г.А.* К теории темпов народного дохода // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 150.

от эффективности его применения. Темп роста потребления отражает соотношение между темпами роста производительности труда и фондовооруженности рабочего. Иными словами, он зависит от фондоотдачи. Таким образом, впервые предлагались расчетные ограничители нормы накопления или инвестирования. Рост накопления имеет смысл только тогда, когда его приращение не ведет к снижению фондоотдачи, перекрывающей результаты роста производительности труда. Этот революционный для того времени вывод был неудачно использован при составлении вариантов генерального плана на 1928–1940 гг. комиссией Ковалевского в основном в силу идеологических причин. Но из двух вариантов, которые предложил сам Г.А. Фельдман, достаточно точно отразил перспективную реальность 1926–1940 гг. минимальный план развития (табл. 12.3).

Таблица 12.3

Сравнение фактических темпов роста национального дохода с минимальным вариантом и вариантом «высокого напряжения», предложенных в модели Фельдмана

Период	Фактические темпы	Темпы минимального варианта (А)	Темпы варианта «высокого напряжения» (Б)	Отношение плановых ориентировок к фактическим (раз)	
				А	Б
1928–1932	186,5	177,0	348,5	0,9	1,9
1933–1937	210,0	236,2	604,8	1,1	2,9
1938–1940	132,2	139,7	245,9	1,06	1,9
1928–1940	512,0	583,8	в 51,8 раза	1,14	10,1

Модель Фельдмана, разработанная в рамках телеологического подхода к прогнозированию и планированию, может быть оценена как значительный вклад в экономическую науку. Генетическое направление известно такими значительными открытиями, как теория циклов Н. Кондратьева, теория равновесия и динамического оптимума В. Базарова, теория статистических коэффициентов В. Громана.

Наряду с крупными учеными генетического и телеологического направления в дискуссиях 1920-х гг. участвовали и представители чисто идеологического фронта, которых в дальнейшем ошибочно причислили к телеологам. Так, например, один из оппонентов по докладу о генеральном плане высказывался так: «Мы подчиняем силы природы социализму. Вот несколько примеров. Лермонтов с дворянскими барышнями проливал слезы над неприступной красотой Кавказа; она казалась несокрушимой силой с «равновесием тысячелетий», а пришли большевики и для такой цели, которая называется ЗАГЭС, заковали кавказскую реку в цемент и заставили ее изменить свое течение. Гоголь умилялся над равновесием

Днепра, а появился Днепрострой и вывел «чудный Днепр» из равновесия. Волга! Она будет впадать не в Каспийское, но в Черное море, ибо такова воля коллектива, ставящего Волго-Донской канал на службу нашим транспортным связям»[1]. Разумеется, эти слова, звучащие смешно и наивно, весьма далеки от научных направлений как телеологического, так и генетического. Но они отражают обыденное понимание целеполагания в планировании, которое было достаточно распространено в 1920-е гг. среди малообразованных критиков генетики. К сожалению, не только малоизвестные оппоненты высказывали нелепые утверждения, но и люди, облеченные властью, были увлечены идеей неограниченных перемен в экономике. Так, председатель Госплана РСФСР А. Лежава в 1926 г. утверждал: «Мы сознательно будем вести наш корабль в различные диспропорции: сегодня одни, завтра другие»[2].

Дискуссия по генетике и телеологии в той части, которая носила научный, а не примитивно идеологический характер, показала, что планирование — процесс, объективно заключающий в себе опасность преувеличения телеологического подхода[3]. Преодоление подобной опасности должно опираться на научные методы познания производства, «которые независимы от каждого данного общественного строя»[4].

Введение В. Базаровым понятия «генетика и телеология» для планирования было связано, на наш взгляд, с тем, что ученый внимательно наблюдал за развитием методологии науки в целом и дискуссиями в биологии в частности. В.А. Базаров ввел этот термин в оборот для рельефности в понимании объективности экономических законов, объективности, которая пленяла его в биологических построениях ученых вавиловского направления. Ученые этого направления в биологии исходили, как известно, из объективности существования генов, их устойчивости. Они утверждали, что развитие происходит в соответствии с генетическим планом. Цель развития заложена в генах и неотделима от них.

Роднило «генетическое» направление в экономике и биологии и то, что сторонники генетического направления в биологии исходили из объ-

---

[1] Выступление Р.Е. Вайсберга на обсуждении доклада Н.А. Ковалевского по генеральному плану // Плановое хозяйство. 1930. № 3. С. 22.

[2] *Лежава А.* О некоторых вопросах планирования // Плановое хозяйство. 1926. № 12. С. 11, 12.

[3] Характерно, что В.А. Базаров обращается в работах, посвященных методологии планирования, к классической философии Канта, который с большой иронией писал: «Составлять план — часто это претенциозное умственное занятие, посредством которого принимают важный вид творческого гения, требуя того, чего сами не смогут исполнить, порицая то, что не умеют исправить, и предполагая то, что сами не знают, где найти» (*Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 77).

[4] *Фельдман Г.А.* Аналитический метод построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1929. № 11. С. 95.

ективной обусловленности изменений наследственности, которые накапливаются в миллионах поколений, в результате чего возникает новая целесообразная система. Противники Н. Вавилова — Т. Лысенко и И. Презент исходили из необходимости ускорения изменений, что чрезвычайно роднит их со сторонниками форсированных темпов в экономике. Была, на наш взгляд, еще одна аналогия, повлиявшая на выбор В.А. Базаровым термина «генетика и телеология». Аналогия с экономикой заключалась в том, что согласно классической генетике изменчивость под влиянием условий среды неопределенна и факторов усиления изменчивости много. Следовательно, для выведения нужной формы можно найти не один, а десятки способов[1]. Это утверждение соответствовало пониманию В.А. Базаровым «общественной» генетики как многовариантности развития и противоречию идеи «единственно возможного пути» (С.Г. Струмилин).

В.А. Базаров, выдвигая понятие «генетики и телеологии», исходил, очевидно, из того, что в биологии генетика определяется как наука о наследственности и методах ее изучения. Ученые-экономисты, которые вошли в историю экономической мысли как «генетики», утверждали не только объективность экономического развития, но и предлагали методологию его изучения. Как уже подчеркивалось, Н. Кондратьев разработал теорию циклов, В. Базаров — теорию равновесия и динамического оптимума, В. Громан — теорию статистических коэффициентов, измерителей соотношений между продукцией промышленности и сельского хозяйства. Предлагали свою методологию и ученые, слывшие «телеологами». Г. Фельдман предложил первую в мире экономико-математическую модель экономического роста, В. Новожилов — провизорный баланс, т.е. перспективный баланс спроса и предложения, в зависимости от роста национального дохода и соотношения в нем фонда накопления и фонда потребления. Работы этих ученых еще раз доказывают, что в понимании возможностей и естественных ограничителей в регулировании народного хозяйства основной водораздел между учеными проходил не по линии «генетика — телеология», а по линии «наука — политика». Деление ученых на «генетиков» и «телеологов» — лишь прием историков, изучавших проблему в 1960–1980-е гг.

В настоящее время, когда проблемы государственного регулирования вновь чрезвычайно актуальны, важно выяснить причины нереализации научно обоснованных проектов.

Обычно в ответе на этот вопрос используются следующие посылки.

1. Интересы диктатуры пролетариата диктовали форсированную индустриализацию.

---

[1] *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. (История биологической дискуссии в СССР (1929–1966 гг.). М.: Книга, 1983. С. 233.

2. Недостаточная образованность широких масс, в том числе большинства руководителей, формировала «сказочные» варианты ускорения в условиях власти, принадлежащей пролетариату.

Это верное, но недостаточное объяснение. В него не включен, на наш взгляд, главный фактор принятия варианта ускоренной индустриализации, а именно сложившаяся к середине — концу 1920-х гг. «административная монополия». Идеологически ее формирование закреплялось тем, что в руководящих страной органах утвердился односторонний подход к управлению хозяйством, отрицающий действие экономических законов при социализме. Формирование административной монополии опиралось также на иллюзию неограниченных возможностей государства в области инвестирования хозяйства. При этом нарушался естественный механизм перелива капитала из отраслей его быстрой отдачи в отрасли тяжелой промышленности. Объективно для стимулирования инвестиций в развитие легкой и пищевой промышленности и дальнейшего перелива капитала в тяжелую промышленность необходимы были определенные условия. Они заключались в:

1) формировании массового спроса на товары широкого потребления;
2) функционировании государственного и частного секторов по одним «правилам игры»;
3) разрешении длительной диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством;
4) антимонопольной политике государства.

Формирование подобных условий в период нэпа натолкнулось на значительные препятствия объективного и субъективного свойства. Для формирования массового спроса на товары широкого потребления необходимы стимулирующая его политика доходов, развитие отраслей, работающих на потребительский комплекс, свободный перелив капитала. В период нэпа сложилась неизбежно значительная дифференциация в доходах, препятствующая формированию массового спроса. Постепенное преодоление подобной ситуации могло обеспечиваться лишь равномерными темпами роста отраслей, что противоречило идее форсированного роста отраслей тяжелой промышленности. Эта идея, с одной стороны, объективно предопределялась необходимостью создания оборонной промышленности, форсирования НТП, создания материально-технической базы отраслей потребительского комплекса. Но темпы индустриализации имели объективные ограничители со стороны потребления населения. Имеющиеся к тому времени экономические исследования позволяли определить эти ограничители в точных показателях темпов роста национального дохода и доли накопления в нем (модель Г.А. Фельдмана, расчеты комиссии П.С. Осадчего по составлению генерального плана, работы В.А. Базарова, В.Г. Громана, Н.Д. Кондратьева).

Данные исследования приводили к варианту, альтернативному форсированной индустриализации. Суть альтернативного варианта заключалась в формировании экономического роста на основе сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства, I и II подразделений общественного производства, «А» и «Б» в промышленности. Первоначальный вариант первого пятилетнего плана (1928–1932) включал идею сбалансированного развития и в основном согласовал ее с темпами экономического роста и возможностями внутреннего накопления средств, но принятый вариант и внесенные в него исправления в 1929–1930 гг. резко отошли от первоначальной идеи. Это привело к голоду к концу первой пятилетки. Второй пятилетний план, как известно, предусматривал перераспределение средств в пользу отраслей потребительского комплекса, но оно не осуществилось в силу мировых политических событий, прихода Гитлера к власти и усиления опасности Второй мировой войны. Но сама идея второго пятилетнего плана свидетельствует о некотором возвращении к идеям сбалансированного развития.

Вопросы для обсуждения

- Какие варианты решения вопроса об источниках индустриализации обсуждались? Какое решение было принято и почему?
- Как решалась задача поиска оптимального соотношения плана и рынка в период индустриализации?
- Что такое «цепочка Кржижановского»?
- В чем суть дискуссии между «генетиками» и «телеологами»?
- Каковы, с вашей точки зрения, основные итоги политики индустриализации 1930-х гг. в СССР?

Литература

1. *Базаров В.А.* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М., 1927.
2. *Базаров В.А.* Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 39.
3. *Кондратьев Н.Д.* План и предвидение // Проблемы экономической динамики. М., 1989.
4. Общие предпосылки к генеральному плану реконструкции народного хозяйства на энергетической основе на ближайшие 10—15 лет». М.: Промиздат, 1927—1928 гг.
5. План электрификации РСФСР. М., 1920.
6. *Погребинская В.А.* Институциональные особенности начала индустриализации России.
7. *Фельдман Г.А.* К теории темпов народного дохода //Плановое хозяйство. 1928. № 11.

ЛЕКЦИЯ 13

ФОРСИРОВАННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА В ПЕРИОД ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК... (1928–1941 гг.)

Т.А. Дробышевская

Трудности с хлебозаготовками

Индустриализация, курс на которую был взят в декабре 1925 г., осуществлялась высокими темпами. На строительство индустриальных объектов перекачивались все материальные средства и ресурсы. Был крайне ограничен выпуск потребительских товаров, необходимых сельскому населению. В промышленности и торговле сокращался частный сектор. В таких условиях крестьянство все больше проигрывало от неэквивалентного обмена между городом и деревней. Ответом на такую государственную политику со стороны крестьян стали сокращение посевных площадей и утайка товарного хлеба. Стали регулярными кризисы хлебозаготовок. В 1925/26 хозяйственном году свыше 400 млн пудов хлеба не было вывезено на рынок и оставалось в амбарах крестьянских хозяйств. В следующем году предназначенного на продажу хлеба оказалось еще меньше. А запасы в крестьянских хозяйствах уже достигали почти 1 млрд пудов. На рубеже 1927–1928 гг. государственные закрома оказались пустыми, что привело к угрозе голода городских жителей и армии.

Для решения проблемы хлебозаготовок властные структуры применили насильственные методы, испробованные в период политики военного коммунизма. В село были направлены отряды «хлебозаготовителей». На поиски спрятанного зерна привлекались воинские части, а также деревенская беднота, получавшая до 25% конфискованного хлеба. Вспыхнули крестьянские бунты и восстания, убивали партийно-советских активистов. В 1929 г. подобная ситуация повторилась.

Выбор модели индустриализации

Во второй половине 1926 г. встал вопрос о том, что делать, как двигаться дальше? Ответ на него в партийном руководстве не был однозначным. Водораздел в мнениях определился отношением членов политбюро к нэпу, сохранению рыночных отношений в стране и темпам индустриализации. Г. Зиновьев и Л. Каменев высказывались за более резкое повышение налогов на зажиточное крестьянство и принудительное изъятие сельскохозяйственной продукции. Потом к ним присоединился Л. Троцкий. Н. Бухарин, А. Рыков и М. Томский отстаивали поддержку индивидуального крестьянского хозяйства и призывали действовать на основе торговой смычки между городом и деревней. Они предлагали повысить налоги на деревенские «верхи»; регулировать рынок путем закупочных цен, которые должны отвечать (соответствовать) хозяйственной конъюнктуре; маневрировать государственными резервами, для создания и пополнения которых считали возможным осуществлять закупки зерна за рубежом; обеспечить активное развитие легкой промышленности. Эти меры, по их мнению, должны были привести к оздоровлению экономики, подъему сельского хозяйства, после чего можно будет поднять вопрос об индустриализации.

И. Сталин отстаивал принципиально другую позицию. Для него индустриализация являлась приоритетным направлением в хозяйственной политике. Индустриализация должна была открыть путь к техническому перевооружению всего народного хозяйства и созданию современной оборонной промышленности. Поскольку развитие по пути нэпа требовало более продолжительного времени для создания условий для форсированной индустриализации, а у советской страны, зависящей от ввоза машин и оборудования из капиталистических стран, этого времени не было, то механизм рыночной экономики должно заменить другим. И в условиях социалистической системы, где все обобществлено, таким механизмом является административно-распределительный (планово-централизованный, командно-административный) тип хозяйственных связей.

При выборе модели индустриализации Сталин решал две задачи: политическую и социально-экономическую — ликвидацию в деревне кулачества (сельской буржуазии) и на базе низкотоварных крестьянских дворов создание (образование) крупных социалистических коллективных хозяйств (колхозов). В 1928 г., когда решался этот вопрос, колхозы (они объединяли только 1% крестьян, главным образом бедноту) по товарности в 2–3 раза превышали индивидуальные хозяйства.

Кроме того, колхозы гораздо проще поставить под административный контроль, чем имевшиеся 25 млн единоличных крестьянских хозяйств. Поэтому Сталин видел в колхозах надежный неподверженный

рыночной конъюнктуре канал перекачки ресурсов в промышленность, включая и рабочую силу, которая высвобождалась в связи с укрупнением сельскохозяйственного производства.

Таким образом, из двух альтернатив выхода из хлебозаготовительного кризиса, предложенных Сталиным и бухаринцами, победила сталинская — страна встала на путь коллективизации, создающей базу для форсированной индустриализации. Эти два преобразования оказались неразрывно связанными, так как в этот исторический момент только коллективное (контролируемое и управляемое государством) хозяйство могло дать увеличение сырьевых и финансовых поступлений, а также рабочей силы.

Вариант ускоренной индустриализации поддерживали многие коммунисты, и не только коммунисты, но и просто советские люди. Главным направлением признавалось строительство объектов тяжелой промышленности. В отличие от капиталистических стран у советской России не было десятилетий для создания собственной индустриальной базы. Кроме того, она не имела таких источников индустриализации, как иностранные кредиты, крупные инвестиции частного отечественного капитала, эксплуатация колоний.

Источники индустриализации

Еще раз подчеркнем, что источники индустриализации изыскивались исключительно внутри страны. Они включали перераспределение в пользу тяжелой промышленности доходов легкой индустрии и в основном сельского хозяйства. Использовались доходы внешней торговли, остававшейся в государственной монополии. Сюда входили доходы от торговли колхозным и совхозным зерном, золотом, лесом, пушниной. Получаемая чистая валюта позволяла ввозить в страну технологическое оборудование для крупнейших строек индустрии. Были увеличены налоги на нэпманов, результатом чего стало полное свертывание в 1933 г. частного сектора в промышленности и торговле. Привлекались средства населения — за счет высоких розничных цен и их увеличения, через осуществление в течение 14 лет (с 1920 по 1934 г.) нормированной системы снабжения (распределения), а также размещение государственных займов.

Однако, несмотря на все лишения и трудности, решающий вклад в строительство социализма внесли советские люди — трудящиеся города и деревни, их трудовой энтузиазм и духовная энергия. Они тогда поверили в то, что все это для их хорошей жизни в будущем. Большевики сумели поддержать этот трудовой пыл. Нельзя выбрасывать из страниц нашей истории массовое «социалистическое соревнование», ударничество, стахановское движение и другие трудовые начинания.

Переход к пятилетнему планированию. Первая пятилетка

В настоящее время происходит переоценка советской истории, включаются в анализ новые материалы, новые статистические данные, подвергаются сомнению достигнутые результаты, которые, кроме того, в значительной мере отклоняются от планируемых в документах партии и правительства.

С 1928 г. наша страна перешла от годового планирования в форме контрольных цифр к перспективному планированию. С этого периода главной формой планирования стали пятилетние планы. Первый пятилетний план охватывал 1928–1932 гг. Он был разработан в двух вариантах — отправном и оптимальном, предусматривавшем более высокие темпы развития, которые потом корректировались в сторону увеличения. Для осуществления пятилетки были выделены огромные капитальные вложения — 64,9 млрд руб. Эти средства распределялись так: 16,4 млрд руб. направлялось в промышленность, 10 млрд руб. — на развитие транспорта, 23,2 млрд руб. — в сельское хозяйство. Из всех капитальных вложений, направляемых в промышленность, 75% предназначалось для тяжелой промышленности. Следует иметь в виду, что средства, вкладываемые в тяжелую промышленность, окупаются гораздо медленнее, чем вложения в легкую промышленность. Тем самым изначально предусматривался более медленный оборот инвестиций, что являлось дополнительной трудностью избранного варианта индустриализации.

В первой пятилетке тяжелая промышленность значительно опережала легкую и пищевую. Если основные фонды всей промышленности выросли в 2 раза, то в тяжелой индустрии — утроились. В годы пятилетки страна стала единой стройкой.

Ведущие стройки первой пятилетки

Летом 1930 г. вступил в строй первенец советского тракторостроения Сталинградский тракторный завод. Он производил 150 тыс. машин в год и по мощности не имел себе равных в мире. Вторым гигантом тракторостроения стал завод в Харькове. Была создана автомобильная промышленность — крупнейшие заводы вошли в строй в Горьком и в Москве. Был построен огромный уральский завод тяжелого машиностроения — Уралмаш.

В чрезвычайно короткие сроки построили крупнейший в мире Ростовский завод сельскохозяйственных машин. Он выпускал больше машин, чем все сельскохозяйственное машиностроение царской России. Крупные машиностроительные заводы вступили в строй в Москве. Это шарикоподшипниковый завод, завод «Калибр» — он был первым в СССР заводом контрольно-измерительных приборов, и ряд других.

В металлургии построили или коренным образом реконструировали 41 доменную и 77 мартеновских печей, 29 прокатных станов. Были сда-

ны в эксплуатацию 143 угольные шахты, 24 крекинга, 7 цементных, 78 лесопильных, 52 консервных завода. Появились новые отрасли — во Владимире организовано производство пластмасс, в Ярославле — искусственного каучука.

Всего в первой пятилетке было построено 1500 крупных предприятий.

Первая пятилетка положила начало созданию второй угольно-металлургической базы — Урало-Кузнецкого комбината. Принципиально важным было ее создание на востоке страны. В годы первой пятилетки строились в осуществление этой идеи гигантские металлургические заводы в районе горы Магнитная и в Кузнецке. Первые очереди этих заводов были построены в короткое время.

Развитие электроэнергетики

Первая пятилетка стала важным этапом в осуществлении всеобщей электрификации страны. Были построены 10 электростанций мощностью в 100 тыс. кВт каждая. Прежде такой мощности станций не было. В 1931 г. мощность районных электростанций и выработка электроэнергии достигла наметок плана ГОЭЛРО. Производство электроэнергии составило в 1932 г. 13,5 млрд кВт-ч.

В числе гигантских электростанций особенное значение имели Днепрогэс, Зуевская, Челябинская. Днепрогэс вырабатывал самую дешевую электроэнергию. Река Днепр стала судоходной на всем протяжении. На основе Днепрогэса возник мощный Днепровский промышленный комбинат, включавший Запорожский металлургический завод, электрометаллургический завод высокосортной стали «Днепросталь», завод ферросплавов, Днепровский алюминиевый завод, химические предприятия др.

Уголь и металл. Преодолевая отставание черной металлургии, в отрасль были направлены капитальные вложения, обусловившие рост основных фондов в 2 раза. Подача руды и топлива в домны, разливка стали механизированными. Было освоено производство качественных сталей, расширена сырьевая база отрасли.

Многое было сделано для развития добычи угля в новых угледобывающих районах. В первой пятилетке была расширена угольная база за счет Караганды, Кузбасса, Печорского бассейна. Техническая оснащенность угледобычи возросла за счет внедрения тяжелых врубовых машин и отбойных молотков.

Нефтеперерабатывающая промышленность расширила ассортимент выпускаемых нефтепродуктов. Была создана мощная коксохимия, азотная, калийная, апатитовая, химико-фармацевтическая отрасли промышленности, налажено производство искусственного полотна, синтетического каучука, пластмасс.

Индустриализация республик. Произошли изменения в размещении промышленного производства. Началась индустриализация Сибири, Закавказья, Казахстана, Средней Азии. С 1928 по 1932 г. удельный вес капитальных вложений в эти районы возрос с 9,5 до 27,8% от общего объема инвестиций. На Украине исправлена такая диспропорция, как низкий уровень развития машиностроения. Он составлял всего 3,6%, теперь его подняли до 23%. В Белоруссии введено 78 крупных и свыше 460 мелких предприятий. В Закавказье реконструирована нефтяная промышленность, расширена добыча марганца, реконструирована цветная металлургия Армении. В Закавказье сооружена система гидроэлектростанций (РИОНГЭС).

Несмотря на трудности индустриализации Казахстана и Средней Азии (недостаточная изученность недр, нехватка средств), объем промышленного производства в 1932 г. вырос в Казахстане по сравнению с 1928 г. в 4,5 раза. Здесь фактически была создана заново цветная металлургия. Крупнейшей стройкой стал завод сельскохозяйственного машиностроения в Ташкенте. Ввели в действие Ашхабадскую и Ферганскую хлопчатобумажную фабрики. И именно в Средней Азии и Казахстане процесс индустриализации проходил быстрее.

Развитие транспорта. Развитие промышленности требовало развития транспорта. В первой пятилетке построили 5,3 тыс. км железных дорог. Развивались станции и железнодорожные узлы, вторые пути и т.д. Особенностью было значительное сооружение дорог в восточной части страны — для развития Карагандинского угольного бассейна была построена линия Боровое — Акмолинск — Караганда. Для Урало-Кузнецкого комбината соорудили линию Троицк — Орск, Карталы — Магнитогорск. Для дополнительного соединения Урала с Сибирью возвели линию Шадринск — Курган. Важнейшее народнохозяйственное значение имело строительство Туркестанско-Сибирской магистрали (Турксиба). Эта дорога соединила лес и хлеб Западной Сибири с хлопком Средней Азии. Кроме того строили вторые пути на наиболее загруженных направлениях: Челябинск, Омск, в Донбассе и др. И если по строительству дорог задания не выполнялись из-за нехватки ресурсов, то перевозочная работа (грузо- и пассажирооборот) была перевыполнена. Но в целом транспорт отставал от темпов развития промышленности.

Преобразование сельского хозяйства (коллективизация)

Выбор форсированной модели индустриализации, о чем говорилось, предопределил и путь преобразования сельского хозяйства — его коллективизацию. Вопрос о преобразовании сельского хозяйства, т.е. о переводе его на рельсы крупного коллективного хозяйства, обсуждался на XV съезде партии в декабре 1927 г.

Мелкое крестьянское хозяйство (а в стране насчитывалось 25 млн единоличных хозяйств) отличалось низкой товарностью, оно оставалось натуральным, и деревня давала городу вдвое меньше хлеба, чем до революции. Кроме того, в мелком хозяйстве трудно использовать машинную технику. В них можно было использовать плуг, а более сложные машины оказывались нерентабельными. Применение сеялки, жатки, молотилки возможно было на больших земельных площадях, которыми крестьянские семьи не располагали. Главной же машиной для замены ручного труда машинным становился трактор, но он был недоступен крестьянину. Эти факторы обусловили кооперирование крестьян. О развитии всех форм кооперации говорилось на XV съезде партии, где признавался первоочередной задачей постепенный переход к коллективной обработке земли на основе применения новой техники. В решениях съезда записано, что создание коллективных хозяйств должно осуществляться постепенно, по мере подготовки необходимых для этого условий, и обязательно на добровольных началах. Выдвигалась также задача вытеснения частника экономическими методами.

Однако хлебозаготовительный кризис, разразившийся зимой 1927/1928 г., перевесил чашу весов к форсированию коллективизации. Она стала проводиться с нарушением программных установок. Теперь принцип добровольности не принимался во внимание; не соблюдалась постепенность; не учитывалась степень готовности необходимых для перехода условий; игнорировался принцип материальной заинтересованности.

Для проведения сплошной коллективизации устанавливались жесткие сроки. Теперь в районах Нижнее Поволжье, Дон, Северный Кавказ коллективизацию надлежало завершить к осени 1930 г. К осени 1931 г. эта задача ставилась для Центрально-Черноземного района и степной Украины. В Левобережной Украине коллективизацию предписывали завершить к весне 1932 г., в остальных районах — к 1933 г.

В деле насильственного объединения крестьян большие полномочия предоставлялись рабочим-коммунистам, работникам карательных органов, отрядам комсомольской молодежи, которых в количестве 25 тыс. направили из города в деревни.

Совместным, т.е. коллективным, хозяйствам устанавливались льготы при получении кредитов, при уплате налогов. Им оказывалась техническая помощь поставкой тракторов, хотя она осуществлялась медленно, так как основные тракторные заводы вошли в строй во второй пятилетке.

О темпах коллективизации говорят следующие данные. С июля по декабрь 1929 г. было объединено 3,4 млн крестьянских дворов (14% от общего числа). К концу февраля 1930 г. уже насчитывалось 14 млн объединенных крестьянских хозяйств (60% от общего числа).

Ведущей или основной формой объединения постепенно стали сельскохозяйственные артели, где обобществлялись основные материальные ресурсы (земля, тягловый и крупный рогатый скот, техника), но сохранялось личное подсобное крестьянское хозяйство. Сельхозартели позже стали называться колхозами.

Развивались и совхозы — сельскохозяйственные предприятия, принадлежащие государству. В 1932 г. их было 1337, они располагали 10% всей посевной площади.

По ходу коллективизации происходили срывы, когда после публикации статьи И. Сталина «Головокружение от успехов» в 1930 г. был разрешен выход из колхозов тех, кого заставили войти в колхоз насильно. Крестьяне в массовом порядке покидали колхозы. После этого процесс объединения начался с удвоенной силой. В сентябре 1931 г. в колхоз было объединено около 60% крестьянских хозяйств, в 1934 г. — 75%, а к лету 1936 г. — 90% (табл. 13.1).

Таблица 13.1

Коллективизация сельского хозяйства

Год	Процент коллективизации по числу крестьянских дворов (на 1 июля)
1927	0,8
1928	1.7
1929	3,9
1930	23,6
1931	52,7
1932	61,5
1937	93,0
1939	95,6

Источник: Госкомстат СССР.

Таблица 13.2

Число сельскохозяйственных предприятий и хозяйств до начала массовой коллективизации и после ее завершения

	1927	1939
Все колхозы, тыс.	14,8	235,3
в том числе без рыболовецких	14,8	234,1
в них колхозных дворов, млн.	0,2	18,0
Совхозы, тыс.	1,4	4,0
Единоличные крестьянские хозяйства, млн	23,7	0,9
Кулацкие хозяйства, млн	1,1	–

Источник: Госкомстат СССР.

Коллективизация хозяйства в первой пятилетке

Наряду с разрушением старого хозяйственного уклада в деревне формировался новый хозяйственный уклад — коллективный. В течение 1928–1932 гг. в стране было создано 43 337 совхозов, обрабатывавших 10% всей посевной площади. На них приходилось 1,5 тыс. тракторов. Совхозы дали в 1933 г. около 130 млн пудов товарного зерна, возместив ту долю, которую поставляло кулачество до сплошной коллективизации. Совхозы были первыми организаторами машинно-тракторных колонн и бригад, обслуживавших колхозы, продавали колхозам сортовые семена и племенной скот.

Важным результатом было и колхозное строительство, рожденное в сопротивлении крестьян. В 1932 г. насчитывалось уже около 200 тыс. колхозов, которые объединяли свыше 60% крестьянских хозяйств. Кроме того, появились машинно-тракторные станции, число которых в 1932 г. составило 3446. Их тракторный парк насчитывал 74 тыс. машин. МТС обрабатывали уже около половины всей посевной площади колхозов.

Государство, принудившее к объединению крестьян, оказывало колхозам помощь, снабжая их машинами. В 1928–1932 гг. промышленность дала сельскому хозяйству 100,5 тыс. тракторов и на 1,5 млрд руб. сельскохозяйственных машин. Прежние сохи, косы, серпы, косули безвозвратно уходили в прошлое. Наряду с государственными был создан ряд кооперативных тракторных колонн и станций, которые затем полностью стали государственными организациями.

Но валовой сбор и урожайность несколько снизились, что объяснялось противоречиями в становлении производственных отношений и организационными недостатками в коллективных хозяйствах, неизбежными на первых порах. В старых колхозах, наладивших организацию производства и труда, производительность была значительно выше, чем во вновь организованных.

Выше уже отмечалось, что крупные коллективные хозяйства позволили повысить товарность. Колхозы и совхозы увеличили государственные заготовки зерна с 107 млн т в 1928 г. до 187,8 млн т в 1932 г. Значительно увеличились посевы технических культур. Благодаря расширению посевов хлопка в Туркестане и Закавказье страна полностью прекратила его импорт. Почти вдвое расширились посевы льна. Значительное развитие получило овощное хозяйство.

Труднее было с животноводством. Принудительная коллективизация повлекла за собой массовый забой скота. Колхозники не могли еще обеспечить его кормами с приусадебных участков, колхозы еще не создали кормовой базы. За убой скота агитировали и притесненные кулаки. С 1934 г. сокращение поголовья скота прекратилось.

Положительным был рост производительности труда. В 1933 г. колхозы производили 57,8 кг зерна на человека, в индивидуальном хозяйстве этот показатель составлял в 1922–1923 гг. 31,1 кг.

Управление. Налоговая и кредитная реформы

В области управления шло укрепление командно-административной системы (планово-централизованной). В 1932 г. ВСНХ был реорганизован в три наркомата — тяжелой, легкой и лесной промышленности. По всем направлениям шло свертывание нэпа. Указывалось, что с 1927 г. для предприятий устанавливается государственный производственный план. В конце 1929 г. тресты потеряли хозяйственную самостоятельность, а потом прекратили свое существование. Синдикаты в 1929 г. были преобразованы в главки, они не занимались оптовой торговлей, так как ее заменили централизованным распределением по фондам и нарядам.

В начале 1930-х гг. частник почти полностью был вытеснен из различных сфер экономики. Доля частных предприятий в промышленности в 1928–1933 гг. снизилась с 18,0 до 0,5% в сельском хозяйстве — с 97 до 20%, в розничной торговле — с 75% до нуля. Уже были аннулированы почти все концессии.

В русле свертывания НЭПа и рыночного хозяйства действовала **налоговая реформа 1930 г**. До нее производственная деятельность предприятий регулировалась 63 различными налогами и платежами. Теперь вводилось только два основных вида: налог с оборота и отчисления от прибыли. Для колхозников устанавливался один вид налога — подоходный. Введенные налоги перестали выполнять регулирующую роль, так как предприятия функционировали по обязательным плановым заданиям. Поэтому налоги обеспечивали теперь только доходы государственного бюджета и не влияли на эффективность производства. Был приостановлен рыночный механизм и в кредитной сфере. Кредит заменили централизованным финансированием.

Итоги первой пятилетки

План первой пятилетки, согласно официальным данным, был выполнен за 4 года и 3 месяца. Итогом первой пятилетки явилось создание отраслей промышленности, которых дореволюционная Россия не имела: тракторная, автомобильная, станкостроительная, самолетостроение, химическая, тяжелое машиностроение, авиамоторостроение и др. Это позволило уменьшить импорт промышленного оборудования, он сократился за 1928–1931 гг. с 33,5 до 17,7%, а в 1913 г. он составлял 63,8%. Создание современного машиностроения, производящего широкий ассортимент машин и оборудования, — одно из важнейших достижений первой пятилетки.

Создание мощной социалистической индустрии сопровождалось повышением культурно-технического уровня трудящихся. В промышленность пришли 284 тыс. инженерно-технических работников, подготовленных в техникумах и высших учебных заведениях, 450 тыс. квалифицированных рабочих, подготовленных школами фабрично-заводского обучения (ФЗО).

Капитальные вложения, темпы развития промышленности во второй пятилетке

Вторая пятилетка охватывает 1933–1937 гг. Она была утверждена XVII съездом партии в 1934 г. Выполнение ее заданий обеспечивалось ростом капитальных вложений в народное хозяйство — они в 2,3 раза превысили инвестиции первой пятилетки, соответственно 133,4 и 64,6 млрд руб. Около половины их направлялось на новое строительство в восточных районах. Валовая продукция промышленности увеличилась за пять лет в 2,2 раза. Среднегодовые темпы роста в промышленности превышали плановые задания и составили 17,1%. Наиболее высокими темпами развивалось машиностроение — его продукция увеличилась в 2,9 раза, а также химическая отрасль (рост в 3 раза) и электроэнергетика (рост в 2,7 раза).

За пять лет в стране построили 4500 крупных промышленных предприятий. Это позволило осуществить техническую реконструкцию многих отраслей индустрии. Реконструкция стала возможной в результате подготовки многочисленных технических кадров. Вузы и техникумы выпустили специалистов в 2 раза больше, чем в первой пятилетке. Интенсивную работу провели школы ФЗО, кружки по техническому минимуму, курсы ученичества. Во второй пятилетке родилось движение новаторов производства. Оно получило название стахановского — по имени донецкого шахтера Алексея Стаханова. Это движение охватило всю промышленность.

Успехи тяжелой промышленности

Из достижений машиностроения выдающимся было освоение производства мощных прокатных станов — блюмингов и слябингов. Первый советский блюминг был пущен в июне 1933 г. на Макеевском металлургическом заводе. Создан он был рабочими Ижорского завода. Производство блюминга освоили также Уралмашзавод и Ново-Краматорский завод. Успехи машиностроения освободили СССР от импорта машин — после второй пятилетки ввозились только единичные образцы новых машин и оборудования.

По технической базе значительными были успехи черной металлургии, был ликвидирован разрыв между производством чугуна и стали и спросом на них.

Удвоилась добыча угля, возрос уровень ее механизации. Помимо врубовых машин шахты были оснащены погрузочными машинами, электровозами, электрическими отбойными молотками, электролебедками — все это оборудование выпускалось отечественным машиностроением.

В основном была завершена электрификация промышленности. За годы второй пятилетки построили 17 мощных тепловых и 11 гидроэлектростанций. Производство электроэнергии увеличилось в 2,7 раза. Потребление электроэнергии на электроемкие технологические процессы возросло в 7 раз.

Во второй пятилетке была решена проблема производительности труда, она выросла на 82% (планировалось 63%) и за счет роста производительности труда было получено 2/3 всего прироста промышленной продукции. Увеличились доходы горожан — они возросли вдвое за счет увеличения заработной платы, отмены карточной системы, снижения цен на товары массового потребления.

Легкая и пищевая промышленность

Во второй пятилетке совершило скачок производство продовольственных товаров. Пищевая промышленность превратилась в наиболее современную отрасль социалистической индустрии. Построили 17 мясокомбинатов, 16 хлебозаводов-автоматов, 10 сахарных и большое количество маслодельных и молочных предприятий. Укрепление материально-технической базы отрасли позволило увеличить производство важнейших продовольственных товаров и в большей мере удовлетворить спрос трудящихся. За вторую пятилетку производство сахара увеличилось с 0,8 млн до 2,4 млн т, т.е. почти втрое, масла животного — в 2,5 раза. Значительно возросло производство масла растительного, мясопродуктов, кондитерских изделий и др.

Из отраслей легкой промышленности наиболее высокими темпами росло производство искусственного волокна (рост в 3 раза), обуви кожаной (увеличение в 2,2 раза); расширялось производство хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

Промышленность республик во второй пятилетке

В разрезе республик значительных успехов добилась промышленность Российской Федерации. Во второй пятилетке было завершено создание Урало-Кузнецкого комбината. Урал и Кузбасс превратились в ведущие индустриальные районы страны. На востоке выросли новые индустриальные центры — Комсомольск-на-Амуре, Игарка. В европей-

ской части страны — Кировск на Кольском полуострове. Российская Федерация играла решающую роль в экономике Союза.

Многое было сделано для преодоления экономического неравенства во всех национальных республиках. На Украине ведущей отраслью стало машиностроение. Его удельный вес во всей валовой продукции тяжелой промышленности поднялся до 23%. Здесь освоили производство мощных турбин, электрогенераторов, врубовых машин, прокатных станов, химического оборудования. Во всех республиках в структуре совокупного общественного продукта ведущее место заняла промышленность. В Казахстане ее удельный вес составлял уже 57%, и эта республика стала важнейшей индустриальной базой на востоке страны. В основной угледобывающий район Средней Азии превратилась Киргизская ССР. По темпам развития на первое место вышел Таджикистан. Все остальные республики развивались примерно одинаковыми темпами.

Преодоление отставания транспорта

Развитие экономики страны, рост ее промышленного потенциала требовали соответствующего развития транспорта, а он в первой пятилетке отставал от потребностей. Необходимо было строить не только новые линии, но и вторые, третьи пути, укладывать более тяжелые рельсы, щебеночный балласт, вводить автоблокировку.

Для преодоления отставания транспорта увеличили капиталовложения — в транспортную отрасль было направлено 17 млрд руб., что в 2,5 раза больше, чем в первой пятилетке. В 1933–1937 гг. построили 3 тыс. км новых железнодорожных линий и 5,7 тыс. км вторых путей. Это позволило улучшить работу на таких грузонапряженных направлениях, как Москва — Донбасс, Москва — Кавказ, Донбасс — Криворожье, Урал — Кузбасс.

В эту пятилетку заводы транспортного машиностроения поставили транспорту около 2 тыс. мощных товарных паровозов серии «ФД», сотни паровозов «СО», десятки тысяч большегрузных вагонов. Новые технически более совершенные перевозочные средства позволили повысить скорости движения поездов и объемы перевозимых грузов. Парк подвижного состава был оборудован автоматическими тормозами, для соединения внедрялась автосцепка. Железнодорожные станции оборудовались механизированными горками, что позволило в несколько раз ускорить сортировку вагонов и формирование поездов.

Улучшилось планирование железнодорожных перевозок. Если до этого оно осуществлялось методом междуведомственного согласования на местах, то с 1934 г. его централизовали в НКПС. Это позволило укрепить государственную дисциплину. Во второй пятилетке все было направлено на преодоление отставания транспорта — пятилетний план по перевозкам был выполнен.

Улучшилось положение на водном транспорте. В эти годы построили канал Москва — Волга, что имело важное значение для завоза грузов в столицу в навигационный период из Поволжья. Речной флот пополнился мощными пароходами, самоходными баржами. Превысил уровень 1913 г. грузооборот морского транспорта.

Развивались автомобильный и воздушный виды транспорта. В годы второй пятилетки связь по воздуху была установлена между всеми основными центрами страны.

Коллективные хозяйства во второй пятилетке

В результате второй пятилетки социалистическое переустройство сельского хозяйства (коллективизация) было завершено — 98% крестьянских хозяйств (дворов) были объединены в колхозы. Социалистический сектор в 1937 г. обеспечил 98,6% валовой продукции сельского хозяйства (в 1928 г. — 3,3%). Вместо 25 млн крестьянских дворов теперь в советской деревне было 4 тыс. совхозов и 242,5 тыс. колхозов. Их обслуживали 5818 машинно-тракторных станций.

По уставу сельскохозяйственной артели, принятому на 11-м съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г., земля была закреплена за колхозами в бессрочное и бесплатное пользование. Установлены принципы распределения по труду, определен размер приусадебного участка колхозников.

В сельском хозяйстве в 1937 г. работало 581 тыс. тракторов (в пересчете на 15-сильные), что превысило показатель 1932 г. в 3,7 раза. В МТС имелись 445 тыс. тракторов, 127,2 тыс. комбайнов, 74,6 тыс. грузовиков и другая техника.

Резко увеличилась товарность аграрного сектора. В 1937 г. колхозы дали стране более 1 млрд 700 млн пудов товарного хлеба. Таким образом, советская власть создала устойчивую базу государственных заготовок хлеба. В то же время результаты сельскохозяйственного производства были менее впечатляющими, чем средства, вкладываемые в укрепление колхозов и совхозов. Площади под зерновыми увеличились во вторую пятилетку только на 4,8%, под техническими культурами они сократились. Поголовье скота не достигло уровня 1913 г.

Интенсивность труда повышалась и во второй пятилетке. В индивидуальном крестьянском хозяйстве в 1925 г. на одного трудоспособного приходилось 92 человеко-дня в год, в колхозах в 1937 г. — 185 человекодней. Здесь, конечно, сыграл роль фактор механизации.

Коллективизация отразилась на материальном положении крестьянства — снизилось душевое потребление продуктов питания, особенно мяса, масла. Во второй пятилетке этот показатель стабилизировался, но здесь сыграло роль личное подсобное хозяйство колхозников. Им в 1933 г. стали продавать скот на откорм. В 1936 г. валовая продукция жи-

вотноводства, произведенная в личных подсобных хозяйствах, возросла по сравнению с предыдущим годом почти в 2 раза, в колхозах — только на 60%. Темпы роста государственных заготовок превышали темпы роста валовой продукции аграрного сектора.

Изменения в управлении

В системе управления установилась вертикаль: предприятие — трест — народный комиссариат. Существовавшие объединения (промежуточные звенья от трестов к наркоматам) ликвидировались. Продолжили разукрупнение наркоматов. Многие предприятия легкой и пищевой промышленности передали из ведения общесоюзных в республиканские народные комиссариаты, что разгрузило общесоюзные наркоматы. Повышалась ответственность местных органов.

Итоги второй пятилетки

Одним из результатов второй пятилетки стало создание новой технической базы индустрии. Действующие орудия и средства производства в советской промышленности были обновлены на 50–60%. Это обусловило рост фондо- и энерговооруженности труда, хотя комплексная механизация не была достигнута. Промышленное производство в конце второй пятилетки превысило объем производства аграрного сектора. Изменилась структура промышленной продукции — 60% ее приходилось теперь на отрасли группы «А». По производству национального дохода Советский Союз вышел на второе место в мире после США. Он обогнал Францию, Англию, Германию. Благодаря форсированной индустриализации страна получила такой важнейший результат, как достижение (обеспечение) технико-экономической независимости от капиталистических стран. Теперь СССР мог развиваться, опираясь на собственные силы, на свою собственную промышленность, без импорта производственного оборудования, автомобилей, тракторов и др. Темпы роста тяжелой промышленности в 2–3 раза превышали темпы, которыми развивалась дореволюционная Россия в период интенсивной индустриализации за тринадцать лет перед Первой мировой войной.

Особенности третьей пятилетки

Отличия в развитии советской промышленности в третьей пятилетке от первых двух состояли в том, что теперь на период 1938–1942 гг. выдвигалась задача догнать капиталистические страны по производству продукции на душу населения. Для этого требовался дальнейший мощный подъем промышленности. Поэтому предусматривались высокие темпы развития, особенно по производству алюминия (рост в 4 раза), производству цветных металлов и выплавке меди (рост в 2,8 раза).

Кроме того, осложнение международной обстановки в конце 1930-х гг. потребовало значительного повышения военно-экономического потенциала СССР и укрепления обороноспособности страны. В пятилетнем плане поэтому намечалось форсированное развитие оборонной промышленности. Правительство наметило создание крупных государственных резервов, расширение угольно-металлургической базы на востоке, создание мощной нефтяной базы («второе Баку») между Волгой и Уралом. Основное промышленное строительство намечалось в восточных районах. Там строились предприятия-дублеры. Теперь строили не гиганты, а предприятия средних размеров, что позволяло сократить сроки строительства и ввода в действие производственных мощностей. Выполнялась и задача рассредоточения предприятий по различным экономическим районам страны. На развитие промышленности выделялось 192 млрд руб., что почти равнялось вложениям двух первых пятилеток, вместе взятых.

Крупнейшие стройки третьей пятилетки

В третьей пятилетке (она осталась незавершенной из-за начала в июне 1941 г. Великой Отечественной войны) было построено 2900 крупных предприятий. В их числе такие гиганты металлургической промышленности, как Магнитогорский металлургический комбинат, «Азовсталь», «Запорожсталь», Криворожский, Ново-Тагильский комбинаты, Амурский, Петрово-Забайкальский заводы. Кроме того, ряд заводов реконструировали и расширили. По мощности новых производственных агрегатов черной металлургии СССР занял первое место в мире. В 1940 г. в СССР производилось 18,3 млн т стали и 14,9 млн т чугуна. Хотя все еще металла не хватало, особенно качественных сталей.

Для ликвидации отставания энергетической базы в связи с быстро растущими потребностями началось строительство грандиозного каскада электростанций «Большая Волга», хотя война прервала это мероприятие. Энергетическая мощность за 1938–1940 гг. выросла на 3 млн кВт, электроэнергии производили 48,3 млрд кВт-ч, что позволило повысить энерговооруженность промышленности.

Добилась успехов химическая промышленность. По производству серной кислоты и других продуктов основной химии СССР занял первое место в Европе. Разрешили проблему «содового голода» благодаря сырью Кара-Богаз-Гола. Хотя химических удобрений производилось недостаточно.

Повысилось производство станков — в 1938–1940 гг. в среднем в год производили 56,3 тыс. штук, тогда как во второй пятилетке — 34,6 тыс. штук, а в 1913 г. — всего 1,5 тыс. штук.

Научно-технический прогресс, механизация

Советская промышленность не только наращивала объемы производства — совершенствовался ее технический уровень, осваивались новые

виды продукции. Советские рабочие, инженеры освоили производство сложной горной, металлургической техники. В 1941 г. Горловским машиностроительным заводом была выпущена первая серия угольных комбайнов. Начали производство тепловозов и большегрузных вагонов, сложного оборудования для химической промышленности.

Достижением технического прогресса стало технологическое новшество — внедрение в машиностроении автоматической дуговой электросварки под флюсом. Этот метод разработал Киевский институт электросварки под руководством выдающегося ученого Е.О. Патона. В 1939 г. на Сталинградском тракторном заводе была построена первая в мире автоматическая линия из агрегатных станков и полуавтоматов для обработки втулки катка гусеницы.

Механизация добычи угля на шахтах страны достигла 94,5%, что значительно повысило производительность шахтеров. Была завершена механизация нефтедобычи.

Сдвиги в размещении промышленности

Произошли дальнейшие сдвиги в размещении промышленности. Успешно осваивалась нефтяная база между Волгой и Уралом. Мощные машиностроительные предприятия строились на востоке. Урал стал четвертым в СССР центром машиностроения после Москвы, Ленинграда и Украины. Продукция машиностроения и металлообработки за 1913–1940 гг. выросла в 35 раз. При этом районы, расположенные к востоку от Волги, превысили производство всей дореволюционной России примерно в 10 раз. Повысили свою роль восточные районы в добыче угля. Теперь Кузбасс давал 13,5% общесоюзной добычи каменного угля, а Восточная Сибирь и Дальний Восток — 10%. Почти в 2 раза выросла добыча угля в Карагандинском угольном бассейне. Началась промышленная эксплуатация Печорского бассейна.

На востоке строились металлургические предприятия, электростанции — например, Усть-Каменогорская ГЭС.

Велось в восточных районах капитальное строительство и в отраслях группы «Б». Текстильные, кожевенные и трикотажные фабрики, мясокомбинаты, сахарные заводы, холодильники, маслозаводы возводились на Дальнем Востоке, в Казахской ССР, а также в Армении, в Мурманске.

Развитие оборонной промышленности

В третьей пятилетке значительно вырос военно-промышленный потенциал. Продукция военной промышленности возросла на 33%. Главное внимание было уделено производству самолетов и танков. Советской авиационной промышленностью были созданы новые типы самолетов, такие как скоростной штурмовик Ил-2 (конструктор С.В. Ильюшин), пикирующий бомбардировщик Пе-2 (конструктор В.Е. Петляков), ис-

требитель Як-1 (конструктор А.С. Яковлев) и МиГ-3 (конструкторы А.И. Микоян и М.И. Гуревич). Летные и боевые качества этих самолетов превосходили немецкую технику.

В предвоенные годы выдающиеся образцы нового оружия создала наша танкостроительная индустрия. Это танк Т-34 (конструкторы М.И. Кошкин, А.А. Морозов, Н.А. Кучеренко) и тяжелый танк «КВ» (конструктор Ж.А. Котин). Броня и вооружение, проходимость и маневренность, скорость и мощность двигателя обоих танков превосходили танковую технику зарубежных армий. Оборонная промышленность выпускала новые образцы артиллерийских орудий, новые военно-морские корабли.

Расходы на военные нужды были увеличены. Усилилась техническая оснащенность армии и флота. Военно-экономические возможности СССР теперь во много раз превосходили военно-экономический потенциал России в 1913 г. и Советской республики в 1918–1920 гг. Это был важнейший результат форсированной индустриализации.

Несмотря на трудности и недостатки (невыполнение планов, перерасход сырья, нехватка квалифицированных кадров), советский народ самоотверженно трудился и валовая продукция промышленности к 1941 г. составила к плану 1942 г. 86%. Грузооборот железных дорог достиг 90%, товарооборот — 92%.

Коллективные хозяйства в третьей пятилетке

В третьей пятилетке, преодолевая трудности, сельское хозяйство продолжало развиваться. Расширились масштабы механизации — тракторами выполнялось в 1940 г. $^3/_4$ пахотных работ и более половины посевных. Половину площадей под зерновыми культурами убирали комбайны. Вокруг крупных городов создавались картофелеводческие и животноводческие базы. Расширилось применение минеральных удобрений, производство которых по сравнению с 1913 г. увеличилось в 37,5 раза.

Для укрепления колхозов в 1939 г. было принято постановление ЦК партии и СНК, обращающее внимание на охрану общественных земель колхозов от разбазаривания, колхозникам определялись размеры приусадебного участка и устанавливался обязательный минимум трудодней.

Тяжелым оставалось положение в животноводстве — поголовье крупного рогатого скота, овец, лошадей не достигло уровня 1916 г. Многие колхозы не имели животноводческих ферм. В 1939 г. было принято постановление по развитию животноводства, которое вводило новую систему обязательных поставок государству. Теперь они зависели от размеров земельной площади, закрепленной за колхозом, а не от поголовья. Таким образом, каждый колхоз обязан был содержать определенное количество (минимум) поголовья скота. Это способствовало созданию большого числа новых животноводческих ферм (табл. 13.3).

Таблица 13.3

Производство продуктов животноводства (в среднем за год)

	1909–1913	1928–1932	1933–1937	1938–1940
Мясо (в убойном весе), млн т	3,9	4,3	2,7	4,5
Молоко, млн т	24,1	26,3	22,2	27,6
Яйца, млрд шт	9,5	8,0	5,8	10,8
Шерсть, тыс. т	180	135	83	146

Источник: Госкомстат СССР.

С 1940 г. поставки всех продуктов сельского хозяйства стали исчисляться с гектара земельной площади колхозов, что подталкивало колхозы к развитию производства.

Были достигнуты определенные успехи в сельском хозяйстве, прежде всего зерновом. За 1913–1940 гг. посевные площади увеличились на 27%, валовой сбор зерновых — на 11%, валовая продукция сельского хозяйства — на 44%. В 1939 г. открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка работников совхозов, колхозов и МТС, где были продемонстрированы достижения аграрного сектора.

Раскулачивание. Сопротивление крестьян принудительной коллективизации обусловило ее объединение с процессом раскулачивания. Она заключалась в том, что у крестьян, признанных кулаками или так называемыми подкулачниками, изымали имущество, землю, а самих крестьян с семьями, детьми, стариками высылали в отдаленные районы. Часть из них попала в тюрьмы, основная масса — в трудовые лагеря, находившиеся в необжитых районах Севера и Сибири. Раскулаченные крестьяне лишались всех политических и гражданских прав.

Число кулацких хозяйств, пострадавших в эту кампанию, составило 320 тыс. Их имущество было передано в неделимые фонды колхозов. Его оценили в 115 млн руб., что составило 34% всей стоимости колхозного имущества. Таким образом, деревня лишалась наиболее предприимчивых хозяев. В их число попали и середняки, которые под категорию кулаков не подходили. Так как не было точных критериев определения статуса «кулак», для разных регионов устанавливались свои нормы раскулачивания, но в среднем 6–7% от общего количества крестьянских дворов.

Сопротивление крестьян коллективизации проходило в разных формах — пассивных, активных (сжигали постройки, уничтожали скот, восставали с оружием в руках). Причем число крестьянских восстаний росло.

Последствия коллективизации

Последствием коллективизации стал страшный голод, разразившийся в 1932–1933 гг. на территории Украины, Белоруссии, Северного Кавказа,

Поволжья, Южного Урала, Западной Сибири, Казахстана Он по своим масштабам превзошел голод 1921–1922 г. В целом он охватил территорию около 1,5 млн кв. м. с населением 65,9 млн человек. Общие оценки числа жертв голода 1932–1933 гг., сделанные различными авторами, значительно различаются и доходят до 8 млн человек, хотя последняя оценка — 7 млн человек[1].

Коллективизация привела к резкому сокращению поголовья скота. За 1929–1932 гг. поголовье крупного рогатого скота и лошадей сократилось на 1/3, свиней и овец — более чем в 2 раза. В общей сложности за 1929–1934 гг. погибли почти 150 млн голов. В течение многих десятилетий страна не смогла восполнить эти потери и постоянно испытывала недостаток продовольствия.

Валовой сбор зерновых в годы коллективизации сократился на 10%. Но государственные заготовки хлеба в 1928–1934 гг. выросли в 2 раза. Государство обрело независимость от импорта хлопка и других сырьевых культур.

Аграрный сектор из мелкотоварного и мало поддающегося регулированию оказался составной частью планово-директивной экономики. Колхозы потеряли постепенно свой кооперативный характер, стали практически государственными предприятиями, включенными в государственные планы. Были обязаны сдавать государству свою продукцию и крестьяне-единоличники. В 1933 г. была введена система сдачи продукции по твердой норме с каждого гектара посевных площадей и по твердым государственным ценам.

Изменения в управлении

В годы предвоенной пятилетки продолжалось дальнейшее разукрупнение наркоматов. В 1939 г. их стало 34. Теперь выделились такие наркоматы, как черной металлургии, цветной металлургии, электростанций и электропромышленности, стройматериалов. Наркомат машиностроения разукрупнили на три наркомата, наркомат легкой промышленности — на четыре и т.д. Это привело к увеличению управленческого аппарата. Развитие экономики происходило в условиях усиления административного нажима на производителя, сужения сферы деятельности товарно-денежных отношений и демократических начал. В 1940 г. удельный вес группы «А» достиг 61% от общего промышленного производства. Это значит, что 2/3

[1] Согласно заключению комиссии при ГД РФ на территории Поволжья, Центрально-Черноземной области, Северного Кавказа, Урала, Крыма, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии «от голода и болезней, связанных с недоеданием» в 1932–1933 гг., погибло около 7 млн человек, причиной чему были «репрессивные меры для обеспечения хлебозаготовок», которые «значительно усугубили тяжелые последствия неурожая 1932 г.» (постановление ГД РФ от 2 апреля 2008 г. № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов» на территории СССР»).

продукции не поступало на рынок, а в централизованном порядке распределялось по предприятиям. Поэтому в нашей стране сложился монополизм производителей, что уже становилось тормозом развития экономики и ее прогресса. Предпринятая в феврале 1941 г. попытка найти способы преодоления недостатков была прервана военными событиями.

Труд и укрепление дисциплины

Проводились меры по росту производительности труда — в годы третьей пятилетки она выросла на 33%. В декабре 1938 г. установлена высшая степень трудового отличия в СССР — звание Героя Социалистического Труда и утверждены медали за заслуги в труде.

В октябре 1940 г. была создана система государственных трудовых резервов — профессионально-технические учебные заведения, ремесленные и железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения.

Одновременно ужесточались меры по борьбе с прогулами, нарушением трудовой дисциплины, хищением государственной собственности. Так, согласно постановлению Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г.[1], в качестве меры судебной репрессии за хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте, а также за хищение колхозно-кооперативной собственности предусматривалась высшая мера социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества. Применение амнистии по таким делам было запрещено.

В декабре 1938 г. было принято постановление СНК «О введении трудовых книжек», в которых фиксировались переходы рабочих и служащих с одного места работы на другое, а также причины перехода. Тогда же было принято совместное постановление правительства, партии и профсоюзов, направленное на укрепление трудовой дисциплины. Четыре опоздания в течение двух месяцев (включая задержки в столовой) карались увольнением, а увольнение за прогулы и опоздания влекло за собой сокращение страховых выплат. Постановление устанавливало, что за «непринятие мер по укреплению трудовой дисциплины руководители предприятий, учреждений, цехов, отделов должны привлекаться к ответственности, вплоть до снятия с работы и предания суду».

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и слу-

[1] Другое название «закон о колосках» Указ получил из-за того, что по нему осуждались крестьяне, занимавшиеся срезкой неспелых колосьев зерновых колхозного или совхозного поля и их присвоением.

жащих с предприятий и учреждений», увеличивалась продолжительность рабочего дня — с семи до восьми часов на предприятиях с семичасовым рабочим днем и с шести до восьми часов — для служащих учреждений. Вводилась 7-дневная рабочая неделя. В среднем рабочее время было увеличено на 33 часа в месяц. Кроме того, в связи с переходом на 8-часовой рабочий день постановлением СНК были повышены нормы выработки и в то же время снижены расценки.

Указ запрещал самовольный уход с предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия или учреждения на другое. Рабочие и служащие, самовольно ушедшие с предприятий и учреждений, должны были предаваться суду и по приговору суда подвергаться тюремному заключению сроком от двух до четырех месяцев.

За прогул без уважительной причины (а к нему приравнивалось, например, опоздание на работу на 20 минут, а также опоздание после обеда, посещение в рабочее время заводской поликлиники или больницы) рабочие и служащие карались не увольнением, как это было раньше, а исполнительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием до 25% заработной платы.

Директора предприятий и руководители учреждений подлежали привлечению к судебной ответственности за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятий и в прогулах, а также за прием на работу «укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и учреждений».

10 августа 1940 г. был принят новый Указ Верховного Совета СССР, который ужесточил ответственность за мелкие кражи на производстве, заменив увольнение годом тюремного заключения. Данный Указ был принят одновременно с Указом, упростившим процедуру судебных рассмотрений дел о нарушении трудовой дисциплины. Отныне дела о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений должны были рассматриваться без участия адвокатов и народных заседателей.

16 августа был принят новый Указ Президиума Верховного Совета, распространявший карательные меры и на работников сельского хозяйства — «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях». А спустя еще три месяца Указом Президиума Верховного Совета «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие» была установлена уголовная ответственность не только за попытку покинуть предприятие, но и за отказ на требование перейти на другое предприятие.

Ужесточающие трудовое законодательство указы появлялись вплоть до конца 1940 г., распространяясь даже на несовершеннолетних. 26 сентября на заседании Политбюро обсуждался вопрос о трудовых резервах. 2 октября 1940 г. был принят Указ «О государственных трудовых

резервах СССР», вводивший мобилизацию молодежи в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Совнаркому предоставлялось право ежегодно призывать от 800 тыс. до 1 млн подростков мужского пола для обязательного профессионального обучения. 28 декабря еще одним Указом была введена уголовная ответственность учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы) — вплоть до заключения в колонию сроком до года.

Указом от 10 июля того же года была введена уголовная ответственность (от 5 до 8 лет тюрьмы) «за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». При этом для директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля выпуск брака приравнивался к вредительству и за него грозила смертная казнь.

Роль ГУЛАГа

В пятилетние планы, начиная со второй пятилетки, стал включаться труд заключенных в лагерях. Внутри ГУЛАГа (Главного управления лагерей) были созданы специальные отраслевые управления — Главлеслаг, Главпромстрой и др.[1]

В годы первых пятилеток система ГУЛАГ занимала первое место среди наркоматов по объему выпускаемой продукции. Продукция производилась разнообразная — от цемента до дорожной техники, трикотажа и обуви. Лагеря и колонии обеспечивали около половины добываемого золота, трети платины, значительной части древесины. Заключенные производили до 20% общего объема строительных работ. Они построили города Магадан, Ангарск, Норильск, Тайшет. Они сооружали Беломорско-Балтийский канал, канал Москва — Волга. Они строили железные дороги Тайшет — Лена, БАМ — Тында, Комсомольск-на-Амуре — Советская гавань, Изветковая — Урал и др.

Тем не менее, по нашему глубокому убеждению, результаты индустриализации были достигнуты не «благодаря» (как думают и пишут многие), а как раз вопреки ГУЛАГу. Несколько миллионов невинно осужденных (рабочих, крестьян, интеллигентов) были вырваны из жизни, из трудовой деятельности. Многие из них погибли. Остальные принуждены были за-

[1] После публикации в начале 1990-х гг. архивных документов из ведущих российских архивов, прежде всего в Государственного архива Российской Федерации (бывший ЦГАОР СССР) и Российского центра социально-политической истории (бывший ЦПА ИМЛ), ряд исследователей сделали вывод, что за 1930–1953 гг. в исправительно-трудовых колониях побывало 6,5 млн человек, из них по политическим мотивам — около 1,3 млн, через исправительно-трудовые лагеря за 1937—1950 гг. осужденных по политическим статьям прошло около 2 млн человек.

ниматься неквалифицированным физическим трудом. («Шарашки, в которых работали Туполевы и Королевы, были скорее редким исключением, чем правилом.) Между тем труд из-под палки никогда не был эффективным и производительным. Но потери на рабском труде — еще не все. Ведь неоправданно арестованные работали прежде на свободе и на общество. Значит, гигантский объем относительно квалифицированного труда был насильственно переведен в меньший по количеству и низший по качеству объем труда неквалифицированного. Повторим еще раз: именно «вопреки», а не «благодаря» ГУЛАГу были достигнуты итоги первых пятилеток. ГУЛАГ — не только гуманитарное, но и экономическое преступление.

Итоги первых пятилеток

В течение первых пятилеток решена была в основном задача индустриализации как превращение страны из аграрной в индустриальную. Производственный аппарат советской индустрии был обновлен полностью, созданы новые отрасли производства. Изменения в географическом размещении промышленности позволили включить в хозяйственный оборот ранее неосвоенные территории, национальные окраины (табл. 13.4).

Таблица 13.4

Ввод в действие важнейших производственных мощностей

	Фактическая мощность или объем производства в дореволюционной России (1913 г.)	**Введено мощностей за годы довоенных пятилеток (1929 — первая половина 1941 г.)**
Электростанции, млн кВт	1,1	9,2
в том числе гидроэлектростанции	0,02	1,4
Уголь, млн т	29	189
Железная руда, млн т	9	29,4
Чугун, млн т	4,2	14,6
Сталь, млн т	4,3	13,9
Готовый прокат черных металлов, млн т	3,4	11,8
Серная кислота, тыс. т	145	1450
Кальцинированная сода, тыс. т	160	328
Автомобили (грузовые и легковые), тыс. шт.	0,1	217
Тракторы, тыс. шт.	—	119
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	—	45
Цемент, млн т	1,8	4,0
Бумага, тыс. т	269	636
Целлюлоза, тыс. т	258	600

Источник: Госкомстат СССР.

Страна усилиями народа обрела потенциал, который по отраслевой структуре и техническому оснащению находился на уровне ведущих капиталистических государств. Возросла обороноспособность страны (табл. 13.5).

Таблица 13.5

Основные показатели экономического развития СССР за период 1928–1940 гг. (1928 = 1)

Показатель	1932	1937	1940
Валовой общественный продукт	1,6	3,4	4,5
Произведенный национальный доход	1,8	3,9	5,1
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства	1,1	1,7	2,4
Продукция промышленности	2,0	4,5	6,5
Производство средств производства (группа «А»)	2,7	6,5	10
Производство предметов потребления (группа «Б»)	1,6	3,1	4,2
Валовая продукция сельского хозяйства	0,9	1,1	1,3
Ввод в действие основных фондов	4,2	5,4	7,5
Капитальные вложения	3,2	5,2	6,7
Отправлено грузов всеми видами транспорта	2,1	5,8	7,8
Пассажирооборот всех видов транспорта	3,3	3,6	4,0
Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли	1,3	2,0	2,3
Численность рабочих и служащих	2,1	2,5	3,0
Производительность труда			
в промышленности	1,3	2,4	3,1
в сельском хозяйстве	1,1	1,6	1,7
в строительстве	1,0	1,9	2,5
на железнодорожном транспорте	1,9	2,6	2,8

Источник: Госкомстат СССР.

В интересах развития промышленного производства была создана многоступенчатая система подготовки кадров от фабрично-заводских школ до разнопрофильных высших учебных заведений. Создана разветвленная система научно-исследовательских учреждений и организаций. Повысился культурный уровень населения.

Вместе с тем в годы первых пятилеток сформировалась тенденция к увеличению накопления за счет искусственного сдерживания роста доходов и потребления населения как в деревне, так и в городе. Формируется командно-административная система, предполагающая жестко-централизованное принятие решений и тотальный контроль

над экономикой со стороны государства. Форсированные темпы и инфляционные методы финансирования индустриализации позволяют говорить о том, что политическая целесообразность в этот период начинает превалировать над экономической эффективностью.

Социальная цена индустриализации, прежде всего широкое применение труда заключенных[1], оставляет широкое пространство для дискуссии.

Вопросы для обсуждения

- Выделите основные источники накопления средств для индустриализации.
- Каковы, по вашему мнению, основные приоритеты государственной политики в годы первых пятилеток?
- Назовите основные факторы роста социалистической экономики в рассматриваемый период.
- Суммируйте основные итоги социально-экономического развития СССР к началу Великой Отечественной войны.

Литература

1. *Верт Н.* История Советского государства. 1900—1991. — М.: ИНФРА-М, 1998.
2. *Верхотуров Д.* Экономическая революция Сталина. — М.: Олма-Пресс, 2006.
3. *Гершенкрон А.* Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.
4. *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.) Новые подсчеты и оценки. М., 2003.
5. Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы / Под ред. С.С. Хромова. В 2-х частях. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997 и 1999.
6. История индустриализации СССР 1926—1941 гг. Документы и материалы / Под ред. М.П. Кима.
7. *Погребинская В.А.* Институциональные особенности начала индустриализации России.
8. *Погребинская В.А.* Социально-экономическая модернизация России и мира в период Второй промышленной революции (последняя треть XIX — начало XX в.) М. ИНФРА-М, 2012.

[1] Согласно справке, которую НКВД предоставил ЦУНХУ (Центральному управлению народно-хозяйственного учета) для переписи населения 1937 г., число заключенных тюрем, лагерей и колоний составляло 2,75 млн человек (*Conquest R.* Stalin: Breaker of Nations. New York: Viking, 1991).

ЛЕКЦИЯ 14

ЭКОНОМИКА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)[1]

Т.А. Дробышевская

Созданная в годы первых пятилеток модель экономики была изначально ориентирована на функционирование в условиях войны («военного лагеря»)[2].

В резолюции о пятилетнем плане, одобренной XV съездом партии в 1927 г., говорилось, что «ввиду вероятного военного нападения капиталистических государств на пролетарское государство в пятилетнем плане должно быть обращено максимальное внимание на возможное скорейшее развитие тех секторов экономики в целом и промышленности в частности, которые играют основную роль в обеспечении обороны страны и экономической стабильности в военное время». В том же году в Госплане был создан оборонный сектор, и его работа оставалась важной вплоть до завершения эпохи советского планирования.

---

[1] Текст лекции основан на материалах в кн.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. М., 1961–1962.

[2] Основные идеи эвакуационного планирования были выражены в положении Совета труда и обороны «О вывозе из угрожаемых неприятелем районов ценного имущества, учреждений, предприятий и людского контингента» от 3 августа 1923 г. и принятом СТО 13 августа 1924 г. «Положении о вывозе и сроках эвакуации и разгрузки». Параллельно работе над составлением перспективных планов развития народного хозяйства осуществлялись разработка и совершенствование эвакуационной подготовки. Несмотря на существенные трудности с разработкой планов размещения и использования эвакуируемых грузов, был накоплен значительный опыт составления эвакуационных планов, отработано взаимодействие различных ведомств, создана нормативная база. Принципиальное значение имел сам факт включения эвакуационного планирования в систему экономического планирования, причем это касалось не только планирования работы народного хозяйства в военное время, но и учета требований эвакуационного планирования при разработке перспективных планов развития производительных сил. Сопряжение эвакуационного планирования и перспективного экономического планирования не только закреплялось с помощью ненормативных актов, но и обеспечивалось вовлечением всех народнохозяйственных наркоматов и ведомств в работу по составлению эвакуационных планов (*Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004. С. 89).

Военные факторы играли существенную роль при принятии решений о территориальном размещении производств. Они имели важное значение при принятии инвестиционных решений как инфраструктурных (строительство некоторых каналов и железных дорог), так и промышленных (быстрое развитие сталелитейной отрасли). Чтобы поддерживать и улучшать качество военной продукции, ее военные потребители — в отличие от гражданских — были уполномочены направлять агентов по снабжению на предприятия для надзора за качеством. Военная промышленность пользовалась приоритетом при распределении материалов и трудовых ресурсов.

Тем не менее война резко изменила задачи, стоявшие перед советской экономикой. Особое значение в первые месяцы войны приобрели массовое перебазирование из фронтовых и прифронтовых районов огромного количества ценностей, оборудования и миллионов людей на тысячи километров в восточные районы страны, обеспечение в кратчайшие сроки на новом месте выпуска продукции, остро необходимой фронту.

Сразу после вторжения немецко-фашистских захватчиков на территорию СССР был организован Государственный комитет обороны (ГКО) во главе со Сталиным, направлявший и координировавший деятельность партийных и военных органов, органов государственной безопасности, руководства экономикой.

За годы войны ГКО принял примерно 10 000 постановлений и указов (в среднем 7–8 в день), из которых две трети касались экономических вопросов и организации военного производства. Одним из величайших достижений ГКО стала организация эвакуации предприятий и населения на восток. Всего было эвакуировано с июля по декабрь 1941 г. из угрожаемых районов 2593 предприятия. В их числе было 1523 крупных предприятия, из которых 1360 предприятий, главным образом военных, были эвакуированы уже в первые три месяца войны. Из общего числа эвакуированных крупных предприятий 226 было направлено в Поволжье, 667 — на Урал, 244 — в Западную Сибирь, 78 — в Восточную Сибирь, 308 — в Казахстан и Среднюю Азию. В тыловые районы было вывезено железнодорожным транспортом более 10 млн человек, водным — более 2 млн человек.

За время войны из районов, которым угрожал захват противником, по железным дорогам проследовало около 1,5 млн вагонов, или 30 тыс. поездов с эвакуированными грузами. Из западных районов было перемещено 2,4 млн голов крупного рогатого скота, 5,1 млн голов овец и коз, 0,2 млн свиней, 0,8 млн лошадей, много сельскохозяйственной техники, зерна и другого продовольствия.

Временная потеря очень важных в экономическом отношении районов и индустриальных центров в первые месяцы войны тяжело отразилась на работе всех отраслей народного хозяйства. Конец 1941 — начало 1942 г. был самым сложным и критическим периодом для советской экономики.

Народное хозяйство испытывало острую нехватку рабочей силы, топлива, электроэнергии, сырья, различных материалов. Объем валовой продукции промышленности с июня по декабрь 1941 г. уменьшился в 1,9 раза. Но уже в декабре 1941 г. снижение промышленного производства было приостановлено. А к середине 1942 г. утраченные мощности военной промышленности удалось не только восстановить, но и превзойти. Советский Союз создал слаженное военное хозяйство, способное обеспечить в возрастающих размерах производство военной продукции.

Общенародный подъем, героизм всего народа и на фронте, и в тылу сыграли ключевую роль в победе над фашизмом. Перед лицом врага теряли остроту классовые, национальные и тому подобные противоречия. Все народы Советского Союза, мужчины и женщины, старики и дети, даже заключенные — все работали на победу[1]. Работу тыла определял лозунг «Все для фронта, все для победы над врагом!».

В 1940–1942 гг. численность промышленного рабочего класса в СССР сократилась с 11 до 7,2 млн человек. Доля женщин в промышленном производстве возросла с 41 до 52%. Рабочая неделя увеличилась с 48 до 54 часов.

Накануне войны советская и германская экономики были сравнимы по своим размерам. С учетом территориальных захватов 1939–1940 гг. реальный национальный доход СССР в 1940 г. лишь немного превышал германский. В 1940–1942 гг. германская экономика росла, а экономика СССР сжималась и в результате к 1942 г. составляла только две трети от уровня Германии. Несмотря на это, уже в 1942 г. Советская армия

---

[1] 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета принял Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». В соответствии с этим указом в местностях, объявленных на военном положении, подлежали освобождению заключенные, осужденные: по указам от 26 июля и 10 августа 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство»), кроме злостных хулиганов и рецидивистов; за маловажные бытовые преступления, имевшие остаток срока менее года; беременные женщины и женщины, имевшие малолетних детей (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм и рецидивисток); учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, осужденные по указу от 28 декабря 1940 г. за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы).

24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил действие указа от 12 июля 1941 г. на все местности СССР и принял решение о дополнительном освобождении некоторых категорий заключенных, например бывших военнослужащих, осужденных за несвоевременную явку в часть и малозначительные должностные, хозяйственные и воинские преступления, совершенные до начала войны, при этом они передавались в части действующей армии. Освобождению также подлежали нетрудоспособные инвалиды, старики, имевшие остаток срока наказания до трех лет, кроме осужденных за контрреволюционные преступления.

С учетом кадровых сотрудников — 117 000, в том числе 93 500 человек из военизированной охраны, за три годы войны из ГУЛАГа на комплектование Красной армии было передано 1 092 000 человек (Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 19–20).

не только не уступала врагу численно (что объяснимо с точки зрения демографии), но была и оснащена лучше. Железнодорожная эвакуация оборудования и целых предприятий сместила географический центр экономики на сотни километров на восток. К 1943 г. три пятых советского промышленного производства приходилось на нужды обороны. Это абсолютный мировой рекорд[1]. Параллельно производство продовольствия, топлива и металла для гражданских нужд сократилось более чем вдвое к 1942 г. Сократилось в среднем на две пятых снабжение продовольствием. К 1943 г. гражданское потребление было увеличено.

В 1942 г. в восточных районах стали давать металл 20 новых электропечей, 9 прокатных станов. Общая мощность турбин, введенных в действие в 1942 г. в этих районах, составила 672 тыс. кВт. Были введены в эксплуатацию Челябинская ТЭЦ, Карагандинская ГРЭС, Кирово-Чепецкая ТЭЦ. Всего же за годы войны выпуск продукции на Урале возрос в 3,6 раза, в Сибири — в 2,8 раза, в Поволжье — в 2,4 раза. Особенно высокими темпами в восточных районах страны увеличивался выпуск военной продукции. Так, в 1942 г. по сравнению с 1940 г. на Урале он возрос более чем в 5 раз, в Поволжье — в 9 раз, в районах Западной Сибири — в 27 раз.

Коренной перелом в работе промышленности, начавшийся во второй половине 1942 г., был закреплен в 1943 г.; по сравнению с 1940 г. продукция оборонных отраслей увеличилась более чем в 2 раза. СССР превзошел фашистскую Германию в целом за 1942 г. по производству танков и САУ в 3,9 раза, боевых самолетов — в 1,9, орудий всех видов и калибров — в 3,1, винтовок и карабинов — в 3 раза. Больше было выпущено и боеприпасов.

В 1943 г. прочно встали на путь подъема такие важные отрасли тяжелой индустрии, как металлургическая, угольная, электроэнергетическая, станкостроительная. Высокого уровня достигло производство вооружения и боевой техники, интересам которого было подчинено развитие всех отраслей народного хозяйства. Железнодорожный транспорт, несмотря на возросшие к нему требования, бесперебойно осуществлял перевозки воинских и важнейших народнохозяйственных грузов. Социалистическое сельское хозяйство, остро нуждавшееся в рабочей силе и технике, тем не менее снабжало армию и население продовольствием, промышленность — сырьем.

Национальный доход — показатель, наиболее полно и точно демонстрирующий масштабы и темпы социалистического воспроизводства, в целом достиг высокого уровня за время войны. По сравнению с 1943 г. объем национального дохода в 1944 г. увеличился на 19,2%, а по срав-

[1] *Harrison M.* The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 21.

нению с 1942 г., годом наибольшего упадка национального дохода, — на 34,6%. Несмотря на ущерб, причиненный войной народному хозяйству, национальный доход составил. уже 88% от уровня довоенного, 1940 г.[1] Это свидетельствовало о быстром развитии народного хозяйства как в тыловых, так и в освобождаемых районах.

Большие изменения произошли в распределении национального дохода. Доля накопления в общем объеме национального дохода увеличилась с 7% в 1943 г. до 15% в 1944 г.; доля потребления (включая личное потребление военнослужащих) повысилась с 60% в 1943 г. до 61% в 1944 г.; доля военных расходов (без личного потребления военнослужащих) снизилась с 33% в 1943 г. до 24% в 1944 г.[2] Таким образом, если вначале рост военных расходов привел к резкому сокращению доли национального дохода, идущей на накопление и личное потребление, то в 1944 г. четко определилась новая структура распределения национального дохода: существенно возросла доля накопления, и впервые за годы войны увеличилась, хотя и незначительно, доля потребления. Удельный вес военных расходов по сравнению с начальным периодом войны немного уменьшился, хотя в абсолютном выражении военные расходы росли.

Национальный доход, полностью обеспечивая военные расходы, в 1944 г. во все больших размерах стал направляться на капитальные вложения, прежде всего в тяжелую индустрию и транспорт. Капитальные вложения государственных и кооперативных организаций (без колхозов) впервые за годы войны существенно увеличились с 25,1 млрд руб. в 1943 г. до 34,1 млрд руб. в 1944 г. Общий объем капитальных вложений в промышленность составил в 1944 г. 18,9 млрд руб. против 13 млрд руб. в 1943 г. и достиг объема капитальных вложений 1940 г. Четыре пятых этой суммы были направлены в черную металлургию, энергетическую, нефтяную, газовую, угольную, машиностроительную и химическую промышленность, т.е. в ключевые отрасли индустрии, от развития которых зависели бесперебойное снабжение фронта и воспроизводство народного хозяйства в целом. В 1944 г. производственные основные фонды промышленности составили 92% от уровня 1940 г. и на 9% превысили объем основных фондов в 1943 г. Особенно резко возросли производственные основные фонды черной металлургии и угольной промышленности в результате восстановления угольной промышленности Донбасса и металлургических заводов юга. Характерно, что более 40% капитальных вложений (14,2 млрд против 4,1 млрд руб. в 1943 г.) было направлено на восстановление народного хозяйства освобожденных районов[3].

---

[1] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. ИНВ. № 2 16099, л. 7. ИнВ. № 9605. С. 16–17.

[2] Там же. С. 55.

[3] Там же. Инв. № 16099, л. 7.

Рост социалистического хозяйства, снижение издержек производства и обращения позволили увеличить накопления предприятий. Впервые за время войны в 1944 г. государственный бюджет был сведен без дефицита. Расходы на оборону страны в этом году составили 137,8 млрд против 125 млрд руб. в 1943 г. Тем не менее их удельный вес в общей сумме расходов государственного бюджета снизился с 59,5% в 1943 г. до 52,2% в 1944 г. В то же время значительно повысились расходы на народное хозяйство и социально-культурные мероприятия[1]. Следовательно, структурные изменения, происшедшие в 1944 г. в национальном доходе, получили отражение и в государственном бюджете СССР.

Быстрыми темпами продолжала развиваться тяжелая промышленность. Если в 1943 г. выпуск продукции тяжелой, в том числе и военной, промышленности составлял к уровню 1940 г. 119%, то в 1944 г. он повысился до 136%[2]. Естественно, что особенно бурно развивалось военное производство. Это дало возможность обеспечить Красную армию первоклассной военной техникой, необходимой для широкого развертывания наступательных операций и достижения решающих успехов на полях сражений.

Благодаря росту тяжелой индустрии в больших масштабах стали выполняться строительные работы для промышленности и транспорта, расширилось производство оборудования для металлургической и угольной промышленности, электростанций, машиностроения, увеличился выпуск запасных частей к подвижному составу железных дорог, тракторам, сельскохозяйственным машинам и т.д.

В 1944 г. повысился валовой сбор важнейших сельскохозяйственных культур. Этому способствовали благоприятные погодные условия. Несколько возросло производство продуктов животноводства. Сдвиги в сельском хозяйстве позволили лучше обеспечивать армию и население продовольствием, а промышленность — сырьем.

Улучшение снабжения промышленности и других отраслей народного хозяйства топливом, сырьем, материалами способствовало более нормальной, бесперебойной работе предприятий.

В 1944 г. валовая продукция промышленности, перешагнув довоенный уровень, составила 104% по отношению к 1940 г., а производство военной продукции — 312%[3]. Увеличение собственно военного производства стало возможно в результате общего роста промышленности, главным образом ее ведущих отраслей — металлургической, топливной, электроэнергетической, химической. Если в 1944 г. валовая продукция всей промышленности возросла против 1943 г. на 15%, то продукция

---

[1] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. ИНВ. № 2 16099, л. 7. ИнВ. № 9605. Инв. № 9605. С. 457.

[2] Там же. С. 16–17.

[3] Там же. Инв. № 9605. С. 17, 28.

черной металлургии — на 25, цветной металлургии — на 35, топливной промышленности — на 21, химической и резино-асбестовой промышленности — на 29, производство электроэнергии — на 21%[1]. Тяжелая индустрия, опережая в своем развитии другие отрасли народного хозяйства, создала прочную основу для роста производства вооружения и боевой техники, а также всей советской экономики.

Уже с 1943 г. растет в промышленном производстве роль освобожденных районов. В 1943 г. валовая продукция промышленности этих районов составляла всего 6% к уровню 1940 г., а в 1944 г. — уже 18%. Резко возросла их доля в годовом приросте продукции важнейших отраслей промышленности. Так, в годовом приросте чугуна она составила 47%, стали — около 42, проката — 38,4, угля — 70, электроэнергии — 32%[2].

Известную роль в общем балансе материальных ресурсов страны в 1944 г. играл импорт, в том числе поставки по ленд-лизу проката черных металлов, некоторых видов оборудования, металлических и кабельных изделий, химикатов и другой продукции. По ленд-лизу в 1944 г. было получено 591,9 тыс. т проката черных металлов (включая 267,5 тыс. т железнодорожных рельсов), 18,6 тыс. металлорежущих станков, 1,1 тыс. магистральных паровозов, 129,1 тыс. грузовых автомашин[3]. Ввозились и некоторые виды вооружения и средств связи[4].

Характерно, однако, что в 1944 г. импорт вооружения и военного снаряжения снизился не только относительно (его доля в общем объеме импорта составляла в 1943 г. 54,1%, а в 1944 г. — около 45%), но по важнейшим видам вооружения абсолютно. Так, в 1944 г. было импортировано самолетов 5749 против 6371 в 1943 г.; танков 2613 против 3123; артиллерии и боеприпасов на общую сумму 1576,3 млн руб. против 1630,8 млн руб. в 1943 г. Военная экономика СССР, достигшая высокого уровня производства, несмотря на огромные масштабы развернувшихся военных действий, могла собственными силами обеспечивать фронт необходимыми видами вооружения, боеприпасов и снаряжения.

Развитие социалистической промышленности в 1944 г., как и в течение всей войны, было подчинено в первую очередь задачам увеличения производства вооружения и боевой техники. Если в 1941–1942 гг. выпуск военной продукции возрастал главным образом благодаря переключению все большего и большего числа промышленных предприятий на военные рельсы, вводу в действие эвакуированных на восток заводов, увеличению

---

[1] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 16099, л. 7.

[2] Там же. С. 8–9, 48; Инв. № 16099, л. 8.

[3] Там же. Инв. № 2 1868, лл. 1–4.

[4] Помощь союзников (прежде всего Америки) составляла 5% от внутренних ресурсов в 1942 г. и по 10% в 1943 и 1944 гг.

фонда рабочего времени, то в 1943 г. и особенно в 1944 г. основными факторами подъема собственно военного производства стали строительство новых и расширение действующих предприятий, повышение производительности труда, восстановление тяжелой индустрии в освобожденных районах. В целом по промышленности она увеличилась в расчете на одного рабочего по сравнению с 1943 г. на 2%[1]. Особенно возросла производительность труда на предприятиях военной промышленности.

Значительно снизилась в 1944 г. себестоимость промышленной продукции. По сравнению с 1943 г. себестоимость уменьшилась на 2,5%. Рост производительности труда и снижение себестоимости промышленной продукции явились результатом внедрения в производство передовой техники, повышения квалификации рабочих, пришедших на предприятия во время войны, дальнейшего развития социалистического соревнования.

Большое распространение в военной промышленности и в машиностроении получили поточные и конвейерные методы производства, новые прогрессивные способы обработки изделий. В 1943–1944 гг. на лучших предприятиях военной промышленности был внедрен законченный поточный метод со строгим соблюдением графика на всех участках производства. Благодаря использованию этого метода крупных цехов добились работники авиационной промышленности. Они увеличили выпуск новой продукции в расчете на 1 тыс. станков на 12%. Применение поточного метода резко увеличило производительность и заводов танковой промышленности. Кировский завод во втором полугодии 1944 г. ежемесячно выпускал тяжелых танков в 3,5 раза больше, чем в 1943 г.

Важную роль сыграло применение новых высокопроизводительных систем разработки на горнорудных предприятиях. Так, в Кузнецком угольном бассейне одно из ведущих мест заняла добыча с помощью щитового крепления на мощных утопадающих пластах (23% от всей добычи угля на шахтах комбината). Помимо увеличения добычи угля эта система дала возможность сократить расход крепежного леса на 15%. В нефтяной промышленности большое распространение получил такой эффективный способ, как вторичная эксплуатация нефтяных залежей методом накачивания газа и воды в пласт. В металлургической промышленности для доменных печей конструировались сварные кожухи взамен клепаных, что позволяло сокращать сроки строительства домен и значительно экономить металл и рабочую силу. В черной металлургии много внимания уделялось замене дефицитных легированных марок стали. На станкостроительных заводах большая экономия металла достигалась путем применения машинной формовки для производства средних и мелких деталей, перевода изготовления шестерен валов и рычагов с ковки на горячую штамповку и т.д.

[1] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 16099, л. 10; Инв. № 9605, л. 10.

Коммунистическая партия и Советское правительство всемерно поддерживали и поощряли творческую деятельность ученых, инженеров, техников, рабочих. Так, 15 марта 1944 г. постановлением Государственного Комитета обороны было введено премирование инженерно-технических работников, занятых проектированием и изготовлением новых высокопроизводительных станков. Народному комиссару машиностроения предоставлялось право присваивать имя автора-конструктора новым, проверенным в производстве, высокопроизводительным и точным металлорежущим станам с одновременным премированием изобретателя в сумме до 2,5 тыс. руб. Наркомату станкостроения поручалось организовать в течение 1944 г. на ведущих станкостроительных заводах экспериментальные цехи, а на остальных заводах — станочные лаборатории для всесторонних научно-исследовательских работ[1].

О высокой трудовой активности масс, их растущей творческой инициативе свидетельствовали такие данные. В 1944 г. поступило 347 тыс. заявок на изобретения, технические усовершенствования и рационализаторские предложения. И это в условиях, когда большую часть составляли люди, впервые пришедшие на заводы в годы войны.

В течение всех лет войны росло всесоюзное социалистическое соревнование. Социалистическое соревнование проходило под лозунгом: «Работай не только за себя, но и за твоего товарища, ушедшего на фронт».

В 1944 г. магнитогорские и кузнецкие металлурги обратились к рабочим, инженерно-техническим работникам, служащим промышленности и транспорта Советского Союза с призывом помочь Красной Армии скорее разгромить врага на его собственной территории. «Сейчас, — писали металлурги, — когда Красная Армия готовится к решающему наступлению на логово фашистского зверя и нанесению новых уничтожающих ударов по врагу, весь советский народ должен помочь стремительному натиску наших войск, чтобы в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию. Красной Армии предстоит вместе с армиями наших союзников добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы. Для этого мы должны еще больше напрячь свои силы, преодолеть трудности и дать фронту все необходимое для полной и окончательной победы»[2].

К концу 1944 г. по всем отраслям промышленности соревновалось свыше 85% рабочих. Итоги ежемесячно подводились более чем по 50 наркоматам и главным управлениям. В течение года было присуждено 828 переходящих Красных знамен — на 223 больше, чем в 1943 г., и выдано 2 тыс. премий — больше, чем в предыдущем году[3].

---

[1] ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. № 17210, л. 3.

[2] Правда. 1944. 15 ноября.

[3] ЦК ВЦСПС. Материалы к отчету ВЦСПС X Всесоюзному съезду профессиональных союзов. М.: Профиздат, 1949. С. 13.

В годы Великой Отечественной войны десятки промышленных предприятий были удостоены высоких правительственных наград за образцовое выполнение заказов для фронта, восстанавливаемых и строящихся заводов, шахт, рудников. Так, ленинградский Кировский завод был удостоен ордена Ленина, Боевого Красного Знамени и Трудового Красного Знамени.

Для повышения материальной заинтересованности работников машинно-тракторных станций были установлены денежные премии за высококачественный ремонт комбайнов, сложных молотилок и другой техники. В феврале 1944 г. были учреждены нагрудные значки «Лучший тракторист», «Лучший комбайнер колхоза», «Отличный механик МТС», «Отличный механик совхоза».

О повышении трудовой активности колхозников говорит увеличение числа выработанных ими трудодней. В среднем одним трудоспособным колхозником в 1944 г. было выработано 248 трудодней против 232 в 1943 г.

Вместе с тем трудности имелись, и немалые. Нефтяная промышленность, например, снизила добычу нефти, цветная металлургия — производство свинца, цинка и других цветных металлов. Насколько тревожно обстояло дело с добычей нефти, можно судить по докладу народного комиссара нефтяной промышленности СССР, представленному в 1944 г. в Государственный Комитет обороны. «Положение с добычей нефти, — указывалось в докладе, — в настоящее время внушает исключительно серьезные опасения в снабжении фронта и народного хозяйства нефтепродуктами. Почти полное прекращение бурения в южных районах обусловило непрерывное падение добычи нефти. В мае 1941 г. в среднем в сутки добывалось 96 820 т нефти, в декабре 1942 г. — 50 465 т, а в январе 1944 г. среднесуточная добыча составляет всего 47 300 т»[1]. Благодаря энергичным мерам, принятым партией и правительством, и самоотверженному труду рабочих-нефтяников добыча нефти в 1944 г. впервые за годы войны несколько повысилась. Если в 1943 г. было добыто около 18 млн т нефти, то в 1944 г. — 18,3 млн т. При этом были созданы условия для значительного роста добычи нефти в дальнейшем. В декабре 1944 г. в среднем в сутки добывалось свыше 50 тыс. т[2]. Это позволило больше производить высококачественных сортов бензина, крайне необходимых фронту.

Резко отставало производство строительных материалов и деловой древесины. В легкой промышленности не был выполнен план по таким видам продукции, как хлопчатобумажные ткани и обувь. Железнодорожный транспорт ощущал нехватку вагонов.

Напряженным оставалось положение в сельском хозяйстве. Производство тракторов оставалось еще и в 1944 г. по сравнению с довоенным уров-

---

[1] ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. № 16507, л. 1.

[2] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 9605. С. 171, 172.

нем незначительным, однако выпуск их все же возрос в этом году до 3154 против 1063 в 1943 г. Увеличилось производство сельскохозяйственных машин и, что особенно важно, запасных частей к ним и к тракторам.

Колхозы, совхозы, МТС продолжали испытывать острый недостаток в работниках, особенно квалифицированных — трактористах, шоферах, комбайнерах, слесарях, кузнецах. Значительная часть тракторов, автомобилей, лошадей была передана на обслуживание фронта. Оставшиеся тракторы и автомашины были сильно изношены, часто выбывали из строя. Запасных частей для ремонта не хватало. Полевые работы и перевозни осуществлялись в колхозах преимущественно на живом тягле. Намного меньше стал парк основных сельскохозяйственных машин и орудий — плугов, культиваторов, сеялок, косилок, зерноочистительных машин. Сократилось снабжение сельского хозяйства горючим и минеральными удобрениями. Посевные площади в 1943 г. составляли 63% по отношению к посевным площадям 1940 г. В годы войны ухудшился уход за посевами, снизилась урожайность, уменьшились валовые сборы сельскохозяйственных культур. Особенно большие затруднения переживало сельское хозяйство освобожденных районов, разоренное фашистской оккупацией. Очень тяжелым было положение и в обширных земледельческих районах Поволжья и востока, где по сравнению с довоенным временем резко уменьшилась тракторная обработка полей.

В период уборки наряду со сложной техникой широко применялись простые уборочные машины на конной тяге — жатки, лобогрейки, а также серпы. Там, где не хватало тракторов и лошадей, на полевых работах использовались малопродуктивные коровы. Вместе с колхозниками трудились горожане, привлеченные к уборке урожая.

Валовой сбор (амбарный урожай) зерновых культур в 1944 г. вырос по сравнению с 1943 г. на 67% и составил более 49 млн т. Значительно выросло производство важнейших технических культур. Рост производства в сельском хозяйстве был связан прежде всего с расширением посевных площадей за счет освобожденных территорий.

В течение всех лет войны огромную роль в сельском хозяйстве играли женщины. На их долю приходилось 55,5% всех выработанных в колхозах трудодней. Более 250 тыс. женщин деревни находились на руководящей работе. Среди председателей колхозов женщин имелось 12%, среди бригадиров полеводческих бригад — 41, среди заведующих животноводческими фермами — 50%[1]. В сельском хозяйстве в годы войны возросла и роль молодежи. В 1944 г. подростки от 12 до 16 лет составляли в общей массе работавших колхозников 17%[2]. В промышленности доля женского труда составляла в 1944 г. 53%.

[1] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 9605. С. 346, 348.

[2] Там же. С. 346–348.

Война резко снизила жизненный уровень населения. Десятки тысяч сел, рабочих поселков и городов были разрушены немецкими войсками. людей остались без крова, особенно в районах, подвергшихся оккупации. Тяжело жилось и тем трудящимся, которых обстановка вынудила эвакуироваться из родных мест. Снабжение населения продовольствием и предметами первой необходимости жестко регламентировалось карточной системой. На колхозные рынки поступало недостаточно продуктов, и цены на них были высокими.

Существенным дополнением к централизованным фондам продовольствия являлись подсобные хозяйства предприятий. В 1944 г. в системе отделов рабочего снабжения предприятий насчитывалось 30 тыс. подсобных хозяйств с посевной площадью до 2 млн га и значительным поголовьем скота. Только по данным 30 наркоматов, в подсобных хозяйствах в 1944 г. было получено около 4,4 млн т картофеля и почти 10 тыс. т мяса, молока и других продуктов[1]. Предприятия наркомата боеприпасов, например, за счет собственной продовольственной базы удовлетворили потребности рабочих и служащих в картофеле на 40%, в овощах — на 60%[2].

Серьезным подспорьем для улучшения питания рабочих и служащих были индивидуальные и коллективные огороды. В феврале 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих», которое обязывало местные организации увеличить посевные площади под огородами не менее чем на 20% по сравнению с 1943 г. Рабочим, служащим, семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны была оказана помощь в приобретении семян картофеля и овощных культур, а также огородного инвентаря. Благодаря всему этому в обработке индивидуальных и коллективных огородов в 1944 г. приняли участие 16 500 тыс. рабочих и служащих против 11 900 тыс. в предыдущем году[3].

За годы Второй мировой войны народному хозяйству СССР был причинен огромный ущерб. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и поселков и более 70 тыс. сел и деревень; сожгли и разрушили свыше 6 млн зданий и лишили крова около 25 млн человек; разрушили 31 850 промышленных предприятий, вывели из строя металлургические заводы, на которых до войны выплавлялось около 60% стали, шахты, дававшие свыше 60% добычи угля в стране; разрушили 65 тыс. км железнодорожной колеи и 4100 железнодорожных станций, 36 тыс. почтово-телеграфных уч-

[1] ЦА ВЦСПС. Стенографический отчет XIII пленума ВЦСПС. Ф. 1, д. 2, л. 74.

[2] Там же. Ф. 99, оп. 15, д. 1 за 1945 г., л. 42.

[3] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 9605. С. 310.

реждений, телефонных станций и других предприятий связи; разорили и разграбили десятки тысяч колхозов и совхозов, зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн свиней, 27 млн овец и коз. Кроме того, они уничтожили и разгромили 40 тыс. больниц и других учебных учреждений, 84 тыс. школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тыс. библиотек общественного пользования.

Приведенные цифры далеко не исчерпывают всего ущерба, причиненного фашистскими захватчиками Советскому Союзу. Они охватывают только потери от прямого уничтожения имущества граждан, колхозов, общественных организаций, государственных предприятий и учреждений. В сумму ущерба не включены такие потери, как снижение национального дохода от прекращения или сокращения работы государственных предприятий, колхозов и граждан, стоимость конфискованных германскими оккупационными войсками предметов продовольствия и снабжения, военные расходы СССР, а также потери от замедления темпов общего хозяйственного развития страны в результате действий врага на протяжении 1941–1945 гг.

Расходы советского государства на войну с Германией, а также с Японией и потери доходов, которые в результате оккупации понесены государственными и кооперативными предприятиями и организациями, колхозами и населением Советского Союза, составили не менее 1890 млрд руб. (в ценах 1941 г.; без изменения масштаба цен). Эту сумму надо добавить к тому ущербу, который был нанесен нашему государству и населению в результате огромных разрушений и разграбления государственного, кооперативного и личного имущества на территории, подвергшейся оккупации, в сумме 679 млрд руб.

Но самая тяжелая жертва в Отечественной войне—это потеря миллионов советских людей. Людские потери составили, по современным оценкам, не менее 27 млн человек. Из них 8,7 млн — официальные потери Красной армии убитыми и пропавшими без вести. Другими словами, потери среди мирного населения (на оккупированной территории, в результате бомбежек и обстрелов, не вынесших голода и тяжелого труда и по другим причинам) составили более 15 млн человек. Только в Ленинграде во время блокады 1941–1944 гг. от голода умерло 800 000 человек.

Восстановление народного хозяйства начинается еще в годы войны. Восстановительные работы проводились параллельно с осуществлением крупных наступательных операций, что требовало наращивания военного производства. Несмотря на это, на восстановление народного хозяйства направлялись значительные капитальные вложения, которые в 1944 г. в 1,4 раза превысили среднегодовой объем капитальных вложений во все отрасли народного хозяйства в мирные годы первой пятилетки. Они составляли две пятых всех капитальных вложений в народное

хозяйство. Уже в 1944 г. районы, освобожденные от оккупации, дали в 3,1 раза больше промышленной продукции, чем в 1943 г.

Уже в 1944 г. на освобожденной территории страны были введены в действие угольные шахты годовой мощностью 29,2 млн т добычи угля, 11 доменных печей мощностью 2,1 млн т чугуна, 43 мартеновские печи мощностью 1,8 млн т стали, 2 бессемеровских конвертера мощностью 240 тыс. т стальных стана мощностью 1,4 млн т проката, 43 коксовые батареи, 22 прокатных стана мощностью 20 млн т кокса[1]. Предприятия черной металлургии были обеспечены материальной базой.

В течение 1944 г. вступили в строй рудники мощностью 5,4 млн т железной руды. Стали действовать цементные заводы мощностью 1 млн т цемента в год, текстильные фабрики на 47 тыс. прядильных веретен, сахарные заводы, рассчитанные на переработку 633 тыс. ц свеклы в сутки и многие другие предприятия[2].

Одновременно с успешным восстановлением промышленности в освобожденных районах возрождалось и сельское хозяйство. Однако трудности в этом деле были исключительно велики. В колхозах в ряде случаев насчитывалось до половины и даже менее довоенного числа трудоспособных работников. Остро ощущалась нехватка тягловой силы. Поля заросли сорняками, развелось много вредителей сельскохозяйственных культур. Во многих колхозах на первых порах была сильно расшатана трудовая дисциплина, производственные бригады не имели постоянного состава. Запущены были нормирование и учет труда. И все же труженики деревни добились серьезных успехов в восстановлении социалистического сельского хозяйства. К концу 1944 г. на очищенной от врага территории Украины было уже восстановлено 27 340 колхозов, 1270 МТС, 788 совхозов, на территории Белорусской ССР — 9608 колхозов, 316 МТС, 87 совхозов[3]. Из тыловых областей в районы, подвергшиеся оккупации, были завезены сотни тысяч голов скота, тысячи тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. «Около 175 000 животных, — писала в октябре «Правда Украины», — прибыло уже к месту назначения. Почти весь этот скот приобретен на льготных условиях в колхозах и совхозах РСФСР, Казахстана, Азербайджана, Грузии и других братских республик. Возвращается много скота в порядке реэвакуации»[4].

Создание прочной базы военно-промышленного производства на востоке страны имело решающее значение для слаженной работы

---

[1] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 9605. С. 379.

[2] Там же. С. 379.

[3] По данным ЦСУ СССР. ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны. Инв. № 9605. С. 355, 363, 367.

[4] Правда Украины. 1944. 8 окт.

всех звеньев экономики. Всего за годы войны в тыловых районах страны было построено 3500 крупных промышленных предприятий. В районах, освобожденных от оккупации, было восстановлено 7500 разрушенных во время войны крупных предприятий[1].

Кульминационным периодом роста военной экономики СССР был 1944 г. В 1944 г. в СССР производилось больше, чем в 1942 г., танков и САУ на одну пятую, боевых самолетов — в 1,5 раза.

В годы войны обеспечивалась высокая эффективность военной экономики, и в первую очередь — оборонных отраслей. За три года — с мая 1942 г. по май 1945 г. — производительность труда в промышленности возросла на 43%, а в оборонных отраслях — в 2,2 раза. Наряду с ростом производительности труда были существенно снижены затраты на производство важнейших видов вооружения. В 1944 г. себестоимость всех видов военной продукции по сравнению с 1940 г. сократилась в среднем в 2 раза. В целом экономический эффект от снижения себестоимости военной продукции за 1941–1944 гг. составил сумму, равную почти половине всех расходов государственного бюджета СССР на военные нужды в 1942 г.

Председатель Госплана СССР в 1942–1949 гг. Николай Алексеевич Вознесенский выделяет пять факторов, которые позволили СССР сохранить устойчивость своей экономики в военное время:

— во-первых, сохранение твердых государственных розничных цен на предметы продовольствия и предметы первой необходимости;
— во-вторых, сохранение устойчивых отпускных цен на средства производства и военную технику при заметном снижении себестоимости;
— в-третьих, централизованное распределение материальных ресурсов, подчиненное плану, исключающее господство рыночного закона спроса и предложения;
— в-четвертых, устойчивые заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты при сосредоточении основных масс этих продуктов в руках Советского государства;
— в-пятых, восстановление и развитие промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта и товарооборота в период военной экономики[2].

---

[1] После войны Правительство Советского Союза сохраняло курс на милитаризацию экономики. В условиях холодной войны создавались новые производственные мощности и стратегические запасы, готовые к немедленной мобилизации, без продолжительного периода адаптации и конверсии, который так дорого обошелся стране в начале 1940-х гг. Если до войны предприятия ВПК довольно концентрированно размещались в западных и южных районах европейской части СССР, зачастую удаленно от источников сырья, то в годы войны в результате эвакуации предприятий на восток была создана мощная промышленная база ВПК на Урале и в Западной Сибири.

[2] *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1975.

Победа СССР в Великой Отечественной войне продемонстрировала мобилизационный потенциал и укрепила авторитет командно-административной системы, оправдала в глазах большинства населения принудительные методы проведения коллективизации и индустриализации[1].

В марте 1946 г. Верховный Совет СССР утвердил четвертый пятилетний план развития народного хозяйства (1946–1950). В законе о пятилетнем плане предусматривалась важнейшая хозяйственно-политическая задача — восстановление разрушенных войной районов страны, достижение довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства, а затем и превышение этого уровня в значительных размерах, а также рост материального благосостояния советского народа. Четвертый пятилетний план был выполнен промышленностью досрочно — за 4 года и 3 месяца. Довоенный уровень производства был достигнут в 1948 г.

Вопросы для обсуждения

- Выделите основные факторы, определявшие развитие экономики СССР в годы войны.
- Назовите основные направления и дайте аргументированную оценку деятельности хозяйственных органов по перестройке национальной экономики в соответствии с нуждами военного времени.
- Выделите основные факторы, обеспечившие успехи советской экономики в годы войны.

Литература

1. *Ванюков Д.А.*, *Гнусарьков А.А.* Великая Отечественная война. М., 2007.
2. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1975.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. М., 1961–1962.
4. *Мелия А.А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004.
5. *Barber J.*, *Harrison M.* Patriotic War, 1941–1945 // The Cambridge History of Russia. Vol. 3. Cambridge University Press, 2006.

[1] Западные историки подчеркивают, что Великая Отечественная поставила точку в классовом противостоянии в СССР; принадлежность к нации стала важнее (см.: *Barber J., Harrison M.* Patriotic War, 1941–1945 // The Cambridge History of Russia. Vol. 3. Cambridge University Press, 2006. P. 241; *Weiner A.* Making Sense of War: the Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton: Princeton University Press, 2001.

ЛЕКЦИЯ 15

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР (1946–1950)

В.В. Дроздов

Великая Отечественная война закончилась исторической победой советского народа. Однако фашистские захватчики причинили нашей стране огромный материальный ущерб. Они полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и поселков, более 70 тыс. деревень, разрушили 31 850 предприятий промышленности, 65 тыс. км железных дорог, разорили и разграбили около 100 тыс. колхозов, тысячи совхозов и МТС[1]. Ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным гражданам за годы войны, оценивается в 679 млрд руб. (в ценах 1941 г.). Кроме того, огромную сумму составили расходы СССР на войну с Германией и Японией, а также потери доходов в результате оккупации (около 1890 млрд руб. в ценах 1941 г.)[2].

Сразу же после окончания войны с фашистской Германией началась перестройка народного хозяйства СССР на мирный лад. В конце мая 1945 г. Государственный Комитет обороны принял постановление о переводе ряда предприятий на производство продукции для населения. В соответствии с законом, утвержденным Верховным Советом СССР 23 июня 1945 г., была осуществлена демобилизация тринадцати возрастов личного состава действующей армии. Возвратившиеся с фронта воины включились в борьбу за восстановление разрушенного войной хозяйства. Был пересмотрен народнохозяйственный план на 1945 г., поскольку появилась возможность увеличить производство товаров для населения, сократить расходы на оборону и направить дополнительные средства на развитие экономики. Большое внимание уделялось увеличению производства минеральных удобрений, которое по сравнению с довоенным уровнем уменьшилось на две трети. Вновь начали выпускать сельско-

---

[1] Народное хозяйство СССР. 1922–1982. М., 1982. С. 58; История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980. С. 110.

[2] Народное хозяйство СССР. 1922–1982. С. 57, 58.

хозяйственные машины Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, «Ростсельмаш».

В страну постепенно возвращалась мирная жизнь. В сентябре 1945 г. был упразднен Государственный Комитет обороны, а его функции перешли к Совету Народных Комиссаров. Были созданы Наркомат машиностроения и приборостроения. Наркомат автомобильной промышленности и др. В соответствии с законом, принятым Верховным Советом СССР в марте 1946 г., СНК преобразовывался в Совет Министров СССР, а соответствующие наркоматы — в министерства. Был восстановлен нормальный режим работы на предприятиях и учреждениях (отменены обязательные сверхурочные работы, восстановлен восьмичасовой рабочий день, а также оплачиваемые ежегодные отпуска). В 1946 г. перестройка народного хозяйства на мирный лад была в основном завершена.

В августе 1945 г. было принято решение о разработке четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства страны на 1946–1950 гг. В марте 1946 г. он был одобрен на первой сессии Верховного Совета СССР второго созыва. Основные задачи четвертой пятилетки состояли в том, чтобы «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах»[1]. Первостепенное внимание уделялось восстановлению и развитию тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта. Важное значение придавалось подъему сельского хозяйства и промышленности по производству средств потребления, обеспечению дальнейшего технического прогресса во всех отраслях экономики СССР, использованию производственных мощностей военной промышленности для увеличения экономического потенциала нашей страны. По Закону о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. предусматривалось восстановление и дальнейшее строительство городов и сел, увеличение жилого фонда, повышение народного благосостояния. Необходимо было решить такие задачи, как обеспечение промышленности и транспорта постоянными высококвалифицированными кадрами, повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции, обеспечение дальнейшей электрификации и механизации в отраслях экономики, укрепление денежного обращения и кредитных отношений, повышение значения хозяйственного расчета, ликвидация карточной системы и замена ее развернутой советской торговлей. Закон предусматривал развитие хозяйственной инициативы союзных республик. Предметы народного потребления, производимые предприятиями местной промышленности и промкооперацией, поступали в полное распоряжение Советов министров союзных республик, которые определяли

[1] Сборник документов по истории СССР. Вып. 5. 1946–1958 гг. М., 1981. С. 35–36.

долю продукции, которая потреблялась внутри республики, и долю, направляемую в другие республики в порядке товарообмена.

По плану на четвертую пятилетку предусматривалось восстановление, строительство и ввод в эксплуатацию около 5900 промышленных предприятий, увеличение объема валовой продукции промышленности в 1950 г. по сравнению с довоенным уровнем на 48%, продукции сельского хозяйства — на 27%, увеличение национального дохода — на 38%. Объем централизованных капитальных вложений устанавливался в размере 250,3 млрд руб. (в сметных ценах 1945 г.)[1]. Это было почти столько же, сколько было вложено средств в народное хозяйство СССР в годы предвоенных пятилеток.

Благодаря героическому труду советского народа, руководимого коммунистической партией, экономика нашей страны была восстановлена в исторически короткие сроки. Наиболее трудным в восстановлении промышленности и перестройке ее на мирный лад был 1946 г. Требовались коренные изменения в технологии производства, переподготовка рабочей силы, а также оборудование. Все это привело к тому, что в 1946 г. объем промышленного производства уменьшился на 17%. Однако в последующий период промышленное производство постоянно возрастало. Особенно большое значение имело восстановление крупных предприятий в районах, подвергшихся немецкой оккупации (металлургического завода им. Орджоникидзе «Запорожсталь», Днепровского алюминиевого завода, Макеевского, Краматорского и Енакиевского металлургических заводов, угольных шахт Донбасса, Днепрогэса и других народнохозяйственных объектов). За годы четвертой пятилетки было восстановлено и вновь построено около 6200 крупных предприятий промышленности. К числу крупных новостроек четвертой пятилетки относятся Кутаисский автомобильный завод им. Орджоникидзе, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат им. В.И. Ленина, газопровод Саратов — Москва, Рыбинская, Сухумская и Фархадская гидроэлектростанции. Были достигнуты большие успехи в индустриализации прибалтийских республик, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии. Так, в Западной Украине была создана газовая и автомобильная промышленность, в Прибалтике были построены сланцехимический комбинат «Кивиыли», Рижский электромашиностроительный завод и другие предприятия. Восстановление промышленности и строительство новых предприятий осуществлялись на передовом для того времени научно-техническом уровне.

В борьбу за выполнение плана четвертой пятилетки включились все советские люди. По призыву коллектива Макеевского металлургического завода им. С.М. Кирова по всей стране развернулось социалистиче-

[1] См. История социалистической экономики СССР. Т. 6. С. 12–13; Сборник документов по истории СССР. Вып. 5. С. 36.

ское соревнование за выполнение и перевыполнение плановых заданий на четвертую пятилетку. Оно приобрело всенародный характер и породило множество трудовых починов. Так, в годы послевоенной пятилетки развернулось движение многостаночников (по инициативе ткачихи Орехово-Зуевского хлопчатобумажного комбината М.М. Волковой), соревнование за коллективный стахановский труд (по почину мастера московского инструментального завода «Калибр» Н.А. Российского), движение за выпуск продукции только отличного качества (по инициативе московского рабочего А.С. Чутких), а также движение скоростников (по почину токарей П.Б. Быкова и Г.С. Борткевича).

Укреплялась связь науки с производством. В социалистическом соревновании за выполнение и перевыполнение заданий четвертой пятилетки активное участие принимали инженерно-технические и научные работники. Были достигнуты большие успехи в техническом перевооружении промышленности и других отраслей народного хозяйства. Важное значение имело внедрение передовой технологии (скоростной автоматической сварки металла по методу академика Е.О. Патона, штамповки, стыковой сварки, нового способа использования кислорода при литье). При строительстве стали применяться мощные экскаваторы, земснаряды, бульдозеры, самосвалы, скреперы. На помощь шахтерам пришли угольные комбайны, скребковые конвейеры. При бурении нефтяных скважин стали применяться турбобуры. Все большее распространение получали поточные и автоматические линии. В годы четвертой пятилетки в СССР впервые в мире был построен завод с законченной комплексной автоматизацией. В СССР велось большое строительство электростанций. Предпочтение отдавалось строительству гидроэлектростанций, хотя их строительство требовало значительно больших капитальных вложений, чем сооружение тепловых электростанций, и продолжалось сравнительно долго. В годы послевоенной пятилетки в нашей стране впервые в мире была решена проблема передачи электроэнергии высокого напряжения на большие расстояния. Советские ученые овладели секретами атомной энергии, что способствовало укреплению экономического и оборонного потенциала СССР.

В развитии советской промышленности в годы четвертой пятилетки имелись и определенные сложности. Недостаточно быстро внедрялись передовые технологии, был велик удельный вес ручного труда. Отставали в своем развитии лесная промышленность, производство строительных материалов, химическая промышленность. Медленно восстанавливались легкая и пищевая промышленность.

Несмотря на большие масштабы разрушений в годы войны и имевшиеся трудности, промышленность СССР была восстановлена в исторически короткие сроки. Сказывались преимущества плановой системы ведения хозяйства, трудовой энтузиазм советских людей, наличие

мощной индустриальной базы на востоке страны, созданной в годы предвоенных пятилеток и в годы войны, всенародная помощь пострадавшим районам. Так, довоенный уровень добычи угля был превзойден в 1947 г., производство нефти — в 1949 г. Плановые задания по развитию промышленности в годы четвертой пятилетки были перевыполнены. В 1950 г. валовая продукция промышленности превысила уровень 1940 г. на 72%, причем производство средств производства (группа «А») возросло за этот период на 104%, а производство предметов потребления (группа «Б») — на 22%. Производительность труда в промышленности увеличилась в 1950 г. по сравнению с 1940 г. на 45%[1]. За годы четвертой пятилетки производство электроэнергии в стране возросло с 43,3 млрд кВт-ч до 91,2 млрд кВт-ч, добыча нефти (включая конденсат) — с 19,4 млрд т до 37,9 млрд т, природного газа — с 3,3 млрд м^3 до 5,8 млрд м^3, угля — со 149 млн т до 261 млн т, выплавка чугуна — с 8,8 млн т до 19,2 млн т, стали — с 12,3 млн т до 27,3 млн т, производство минеральных удобрений — с 1,1 млн т до 5,5 млн т[2].

Восстановление сельского хозяйства в районах, освобожденных от фашистских захватчиков, началось еще в годы войны. В августе 1943 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В соответствии с этим постановлением колхозам и совхозам было передано большое количество сельскохозяйственной техники, скота, семян, а также продовольствия. Государство выделило значительные средства для строительства жилья для колхозников и рабочих совхозов. Еще до окончания войны в освобожденных районах было восстановлено 3093 МТС. К концу 1945 г. туда было направлено более 3 млн голов скота, более 40 000 сельскохозяйственных машин, а также большое количество других материальных ценностей[3]. Планировалось вложить в сельское хозяйство 19,9 млрд руб. государственных средств. Фактически же государство вложило средств на 5,2 млрд руб. больше[4].

Большое значение для дальнейшего укрепления колхозов имело постановление СМ СССР и ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», принятое 19 сентября 1946 г. В постановлении отмечалось, что в некоторых колхозах имело место раздувание штатов управленческого и обслуживающего персонала, встречались случаи неправильного распределения и начисления трудодней, что приводило к обесценению трудодня, расхищения

---

[1] Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 14.

[2] Там же. С. 10.

[3] См.: *Воркунов С.А.* Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР. М., 1980, С. 147.

[4] См.: История социалистической экономики СССР. Т. 6. С. 111.

общественных земель колхозов, незаконного увеличения приусадебных участков колхозников, самочинного захвата колхозных земель различными организациями и лицами под видом создания на этих землях подсобных хозяйств и огородов рабочих и служащих. Партия и правительство осудили растаскивание колхозной собственности со стороны некоторых районных и других партийно-советских работников, а также безответственное отношение к расчетам с колхозами со стороны ряда государственных и других организаций. Особое внимание обращалось на необходимость соблюдения норм внутриколхозной демократии, нарушения которой выражались в том, что нередко не собирались общие собрания колхозников, правление и председатели колхозов не отчитывались о своей деятельности перед колхозниками. В постановлении намечались действенные меры по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели и по предотвращению подобных нарушений в будущем. Было решено создать при правительстве СССР Совет по делам колхозов, в функции которого должны были входить контроль за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели и разрешение вопросов колхозного строительства.

На состоявшемся в феврале 1947 г. Пленуме ЦК ВКП (б) был рассмотрен вопрос «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». На Пленуме подчеркивалась необходимость усиления борьбы с явлениями, наносящими вред колхозному строю, была подвергнута критике уравниловка в оплате труда колхозников. Было принято решение об организации системы подготовки и переподготовки кадров для сельского хозяйства. Первостепенное внимание уделялось обеспечению колхозов и совхозов тракторами, автомашинами и другой сельскохозяйственной техникой, а также удобрениями. В соответствии с решениями Пленума были приняты решения об увеличении производства тракторов на Сталинградском и Харьковском, Алтайском и Владимирском тракторных заводах. К концу пятилетки в строй действующих вступил Минский тракторный завод. На село стали поставляться самоходные зерновые комбайны, самоходные косилки, дизельные тракторы. За годы четвертой пятилетки колхозам и совхозам было поставлено 536 тыс. тракторов в переводе на 15-сильные, 93 тыс. зерновых комбайнов. В 1950 г. по сравнению с 1940 г., сельскому хозяйству было поставлено тракторов в 4 раза больше, комбайнов — в 3,8 раза, тракторных плугов — в 4 раза, тракторных сеялок — в 6 раз[1]. В соответствии с решениями Пленума промышленные предприятия поставили МТС большое количество металлорежущих станков.

В годы четвертой пятилетки была решена проблема коллективизации сельского хозяйства в республиках Прибалтики, на территории Западной

[1] См.: *Воркунов С.А.* Указ. соч. С. 149.

Украины и Западной Белоруссии, в Молдавии. 21 марта 1947 г. ЦК ВКП (б) принял постановление о коллективизации сельского хозяйства в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. В постановлении подчеркивалось, что коллективные хозяйства следует создавать «на основе полной добровольности». Обращалось серьезное внимание на укрепление материально-технической базы колхозов. Министерству сельского хозяйства СССР было дано указание выделить во II и III кварталах 1947 г. дополнительно к плану для прибалтийских республик 250 тракторов. В постановлении указывалось, что «организуемые колхозы должны быть образцовыми, примерными хозяйствами, способными на деле показать преимущества и выгоды коллективного хозяйства, и тем самым пропагандировать идею коллективизации в крестьянских массах»[1]. В ходе коллективизации земли и имущество бывших помещиков и кулаков были конфискованы и переданы крестьянам. В Латвии было организовано около 4 тыс. колхозов, в Литве — 4,1 тыс., в Молдавии — 1743 колхоза[2].

В конце четвертой пятилетки по инициативе коммунистической партии было проведено укрупнение колхозов. В результате число колхозов уменьшилось с 236,9 тыс. до 121,4 тыс. в конце 1950 г. Это мероприятие позволило укрепить колхозы в организационном отношении, сократить расходы на управленческий и обслуживающий персонал, создать благоприятные условия для развития в колхозах многоотраслевого хозяйства, хорошо оснащенного современной техникой.

Восстановление сельского хозяйства происходило в сложных условиях. В 1946 г. основные хлебные районы страны (Украину, правобережные районы Нижнего Поволжья и др.) охватила страшная засуха. Неблагоприятные природно-климатические условия были и в 1949 г. К концу четвертой пятилетки уменьшилась численность колхозного населения, поскольку потребности в рабочей силе для промышленности удовлетворялись за счет вербовки в колхозах, а также путем набора колхозной молодежи в школы системы трудовых резервов. Сказывалось негативное влияние низких заготовительных и закупочных цен. Нередко хозяйства не только не могли осуществлять расширенное воспроизводство, но и не возмещали своих затрат. Недостатки в системе заготовок сельскохозяйственной продукции мешали дальнейшему росту производства, ибо передовые колхозы не имели стимулов для развития своего хозяйства и увеличения продукции. Колхозники платили неоправданно большие налоги на личное подсобное хозяйство, что сдерживало его развитие и имело следствием уменьшение поголовья скота в личном пользовании, уменьшение площади под садами, виноградниками и т.д.

---

[1] Сборник документов по истории СССР. Вып. 5. С. 53–54.

[2] См.: *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. II. С. 530–531.

Несмотря на сложности, сельское хозяйство нашей страны успешно восстанавливалось и развивалось. Большое значение в подъеме сельскохозяйственного производства имело социалистическое соревнование тружеников села. Так, в 1946 г. по инициативе механизаторов Донецкой области и тружеников колхозов Краснодарского края началось социалистическое соревнование за выполнение заданий IV пятилетки. В 1947 г. по инициативе тружеников села Алая началось социалистическое соревнование в честь 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции. К 1950 г. был в основном ликвидирован ущерб, нанесенный войной сельскому хозяйству. В 1950 г. был достигнут довоенный (1940 г.) объем валовой продукции сельского хозяйства. Были полностью восстановлены и даже увеличены основные производственные фонды колхозов и совхозов. Существенно увеличились государственные закупки хлопка-сырца и сахарной свеклы. Удалось превзойти довоенный уровень по производству мяса и молока. Однако в целом задания IV пятилетнего плана в области сельского хозяйства были недовыполнены. Так, посевные площади к 1950 г. не достигли довоенного уровня. Меньше, чем в 1940 г., было произведено зерна, картофеля, овощей, льна, а также подсолнечника. Промышленности не хватало сельскохозяйственного сырья. Имели место перебои в снабжении населения продовольствием.

В годы четвертой пятилетки был восстановлен и получил дальнейшее развитие транспорт. Уже в 1948 г. грузооборот железных дорог превзошел уровень 1940 г. В 1950 г. грузооборот железнодорожного транспорта составил 602,3 млрд тонно-километров, что в 1,4 раза превышало соответствующий показатель 1940 г.[1] Эксплуатационная длина железных дорог Министерства путей сообщения возросла с 106,1 тыс. км до 116,9 тыс. км.[2] Новые железные дороги строились в районах Севера, Сибири, Средней Азии и Казахстана. Особенно большое значение имело строительство Южно-Сибирской магистрали (Акмолинск — Барнаул), Печорские дороги и железные дороги Моинты — Чу, которая соединила Карагандинский угольный бассейн со Средней Азией. В целом объем нового железнодорожного строительства в годы послевоенной пятилетки был меньшим, чем период Великой Отечественной войны, так как большие капиталовложения приходилось направлять на восстановление основных фондов транспорта. Кроме того, большое внимание уделялось развитию других видов транспорта (речного, трубопроводного, воздушного и др.). Важное значение придавалось электрифицированных железных дорог составляла 1,9 тыс. км, то в 1950 г. — 3,0 тыс. км[3]. На железных дорогах стали использоваться новые локомотивы большой мощности, четырех-

[1] Народное хозяйство СССР за 60 лет... С. 389.

[2] Там же. С. 391.

[3] Там же.

осные вагоны, получила более широкое распространение тепловозная тяга. На долю железнодорожного транспорта приходилась основная часть всего грузооборота. Так, в 1950 г. грузооборот всех видов транспорта составил 713,3 млрд т-км, а железнодорожного — 602,3 млрд т-км[1].

Были восстановлены и успешно развивались морской и речной транспорт. Северный морской путь приобрел важное народнохозяйственное значение. В морском флоте стали использоваться теплоходы и дизель-электроходы. Вновь стали функционировать Беломорско-Балтийский канал и Днепро-Бугский водный путь. Были обновлены основные фонды речного флота.

Возросла роль автомобильного, авиационного и трубопроводного транспорта. Была построена магистраль Москва — Симферополь, а также сдано в эксплуатацию большое количество дорог местного и областного значения. Характерной чертой развития автомобильного транспорта в годы четвертой пятилетки являлось строительство дорог с твердым покрытием. Урало-Волжский район стал районом строительства важнейших трубопроводов. Были построены такие нефтепроводы, как Туймазы — Уфа, Туймазы — Бугуруслан, Ромашкино — Клявлино, Бавлы — Бугуруслан. В 1948 г. началось строительство крупного нефтепродуктопровода Уфа — Омск. В связи с разработкой нефтяных месторождений в Средней Азии развернулось строительство нефтепроводов и в том районе. В годы четвертой пятилетки нефтепроводы имели внутрирайонное значение, в то время как нефтепродуктопроводы представляли собой межрайонные магистрали. В этот период в СССР зародился газопроводный транспорт. Были сооружены как газопроводы внутрирайонного значения, так и магистральные газопроводы. Особо большое значение имело завершение строительства таких магистральных газопроводов, как Саратов — Москва, Дашава — Киев, Кохтла-Ярве — Ленинград, Похвистнево — Бугуруслан. Быстро развивался воздушный транспорт. В 1950 г. протяженность регулярных воздушных маршрутов более чем в 2 раза превышала длину воздушных трасс 1940 г.[2] Был значительно обновлен самолетный парк. На воздушных маршрутах появился новый советский самолет Ил-12.

В годы четвертой пятилетки были ликвидированы последствия войны в сфере денежного обращения, окрепла советская финансовая система, получила дальнейшее развитие внутренняя торговля. В этом отношении особенно большое значение имела денежная реформа, проведенная в 1947 г. В постановлении СМ СССР и ЦК ВКП(б) о проведении денежной реформы и об отмене карточек на продовольственные и промышленные товары от 14 декабря 1947 г. отмечалось, что к концу Великой

---

[1] Народное хозяйство СССР за 60 лет. С. 389.

[2] См.: История социалистической экономики СССР. Т. 6... С. 138.

Отечественной войны в каналах денежного обращения находилось значительно больше денег, чем было нужно для народного хозяйства. Это было связано прежде всего с большими расходами Советского государства на содержание армии и развертывание военной промышленности в период войны. В то же время значительно сократилось производство товаров народного потребления. Кроме того, денежное обращение было засорено в результате выпуска немецко-фашистскими и другими оккупантами большого количества фальшивых денег в рублях. Большие суммы денег в годы войны были накоплены разного рода спекулятивными элементами. Все это приводило к дестабилизации системы денежного обращения, подрывало покупательную способность рубля, облегчало спекуляцию. Наличие излишней денежной массы мешало отмене карточной системы снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, так как спекулятивные элементы могли бы скупать товары после отмены карточек.

В целях стабилизации советской системы денежного обращения и обеспечения перехода к развернутой советской торговле продовольственными и промышленными товарами с 16 декабря 1947 г. выпускались в обращение новые деньги образца 1947 г. Все наличные деньги обменивались на новые, за исключением разменной монеты, которая оставалась в обращении по номиналу. Обмен находившихся на руках наличных денег производился с ограничением (за 10 руб. старых денег можно было получить при обмене 1 руб. денег нового образца). На более льготных условиях производился обмен денежных вкладов в сберегательных кассах и Госбанке. Вклады до 3000 руб. переоценивались рубль за рубль, вклады от 3000 руб. до 10 000 руб. — в соотношении 3:2, а свыше 10 000 руб. — в соотношении 2:1. Денежные средства колхозов и других кооперативных организаций, находившиеся на текущих и расчетных счетах, переоценивались в соотношении 5:4. В постановлении СМ СССР и ЦК ВКП (б) подчеркивалось, что «вклады, принадлежащие подавляющему большинству вкладчиков, сохраняются в прежней сумме».

Была проведена также конверсия всех ранее выпущенных займов (за исключением размещавшегося по подписке займа 1947 г.). Обмен облигаций производится в соотношении 3 руб. в облигациях старых займов на 1 руб. в облигациях нового единого займа (2%-ного займа 1948 г.). Государство стремилось всемерно оградить денежные средства населения, представленные на общенародные нужды в годы войны. Однако приходилось учитывать и то, что погашение государственного долга должно было осуществляться полноценными деньгами. Заработная плата рабочих и служащих выплачивалась в новых деньгах в прежних размерах. Реформа 1947 г. не затрагивала и доходы колхозников, а также другие трудовые доходы населения. Прежде всего она ударила по спекулятивным элементам, державшим большие количества денег в «кубышках».

Потери трудящихся, связанные с обменом денег, были кратковременны и незначительны и были компенсированы в результате снижения цен на товары народного потребления.

Одновременно с денежной реформой с 16 декабря 1947 г. отменялась карточная система снабжения населения продовольственными и промышленными товарами и осуществлялся переход к торговле по единым розничным государственным ценам. Розничные цены на хлеб и муку были снижены на 12% по сравнению с пайковыми ценами, на крупу и макароны — на 10% против пайковых цен. Цены на мясо, рыбу, жиры, сахар, кондитерские изделия, соль, картофель и овощи сохранялись на уровне пайковых цен. Единые государственные розничные цены на молоко, яйца, чай и фрукты устанавливались «применительно к уровню действующих пайковых цен на основные продовольственные товары»[1]. Слишком высокие коммерческие цены и слишком низкие пайковые цены на эти продукты отменялись. Новые цены на промышленные товары народного потребления (на ткани, одежду, обувь и т.д.) были в 3,2 раза ниже коммерческих цен и несколько выше слишком низких цен нормированного снабжения. Снижение цен на промышленные и продовольственные товары народного потребления в годы четвертой пятилетки осуществлялось 3 раза и дало населению выигрыш в 267 млрд руб.[2] После 1 марта 1950 г. уровень цен на продовольственные товары составлял 53%, а на непродовольственные — 65% от уровня государственных розничных цен на соответствующие виды товаров в IV квартале 1947 г.[3]

Стабилизация денежного обращения, отмена карточной системы и значительное снижение цен на товары массового потребления привели к повышению покупательной способности рубля и его курса в отношении иностранных валют. В то же время происходило обесценивание западноевропейских валют и доллара США. Поэтому покупательная способность рубля стала выше его официального курса. В соответствии с постановлением СМ СССР от 28 февраля 1950 г. устанавливалось золотое содержание рубля в 0,222168 г чистого золота. С 1 марта 1950 г. курс рубля по отношению к иностранным валютам определялся не на основе доллара, а исходя из золотого содержания рубля (4 руб. за 1 доллар США, 11 руб. 20 коп. за 1 фунт стерлингов)[4]. Госбанку СССР было представлено право устанавливать в дальнейшем курс рубля по отношению к иностранным валютам с учетом изменения их золотого содержания или курсов.

---

[1] Сборник документов по истории СССР. Вып. 5... С. 60.

[2] См.: История социалистической экономики СССР. Т. 6... С. 163.

[3] См.: *Подколзин А.М.* История развития экономики СССР. М., 1968. С. 301.

[4] Курс рубля на базе доллара определялся с июля 1937 г. до 1 марта 1950 г. 1 американский доллар соответствовал 5 руб. 30 коп., а 1 фунт стерлингов — 14 руб. 84 коп.

О значительном укреплении советских финансов свидетельствовал тот факт, что уже в 1946 г. доходы государственного бюджета превышали расходы, т.е. он имел активное сальдо. Основным источником доходов бюджета являлся налог с оборота. В годы послевоенной пятилетки значительно снизилась доля доходов от налогов с населения. Так, в 1950 г. общая величина доходов госбюджета составила 422,1 млрд руб., в том числе поступления от налога с оборота составили 236,1 млрд руб., отчисления от прибылей — 40,4 млрд руб., поступления в виде налогов с населения — 35,8 млрд руб., от государственных займов — 31,0 млрд руб.[1] С окончанием Великой Отечественной войны значительно уменьшилась доля расходов на военные нужды и увеличилась доля затрат на нужды народного хозяйства и на социально-культурные мероприятия. В 1950 г. общая сумма расходов госбюджета составила 412,7 млрд руб., в том числе затраты на народное хозяйство — 157,3 млрд руб., на социально-культурные мероприятия — 116,8 млрд руб., на нужды армии и флота — 82,9 млрд руб., на содержание органов государственного управления — 13,8 млрд руб.[2]

В результате выполнения четвертого пятилетнего плана существенно повысился уровень жизни советских людей. В 1950 г. национальный доход превысил (в сопоставимых ценах) уровень 1940 г. на 64% (что было больше плановых заданий)[3]. Большое значение имели повышение покупательной способности рубля и неоднократное снижение розничных цен. Физический объем розничного товарооборота в 1940–1950 гг. возрос на 10%. Было построено большое количество новых магазинов, столовых, кафе, ресторанов и т.д. Лучше стали удовлетворяться потребности советских людей в продовольствии и промышленных товарах. В магазинах появились товары, которых не было до войны или же которые поступали в крайне ограниченных количествах (телевизоры, холодильники, стиральные машины и т.д.).

В годы четвертой пятилетки партия и правительство уделяли большое внимание развитию системы управления и методов социалистического хозяйствования. Были расширены функции Совета Министров СССР, Госплана, а также права министерств и союзных республик в области хозяйственного управления и планирования. Усилилась централизация планирования, что определялось задачами восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. Возросло значение годового планирования. Государственная плановая комиссия была реорганизована в Государственный плановый комитет СМ СССР. Были созданы новые

---

[1] См.: *Дьяченко В.П.* Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М., 1974. С. 375.

[2] См.: Там же. С. 372.

[3] См.: История социалистической экономики СССР. Т. 6. С. 165.

органы — Государственный комитет по снабжению народного хозяйства СМ СССР (Госснаб СССР) и Государственный комитет по внедрению новой техники в народное хозяйство СМ СССР (Гостехника СССР). Важное значение придавалось совершенствованию методов планирования (в частности, балансового метода), нормативной базы планирования, контролю за выполнением народнохозяйственных планов (с использованием аппарата уполномоченных Госплана).

Оптовые цены на промышленную продукцию, установленные в 1939–1940 гг., в целом ряде случаев не покрывали издержек производства, так как себестоимость продукции за годы войны возросла (прежде всего в результате повышения заработной платы). Государство было вынуждено давать дотации промышленным предприятиям. В целях ликвидации системы дотаций и создания стимулов к борьбе за снижение себестоимости промышленной продукции с 1 января 1949 г. были введены новые оптовые цены. Они устанавливались на уровне плановой себестоимости. Оптовые цены были повышены в среднем в 1,5 раза[1]. В результате установления новых оптовых цен (без изменения розничных) удалось значительно повысить рентабельность промышленных предприятий и сильно уменьшить величину государственных дотаций. В годы Великой Отечественной войны имела место множественность цен. Одним из основных принципов проведенной реформы цен было установление единых оптовых цен на одинаковую продукцию. По мере снижения себестоимости снижались и оптовые цены. Так, в 1950 г. было проведено снижение цен на продукцию тяжелой промышленности и тарифов на грузовые перевозки.

Больше прибыли стало оставаться в распоряжении промышленных предприятий. В 1945 г. был восстановлен фонд директора, в который отчислялось 2–4% от плановой прибыли (экономии от снижения себестоимости) и 25–50% от сверхплановой прибыли (экономия от снижения себестоимости). Средства фонда директора могли расходоваться на жилищное строительство, расширение производства, на индивидуальное премирование и т.д. При премировании руководящих и инженерно-технических работников учитывалось не только выполнение плана по валовой и товарной продукции, по установленному ассортименту, но и по снижению себестоимости. Большое внимание уделялось выполнению договоров о кооперированных поставках. В соответствии с постановлением СМ СССР от 21 апреля 1949 г. между ведомствами и предприятиями в обязательном порядке должны были заключаться хозяйственные договоры. Дальнейшее развитие получил внутризаводской хозрасчет (в частности, бригадно-индивидуальный хозрасчет).

---

[1] См.: История социалистической экономики СССР. Т. 6. С. 26.

После Второй мировой войны в результате победы народно-демократических и социалистических революций в целом ряде стран возникла мировая система социализма. Стала развиваться и ее материальная основа — мировая социалистическая система хозяйства.

В январе 1949 г. на Экономическом совещании представителей Болгарии, Румынии, Польши, Венгрии, Чехословакии и СССР было принято решение о создании Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Это имело огромное значение для укрепления и развития всестороннего сотрудничества братских социалистических стран.

Основной формой внешнеэкономических отношений СССР с социалистическими странами являлась внешняя торговля. Первоначально она осуществлялась на основе равноправных годичных торговых договоров и соглашений. В 1944–1945 гг. были подписаны первые торговые соглашения с Польшей, Югославией, Венгрией, Румынией. В 1946 г. было подписано торговое соглашение с Чехословакией. Вскоре были созданы соответствующие предпосылки и возникла объективная необходимость ведения торговли на долгосрочной основе. Так, были подписаны долгосрочные соглашения о взаимных поставках товаров с Польшей и Чехословакией на 1948–1952 гг. В 1946–1950 гг. объем внешней торговли СССР с социалистическими странами возрос в 3,4 раза. В 1950 г. на их долю приходилось 81% внешнеторгового оборота СССР[1]. Особенно успешно развивались внешнеэкономические связи СССР с европейскими социалистическими странами. Из СССР они получали машины, оборудование, зерно, другие виды продовольствия, промышленное сырье, топливо. Европейские социалистические страны поставляли в СССР главным образом готовую продукцию, а также некоторые полуфабрикаты и продовольствие. Торговля СССР с капиталистическими странами в 1946–1950 гг. резко сократилась, так как они вступили на путь холодной войны и создания агрессивных военных блоков, проводили дискриминационную торгово-экономическую политику в отношении СССР и братских социалистических стран.

Большое значение имели и другие формы внешнеэкономических связей СССР с другими социалистическими странами. Так, в 1947 г. наша страна предоставила золотой заем Польше. СССР предоставлял братским странам кредиты на льготных условиях для оплаты поставок машин, оборудования, сырья, материалов и услуг по техническому содействию. Так, в 1948 г. был предоставлен кредит Польше на сумму 450 млн долл. для оплаты поставок из СССР промышленного оборудования. В 1950 г. кредит на сумму 300 млн долл. был предоставлен КНР (на срок 10 лет из расчета 1% годовых). СССР оказывал социалистическим странам техническое содействие в строительстве промышленных

[1] См.: История социалистической экономики СССР. Т. 6... С. 206.

предприятий, помогал в подготовке специалистов. Успешно развивалось научно-техническое сотрудничество. В соответствии с принципами, выработанными на II Сессии СЭВ (1949 г.), СССР безвозмездно передавал братским государствам проектно-техническую документацию и лицензии. Сотрудничество СССР с восточноевропейскими социалистическими странами осуществлялось также по линии создания двусторонних смешанных обществ (просуществовали до начала 1950-х гг.). Таким образом, в 1946–1950 гг. сложились основные формы внешнеэкономического сотрудничества СССР с другими странами социалистического содружества.

Вопросы для обсуждения

- Каковы основные показатели и задачи четвертого пятилетнего плана?
- Назовите несколько крупных новостроек четвертой пятилетки.
- Кризисные явления в экономике ГУЛАГа.
- Можно ли утверждать, что денежная реформа 1947 г. была успешной?
- Каковы были предпосылки и последствия перевода рубля на золотую основу?
- Репарации с Германии и их роль в финансировании послевоенного восстановления экономики СССР.
- Охарактеризуйте результаты восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства СССР в годы четвертой пятилетки.

Литература

1. *Ванюков Д.А.*, *Гнусарьков А.А.* Великая Отечественная война. М., 2007.
2. *Верт Н.* История Советского государства. 1900—1991 / Пер. с франц. М., 1992.
3. *Гловели Г.Д.* Экономическая история. Т. 2. М., 2017.
4. *Дроздов В.В.* Современная зарубежная историография советской экономики в 1940-е гг. М., 1998.
5. *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945—1964 гг. М., 1993.
6. История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980.
7. *Попов В.П.* Экономическая политика советского государства. 1946—1953 гг. Тамбов, 2000.
8. *Сахаров А. Н.* и др. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
9. *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Новосибирск, 2008.
10. The Impact of World War II on the Soviet Union / Ed. *by S.J.* Linz. Totowa, 1985.
11. *Nove A.* An economic history of *the U.*S.S.R. L., 1992.

ЛЕКЦИЯ 16

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СССР В 1950-е — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

В.В. Дроздов

Общая характеристика периода

После смерти И.В. Сталина (5 марта 1953 г.) руководство страной оказалось в руках Г.М. Маленкова, занявшего пост председателя Совета Министров СССР, и Л.П. Берии, назначенного первым заместителем председателя Совета Министров СССР и министром внутренних дел СССР.

Сложная борьба за лидерство, продолжавшаяся пять лет, привела к власти новое руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым, занимавшего посты первого секретаря ЦК КПСС (1953–1964) и председателя Совета Министров СССР (1958–1964). В 1957 г. после поражения «антипартийной группы» он сформировал собственную команду руководителей (Г.К. Жуков, А.Н. Косыгин, Н.А. Подгорный, Л.И. Брежнев, А.А. Громыко, А.И. Микоян, В.Е. Семичастный, А.Н. Шелепин), заметно потеснивших ключевых сторонников И.В. Сталина.

В эпоху Хрущева произошли кардинальные перемены в политической и социально-экономической жизни страны, а также в международной политике. Безусловно, «оттепель» носила ограниченный характер. Однако критика культа личности И.В. Сталина, прекращение политических репрессий, восстановление в правах и возвращение на свои территории репрессированных народов (чеченцев, ингушей, крымских татар и др.), демократизация отношений в партии, раскрепощение духовной атмосферы внутри страны придавали социализму более гуманный облик. В СССР стали соблюдаться основные права и свободы личности, исчезла атмосфера страха, более открытым и непосредственным стал стиль общения власти с народом, стало наполняться реальным содержанием право людей на свободное выражение своих мыслей.

В целом развитие советской экономики в 1950-е — первой половине 1960-х гг. было успешным. Значительно выросла выработка продукции,

повысилась эффективность использования основных фондов, увеличились внутрихозяйственные накопления, несколько сократились расходы на оборону, появилась возможность полноценного финансирования непроизводственной сферы и социальных программ. В 1960 г. численность городского населения превысила численность сельского, что расширяло возможности реализации в СССР урбанистических стандартов цивилизации.

Важнейшей основой советской экономической системы в 1950-е — первой половине 1960-х гг. оставалось директивное централизованное планирование. Основой народнохозяйственного планирования оставалось среднесрочное планирование (1951–1955 гг. — пятая пятилетка, 1956–1960 гг. — шестая пятилетка, 1959–1965 гг. — семилетка).

На XXI съезде КПСС был сделан вывод (как оказалось, преждевременный) о полной и окончательной победе социализма в СССР и провозглашен лозунг о переходе к строительству коммунизма. Идея «мирного экономического соревнования с капитализмом», сформулированная на XX съезде, на XXI съезде воплотилась в нереальном лозунге «Догнать и перегнать Америку» по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения и обеспечения в СССР в обозримом будущем самого высокого уровня жизни. На XXII съезде партии (1961) была принята ее третья программа — программа коммунистического строительства.

Новая международная политика позволила улучшить отношения с зарубежными странами. В 1953 г. закончился продолжавшийся более трех лет военный конфликт в Корее, в котором Советский Союз участвовал на стороне Северной Кореи. СССР объявил об отказе от территориальных претензий к Турции. В 1953 г. были восстановлены дипломатические отношения с Югославией и Грецией. В 1959 г. состоялся первый в истории визит главы советского правительства в США и в Китай. В США Н.С. Хрущев встретился с президентом Д. Эйзенхауэром, в КНР — с Мао Цзэдуном. Была обеспечена безопасность СССР — 12 августа 1953 г. в Советском Союзе была успешно испытана водородная бомба.

В то же время в 1950-е — первой половине 1960-х гг. имели место и серьезные осложнения международной обстановки. В 1956 г. Советскому Союзу пришлось ввести свои войска в Венгрию, где началось антисоветское и антисоциалистическое восстание. В 1961 г. была возведена Берлинская стена, ставшая символом холодной войны между Востоком и Западом. В 1962 г. имел место Карибский кризис, который мог привести к прямому военному столкновению между СССР и США.

Преобразования, начатые Л.П. Берией

На второй день после смерти И.В. Сталина Л.П. Берия, стремясь предстать перед обществом борцом против злоупотреблений власти и уйти от ответственности за массовые репрессии, начал демонтаж

наиболее одиозных элементов политической и социально-экономической системы, сложившейся в СССР к 1950-м гг. По его указанию были прекращены незаконные политические процессы («дело врачей», «авиационное дело» и др.), проведена амнистия в соответствии с указом от 27 марта 1953 г., распространявшаяся на более чем 1,2 млн человек из 2,5 млн осужденных. Л.П. Берия предложил прекратить или заморозить строительство капитальных объектов общей сметной стоимостью 49,2 млрд руб. (при общей стоимости объектов капитального строительства, выполнявшегося силами ГУЛАГа, около 105 млрд руб.). Среди этих объектов, признанных ненужными, были главный туркменский канал, самотечный канал Волга — Урал, Волго-Балтийский водный путь, ряд железных и автомобильных дорог, тоннелей. Это означало начало ликвидации наиболее зловещей структуры — ГУЛАГа. Незадолго до своего ареста Л.П. Берия внес в правительство предложение ликвидировать ГУЛАГ ввиду его экономической неэффективности и бесперспективности. Вектором реформ, намечавшихся Л.П. Берией, была деидеологизация экономики и, в частности, расширение полномочий государственных органов за счет органов партийных, а также реформирование колхозного строя. После ареста Л.П. Берии (июнь 1953 г.) преобразования продолжились и заметно изменили многие стороны жизни советского общества.

«Курс Маленкова»

Экономическая политика Г.М. Маленкова, занимавшего пост председателя Совета Министров СССР в период с марта 1953 г. по февраль 1955 г., учитывала те экономические реалии, которые сложились в СССР в начале 1950-х гг.

В последние годы жизни И.В. Сталина сельское хозяйство находилось в тяжелом состоянии. Валовая продукция сельского хозяйства в 1950 г. превысила уровень 1913 г. в 1,4 раза, однако урожайность зерновых составляла всего лишь 7,2 ц/га (в 1913 г. — 8,2 ц/га). Между тем численность населения за этот период выросла с 159,2 (1913 г.) до 181,6 млн человек (1951 г.). В 1953 г. из-за плохого урожая в стране возникла критическая ситуация с продовольствием.

Жизнь в деревне была очень тяжелой. Стало массовым бегство населения из деревни, несмотря на наличие в городах паспортного режима. В 1949–1953 гг. количество трудоспособных колхозников (без учета западных областей) уменьшилось на 3,3 млн человек.

Новое партийно-государственное руководство страны понимало необходимость скорейшего оздоровления социально-экономической обстановки в деревне. Особенно большое недовольство сельского населения вызывали непомерное налоговое бремя, возложенное на крестьянство в последние годы жизни И.В. Сталина, и низкая оплата труда.

В августе 1953 г. Г.М. Маленков выступил со своей экономической программой на сессии Верховного Совета СССР. Он призвал к смене ориентиров во внутренней политике и к повороту экономики «лицом к людям». Г.М. Маленков предложил изменить соотношение темпов роста легкой и тяжелой промышленности в пользу легкой промышленности, разработать социальные программы жилищного строительства, здравоохранения и торговли. В докладе Г.М. Маленкова содержалось предложение снизить сельскохозяйственный налог в 2 раза, списать с крестьян недоимки прошлых лет, изменить систему налогообложения крестьянских хозяйств, действовавшую с 1930 г. Через месяц такие же предложения сформулировал Н.С. Хрущев в речи на Пленуме ЦК КПСС.

Верховный Совет СССР согласился с предложениями Г.М. Маленкова по изменению политики по отношению к крестьянству. На этой же сессии был принят новый закон о сельскохозяйственном налоге. Раньше сельхозналог взимался с крестьянского хозяйства по прогрессивным ставкам по отдельным видам продукции независимо от доходов хозяйства, что ставило в невыгодное положение наиболее продуктивные крестьянские дворы. Если раньше величина налога с крестьянского двора зависела от наличия собственности (от количества коров, овец, яблонь и т.д.) без учета получаемой продукции, то по закону от 1 июля 1953 г. вводились твердые ставки налога с 1 га приусадебного участка. В результате этой реформы, существенно облегчившей положение советского крестьянства, общая сумма сельскохозяйственного налога снизилась с 9,5 млрд руб. в 1952 г. до 4,1 млрд руб. в 1954 г. У крестьян появились стимулы к увеличению продукции своих хозяйств. Имя Маленкова стало очень популярным среди крестьян.

Г.М. Маленков продолжил начатый при И.В. Сталине и поддержанный Л.П. Берией курс на расширение полномочий государственных органов за счет органов партийных.

Одним из пунктов программы Г.М. Маленкова была борьба с привилегиями и бюрократизмом партийного и государственного аппарата и взяточничеством. В мае 1953 г. были отменены «конверты» — главная привилегия партноменклатуры. Так назывались денежные доплаты, которые еще до войны были введены правительством для партаппаратчиков, начиная от ЦК до райкомов партии. Это были как минимум три дополнительные зарплаты, не облагавшиеся налогом. Одновременно были повышены зарплаты работникам советского аппарата. В результате председатель облисполкома стал получать больше, чем первый секретарь обкома, в то время как раньше зарплата первого была в 4–5 раз меньше, чем второго. Одобрение парт- и госчиновников вызвала нормализация рабочего времени, объявленная 25 августа 1953 г. Если раньше они были вынуждены оставаться в своих кабинетах по ночам, поскольку в это время работал И.В. Сталин, то теперь необходимость в этом отпала.

Некоторые меры Г.М. Маленкова были популистскими. Так, 1 апреля 1953 г. были снижены цены на мясо на 15%, хотя его не хватало, на картофель и овощи — на 50%. Результатом стало появление очередей на многие товары. Г.М. Маленков добился сокращения расходов на вооруженные силы в бюджете 1953 г., что вызвало недовольство в армии. В 1954 г. было проведено очередное снижение потребительских цен (главным образом на промышленные товары), что привело к дальнейшей разбалансировке товарооборота. Популистской мерой было и резкое сокращение продаж облигаций государственных займов. При росте заработной платы это привело к увеличению количества денег у населения и к еще большему разрыву между количеством потребительских товаров и спросом.

Политика Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства

В 1953 г. была провозглашена «новая аграрная политика партии». Она стала возможной благодаря тому, что возобладал трезвый подход к оценке состояния советского сельского хозяйства. И.В. Сталин считал, что в стране имеет место колоссальный рост сельскохозяйственного производства. Г.М. Маленков на XIX съезде партии заявил, что зерновая проблема в Советском Союзе решена окончательно и бесповоротно. Впоследствии на декабрьском (1958) Пленуме ЦК КПСС этот тезис будет назван «обманом партии и народа».

7 сентября 1953 г. было принято постановление Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», в котором была дана критическая оценка положения дел в сельском хозяйстве. Пленум констатировал, что «уровень производства сельскохозяйственных продуктов не удовлетворяет в полной мере растущих потребностей населения в продуктах питания, а легкую и пищевую промышленность — в сырье...». В Постановлении указывалось, что урожаи сельскохозяйственных культур остаются низкими, причем «особенно неблагополучно обстоит дело с развитием животноводства». Главной причиной отставания сельского хозяйства было названо «нарушение... принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства...».

Ключевым моментом «новой аграрной политики» стало повышение государственных заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Заготовительные цены на скот и птицу, сдаваемые в счет госпоставок, по решению пленума были повышены более чем в 5,5 раза, на молоко и мясо — в 2 раза, на картофель — в 2,5 раза, на овощи в среднем на 25–40%. Повышение закупочных цен на мясо составило в среднем 30%, на молоко — 1,5 раза.

В 1955 и 1958 гг. были проведены новые повышения цен. По постановлению июньского (1958) Пленума ЦК КПСС на продукцию колхо-

зов были установлены единые закупочные цены, дифференцированные по зонам страны с учетом себестоимости и отменена натуральная оплата за работы, выполняемые машинно-тракторными, ремонтно-техническими и специализированными станциями в колхозах.

В 1952–1959 гг. средние государственные заготовительные и закупочные цены выросли в 3 раза, в том числе на продукцию растениеводства более чем в 2 раза, на продукцию растениеводства — в 5,6 раза. Особенно значительным было увеличение цен на продукцию животноводства, а также на подсолнечник, картофель и зерно (табл. 16.1).

Таблица 16.1

Фактические цены реализации продукции колхозов государству в 1952 и 1958 гг.

Вид продукции	1952 г.	1958 г.
Зерно	0,84	6,2
Картофель	0,53	4,1
Подсолнечник	1,92	14,8
Сахарная свекла	1,05	2,25
Хлопок-сырец	31,9	34,0
Молоко	2,8	11,3
Говядина	5,0	58,9
Свинина	7,0	79,7
Баранина	3,6	53,6
Шерсть	106,8	305,7
Яйцо (1000 шт.)	19,9	65,0

Источник: История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980. С. 410.

Важнейшим моментом «новой аграрной политики» было укрепление материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий и организаций. В деревню было направлено большое количество тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, стройматериалов. Колхозы были подключены к единой электрической системе. Доля капиталовложений в сельское хозяйство в 1951–1960 гг. составляла 18% от капиталовложений в экономику, причем половина от этой доли приходилась на капиталовложения колхозов. Несмотря на ограниченность этих ресурсов, в 1950-е гг. удалось значительно повысить энерговооруженность труда в сельском хозяйстве за счет механических двигателей (табл. 16.2).

Таблица 16.2

Энергетические мощности МТС и колхозов в 1950-е гг. (в млн л.с.)

Показатель	1950 г.	1954 г.	1957 г.	1958 г.
Все энергетические мощности на начало года	62,3	63,9	85,4	87,6
В том числе:				
механические двигатели	55,0	57,5	80,0	82,9
рабочий скот (в пересчете на механическую силу)	7,3	6,4	5,4	4,7

Источник: История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 225.

По рекомендации XX съезда КПСС в колхозах стало широко применяться ежемесячное денежное авансирование колхозников. Важным шагом стало введение гарантированного минимума оплаты труда на селе. Среднегодовой заработок колхозников в 1958 г. был на 82% больше, чем в 1953 г. Социальный статус колхозника стал заметно выше. Время, когда деревня была дойной коровой для государства, ушло в прошлое.

Одним из ключевых моментов аграрной политики Н.С. Хрущева стало освоение целинных и залежных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и Северного Кавказа. Оно проводилось на основании постановления Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем производстве зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель», принятого 2 марта 1954 г. Результаты «целинной эпопеи», сопровождавшейся широкой пропагандистской кампанией, были неоднозначными. По решению ЦК партии на целину были направлены свыше 30 тыс. партийных работников и более 120 тыс. специалистов. Уже к весне 1954 г. героическими усилиями первоцелинников, среди которых преобладала молодежь, было создано свыше 120 совхозов. В этот год с целинных земель было получено более 40% валового сбора зерновых, существенно выросло производство мяса и молока. За первые пять лет было введено в хозяйственный оборот 42 млн целинных и залежных земель. В 1953–1958 гг. прирост производства продукции сельского хозяйства составил 34% по сравнению с предыдущим пятилетием.

Однако очень скоро началось падение урожайности вследствие разрушения плодородного слоя при глубокой вспашке, усиления водопроницаемости земель, ветровой эрозии почвы. Эффективность производства на целинных землях снижалась из-за традиционной бесхозяйственности. Не хватало зернохранилищ, горючего и смазочных материалов. Себестоимость зерна, молока и мяса увеличивалась вследствие того, что в уборочную страду на целину приходилось направлять рабочих и сельскохозяйственную технику со всей страны. Тем не менее эффект от освоения целинных и залежных земель был. В 1954–1962 гг. практически

весь прирост государственных заготовок и закупок зерновых культур обеспечивался за счет целинного зерна.

Н.С. Хрущеву удалось преодолеть сопротивление чиновников и добиться изменения принципов планирования сельскохозяйственного производства. Примерный устав сельхозартели 1935 г., в соответствии с которым «артель принимает к точному исполнению: планы сева, подъема паров, междурядной обработки, уборки, молотьбы и зяблевой пахоты... а также государственный план развития животноводства», продолжал действовать. В то же время в 1953–1954 гг. Н.С. Хрущев стал проводить линию на преодоление бюрократического стиля руководства сельским хозяйством.

Было признано, что установление для сельскохозяйственных предприятий планов посевов по культурам, по количеству поголовья видов скота не является государственной необходимостью. В марте 1955 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР, в котором критиковалась чрезмерная централизация в управлении колхозами, совхозами и МТС. В соответствии с этим постановлением до сельскохозяйственных предприятий стали доводиться планы заготовок продукции полеводства и животноводства. В марте 1956 г. колхозы получили право изменять отдельные положения устава сельскохозяйственной артели с учетом местных условий. Колхозы получили возможность самостоятельно принимать решения, связанные с организацией производства и использованием ресурсов.

Одновременно шел процесс укрупнения колхозов, начавшийся в 1950 г. Его негативной стороной стало создание плохо управляемых хозяйств, в которые входили десятки деревень. Между тем с укрупнением колхозов связывались несбыточные надежды на создание мощных «колхозных союзов», способных ускорить социальное развитие деревни и формирование социалистических аспектов образа жизни. Таким образом, возрождался старый проект создания агрогородов, требовавший огромных средств, которых у колхозов не было. Заметный ущерб советскому сельскому хозяйству нанесла начавшаяся в 1958 г. политика ликвидации «неперспективных» деревень.

С осени 1954 г. проводился курс на превращение колхозов в совхозы. В 1956–1965 гг. в совхозы было преобразовано 20 912 колхозов. Считалось, что подобные преобразования обеспечат существенный рост сельскохозяйственного производства. Однако вскоре выяснилось, что многие совхозы, созданные на базе экономически слабых колхозов, работают с убытками, а некоторые даже сокращали производство.

В 1958 г. машинно-тракторные станции (МТС) были преобразованы в ремонтно-технические станции (РТС). Сельскохозяйственная техника была продана непосредственно колхозам. Это была одна из немногочисленных реформ Н.С. Хрущева, которые пережили его. Она означала

отказ от одного из важнейших принципов сталинской модели экономики, в соответствии с которым собственность на все важнейшие средства производства должна принадлежать государству.

Эта реформа оказалась скорее административной, чем экономической. Колхозы должны были покупать сельскохозяйственную технику, однако ни само государство, ни колхозы не были готовы к рыночным отношениям. Предполагалось, что на базе МТС будут созданы РТС для технического обслуживания и ремонта техники, принадлежащей колхозам. Однако во многих случаях МТС ликвидировались, а поиск запасных частей и ремонт техники должны были осуществляться силами самих колхозов. Многим колхозам был не под силу немедленный выкуп парка МТС. Специалисты МТС уезжали в города, так как колхозы не могли платить им зарплату на уровне, который могло себе позволить государство. Негативным моментом этой реформы стало также то, что колхозам по довольно высоким ценам продавалась техника с высокой степенью износа.

Несмотря на немалые трудности, развитие советского сельского хозяйства в 1953–1958 гг. в целом было успешным. За это время его продукция выросла в 1,5 раза. В 1954–1958 гг. производство зерна увеличилось на 40%, сахарной свеклы — на 68, мяса — на 41, молока — на 36, яиц — на 56%.

В конце 1950-х гг. и особенно после мартовского (1962) пленума ЦК КПСС усилился административный нажим на колхозы. Рецидивы прежней практики управления сельскохозяйственными предприятиями, в том числе государственное вмешательство в процесс планирования, стали возможными под давлением бюрократии, усматривавшей главную причину падения темпов роста сельскохозяйственного производства в ослаблении контроля над колхозами. В соответствии с решениями пленума создавались производственные колхозно-совхозные управления (КСУ). Новый слой бюрократов практически свел на нет прежнюю относительную хозяйственную самостоятельность колхозов и совхозов.

Большой ущерб сельскому хозяйству СССР нанесла «кукурузная кампания». Обосновывая необходимость расширения посевов этой культуры, Н.С. Хрущев ссылался на опыт Украины: в 1949 г., когда он возглавлял парторганизацию Украины, благодаря кукурузе удалось предотвратить голод в этой республике. В записке, направленной Н.С. Хрущевым в Президиум ЦК КПСС в январе 1954 г., в качестве главного аргумента в пользу возделывания кукурузы была высокая урожайность зерновых в США (более 17 ц/га), где удельный вес посевов кукурузы составлял 36% (в СССР — 3,6%).

Вопрос о расширении посевов кукурузы на государственном уровне был впервые поднят на февральско-мартовском (1954) Пленуме ЦК КПСС. Таким путем намеревались существенно пополнить ресурсы

зерна и обеспечить животноводство кормами. Решение о начале «кукурузной эпопеи» было принято на январском (1955) Пленуме ЦК КПСС. В сентябре 1956 г. на всесоюзном семинаре по кукурузе она была объявлена вторым хлебом в СССР. Ее стали называть «царицей полей», «чудесницей», «комсомольским хлебом» и т.п. Н.С. Хрущев пообещал сажать ее от Казахстана до Таймыра. В 1954 г. посевы кукурузы составляли 3,5 млн га. К 1960 г. их планировалось довести до 28 млн га, повысив урожайность за счет селекционных сортов до американского уровня (в СССР — 25–30 ц/га, в США — 26 ц/га).

Посещение в 1959 г. кукурузной фермы Росуэла Гарста в США (штат Айова) окончательно убедило советского лидера в необходимости ускоренного внедрения кукурузы в советское сельское хозяйство. Под ее посевы отводились лучшие земли, на которых раньше выращивали зерновые культуры, распахивали целину, занимали поля под паром. Одновременно проводилась шумная пропагандистская кампания, в которой расхваливались достоинства кукурузы. Эффективными признавались лишь те хозяйства, которые выращивали кукурузу. Одновременно проводилась кампания под выдвинутым в мае 1957 г. экономически необоснованным лозунгом «догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока на душу населения» (мяса — к 1960–1961 гг., молока — к 1958 г.).

Однако у большинства колхозов и совхозов не было опыта в возделывании кукурузы. Хорошие урожаи она давала лишь на Украине, в Молдавии и на Северном Кавказе. В большинстве регионов урожаи кукурузы были скромными. Посевы кукурузы должным образом не охранялись и уничтожались птицами. Возделывание кукурузы в Нечерноземье оказалось очень трудоемким, а корма из нее были в несколько раз дороже, чем из многолетних трав. В 1962 г. в нечерноземных и восточных областях практически весь урожай кукурузы погиб. Между тем к этому времени под посевами кукурузы было уже 37 млн га плодородных земель. Стало ясно, что надежды на решение зерновой проблемы неосновательны. Кукурузу начали использовать главным образом на силос, что позволило заметно укрепить кормовую базу животноводства.

Н.С. Хрущев уверовал в так называемый рязанский опыт увеличения за короткий срок производства мяса более чем в 3 раза. Он поддерживал академика Т.Д. Лысенко, обещавшего многократное увеличение урожайности «ветвистой пшеницы» и пропагандировавшего чудодейственные свойства органо-минеральных смесей. В Программу КПСС, принятую на XXII съезде КПСС, были включены фантастические идеи о быстром (вплоть до 1980 г.) сближении советской деревни с городом.

Политика государства по отношению к личному подсобному хозяйству была противоречивой. «Новая аграрная политика», провозглашенная на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, означала отмену ограничений на развитие приусадебных хозяйств (по крайней

мере на ближайшие 5–7 лет). Во второй половине 1950-х гг. началось распространение в СССР дачно-огородного хозяйствования. В 1958 г. были отменены обязательные поставки продукции с личных подсобных хозяйств, снижены налоги с них.

В то же время на партийно-государственном уровне принимались решения, неблагоприятные для развития личных подсобных хозяйств. Так, 6 марта 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели». Оно давало возможность уменьшать приусадебные участки тем, кто по каким-либо причинам не участвовал в деятельности колхозов и совхозов.

Постановлением СМ СССР «О мерах борьбы с расходованием из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту», принятым 27 августа 1956 г., запрещалось скармливать скоту и птице хлеб, муку и другие продовольственные продукты, приобретенные в государственных и кооперативных магазинах. Республиканские власти получили право запрещать содержание скота в городах по санитарным соображениям.

В тот же день был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О денежном налоге с граждан, имеющих скот в городах». Чтобы избежать этого налога, гражданам ненавязчиво предлагалось продать скот колхозам, совхозам, предприятиям Минсельхоза либо государству в порядке государственных закупок. Продажа скота другим гражданам от налога не спасала. Таким образом, речь шла о том, чтобы экономическими мерами побудить граждан передать скот из личной собственности в собственность общественную.

Однако надежды на пополнение поголовья государственного скота за счет личного не оправдались: население сочло более выгодным для себя забить скот и продать мясо на рынке, даже заплатив налоги, чем продавать его живым весом государству. Забой скота принял массовый характер. В 1956–1957 гг. в стране создалась видимость изобилия мяса. Однако это не могло продолжаться долго.

С 1959 г. началось новое и более интенсивное наступление на личное подсобное хозяйство. В постановлении Пленума ЦК КПСС от 25 декабря 1959 г. «О дальнейшем развитии сельского хозяйства» говорилось, что колхозникам гораздо выгоднее покупать продукты из колхозов, чем производить их в личном подсобном хозяйстве. Перед государственными органами была поставлена задача в течение двух-трех лет скупить у населения скот. В качестве обоснования такого решения было выдвинуто положение о том, что личное подсобное хозяйство является причиной недостаточного усердия сельских тружеников в общественном хозяйстве. На этом фоне проводилась кампания против «торгашей» и «стяжателей»,

захватчиков колхозных земель. Такой политике не было оправдания, поскольку в то время на долю приусадебных участков, составлявших 3% от посевных площадей, приходилось около 50% продукции сельского хозяйства.

К началу 1960-х гг. темпы роста сельскохозяйственного производства СССР замедлились. В 1953–1956 гг. они составляли 7,6% в год, в 1959–1964 гг. — 1,5%. Среднегодовое производство зерна на душу населения в 1954–1964 гг. ненамного превышало уровень 1913 г. Усилился отток сельского населения в города. В 1960–1964 гг. деревню покинули около 7 млн человек. Был провален семилетний план по сельскому хозяйству (вместо 70% прирост его продукции составил 15%).

Необдуманное реформирование сельского хозяйства привело к продовольственному кризису 1962–1963 гг., вызвавшему рост социального напряжения. Осенью 1962 г. ЦК КПСС и СМ СССР издали постановление, по которому выдача хлеба в одни руки ограничивалась 2,5 кг. Из года в год падали урожаи зерновых на целинных землях вследствие эрозии почв. В 1963 г. ситуация усугубилась сильнейшей засухой и пыльными бурями на целине. Производство зерна сократилось до уровня 1940–1950-х гг. С прилавков магазинов исчезла мука. Стали вводиться ограничения на продажу хлеба. В продаже появился низкокачественный (из муки второго сорта) «забайкальский хлеб». В хлеб стали подмешивать кукурузную и гороховую муку. В южных регионах впервые с 1947 г. хлеб стал отпускаться по карточкам. Ухудшение продовольственной ситуации в стране стало причиной широкого распространения политических анекдотов и роста недовольства населения.

Для предотвращения голода правительство было вынуждено закупить за границей более 12 млн т зерна на сумму в 1 млрд долл. Неизбежным стало повышение розничных цен на продукты питания, что, как показала трагедия в Новочеркасске, было социально опасным. Закупки зерна за границей, ставшие регулярными, поглощали золотой запас страны. Это был печальный итог непрофессиональной политики Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства.

Развитие промышленности

Партийно-государственное руководство СССР в 1950-е гг. в области промышленной политики во многом продолжало тот курс, который возобладал при И.В. Сталине. В 1953 г. доля производства средств производства в общем объеме промышленной продукции составляла 70%, а в 1960 г. — уже 75%. Если курс на утяжеление структуры промышленности в 1930-е гг. можно было объяснить угрозой со стороны империалистических государств, то в 1950-е гг. такой суперкрен в сторону промышленности группы «А» уже не мог быть оправдан внешней угрозой, тем более

что на XX съезде КПСС была выдвинута идея «мирного экономического соревнования с капитализмом».

Среднегодовые темпы прироста промышленного производства в СССР в 1953–1964 гг. превышали 10%. Особенно быстро развивались машиностроение, металлообработка, производство стройматериалов, электроэнергетика, химия и нефтехимия. Предприятия химической промышленности освоили выпуск искусственных материалов. Паровозы заменялись тепловозами и электровозами. Большое значение придавалось строительству трубопроводов и продуктопроводов. Увеличивалась доля отраслей, определявших технический прогресс (электроэнергетики, машиностроения и химической промышленности). Несмотря на то что темпы роста промышленности были высокими, она продолжала развиваться преимущественно по экстенсивному пути.

Некоторые индустриальные проекты имели исключительное значение для народного хозяйства. В 1952 г. был введен в эксплуатацию Волго-Донской судоходный канал. В Иванове началось производство расточных станков и автокранов, вступил в строй самый крупный в Европе камвольный комбинат. Были построены такие крупные промышленные предприятия, как Орско-Халиловский и Череповецкий металлургический комбинаты, алюминиевые заводы в Шелехове и Волгограде, Азербайджанский трубопрокатный завод, Красноярский завод химического волокна, Уфимский завод синтетического спирта и другие важные индустриальные объекты. Стали давать ток Горьковская, Иркутская, Усть-Каменогорская, Камская, Куйбышевская, Волгоградская, Братская ГЭС, а также Приднепровская, Южно-Кузбасская, Южно-Уральская и другие ТЭС. Началась добыча марковской нефти в Сибири, нефти и газа в Тюменском районе. Появились и успешно развивались такие новые отрасли промышленности, как газовая и алмазная. Был осуществлен комплекс мер по модернизации угольной промышленности Донбасса. Велись работы по электрификации железнодорожного транспорта.

В начале 1950-х гг. в СССР возникла угроза нефтяного голода вследствие истощения нефтяных месторождений Кавказа. Меры по ускоренному освоению мощного нефтеносного горизонта в Татарии позволили обеспечить резкий рост нефтедобычи. В 1945–1960 гг. она выросла с 19,4 млн т до 148 млн т. Это дало возможность изменить структуру топливного баланса страны в пользу нефти и газа — более экономичных по сравнению с углем видов топлива. Эта задача была успешно решена: в 1964 г. доля нефти и газа в топливном балансе составила 51,5% (в 1959 г. — 31%). К 1965 г. добыча нефти превышала потребности экономики и около 1/5 всей нефти экспортировалось. Экспортная выручка шла на закупку промышленного оборудования и продовольствия.

Руководство страны придавало большое значение ускорению научно-технического прогресса в отраслях экономики. 28 мая 1955 г. было принято постановление о создании Государственного комитета СМ СССР по новой технике (Гостехники). Усилия, предпринимавшиеся в этой области, включая пропаганду достижений науки и техники, дали свои результаты. В 1950-е — первой половине 1960-х гг. СССР осуществил мощный технологический прорыв. В 1954 г. стала давать ток первая в мире атомная электростанция — Обнинская АЭС. В разных районах страны началось строительство еще более мощных электростанций (Воронежской, Новосибирской и др.). В 1957 г. был введен в эксплуатацию первый в мире атомный ледокол «Ленин».

17 июня 1955 г. осуществил первый опытный полет авиалайнер ТУ-104 с турбокомпрессорными реактивными двигателями. Коммерческая эксплуатация этого авиалайнера, предназначенного для магистральных линий, началась в 1956 г. 4 октября 1957 г. был осуществлен запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Он стал первым объектом, созданным человеком и попавшим в космическое пространство. 12 апреля 1961 г. первый в мире космонавт Ю.А. Гагарин совершил один виток вокруг Земли. Весной 1956 г. на полигоне под Волгоградом был осуществлен успешный пуск первой в мире ракеты Р-5М с ядерным боезарядом. СССР обозначил свой приоритет в космической отрасли, а также в ряде отраслей военной промышленности и науки.

Весьма характерным явлением «эпохи Хрущева» стал курс на создание в СССР развитой легкой промышленности. Большое внимание уделялось совершенствованию производства, увеличению выпуска товаров народного потребления и расширению их ассортимента. В 1956–1965 гг. быстро развивалось производство легковых автомобилей (ГАЗ-21 «Волга», ЗАЗ-965 «Запорожец», «Москвич-402», «Москвич-403», «Москвич-407»). Однако всего этого было недостаточно для превращения СССР в ближайшем будущем в государство с самым высоким уровнем жизни населения, как того требовали установки партийных съездов. Огромные средства расходовались на гонку вооружений и финансирование космической программы, а легкая промышленность де-факто приоритетом не была. СССР продолжал оставаться страной с недоразвитой системой коммуникаций (плохие дороги, дефицит телефонных номеров и т.п.).

Заметный ущерб производству продукции легкой промышленности и развитию сферы услуг был нанесен ликвидацией промысловой кооперации. 14 апреля 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промысловой кооперации», в котором утверждалось, что «в настоящее время многие предприятия промысловой кооперации перестали носить характер кустарно-кооперативного производства и по существу не отличаются от предприятий госу-

дарственной промышленности». В систему промысловой кооперации в 1956 г. входили 114 тыс. предприятий с численностью работающих 1,8 млн человек. На ее долю приходилось 5,9% валовой продукции промышленности, в том числе 40% производства мебели, более 1/3 производства верхнего трикотажа.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 20 июля 1960 г. № 784 «Об упразднении промысловой кооперации» предприятия промысловой кооперации были переданы государству. С ликвидацией промкооперации были утрачены некоторые виды производства, а также ценные кадры ремесленников и кустарей. Серьезно пострадали художественные промыслы. Следствием исчезновения конкуренции между государственным и кооперативным секторами стал рост цен на товары народного потребления.

Важную роль в решении задач в области промышленного развития отводилась административно-директивным реформам. Наиболее масштабной из них был переход от централизованной отраслевой системы управления промышленностью и строительством, сложившейся к середине 1930-х гг., к территориальной (региональной) системе управления. Инициатором этой реформы стал лично Н.С. Хрущев.

10 мая 1957 г. был принят закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». В соответствии с ним вся территория СССР была разделена на 105 экономических административных районов, в которых создавались совнархозы, подчинявшиеся Советам министров республик. Большинство общесоюзных и союзно-республиканских министерств было упразднено, а подчинявшиеся им предприятия и организации переданы в ведение местных совнархозов. Немногочисленные министерства, которые остались (министерства авиационной, радиотехнической, оборонной промышленности и судостроения), должны были руководить предприятиями через совнархозы. Однако функции этих министерств ограничивались планированием и координацией технического развития.

Переход к региональной системе управления экономикой должен был устранить недостатки отраслевой системы (недостаточная развитость горизонтальных хозяйственных связей, неэффективное использование местных ресурсов вследствие отраслевой разобщенности предприятий и организаций, встречные перевозки сырья, материалов и продукции, стремление отраслевых министерств быть полностью независимыми от других министерств). Предполагалось, что реформа приблизит руководство к предприятиям и объединениям и ликвидирует ведомственные барьеры на пути комплексного развития регионов.

Первоначально совнархозы были коллегиальными органами со сравнительно небольшим управленческим аппаратом. Они провели работу

по укрупнению промышленных предприятий и объединению их в фирмы. Им удалось ускорить процессы согласования проектов и решений, усовершенствовать специализацию и кооперирование производства в пределах экономических районов, обеспечить более комплексное использование материальных, трудовых и финансовых ресурсов территорий, сконцентрировать распыленные вспомогательные, ремонтные и транспортные работы, создать межотраслевые специализированные производства по ремонту оборудования, изготовлению заготовок, инструментов и оснастки для различных отраслей. Управление экономикой через совнархозы облегчало решение проблем, связанных с формированием территориально-производственных комплексов.

Однако по мере развертывания реформы обнаруживались серьезные недостатки новой модели управления. Так, очень скоро пришлось создавать отраслевые и функциональные управления и отделы совнархозов. Штат совнархозов быстро увеличивался, и они превратились в региональные министерства промышленности, куда перешли на работу аппаратчики из прежних министерств нередко с повышением в должности.

Но самой серьезной проблемой было то, что, как отмечалось в принятом 30 сентября 1965 г. постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «Об улучшении управления промышленностью», «управление отраслью промышленности, представляющей собой единое целое в техническом отношении, было раздроблено по экономическим административным районам». Новая система управления оказалась несовместимой с проведением единой технической политики в отраслях и вела к разжиганию групповых и местнических интересов, дезинтеграции хозяйственных связей в промышленности и сельском хозяйстве, срыву поставок предприятиям других совнархозов.

В 1960 г. в системе совнархозов началась централизация. В декабре 1962 г. были образованы укрупненные экономические районы, в каждый из которых вошли несколько экономических административных районов. Результатом этой меры стали сокращение числа совнархозов со 105 до 43 и появление промежуточных уровней управления — республиканских совнархозов, союзного совнархоза (СНХ СССР), Высшего совета народного хозяйства при СМ СССР (ВСНХ СССР), отраслевых государственных производственных комитетов, а также региональных советов по координации и планированию производственной деятельности. Это привело к эволюции территориальной системы управления в гибридную и еще большему увеличению армии управленцев. Кроме того, снизилось качество научных исследований, проектирования и конструкторских разработок, поскольку они выполнялись отраслевыми организациями, а промышленные предприятия остались в ведении территориальных органов.

Вносились коррективы и в систему планирования. В 1955 г. Госплан СССР был разделен на две части, одной из которых была Государственная комиссия СМ СССР по перспективному планированию (по-прежнему называвшаяся Госпланом), а второй — Государственная экономическая комиссия СМ СССР по текущему планированию (Госэкономкомиссия). В 1960 г. перспективное планирование было передано Государственному научно-экономическому совету СМ СССР (Госэкономсовету). В ноябре 1962 г. Госплану было поручено перспективное планирование, а СНХ СССР должен был обеспечивать выполнение планов.

Для поддержки реформы на ноябрьском (1962) Пленуме ЦК КПСС было принято решение о разделении партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные. Результатом стали удвоение количества партийных и советских органов и тенденция к подмене советских органов партийными.

Реформа управления экономикой, инициированная Н.С. Хрущевым, потерпела неудачу. Она была административной по своей природе, затрагивала только форму системы, а не ее сущность. В новой модели управления не удалось преодолеть фундаментальное противоречие между отраслевым принципом руководства экономикой, соответствовавшим вертикальной интеграции производства в промышленных отраслях, и принципом территориальным. Эта реформа противоречила самой сути жестко централизованной советской экономической системы и привела к ее дезинтеграции. На сентябрьском (1965) Пленуме ЦК КПСС было принято решение перейти (фактически возвратиться) к отраслевому принципу руководства промышленностью и усилить экономические рычаги в развитии производства.

Несмотря на сложности в развитии промышленности, к концу 1950-х — началу 1960-х гг. в СССР были построены основы индустриального общества. Переход к новой стадии экономического развития предполагал радикальное совершенствование всей экономической системы, в том числе хозяйственного механизма.

Финансы и денежное обращение

Важнейшими задачами финансовой системы СССР в 1950-е — начале 1960-х гг. были финансирование значительно возросших капитальных вложений в сельское хозяйство, всей программы хозяйственного и культурного строительства в соответствии с планами пятой, шестой пятилеток и семилетки. Большое значение придавалось мобилизации денежных ресурсов для обеспечения непрерывного роста промышленного производства и ускорения научно-технического прогресса.

Среднегодовые темпы прироста национального дохода в 1951–1960 гг. были высокими и составляли 10,3%. Так, $^3/_4$ национального дохода ис-

пользовались на потребление. Удельный вес затрат на финансирование народного хозяйства в государственном бюджете составлял $^3/_4$ всех расходов бюджета, на удовлетворение социально-культурных нужд населения — $^1/_4$.

Основными доходами бюджета являлись налог с оборота и отчисления от прибыли предприятий. В годы пятой пятилетки их доля составляла 79,4%, шестой пятилетки — 88,3% от общей суммы доходов бюджета. На долю подоходного налога с колхозов, кооперации и хозорганов общественных организаций и налога с нетоварных операций приходилось около 2% доходов бюджета, на долю населения — около 7–8%.

Правительство пошло на отмену добровольно-принудительных облигационных займов, размещавшихся среди населения в 1930–1940-е гг. В 1957 г. задолженность государства населению по займам составляла около 300 млрд руб. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 19 апреля 1957 г. «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» выпуск новых займов с 1958 г. был приостановлен. В то же время выплаты процентов и выигрышей по займам были отсрочены на 20 лет. Фактически это означало технический дефолт по облигациям, хотя правительство утверждало, что решение о замораживании выплат и выигрышей было принято по просьбе трудящихся.

Начиная с 1958 г. одним из каналов привлечения средств населения в бюджет стали денежно-вещевые лотереи с выигрышным фондом 60% от стоимости выпущенных билетов. Высокими темпами росли вклады трудящихся в сберегательные кассы. Средний размер вклада в 1950 г. составлял 1000 руб., в 1960 г. — 2089 руб. Общая сумма вкладов за этот период выросла с 1,8 млрд руб. до 10,9 млрд руб.

Снижение цен на потребительские товары, проводившееся в начале 1950-х гг. (обычно 1 апреля), вызвало уменьшение налога с оборота, поступавшего в бюджет. При Н.С. Хрущеве эта практика ушла в прошлое.

В 1958 г. была проведена организационная перестройка в сфере страхования. Страховое дело было передано в ведение министерств финансов союзных республик, а доходы от него стали поступать в бюджеты союзных и автономных республик, краев и областей.

30 октября 1959 г. был принят закон о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик. Союзные республики получили право самостоятельно распределять бюджетные ассигнования по отраслям экономики и на социально-культурные мероприятия, что способствовало расширению их хозяйственной самостоятельности.

Основные расходы бюджета в 1951–1960 гг. были связаны с финансированием промышленности (прежде всего машиностроения), сельского хозяйства и социально-культурных мероприятий. В 1951–1955 гг. удельный вес этих расходов составлял 65,6%, в 1956–1960 гг. — 77,8%.

В 1950-е — первой половине 1960-х гг. продолжался рост денежного оборота страны. Денежная реформа 1947 г. и перевод курса рубля на золотую базу создали здоровую основу для развития советской денежной системы. Высокие темпы экономического роста обусловливали увеличение денежного оборота, в том числе и в сфере наличного оборота.

В 1961 г. была проведена денежная реформа, основными мероприятиями которой стали изменение масштаба цен и выпуск в обращение новых банковских и казначейских билетов, никелевых и бронзовых монет. Денежные знаки образца 1947 г., а также серебряные, никелевые, медные и бронзовые монеты, выпущенные с 1921 г., обменивались без ограничений на новые деньги в соотношении 10:1. Новые купюры, имевшие меньший формат, были более удобными в использовании. В таком же соотношении пересчитывались цены и тарифы в государственном секторе экономики, вклады населения в сберкассах и заработная плата и другие выплаты населению. Золотое содержание рубля было увеличено с 0,222168 до 0,987412 г, а курс по отношению к доллару США повышен с 4 руб. до 90 коп. Это означало обесценение рубля по отношению к золоту и доллару в 2,25 раза. К причинам девальвации рубля относились рост военных расходов, затрат на освоение космоса и помощь социалистическим странам и странам третьего мира.

Положительный эффект реформы состоял в уменьшении затрат на выпуск денежных знаков и в обеспечении большего соответствия курса рубля по отношению к доллару его покупательной способности этих валют. Реформа не была конфискационной, однако ее отрицательный эффект проявлялся в падении покупательной способности заработной платы в рублях в отношении импортных товаров и ювелирных изделий. Подорожала продукция личных подсобных хозяйств, поскольку цены на рынках, не регулируемых государством, снизились не в 10, а в меньшее количество раз. Цены на товары с низкой стоимостью не изменились, т.е. выросли в 10 раз. Вскоре оказалось, что новый курс рубля по отношению к доллару несколько завышен. Хотя это завышение не было критическим, пришлось вводить специальные обменные курсы для разных категорий граждан (моряков, дипломатов и др.) и видов валютных доходов.

Большое значение придавалось совершенствованию кредитных отношений. 21 августа 1954 г. было принято постановление СМ СССР и ЦК КПСС «О роли и задачах Государственного банка СССР». Государственный банк получил право переводить плохо работающие предприятия на особый режим кредитования с более жесткими условиями получения кредитов и расчетов. Предприятиям, выполняющим плановые задания, кредиты предоставлялись на льготных условиях. В обязанности Государственного банка СССР был вменен контроль за расходованием

фонда заработной платы. Допущенный перерасход подлежал обязательному возмещению в течение ближайших трех-пяти месяцев.

Важным новшеством в сфере кредитных отношений стало предоставление торговым организациям кредита под продажи товаров населению в рассрочку (потребительского кредита). Такие кредиты стали выдаваться с 1959 г.

Политика в области труда и заработной платы. Социальная политика

Партийно-государственное руководство при Н.С. Хрущеве придавало большое значение мерам в области труда и заработной платы, а также разным аспектам социальной политики (прежде всего пенсионному обеспечению трудящихся).

24 мая 1955 г. был создан Государственный комитет по труду и заработной плате. 8 сентября 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС «О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим». С 1 января 1957 г. минимальная заработная плата рабочих и служащих устанавливалась на уровне 300 руб., в сельской местности — 270 руб.

В конце 1956 г. в соответствии с директивами XX съезда КПСС началась работа по упорядочению заработной платы и совершенствованию материального стимулирования, продолжавшаяся до 1960 г. В результате принятых мер доля рабочих и служащих с заработной платой до 60 руб. в месяц в промышленности и строительстве сократилась в 3 раза, а доля работников с заработной платой от 100 до 160 руб. выросла в 2 раза. Были утверждены 235 тарифно-квалификационных справочников и унифицированы тарифные ставки (ставок первого разряда стало 43, в то время как раньше их количество превышало 2000). Уменьшилось количество разрядов в тарифных сетках и сократился разрыв между ставками по высшим и низшим разрядам (с 2,5–3,0 раза до 1,8–2 раз). Доля технически обоснованных норм увеличилась в среднем до 75%. С 1957 г. нормы выработки стали пересматриваться в течение всего года, а не только в начале года. В условиях широкого распространения поточного производства, комплексной механизации и автоматизации стала более широко применяться повременная система оплаты труда. Система премирования была ориентирована на выполнение качественных показателей и на результаты в области научно-технического развития производства.

Темпы роста средней заработной платы в 1950-е гг. были умеренными: за период с 1950 по 1960 г. она выросла с 203 руб. до 313 руб. В то же время большое внимание уделялось другим мерам в области социальной политики, принимавшимся в интересах масс трудящихся. Рабочий

день в предпраздничные и предвыходные дни был сокращен на 2 часа. Была сокращена продолжительность рабочей недели для подростков, занятых на производстве, без уменьшения заработной платы. В 1960 г. в СССР завершился переход на 7-часовой рабочий день (для занятых на подземных работах — на 6-часовой) при шестидневной рабочей неделе продолжительностью в 42 часа. Была увеличена продолжительность декретных отпусков для женщин. Было восстановлено право работников беспрепятственно менять место работы. В 1957 г. одинокие женщины и бездетные супружеские пары были освобождены от налога на холостяков и малосемейных граждан.

К числу важных социальных новаций относится отмена платы за обучение в старших классах средней школы, в высших и средних специальных учебных заведениях.

Весьма значимым социальным достижением СССР была успешно проведенная пенсионная реформа. По Закону СССР от 14 июля 1956 г. «О государственных пенсиях» были существенно повышены пенсии для городских рабочих и служащих. Право на пенсию на общих основаниях возникало у мужчин при достижении возраста в 60 лет, для женщин — 55 лет. При этом общий стаж работы должен был быть не менее 25 и 20 лет соответственно. Размер пенсии устанавливался на уровне половины средней зарплаты за последние два года или за любые пять лет трудового стажа. Минимальный размер пенсии составлял 50 руб., максимальный — 120 руб. Средний размер пенсии составлял около 100 руб. Если пенсионер продолжал трудиться, пенсия сохранялась. Государственные пенсии колхозникам стали выплачиваться с принятием 15 июля 1964 г. «Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов». Пенсионная система, сложившаяся в Советском Союзе в 1950-е — первой половине 1960-х гг., была довольно благоприятной для трудящихся и просуществовала до начала 1980-х гг.

Тот факт, что при Н.С. Хрущеве политика стала обращаться к потребностям отдельного человека, подтверждается и серьезными изменениями в области жилищного строительства. Руководство страны отказалось от монументального и дорогого стиля строительства, характерного для сталинской эпохи, в пользу строительства дешевых и практичных домов для трудящихся. Вместо небоскребов и добротных кирпичных домов стали строить в массовом порядке пяти- и девятиэтажные панельные дома. Немало семей, ютившихся в бараках, коммуналках и подвалах, получили отдельные (хотя и небольшие) квартиры. Символом «хрущевской застройки» индустриальными методами на основе серийного производства стал московский район Черемушки.

В 1956–1963 гг. было сдано в эксплуатацию больше жилья, чем за предшествующие 40 лет. Улучшенное жилье получили 54 млн человек.

Однако строительный бум был не только в жилищном строительстве. В Москве появились Дворец съездов, гостиница «Украина», стадион в Лужниках, Останкинская телебашня, новые станции метро, кольцевая дорога и другие крупные объекты капитального строительства.

Быстро менялся и быт советских людей. В семьях появились холодильники, телевизоры, радиоприемники, а также более качественная одежда. Радиовещанием была охвачена вся страна.

К числу важнейших мероприятий правительства в 1958–1964 гг. относится реформа системы народного образования. Она должна была разрешить противоречие между стремлением молодежи к получению высшего образования и потребностью экстенсивной экономики в новых рабочих руках. В середине 1950-х гг. вузы могли принять лишь 450 тыс. выпускников средней школы, в то время как их общее количество составляло около 1,5 млн. Проблема рабочей силы для народного хозяйства обострилась именно в этот период, поскольку в трудоспособный возраст вступали родившиеся в годы войны, когда рождаемость была низкой.

В 1958 г. был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», в соответствии с которым средней школе придавался политехнический профиль. Получив обязательное восьмилетнее образование, молодежь должна была участвовать в тех или иных формах в общественно полезном труде. Те, кто желал получить полное среднее образование, должны были учиться в средней общеобразовательной трудовой политехнической школе, в которой проводилось производственное обучение. Другими возможностями получения полного среднего образования были обучение в среднем профтехучилище (техникуме) или в вечерней (сменной) и заочной школе рабочей молодежи. Студенты вузов должны были совмещать учебу с работой на производстве.

Реформа системы народного образования оказалась неудачной. Материально-производственная база школы была недостаточной для решения задач производственного обучения. К тому же оно могло проводиться по небольшому количеству профессий. Те, кто хотел получить среднее образование, в большинстве случаев избирали одиннадцатилетнюю общеобразовательную школу.

Отказавшись от практики милитаризации труда, советское партийно-государственное руководство было не готово создать эффективные рыночные стимулы к труду. Рабочих, искавших лучшие условия оплаты труда, называли «рвачами», «летунами» и т.п., но это не решало проблему текучести кадров, обострившуюся на рубеже 1950–1960-х гг.

По мере нарастания экономических трудностей обнаружилось стремление руководства страны решать возникающие проблемы за счет тру-

дящихся. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. имели место стихийные выступления рабочих, недовольных условиями труда, увеличением норм выработки, снижением расценок и ростом цен на продовольствие. Так, в августе 1959 г. произошли массовые беспорядки в Темиртау (Казахстанской Магнитке), в июне 1962 г. — волнения в Новочеркасске. Эти выступления рабочих были подавлены войсками и милицией. Протестные выступления трудящихся имели место также в Москве, Ленинграде, Донбассе, Кемерове и других промышленных регионах.

Итоги

В период хрущевской оттепели были предприняты попытки модернизации и либерализации важнейших сторон жизни советского общества. Многие реформы Н.С. Хрущева были малоэффективными, поскольку при их проведении использовались старые политические и экономические механизмы, абсолютизировались организационные и административно-политические методы решения экономических проблем. Они не затронули систему в целом. Часто случайные, хаотичные и лишенные серьезного научного обоснования, они в конце концов вызвали в обществе синдром усталости и стремление партийно-государственной бюрократии (номенклатуры) к формам социальной и личной жизни, свободной от радикальных перемен.

Тем не менее есть все основания считать Н.С. Хрущева видным реформатором, существенно изменившим советское общество. «Десятилетие Хрущева» по праву называют оттепелью. Были реабилитированы сотни тысяч незаконно репрессированных граждан. Н.С. Хрущев попытался привлечь к управлению широкие слои населения и убедить граждан ориентироваться в своей жизни на принципы Морального кодекса строителя коммунизма. В 1950-е — первой половине 1960-х гг. активизировались поиски оптимального механизма советской экономики. Несмотря на просчеты Н.С. Хрущева в хозяйственной политике, экономика СССР развивалась высокими темпами, обеспечивая рост народного благосостояния и укрепление обороноспособности страны. СССР добился выдающихся успехов в научно-техническом развитии и во многих отношениях оправдывал статус великой державы. Высокими темпами развивались промышленность, строительство и транспорт. Более благоприятной стала политика государства по отношению к деревне. Была создана государственная система пенсионного обеспечения, во многом соответствовавшая международным стандартам, существенно снижена острота жилищной проблемы, уменьшены непомерные военные расходы, ослабла напряженность в международных отношениях, приоткрылся железный занавес.

Н.С. Хрущев был смещен с ключевой должности первого секретаря ЦК КПСС на Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 13–14 октября 1964 г. Отстранение Н.С. Хрущева от власти оказалось сравнительно легкой задачей, поскольку он совершил немало серьезных ошибок. Таковыми были метание из стороны в сторону, некритическая оценка ситуации в стране, неоправданное расширение посевов кукурузы, приведшее к деградации сельского хозяйства, введение необоснованных ограничений на личное подсобное хозяйство, ломка управленческой вертикали в результате перехода к региональной системе управления через совнархозы, разделение партийного аппарата на промышленный и сельскохозяйственный, постоянная перетряска кадров, вызывавшая чувство дискомфорта и нестабильности у партаппаратчиков. Отрицательную роль сыграли и личные качества Н.С. Хрущева (волюнтаризм в принятии решений, переоценка роли субъективных факторов, неуважение к науке, догматический подход к марксизму-ленинизму, приверженность традициям сталинского руководства).

Н.С. Хрущев согласился с решением пленума, заявив, что главным результатом его деятельности на посту высшего руководителя партии и государства стало создание в стране ситуации, когда партия может возразить лидеру и сместить его простым голосованием. Эпоха проб и ошибок, прожектерства и социального реформаторства, связанная с именем Н.С. Хрущева, завершилась. В истории СССР начался новый период — «эра Брежнева».

Вопросы для обсуждения

- Чем объяснить высокие темпы развития промышленности СССР в 1950-е гг.?
- Противоречивость сельскохозяйственной политики Н.С. Хрущева.
- Нужно ли было осваивать целинные земли?
- Была ли «кукурузная эпопея» Н.С. Хрущева лишь проявлением волюнтаризма?
- Что изменилось в методах управления советской экономикой при Н.С. Хрущеве?
- Н.С. Хрущев полагал, что в ближайшем будущем потребности населения в продовольствии будут удовлетворяться колхозами и совхозами. Были ли основания для такого оптимизма?
- Причины неудач в области сельского хозяйства в период семилетки.
- Плюсы и минусы перехода к управлению советской экономикой через совнархозы.
- Как реформы Н.С. Хрущева сказались на уровне и качестве жизни населения СССР?

Основная литература

1. *Бурлацкий Ф.М.* Никита Хрущев. М., 2003.
2. *Ванюков Д.А.* Хрущевская оттепель. М., 2007.
3. *Верт Н.* История Советского государства. 1900—1991 / Пер. с франц. М., 1992.
4. *Гайдар Е.* Долгое время. Гл. 8. М., 2005.
5. *Гловели Г.Д.* Экономическая история. Т. 2. М., 2017.
6. *Дроздов В.В.* Экономические реформы в СССР (1953—1985). Взгляды зарубежных ученых. М., 1998.
7. *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945—1964 гг. М., 1993.
8. *Сахаров А. Н.* и др. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
9. *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Новосибирск, 2008.
10. *Berliner J.S.* Soviet Industry from Stalin to Gorbachev. Essays on management and Innovation. Gower House et al., 1988.
11. Khrushchev and khrushchevism / Ed. *by M.* McCauley. Houndmills et al., 1987.

ЛЕКЦИЯ 17

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА В 1960 — НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Т.А. Дробышевская

Реформы Н.С. Хрущева стали попыткой, хотя и не всегда последовательной, повышения эффективности экономического развития, интенсификации производства за счет сбалансированного развития различных секторов экономики, усиления роли науки, децентрализации системы управления.

Представляется возможным выделить две основные причины, стимулировавшие реформы в советской экономике. Первая причина заключалась в необходимости поддержания паритета сил на международной арене в условиях высоких темпов роста экономики капиталистических государств. Только динамично развивающаяся экономика могла себе позволить на равных участвовать в гонке вооружений и осуществлять финансовую поддержку дружественных режимов и революционного движения во всем мире[1]. Вторая причина — необходимость повышения уровня жизни населения. Отказ от массовых репрессий и разоблачение порочности такой практики на XX съезде партии резко снизили роль страха и идеологических факторов как условия сохранения социальной поддержки режима. В то же время расширение контактов с иностранными государствами, информированности населения о стандартах жизни в этих государствах поставило под вопрос догму о сравнительных преимуществах советской системы. Таким образом, поддержание образа «сверхдержавы», самого развитого в экономическом и военном плане, «эталонного» государства требовало поддержания высоких количественных и качественных показателей экономического роста, т.е. продолжения и комплексности экономических преобразований.

Хозяйственная реформа 1965 г.

В промышленности хроническая проблема состояла в низкой эффективности использования как основных фондов, так и в особенности сырья, полуфабрикатов, энергии. По мере исчерпания легкодоступных ресурсов

[1] Официальные расходы на оборону не превышали 7% государственного бюджета. Однако с учетом косвенных расходов эта цифра была значительно больше.

назревал кризис экстенсивного роста. В центр хозяйственной политики на восьмую пятилетку (1966–1970) была выдвинута проблема эффективности. При опережающем росте производства средств производства ставилась задача достижения экономической сбалансированности. Путь к повышению эффективности видели в том, чтобы соединить план по номенклатуре выпуска с системой отраслевых нормативов рентабельности.

Предполагалось нацелить систему планирования на реализованную продукцию (тогда как прежде система была ориентирована на достижение роста объемов производства, на увеличение валовых показателей предприятий). Хозяйственная реформа была направлена на то, чтобы ограничить использование административных методов, заместив их применением экономических рычагов.

Концепция «реформы Косыгина» (по имени ставшего одним из ее инициаторов председателя Совета Министров СССР[1]) была сформулирована в решениях сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС и конкретизирована в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении управления промышленностью» от 30 сентября 1965 г. и «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 г.

Реформа началась с проведения новой административной централизации, упразднения совнархозов, перехода на отраслевой принцип управления промышленностью и восстановления союзных и союзно-республиканских министерств, ликвидированных Хрущевым. Важными были мероприятия по коррекции системы планирования. Были созданы крупные государственные комитеты (Госкомцен, Госснаб, Госкомитет по науке и технике). «Организуемые министерства, — говорил А.Н. Косыгин, — будут работать в совершенно новых условиях, когда функции административного управления промышленностью сочетаются со значительным усилением хозрасчетных методов и экономических стимулов, когда существенно расширяются хозяйственные права и инициатива предприятий».

Было оставлено всего пять директивно планируемых показателей: объем реализации продукции, основная номенклатура, фонд заработной платы, прибыль и рентабельность, взаимоотношения с бюджетом. Параллельно с сохранением валовых показателей, несмотря на их признанное несовершенство (ибо предприятия часто добивались высоких показателей, используя наиболее дорогое сырье и т.п.), были введены новые: стоимость реализованной продукции, общий фонд заработной платы, общая сумма централизованных капиталовложений. Планировалось оценивать результаты хозяйственной деятельности предприятий по реализованной продукции, полученной прибыли (рентабельности производства) и по выполнению заданий по поставкам важнейших видов изделий; поставить

[1] В разработке основных идей реформы участвовали ведущие советские экономисты: А.М. Бирман, Е.Г. Либерман, Я.А. Кронрод, В.С. Немчинов, В.В. Новожилов и др.

оплату труда работников в промышленности в непосредственную зависимость не только от результатов их индивидуального труда, но и от общих итогов работы предприятий; положить в основу экономических отношений между предприятиями принцип взаимной материальной ответственности; развивать прямые связи между предприятиями-изготовителями и потребителями продукции; повысить роль хозяйственных договоров. Сокращение директивно устанавливаемых обязательных заданий следовало компенсировать созданием экономической заинтересованности, которая стимулировала бы активность трудовых коллективов.

Для предприятий была введена плата за фонды. А чтобы эта плата оказалась реальным рычагом экономики, ее надо было производить из того же источника, за счет которого производилось премирование, — из прибыли предприятия.

Предприятие получило исключительно важные права в оперативном распоряжении значительной частью своих производственных фондов. Оно могло само решать, какая часть его оборудования и запасов является излишней, и могло их реализовать другим предприятиям внутри министерства, а при отсутствии «своих» покупателей — предприятиям других министерств, колхозам, кооперации (но не отдельным гражданам). Излишние здания и сооружения предприятие могло сдавать в аренду (при этом арендная плата лишь формально ограничивалась размерами амортизации).

Экономические нововведения коснулись не только промышленности, но и системы транспорта, строительства, розничной торговли, а также совхозов.

По замыслу, усовершенствованный хозяйственный механизм должен был устранить недостатки административно-командной системы при сохранении государственной собственности на средства производства, основ директивного централизованного планирования, централизованного ценообразования и руководящей роли КПСС в обществе.

В январе 1966 г. хозяйственная реформа взяла старт. В порядке эксперимента была разрешена выплата премий лучшим работникам, но лишь в размере 8% от заработной платы. На новые условия работы были переведены первые 43 предприятия (с общим числом рабочих около 300 тысяч) в 17 отраслях промышленности. Предприятия получили возможность заключать друг с другом прямые договоры поставок. В 1967 г. на новый порядок планирования и экономического стимулирования стали переводиться целые отрасли промышленности и к концу этого года в новых условиях работало уже 15% предприятий, на долю которых приходилось 37% промышленной продукции.

Данная реформа была самофинансирующейся. Предусматривалось, что предприятия, переводимые в режим самостоятельного хозяйствования, мобилизуют внутренние резервы и за этот счет получат дополнительную прибыль, 90% которой остается в распоряжении предприятия. Уже с самого начала до 50% фондов поощрения формировалось за счет

этого источника. Прибыль этих предприятий в 1966 г. возросла по сравнению с 1965 г. на 23,3% (по сравнению с ее ростом по промышленности в целом на 10,6%), причем примерно на 51,5% за счет снижения себестоимости и на 48,5% за счет роста реализации продукции[1].

Цены оставались плановыми, однако предприятия получили возможность широко маневрировать номенклатурой выпуска и структурой затрат исходя из сравнительной выгоды.

Общий фонд зарплаты остался цетрализованно планируемым показателем, однако в этих рамках предприятие получило значительно больше прав влиять на численность и состав рабочей силы и на уровень средней оплаты труда.

Главным показателем эффективности работы предприятия авторы реформы объявили прибыль. Чтобы обеспечить рентабельность каждому «нормально работающему предприятию», была проведена реформа оптовых цен (1967). Ее главной целью было максимальное приближение цен к уровню общественно необходимых затрат и обеспечение рентабельности нормально работающим предприятиям. Вводились фиксированные и рентные платежи, а также плата за производственные фонды. Новые цены обеспечивали 15–20% прибыли по отношению к основным и оборотным фондам такого нормально работающего предприятия по большинству отраслей, включая добывающие.

Однако реформа оптовых цен с установлением единого среднеотраслевого уровня рентабельности сама по себе не способна была решить проблемы неэффективных предприятий. Цены стали более правдоподобно отражать уровень затрат производителей, но не спрос и редкость.

В советской экономике наблюдался глубокий разрыв в издержках на единицу продукции между предприятиями одной отрасли. Это было обусловлено не только и не столько природными условиями, сколько приоритетами экстенсивного экономического развития, когда рост производства обеспечивался не за счет технического перевооружения и повышения эффективности уже действующих предприятий, а за счет строительства новых. В отсутствие рыночной конкуренции, при гарантированном спросе на их продукцию, не зависящем от реальной стоимости, не менее 1/3 предприятий до реформы были планово-убыточными, еще столько же — практически бесприбыльными. Это никого не беспокоило; напротив, бесприбыльность тяжелой индустрии, машиностроения рассматривалась как фактор низких цен на их продукцию, стимулирующих капиталовложения.

Чтобы на неэффективных предприятиях тоже заработал механизм полного хозрасчета, пришлось вводить для них индивидуальные цены, обеспечивающие общий уровень рентабельности. Но это значит, что их цены

[1] Хозяйственная реформа: опыт, перспективы / Под ред. Н.Е Дрогичинского, Д.И. Царева. М.: Экономика, 1969. С. 71, 87.

на данную продукцию оказались значительно выше среднеотраслевых. В свою очередь, очевидно, что реализовать продукцию по завышенным ценам покупателям можно только по принуждению — под давлением плана или дефицита. Эти цены сами по себе консервировали отсталость, ставя худших в привилегированные условия по отношению к лучшим. Такая система противоречила основополагающим принципам рынка и могла существовать только в условиях административного регулирования.

Ко времени хозяйственной реформы 1965 г. относится и начало эксперимента на Щекинском химическом комбинате. Суть его состояла в стимулировании роста производительности труда и высвобождении части рабочей силы за счет совмещения профессий и расширения зон обслуживания. Часть экономии фонда заработной платы, получавшейся в результате сокращения численности персонала, должна была направляться на материальное поощрение работников. Высвобождавшимся работникам должны были предоставляться новые места на предприятиях. Вместе с тем фонд заработной платы пересматривался, как правило, каждый год, и в случае сокращения численности работающих он мог быть и уменьшен. Щекинский эксперимент не получил широкого распространения.

Усиление роли рыночных регуляторов вызвал к жизни новые проблемы, особенно остро проявившиеся в финансовой сфере. Возможности предприятий по использованию полученной прибыли на цели развития производства ограничивались необходимостью согласования имеющихся у предприятия ресурсов с централизованными планами министерств и ведомств по производству и распределению необходимого этим предприятиям оборудования или закупки его за рубежом. Средства, заработанные предприятием на цели жилищного и другого социального строительства, в большой степени не использовались из-за нехватки материалов, рабочей силы и оборудования. В отсутствие рынка средств производства и реального собственника, заинтересованного в принятии стратегических инвестиционных решений, вновь появившийся «корпоративный» интерес, осознание интересов работников конкретного предприятия как некой общности нашли выражение в необоснованном завышении премий, наращивании децентрализованных капиталовложений без учета их эффективности, сокрытии производственных резервов, следствием чего стало усиление инфляционного давления и разбалансированности экономики. Задания по производительности труда не были выполнены. Темпы роста производительности труда и средней заработной платы работающих в промышленности сблизились, однако полной сбалансированности их достичь не удалось.

Хозяйственная реформа затронула и сельское хозяйство. Решениями мартовского 1965 г. Пленума ЦК КПСС изменялась система закупок сельскохозяйственной продукции: вводились неизменные и сравнительно невысокие планы заготовок на период вплоть до 1970 г. включительно. Повышались закупочные цены на продукцию сельского хозяйства, предусматривалась дифференциация цен по зонам и районам страны.

Вводились повышенные цены при сверхплановых продажах продукции государству. Принимались меры по укреплению хозяйственного расчета на сельскохозяйственных предприятиях.

Вместе с тем рост доходов не был обеспечен товарами. Заработанные деньги довольно сложно было потратить в условиях товарного дефицита. Частные накопления составляли в СССР 25% денежной массы. Эти средства в условиях плановой экономики инвестировать было некуда, они провоцировали скрытую инфляцию.

Такие проекты рассматриваемого периода, как строительство совместно с итальянским концерном Fiat Волжского автозавода, перепрофилирование ряда оборонных предприятий на выпуск холодильников и другой бытовой техники, в основном имели целью вернуть в экономику неотоваренные накопления населения. В том же направлении должна была действовать программа «расширения выпуска алкогольной продукции», утвержденная в начале 1970-х гг. До 1967 г. наблюдалось отсутствие роста обеспеченности населения автомобилями (12 шт. на 1 тыс. человек), затем начался резкий рост, и к концу этого периода, 1967–1970 гг., на 1 тыс. населения приходился 21 автомобиль. В целом в 1965–1981 гг. среднегодовой прирост розничного товарооборота составил 11,2 млрд руб., что в 1,8 раза больше, чем в период 1960–1965 гг. С начала 1960-х гг. и до 1964 г. ввод жилья в СССР снижался в среднем на 1,63 млн кв. м. В 1965 и 1966 гг. последовал резкий скачок (сокращение «незавершенки»), и затем стабильный рост (среднегодовой прирост — 4,26 млн кв. м) в основном за счет средств предприятий, но также и за счет использования накопления населения (жилищные кооперативы). Хотя жилищная проблема не была полностью решена, удалось преодолеть негативную тенденцию и возобновить прирост ввода жилья. За счет использования средств предприятий среднегодовой прирост ввода в действие санаториев, пансионатов и домов отдыха, детских садов увеличился к концу 1960-х гг. по сравнению с началом 1960-х гг. в 3 раза.

Многие предприятия предъявили спрос на оборудование и квалифицированные кадры для своей модернизации и технического развития; децентрализованные капиталовложения стали быстро обгонять централизованное строительство. Удовлетворение указанных видов спроса требовало радикальных сдвигов в макроэкономических пропорциях производства и использования ВНП во всей структуре хозяйства. Однако сами эти меры требовали времени и средств на инвестиционный цикл. К тому же ВПК и лобби тяжелой промышленности не допускали глубокого перераспределения ресурсов.

В условиях нарастания инфляционных тенденций внутренняя логика командно-административной системы требовала вернуться к централизованному планированию источников денежных доходов населения и предприятий и их материального покрытия. При этом показатель рентабельности, стимулирующие фонды предприятия, плата за фонды и тому

подобные стоимостные рычаги формально не отменялись, а «дополнялись» другими показателями и инструкциями. В частности, в число показателей плана снова были введены производительность труда и соотношение между ростом производительности труда и средней заработной платы. Был установлен потолок для выплаты премий за конечные результаты из фонда материального поощрения. Средства фонда социального развития, не использованные в течение года, в конце года стали изыматься в бюджет. Фонд развития предприятия фактически был включен в государственный план капитальных вложений. Наконец, основная часть прибыли предприятий стала поступать в бюджет не в виде платы за производственные фонды, а в виде изъятия «свободного остатка прибыли». В итоге фонд зарплаты и прибыль предприятия были поставлены в жесткие плановые рамки и существенно ограничены, потеряв большую часть своей стимулирующей силы.

Таким образом, реализация реформы высветила две основные проблемы. Во-первых, централизованные плановые задания не удалось органично соединить с материальными стимулами и самостоятельностью предприятий, они чем дальше, тем больше противостояли и подрывали друг друга. Во-вторых, реформа впервые за годы советской власти произвела на свет предприятие как экономическую категорию, как обособленный от государства коллективный экономический интерес.

Суть хозяйственной реформы состояла в постепенном расширении хозяйственной самостоятельности предприятий и внедрении стоимостных регуляторов наравне с плановыми. Однако оказалось, что действия этих регуляторов (рынок и план) во многом противоречат друг другу. Их сосуществование могло выступать как временный переходный период в ходе выполнения стратегической задачи — создания условий стабильного развития, опираясь либо на план, либо на рынок. Половинчатость вела к нарастанию диспропорций и потере управляемости в народном хозяйстве[1].

Развивавшийся параллельно политический кризис в Чехословакии (1968) продемонстрировал, что последовательное осуществление экономических реформ рыночного типа приводит к размыванию монополии коммунистической партии на власть. Экономические реформы к концу 1960-х гг. оказались свернутыми.

Несмотря на все свои внутренние противоречия, реформа не вызвала понижения ни уровня производства, ни его эффективности. Наоборот, с первого же года своего осуществления она дала значительный рост прибыли, способствовала ускорению экономического роста. И все пятилетие 1966–1970 гг., когда проводилась реформа, явилось по результатам самым успешным за всю историю советских пятилеток. В 1966–1970 гг. темпы роста

[1] Эту тенденцию ярко высветила не только реформа конца 1960-х гг. в СССР, но и происходившие параллельно или даже несколько ранее реформы, направленные на достижение оптимального сочетания административных и стоимостных регуляторов, имевшие место в странах Центральной и Восточной Европы.

объемов производства были 5,6 против 4,9% в период 1961–1965 гг.; темп роста национального дохода — 7,1 против 5,7%. В это пятилетие производительность труда выросла на 37 против 29% в предыдущее. За 1961–1965 гг. фондоотдача снизилась на 13%, а за 1966–1970 гг. она возросла на 3%. Реальные доходы трудящихся возросли за 1966–1970 гг. на 30% (табл. 17.1).

Таблица 17.1

Среднегодовые темпы прироста основных показателей экономического и социального развития СССР (в %)

Показатель	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Валовой общественный продукт	6,5	7,4	6,3	4,2	3,5
Произведенный национальный доход	6,5	7,8	5,7	4,3	3,6
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства	9,6	8,1	8,7	7,4	6,4
Продукция промышленности	8,6	8,5	7,4	4,4	3,7
Производство средств производства (группа «А»)	9,6	8,6	7,8	4,7	3,6
Производство предметов потребления (группа «Б»)	6,3	8,4	6,5	3,8	3,9
Валовая продукция сельского хозяйства	2,2	3,9	2,5	1,7	1,0
Продукция растениеводства	2,0	4,1	1,7	1,8	0,5
Продукция животноводства	2,5	3,8	3,2	1,5	1,5
Ввод в действие основных фондов	6,2	7,3	6,3	3,5	3,1
Капитальные вложения	5,4	7,3	6,7	3,7	3,7
Отправлено грузов всеми видами транспорта	5,1	6,0	7,0	2,7	1,4
Пассажирооборот всех видов транспорта	7,9	8,5	6,2	3,6	2,5
Численность рабочих и служащих	4,4	3,2	2,5	1,9	0,9
Производительность общественного труда	6,1	6,8	4,5	3,3	3,1
Прибыль по народному хозяйству (в сопоставимых ценах)	8,0	15,4	9,9	4,5	6,1
Реальные доходы на душу населения	3,6	5,9	4,4	3,4	2,1
Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли	6,0	8,2	6,3	4,4	3,1
из него без реализации алкогольных напитков	5,6	8,1	6,4	4,2	4,0
Оборот внешней торговли (в сопоставимых ценах)	7,1	8,3	7,7	5,3	3,9

Источник: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1988

Экономические реформы 1970-х гг.

В марте 1973 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью». В соответствии с этим постановлением началась разработка генеральных схем управления отраслями промышленности и стали создаваться производственные объединения, получившие статус основного звена в руководстве промышленностью.

Серьезные усилия по созданию объединений предприятий предпринимались в СССР еще в начале 1960-х гг. как реакция на усложнение структуры хозяйства. И в начале 1960-х, и в начале 1970-х гг. смысл подобной реформы был в сокращении количества хозяйственных единиц, с которыми должны иметь дело плановые и административные органы. При этом усиление производственных и научно-производственных объединений, сопровождавшееся, по замыслу реформы, переведением главков на хозрасчет, должно было способствовать дальнейшему укреплению не только самостоятельности хозяйствующих субъектов, но и экономических методов руководства. Являясь, по сути, аналогом крупных корпораций, производственные объединениея (ПО) и научно-производственные объединения (НПО) имели бы возможность использовать преимущества крупного производства, снизить административные расходы, ускорить научно-технический прогресс. Однако реформа встретила сильное сопротивление со стороны министерств и ведомств, и в результате привела к административной централизации внутри ведомственных структур.

Последним и самым важным аргументом в пользу свертывания реформ стал мировой энергетический кризис 1973–1974 гг., в результате которого цена барреля нефти подскочила с 3 до 15 долл. Доходы бюджета СССР от реализации нефти и нефтепродуктов в 1974–1984 гг., по самым скромным подсчетам, составили 176 млрд долл.[1]

Мировой энергетический кризис совпал с бурным развитием в СССР нефтяной и газовой промышленности. В то время как цены на нефть на мировом рынке поднимались до 100 долл. за тонну, себестоимость ее добычи в Самотлоре составляла около 5 руб. Западная Сибирь обеспечивала две трети общесоюзной добычи нефти и до 60% добычи газа.

С одной стороны, на валюту, вырученную от экспорта энергоносителей, закупалось на Западе комплектное оборудование для строительства

[1] *Тимошина Т.М.* Экономическая история России. М., 2011. С. 343.

новых заводов (КамАЗа, Волжского автомобильного завода, Уфимского моторостроительного завода и т.д.). С другой стороны, нефтедоллары использовались для закупки продовольствия. Если в 1973 г. импорт зерна составлял 13,2% от его совокупного количества, производимого в стране, то в 1975 г. эта цифра возросла до 23,9%, в 1981 г. — до 41,4%. Страна оказывалась во все увеличивавшейся зависимости от продовольственного импорта. Причем зерно покупали уже не только на нефтедоллары, но и на средства от продажи золотого запаса страны. Если в 1967 г. на закупку зерна было потрачено 50,2 т золота, то в 1972 г. — 458,2 т (табл. 17.2).

Таблица 17.2

Структура внешней торговли СССР

Показатель	1938	1950	1960	1970	1980	1985
Доли в объеме импорта, %						
Продовольственные товары и сырье для их производства	12,7	17,5	12,1	15,8	24,2	21,1
Топливо и электроэнергия	1,2	11,8	4,2	2,0	3,0	5,3
Машины и оборудование	34,5	21,5	29,8	35,6	33,9	37,1
Доли в объеме экспорта, %						
Продовольственные товары и сырье для их производства	29,8	20,6	13,1	8,4	1,9	1,5
Машины и оборудование	5,0	11,8	20,5	21,5	15,8	13,9
Топливо и электроэнергия	8,9	3,9	16,2	15,6	46,9	53,7

Источник: Социалистические страны и страны капитализма в 1986 г.: Статистический сборник. М.: Госкомстат СССР, 1987.

Во второй половине 1970-х гг. снижаются темпы экономического роста и эффективность общественного производства, наблюдается невыполнение плановых показателей в целом ряде отраслей. В 1976–1980 гг. среднегодовые темпы прироста национального дохода составляли всего 1,0%. Весьма низкими были и другие макроэкономические показатели: индекс фондоотдачи — 0,95%; производительности общественного труда — 1,01%; индекс производственных капиталовложений — 1,04%[1]. Если по валовым капиталовложениям СССР превзошел США в начале 1970-х гг., то уровень производительности труда в промышленности СССР составлял в 1970 г. 53%, а в 1975 г. — 55% от соответствующего показателя США (табл. 17.3 и 17.4).

[1] *Ханин Г.* Экономический рост: альтернативная оценка // Коммунист. 1988. № 17. С. 85.

Таблица 17.3

Динамика показателей эффективности общественного производства в СССР (индекс роста к предыдущему периоду)

Показатель	Годы						
	1928–1985	**1961–1965**	**1966–1970**	**1971–1975**	**1976–1980**	**1981–1985**	**1961–1985**
Национальный доход	6,6	1,24	1,22	1,17	1,05	1,03	1,91
Основные производственные фонды	9,6	1,33	1,28	1,21	1,1	1,03	2,33
Фондоотдача	0,68	0,93	0,95	0,97	0,95	1,00	0,8
Производительность общественного труда	3,64	1,19	1,17	1,08	1,00	1,00	1,50
Материалоемкость общественного продукта	1,57–1,63	1,02	1,02	1,02	1,05	1,05	1,20
Производственные капиталовложения	...	1,29	1,19	1,05	1,04	0,95	1,59

Источник: *Ханин Г.И.* Анализ тенденций экономического развития СССР (1928–1985) // Экономическая социология и перестройка. М.: Прогресс, 1985. С. 56–57.

Таблица 17.4

Производство и производительность СССР/США 1987

	США	**СССР**	**СССР/США (США = 100)**
ВВП, млн долл. (1990)	5 093 396	1 965 457	38,6
Население, тыс. человек	243 942	283 100	116,1
Среднедушевой ВВП, долл.	20 880	6943	33,3
Занятость, тыс. человек	114 697	1381 21	120,4
ВВП в расчете на одного работающего, долл.	44 407	14 230	32,1
Среднегодовое количество отработанных часов на одного работающего	1608	1700	105,7
ВВП в расчете на чел/час, долл.	27,62	8,37	30,3

Источник: *Maddison A.* Monitoriing the World Economy 1820–1992. OECD Development Center, Paris 1995.

Замедление темпов экономического развития объяснялось целым рядом факторов. Среди них и ухудшение демографической ситуации, недостатки в развитии машиностроительного комплекса, увеличение затрат на освоение топливно-энергетических ресурсов, неблагоприятные погодные условия, отрицательно сказавшиеся на развитии сельскохозяйственного производства.

Несостоятельность попыток соединения директивного плана и самостоятельности в рамках предприятия не означала отказа от хозрасчета вообще и материального стимулирования в частности. Плановая система в новых исторических условиях вообще не смогла бы функционировать, не опираясь на эти рычаги. Но после 1968 г. речь шла уже только о подчинении хозрасчета директивному плану. В постановлении ЦК и Совмина от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» 1/3 объема занимает раздел 111 — «О развитии хозяйственного расчета и усилении роли экономических рычагов и стимулов». В этом разделе закрепляется практика 1970-х гг., согласно которой оценка результатов хозяйственной деятельности предприятий производится исходя прежде всего из выполнения планов, и к этому показателю привязывается формирование трех стимулирующих фондов.

Развитие системы планирования

Большую роль в поддержании жизнеспособности командно-административной системы сыграло развитие системы планирования.

В 1968 г. был составлен межотраслевой баланс народного хозяйства (МОЕ), практически примененный при разработке девятого пятилетнего плана (1971–1975 гг.). Революционное значение МОЕ для планирования состояло в том, что он широко открывал двери в эту сферу для применения математических методов и ЭВМ, тем самым позволяя обрабатывать недоступный ранее объем информации в короткие сроки и с высокой точностью.

На этой общей основе были разработаны и внедрены частичные оптимизирующие планы размещения производства, перевозок, топливно-энергетический баланс и др. В 1970-е гг. была создана и принята в эксплуатацию АСПР — автоматизированная система плановых расчетов Госплана СССР. Фактически это была математическая балансовая модель народного хозяйства, разработанная со значительным запозданием по сравнению с кембриджской моделью Стоуна и пенсильванской моделью Клейна. Но в отличие от последних, носивших прогнозную направленность, АСПР была предназначена для проведения многова-

риантных расчетов проектов государственных планов (т.е. директивных адресных заданий). При расчетах по пятилетнему плану на 1986–1990 гг. уже был применен «центральный комплекс задач» АСПР, объединявший 254 задачи сводных и отраслевых подсистем АСПР[1].

Реалистичность пятилетних планов стала повышаться также благодаря учету долговременных тенденций в области НТП, демографии, природных ресурсов, потребностей. Было, наконец, признано, что прогнозирование — обязательная стадия планирования. Так, в 1972 г. была впервые разработана Комплексная программа НТП СССР до 1990 г., которая включала 27 направлений, в ее подготовке участвовали сотни научных институтов. В середине 1980-х гг. принимаются «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг. и на период до 2000 г.». Этот документ сочетал директивы на пятилетку и прогноз на 15 лет.

С усложнением народного хозяйства обострялась проблема выявления и реализации приоритетных задач, имеющих на данном этапе центральное значение для социально-экономического развития всей страны. Такие задачи имели, как правило, межотраслевой характер и требовали серьезных структурных сдвигов. Этому призвано было служить внедрение программно-целевого метода планирования.

Благодаря совершенствованию планирования были достигнуты, несмотря на действие мощных негативных тенденций, значительные результаты в таких приоритетных сферах, как атомная энергетика, создание Единой энергетической системы, космос, ВПК, некоторые отрасли машиностроения, образование, здравоохранение, жилищное строительство. В целом поддерживались относительная сбалансированность хозяйства и некоторый рост ВНП и потребления.

Вместе с тем в условиях, когда народнохозяйственные связи стали особенно сложными, плановые органы оказались не в состоянии все предусмотреть и переработать информацию, поступающую от хозяйственных единиц, а также осуществлять действенный контроль над выполнением планов. Широкое внедрение компьютеров могло облегчить обработку информации, однако сохранялась проблема достоверности данных, получаемых с мест.

---

[1] В 1962 г. по заданию А.Н. Косыгина, в то время заместителя председателя Совета Министров СССР, под руководством академика В.М. Глушкова начинается разработка проекта Общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС). В.М. Глушков предложил концепцию ОГАС как единой системы сбора отчетной информации по народному хозяйству, планирования и управления народным хозяйством, информационной базы для моделирования различных вариантов развития народного хозяйства. Техническую основу ОГАС должна была составить Единая сеть вычислительных центров (ЕГСВЦ). Представленный в правительство в 1964 г. проект ОГАС так и не был реализован.

Проблема пропорций, на решение которой направлялось основное внимание плановиков, решалась весьма приблизительно. Планирование на основе стоимостных показателей — будь то пресловутый «вал», «реализация» или «нормативно-чистая продукция» (нормативная добавленная стоимость) — не обеспечивало натуральных пропорций, а планирование «в натуре» могло охватывать лишь небольшую часть производства и потребностей. При составлении годовых планов Госплан СССР мог разрабатывать только около 2000 балансов, в том числе 1200 балансов оборудования[1]. Для относительно полного охвата потребовались бы десятки тысяч натуральных балансов. Средний путь — стоимостное планирование по укрупненной номенклатуре — не позволял планово управлять специализацией и техническим прогрессом, и не случайно эти проблемы оставались в общем нерешенными.

Хронический характер носили невыполнение планов как по качественным, так и по количественным показателям и их многократный пересмотр в сторону понижения (табл. 17.5).

Таблица 17.5

Соотношение фактических и плановых темпов прироста основных экономических показателей (%)

	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Валовая продукция промышленности	103	91	67	77
Валовая продукция сельского хозяйства	84	68	56	42
Производительность труда в промышленности	93	87	55	74
Производительность труда в сельском хозяйстве	87	20	53	34
Реальные доходы	110	80	85	67
Розничный товарооборот	120	86	84	70

Источник: *Поцелуев В.А.* История России XX столетия: основные проблемы. М., 1997. С. 413.

Экономический эксперимент 1984 г.

Крупномасштабный экономический эксперимент проводился в СССР в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июля 1984 г. «О дополнительных мерах по расширению

[1] Экономическое планирование в СССР / Под ред. А.Н. Ефимова. М.: Экономика, 1967. С. 76.

прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы»[1]. В 1984–1986 гг. на новые условия хозяйствования была переведена половина предприятий промышленности, многие предприятия транспорта, а также сфера услуг.

В целях повышения эффективности использования ресурсов, ускорения внедрения достижений науки и техники, повышения темпов роста производительности труда и стимулирования инициативы предприятий предусматривалось ограничение числа плановых (по пятилетнему плану) показателей, повышение роли стабильных экономических нормативов, усиление экономической ответственности предприятий за выполнение договоров поставок. Предприятиям (объединениям) гарантировались полная самостоятельность в использовании фонда развития производства и фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, компенсация уменьшения фонда заработной платы и материального поощрения в период массового освоения новой техники, увязка фонда материального поощрения с выполнением плановых заданий по реализации продукции с учетом поставок по договорам и некоторые другие меры. Был отменен ряд ограничений в правах руководителей на установление уровня оплаты труда работников. Уточнялась роль показателя нормативно-чистой продукции: он становился основой для расчета трудовых показателей, но не показателей объема продукции.

В годы одиннадцатой пятилетки были установлены в пятилетнем плане стабильные нормативы заработной платы на рубль продукции, а экономию фонда заработной платы в конце года было разрешено перечислять в фонд материального поощрения. Были увеличены доплаты за совмещение профессий и выполнение планового объема работ с меньшей численностью рабочей силы. В новых условиях в начале 1980-х гг. бригадный и коллективный подряд, основанные на принципах единого наряда и привлечения трудящихся к управлению производством, объединит более 15 млн человек.

Между тем предприятия мало что получали от ослабления централизованного контроля за ценами и договорами поставок. Сохранялись серьезные проблемы с получением материальных ресурсов под заработанные предприятием фонды. В целом условия экономического эксперимента не предусматривали никаких радикальных нововведений по сравнению с реформами середины 1960–1970-х гг.

---

[1] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 15. Ч. 1. М., 1985. С. 168–176.

Сельское хозяйство

Суммарные расходы на сельское хозяйство составили за период 1966–1980 гг. 383 млрд руб., что составило 78% всех капиталовложений в сельское хозяйство за годы советской власти[1]. Начали осуществляться грандиозные комплексные программы механизации и электрификации сельского хозяйства, мелиорации и химизации почв.

Майским (1982) Пленумом ЦК КПСС была принята «Продовольственная программа СССР на период до 1990 г.». Основными направлениями реализации Продовольственной программы декларировались: пропорциональное и сбалансированное развитие агропромышленного комплекса; совершенствование управления, планирования и экономического стимулирования во всех его отраслях с максимальной ориентацией производства на достижение высоких конечных результатов; обеспечение высоких темпов сельскохозяйственного производства на основе последовательной его интенсификации, высокоэффективного использования земли, всемерного укрепления материально-технической базы, ускоренного внедрения достижений науки и передового опыта; всемерное улучшение использования производственно-технического потенциала АПК; значительное повышение отдачи от капитальных вложений и материальных ресурсов; развитие специализации и концентрации производства на основе расширения межхозяйственных и межотраслевых связей; борьба за экономию и бережливость; сокращение потерь и повышение качества сельскохозяйственной продукции путем широкого внедрения прогрессивных технологий ее производства, переработки и хранения, организации перевозок специализированным транспортом; дальнейшее улучшение социально-бытовых условий жизни на селе. Всесторонняя интенсификация сельскохозяйственного производства и обслуживающих его отраслей предполагала создание агропромышленных объединений в районах и областях (краях), агропромышленных комиссий в союзных республиках и в центре, объединявших весь агропромышленный комплекс.

Поощрялось развитие личных подсобных хозяйств колхозников и рабочих совхозов, даже появился лозунг «Хозяйство личное — польза общая»; также широко раздавались земли под садоводческие товарищества горожан.

Однако урожайность зерновых была значительно ниже, чем в промышленно развитых капиталистических странах, причем повышения урожайности добиться не удалось — в 1985 г. она составила 15 ц/га[2] (табл. 17.6).

---

[1] *Тимошина Т.М.* Экономическая история России. С. 334.

[2] Однако было большое различие по районам — так, в Молдавии урожайность была 29,3 ц/га, в России — 15,6 ц/га, в прибалтийских республиках — 21,3–24,5 ц/га (все данные 1970 г.).

Таблица 17.6

Показатели продуктивности сельского хозяйства в СССР, России, Западной Европе, США и Канаде

Показатель	Западная Европа	США	Канада	СССР	РСФСР
Урожайность зерновых, ц/га					
1970	27,9	31,6	21,1	15,7	13,7*
1989	45,8	44,8	21,2	18,9	16,1
1989 в разах к 1970	1,64	1,42	1,00	1,20	1,18
Надои молока на одну корову, кг/год					
1970	3269	4423	3256	2110	2328**
1989	4059	6533	5806	2555	2773**
1989 к 1970, в разы	1,24	1,48	1,78	1,21	1,19

* В среднем за 1971–1975 гг.
** За исключением ЛПХ.

Источник: Народное хозяйство СССР в 1985 г. М.: Финансы и статистика, 1986; Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика, 1991; World Agriculture. Trends and Indicators, 1970–1989. Washington: USDA, 1990. Цит. по: *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки современной России. М., 2006. С. 211.

Хронической проблемой оставалось недостаточное обеспечение населения продуктами питания, несмотря на большие капиталовложения в сельское хозяйство, принудительную отправку горожан на сельхозработы и значительный импорт продовольствия.

Итоги. В 1980 г. Советский Союз занимал первое место в Европе и второе место в мире по объемам производства промышленности и сельского хозяйства. Если в 1960 г. объем промышленной продукции СССР по сравнению с США составлял 55%, то через 20 лет, в 1980 г. — уже более 80%. В стране сложился единый народнохозяйственный комплекс. Освоены новые крупные районы на севере и востоке страны, улучшено использование природных ресурсов. За 1961–1985 гг. введено в действие основных фондов на 2637 млрд руб., построено более 9 тыс. новых промышленных предприятий.

Реальные доходы населения выросли за 1964–1982 гг.[1] более чем в 1,5 раза. Население России в те же годы увеличилось на 12 млн человек. На рубеже 1960–1970-х гг. городское население начинает преобладать над сельским (табл. 17.7).

[1] Годы пребывания Л.И. Брежнева на посту руководителя партии и государства.

Таблица 17.7

Численность городского населения СССР

Год	Численность городского населения СССР, млн человек	Доля городского населения в СССР, %
1956	88,2	45,0
1970	136,0	56,0
1975	151,9	60,0
1980	167,3	63,0
1985	180,1	65,2
1990	190,6	66,0

Источник: данные Госкомстата.

Было введено в эксплуатацию 1,6 млрд кв. м жилой площади, благодаря чему бесплатным жильем было обеспечено 162 млн человек. При этом квартплата в среднем не превышала 3% семейного дохода.

Однако во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. в СССР наметилась тенденция к снижению темпов роста национального дохода. Если в восьмой пятилетке среднегодовой прирост его составлял 7,5% и в девятой — 5,8%, то в десятой он снизился до 3,8%, а в первые годы одиннадцатой пятилетки составил около 2,5% (при росте населения страны в среднем на 0,8% в год). Это не обеспечивало ни требуемых темпов роста жизненного уровня народа, ни интенсивного технического перевооружения производства[1]. Огромных расходов требовало поддержание военно-стратегического паритета.

Попытки внедрить наукоемкие производства (микроэлектроника, информатика, робототехника, биотехнология), развернуть сеть научно-производственных объединений не приносили ожидаемого результата. Приоритетными оставались топливно-энергетический и военно-промышленный комплексы. Структура народного хозяйства приобретала все более нерациональный, перекошенный характер. Обратной стороной искусственно завышенной нормы накопления выступало недопотребление населения. Уровень располагаемых доходов, а главное реальные возможности реализовать эти доходы на приобретение желаемых благ и услуг у советских людей оставались значительно ниже, чем в странах с аналогичным уровнем среднедушевого ВВП. Параллельно

[1] *Заславская Т.И.* О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Знание–сила. 1985. № 3.

нишу (удовлетворение потребностей населения) в экономике занял теневой сектор[1] (табл. 17.8).

Таблица 17.8

Вынужденные сбережения населения (неудовлетворенный спрос)

Год	Неудовлетворенный спрос, млрд текущих рублей	Темпы ежегодного прироста неудовлетворенного спроса, %	Неудовлетворенный спрос, % ВВП
1970	17,5	...	—
1980	29,0	5,2	4,7
1985	60,9	16,0	7,8

Источник: ГА РФ. Ф.5446. Оп. 163. Д.185. Л.100; рассчитано: в долях ВВП по *Синельников С.Г.* Бюджетный кризис в России. М.: Евразия, 1995.

Поток нефтедолларов стал фактором серьезной дестабилизации советской системы. В СССР стали проявляться признаки «голландской болезни» — одностороннего развития экспортного сектора при ослаблении внимания к внутреннему производству (в данном случае за исключением ВПК). Нефтедоллары привели к углублению зависимости советской системы от состояния мирового рынка и, следовательно, ее нестабильности. Это проявилось, в частности, в быстром росте советского внешнего долга по мере снижения доходов от экспорта энергоносителей: сальдо расходов по обслуживанию внешнего долга составило в 1981 г. 4,4 млрд долл., в 1984 г. — 5,9 млрд долл., в 1986 г. — 15,1 млрд долл.

В то время как на Западе происходила структурная перестройка экономики в направлении развития ресурсосберегающих и наукоемких производств, усиления сектора услуг, советская система оказалась неспособной адаптироваться к вызовам новых производительных сил. Увеличивался разрыв в уровне эффективности производства с развитыми капиталистическими странами.

Вопросы для обсуждения

- С какими проблемами столкнулось советское хозяйство в рассматриваемый период?
- Каковы основные приоритеты государственной политики в период застоя?

[1] Оборот теневого сектора, по некоторым оценкам, достигал в 1970-е гг. весьма значительных размеров. Количество занятых в этой сфере к середине 1980-х гг. насчитывало миллионы человек (см.: *Тимошина Т.М.* Экономическая история России. М., 2011. С. 341; *Ясин Е.Г.* Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002; *Treml V., Alexaeev M.* The Second Economy and the Destabilizing Effect of Its Growth on the State Economy of the Soviet Union 1965–1989 // Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy in the USSR, 1993).

- Выделите основные факторы роста социалистической экономики в 1960–1980 гг.
- Суммируйте основные итоги социально-экономического развития СССР к середине 1980-х гг.

Литература

1. *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 1–2.
2. *Дробышевская Т.А.*, *Мау В.А.*, *Шахрай С.М.*, *Яник А.А.* История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999). М., 2011.
3. *Дьяченко В.П.* Товарно-денежные отношения и финансы при социализме. М., 1974.
4. История социалистической экономики СССР. В 6 т. М., 1980.
5. *Петраков Н.Я.* Хозяйственный механизм в системе оптимального функционирования социалистической экономики. М., 1985.
6. Хозяйственная реформа: опыт, перспективы / Под ред. Н.Е Дрогичинского, Д.И. Царева. М.: Экономика, 1969.
7. *Шаталин С.С.* Оптимизация функционирования социалистической экономики. М., 1980.
8. Экономическое планирование в СССР / Под ред. А.Н. Ефимова. М.: Экономика, 1967.
9. *Nove A.* The Economics of Feasible Socialism Revisited. Routledge, 1991.
10. *Treml V.*, *Alexaeev M.* The Second Economy and the Destabilizing Effect of Its Growth on the State Economy of the Soviet Union 1965–1989 // Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy In the USSR, 1993.

ЛЕКЦИЯ 18

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х — 1990-е гг.)

Т.А. Дробышевская

Перестройка

Новый этап развития социалистической экономики начался в 1985 г. с приходом к руководству страной М. Горбачева[1]. К середине 1980-х гг. среднедушевой ВВП в СССР составлял лишь 37% от уровня США, при этом энерго- и материалоемкость продукции советской промышленности в 1,5–2 раза превышала соответствующие показатели развитых стран, значительно отставал и уровень производительности труда. Чрезвычайно низкими оставались производительность труда и фондоотдача (табл. 18.1).

Таблица 18.1

Факторная производительность (factor productivity) в СССР по промышленности и по экономике в целом (среднегодовые темпы роста)

Показатель	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986	1987
Факторная производительность по экономике в целом	0,3	0,8	−1,2	−1,3	−1,1	1,4	−1,9
Производительность труда по экономике в целом	3,2	3,0	1,3	1,0	1,1	3,5	0,1

[1] Ключевой вклад в разработку реформы второй половины 1980-х гг. внесли, в частности, Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, А.И. Анчишкин, Н.Я. Петраков, С.Д. Шаталин, Е.Г. Ясин.

Окончание таблицы 18.1

Показатель	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986	1987
Производительность капитала (фондоотдача) по экономике в целом	−3,7	−2,2	−4,6	−4,4	−4,1	−1,4	−4,6
Факторная производительность в промышленности	−1,0	0,1	−0,1	−2,1	−2,3	−0,8	−1,4
Производительность труда по экономике в целом	3,5	3,1	3,9	1,3	1,2	2,3	1,7
Производительность капитала (фондоотдача) по экономике в целом	−4,4	−2,3	−3,1	−4,7	−4,9	−3,1	−3,7

Источник: Directorate of Intelligence, Handbook of Economic Statistics, 1988. Washington, D.C.: Central Intelligence Agency, 1988. P. 3. Цит. по: *Gregory P.R.*, *Stuart R.*C. Soviet Economic Structure and Performance. N.Y.: Harper and Row, Publishers, 1990. P. 370.

Падение мировых цен на нефть и последовавшее за этим сокращение доходов бюджета от экспорта энергоносителей привели к нарастанию бюджетных диспропорций.

В условиях падения цен на нефть и продолжающейся гонки вооружений необходимо было обеспечить как минимум 4%-ный рост национального дохода. Даже по официальным данным, в годы одиннадцатой пятилетки темпы роста были ниже. Возможности роста за счет привлечения новых материальных и людских ресурсов были практически исчерпаны — для подобного экстенсивного роста национального дохода требовалось увеличить добычу топлива и сырья на 15%, инвестиции — на 30–40%, вовлекать в производство до 2 млн человек в год[1]. Единственный выход виделся в «существенном росте производительности труда посредством внедрения прогрессивного оборудования, автоматики»[2]. Предполагалось увеличить долю ресурсов, направляемую на инвести-

[1] См.: *Аганбегян А.Г.* На новом этапе экономического строительства // Эко. 1985. № 8; *Мау В.А.* Перестройка: теоретические и политические проблемы экономических реформ // Вопросы экономики. 1995. № 2.

[2] *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 147.

ции, прежде всего в машиностроение. Темпы роста машиностроительных отраслей должны были в ближайшие годы увеличиться в 1,5–2 раза. Был выдвинут лозунг «ускорения».

Совершенствование экономического механизма социалистической экономики, получившего известность как перестройка, предполагалось осуществить в логике социалистической рыночной экономики нэпа и с учетом опыта хозяйственной реформы 1965 г. Сама необходимость перестройки в соответствии с «основным экономическим законом социализма» мотивировалась важностью повышения благосостояния, повышения растущих потребностей советских людей. В качестве важнейшего рычага называлось централизованное планирование как решающее преимущество социалистического хозяйствования, дающее возможность обеспечить сознательную оптимизацию экономического роста и структурных сдвигов[1]. Именно с совершенствованием планирования на макро- и микроуровнях поначалу связывалось решение задач «ускорения»[2].

При этом традиционно в советской экономической литературе вопрос о допущении свободного ценообразования даже не ставился. В крайнем случае говорилось о переходе к «сбалансированным ценам», рассчитанным в соответствии с математическими моделями «теории (системы) оптимального функционирования экономики» (ТОФЭ или СОФЭ)[3].

Качественное отличие перестройки от предыдущих попыток модернизации системы состояло в том, что меры по экономическому реформированию страны были подкреплены глубокой политической реформой, включавшей распространение гласности (свободы слова), демократизацию политической системы, свободные выборы в парламенты всех уровней и отказ от однопартийной политической системы. Изменение политической системы призвано было стать гарантом необратимости экономических преобразований.

Основными элементами экономической политики перестройки были резкое расширение самостоятельности предприятий, допущение частнопредпринимательской деятельности в форме кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности. Позднее к перечисленным мерам были добавлены развитие арендных отношений вплоть до возможности передачи арендованного имущества (производительных сил) в частные руки,

---

[1] «Закон планомерного пропорционального развития народного хозяйства» являлся одним из «экономических законов социализма». Собственно «ускорение» вполне соответствовало еще одному экономическому закону социализма — «закону опережающего роста средств производства» по сравнению с производством предметов потребления.

[2] *Мау В.А.* Перестройка: теоретические и политические проблемы экономических реформ // Вопросы экономики. 1995. № 2. С. 10.

[3] См.: *Петраков Н.Я.* Хозяйственный механизм в системе оптимального функционирования социалистической экономики. М., 1985; *Шаталин С.С.* Оптимизация функционирования социалистической экономики. М., 1980.

разгосударствление (приватизация), а также допущение негосударственных форм в финансовом секторе (частные банки). Перераспределение хозяйственных прав в пользу сначала трудовых коллективов и руководителей государственных предприятий, а затем и негосударственного сектора сделало возможным структурный маневр в интересах машиностроительного комплекса.

Ресурсы, находившиеся в распоряжении государства, продолжали сокращаться. Вместе с тем, несмотря на формирование новых рыночных институтов, власть пыталась сохранить государственное ценообразование на основную номенклатуру товаров и услуг, а также доминирование государственной собственности на средства производства.

Результатом такой политики стала потеря управляемости экономикой. Демократизация экономической и политической жизни вынула стержень принуждения, а новых механизмов создано не было. В результате на рубеже 1980–1990-х гг. сложилась парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, в стране «предпринимались интенсивные меры по созданию социалистического рынка», проводились конверсия военного производства, изменение структуры хозяйства и внешней торговли в пользу потребительского и социального сектора, а с другой стороны, развивался социально-экономический кризис (падение производства в «открытой» экономике и рост «теневой», рост инфляции, ухудшение положения наименее обеспеченных слоев населения) (табл. 18.2).

Таблица 18.2

Изменение средних и прейскурантных розничных цен товаров-представителей (учитывая все каналы реализации)

	1989 г. в % к 1985 г.			1989 г. в % к 1988 г.		
	Все товары	**Продовольственные товары**	**Непродовольственные товары**	**Все товары**	**Продовольственные товары**	**Непродовольственные товары**
Цены товаров-представителей	109,5	112,5*	106,7*	102,2	100,8	103,5
Средние цены	110,4	113,5	107,3	103,0	102,0	104,0
Прейскурантные цены	104,2	110,9	98,6	100,7	100,8	100,6

Примечание. Регистрация цен была организована в 150 областных, краевых, республиканских центрах. Для регистрации цен отобрано 650 товаров. Цены колхозной торговли наблюдались ежемесячно в 264 городах по 105 товарам.

* Оценка.

Источник: *Белов Н.Г.* Первый заместитель председателя Госкомстата СССР председателю Совета Министров СССР Рыжкову Н.И. О ценах на товары народного потребления. 07.08.1990. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 277. Л. 27.

Продолжала разрушаться финансовая система. Серьезный удар по доходной части бюджета нанесла антиалкогольная кампания (сокращение производства и реализации через государственную торговлю спиртных напитков) (табл. 18.3).

Таблица 18.3

Финансовые последствия антиалкогольной кампании в 1985–1987 гг.

	1984	1985	1986	1987
Поступление налога с оборота в госбюджет по алкогольной продукции, млрд руб.*	36,7	33,3	27,0	29,1
Поступление налога с оборота в госбюджет по алкогольной продукции, % ВВП	4,8	4,3	3,4	3,5
Розничный товарооборот алкогольных напитков, млрд руб.	52,8	47,7	37,0	36,6
Розничный товарооборот алкогольных напитков, % ВВП	6,9	6,1	4,6	4,4

Источник: Расчеты в % ВВП. См.: *Синельников С.Г.* Бюджетный кризис в России: 1985–1995 гг. Цит. по: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки современной России. М., 2006. С. 238.

С 1988 г. начался спад производства в сельском хозяйстве СССР, с 1990 г. — в промышленности. За 1991 г. национальный доход сократился более чем на 11%, ВВП — на 13, промышленное производство — на 2,8% (добыча нефти и угля — на 11%, выплавка чугуна — на 17%), сельскохозяйственное производство сократилось на 4,5%. Сокращение производства также негативно сказывалось на состоянии налоговой базы бюджета.

Министерство финансов СССР и Госкомстат СССР оценивали дефицит государственного бюджета СССР за 1985 г. в 18 млрд руб. По их же данным, в 1988 г. его уровень достиг 90,1 млрд руб. Государственный долг СССР на начало 1989 г. составлял 312,4 млрд руб., а на конец 1989 г. — 400 млрд руб., или 44% ВНП[1].

В 1991 г. дефицит бюджета превысил запланированный в 6 раз и достигал, по разным оценкам, 19–21% (табл. 18.4).

[1] *Павлов В.С.* (министр финансов СССР) и *Кириченко В.Н.* (председатель Госкомстата СССР) в Совет министров СССР. Материал о мерах по преодолению инфляции. 05.12.1989. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 72; *Рыжков Н.И.* (председатель Совета Министров СССР), *Маслюков Ю.Д.* (председатель Госплана СССР), *Воронин Л.А.* (председатель Госснаба СССР) в ЦК КПСС. Предложения о мерах по развитию и углублению радикальной экономической реформы и устранению недостатков, выявленных в ходе ее осуществления. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 149. Д. 1. Л. 39–56.

Таблица 18.4

Основные показатели бюджета СССР в 1980–1990 гг., млрд руб.

	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
ВНП (фактические цены)	619	777	799	825	875	943	1010
Доходы госбюджета % к ВНП		372,6 48,0	371,6 46,5	378,4 45,9	378,9 43,3	401,9 42,6	471,8 47,2
В том числе союзный бюджет % к доходам консолидированного бюджета		191,7 51,4	186,0 50,0	184,9 48,7	169,6 44,8	158,2 39,4	210,5 44,6
Расходы В том числе союзного бюджета % к расходам консолидированного бюджета		386,5 202,9 52,5	417,1 222,9 53,4	430,9 237,5 55,1	459,5 245,3 53,4	482,6 244,6 50,7	513,2 240,5 46,9
Расходы на народное хозяйство и оборону % к общему объему расходов		228,2 59,0	245,4 58,8	247,1 57,3	263,0 57,2	276,7 57,3	266,6 51,9
Дефицит госбюджета % к ВНП % к доходам союзного бюджета		13,9 1,8 7,3	45,5 5,7 24,5	52,5 6,4 28,4	80,6 9,2 47,5	80,7 8,6 51,0	41,4 4,1 19,7

Источник: данные Госкомстата.

Внешний долг к концу 1991 г. увеличился до 76 млрд долл., внутренний долг — до 5,6 млрд долл. Золотой запас составил на 1 января 1992 г. всего 289,6 т. В условиях невозможности пополнения доходной части бюджета другим путем государство увеличивало необеспеченную денежную эмиссию (табл. 18.5).

Таблица 18.5

Выпуск денег в обращение, 1986–1989 гг.

Период	Выпуск денег в обращение за год, млрд руб.	Ежегодные темпы прироста выпуска денег, %
1986	3,9	8,3*
1987	5,9	51,3
1988	11,8	100,0
1989	18,3	55,1

*Темпы роста за 1986 г. даны по отношению к среднегодовому значению выпуска денег за период 1981–1985 гг., составлявшего 3,6 млрд руб.

Источник: Гайдар Е. Т. Гибель империи. М., 2006. С. 243.

Резко выросли темпы инфляции: если в 1990 г. рост цен составил 5%, то за 1991 г. уровень потребительских цен вырос более чем в 2 раза (101,2%). Параллельно нарастал товарный дефицит (табл. 18.6).

Таблица 18.6

Соотношение денежных накоплений населения с наличием товарных запасов в торговле и промышленности (на конец года)

	1970	**1980**	**1985**	**1990**
Денежные средства населения (вклады, наличные деньги, ценные бумаги), млрд руб.	73	228	320	568
Денежные средства населения, % ВВП	19,3	36,8	41,2	55,4
Товарные запасы на 1 руб. денежных средств населения, руб.	0,62	0,29	0,30	0,13

Источник: Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 396.

Государство утратило контроль над финансовыми процессами и денежным обращением. Началось бегство от рубля, вытеснение товарно-денежных отношений бартером; росли административные ограничения товарообмена между республиками и регионами. СССР как единое государство разрушался: экономические и политические ориентиры республик все более расходились, а попытки воссоздать союзные структуры путем создания Межреспубликанского экономического комитета оказались безрезультатными. В декабре 1991 г. Советский Союз прекратил свое существование[1]. Руководство России приняло на себя ответственность за осуществление экономических реформ для предотвращения национальной катастрофы, включая опасность голода в промышленных регионах[2].

[1] 8 декабря 1991 г. в Вискулях (Беловежская пуща) под Брестом (Белоруссия) главами Российской Федерации (РСФСР), Республики Беларусь и Украины было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), означавшее прекращение существования Союза Советских Социалистических Республик.

[2] См.: Переход к рынку. Концепция программы. Ч. I и II (Экономическая программа «500 дней»). М., 1990. см. также по поводу вариантов программ по выходу из кризиса: *Рыжков Н.И.* Главный свидетель. М., 2009; *Ясин Е.Г.* Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002.

Попытка «шоковой терапии»

Новое правительство РФ было сформировано 6 ноября 1991 г. Функции премьера взял на себя Б. Ельцин, а его заместителями стали Г. Бурбулис, Е. Гайдар и А. Шохин. Е. Гайдар стал идеологом и руководителем рыночной трансформации российской экономики. Программа посткоммунистических преобразований, к реализации которой приступило правительство в ноябре 1991 г., включала либерализацию экономики (прежде всего цен и внешнеэкономической деятельности), макроэкономическую стабилизацию (бюджетную и денежную) и приватизацию как важнейшую институциональную задачу. Необходимо было также полностью создать институциональную систему рыночной экономики начиная с адекватной налоговой системы.

Финансовая сфера была признана ключевой на первом этапе реформирования экономики. Основные аргументы реформаторов заключались в следующем. Для финансовой стабилизации (минимизации инфляции и дефицита бюджета) требуется меньше времени, чем для приватизации, демонополизации, формирования других рыночных структур, причем сама стабилизация становится базой для проведения дальнейших преобразований.

Либерализация цен, осуществленная в январе 1992 г., была нацелена на решение нескольких проблем: уменьшить финансовую несбалансированность в экономике; быстро ликвидировать «денежный навес», обусловленный инфляционной денежно-кредитной политикой предыдущих лет; создать предпосылки для более эффективного распределения производственных ресурсов; ввести конкурентные начала в поведение и взаимодействие предприятий. После либерализации цен произошло быстрое наполнение потребительского рынка.

Вместе с тем начало проведения рыночных преобразований было сопряжено с усугублением экономического спада и резким снижением уровня жизни населения. Разрыв привычных экономических связей (в том числе с государствами — членами СЭВ, а потом и с теперь уже бывшими республиками СССР), отсутствие опыта работы в условиях рынка, неконкурентоспособность отечественной продукции в условиях либерализации импорта, а также недостаток оборотных средств обусловили спад производства. Высокая степень монополизации российской экономики, а также преобладание тяжелой индустрии, сложных и точных производств ВПК способствовали увеличению масштабов спада (табл. 18.7).

Экономический кризис, рост открытой и скрытой безработицы, неспособность государства мобилизовать ресурсы для обеспечения своих социальных обязательств ухудшили положение населения. Обесценение сбережений и катастрофическое падение уровня доходов в результате инфляции поставили значительную часть населения на грань физического выживания (табл. 18.8).

Таблица 18.7

Динамика интенсивности промышленного производства, % к январю 1990 г. (сезонность исключена)[1]

Отрасли	Год										
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Промышленность	95,4	81,8	69,0	52,8	47,5	42,8	40,3	42,3	40,4	45,7	48,1
ТЭК	95,8	89,7	80,1	74,0	68,7	66,6	64,2	65,9	64,2	65,5	67,2
Электроэнергетика	100,2	99,1	91,8	89,3	82,9	81,3	75,6	78,6	76,2	77,5	78,1
Нефтедобыча	90,6	79,0	68,4	60,4	56,2	53,8	53,3	54,8	53,9	54,8	58,6
Нефтепереработка	95,8	91,7	77,2	67,4	61,6	59,0	60,3	60,7	58,4	59,8	60,2
Газовая	100,7	98,2	98,5	95,8	95,0	93,3	93,1	94,1	92,5	91,8	93,0
Угольная	95,3	84,8	78,7	72,0	67,3	65,6	60,1	60,5	60,1	63,6	64,3
Черная металлургия	95,7	74,1	68,9	50,9	51,6	53,9	51,6	51,9	48,4	61,2	66,3
Цветная металлургия	94,0	85,1	74,9	70,8	73,6	79,6	80,4	86,4	87,1	95,4	95,3
Машиностроение	97,0	80,1	71,2	41,1	37,2	27,1	27,4	30,8	27,6	31,5	36,8
Химия и нефтехимия	49,3	83,0	66,7	46,7	45,7	43,9	42,6	43,4	43,6	53,8	56,3
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	90,1	76,7	60,0	45,2	41,0	39,9	32,0	34,1	35,1	45,1	46,0
Строительные материалы	94,2	85,4	64,3	51,4	41,5	34,1	25,7	26,5	26,1	27,9	30,8
Пищевая	96,1	77,2	65,6	57,1	47,2	41,7	36,8	38,2	36,5	41,7	39,9
Легкая	94,0	82,0	46,3	34,0	20,6	14,0	11,7	13,0	8,8	15,4	17,3

Источник: Госкомстат РФ.

Таблица 18.8

Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума[2] **в 1992–1999 гг.**

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Доля бедного населения, %	33,5	31,5	24,4	25,0	21,6	20,7	23,3	28,4

Источник: Госкомстат РФ.

[1] Наблюдаются значительные различия в оценках масштабов спада ВВП и промышленного производства в России в рассматриваемый период. По поводу статистических казусов см.: *Ясин Е.Г.* Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. С. 422–425.

[2] Прожиточный минимум представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы.

Негативные последствия политики экономической либерализации (одномоментной отмены административного управления экономикой, либерализации цен и внешней торговли), разумеется, были предсказуемы, и опыт проведения мероприятий по достижению финансовой стабилизации широко известен и неоднократно обсуждался в экономических исследованиях. Теория (и успешная практика[1]) решения задачи финансовой стабилизации требует соблюдения условия жесткой политической воли, т.е. власть должна быть готова на проведение жесткой финансовой политики, несмотря на потери для населения (при обеспечении минимальных гарантий для наиболее обездоленных) и экономики и несмотря на падение собственного авторитета в краткосрочном периоде. В таком случае задача будет решена в течение нескольких месяцев, в условиях валютной и бюджетной стабильности откроются возможности для расширения инвестиций и подъема производства, а значит, и повышения уровня жизни населения.

Стабилизационная политика 1992 г. оказалась сорванной. Вскоре после начала реформ стало быстро нарастать лоббистское давление на исполнительную власть с требованиями усиления финансовой поддержки различных социальных групп. Вопросы поддержки отечественной промышленности, сельского хозяйства и других отраслей, а также преодоления кризиса неплатежей решались путем расширения объемов кредитования народного хозяйства Центральным банком. Всего за июль–сентябрь 1992 г. таких кредитов было выдано в объеме 9% годового ВВП. Кредиты выдавались на льготных условиях при ставке рефинансирования ниже инфляции, что означало бесплатную раздачу средств. В результате индекс инфляции в 1992 г. составил 2500%.

В условиях либерализации внешнеэкономической деятельности и экономики в целом подавляющее число отраслей российской промышленности, не связанных с сырьевым экспортом, оказались неконкурентоспособными. В наибольшей степени это касалось легкой и пищевой промышленности, машиностроения. В результате резкого и продолжительного падения производства и соответственно сокращения налогооблагаемой базы обострилась ситуация с бюджетом. Дефицит бюджета за первую половину 1992 г. составил 6,6% ВВП и продолжал нарастать. Проблема бюджетного дефицита по-прежнему «решалась» с помощью необеспеченной эмиссии (табл. 18.9).

Решить задачу денежной стабилизации удалось только в 1995 г. Длительное воспроизводство макроэкономической нестабильности было обусловлено рядом факторов, преимущественно политических и правовых. Во-первых, отсутствие современных конституционных основ взаи-

[1] См., например, о реформах Л. Эрхарда в послевоенной ФРГ или политике «шоковой терапии» в Польше начала 1990-х гг.

модействия исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, подчиненность Центрального банка парламенту. Во-вторых, коалиционный характер исполнительной власти, в состав которой входили представители различных групп давления, что приводило к произвольности и непоследовательности принимаемых решений. В-третьих, неразвитость рыночных институтов (финансовой инфраструктуры рынка и др.). В-четвертых, неурегулированность отношений с республиками бывшего СССР, отсутствие четких таможенных границ и сохранение на протяжении 1992–1993 гг. единого рублевого пространства (российские власти не имели возможности в полной мере контролировать денежное предложение, поскольку осуществлялась эмиссия рублей за рубежами страны).

Таблица 18.9

Инфляция в СССР и России

Показатели	СССР 1986	СССР 1987	СССР 1988	СССР 1989	СССР 1990	СССР 1991	СССР 1992	Россия 1993	Россия 1994
Дефлятор ВВП					14,7	131,8	1606,9	919,7	356,8
Оптовые цены промышленности (%)	1,0	0,5	0,9	1,7	3,0	138,0	1949,0	887,0	233,0
Закупочные цены на сельхозпродукцию (%)	1,0	2,9	12,1	6,7	11,7	58,9	831,0	740,0	200,0
Цены колхозного рынка (%)	–3,6	2,6	2,6	9,5	21,5	132,0	622,0	1100,0	133,3
Сводный индекс потребительских цен (%)	1,3	1,5	0,8	2,8	6,8	168,0	2508,8	844,2	214,8

Источники: Госкомстат СССР, Госкомстат РФ, ИЭА (URL: http://www.budgetrf.ru/index.htm)

Принятие новой Конституции России (1993) и изменение политической системы способствовали проведению стабилизационного курса. Новая Конституция упорядочила процедуры принятия экономических (прежде всего бюджетных) решений. Центральный банк стал независимым институтом. Постепенно происходили изменения и в поведении экономических агентов, в том числе в банковском секторе. Формировалась финансовая инфраструктура, позволившая обеспечивать финансирование дефицита государственного бюджета за счет заимствований на финансовых рынках. Ограничив возможности спекуляций на валютном рынке и рынке межбанковского кредита, государству удалось создать условия, сделавшие государственные ценные бумаги государственные краткосрочные облигации (ГКО) и облигации федерального займа (ОФЗ)

привлекательными для инвесторов. Кроме того, значительную роль в создании стимулов для подавления инфляции сыграла приватизация. Новые собственники (прежде всего крупные финансово-промышленные группы) оказались заинтересованы в денежной стабилизации, как в необходимом условии повышения стоимости своих активов.

В 1996 г. среднемесячный темп инфляции составил 1,7%, а за год цены выросли по отношению к 1995 г. на 121,8%.

Вместе с тем созданная на тот момент финансовая структура была весьма уязвима.

Реальный сектор экономики

На начало 2000-х гг. Россия оставалась одной из немногих стран социалистического лагеря, начавшей преобразования на рубеже 1980–1990-х гг., все еще не восстановивших докризисный уровень производства. Нижняя точка спада была достигнута осенью 1998 г., и уже с начала 1999 г. наблюдался экономический рост. Однако даже на начало 2001 г. индекс промышленного производства составлял 48,1% от уровня января 1990 г.

Можно выделить целый ряд причин, усугубивших проблему трансформационного спада в России. Поскольку специфика трансформации в России была обусловлена наложением сразу нескольких кризисов (социально-экономического, структурного, политического), то и причины эти следует искать в нескольких направлениях. Это и более жесткая, чем в странах Центральной и Восточной Европы, система государственного контроля и распределения, и практически полное отсутствие «институциональной памяти» рынка как у государства, так и у населения (почти 70 лет административного хозяйства), и качественно другой масштаб экономики страны, и сложность хозяйственных связей, и обусловленная статусом сверхдержавы непомерная доля ВПК. Сыграл роль и выбор приоритетов экономической политики в переходный период: во главу угла была поставлена не минимизация масштабов трансформационного спада, а борьба с инфляцией, финансовая стабилизация.

Трансформационный спад оказался крайне неравномерен в отраслевом разрезе. В наименьшей степени пострадали отрасли, обеспечившие себе экспортные рынки (прежде всего сырьевые отрасли), в наибольшей — отрасли, производящие конечную продукцию для внутреннего рынка. Опережающими темпами падало производство продукции высокой степени переработки. Доля России в мировом ВВП в 1996 г. составляла 1,7%, при этом удельный вес нашей страны в мировом производстве наукоемкой продукции составлял 0,3%. Другими словами, в процессе трансформации исходная диспропорциональность развития российской экономики, выражавшаяся в гипертрофированном развитии сырьевых отраслей, только усилилась. Усилилась зависимость состояния

экономики и бюджета страны от мировой конъюнктуры, что вносит дополнительный элемент риска в экономическую ситуацию и ставит под вопрос любую экономическую политику.

Приватизация собственности изначально выдвигалась в ряду основных преобразований в рамках программы реформ. В конечном счете именно приватизация должна была освободить предпринимательскую инициативу, создать условия для повышения эффективности работы предприятий. Вместе с тем на первом этапе цель приватизации состояла прежде всего в создании социального слоя, заинтересованного в продолжении реформ (сохранении преемственности политики власти). При этом необходимо было свести к минимуму социальные конфликты. Модель массовой приватизации в России была одобрена в декабре 1991 г. и осуществлена в 1992–1994 гг.

К завершению чекового этапа приватизации (середина 1994 г.) в руках государства оставалась по меньшей мере треть всех активов. В 1995–1996 гг. начался денежный этап приватизации. Правительство пошло на передачу в частные руки ряда крупных и привлекательных объектов (преимущественно предприятий нефтедобычи и металлургии). Однако накануне выборов в центре внимания власти находились вопросы политической поддержки со стороны населения и крупного бизнеса. Таким образом, не экономическая целесообразность, а интересы пополнения бюджета в краткосрочной перспективе, на конкретной стадии политического цикла, обусловили не только отсутствие предпродажной подготовки, но и минимальные цены продаж на аукционе (табл. 18.10).

Таблица 18.10

Залоговые аукционы, проведенные в России в ноябре-декабре 1995 г.

Дата	Предприятие	Доля, %	Средства, поступившие в бюджет, млн долл.	Победители аукциона
17 ноября 1995 г.	Норильский никель	51	170,1	ОНЭКСИМбанк
8 декабря 1995 г.	ЮКОС	45	159	ЗАО «Лагуна» (фактически — банк МЕНАТЕП)
7 декабря 1995 г.	ЛУКОЙЛ	5	141	ЛУКОЙЛ-Империал
7 декабря 1995 г.	Сиданко (теперь ТНК-ВР)	51	130	Банк МФК (фактически — консорциум из МФК и «Альфа-групп»)
28 декабря 1995 г.	Сибнефть	51	100,3	ЗАО «Нефтяная финансовая компания» (гарант — Столичный банк сбережений)

Окончание таблицы 18.10

Дата	Предприятие	Доля, %	Средства, поступившие в бюджет, млн долл.	Победители аукциона
28 декабря 1995 г.	Сургутнефтегаз	40,12	88,9	НПФ «Сургутнефтегаз» (гарант — ОНЭКСИМбанк)
7 декабря 1995 г.	Новолипецкий металлургический комбинат	14,87	31	Банк МФК (фактически — «Ренессанс Капитал»)
11 декабря 1995 г.	Новороссийское морское пароходство (Новошип)	20	22,65	Новороссийское морское пароходство (Новошип)
28 декабря 1995 г.	АО «Нафта-Москва»	15	20,01	ЗАО «НафтаФин» (фактически — менеджмент самого предприятия)
17 ноября 1995 г.	АО «Мечел»	15	13	ТОО «Рабиком»
17 ноября 1995 г.	Северо-западное речное пароходство	25,5	6,05	Банк МФК
7 декабря 1995 г.	Мурманское морское пароходство	23,5	4,125	ЗАО «Стратег» (фактически — банк МЕНАТЕП)

Источник: Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Рук. раб. гр. — председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М., 2004.

Перераспределение собственности в пользу эффективных ответственных собственников оставалось перспективной задачей. Только после 1997 г. произошел поворот к продаже принадлежащих государству пакетов акций и целых предприятий на торгах за реальные деньги.

Сельское хозяйство России находилось в крайне депрессивном состоянии еще в советский период. Непоследовательность макроэкономических реформ, длительный период инфляции, перекрывшей доступ к долгосрочным недорогим кредитам, необходимым для сельскохозяйственного производства с его длительным производственным циклом, только усугубили ситуацию. Рынок заполнялся более дешевым импортом.

Спад сельскохозяйственного производства в России, хотя и оказался меньше, чем в промышленности, превысил по своим масштабам аналогичные показатели стран Центральной и Восточной Европы, в большинстве которых сельское хозяйство уже к началу постсоциалистических преобразований действовало в рыночных условиях. В период 1992–1995 гг. происходили резкие изменения: доля государственных предприятий в общем объеме производства снижалась, а параллельно увеличивалась доля ЛПХ (личного подсобного хозяйства) и фермерских хозяйств. Вме-

сте с тем следует отметить, что фермерские предприятия, как правило, узко специализированы, значительно менее диверсифицированы, чем бывшие колхозы и совхозы, а потому более зависимы от колебания рынка и не всегда разумной аграрной политики государства (табл. 18.11).

Таблица 18.11

Структура сельскохозяйственного производства по типам хозяйств (в % к итогу)

	1992	1999
Предприятия	67	38
Хозяйства населения	31	60
Фермерство	1	2

Производительность труда в российской экономике осталась на низком уровне. За период 1990–1995 гг. этот показатель снизился в промышленности на 52%. Темпы падения производства превышали темпы сокращения занятости[1]. На конец 1990-х гг. производительность труда в России составляла только 12% от среднемирового уровня (выработки на одного рабочего). Крайне низкой оставалась производительность сельскохозяйственного производства[2].

Среди основных проблем, препятствующих росту эффективности производства, следует выделить низкий уровень защиты прав собственности и ограниченные возможности контроля руководства частных предприятий со стороны акционеров, высокую степень зарегулированности экономики (зависимости от решения бюрократических органов), отсутствие активной государственной политики в области занятости и переподготовки.

Кризис 1998 г.

После распада СССР Россия стала его правопреемником, приняв на себя весь долг бывших союзных республик перед третьими странами и международными организациями в сумме порядка 103 млрд долл.[3] Кредиты, ранее выданные СССР иностранным государствам, практически в Россию не возвращались, поскольку страны, их получившие, считали СССР как государство ликвидированным, а правопреемство по долгам не было юридически переоформлено

[1] На 1% сокращения ВВП приходилось 0,03% снижения занятости (*Бункина М.К.* Национальная экономика. С. 180).

[2] Каждый работник сельского хозяйства России кормит 15 человек, тогда как в США — 80, в Германии — 50, в Италии — 25 (сопоставляются выработки на одного занятого) (*Бункина М.К.* Национальная экономика. С. 180).

[3] К России же, с другой стороны, перешла зарубежная собственность бывшего СССР.

на Россию. В последующем международные договоры с переводом долга в пользу России практически не переоформлялись, а стороны признавали взаимные долги по личной договоренности между руководителями государств. По некоторым оценкам, более 50 государств оставались на начало XXI в. должниками перед Россией с общей суммой задолженности свыше 120 млрд долл.[1] В условиях бюджетного кризиса первой половины 1990-х гг. обслуживание обязательств по выплате внешнего долга становилось трудноразрешимой задачей.

Возрастающий бюджетный дефицит требовал новых заимствований на его покрытие. В 1992 г. Россия вступила в Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк. С этого времени начинается история собственно российской задолженности, которая прирастала кредитами прежде всего этих международных организаций, в первую очередь МВФ.

В 1995–1998 гг. процентные расходы бюджета (расходы по выплате процентов по долгам) держались на уровне 11–14% от общего уровня расходов бюджета расширенного правительства, а в 1996 г. даже достигали 15,9%. Вместе с тем Россия по-прежнему прибегала к заимствованиям на внешнем рынке. Кредиторы довольно легко и неоднократно шли на предоставление отсрочек и льготных периодов по обслуживанию задолженности бывшего СССР, однако на Россию не была распространена практика хотя бы частичного списания старых долгов, существовавшая в отношениях Парижского и Лондонского клуба кредиторов[2] с другими странами-должниками[3].

Государство в условиях продолжающегося падения производства и неспособности обеспечить сбор налогов[4], с одной стороны, и сохранения унаследованного с советских времен бремени расходов на соци-

---

[1] К крупным должникам относились Куба, Сирия, Монголия, Ирак, Эфиопия.

[2] Парижский клуб объединяет государства-кредиторы в лице представителей центральных банков и министров финансов стран-кредиторов, в то время как Лондонский клуб объединяет негосударственные, коммерческие банки.

[3] *Широв А.А., Шошкин С.П.* Взаимодействие основных показателей платежного баланса и бюджетной системы в современных российских условиях. Сборник научных трудов ИНП РАН, М., 2004. С. 31–32.

[4] Весьма болезненной оставалась проблема бюджетного федерализма. Вслед за распадом СССР угроза распада нависла над независимой Россией. Регионы создавали ассоциации или в одностороннем порядке декларировали переход к одноканальной налоговой системе, предполагающей поступление всех налогов субъектам Федерации с последующим взносом в федеральный бюджет на федеральные программы. Республики в составе Российской Федерации, прежде всего Татарстан, Башкирия, Якутия, подписали с федеральным центром договоры о разграничении полномочий, предусматривающие льготный режим перечисления налогов в федеральный бюджет. Такое положение отчасти сохранялось до 2000 г. Уже в 1994–1995 гг. центр пытался ограничить практику индивидуальных договоренностей в пользу единых правил межбюджетных отношений, однако проблема осталась нерешенной. В 1995 г. 70 из 89 регионов РФ были дотационными.

альную сферу, с другой стороны, вынуждено было постоянно наращивать заимствования на внутреннем и внешнем рынках, выстраивая «пирамиду ГКО». Концентрация на операциях с государственными ценными бумагами сделала российский финансовый рынок более неустойчивым, а банковскую систему — в высшей степени зависимой от государственной политики.

Правительство все больше попадало в зависимость от держателей внутреннего долга (18,7% ВВП на 1997 г.), который сконцентрировался в руках нескольких крупнейших банков, что позволяло последним использовать госдолг как мощный рычаг давления на правительство.

Продолжающийся спад производства, сохранение экспортной ориентации экономики, неспособность государства решить проблемы бюджета, все возрастающая зависимость экономической ситуации в стране от ситуации на финансовых рынках — все эти факторы способствовали поддержанию обстановки нестабильности. В условиях мирового финансового кризиса и ухудшения мировой конъюнктуры на рынке энергоносителей нестабильность реализовалась в августе 1998 г. полномасштабным кризисом финансовой системы[1].

Массовое бегство капиталов с российского рынка на фоне лавинообразного роста стоимости доступных России заимствований[2] вынудили правительство С. Кириенко пойти одновременно на дефолт выплат по внутреннему долгу и резкую девальвацию рубля. За 1998 г. ВВП упал на 6%, инфляция составила 84%, реальные располагаемые доходы населения сократились на треть. Банковская система и финансовые рынки вступили в полосу затяжного кризиса.

Вместе с тем удалось избежать раскручивания спирали, ведущей к гиперинфляции. Дефолт и обесценение внутреннего долга, обесценение в реальном выражении социальных обязательств государства (зарплат и пенсий) облегчили тяжесть бюджетной проблемы. Скачок цен обернулся повышением номинальных доходов бюджета (прежде всего через

---

[1] По сей день продолжаются дискуссии по поводу причин и неизбежности финансового кризиса и дефолта 1998 г. См., в частности: *Аникин А.В.* История финансовых потрясений: Российский кризис в свете мирового опыта. Изд. 3-е. М., 2009; *Вавилов А.* Государственный долг: уроки кризиса и принципы управления. М., 2001.; *Гилман М.* Дефолт, которого могло не быть. М., 2009; *Илларионов А.Н.* Как был организован российский финансовый кризис // Вопросы экономики. 1998. № 11–12; *Ясин Е.Г.* Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ; Кризис финансовой системы России: основные факторы и экономическая политика // Вопросы экономики. 1998. № 11. С. 36–65.

[2] С середины мая до середины августа 1998 г. доходность ГКО подскочила с 40 до 118% годовых. Всего за этот период бюджет потратил на погашение обязательств по ГКО 53 млрд руб. Для сравнения: поступления в федеральный бюджет в июле 1998 г. составили 144,4 млрд руб., а суммарная задолженность по заработной плате — 78,1 млрд руб., в том числе на 17,1 млрд руб. из-за отсутствия бюджетного финансирования (*Ясин Е.Г.* Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. С. 394).

НДС). В этих условиях правительству Е.М. Примакова удалось проводить жесткую бюджетную политику и добиться утверждения Государственной Думой чрезвычайно жесткого (с минимальным дефицитом) проекта бюджета на 1999 г. На данном этапе бюджетная стабильность явилась результатом не сокращения бюджетных обязательств государства[1], а обесценения этих обязательств.

Девальвация рубля повысила конкурентоспособность российских товаров на внутреннем рынке и дала толчок импортозамещающему росту на базе имеющихся мощностей прежде всего в отраслях легкой и пищевой промышленности. Увеличение экспорта в условиях улучшившейся в конце 1999 г. конъюнктуры рынка энергоресурсов и расширения возможностей экспортных отраслей стимулировало вторую волну роста (осень 1999 г. — лето 2000 г.).

Расширение спроса на продукцию отечественных производителей дало толчок и развитию сельскохозяйственного производства. С 1999 г. начинается активный рост в этом секторе экономики. Вплоть до 2001 г. импорт сельхозпродукции, резко сократившийся после кризиса, практически не увеличивался. Начало промышленного подъема сопровождалось ростом занятости и повышением доходов населения.

Экономический рост в стране, продолжительное увеличение доходов государства, принятие Бюджетного кодекса (изменение принципов формирования государственного бюджета) позволили уйти от дефицитности бюджета и дали возможность правительству РФ обслуживать государственный долг в соответствии с установленным графиком.

Наиболее тяжелыми оказались последствия кризиса 1998 г. для банковской системы. Капитал банковской системы сократился примерно в 4 раза, и восстановить докризисный уровень удалось только к концу 2000 г. Подорванным оказалось доверие банкам со стороны иностранных партнеров: 90-дневный мораторий позволил отложить начало переговоров о реструктуризации задолженности по кредитам нерезидентов и вывести значительную часть активов во вновь созданные бридж-банки.

Уровень жизни населения. По оценке ООН, в 1987 г. средний доход населения в СССР, рассчитанный по паритету покупательной способности, был равен приблизительно 6000 долл., т.е. составлял 32% от уровня среднего дохода населения в США. Такое соотношение оставалось неизменным на протяжении 1980-х гг. В соответствии со статистическими показателями ООН к 1996 г. среднедушевые доходы населения в России, рассчитанные по паритету покупательной способности, упали до уровня 4531 долл., отношение данного показателя к средней величине доходов населения в США снизилось до 17%.

[1] Процесс реформирования расходной части бюджета (реформа отраслей социальной сферы прежде всего) развернулся реально в 2000–2001 гг.

По сравнению с 1991 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума возросла за период 1992–1994 гг. более чем в 2 раза. Среди беднейших слоев населения увеличился удельный вес экономически активного населения. Сформировалась устойчивая группа территорий с высокой концентрацией бедного населения.

Особенностью российских реформ стал сравнительно невысокий уровень высвобождения рабочей силы. Максимальный уровень безработицы 3,4% официальная статистика фиксировала в 1996 г. Динамика численности зарегистрированных безработных находилась под влиянием двух основных факторов — объективного (динамика ВВП) и субъективного (правила регистрации безработных и порядок назначения и выплат им пособий по безработице). При этом ограниченные масштабы официальной безработицы сочетались с широким распространением практики неполной занятости работников, а также неоплачиваемых отпусков. Этот феномен объясняется несколькими причинами. По-видимому, решающее значение имел фактор социальной ответственности руководства предприятий. В условиях высокой концентрации производства, широкого распространения градообразующих предприятий[1] смена места работы просто невозможна.

Если в СССР дифференциация доходов была относительно низкой по мировым стандартам, то существенное снижение средних реальных денежных доходов за 1990-е гг. сопровождалось значительным ростом неравенства их распределения. Пик в росте дифференциации доходов пришелся на 1994 г., впоследствии уровень дифференциации доходов несколько снизился, что, видимо, связано с ликвидацией инфляционного источника доходов. Вместе с тем межрегиональная дифференциация доходов продолжала нарастать и в условиях низкой инфляции.

Развитие российской экономики в начале XXI в.

По-разному можно оценивать влияние политики реформ (технократический монетаристский подход) и конкретно «реформационной составляющей» как фактора сокращения ВВП, однако несомненно, что процесс трансформации российской экономики оказался более болезненным и продолжительным, чем предполагалось в начале преобразований[2]. Проблема обеспечения выхода экономики на траекторию стабильного разви-

---

[1] Поселков и городов, все население которых занято на единственном предприятии или на немногих взаимосвязанных производствах.

[2] См., например: Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001. (Автор-составитель С.Г. Кара-Мурза. Научное руководство С.Ю. Глазьев, С.Л. Батчиков). М., 2008; *Рыжков Н.И.* Главный свидетель. М., 2009; *Явлинский Г.А.* Периферийный капитализм. М., 2003.

тия, роста, основанного на инновации и сопровождающегося повышением благосостояния граждан, к началу XXI в. оставалась нерешенной.

Основное содержание политико-экономической дискуссии начала 2000-х гг. — выбор между сокращением доли государственных расходов в ВВП и улучшением качества экономических институтов. Это были альтернативы, но не антиподы: улучшение экономических институтов может создать условия для сокращения государственных расходов» но сокращение их доли в ВВП требует улучшения качества институтов. Дискуссия была острой[1].

В 2000 г. была разработана так называемая программа Грефа («Стратегия развития Российской Федерации до 2010 года. Концепция»). В центре внимания оказались:

— реформа власти законодательной, судебной, исполнительной, правоохранительной систем;
— реформы в социальной сфере — пенсионная, здравоохранения, образования, жилищная, трудовых отношений;
— дерегулирование экономики — создание наиболее благоприятных условий для предпринимательства, включая защиту прав собственности, равенство условий конкуренции, реформа налоговой системы и т.д.

В рамках реализации Стратегии в целом была успешно проведена налоговая реформа, приняты Трудовой и Земельный кодексы, были проведены монетизация льгот и реформы государственной службы, завершился переход на систему единого государственного экзамена.

Вместе с тем коррупция остается бичом российской экономики. По оценкам международной организации Transparency International, в 2011 г. Россия занимала 143-е место из 182 возможных в рейтинге стран по уровню коррупции[2] и первое место по уровню взяточничества экспортных компаний за рубежом (Bribe Pavers Index)[3].

В целом, согласно экспертным оценкам Центра стратегических разработок, уровень выполнения программы Грефа на начало 2010 г. составил примерно 36%[4].

---

[1] *Илларионов А., Пивоварова Н.* Размеры государства и экономический рост // Вопросы экономики. 2002. № 9. С. 18–45; *Нигматулин Р.* Об оптимальной доле государственных расходов в ВВП и темпах экономического роста // Вопросы экономики. 2003. № 3. С. 125–131; Рыночная система России: эволюция экономической роли государства / Под. ред. А.А. Пороховского. М., 2001; *Гайдар Е.Т., Чубайс А.Б.* Экономические записки. М., 2008.

[2] На первых строчках располагаются государства, где коррупция практически отсутствует.

[3] URL: http//www/transparency.org/

[4] По оценкам независимых экспертов, еще меньше. См., в частности: *Ясин Е.Г.* Реформы и контрреформы // Forbes. 2010.09.06.

С 2003 г. государство начинает действенно увеличивать свое присутствие в экономике. С 2004 г. начинается процесс создания государственных корпораций (ГК): «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», «Ростехнологии», «Роснанотех», «Олимпстрой». В форме госкорпорации созданы Банк развития (бывший ВЭБ), «Агентство по страхованию вкладов», «Автодор». Увеличивается число государственных предприятий в форме ОАО, объединяющих в себе целые отрасли — «Объединенная авиастроительная корпорация», «Объединенная судостроительная корпорация». Растут собственность и доля рынка, контролируемая государственными предприятиями, в стратегических отраслях, в том числе в ТЭК[1].

При этом экспансия государства, вытеснение частного бизнеса не сопровождается собственно структурными сдвигами в экономике. Доля России на мировом рынке наукоемкой продукции составляет всего 0,3–0,5%, в то время как доля США — 36%, Японии — 30, Германии — 17%. Доля инновационно активных предприятий в российской промышленности (9,4% в 2007 г.) в несколько раз ниже, чем в развитых странах, результаты инновационного процесса характеризуются существенной неэффективностью. Так, доля высокотехнологичной продукции в экспорте не превышает 4–5%, в то время как для Китая этот показатель составляет 22,4%, Южной Кореи — 38,4%[2]. Государственные проекты (и проекты на основе частно-государственного партнерства, как отечественный аналог Силиконовой долины инновационный центр «Сколково») пока не дают адекватной отдачи.

С 2004 г. решающее влияние на развитие финансовой ситуации в России оказывала конъюнктура нефтяного рынка. Доходы от экспорта энергоносителей составляли в нулевые годы более трети поступлений федерального бюджета РФ. Мировые цены на энергоносители приблизились к аномально высоким значениям 1970 — начала 1980-х гг.

Восстановление экономического роста, успешная налоговая реформа 2000–2002 гг. обеспечили высокие темпы роста доходов бюджета. Вместе с тем важным элементом экономической политики во время первого срока президентства В.В. Путина оставалось увеличение профицита бюджета и пополнение валютных резервов, что позволило в частности успешно справиться с решением так называемой проблемы-2003 — на 2003 г. выпал пик выплат по внешнему долгу (по займам СССР и России, а также процентов по ним).

---

[1] После банкротства ЮКОСа значительную часть его активов получила «Роснефть».

[2] Прогноз научно-технологичного развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Министерство образования и науки РФ (URL: http://mon.gov.ru/work/nti/dok/str/08.12.18-prog.ntr.pdf).

Однако с 2005–2006 гг. государственные расходы начали быстро расти. С 2006 г. начинается реализация приоритетных национальных проектов, нацеленных на «увеличение инвестиций в человека» — «Здравоохранение», «Образование», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» и «Развитие агропромышленного комплекса». Принимается решение о государственных выплатах на второго и каждого последующего ребенка (так называемый материнский капитал). Расширяются государственные инвестиционные программы.

Обсуждение проблем, связанных с созданием Стабилизационного фонда, сглаживающего влияние нефтяных цен на государственный бюджет, в России началось в 2001–2002 гг., хотя в то время цены на нефть еще не вышли на аномально высокие уровни. Фонд был призван способствовать стабильности экономического развития страны, уменьшая инфляционное давление и снижая зависимость национальной экономики от неблагоприятных колебаний поступлений от экспорта нефтяных товаров. Стабилизационный фонд был создан в 2004 г. По расчетам Министерства финансов, при использовании доходов Стабилизационного фонда на финансирование государственного бюджета инфляция в 2004 г. составила бы 16%, в 2005 г. — 20% (табл. 18.12).

Ситуация в социальной сфере оставалась тревожной. Монетизация льгот в большинстве случаев не привела к повышению эффективности (в том числе повышению адресности) и качества социального обслуживания населения.

В течение нулевых годов продолжала нарастать дифференциация в доходах (табл. 18.13).

Несмотря на намечающуюся тенденцию к улучшению демографических показателей (сокращению разрыва с развитыми странами в ожидаемой продолжительности жизни, стабилизации численности населения, снижению коэффициента смертности и повышению рождаемости), ситуация в этой сфере остается сложной (табл. 18.14).

В 1990 г. СССР занимал, согласно оценкам ООН, 26-е место по индексу развития человеческого потенциала. К 2005 г. наша страна скатилась по этому показателю на 65-е место[1].

Даже если считать, что ресурс программ, стимулирующих рождаемость (материнский капитал, национальные проекты), не исчерпан, сохраняется тенденция к старению населения, увеличению числа пенсионеров, приходящихся на одного работающего.

[1] Human Development Report (URL: http://hdr.undp.org/)

Таблица 18.12

Основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации (основные макроэкономические показатели)

Показатель	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
ВВП, млрд руб.	1428,5	7305,6	8943,6	10 830,5	13 243,2	17 048,1	21 609,8*	26 781,1	33 247,5*	41 428,6*	39 100,7
ВВП на душу населения, тыс. руб.	9,6	49,8	61,3	74,5	91,6	118,5	151,0	188,0	233,9	291,8	275,5
ВВП, в % к предыдущему году	95,9	110,0	105,1	104,7	107,3	107,2	106,4	106,7	108,5	105,2	92,1
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году**	95,4	108,7	102,9	103,1	108,9	108,3	105,1	103,9	106,8	100,6	90,7
Индекс производства продукции сельского хозяйства, в % к предыдущему году	92,0	106,2	107,5	101,5	101,3	103,0	101,6	103,6	103,3	110,8	101,4
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, %	231,3	120,2	118,6	115,1	112,0	111,7	118,6	109,0	111,9	113,3	108,8
Профицит, дефицит (−) консолидированного бюджета, в процентах к ВВП	−3,4	1,9	2,9	0,9	1,3	4,5	8,1	8,4	6,0	4,9	−6,3

* В сопоставимых ценах.

** Агрегированный индекс производства по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды». С учетом поправки на неформальную деятельность.

Источник: Росстат.

Таблица 18.13

Разница между денежными доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан

	1992	1993	1994	...	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Коэффициент дифференциации доходов, раз	8	13,5	15,2		13,9	14	14,5	15,2	15,2	16	16,8	16,8	16,7

Источник: Росстат.

Таблица 18.14

Демографическая ситуация

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Численность населения (на конец года), млн чел.	148,3	146,3	145,6	145,0	144,2	143,5	142,8	142,2	142,0	141,9	141,9
В % к предыдущему году	99,9	99,6	99,6	99,5	99,5	99,5	99,5	99,6	99,9	99,9	100,01
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет											
Все население	64,5	65,3	65,2	65,0	64,9	65,3	65,3	66,6	67,5	67,9	68,7
Мужчины	58,1	59,0	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8	62,8
Женщины	71,6	72,3	72,2	71,9	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2	74,7
Общий коэффициент рождаемости (на 1000 человек населения)	9,3	8,7	9,0	9,7	10,2	10,4	10,2	10,4	11,3	12,1	12,4
Общий коэффициент смертности (на 1000 человек населения)	15,0	15,3	15,6	16,2	16,4	16,0	16,1	15,2	14,6	14,6	14,2
Естественный прирост, убыль (-) населения, тыс. чел.	-840,0	-958,5	-943,3	-935,3	-888,5	-792,9	-846,5	-687,1	-470,3	-362,0	-248,8

Источник: Росстат.

Возможный выход — привлечение мигрантов. На конец нулевых годов, по данным ООН, 9% населения России родились за пределами нашей страны. А с учетом нелегальных иммигрантов эта цифра может достигать 12–16%[1]. Однако такой вариант развития событий требует дополнительных расходов бюджета, связанных с инкорпорированием вновь прибывших в общество (жилье, обучение, услуги здравоохранения, культурная ассимиляция и т.д.). В отсутствие этих условий наплыв иностранных работников (прежде всего нелегалов) приводил к росту преступности и ухудшению эпидемиологической ситуации, с одной стороны, и росту коррупции и снижению доходов бюджета, с другой стороны.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал еще раз слабость отечественной банковской системы, зависимость отечественных компаний от иностранных «длинных денег» (долгосрочных кредитов), уязвимость национальной экономики, ориентированной на мировые рынки сырья и энергоносителей.

Средства Резервного фонда и Фонда национального благосостояния сыграли значимую роль в преодолении кризиса. В целом налогово-бюджетные антикризисные меры, принятые правительством в 2008–2009 гг., были адресованы скорее банкам и предприятиям, чем населению (поддержка ликвидности и рекапитализация банков; прямая помощь из бюджета и снижение налоговой нагрузки)[2]. На 2009 г. было объявлено о бюджетных антикризисных мерах на 1834,77 млрд руб., из них на укрепление финансового сектора планировалось направить 625 млрд руб., на поддержку реального сектора экономики — 798,3 млрд руб., на помощь регионам — 300 млрд руб., на защиту уязвимых групп населения — 111,5 млрд руб.

Вопросы для обсуждения

- Каковы, по вашему мнению, основные приоритеты государственной политики в период перестройки?
- Оцените потенциал роста социалистической экономики в 1980-е гг.
- Суммируйте основные итоги социально-экономического развития СССР к началу 1990-х гг.
- Каковы, по вашему мнению, основные приоритеты государственной политики в период постсоциалистической трансформации?
- Как бы вы выделили основные вехи становления (восстановления) рыночных отношений в России?

---

[1] Согласно расчетам исследователей Российской экономической школы, при низких входных барьерах иммиграция позволит остановить процесс сокращения населения к 2020–2025 гг. при уровне иммиграции около 20% населения (Forbes. 2011. Январь. С. 122).

[2] См.: Доклад Всемирного банка (URL: http://siteresourcers.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/rer18rus.pdf)

Литература

1. *Аникин А.В.* История финансовых потрясений: Российский кризис в свете мирового опыта. М., 2009.
2. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001. (Автор-составитель С.Г. Кара-Мурза. Научное руководство С.Ю. Глазьев, С.Л. Батчиков) М., 2008.
3. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки современной России. М., 2006.
4. *Дробышевская Т.А.*, *Мау В.А.*, *Шахрай С.М.*, *Яник А.А.* История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999). М., 2011.
5. *Мау В.А.* Перестройка: теоретические и политические проблемы экономических реформ // Вопросы экономики. 1995. № 2.
6. Переход к рынку. Концепция программы. Ч. I и II. (Экономическая программа «500 дней»). М., 1990.
7. *Явлинский Г.А.* Периферийный капитализм. М., 2003.
8. *Ясин Е.Г.* Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002.
9. *Murell P.* The Transition According to Cambridge, Massachusetts // Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33 (1). P. 164–178.

ЛЕКЦИЯ 19

БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА «ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ» ПРИ ПЕРЕХОДЕ «ОТ ПЛАНА К РЫНКУ»? (О КОНЦЕПЦИЯХ И ПРОГРАММАХ РЫНОЧНОЙ РЕФОРМЫ ДЛЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-х гг.)

Ю.Я. Ольсевич

Цели и методы «рыночной» реформы[1]

Почему из многих возможных (как показал разнообразный опыт ряда стран Европы и Азии) путей перехода от централизованной плановой системы к рыночной для России был избран самый одиозный и разрушительный, «шоковый» путь, который предопределил траекторию «отстающего развития» страны на ряд десятилетий вперед?

Этот выбор не укладывается в рамки экономической рациональности и в то же время не может быть истолкован как ошибка, поскольку лекари «шоковой терапии» сознательно удерживали «пациента» в полузадушенном состоянии в течение ряда лет[2].

Объяснить курс, при котором государственная власть с иностранной помощью целенаправленно разрушает хозяйство своей страны, можно только в широком социально-политическом контексте, с учетом внутренних и международных факторов.

Подробно рассматривать этот контекст не входит в нашу задачу, ибо это задача историка. Мы, напротив, сосредоточимся на узкоэкономической стороне дела, на утверждении, будто шоковая либерализация была единственно рациональной программой реформ для России, поскольку именно в такой рекламной упаковке эта программа подавалась 20 лет назад и многими подается до сих пор. Видимо, чтобы экономически

---

[1] Ссылки на документы и публикации, а также уточняющие сноски Т.А. Дробышевской.

[2] Точный смысл словосочетания «шоковая терапия»: нехирургическое лечение внутреннего заболевания посредством психического потрясения или физического повреждения, вызывающего общее расстройство функций организма (см.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1985. С. 690, 780). Это явно абсурдное словосочетание приобрело зловещий реальный смысл в ходе российских реформ 1990-х гг.

легитимизировать современную систему — генетическую наследницу шокового переворота.

Парадокс в том, что в СССР понимание неэффективности централизованного планирования и необходимости перехода к механизму рынка возникло раньше, чем понимание неизбежности смены социально-экономических систем. Закон СССР о предприятии 1987 г.[1] молчаливо исходил из концепции «рыночного социализма»: хозяйственная самостоятельность предприятий и самоуправление трудовых коллективов при сохранении государственной собственности, допущение мелкого частного и кооперативного предпринимательства, сохранение централизованного планирования ключевых показателей. Неудачный опыт 1988 г. заставил в 1989 г. скорректировать и развить далее эти принципы в сторону признания необходимости перехода к смешанной, частно-государственной экономике. Однако ни о каком переходе к капитализму как системе речь не шла. Первой программой перехода к системе капитализма была программа Г. Явлинского «500 дней», отвергнутая правительством Рыжкова (СССР) и принятая правительством Ельцина (РФ). Но это был «социализированный» капитализм скандинавского типа, смешанная экономика с сильным государственным регулированием распределения доходов. В конечном счете эта программа фактически была принята и Горбачевым (Верховным Советом СССР), и в принципе одобрена экспертами ЕС.

Но программа «500 дней» явно не устраивала экспертов МВФ (за которыми стояло правительство США), и они противопоставили ей свою программу немедленного перехода к капитализму американского типа методом шоковой либерализации.

За этим столкновением программ для России стоял глобальный конфликт двух типов капитализма — западноевропейского (социал-демократического) и американского (либертарианского), который разгорелся на Западе уже в 1980-е гг. (и получил теоретическое отражение в книге М. Альбера «Капитализм против капитализма»[2]).

Сначала сторонников обеих «целевых» моделей в руководстве РФ объединяла общая антисоветская, национал-сепаратистская платформа, и мало кто обратил внимание на то, что после переворота августа 1991 г. американцы настояли, чтобы новое правительство РФ возглавил не автор «500 дней» Г. Явлинский, а именно Е. Гайдар, который немедленно взялся реализовывать программу МВФ[3].

---

[1] Закон СССР от 30.06.1987 «О государственном предприятии (объединении)» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.

[2] *Альбер М.* Капитализм против капитализма. М.: Экономическая школа, 1996.

[3] Об этом свидетельствует министр правительства Ельцина М. Полторанин (см.: *Симонян Р.* Размышления о роли субъективного фактора в истории // Мир перемен. 2011. № 4. С. 45).

Разумеется, ультралиберальная модель капитализма не могла иметь сознательной массовой поддержки в России, но за программой МВФ стояли десятки миллиардов обещанных кредитов, раздутый авторитет «революционера» Ельцина и дезориентирующая систематическая пропаганда подконтрольных СМИ. По мере реализации программы МВФ в 1992–1993 гг. конфликт двух моделей обострился до состояния гражданской войны, и Верховный Совет РФ, выступавший за скандинавскую модель, был расстрелян из танков (что было одобрено президентом США Клинтоном).

Внутри НАТО конфликт между сторонниками разных моделей реформирования стран распавшегося советского блока был решен путем «олигопольного» раздела: страны Балтии, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния и Болгария оказались в сфере компетенции Брюсселя, а Россия и ряд других бывших республик СССР — в сфере Вашингтона.

Содержание всякой программы реформирования определяется двумя взаимосвязанными, но принципиально различными аспектами реформ: их целями и методами достижения этих целей. Применительно к России социальная цель экспертов МВФ состояла в том, чтобы навязать неприемлемую для большинства населения модель американизированного капи-

---

Однако на собственном сайте Г.А. Явлинского изложена другая версия событий: «После августовского путча 1991 г. правительство СССР было отправлено в отставку, а оперативное управление народным хозяйством СССР 24 августа было передано специально созданному Комитету с аналогичным названием — КОУНХ СССН во главе с Иваном Силаевым. Явлинский (наряду с президентом Научно-промышленного Союза СССР Аркадием Вольским и вице-мэром Москвы Юрием Лужковым) указом Президента СССР М. Горбачева назначен заместителем председателя Комитета в ранге вице-премьера. С октября по декабрь 1991 г. он также был членом Политического консультативного комитета при Президенте СССР.

Возглавляемая им рабочая группа подготовила «Договор об экономическом сотрудничестве между республиками СССР» и 26 приложений к нему. Целью Договора было сохранение единого экономического пространства и рынка СССР вне зависимости от будущего политического союза республик. Договор и приложения предполагали создание Международного экономического комитета для регулирования отношений между республиками, Банковского союза, Арбитража, сохранение единой валюты, рынка труда и движения рабочей силы, проведение единой денежно-кредитной политики и проч. Договор был парафирован 18 октября 1991 г. в Алма-Ате представителями 10 республик, ратифицирован Россией в Кремле. ...

... в ноябре Ельцин предлагал пост премьера Явлинскому. Условием президента был разрыв экономических связей с республиками. Явлинский не мог согласиться с таким подходом и выдвинул свои условия: сохранение экономического союза, в правительство должен был войти не только Явлинский, но и его коллеги по ЭПИцентру. Ельцин не принял условий Явлинского, и вице-премьером был назначен Егор Гайдар.

На следующий день после заключения Беловежских соглашений Явлинский с товарищами (М.М. Задорнов, А.Ю. Михайлов, Т.В. Ярыгина, В.Н. Кущенко) покинули правительство СССР, а Комитет прекратил свое существование» (URL: https://www.yavlinsky.ru/biografiya/vicze-premer-rossii-vicze-premer-sssr (дата обращения: 17.01.2018) (Прим. ред. — **Т.Д.**).

тализма; метод состоял в том, чтобы максимально быстро либерализовать цены, внешнюю торговлю и валютно-финансовые отношения и с помощью иностранного капитала осуществить приватизацию и реструктуризацию хозяйства. По мысли экспертов, таким способом — через закрытие десятков тысяч «нерентабельных» предприятий, многомиллионную безработицу, глубокое падение производства и жизненного уровня населения будет создан капиталистический рынок, который и призван будет в перспективе вывести страну из кризиса на дорогу зависимого (энергосырьевого) роста.

Это и есть метод «шоковой терапии». Пропасть между двумя «цельными» системами — централизованной и рыночной — необходимо преодолеть одним прыжком. При постепенном же переходе возникнет некая недееспособная смесь из полуплановых и полурыночных отношений, которая помешает реализовать цели реформы.

Таков смысл официальной аргументации экспертов МВФ. В действительности же их опасения состояли в том, что при постепенном переходе промышленный потенциал России не удастся разрушить, а социальная цель — внедрение квазиамериканской модели — может быть отвергнута в пользу скандинавской. Таким образом, «шоковый» метод реформирования вытекал из двойной скрытой цели Вашингтона.

Споры в отношении метода перехода от плана к рынку до сих пор сводятся к сравнению двух путей либерализации — градуалистского и шокового[1]. Между тем для СССР и России единственно возможный бескризисный путь перехода состоял не в либерализации, а в *рыночной реорганизации*. В неспособности понять это и в нежелании взять на себя эту сложную работу и проявилась бесплодность выродившейся правящей «элиты» СССР, большая часть которой устремилась за личной наживой. Сказалось и мощное влияние идеологии вашингтонского консенсуса, порожденного восходящей волной мирового кондратьевского цикла, движимой новой, хищной «властвующей элитой» Запада.

В июле 1989 г. при правительстве СССР создается Комиссия по экономической реформе под председательством Л.И. Абалкина, которая в октябре публикует доклад, содержавший концепцию трехступенчатого перехода к рынку за 5–6 лет[2]. К этому времени отдел плановых и финансовых органов ЦК КПСС был уже буквально завален предложениями по реформе, исходившими как от отдельных лиц, так и от организаций. Судьба этих

---

[1] Аргументы, приводимые сторонниками обеих концепций, представлены, в частности, в: *Murell P.* The Transition According to Cambridge, Massachusetts // Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33 (1). P. 164–178; *Csaba L.* (ed.) Systemic Change and Stabilization in Eastern Europe. Aldershot: Dartmouth, 1991; *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

[2] Постановление Совета Министров СССР от 24 июля 1989 г. № 581 «О государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе» // Свод постановлений СССР. 1989. № 28. С. 108.

материалов мне не известна, в лучшем случае они были переданы комиссии Абалкина. Свои соображения я решил передать Абалкину лично. Для этого я выступил на Ученом совете Института экономики АН СССР (членом которого я был), где в октябре обсуждался упомянутый доклад. Вел заседание сам академик Л.И. Абалкин, который, став заместителем председателя Совета Министров СССР, оставался и директором этого института.

В своем выступлении я решительно высказался против предложенного комиссией метода перехода «от плана к рынку» — метода либерализации. Я старался доказать, что при существующей в стране технико-организационной структуре производства либерализация приведет не к созданию рынка, а к хаосу и разрушительному кризису. Единственно возможный бескризисный путь — это путь организации конкурентных рынков через создание оптовых бирж и реструктуризацию предприятий. Абалкину не могло понравиться мое выступление. Тем не менее он принял текст с развернутым изложением моей концепции и сказал, что передаст в комиссию для изучения.

Поскольку, как я и ожидал, никакого отклика не последовало, в декабре я передал этот текст (перередактированный в статью) в журнал «Огонек», который тогда считался чуть ли не «официозом», издавался миллионным тиражом и был, как говорили, постоянно на столе у Горбачева.

В этот же период (осенью 1989 г.) я выступал с изложением своей позиции на советско-немецкой конференции экономистов в Дюссельдорфе (ФРГ) и на советско-американской конференции в Хьюстонском университете (США). Эта позиция встретила понимание у зарубежных специалистов, изучавших экономику СССР. Единственный вопрос, который был задан, звучал так: а кто заинтересован в том, чтобы организовывать конкурентные рынки? Казалось бы, заинтересовано было подавляющее большинство предприятий и общество в целом. Однако господствующая бюрократия предвкушала уже личные выгоды от либерализации и приватизации и внушала населению мысль о том, что скорейшее обретение «экономических свобод» решит все накопившиеся в стране проблемы.

Моя статья «Неизбежен ли кризис?» была опубликована в «Огоньке» в конце февраля 1990 г. (№ 8), и сразу же в редакцию позвонил член Политбюро А.Н. Яковлев и сообщил, что Горбачев статью одобрил и рекомендовал членам Политбюро ее обсудить. Но обсуждение не состоялось, ибо правительство Рыжкова — Абалкина уже готовилось обнародовать свою официальную программу трехэтапной либерализации и приватизации (опубликована в мае 1990 г.)[1].

---

[1] Доклад председателя Совета Министров СССР Рыжкова Н.И. «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике» // Верховный Совет СССР. Третья сессия. Бюллетень № 51 совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей 24 мая 1990 г. С. 4–37.

К этому времени вовсю развернулся (начавшийся еще летом 1989 г.) «парад суверенитетов» республик и на авансцену вышла угроза распада СССР. Не случайно поэтому в программе Рыжкова — Абалкина наряду с либерализацией было уделено внимание сохранению экономических гарантий единства Союза — союзной собственности в стратегически важных сферах хозяйства, единой валюте и кредитно-денежной политике, союзному бюджету, единой внешнеэкономической политике и др. Авторы, видимо, не учитывали, что эти гарантии находились в явном противоречии с методом либерализации, ибо «либеральный» хаос и кризис в России как раз и являлись главным экономическим «двигателем» сепаратизма республик.

В правительстве РСФСР параллельно готовилась более радикальная программа «500 дней», разработанная Г. Явлинским, в которой предусматривался переход к рынку за полтора года, но не содержалось реальных гарантий сохранения единства Союза[1].

Идя на уступки Ельцину, Горбачев отказывается поддерживать программу Рыжкова — Абалкина и вместе с Ельциным создает группу из Шаталина, Петракова и Явлинского и ряда других экономистов, которая в течение месяца дорабатывает программу «500 дней» и в конце августа 1990 г. представляет ее под заглавием «Переход к рынку»[2].

---

[1] Зимой-весной 1990 г. Г. Явлинский вместе с А. Михайловым и М. Задорновым (тогда младшим научным сотрудником Института экономики АН СССР) работали над проектом реформирования экономики СССР, получившим название «400 дней доверия». В нем была расписана по дням программа последовательности действий правительства на соответствующий период.

Программа попала в руки М. Бочарова, депутата Верховного совета РСФСР, и под названием «500 дней» была предложена Б.Н. Ельцину, тогда председателю Верховного Совета РСФСР, как программа реформирования экономики России (а не СССР, как у группы Явлинского).

По инициативе Явлинского между двумя конфликтующими сторонами — президентом СССР Горбачевым и Ельциным — была достигнута договоренность о разработке совместных мер по проведению экономических реформ в СССР на основе программы «500 дней», была создана Рабочая группа по разработке программ. Подготовка документа со стороны Б. Ельцина поручена группе экономистов под руководством академика Станислава Шаталина и со стороны М. Горбачева — группе Григория Явлинского. Программа утверждена 11 сентября 1990 г. Верховным Советом РСФСР.

Явлинский был назначен на пост заместителя председателя Совета Министров РСФСР и председателя Госкомиссии по экономической реформе (Задорнов и Михайлов стали членами комиссии в ранге заместителей министров). В работе принимали участие Сергей Алексашенко, Леонид Григорьев, Михаил Задорнов, Владимир Машиц, Алексей Михайлов, Николай Петраков, Борис Федоров, Станислав Шаталин, Евгений Ясин, Татьяна Ярыгина, представители союзных республик.

К 1 сентября 1990 г. программа «500 дней» и 20 проектов законов к ней были подготовлены, утверждены Верховным Советом РСФСР и представлены на рассмотрение Верховного Совета СССР (URL: https://www.yavlinsky.ru/biografiya/vicze-premer-rossii-vicze-premer-sssr) (дата обращения: 17.01.2017).

[2] Переход к рынку. Концепция и программа. Рабочая группа, образованная совместным решением М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Август 1990 г. Москва, Архангельское.

В сокращенном и скорректированном виде эта программа и принимается Верховным Советом СССР в октябре 1990 г. под названием «Основные направления экономической стабилизации и перехода к рынку». Еще раньше, в сентябре 1990 г., программа «500 дней» была принята Верховным Советом РСФСР.

Что же представляла собой программа «Переход к рынку»? Она предусматривала проведение реформ за 500 дней в четыре этапа. В течение *первых 100 дней* осуществляются широкое «разгосударствление» и приватизация государственной собственности (включая землю), создается инфраструктура рынка (правовая база, банки, фондовая биржа и др.). Основным содержанием *второго этапа* (последующие 150 дней) являлось снятие государственного контроля над ценами и сдерживание инфляционных процессов. Главной задачей *третьего этапа* (еще 150 дней) являлась стабилизация рынка путем дальнейшей приватизации, антимонопольной политики, борьбы с безработицей. *Четвертый этап* (последние 100 дней) отводится мерам по выходу из экономического и структурного кризиса за счет дальнейшей приватизации, активизации инвестиционной политики, роста в пищевой и легкой промышленности, сельском хозяйстве, услугах.

В программе провозглашалась цель — открытость экономики СССР, и одновременно ставилась задача «сохранения Союза ССР как единого экономического пространства» (с. 124), однако реальные гарантии такого сохранения не предусматривались. Этим и воспользовался Ельцин при заключении Беловежских соглашений, а Г. Явлинский в знак протеста сразу же покинул правительство Е. Гайдара[1]. Ельцин рассматривал предложенный Г. Явлинским договор о едином экономическом пространстве как угрозу своему единовластию в РФ, а президенты Украины и Белоруссии — как покушение на независимость этих республик.

Таким образом, к началу судьбоносного для страны 1991 г. можно выделить, по нашему мнению, *четыре* четко определившиеся позиции по вопросу о *целях* рыночной реформы и *методах* ее проведения.

1. Программа правительства Рыжкова — Абалкина в качестве *цели* предусматривала переход к смешанной экономике, сочетающей рынок с государственной собственностью и планированием в ключевых секторах, с сохранением производственного потенциала и общей социалистической ориентации хозяйства; в качестве метода предусматривалась поэтапная (пять-шесть лет) либерализация и приватизация в сфере тор-

[1] Г.А. Явлинский не входил в правительство Гайдара. Как указано в сноске выше, после подписания Беловежского соглашения Явлинский покинул правительство СССР, в котором работал в ранге вице-премьера. (Прим. ред. — **Т.Д.**).

говли и услуг, легкой и пищевой промышленности, в сельском хозяйстве, мелких и средних предприятий в других отраслях.

2. Программа «Основные направления экономической стабилизации и перехода к рынку» (принятая Верховным Советом СССР в октябре 1990 г.), которая в качестве *целей* провозглашала противоречивый симбиоз рыночного социализма (югославского типа) и социализированного капитализма (скандинавской модели), а *метод* заимствовала у программы «500 дней» (принятой Верховным Советом РСФСР в сентябре 1990 г.). Таким методом была либерализация с упором на первоочередные меры по широкой приватизации с последующим высвобождением цен. Эту позицию в основном поддержали эксперты Комиссии ЕС (с рядом критических оговорок).

3. «Шоковая» программа экспертов МВФ, социально-политической *целью* которой был переход страны к либертарианскому капитализму (типа «рейганомики») ценой утраты основной части индустриального потенциала, а *методом* — немедленная либерализация внешнеэкономической деятельности и цен и включение в глобальную экономику на роль энерго сырьевого придатка. Эту позицию еще с лета 1990 г. разделяли наиболее радикальные сторонники Ельцина (Чубайс, Гайдар и др.).

При *кардинальном* различии социально-политических целей этих трех программ их объединяет общий *метод* реформирования — *метод либерализации*. Конечно, формы либерализации в рамках каждой из программ (медленная в первой, ускоренная во второй и «шоковая» в третьей) значительно различаются.

Однако, как признают их авторы, все они делают неизбежным структурный кризис — той или иной глубины и продолжительности. А такой кризис, по нашему убеждению, в экономике СССР вел к непредсказуемым последствиям. Поэтому нами и была выдвинута осенью 1989 г. и подтверждена в 1990 и 1991 гг. самостоятельная позиция.

4. Концепция *организации конкурентных рынков* предусматривала в качестве *цели* реформы смешанную экономику, приближенную к социализированному капитализму скандинавского типа, а в качестве *метода* — не либерализацию, а целенаправленную организацию конкурентных рынков (регулируемых отраслевых бирж) при постепенной модернизации и реструктуризации предприятий и повышении уровня внешнеэкономической открытости. Такой метод перехода исключал бы возможность кризиса, падения производства, занятости и доходов населения.

Добавим, что кризис в экономике, порожденный фактической либерализацией, начавшейся в 1988 г., и политическая борьба конца 1990 г. и первой половины 1991 г. не только похоронили программу Рыжкова — Абалкина, но и заблокировали реализацию программы «500 дней»,

а путч ГКЧП в августе 1991 г. и его провал дали возможность Ельцину и его радикальным сторонникам теперь уже открыто перебежать на позицию МВФ и, таким образом, встать в принципиальную оппозицию к собственному парламенту (Верховному Совету РФ). Единственное, что отныне объединяло эти две позиции — это самоубийственный для Верховного Совета РФ курс «либерализации».

Поддерживая этот курс, Верховный Совет способствовал тому хаосу и кризису, который в итоге лишил его народной поддержки и дал возможность Ельцину учинить над ним расправу в духе небезызвестного Пиночета под предлогом «наведения порядка».

Далее нами приводится материал, позволяющий читателю самостоятельно сопоставить цели и методы реформирования, предложенные в позициях 2, 3 и 4.

Поэтапная ускоренная либерализация (Комиссия ЕС о достоинствах и недостатках программы «Основные направления...» в сравнении с программой «500 дней»)

Заседавший в Дублине 25–26 июня 1990 г. Европейский совет поручил Комиссии ЕС подготовить аналитический доклад о возможности и желательности расширения краткосрочных кредитов и долговременной поддержки структурных реформ в Советском Союзе.

Доклад был представлен в декабре 1990 г. и назывался «Стабилизация, либерализация и перераспределение власти. Оценка экономической ситуации и процесса реформ в Советском Союзе»[1].

Исследование комиссии, как указано в предисловии к докладу, призвано было ответить на ряд вопросов:

— Ведут ли реформы к открытию экономики СССР и ее интеграции в мировую экономику?
— Будет ли экономическая стабилизация ускорять темп конституционных реформ или же их взаимодействие будет иметь извращенный характер?
— Будет ли передача власти республикам и Советам совмещаться с единым рынком и единой конвертируемой валютой, ведущими к реформированному экономическому и валютному союзу в рамках СССР, или переход к демократии принесет с собой экономическую и валютную «балканизацию»?

В предисловии к докладу также подчеркнуто, что при исследовании экономической структуры и процесса реформ в Советском Союзе учи-

[1] Stabilization, Liberalization and Devolution: Assessment of the Economic Situation and Reform Process in the Soviet Union. 21/12/1990 (URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-90-1089_en.htm — дата обращения: 17.01.2018)

тывался опыт, накопленный ЕС в области экономической интеграции, федерализации налоговой системы и субсидирования.

Начнем с наиболее важного вопроса о сохранении или дезинтеграции СССР как единого государства, ведь от этого зависело, кто и какие решения будет принимать по реформированию. В докладе подчеркивается связь между союзным договором, экономической реформой и «неуверенностью в самой способности Союза выжить». «Основные направления» исходили из сохранения Союза ССР при значительном расширении прав республик; это означало, что контроль над важнейшими природными ресурсами и союзными налогами оставался в руках Центра.

Что касается программы «500 дней», то она исходила из полной независимости республик, их полного контроля над ресурсами, налогами и чисто добровольного, договорного участия в союзных мероприятиях и в союзном бюджете. В соответствии с такой точкой зрения «республики могли бы стать ведущей силой реформы, и предлагаемый Межреспубликанский комитет экономической политики взял бы на себя центральные координирующие функции» (с. 166 доклада).

Это допускало, что каждая республика участвует в «координации» реформ на своих условиях, своими методами и темпами.

«Основные направления» сохраняли единый рынок с единой валютой, которая станет конвертируемой. При этом эксперты, учитывая опыт европейского «общего рынка», отмечали, что экономика республик СССР гораздо более взаимозависима, интегрирована, чем экономика государств «общего рынка», и что поэтому дезинтеграция означала бы для всех большие потери, а особенно для получающих межреспубликанские трансферты. Государственный же суверенитет не является помехой для экономической интеграции, а политические разногласия Центра и республик вполне могут быть урегулированы.

Программа же «500 дней» считала единый рынок и единую валюту желательными, но не обязательными условиями успешной реформы.

Последующие события показали, что ликвидация политического и экономического Центра сопровождалась такими институциональными сдвигами, которые сделали дезинтеграцию и огромные потери неотвратимыми.

Другой вопрос — методы экономической стабилизации. Программа «500 дней» однозначно требовала немедленного «демонтажа» всех плановых институтов народно-хозяйственного регулирования и перехода к чисто финансовым макроэкономическим методам стабилизации. Программа «Основные направления...» в этом отношении была противоречива, как полагали эксперты, и допускала частичный возврат к командным методам управления.

Претензии экспертов к мерам по либерализации цен в программе «Основные направления» состояли в том, что они предусматривали чрезмерно растянутые сроки (сначала либерализация оптовых цен, затем постепенная — розничных) и обязательную компенсацию потерь населению, что налагало непосильное бремя на бюджет и ставило под вопрос успешность стабилизации.

Что касается приватизации государственной собственности, то в обеих программах она была подчинена задачам финансовой стабилизации и решению специфических политических задач. Сходство состояло в том, что обе программы предусматривали продажу в частные руки или группам лиц только мелких госпредприятий, сокращая тем самым «навес» сбережений.

Различие же касалось главного: «500 дней» предусматривала немедленный раздел всей госсобственности Союза между республиками с тем чтобы сами республики далее решали ее судьбу, а другая программа, предусматривала сохранение в собственности Центра ключевых ресурсов и промышленных комплексов.

Далее, «500 дней» предусматривала быструю приватизацию всего жилого фонда, тогда как другая программа такого пункта не содержала.

Эксперты отмечают в «Основных направлениях» большой разрыв между принципиальным признанием права частной собственности и реальным гарантированием этого права.

Во-первых, сохранение подавляющего количественного перевеса государственной собственности делает положение частных собственников затруднительным.

Во-вторых, вся система законодательства должна соответствовать принципу частной собственности.

Поскольку вопрос о собственности и связанный с нею вопрос об «эксплуатации» всегда занимали центральное место в коммунистической идеологии, выводы экспертов заслуживают того, чтобы их процитировать.

«После нескольких неуверенных шагов к частной собственности на средства производства в 1987–1989 гг... в марте 1990 г. произошел разрыв с социалистической идеологией в этом вопросе. Как в поправках к Конституции, так и в двух разделах законодательства были уравнены в правах различные формы собственности: государственная, коллективная... и личная собственность (ст. 10–13 Конституции, пересмотренные 14 марта 1990 г.; Закон о собственности от 3 марта 1990 г.; принципы союзного и союзно-республиканского земельного законодательства от 6 марта 1990 г.).

В отличие от Конституции 1977 г., которая запрещала «нетрудовые доходы», поправки марта 1990 г. признавали за советскими гражданами

право на владение средствами производства и ценными бумагами, приносящими доход.

Теперь гражданам также недвусмысленно разрешено использовать свою собственность в коммерческих целях, при весьма туманном условии о том, что не должно быть «эксплуатации человека человеком». С учетом поправок к Конституции «Закон о собственности... допускает одновременно с советской и частную собственность» (с. 178).

И здесь авторы доклада выдвигают практический тезис, имеющий весьма важное значение для теории трансформации: перемена в идеологии еще недостаточна для перемен на практике; необходимо еще изменение в психологии массового поведения (т.е. в неформальных институтах) и во всей системе законодательства (т.е. в системе формальных институтов).

«В то время как Закон о собственности можно наверняка назвать вехой в преодолении коммунистической доктрины, его практическое воздействие кажется весьма скромным... Без дополнительного закона сущность права на собственность, на распоряжение ею и возможность ее закладывать, пределы его использования остаются неясными. Представители бизнеса подтвердили, что нынешний порядок владения собственностью не может являться основой ни для планирования инвестиций, ни для кредитования под имущество» (с. 179).

В докладе подчеркивается принципиальное различие между ролью экономического закона в командной и рыночной системах. В первой это прежде всего роль административного инструмента. Во второй закон выполняет три основные экономические функции:

1. Обеспечить бесконфликтное взаимодействие экономических агентов.
2. Стимулировать предпринимательство и долгосрочные инвестиции в интересах экономики в целом.
3. Сделать стремление к частной выгоде совместимым с общественными потребностями и целями (с. 169).

Авторы на протяжении всего доклада неоднократно возвращаются к вопросу о зависимости успеха рыночной реформы от ее влияния на благосостояние населения. В заключительной главе (VI) они рассматривают этот вопрос специально. Они пишут: «...очень важно оценить, по крайней мере качественно, издержки и промедления перехода. Можно ли ожидать, что предложение отреагирует на реформу в ближайшие годы — вот вопрос, имеющий первостепенную важность как с точки зрения разработки политики реформы, так и с точки зрения отношения к ней общественности» (с. 205–206).

В докладе выделяется три группы факторов, делающих неизбежными «издержки и промедления перехода»:

1. Техническая отсталость основного капитала и профессиональных навыков, требующая времени и средств на модернизацию и переобучение. «Однако в среднесрочном плане открытость экономики может значительно сократить эти издержки и промедления...» (с. 208–209).

2. Системные факторы торможения, которые, «вероятно, в наибольшей степени ответственны за низкий уровень ВВП на душу населения», могут быть преодолены системной реформой (либерализация цен, коммерциализация и приватизация госпредприятий, построение правовой и технических инфраструктур рыночной ориентации). Если правовые и административные меры могут быть предприняты относительно быстро, «то приватизация, повышение эффективности труда или введение адекватных технических стандартов потребуют определенного времени» (с. 209).

Авторы доклада указывают: «Данные мероприятия могут иметь в краткосрочном плане как позитивное, так и негативное влияние на сферу предложения. С положительной стороны можно ожидать, что предложение увеличится, поскольку фирмы начнут действовать на конкурентной основе. В то же время потребуются значительные издержки для адаптации к новым условиям, так как с введением рыночных цен, иностранной конкуренции и жестких бюджетных ограничений значительное количество производителей скорее всего обанкротится» (с. 209).

Ссылаясь на опыт Китая, Польши и ГДР, эксперты отмечают: «...поскольку между эволюцией предложения и темпами стабилизации существует тесная взаимосвязь, опыт этих стран отражает и микро и макроэкономические факторы. На микроэкономическом уровне ключом к позитивной реакции предложения вероятнее всего является существование секторов, в которых либерализация может, без дополнительных инвестиций, ослабить сдерживающие факторы расширения предложения: классическим примером служат мелкие фермерские хозяйства» (с. 209).

«Характерные черты советской системы предполагают необходимость преодоления некоторых очень сложных проблем: размеров государственной собственности, недостатка предпринимательской культуры и, по-видимому, враждебного отношения по крайней мере некоторых слоев населения к частной собственности и предпринимательству. Это могло бы определенно означать, что даже при благоприятных условиях проведения реформы реакция сферы предложения будет медленной. То же самое, вероятно, из-за размеров коллективизации относится и к сельскохозяйственному сектору» (с. 210).

Эксперты делают интересное наблюдение, что при централизованной системе «распределение неэффективно в большей степени, чем производство» (с. 210). С этим связан их вывод, что «показатели деятельности

кооперативов за последние два года показывают, что результатов можно ожидать в относительно короткие сроки в секторах распределения, хранения и складирования, транспорта» (с. 210).

3. Неправильное распределение ресурсов по секторам, корректировка которого обычно носит долговременный и затратный характер. «По грубым оценкам, для того чтобы советская производственная структура достигла уровня структур развитых рыночных экономик, потребуется перемещение примерно одной трети рабочих сил в другие отрасли деятельности (половина из них в другие сектора, а половина внутри того же сектора). Этот процесс неизбежно будет медленным, и положительные результаты можно ожидать только в течение десятилетий» (с. 210).

«Подведем итог: перспектива явно представляется в виде длительного процесса урегулирования из-за упомянутых факторов, ни один из которых не предвещает быстрых улучшений. В краткосрочном плане могут ожидаться дальнейшие производственные потери и потери в доходах, и потребуется несколько лет, прежде чем корректировка сферы предложения даст значительное увеличение производства.

Открытость внешнему миру может способствовать корректировке и сократить ее экономические и социальные потери» (с. 210).

Иначе говоря, избежать продолжительного кризиса невозможно, его можно лишь смягчить.

«Экономический анализ указывает несколько требований к пакету мер по либерализации, которые могли бы помочь поправить ситуацию. Во-первых, критическая масса исчерпывающих реформ должна быть введена в действие с самого начала для того, чтобы создать минимальные условия для развития рыночных отношений... Во-вторых, меры, которые могут войти в противоречие со стабилизацией, должны быть отложены до ее завершения. В-третьих, последовательность мероприятий должна быть построена таким образом, чтобы избежать возможных превратных эффектов частичной либерализации.

Отвечая этим требованиям, «Основные направления...» предполагают исчерпывающую программу взаимосвязанных мероприятий, которые, однако, чрезмерно осторожны применительно к либерализации розничных цен» (с. 9).

В свете той критики, которая содержится в докладе Комиссии ЕС в адрес «Основных направлений...», этот общий положительный вывод на первый взгляд кажется нелогичным. Однако он вполне логичен, если учесть исходные критерии оценки и общую логику рассуждений экспертов. Дело в том, что эксперты не выдвигали требования, чтобы в СССР за полтора-два года была создана рыночная экономика. Вот ключевые положения их выводов: «Конечным показателем успеха эко-

номической реформы будет ее способность увеличить благосостояние советских людей через расширение предложения товаров. При том, что только с решением этой проблемы возможно в конечном счете ожидать движения к рынку, в ближайшее время нельзя ожидать значительного роста агрегатного предложения как реакции на реформу. Скорее регулирование экономики будет продолжаться, хотя процесс перестройки может ускориться благодаря появлению открытости к остальному миру» (с. 9).

Итак, эксперты констатируют противоречие: с одной стороны, движение к рынку возможно лишь в условиях, когда рыночные реформы приносят рост благосостояния людей; с другой стороны, в ближайшее время реформы такого роста благосостояния не дадут. Отсюда следует, что необходимо сочетать продолжение госрегулирования экономики с комплексом мер, создающих «минимальные условия для развития рыночных отношений».

Получается, что рыночная трансформация должна проходить следующие этапы.

Первый этап: сочетание урегулирования с созданием минимально необходимых условий для развития рыночных отношений. Как ближайший результат — стабилизация экономики и рост благосостояния.

Второй этап: на основе стабилизации и роста благосостояния дальнейшее продвижение рыночных реформ и создание полноценного рынка.

Вот этим требованиям первого этапа, по мнению экспертов, и отвечали, в общем, горбачевские «Основные направления...».

Но остаются еще проблемы (самые болезненные в тот момент) межреспубликанских отношений — экономического и политического объединения или распада Союза. В выводах экспертов резюмируется экономический аспект, а в отношении политического ставится большой знак вопроса.

«Передача экономической власти республикам включает как вопросы распределения, так и производства. Что касается противоречий в сфере распределения (в том числе относящихся к собственности на природные ресурсы), важно, чтобы они были урегулированы без отрицательного воздействия на эффективность производства. Что касается производства, то по чисто экономическим причинам для республик было бы потенциально более выгодно остаться в реформированном экономическом и монетарном союзе как из-за высокого уровня их взаимной торговли и экономической интеграции, так и из-за общей ограниченности опыта деятельности на мировом рынке. Однако, чтобы эти потенциальные выгоды материализовались, должны существовать важные условия, а именно:

а) развитие четких правовых и институциональных рамок;
б) удачная стабилизация на всесоюзном уровне, открывающая путь к конвертируемости рубля;
в) установление федеральной бюджетной системы, включающей предсказуемые ресурсы для союзного бюджета и эффективный надзор за бюджетными процедурами (формированием и распределением) в республиках» (с. 10).

И вот вывод: ««Основные направления...» могут «обеспечить работающую схему децентрализации и координации в процессе реформ, но ее политическая приемлемость еще должна быть продемонстрирована».

Итак, экономические предложения горбачевских «Основных направлений...» в отношении Союза экспертами одобряются, а политические?

Учитывая, что в 1990 г. чаши весов между силами, разрывающими политическое объединение республик, и силами сплочения колебались (шла настоящая «война законов»), то все зависело от того, какие силы поддержит Запад своей финансовой мощью и политическим влиянием.

Эксперты-экономисты Комиссии ЕС свою миссию выполнили объективно и квалифицированно. Теперь лидеры Запада должны были принимать решение: кому помогать?

Обоснование «шоковой терапии» экспертами МВФ

Среди концепций экономической реформы в СССР, выдвинутых зарубежными экспертами, особое место занимал доклад «Экономика СССР. Исследование по заданию Хьюстонского совещания в верхах. Выводы и рекомендации»[1]. Документ был подготовлен четырьмя ведущими международными экономическими организациями Запада: Международным валютным фондом, Международным банком реконструкции и развития, Организацией экономического сотрудничества и развития, Европейским банком реконструкции и развития (и поэтому получил название «Доклад 4-х»).

В кратком сопроводительном письме на имя президента США Дж. Буша четыре руководителя указанных организаций пишут: «В соответствии с запросом со стороны участников встречи в верхах по экономическим вопросам в Хьюстоне 11 июля мы предприняли изучение советской экономики, включая рекомендации по ее реформированию и установлению критериев и возможных форм внешней помощи».

[1] International Monetary Fund, International Bank for Reconstruction and Development, Organization for Economic Cooperation and Development, and European Bank for Reconstruction and Development, 1990, The Economy of the USSR: Summary and Recommendations, a study undertaken in response to a request by the Houston Summit.

Проблема подобной помощи в тот период, летом и осенью 1990 г., широко обсуждалась на Западе.

Выдвигались даже идеи широкой помощи в рамках общей программы, которую условно именовали «вторым изданием плана Маршалла».

Но руководители «большой семерки», особенно США и Японии, предпочли не торопиться. «Посоветуемся с экспертами» — таков был лаконичный ответ на советское обращение о помощи.

И вот, наконец, мнение экспертов появилось (доклад был опубликован в январе 1991 г.). Вкратце оно заключалось в следующем[1].

Экономика СССР находится в состоянии кризиса, и положение быстро ухудшается. Проводимые реформы неэффективны и развала хозяйства скорее всего не остановят. Чтобы исправить положение, нужна совсем другая программа реформ. Пока такая программа не принята и не реализована, помогать Советскому Союзу кредитами и инвестициями нецелесообразно.

«Доклад 4-х» состоял из введения и пяти частей: современное состояние экономики СССР, современный ход реформы, альтернативные подходы к реформе, основные элементы рекомендуемой стратегии, критерии и формы оказания помощи Западом.

В «Докладе 4-х» указывается на три группы экономических причин, повлекших за собой экономический кризис в СССР: долговременные тенденции к снижению эффективности производства и замедлению темпов его роста, действующие с начала 1970-х гг.; экономические просчеты 1985–1989 гг. и действия правительства СССР в 1990 г. (О деструктивных действиях Верховного Совета РСФСР не упоминалось).

Традиционная система централизованного планирования потерпела крах, но и не была заменена дееспособной рыночной системой», — подчеркивалось в «Докладе 4-х». В результате происходит дезинтеграция основ организации экономики.

Эксперты полагали, что горбачевская программа «Основные направления...» (октябрь 1990 г.) ни стабилизацию экономики, ни переход к рынку не обеспечит. Характеризуя содержание экономической реформы в СССР, они пишут: «Трансформация советской экономики будет чрезвычайно сложным процессом и потребует для завершения многих лет. Ее сердцевину составляют три тесно связанных элемента: макроэкономическая стабилизация, ценовая реформа в условиях возрастающей внутренней и внешней конкуренции и реформа собственности».

Прежде всего экспертов не устраивает то, что в «Основных направлениях...» не учтена «тесная связанность» названных ими трех элементов — стабилизации, либерализации и приватизации.

---

[1] Нижеприводимый анализ доклада был нами дан в брошюре «Рекомендации МВФ: вариант для СССР?» (М.: Знание, 1991), и он полностью подтвердился на практике.

В то время как конечная цель ясна, «Основные направления...» не предлагают «подробного плана либо графика перехода отчасти потому, что предусмотрена значительная свобода для республик в выборе специфических вариантов и сроков проведения различных мероприятий реформ. Тем не менее в общем виде очерчены четыре стадии реформы». Первая посвящена главным образом стабилизации экономики и началу коммерциализации и приватизации государственных предприятий. Во второй стадии упор должен быть сделан на постепенную либерализацию цен, развертывание «социальной страховочной сетки» и продолжение жесткой финансовой политики. Во время третьей стадии должны продолжаться структурные реформы, включая систему компенсаций работникам и создания рынка жилья: в этот период по мере стабилизации рынков должны ослабляться финансовые ограничения. На последней стадии будут созданы предпосылки для достижения внутренней конвертируемости рубля; советские и иностранные фирмы, действующие в СССР, смогут свободно продавать и покупать иностранную валюту по рыночным курсам.

«Основные направления...» предполагают, что эти четыре стадии можно пройти за полтора-два года. Эксперты уверены, что «сценарий», который содержится в «Основных направлениях...» и состоит в программе постепенного, поэтапного перехода к рынку, скорее всего вообще неосуществим из-за развала экономики в ходе его реализации, когда план будет уже упразднен, а рыночный механизм еще не начнет работать. Таким образом, в «Докладе 4-х» объектом критики является не отсутствие в «Основных направлениях...» четкого плана и графика, а предусмотренный там общий порядок действий по проведению реформы» (заимствованный из «500 дней»). Если эксперты согласны с тем, что завершение перехода к рынку потребует многих лет, то «первый большой шаг», т.е. разрыв с командной системой и вступление на рыночные рельсы, должен быть осуществлен быстро и решительно. Этому главному требованию и не отвечали, по их мнению, «Основные направления...».

Жесткий контроль государства над договорными ценами не позволит формироваться свободным рыночным ценам, сохранится многократный разрыв между внутренними и мировыми ценами. «Подчеркивая важность развития конкуренции, «Основные направления...» не дают четких ориентиров в отношении конкретных мер в этой области и ничего не говорят об устранении ограничений на продукцию, разрешенную к производству отдельными предприятиями, или роли, которую может сыграть в развитии конкуренции либерализация импорта».

«Делая упор на финансовый контроль за деятельностью предприятий, «Основные направления...» не содержат, — отмечается в «Докладе 4-х», — критериев подбора и оценки деятельности руководителей го-

сударственных предприятий и ничего не говорят о будущей роли трудовых коллективов в этом вопросе». Тем самым не определено, будет ли администрация предприятий ориентироваться на сигналы рынка (т.е. на соотношение спроса и предложения, движение цен) или по-прежнему подчиняться командам властей.

Не определено также, сохранится ли государственная поддержка убыточных предприятий. В «Основных направлениях...» не определены критерии и продолжительность использования средств стабилизационного фонда, методы реализации структурной политики.

И что, разумеется, исключительно важно, не уточнены масштабы и порядок приватизации, этот процесс растянут на неопределенно длительный срок.

С достаточным основанием эксперты заключают, что сохранение перечисленных и других административных препятствий не позволит сформироваться рынку. В то же время указанные административные рычаги в сложившихся в стране условиях не обеспечат и экономической стабилизации. Эксперты обращали внимание на неизбежность «резкого ухудшения финансовой ситуации» в 1991 г. и неопределенность относительно источников финансирования бюджетного дефицита. Что касается такой важной меры стабилизации, как изъятие избытка денег, то распродажа материальных и финансовых активов (на что сделан расчет в «Основных направлениях...») не даст значительных поступлений, поскольку население в целом не ориентировано пока на предпринимательство, на деятельность в условиях рынка, не готово к ней. Средний размер сбережений низок, эти сбережения имеют преимущественно потребительскую ориентацию. К тому же обещанная вкладчикам компенсация потерь от инфляции помешает решить проблему денежного избытка.

Особое внимание в «Докладе 4-х» обращено на перестройку внешнеэкономической сферы. Отмечая, что «Основные направления...» предусматривают дальнейшее ослабление государственной монополии на внешнюю торговлю, авторы доклада приходят к выводу, что «прогресс в либерализации торговли будет относительно медленным. Экспортные квоты на основные вывозимые товары скорее всего сохранятся в течение некоторого времени. Подготовлен новый тариф в соответствии с согласованной системой, однако он будет по-прежнему дополняться рядом импортных и экспортных налогов, ставки которых в некоторых случаях являются высокими». Действительно, опубликованные в начале 1991 г. ставки предусматривали пяти-, шестикратное налогообложение по широкому кругу импортных изделий.

В целом, полагают эксперты, реформы в области внешнеэкономической деятельности оказались непоследовательными, внутренне противоречивыми и поэтому неэффективными.

Аргументацию экспертов можно суммировать по следующим трем линиям.

Первая заключается в том, что мероприятия реформы в принципе нельзя разделять во времени, главные ее задачи взаимосвязаны и должны решаться вместе. Задачу стабилизации экономики и приватизации нельзя отрывать от либерализации цен и ужесточения кредитно-денежной и финансовой политики, а названные задачи — от преобразования политики доходов, внешнеэкономической политики, от введения конвертируемого рубля. И тем более нельзя ни на один день откладывать создание социальной системы защиты безработных, пенсионеров, студентов.

Вторая линия состоит в том, что реформу нельзя растягивать на длительный срок. Положительное воздействие на эффективность хозяйства и его рост оказывает не процесс перехода крынку, а его конечный результат — сам рыночный механизм. Как и всякий механизм, рынок не заработает, пока не будут созданы и отлажены все его основные элементы. Что же касается процесса осуществления рыночной реформы, то сам по себе он оказывает на производство, занятость, уровень жизни разрушительное влияние.

Третий аспект критики связан с расхождением в понимании самого существа механизма рынка. В «Основных направлениях...» упор сделан на изменения отношений собственности, на разгосударствление и приватизацию как главное содержание перехода к рынку. Это вполне соответствует советской теоретической традиции выводить всю хозяйственную систему из этих отношений.

У авторов доклада принципиально иной подход. Они резонно полагают, что главное содержание рыночных отношений — в наличии эффективной конкуренции на рынках товаров, услуг и ресурсов. Поэтому и вопросы приватизации они предлагают решать исходя из этого главного критерия.

Итак, можно сформулировать три требования экспертов к эффективной рыночной реформе.

1. Все основные аспекты рынка должны создаваться одновременно и во взаимосвязи.
2. Процесс реформы должен быть максимально сжат во времени.
3. Необходимо четкое понимание главного содержания, критерия всех проводимых мероприятий эффективной конкуренции.

Все три требования в «Основных направлениях...» нарушены, что вызывает серьезные опасения по поводу возможности реализации этой программы.

Каждое из критических замечаний экспертов в адрес «Основных направлений...» можно было оспорить ссылками на наши экономические, социальные, политические обстоятельства, на чрезвычайно высокую сте-

пень общественного риска от тех мер, которые бы отличались большим радикализмом, решительностью по сравнению с тем, что предусмотрено в «Основных направлениях...».

Но такие «опровержения» били бы мимо цели, ибо главный ориентир авторов «Доклада 4-х» — не минимизация риска вообще, а построение рынка. По их мнению, общественный риск максимален в том случае, если рынок вовремя построен не будет и экономика окажется в «подвешенном» состоянии.

Нет сомнения, что критика экспертов МВФ в адрес «Основных направлений...» частично была также завуалированной критикой доклада комиссии ЕС; кто в этом споре оказался ближе к истине, мы обсудим ниже. Теперь же посмотрим, какой «рецепт» они «прописали» СССР.

Вот основные меры, которые рекомендуется включить в «первый большой шаг», осуществляемый немедленно: сокращение бюджетного дефицита до 2–3% ВВП (т.е. в 3–4 раза); освобождение цен от контроля (за некоторыми исключениями); отмена ценовых субсидий; приватизация мелких предприятий и коммерциализация (т.е. полная рыночная самостоятельность без смены собственника) крупных; ликвидация отраслевых министерств, отмена государственных заказов; введение социальной защиты, аналогичной другим странам с рыночной экономикой; установление допустимой нормы увеличения заработной платы.

Достаточно ли этих мер, чтобы заработал главный двигатель рынка — конкуренция? Видимо, нет. Вот почему авторы выдвигают рекомендацию, которую можно считать главной, ключевой, «гвоздем» всей концепции доклада: «...необходимо как можно быстрее перейти к открытой и децентрализованной системе торговли и валютных курсов в целях ускорения интеграции советской экономики в мировое хозяйство». Мощные иностранные фирмы и обеспечат острую конкуренцию со стороны международных рынков.

Итак, ускоренная интеграция в мировое хозяйство. Понимали ли эксперты, что это означало для СССР? Они отмечают следующие особенности нашего хозяйства: «Весьма закрытый характер советской экономики при особенно искаженных ценовых пропорциях, отсутствии опыта частной собственности, слабой связи с рыночной системой и глубоко укоренившихся проблемах основополагающего характера».

Они учитывали, что ускоренная либерализация внешнеэкономических связей приведет к банкротству части предприятий, особенно в черной металлургии, нефтехимии, машиностроении, даже если предусмотреть меры защиты. В этих и многих других отраслях резко возрастет безработица. Точные масштабы неспособности советских предприятий конкурировать на мировых рынках определить было невозможно. Слишком долго эти предприятия не занимались сопоставлением своих

затрат и качества продукции с издержками и качеством зарубежных фирм. Единственное надежное «преимущество» СССР в конкуренции — это низкая заработная плата, но и она, видимо, должна еще более понизиться, чтобы как-то компенсировать отставание от Запада в эффективности и качестве. Однако, полагали эксперты, если выдержать эти трудности, продолжать преобразования, то через два года (т.е. в 1993 г.), когда заработает рыночная конкуренция, по всей вероятности, начнется устойчивый подъем и в оставшийся до 2000 г. отрезок времени темпы роста могут быть даже выше, чем в большинстве промышленных стран Запада. Этому будут способствовать богатые естественные ресурсы страны, сравнительно малый внешний долг и приток финансовой помощи Запада, которая начнет поступать, когда будет сделан «первый большой шаг».

Так гладко получалось на бумаге!

В «Докладе 4-х» резонно подчеркивалось, что скорейшее заключение Союзного договора, согласование налоговой политики, ликвидация межреспубликанских барьеров — все это необходимые предпосылки успеха реформы. Однако экспертам должно быть известно, что именно серьезные ошибки центрального правительства и саботаж со стороны Верховного Совета РСФСР, усилившие инфляцию и разрушение рынка, подтолкнули сепаратизм в республиках и областях. Не вызовет ли реформа, ориентированная на взлет цен и затяжной глубокий кризис, полное крушение межреспубликанских связей? О такой перспективе эксперты умалчивали, и, видимо, не случайно.

Не писали они и о том, что советский рынок, став частью мирового, должен был обрести вместе с тем и специфические черты: сырьевую направленность, монополизацию, большой избыток рабочей силы, криминализацию. В чем-то он, возможно, стал бы напоминать слаборазвитый рынок ряда стран Латинской Америки, каким он был в 1950–1960-е гг.

Эксперты опасались, что при переходе к рынку значительный рост денежных доходов населения подтолкнет (через повышение издержек и спроса) и без того огромный скачок общего уровня цен и превратит этот единовременный (как они полагали) скачок в бесконечную спираль инфляции. Поэтому в своих рекомендациях они предусматривали жесткое ограничение роста денежной заработной платы.

Механизм индексации и увязка заработной платы с доходами предприятий (предусматриваемые «Основными направлениями...») порождали опасность инфляционной спирали, поэтому от них рекомендовалось отказаться, заменив минимальным и максимально допустимым уровнем повышения зарплаты.

Таким образом, авторы рекомендаций полагают, что в переходный период к рынку (примерно в течение двух лет) реальная заработная плата должна быть существенно понижена.

В не меньшей степени их опасения вызывал и неизбежный в переходный период высокий уровень безработицы. Однако здесь они ограничивались указанием на необходимость изыскать источники финансирования пособий по безработице. Это, пожалуй, один из самых уязвимых пунктов всей системы рекомендаций «Доклада 4-х». В социальном аспекте массовая безработица поставила бы страну перед неразрешимой проблемой. На Западе эта проблема решается совершенно иначе, потому что там безработица давно уже сосуществует с экономическим ростом и высоким общим жизненным уровнем, к ней трудящиеся в той или иной мере социально и психологически приспособились (хотя, конечно, не примирились). К тому же безработицу на Западе удается сдерживать в определенных границах. В СССР же условия могли сложиться прямо противоположные и результат был бы тогда разрушительный: массовые забастовки, политические протесты, обострение межнациональных конфликтов.

Итак, авторы «Доклада 4-х» считают программу «Основные направления» реальной дорогой не к рыночному механизму, а к развалу экономики СССР, а свои рекомендации, по сути, единственно реальной дорогой к рынку.

Однако у этих двух документов есть общий подход. Оба исходят из того, что государственная власть в переходный период должна заниматься главным образом разрушением старого механизма — устранять административные структуры присвоения и управления. Что касается созидательной работы по реконструкции, реорганизации хозяйства и установлению системы рыночных связей, то ее должны выполнить стихийные силы, сами «свободные» предприятия; положительная роль государства сводится в основном к выработке законодательных рамок рынка.

Разница же заключается в следующем. Авторы «Основных направлений» не понимают, что «освобожденные» стихийные силы экономики СССР созидательную работу по образованию эффективного рынка выполнить не смогут — прежде всего из-за преобладания антиконкурентных производственно-технологических структур. Авторы же «Доклада 4-х» полностью сознают, что реальной стихийной экономической силы, заинтересованной в формировании конкурентного рынка и способной создать этот рынок, в СССР нет. Поэтому они и делают ставку на немедленное подключение советской экономики к мировому рынку, на созидательную (в отношении рыночного механизма) мощь зарубежных корпораций в качестве конкурентов и инвесторов.

Однако в период перехода к рыночному механизму на созидательную роль стихийных экономических сил — ни отечественных, ни зарубежных — полагаться нельзя. Почему нельзя полагаться на отечественные стихийные силы — убедительно показали авторы «Доклада 4-х».

Но и на зарубежные полагаться не менее опасно. Не может быть сомнений, что либерализация внешнеэкономической деятельности реально решит две задачи: в стране заработает рыночный механизм и осуществится интеграция в мирное хозяйство. Но при этом народное хозяйство как комплекс окажется в руинах, нормально будет работать и развиваться лишь часть отраслей, лишь часть предприятий. Ибо интеграция в мировое хозяйство будет означать коренную ломку тех трех барьеров, которые за десятилетия отделили нас от мирового хозяйства.

Первый барьер — это технологическая несовместимость. Большая часть технологий и продукции наших гражданских отраслей далека от мирового уровня, так что создать «общий рынок» технологий и продукции в ближайшие годы не удастся. Значительная доля наших заводов по этой причине должна или работать на внутренний, замкнутый рынок, или закрыться под влиянием внешней конкуренции.

Второй барьер — структурно-отраслевая несовместимость. Отраслевая структура нашего народного хозяйства, в общем, повторяет структуру мирового хозяйства; за исключением сырья и энергоносителей, у нас нет своей «ниши», нет прочных преимуществ в какой-либо группе отраслей производства. Что же касается нефти, газа, угля, руды и другого сырья, то в своем большинстве эти экспортируемые товары являются остродефицитными внутри страны. Это означает, что в процессе «либеральной» и «ускоренной» интеграции в мировое хозяйство целые отрасли нашей промышленности должны будут погибнуть, а другие сократить и перепрофилировать производство. Кроме того, тяжелейший структурный ограничитель — чрезмерно специализированное военное производство.

Третий барьер — уровень экономической эффективности предприятий. Хотя можно найти немало таких, которые способны выдержать ценовую конкуренцию, но большинство, чтобы остаться «на плаву», должны будут резко сократить реальную заработную плату. Различия в оплате одинакового труда в несколько раз на разных предприятиях вряд ли окажутся социально терпимыми в обществе, где предприятия имеют одного собственника — государство. Система же крупных постоянных дотаций из бюджета в принципе неприемлема для рыночного механизма. Все перечисленное в большой степени сводится к проблеме профессионального уровня работников — как руководящих, так и рядовых, как самостоятельных предпринимателей, так и исполнителей на крупных предприятиях. На мировом рынке во всех сферах действуют опытные

профессионалы высокого уровня, вступать в конкуренцию с которыми советские работники в большинстве случаев не готовы.

Рынок призван высвободить созидательную энергию и инициативу людей — в этом его основное назначение. Но результаты будут в решающей мере зависеть от профессионализма работников. Профессионал — это не только знающий специалист или умелый рабочий. Одних знаний и мастерства явно недостаточно. Профессионал должен ориентироваться в мировом уровне технологий и качества соответствующей продукции и услуг, в ценах и издержках. И в первую очередь уметь соотносить производительность своего труда с его оценкой. Он должен хорошо знать местный рынок, спрос как на свою продукцию, так и на необходимые средства труда и сырье. В число требуемых качеств входит умение организовывать свое рабочее место, наладить деловые контакты со всеми, кто связан с его профессиональной деятельностью. Словом, профессионал — это соединение специалиста с универсалом в своей сфере. Только такой работник будет эффективен в рыночных условиях. Но надо признать, что наша система обучения кадров полноценных профессионалов пока не готовит. Здесь также необходима реформа, ориентированная на рынок.

Поэтому, предлагая путь «ускоренной интеграции» в мировое хозяйство, авторы «Доклада 4-х» должны были бы представить конкретные расчеты, что это означало бы для объема производства, занятости, доходов в разных отраслях и регионах страны. Но расчеты не представлены. Нет и расчетов потребностей и возможностей в области внешних кредитов и прямых инвестиций.

И уж во всяком случае такие расчеты срочно должны сделать наши плановые, финансовые и отраслевые органы вместе с АН СССР.

Развертывание экономического кризиса в СССР весной 1991 г., обостренного забастовками и межнациональными конфликтами, заставило Кабинет Министров СССР разработать антикризисную программу. Фактически это означает, что пришлось признать несостоятельность «Основных направлений» и искать иные пути стабилизации экономики и перехода к рынку.

На формирование антикризисной программы большое влияние оказали рекомендации рассматриваемого в брошюре «Доклада 4-х». По существу, антикризисная программа представляет собой попытку соединить некоторые принципы «Основных направлений» с указанными рекомендациями. В программе обещано вывести экономику страны из кризиса и перейти к рынку курсом, который пролегает между Сциллой неуправляемой инфляции и Харибдой массовой безработицы. Программа восприняла главный тезис «Доклада 4-х» — о необходимости ускоренной интеграции в мировое хозяйство. Однако в Вашингтоне, где располагается не только правительство США, но и правление

МВФ, антикризисную программу восприняли прохладно. И не случайно, поскольку в этой программе предпринята попытка соединить несовместимые установки: прежний курс на «регулируемую инфляцию» с курсом на оздоровление финансовой и денежной системы. Впрочем, последнее только декларировалось, так как указанная программа не содержала мер по резкому сокращению бюджетного дефицита (на чем, вспомним, настаивали зарубежные эксперты). Столь же декларативно выглядели и меры по либерализации внешнеэкономических связей и по ряду других позиций.

Видимо, не без учета этой критической реакции в антикризисную программу были внесены существенные коррективы, резко приближающие ее к рекомендациям «Доклада 4-х». Так, введение внутренней конвертируемости рубля предусматривалось не в отдаленном будущем, а с 1 января 1992 г., намечены весьма сжатые сроки либерализации цен, составлено «расписание» для процессов разгосударствления и приватизации.

Тем не менее значительный скептицизм Запада сохраняется. Видимо, финансовые круги США, а также Японии, стоящие за спиной экспертов МВФ и МБРР, предпочитают придерживаться своей обычной тактики, испытанной на многих развивающихся странах: «все или ничего». Иными словами, или рекомендации «Доклада 4-х» будут выполнены полностью (включая резкое сокращение оборонных и социальных расходов, помощи зарубежным союзникам), или СССР будет отказано в кредитах.

Постепенно выясняется, что переход к рынку — лишь первое из условий оказания Советскому Союзу широкой финансовой помощи Запада. Госсекретарь США Дж. Бейкер сформулировал пять условий предоставления такой помощи: начало строительства рыночной экономики с частной собственностью, конкуренцией, стимулами, твердой валютой и свободными ценами; продвижение вперед к свободным выборам и обществу, базирующемуся на власти закона; прекращение поддержки репрессивных режимов; проведение переговоров с балтийскими государствами; осуществление существенных сокращений военных расходов и ускорение конверсии военных предприятий.

Как видим, здесь определена целая программа не только экономических, но и политических действий для советского правительства. Эти условия можно истолковать и так: некоторое ослабление категоричности предварительных требований по переходу к рынку («начало строительства» рынка), но при этом резкая эскалация политических и военных условий. США возвращаются к своему излюбленному методу «увязок».

В ответ со стороны советского руководства прозвучал призыв к лидерам Запада уважать особый путь СССР к цивилизации XXI в., не требовать, чтобы наша страна стала полностью похожа на Запад. Более того,

подчеркивается, что эти лидеры обязаны изменить свое философское осмысление реалий современного мира, имеющихся в связи с перестройкой в СССР. Практически это изменение должно реализоваться в переходе от выдвижения предварительных условий и требований к СССР со стороны Запада, прежде чем он окажет финансовую помощь, к выработке совместной программы действий на ряд лет.

Эта программа, по замыслу советского руководства, должна была бы служить трем взаимосвязанным задачам: стабилизации демократического процесса в СССР, интенсификации экономической реформы и интеграции его экономики в мировое хозяйство. Тем самым сотрудничество СССР — Запад вступило бы в новую фазу. При этом было отмечено: если договоренность о новой фазе сотрудничества не состоится, Советскому Союзу придется искать другой выбор, причем не откладывая (на данной оговорке мы подробнее остановимся ниже). Таким образом, подходу «Доклада 4-х» — сначала реформы, потом финансовая помощь — противопоставлен иной подход: реформы и финансовая помощь должны быть скоординированы во времени и по конкретным мероприятиям и осуществляться практически единовременно. Тем самым СССР как бы приглашает Запад участвовать в финансовом бремени и в финансовой ответственности за те рекомендации, которые он выдвигает.

Аргумент весомый, но при условии, что на Западе согласны с тезисом о том, что в успехе наших реформ заинтересовано не только советское общество, но и западные государства тоже. Тезис далеко не бесспорный, поскольку определенные круги на Западе открыто выражают свою заинтересованность в значительном экономическом и политическом ослаблении СССР, даже если они при этом и опасаются крайнего состояния хаоса на его территории.

В чем конкретно должна заключаться координация экономической реформы в СССР и финансовой помощи Запада?

Речь может идти, например, о конвертируемости рубля, которая по рекомендациям зарубежных экспертов должна вводиться безотлагательно. Даже если начинать с внутренней конвертируемости рубля, т.е. с его свободного обмена на твердую валюту внутри страны, то и в этом случае необходимы крупные валютные резервы. При отсутствии таковых спрос на валюту может резко превысить предложение, свободный курс рубля упадет немного ниже существовавших на тот момент трех центов. Результатом будет скупка за бесценок иностранцами (или их советскими партнерами) недвижимости, сырья, наем фактически дармовой рабочей силы. Встанет дилемма: либо отказаться от свободной конвертируемости рубля, либо вопреки принятым уже законам о предпринимательстве (собственном и иностранном) вводить административные запреты на сделки, т.е. уходить назад от рынка. Следовательно, нужен не любой курс, а регу-

лируемый в разумных пределах (как это и делается на Западе). Увы, мы не в состоянии ставить вопрос о том, чтобы в СССР за доллар (обмененный на рубли) можно было купить в среднем столько же товаров и услуг, сколько в США, — придется отдавать намного больше. В этом трагедия бедных — они всегда платят дороже, чем богачи, за одно и то же. И все же недопустимо, чтобы нашу страну ободрали как липку. Итак, до каких границ следует отступать? Если, к примеру, не далее 30 руб. за доллар, то могут потребоваться ориентировочно 12 млрд долл. для поддержки этого курса. А если мы захотим повысить его до 25 руб. за доллар, то при прочих равных условиях поддержку придется резко увеличить.

Готов Запад поддерживать усилия по проведению конвертируемости рубля, а если готов, то о каком предельном курсе рубля должна идти речь? Вопросы сложные, требующие не только принципиальной солидарности, но и учета многих конкретных интересов (включая также интересы отдельных союзных республик и государств Запада), а кроме всего, скрупулезных расчетов.

Еще больших расходов валюты потребует либерализация цен. В обстановке общего дефицита цены при их высвобождении могут подскочить так высоко, что многие необходимые товары станут доступны только сравнительно узкому кругу покупателей. Это мы наблюдаем на примере комиссионных (т.е. уже свободных) цен на обувь, одежду, посуду, мебель. Эти цены в несколько раз выше, чем новые, резко повышенные государственные. Чтобы предотвратить такой скачок, нужны мощная товарная интервенция, насыщение рынка при свободных ценах. В противном случае придется вводить карточную систему и возвращаться к управляемым ценам. Очевидно, что насытить рынки можно лишь за счет импорта, оплаченного западными кредитами.

Развитие рыночных отношений в стране невозможно без модернизации инфраструктуры (систем транспорта, связи, электро- и газоснабжения). Огромных вложений требует конверсия военного производства. Эти рекомендации содержатся в «Докладе 4-х», где также подчеркивается необходимость срочного расширения и обновления — на началах предпринимательства — «распределительной системы», т.е. сети торговых, складских, перерабатывающих предприятий, особенно в продовольственной сфере.

И тут возникает проблема, которую нелегко осознать руководителям нашего планового в прошлом хозяйства. Когда это хозяйство более или менее слаженно работало как единый комплекс, крупные западные фирмы рассматривали его как надежную систему, в которую при определенных гарантиях было выгодно внедриться со своими капиталами на отдельных участках. (С нашей стороны, за редким исключением, такие предложения отвергались.) Теперь, когда экономика СССР разла-

жена, когда наблюдается политическая нестабильность, отдельные, даже крупные, фирмы не рискуют вкладывать в нее капиталы. В современных условиях именно от западных фирм и правительств требуется скоординированный в межотраслевом разрезе программный, системный подход к инвестированию в советскую экономику. Такой подход гарантировал бы взаимоподдержку иностранных инвестиций, а тем самым гарантировал бы их прибыльность.

Однако (именно этот момент труден для понимания) западные, особенно американские, фирмы плохо приспособлены к такому широкому планомерному объединению усилий. В лучшем случае они в состоянии образовать специализированные консорциумы для реализации отдельных больших объектов. В остальном же они стараются конкурировать, а не кооперироваться друг с другом. Поэтому сама возможность «совместной программы действий» с Западом, как она видится из окон советских ведомств, весьма призрачна. Не говоря уже о самой принципиальной готовности к финансированию.

Состоявшаяся в июле 1991 г. в Лондоне встреча руководителей семи ведущих стран Запада с М.С. Горбачевым показала, что «семерка» не собирается отступать от принципиальных рекомендаций «Доклада 4-х», требуя от СССР радикальных реформ и интеграции в мировое хозяйство как предварительных условий финансовой помощи. Тем настоятельней потребность в приемлемой альтернативе.

Организация конкурентных рынков (упущенная возможность бескризисного перехода к рынку)

С учетом последующих событий 1990-х гг. можно сделать вывод, что истинные цели, которые ставили авторы доклада-программы МВФ, состояли в том, чтобы: 1) разрушить промышленный потенциал России; 2) превратить Россию в энергосырьевой придаток развитых стран, оторвав ее экономику от экономики других союзных республик; 3) навязать России квазиамериканскую модель капитализма образца 1980-х гг. — вариант «спекулятивного капитализма».

Эти цели в основном совпадали с целями Ельцина и его реформаторов, стремившихся укрепить свою политическую власть и захватить контроль над материальными ресурсами путем разрушения всей системы институтов и организаций оказавшегося несостоятельным советского общества и замены их строем коррупционно-олигархического капитализма.

Отсюда следует, что сама постановка вопроса о возможности бескризисных реформ приобретает смысл только в том случае, если перед реформами ставились бы совсем иные социально-политические цели: 1) перестройка и укрепление промышленного потенциала России,

ее связей с экономикой других союзных республик; 2) построение социально ориентированной рыночной системы скандинавского типа; 3) поэтапное повышение на этих основах жизненного уровня населения.

В 1990 г. и до августа 1991 г. в России еще имелись политические условия для социал-реформистской направленности развития реформ, из чего и исходили авторы и программы «500 дней», и доклада Комиссии ЕС.

Однако они не учли, что в условиях России эти цели не могли быть достигнуты методами либерализации. Эти методы здесь «работали» против социально ориентированных целей, против стабилизации, против развития, в пользу «революционеров»-разрушителей.

Как отмечено выше, альтернативный подход был нами предложен еще осенью 1989 г., а затем — в 1990 г. В августе 1991 г. (по иронии судьбы, ровно за неделю до путча ГКЧП) вышла из печати моя брошюра по этой проблеме, отрывок из которой приводится ниже[1].

Наиболее сложная задача из всех — это найти то единственное сочетание общечеловеческих и социальных форм рынка с национальной спецификой страны, которое только и позволяет надеяться на успех.

Ни в коей мере не претендуя на решение указанной задачи, попытаемся нащупать хотя бы некоторые подходы к ней.

Долговременным фактором развития рынка в СССР явится глубокий разрыв в экономическом уровне отдельных регионов при ограниченной мобильности ресурсов. Еще более велик разрыв по социальной инфраструктуре между городом и селом. Эти и другие диспропорции обусловливают потребность в повышенном уровне государственного регулирования рыночных процессов на длительный срок, с особым упором на структурные и социальные программы.

Чрезвычайно широкое разнообразие экономических и социальных условий и суверенитет республик требуют децентрализации в регулировании рынков при наличии координирующего центра. По существу, речь должна идти о формировании совокупности взаимосвязанных республиканских рынков с автономными, но координируемыми механизмами регулирования. «Единое экономическое пространство» СССР по необходимости должно быть структурным, ибо преодолеть межрегиональные диспропорции в обозримом будущем вряд ли удастся. Во всяком случае, Западной Европе не удалось завершить эту задачу за четыре послевоенных десятилетия.

Учитывая сложившиеся традиции в области трудовых отношений, социальной психологии широких слоев населения, межнациональных отношений, центральное внимание на длительную перспективу должно быть обращено на формирование цивилизованного рынка труда. Имеется в виду система, способная обеспечить добровольное организованное

[1] *Ольсевич Ю.Я.* Рекомендации МВФ: вариант для СССР? М.: Знание, 1991. С. 46–61.

переобучение, психологическую переориентацию, межотраслевое и межрегиональное перемещение десятков миллионов человек.

Учитывая общую экономическую и техническую отсталость экономики страны, придется на весьма длительный срок сохранить повышенную степень внешней защищенности национального рынка; при этом следует постепенно, но неуклонно реализовать программы интеграции экономики СССР во всемирное хозяйство.

Выяснять отдаленные цели легче и безопасней, чем найти пути к их реализации.

Теперь уже не только зарубежные эксперты, но и руководители нашей страны говорили о том, что правительственная программа перестройки в целом оказалась несостоятельной. Причины провала объясняют поразному: одни — нерешительным лидерством, другие — преждевременным отказом от административного контроля.

Но действительная причина, думается, все же в другом. Представим себе на минуту, что в современной западной стране с развитым рыночным хозяйством внезапно вводится жесткое централизованное планирование, административное управление. Убедившись в течение двухтрех лет, что эффективность экономики падает, правительство решает вернуться к рынку. Отменяя централизованное управление, возвращая экономическую власть менеджерам, профсоюзам, собственникам, государство с полным основанием может полагаться на возрождение стихийных сил самоорганизации.

Теперь обратимся к нашему хозяйству, где долгие годы насаждалась узкая специализация производства, искоренялись параллелизм, дублирование, малейшее проявление конкуренции, да и просто хозяйственной инициативы, где преобладают гигантские предприятия и почти отсутствуют мелкие. И при этом центральное место занимает привилегированный военно-промышленный комплекс.

Экономика регионов перекорежена произволом центральных ведомств, потребление сдерживалось на низком уровне. К чему в этих условиях ведет отмена сложившихся централистских методов управления? Только к тому, что все накопившиеся деформации разом выходят наружу и стихийное развитие приобретает взрывоопасный катастрофический характер.

Причина неудачи перестройки в том, что был избран метод, противоречащий нашим условиям. В глубоко деформированном обществе либерализация ведет не к демократии, не к рынку, а к общественному хаосу и экономическому кризису. Для деформированного общества единственно возможный надежный и бескризисный путь перестройки — это путь не либерализации, а демократической реорганизации.

Применительно к экономике это означает прежде всего формирование конкурентных производственных структур, т.е. таких условий,

когда выпуском однородной продукции занимаются десятки и сотни предприятий. Но для этого потребуется большая работа — создание малых предприятий, сборочных заводов из импортных комплектующих деталей, перепрофилирование производств, модернизация технологий, привлечение иностранных торговцев, переориентация кредита.

Следует заметить, что приватизация собственности, на которую догматически уповают иные реформаторы, сама по себе не способна решить центральную проблему формирования конкурентных рынков. Она открывает путь лишь развитию мелкого предпринимательства. Главная же трудность — в монопольном положении крупных предприятий, и здесь смена собственника будет означать лишь замену государственной монополии еще худшими ее формами. Характерно, что и зарубежные эксперты не считают такую смену условием перехода к рынку, ибо понимают, что решение проблемы лежит в иной плоскости.

Вместо того чтобы в центр внимания поставить конструктивную работу по рыночной реорганизации производства, правительство сосредоточило внимание сперва на ликвидации планового управления, а затем на повышении и «высвобождении» цен. Однако когда отсутствует конкуренция, такое высвобождение ведет к инфляции и свертыванию производства. Рост цен в этих условиях — это вовсе не путь к рынку, а средство переложить на население огромное удорожание продукции из-за развала экономики.

Не декларативный, а реальный переход к рынку требует выработки адекватного, прагматического мышления в экономической политике. Общий принцип, которым пока еще руководствуются, можно изложить следующим образом: направление перемен установлено, теперь можно начать действовать, а как все конкретно будет складываться, видно будет из практики. Можно ли считать такой подход проявлением нового мышления? Скорее это как раз старое мышление, порожденное десятилетиями частичных «улучшений» и «приспособлений». Старое мышление — вовсе не «глупое мышление». Оно вполне пригодно, когда уже есть действующая модель, система, а задача состоит в том, чтобы ее улучшить, частично изменять в определенном направлении. Но когда требуется перейти от существующей модели к принципиально иной, «направленческий» подход — это путь к катастрофе (подобно езде по компасу, но без дороги, по оврагам и болотам). Прежде чем начинать экономические реформы, следовало четко определить основные параметры новой хозяйственной модели. Ибо если у машины нет хотя бы одного колеса или зажигания — от всего остального толку мало: будет груда деталей.

Между тем до сих пор у хозяйственного руководства страны вообще нет достаточной ясности в том, какую хозяйственную систему мы строим. Более того, похоже, что руководство по-прежнему не стремится к та-

кой ясности. Видимо, сохраняется желание оставить поле для маневра. Это и есть образец старого политизированного и идеологизированного подхода к экономике. Результатом, весьма вероятно, будут новые экономические и политические потери.

Разумеется, невозможно все предвидеть и все заранее «расписать». Но никто и не ставит такой задачи. Речь идет лишь о том, что совершенно недостаточно поставить только общую цель. Необходимый минимум стартовой информации, без которого переход к рынку обречен на провал, — это главные структурные составляющие той работоспособной модели рынка, которую предстоит создать[1].

Минимально необходимая четкость целевой модели — первое, но не единственное отсутствующее пока условие успеха.

Второе условие — понимание исходного механизма, его сильных и слабых сторон, противоречий, его пригодных и непригодных элементов, понимание сложившейся общественной системы в целом.

Самая тяжелая ошибка хозяйственной политики за годы перестройки — избранный метод перехода к рынку, который следует охарактеризовать как либерализацию. Это образец формально нового, а по существу, старого мышления, когда администрированию механически противопоставляют «свободу». Новое мышление должно исходить из того, что современная экономика требует не команд и не свободы, а рыночной организации, тем более в переходный период.

Учитывая глубоко и всесторонне деформированную структуру нашей экономики (и общества в целом), было допустимо избрать только метод рыночной реорганизации. Здесь нет альтернативы. Государство само должно было «конструировать» национальный рынок, преобразуя планово-распределительные структуры управления во временные вспомогательные структуры конкурентного рынка. Это был единственно возможный путь перехода к рыночной модели без тяжелого кризиса и без того, чтобы впасть в экономическую зависимость от Запада. Путь реорганизации был необходим потому, что деформированная экономика по мере ее либерализации от административных рычагов и запретов будет все более погружаться в хронический кризис из-за своей несбалансированности.

Путь реорганизации (охватывающей материальное производство, хозяйственные структуры, кредитно-финансовую сферу, законодательство и др.) был и остается вполне возможным и реалистичным, он соответствует нашим навыкам, кадрам, рычагам управления и т.д.

---

[1] Предполагалось, что возможная цель реформы — создание социалистического конкурентного рынка (т.е. полная хозяйственная самостоятельность предприятий при сохранении государственной и кооперативной собственности в ключевых сферах экономики).

Путь реорганизации все еще возможен, но теперь идти по нему придется не административной, а более трудной, финансово-кредитной дорогой. Но это по-прежнему единственный бескризисный, надежный путь.

В нашу задачу не входит подробно обосновывать альтернативную программу. Выдвинем лишь такой вопрос: возможен ли для СССР путь к рынку, который был бы вполне реален и не сопровождался бы разрушительными последствиями для производственного потенциала, занятости и доходов?

С уверенностью утверждаем, что вполне возможен. Но это не путь либерализации и упования на стихийные силы — внутренние и зарубежные. Это путь организованной, планомерной перестройки производственных структур с целью создания конкурентных товарных рынков со свободным ценообразованием.

Дилемма такова: если мы хотим иметь рыночную свободу сегодня — мы получаем разруху завтра; если же мы согласимся на планомерную организованную работу в течение полутора-двух лет — у нас будет эффективный рыночный механизм.

Указанная работа должна включать:

— выявление реального соотношения спроса и предложения по каждой товарной группе и мер, необходимых для обеспечения свободной конкуренции между производителями и между оптовыми покупателями, при соблюдении требований прибыльности;
— разработку, исходя из расчетов по товарным рынкам, на каждом предприятии программ перехода к условиям рыночной конкуренции без снижения общего выпуска и при выявлении дефицита или избытка трудовых ресурсов для их переподготовки и перераспределения[1];
— проведение мер по инвестированию, разукрупнению, перепрофилированию, модернизации, реорганизации с ориентацией на достижение равновесия спроса и предложения на оптовых рынках;
— настройку банковской и финансовой систем на содействие организации товарных рынков, находящихся в состоянии конкурентного равновесия, при изъятии избыточной ликвидности у предприятий

[1] Как известно, в нашей стране до сих пор нет таких цен на товары, услуги, факторы производства (труд, капитал, первичные естественные ресурсы), которые бы выражали устойчивое соотношение спроса и предложения на них, т.е. соотношение между реальными потребностями общества и возможностями производства. Такие цены способен выработать только действующий конкурентный рынок. Поэтому «вычислить» рыночные цены до введения такого рынка можно только условно, приблизительно, в виде некоторой «вилки» верхнего и нижнего пределов, внутри которой окажется конкурентная оптовая цена. Эти пределы диктуются границами разумной рентабельности такой цены одновременно и для производителя, и для потребителя.

в одних случаях и при целевом дополнительном кредитовании (и финансировании) — в других;
- создание системы конечной подчиненности оптовых рынков регулируемым розничным и временной системы дотационного перехода от оптовых к розничным ценам, чтобы дефицит на розничном рынке не препятствовал установлению конкурентных цен на оптовом, если по ряду товаров первой необходимости розничные цены «освобождать» нецелесообразно;
- организованный допуск на товарные рынки в качестве продавцов, покупателей и инвесторов иностранных фирм исходя из интересов обеспечения конкурентного равновесия;
- жесткое подчинение реформы отношений собственности требованию создать механизм рыночной конкуренции. Для этого на крупных и средних предприятиях (с числом занятых более 200 человек) собственность отделить от управления (используя опыт Запада). Отраслевые и вертикальные «ассоциации» запретить одновременно с созданием конкурентных условий.

В том, что в течение полутора-двух лет возможно превратить монополизированные рынки в конкурентные, сомневаться не приходится, ибо есть опыт Запада. Помимо разукрупнения этому будут способствовать:
- быстрая организация сборочных производств на базе импортных деталей, особенно в импортозамещающих сферах;
- целенаправленное поощрение мелкого производства (шагом в правильном направлении является недавнее решение Кабинета Министров СССР поощрять создание мелких металлургических заводов, использующих металлолом);
- ограничение экспорта товаров, дефицитных в стране (при условии, что это не обостряет дефицит на других жизненно важных направлениях);
- льготные условия для иностранных инвесторов и торговых фирм в наиболее монополизированных отраслях.

Из сказанного ясно, что «третий путь» не отвергает идею «интеграции в мировое хозяйство», напротив, включает ее. Но он предполагает, что эта интеграция будет протекать не стихийно, а организованно, и не в интересах только зарубежных фирм, а прежде всего в интересах ускоренного формирования национального рынка в СССР.

В «Основных направлениях» задача стабилизации экономики вынесена как первоочередная, а создание рынка — как последующая. «Доклад 4-х» объединяет ту и другую в одну комплексную программу «первого большого шага».

При нашем подходе именно немедленный переход к организации рынков — путь к стабилизации. Было бы весьма полезно внимательно

но изучить и использовать опыт формирования конкурентных рынков в послевоенные годы в ФРГ и Японии, более поздний опыт Мексики, Южной Кореи и ряда других стран.

Организация конкурентных рынков позволит относительно быстро расширить производство, повысить эффективность, что и будет решением проблемы «избыточного спроса населения» (если только государство не будет продолжать самоубийственную политику обманчивого повышения денежных доходов за счет эмиссии). Линия же «Основных направлений» на рост цен, инфляцию — «дорога в никуда», а точнее, к натурализации и распаду хозяйственных связей.

Можно ли считать, что «поезд уже ушел» и предприятия «загнать» на организованные товарные рынки невозможно, а тем более невозможно подвергать реорганизациям, дроблению, слияниям? Еще два-три года назад рыночную реорганизацию можно было осуществить планово-административными методами. Теперь такие методы уже недейственны. Однако пока финансовая и кредитная система находятся в руках государства, сохраняются и рычаги, посредством которых можно осуществить организацию рынков экономическими методами. Последние включают налоговые льготы, субсидии, кредиты, ценовое регулирование.

Такую программу поддержат и коллективы предприятий, поскольку наличие определенных рынков с определенными условиями конкуренции и первоначально установленной вилкой минимальных и максимальных цен даст этим коллективам ориентир и уверенность в работе по перестройке производства, одновременно и самостоятельность, и гарантии доходов[1].

Кому были нужны «великие потрясения»?

Можно считать, что доклад МВФ перевернул с ног на голову принятое в науке представление о соотношении между стабилизацией (антикризисные меры) и либерализацией (реформа). Если общее мнение считало стабилизацию предпосылкой реформы, то эксперты предложили немедленное проведение либерализации цен, внешней торговли, валютных отношений как средство преодоления кризиса.

Эта «революционная» программа, по существу, перечеркивала все другие программы (включая и программу «500 дней», и доклад экспертов ЕС) и обошлась России глубоким многолетним кризисом.

Именно эту «шоковую» программу взялось выполнить правительство Е. Гайдара, о чем оно официально уведомило МВФ в конце 1991 г. Откуда взялись эти ретивые исполнители? Ведь почти до конца 1980-х гг.

[1] См. также нашу статью «Неизбежен ли кризис?» // Огонек. — 1990. — № 8.

Гайдар и его единомышленники разделяли «градуалистский» подход, о чем свидетельствуют их публикации[1].

Можно ли считать, что эксперты МВФ ошиблись, или же их целью с самого начала была вовсе не стабилизация экономики СССР, а, наоборот, углубление и расширение кризиса, превращение его в экономическую катастрофу?

Разработка программы МВФ велась под непосредственным контролем администрации США (Минфина и ЦРУ), которая не скрывала своей цели — ослабить и дезорганизовать экономику СССР. Именно с этой целью в США ранее была развернута программа «звездных войн» и было заключено соглашение Рейгана с арабскими шейхами о понижении мировых цен на нефть в 3–4 раза. Одним из сотрудников ЦРУ, который специально изучал воздействие усиления гонки вооружений на ослабление СССР, был не кто иной, как А. Гринспен, будущий глава ФРС. Было бы странно, если бы в таком контексте МВФ, подконтрольный США и НАТО, вдруг выступил бы с предложениями, направленными на укрепление экономики СССР.

Задача дезорганизовать экономику СССР полностью соответствовала и политическим целям Б.Н. Ельцина и его единомышленников. На протяжении 1990–1991 гг. им выдвигались призывы «не допускать повышения розничных цен», «не платить налоги Центру», «присваивать столько суверенитета, сколько можно проглотить», требование полной независимости республик, т.е. роспуска СССР, ведущего к разрыву хозяйственных связей.

После захвата власти и роспуска СССР фактическая политическая установка на дезорганизацию хозяйства не ослабла, а усилилась. Ельцин не мог не понимать, что переворот августа 1991 г. носил верхушечный

[1] Е.Т. Гайдар так отвечает на этот вопрос: «К тому времени, когда V съезд дав президенту дополнительные полномочия, открыл дорогу к углублению экономических реформ, шесть лет колебаний, нерешительности, компромиссов уже породили настоящий социально-экономический хаос... Все прекрасно понимали, что пришло время расплаты за годы финансовой безответственности, за неплатежеспособность Внешэкономбанка, за разворованные природные ресурсы страны, за разваленные финансы, за неработающий рубль, за пустоту прилавков, за все те социальные демагогические обещания, которые раздавались вволю на протяжении последних лет... Осень 1991 г. — это уже крутое падение общественного производства, это быстро останавливающаяся черная металлургия, за чем явно вставала угроза остановки всего машиностроения и строительства. Осень 1991 г. — это время глубокого уныния и пессимизма, ожидания голода и холода. Все, кто в этой сложной ситуации решил бы и дальше тратить время на бесконечные и бесплодные дискуссии о безболезненных путях перехода к рынку, стабилизации экономики, ждать создания конкурентно-рыночной среды и формирования эффективной частной собственности, дождался бы паралича производства, гибели российской демократии и самой государственности» (VI съезд народных депутатов Российской Федерации. 6–21 апреля 1992 г. Стенографический отчет. М.: Республика, 1992. Т. 1. С. 151).

характер, он сломал только «верхушку» советской системы власти, а в остальном пирамида организаций и ее кадры (прежде всего ненавистная Ельцину партбюрократия) сохранились и представляли потенциальную угрозу новой «верхушке», особенно если новая власть вздумала бы своими указами ликвидировать эти организации. Был другой способ лишить эти организации силы — метод инфляционного понижения зарплат, метод резкого сокращения бюджетного финансирования, метод удушения предприятий посредством либерализации импорта, цен на энергоносители и сырье и т. п., т.е. методы «шоковой терапии».

Такими способами были постепенно придушены армия, органы внутренних дел и госбезопасности с их офицерским корпусом, обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство с их «красными директорами» и «председателями», медицина, образование, наука с их «советской интеллигенцией».

Ельцин, конечно, лукавил, когда, уже находясь в отставке, заявил, что его деятельность в 1990-е гг. в сфере политики была успешной, а хозяйственная политика — нет («экономисты, понимашь, подвели»). С точки зрения достижения главной цели мстительного властолюбца Б. Ельцина — укрепления личной власти и подавления оппозиции — его политика дезорганизации и дестабилизации хозяйства путем тотальной либерализации и клановой приватизации оказалась вполне успешной. Если «советская» промышленность и социальная сфера лежали в руинах, то новое чиновничество и генералитет процветали за счет коррупции и тех 20 млрд долл., в которых МВФ отказал Горбачеву, но которые были предоставлены Ельцину; процветал и новый класс доверенных «прихватизаторов», разбогатевших за счет разграбления государственного имущества и природных богатств, защищаемый полумиллионной армией хорошо вооруженной и оплачиваемой частной охраны, процветали банки и торговля (в основном за счет импорта и экспорта).

Поэтому следует согласиться с одним из близких сотрудников Е. Гайдара, В. Мау, когда он (в соавторстве с К. Роговым) пишет: «Обычно деятельность Гайдара в правительстве России 1992 г. сводят к политике ускоренного перехода к рыночной экономике, так называемой «шоковой терапии». Между тем главные усилия и важнейшие результаты деятельности гайдаровского правительства были вовсе не экономические (при всей их важности), а политические»[1].

Правда, сам Гайдар по прошествии ряда лет оценивал эти «важнейшие результаты» совсем не так апологически, как названные авторы. Он полагал, что в итоге шоковых реформ сложился «криминально-бю-

[1] *Мау В., Рогов К.* Егор Гайдар: штрихи к будущей биографии // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 143.

рократический капитализм». В том, что этот капитализм был подведен под ельцинский политический режим в качестве его опоры, и следует видеть важнейший политический результат деятельности правительства Гайдара. Результат, который, видимо, не радовал творца, а тяжкой гирей висел на его совести вплоть до безвременной кончины.

Как отмечено выше, Гайдар и его единомышленники, вошедшие в правительство Ельцина осенью 1991 г., до конца 1980-х гг. были убежденными демократами «градуалистами» (о чем свидетельствуют их публикации). Что заставило их в столь короткий срок превратиться в антисоциальных «шокотерапевтов»?

О.И. Ананьин полагает, что решающую роль сыграли два фактора: 1) быстрое ухудшение экономического положения СССР привело к переплетению проблем реформирования с проблемами стабилизации; 2) непосредственное влияние ведущих экономистов мейнстрима (Р. Дорнбуша, В. Нордхауса, Л. Лэйрда), в семинаре которых они учились.

Процитируем это место из статьи О.И. Ананьина полностью.

«Тщательно разработанные проекты поэтапных реформ были отброшены вместе с идеей опоры на общественное согласие как их социальную предпосылку: в 1990 г. группа будущих реформаторов посетила Чили, и многие из них вернулись поклонниками Пиночета. В том же году вновь созданная Ассоциация социальных и экономических наук во главе с Анатолием Чубайсом выпустила аналитический отчет с целью «исследования возможных последствий ускоренного перехода СССР к рыночной экономике (концепция «большого скачка»)»... Отчет утверждал, что «базовые идеи концепции «большого скачка» представляются рациональными и своевременными», при том, что среди ближайших социальных последствий ее назывались «общее снижение уровня жизни; рост дифференциации цен и доходов населения и возникновение массовой безработицы».

«В этих условиях, — говорилось далее в документе, — правительству очень важно принять правильный тон по отношению к обществу: с одной стороны — готовность к диалогу, с другой стороны — никаких извинений и колебаний... Совершенно необходимы меры прямого подавления по отношению к представителям, реально не пользующимся поддержкой населения (что показали выборы)... Реформа или по крайней мере подготовка к ней общественного мнения должна быть начата как можно быстрее — до формирования мощной оппозиционной прессы, то есть пока контроль за основной частью mass-media остается в руках правительства (не исключено, что с этой целью придется задержать принятие законов о печати и о политических партиях)...; в самое ближайшее время идеологам реформы из состава политического руководства стра-

ны необходимо поставить под свой контроль все центральные средства массовой информации»[1].

Как мы видим, уже в 1990 г. многие молодые российские реформаторы были готовы идти дорогой таких шоковых реформ, которые были подготовлены для Чили экономистами мейнстрима и осуществлены кровавым генералом Пиночетом (позже осужденным и признанным невменяемым). Они усердно поддерживали действия Ельцина по созданию в СССР ситуации хаоса и кризиса, чтобы потом ссылаться на эту ситуацию для оправдания необходимости драконовской реформы.

Для полноты картины отметим, что с начала шоковой реформы (т.е. с января 1992 г.) правительство Гайдара находилось под жестким оперативным контролем доверенных лиц МВФ (читай — Минфина и ЦРУ США) — Дж. Сакса, А. Ослунда, Л. Лэйрда и других, официально действовавших в качестве «советников», причем основную часть своей зарплаты многотысячный аппарат правительства получал из американских частных фондов. Действовал старый принцип Аль Капоне: добрый совет — хорошо, но добрый совет плюс пистолет (в данном случае — финансовый) значительно лучше.

«Реформаторы» до сих пор любят ссылаться на П.А. Столыпина, который, обращаясь к революционерам, сказал: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Революционеру Ельцину (как он сам себя назвал) и его единомышленникам как раз и нужны были великие потрясения (т.е. шоковые реформы), чтобы Великую Россию (СССР) превратить в отсталый энергосырьевой придаток индустриальных стран, над которым можно бесконтрольно властвовать. В.В. Путин, преемник Ельцина, вынужден был признать, что распад СССР — величайшая трагедия XX в.

[1] *Ананьин О.И.* Как сложилась команда реформаторов и ее программа... // Мир России. 2012. №1. С. 9 (Автор статьи ссылается на Аналитическую записку «Жестким курсом...», фрагмент, опубликованную в журнале «Век XX и мир» (1990. № 6. С. 15, 16, 18).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XXI В.

Курс лекций

Под редакцией
А.Г. Худокормова, Т.А. Дробышевской

ISBN 978-5-906932-03-7

